No. 1. Январь, 1928 г.

No. 1. Январь, 1928 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ Правленія. — *Высочайшія телеграммы.* — *Изъ жизни Союза.* — *Кн. Федоръ Косаткинъ - Ростовскій:* «Комбатанты» (стихотвореніе). — Политическій обзоръ. — *А. Степановъ:* Царскій смотръ. — *Въ совѣтской Россіи:* Борьба внутри коммунистической партіи. Финансовыя затрудненія совѣтской власти. — *А. Н. Виноградскій:* Парижскіе Военно - Научные Курсы. — Изъ военной жизни. — Письма съ мѣстъ. — Изъ жизни другихъ союзовъ.

Отъ Правленія.

Идя навстрѣчу пожеланіямъ членовъ союза, — тѣснѣе поддерживать связь центра съ отдѣлами, группировками и отдѣльными членами, живущими вдали отъ Парижа и, не имѣя возможности, при наличіи въ союзѣ свыше 4.000 членовъ, сдѣлать это при помощи писемъ и общихъ собраній, Правленіе рѣшило приступить къ періодическимъ выпускамъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, «Вѣстника Союза Офицеровъ Участниковъ Войны».

Правленіе не смотритъ на Вѣстникъ, какъ на журналъ и считаетъ, что онъ вполнѣ выполнитъ свое назначеніе, если дастъ необходимую информацію и возможность установить связь

Правленіе ставитъ Вѣстнику слѣдующія задачи: 1) яркими картинами изъ славнаго прошлаго поддержать и воскресить въ памяти тѣ свѣтлые завѣты и традиціи, которыми были такъ сильны наши доблестныя арміи и флотъ и которыя всѣмъ намъ такъ безгранично дороги; 2) дать полную, подробную картину жизни нашего союза и его пяти отдѣловъ (Ницца, Марсель, Ліонъ, Туркуанъ и Тунисъ); 3) въ самыхъ общихъ чертахъ правдиво освѣтить современное положеніе въ Европѣ, совѣтской Россіи и другихъ странахъ; 4) освѣдомлять, въ мѣрѣ возможности, о всемъ новомъ въ военномъ дѣлѣ; 5) посильно разъяснять всѣ тѣ вопросы, которые будутъ подняты членами союза и читателями и 6) ввиду просьбъ другихъ союзовъ о помѣщеніи краткихъ свѣдѣній объ ихъ жизни, предоставлять, по возможности, для этой цѣли мѣсто на страницахъ Вѣстника.

Высочайшіе телеграммы.

Въ день 80 - лѣтія Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны отъ Союза была послана привѣтственная почтотелеграмма Ея Императорскому Величеству, на которую послѣдовалъ нижеприлагаемый отвѣтъ :

Генералу Арсеньеву. *Парижъ.*

Искренно благодарю Васъ и Союзъ офицеровъ участниковъ войны во Франціи за поздравленіе и выраженныя чувства.

МАРІЯ.

Въ день 50 - лѣтія со дня паденія Плевны, Союзъ Офицеровъ служилъ, въ церкви на ул. Дарю, торжественную панихиду и получилъ отъ *Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича* телеграмму :

Генералъ - Лейтенанту Арсеньеву.

Сердечно благодарю боевыхъ Офицеровъ, соединенныхъ подъ лозунгомъ « За Вѣру, Царя и Отечество » въ Союзъ Участниковъ Войны, за ихъ молитвы, память обо мнѣ, какъ Участникѣ Войны, пожеланія и привѣтствія въ день 50 - лѣтняго юбилея паденія Плевны, — день новаго геройскаго подвига Русской Арміи.

30 ноября 1927 года. НИКОЛАЙ.

Шуаньи.

которая послѣдовала въ отвѣтъ на нижеслѣдующую почтотелеграмму :

Боевые офицеры, объединенные подъ вѣковымъ лозунгомъ «За Вѣру Царя и Отечество», въ Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны, въ день 50-лѣтія паденія Плевны молитвенно поминаютъ память Государя Императора Освободителя Славянъ и Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміей Вашего Августѣйшаго Родителя и просятъ Ваше Императорское Высочество, славнаго участника геройской войны, принять наше привѣтствіе и пожеланіе силъ и здоровья на долгіе годы.

Въ отвѣтъ на поднесенный Союзомъ Е. И. В. Великой Княгинѣ Еленѣ Владиміровнѣ поздравительный адресъ по случаю 25-лѣтія Ея бракосочетанія, Ея Императорское Высочество прислала Союзу письмо слѣдующаго содержанія :

Союзу Офицеровъ Участниковъ Войны.

Поздравленіе Офицеровъ Участниковъ Войны съ днемъ моей серебряной свадьбы сердечно тронуло меня и Королевича и мы приносимъ Союзу нашу искреннюю благодарность.

Да поможетъ Господь Вамъ, доблестные защитники Родины, объединившіеся здѣсь, въ разсѣяніи, подъ старымъ девизомъ «За Вѣру, Царя и Отечество», донести это священное знамя до Родной Земли.

1 ноября 1927 года. ЕЛЕНА.

Парижъ.

Изъ жизни союза.

КАНЦЕЛЯРІЯ СОЮЗА.

Адресъ канцеляріи — 2, бульваръ Ланнъ; метро: «Портъ Дофинъ» — помѣщается на валу, въ баракѣ съ вышкой; открыта: по воскресеніямъ — отъ 2-хъ до 4-хъ, по вторникамъ — отъ 4-хъ до 6-ти, по средамъ — отъ 6-ти до 8-ми, по пятницамъ — отъ 4-хъ до 6-ти. При всѣхъ письменныхъ обращеніяхъ въ канцелярію слѣдуетъ указывать свой адресъ, чинъ, фамилію, № членской карточки и годъ ея выдачи.

ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКОЙ КАРТОЧКИ НА 1928 ГОДЪ

Производится въ пріемные дни и часы въ Канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ либо причинамъ не могущіе перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу: *Union des Officiers Russes, 2, Bd Lannes, Paris (XVI)*, съ вложеніемъ членскаго взноса и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЧЛЕНАМЪ СОЮЗА

Оказывается юрисъ - консультомъ Союза присяжнымъ повѣреннымъ *Павломъ Алексѣевичемъ Соколовымъ;* нуждающимся въ этомъ членамъ обращаться по средамъ отъ 6 час. веч. въ канцелярію Союза.

ЗАПИСЬ ВЪ СОЮЗЪ

Г. г. офицеры, желающіе записаться въ Союзъ, должны представить въ канцелярію свои офицерскіе документы, послѣ чего, заполнивъ опросный листъ, вернуть его въ канцелярію съ рекомендательными подписями 2-хъ членовъ Союза, состоящихъ въ немъ не менѣе 1 года, съ указаніемъ №№ ихъ членскихъ карточекъ и года выдачи, 10 фр. годового членскаго взноса, одной фотографіи, а иногородніе, кромѣ того и конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. По разсмотрѣніи опроснаго листа Пріемной Комиссіей и зачисленіи въ Союзъ выдается или высылается членская карточка, на которую наклеивается фотографическая карточка, проштемпелеванная печатью Союза.

Въ теченіе 1927 года запись новыхъ членовъ по мѣсяцамъ выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Прибыло новыхъ членовъ : въ январѣ — 24, февралѣ — 58, мартѣ — 58, апрѣлѣ — 44, маѣ — 29, іюнѣ — 22, іюлѣ — 28, августѣ — 34, сентябрѣ — 19, октябрѣ — 27, ноябрѣ 31, декабрѣ — 36. *Итого — 411 г. г. офицеровъ.*

КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ СОЮЗА

Организованная Правленіемъ Союза Касса Взаимопомощи Офицеровъ, дѣйствующая по положенію о Кассахъ Офицерскихъ заемныхъ капиталовъ въ воинскихъ частяхъ; оказала за 10 мѣсяцевъ своего существованія заимообразную помощь 73 членамъ Союза.

Состоитъ членами кассы 137 г. г. офицеровъ. Цифра эта является совершенно ничтожной по сравненію съ числомъ членовъ Союза, исчисляемыхъ тысячами.

Долгъ всѣхъ членовъ Союза поддержать это дѣло, этотъ единственный, часто послѣдній, якорь спасенія для многихъ, впавшихъ въ нужду, г. г. офицеровъ. Необходимо записываться въ кассу не только тѣмъ, кто предполагаетъ прибѣгнуть къ ссудѣ, но и членамъ Союза обезпеченнымъ. Увеличеніе суммъ Кассы дастъ возможность помочь большему числу нуждающихся и въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. При зачисленіи въ Кассу дѣлается единовременный взносъ — 10 фр. и ежемѣсячный членскій взносъ по 2 фр.

ГИМНАСТИЧЕСКО - ФЕХТОВАЛЬНЫЕ КУРСЫ ПРИ С. О. У. В.

По иниціативѣ Правленія Союза, съ начала 1927 года были открыты курсы физическаго развитія. Цѣлью курсовъ было поставлено: 1) воспитать физически и дисциплинировать ту молодежь, которая была лишена возможности у себя на родинѣ и за границей получить соотвѣтствующую подготовку; 2) подготовить знающихъ инструкторовъ по гимнастикѣ, играмъ и другимъ видамъ спорта. На курсы принимаются, какъ члены Союза, такъ и лица, не входящія въ составъ Союза — послѣднія по рекомендаціи одного изъ членовъ Союза.

Занятія на курсахъ начались 11-го марта 1927 г. и происходили въ баракахъ на бульв. Ланнъ, два раза въ недѣлю: по средамъ отъ 8 до 10 час. веч. и по воскресеніямъ отъ 3 до 5 час. дня, подъ непосредственнымъ руководствомъ члена правленія Ген.-М. Фокъ, и ряда опытныхъ руководителей, окончившихъ Главную Гимнастическо - Фехтовальную Школу въ Петроградѣ; съ середины января курсы перешли въ новое помѣщеніе при Казачьемъ общежитіи, около Гаръ де л'Эстъ, рю дю Фобургъ С.-Мартэнъ, №160 (м-ро:«Гаръ де л'Эстъ») и занятія будутъ происходить въ тѣ же часы и дни. Запись на курсы принимается въ Управленіи Союза (2, бульв. Ланнъ) въ дни пріемовъ и во время занятій въ помѣщеніи 160, рю дю Фобуръ С.-Мартэнъ.

Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны является первымъ Офицерскимъ Союзомъ, образовавшимся во Францiи (1921 г.). Объединяя подъ вѣковымъ лозунгомъ «За Вѣру, Царя и Отечество» огромную массу боевого кадроваго русскаго офицерства. Союзъ принимаетъ въ свой составъ и офицеровъ участниковъ только гражданской войны, какъ продолженiя Великой. Союзъ подчиняется волѣ и указанiямъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Съ образованiемъ Обще-Воинскаго Союза, Союзъ вошелъ въ его составъ, сохраняя полную, какъ и ранѣе, самостоятельность своей внутренней жизни.

За небольшимъ исключенiемъ, большинство офицерскихъ чиновъ членовъ воинскихъ организацiй и объединенiй — Гвардейскаго, Генеральнаго Штаба, Галлиполiйскаго, Летчиковъ, Артиллерiйскаго, Казачьяго, Сѣверянъ, Сѣверо - Западниковъ, Ливенцевъ, Военно - Учебныхъ заведенiй, Каютъ - Кампанiи и др. входятъ въ составъ С. О. У. В. и ежегодно получаютъ въ немъ такъ наз. комбатантскiя карточки, столь популярныя въ жизни, вызывающiя исключительное вниманiе къ ихъ владѣльцамъ во французскихъ учрежденiяхъ, среди работодателей и вообще во французскомъ обществѣ. За семь лѣтъ своего существованiя, Союзъ постепенно крѣпнулъ, увеличивался въ своемъ составѣ и, дойдя до цифры 4310 членовъ, расширилъ свою дѣятельность. Кромѣ Парижскаго Отдѣла, у Союза имѣются отдѣлы въ Ниццѣ, Марселѣ, Лiонѣ, Туркуанѣ и Тунисѣ, объединяющiе офицерство этихъ районовъ, живущiе своей жизнью, но держащiе связь съ центромъ, путемъ взаимнаго освѣдомленiя о своихъ дѣлахъ и обмѣна протоколами. Въ Союзъ входитъ персонально большое число г. г. офицеровъ живущихъ и внѣ предѣловъ Францiи, въ другихъ странахъ, эти офицеры держатъ самостоятельно связь съ Центральнымъ Правленiемъ въ Парижѣ (2. бульв. Ланнъ) и въ мѣстахъ большого скопленiя таковыхъ членовъ, образуютъ между собою группы.

Основываясь на тѣхъ положенiяхъ, которыя были положены въ основанiе Союза и вошли въ Уставъ, а также на тѣхъ пожеланiяхъ, которыя въ разное время были высказаны общими собранiями, Союзъ направляетъ свою работу слѣдующимъ образомъ:

1. — По объединенiю Русскаго Офицерства. Одной изъ задачъ этого объединенiя служитъ изданiе *Вѣстника*. Было бы чрезвычайно желательно на страницахъ его помѣщать свѣдѣнiя съ мѣстъ о бытѣ, работѣ и условiяхъ жизни оторванныхъ отъ центра группировокъ и отдѣльныхъ членахъ Союза. Информацiи эти, направляемыя въ канцелярiю Союза, явятся весьма цѣнными. Тысячи офицеровъ, разбросанныхъ по разнымъ странамъ, живя не легкой жизнью и неся нерѣдко тяжелый трудъ, продолжаютъ носить въ сердцахъ дорогiе завѣты славнаго прошлаго. Никакiя условiя не измѣнятъ тѣхъ началъ, которыми

они жили: достоинство и честь Русскаго Офицера имъ всегда будутъ безконечно дороги.

2. — По выдачѣ заимообразныхъ ссудъ изъ Кассы взаимопомощи Союза, дѣйствующей по положенію объ Офицерскихъ Заемныхъ Капиталахъ.

3. — Заимообразной уплатѣ за обученіе на шофферскихъ курсахъ.

4. — Выдачѣ безплатныхъ обѣдовъ

5. — Предоставленіи возможной поддержки больнымъ и нуждающимся членамъ Союза и ихъ семьямъ, по запискамъ секретаря Союза, безплатной или по пониженной расцѣнкѣ, медицинской помощи: по хирургическимъ болѣзнямъ — у *проф. Алексинскаго;* по легочнымъ — у *проф. Габриловича*, внутреннимъ — у *д-ра Хмылевскаго*, гинекологическимъ — у *д-ра Сагателова*, зубнымъ — у *зубныхъ врачей Костевичъ* и *Массена*.

6. — Предоставленію безплатной юридической помощи.

7. — Устройству на работы въ Парижѣ и окрестностяхъ, при помощи «*Association National des Camarades de Combat*».

8. — Предоставленію права сыновьямъ и близкимъ членамъ Союза пользоваться обученіемъ гимнастикѣ и фехтованію на организованныхъ военно-гимнастическихъ курсахъ при Союзѣ.

9. — По пополненію библіотеки Союза.

Въ виду организаціи въ помѣщеніи *Галлиполійскаго Союза* военно-научныхъ курсовъ, чтеній, лекцій и военной игры; при Союзѣ этого отдѣла особо не устраивается, а членамъ Союза предоставлена возможность посѣщать эти занятія.

На страницахъ *Вѣстника Союза* будутъ всегда даваться свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ и занятій на вышеупомянутыхъ курсахъ.

Иниціаторомъ Союза и его первымъ предсѣдателемъ былъ покойный ген. отъ инфантеріи Палицынъ, послѣ котораго Союзъ возглавлялся ген.-лейт. Миллеромъ, ген.-лейт. Гулевичемъ, ген.-маіоромъ Ознобишинымъ, а съ 1925 года Предсѣдателемъ Союза состоитъ назначенный на эту должность *Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ*, Генералъ-Лейтенантъ Арсеньевъ.

„Комбатанты".

Ихъ много! Все это бойцы боевые,
Участники страшной, послѣдней войны,
Изгнанники, Русскому краю родные,
Великой Россіи сыны!..

Любовь къ ней, далекой, всегда сохраняя.

Оторваны жизнью отъ Русской земли,
Тяжелый свой крестъ, головы не склоняя,
Въ скитаньяхъ они пронесли !

Подъ грохотъ сраженій, и въ ранахъ, больные,
Куда бы ни шли они, въ холодъ и зной,
Они оживаютъ при словѣ : « Россія »,
Готовые броситься въ бой !

Судьба, въ испытаньяхъ ихъ бросила всюду,
Загнала далеко въ чужіе края,
Къ чужому труду, и къ чужому имъ люду,
Пришла ихъ большая семья !

Пришла безоружная, съ горемъ досады,
Съ тоской о Россіи, закатой въ цѣпяхъ,
Но въ тяжкой работѣ, горятъ, какъ лампады,
Святые порывы въ сердцахъ !

И гордо, и честно, спокойно и смѣло,
Печаль и страданья тая въ тишинѣ,
Хранятъ они силы, для Русскаго дѣла,
Въ мечтахъ о родной сторонѣ !

Въ тьмѣ шахтъ, на заводахъ, подъ гулы машины
На фабрикахъ дымныхъ, и въ мукахъ заботъ,
Рисуются имъ все родныя картины,
Ихъ голосъ Россіи зоветъ !

Несется онъ къ нимъ изъ родного простора,
Отъ снѣжныхъ сугробовъ и темныхъ лѣсовъ,
Твердитъ имъ : « Мужайтесь ! Услышите скоро
« Вы мой привлекающій зовъ !

« Ужъ близится время ! Погибнутъ всѣ злые
« Раздастся воскресный церквей перезвонъ
« И пріиметъ васъ снова, родные, Россія,
« Подъ сѣнь незапятнанныхъ вами знаменъ ! »

Кн. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

22-го ноября 1927 года.
Б е л ь в ю .

Политическій обзоръ.

Франція

Независимость страны, въ отношеніи нефти, кажется обезпеченной послѣ открытія богатѣйшаго нефтяного источника въ Моссулѣ. Эксперты считаютъ, что этотъ первый источникъ, около Баба-Гергу, будетъ давать больше 3.500.000 тоннъ ежегодно. Въ силу международныхъ соглашеній, на долю Франціи приходится около 25% всей добываемой нефти.

Отмѣтимъ приливъ во Францію со всѣхъ сторонъ иностранныхъ капиталовъ, въ связи съ предполагаемой стабилизаціей франка и отмѣну въ срочномъ порядкѣ закона 3 апрѣля 1918 года о воспрещеніи вывоза за границу капиталовъ. Можно надѣяться на возстановленіе нормальной финансовой жизни и дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія страны, но, конечно, лишь при условіи энергичнаго противодѣйствія большевицкой пропагандѣ и тѣснаго, здороваго національнаго объединенія въ защиту единаго фронта. Можно лишь сожалѣть, что французское правительство столь медлило съ арестомъ большевиковъ-депутатовъ, такъ какъ только теперь часть ихъ удалось арестовать.

Организація «Патріотическаго Юношества», *Action Française*, нѣкоторыя крупныя газеты, какъ, напр., *Echo de Paris* и въ особенности *Figaro*, директоръ котораго г. Франсуа Коти неутомимо борется за правое дѣло, — по мѣрѣ силъ ведутъ борьбу противъ антинаціональной и коммунистической пропаганды.

«Генеральные штаты изувѣченной Франціи», т. е. общій конгрессъ обществъ участниковъ Великой войны, раненыхъ и увѣчныхъ, соединившись въ Версали, привѣтствовали политику Пуанкарэ и единогласно постановили основать союзъ, который былъ бы представленъ Національной Конфедераціей.

Въ концѣ 1927 года Франція подписала дружескій арбитражный договоръ съ Королевствомъ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ. Естественно, что послѣ заключенія аналогичнаго договора съ Чехословакіей и Румыніей, Франція подписала такое же соглашеніе съ третьимъ государствомъ Малой Антанты.

Взаимныя соглашеня обѣихъ сговаривающихся сторонъ зависятъ отъ тѣхъ обязательствъ, которыя онѣ приняли по отношенію къ Лигѣ Націй, членами которой онѣ состоятъ.

Отношенія между Италіей и Франціей, слегка натянутыя со времени подписанія итало - албанскаго договора, — 27 ноября 1926 года въ Тиранѣ, — въ данное время смягчились, и послѣднія заявленія Бріана позволяютъ надѣяться на возможность полнаго соглашенія между нимъ и Муссолини.

Бельгія

Характерны слова предсѣдателя бельгійскаго совѣта министровъ Жаспара въ рѣчи по вопросу о военныхъ реформахъ, которыми онъ разъясяетъ настоящую причину разрыва съ соціалистами.

«Мы предлагали соціалистамъ обсудить вопросъ вмѣстѣ съ нами, но они отказались и выставили свои условія. Вызвано это было тѣмъ, что Вандервельде и его друзья начали заигрывать съ большевиками и знали, что пока я стою у власти, признанія совѣтскаго правительства быть не можетъ. Вотъ въ чемъ суть нашихъ расхожденій. Я горжусь тѣмъ, что не далъ Бельгіи приблизиться къ безднѣ большевицкаго режима».

Италія

Въ моментъ, когда несостоятельность парламентаризма дѣлается все болѣе и болѣе очевидной и когда почти всѣ парламенты доказали свою неспособность къ быстрому рѣшенію самыхъ элементарныхъ го-

сударственныхъ вопросовъ, — въ Италіи празднуется 5-ая годовщина фашизма и нахожденія у власти Муссолини.

Правительствомъ за это время были приняты слѣдующія мѣры: государство предоставило частной иниціативѣ полную свободу дѣйствій въ областяхъ экономической, промышленной и торговой. Оно отказалось отъ монополій и уничтожило для семьи наслѣдственные налоги. Оно провозгласило хартію труда, которая должна привести къ уничтоженію парламента, состоящаго изъ профессіоналовъ - парламентаристовъ, и замѣнить его *корпоративной* палатой, гдѣ засѣдали бы лишь представители занимающихся производительнымъ трудомъ и имѣющихъ какую либо профессію.

Результаты, достигнутые за эти нѣсколько лѣтъ, удивительны. Такъ какъ невозможно перечислить всѣхъ, мы назовемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ:

Итальянская авіація находится въ состояніи полнаго расцвѣта. Въ день заключенія мира она насчитывала 1000 аппаратовъ и 1300 пилотовъ; теперь же она располагаетъ 3000 аппаратовъ и 3600 пилотами.

Удивительный ростъ строительства объясняется снятіемъ на 25 лѣтъ налоговъ на него и другими аналогичными мѣрами.

Посѣвныя площади увеличиваются: 700 000 десятинъ, опустошенныхъ маляріей, оздоровлены; 900 000 другихъ на пути къ оздоровленію.

Водно - электрическія сооруженія Италіи дѣлаютъ необычайные успѣхи и позволяютъ осуществленіе экономіи въ 10 милліоновъ тоннъ угля, что составляетъ 2 милліарда лиръ.

Италія владѣетъ нынѣ третьимъ по величинѣ торговымъ флотомъ въ мірѣ. Она занимаетъ 2-ое мѣсто по мореходному строительству и 1-ое по постройкѣ пароходовъ. Государство отпустило 700 милліоновъ лиръ для поощренія этого производства, но флотъ уже принесъ 1 милліардъ дохода.

Въ данное время заканчивается на 8 милліардовъ общественныхъ работъ, — по оздоровленію, орошенію, постройкѣ дорогъ, мостовъ и проч. Безплодная Сардинія превращена въ богатую страну. Народонаселеніе сильно возростаетъ съ каждымъ годомъ. *Ни одна страна въ мірѣ не дала за послѣднія нѣсколько лѣтъ такой суммы труда и дѣятельности.* Работа, поддержанная правильными политическими принципами, и несокрушимая энергія одного человѣка сдѣлали возможнымъ это гигантское усиліе.

Германія

Переговоры между Германіей и Польшей по поводу экономическаго соглашенія находятся на пути къ заключенію. Германія болѣе, чѣмъ Польша, страдаетъ отъ таможенной войны; Польша нашла для

своего угля и своихъ продуктовъ новый сбытъ, тогда какъ Германія, потерявъ польскій рынокъ, не нашла другого, равнаго ему. Экспортъ земледѣльческихъ продуктовъ и угля представляетъ для Польши несомнѣнную выгоду, но, съ другой стороны, ввозъ германской мануфактуры и конкурренція германскаго купца, снабженнаго капиталами и кредитами, представляетъ серьезную угрозу для польской торговли.

Опасность «аншлуса», соединенія Австріи съ Германіей, казалось бы еще не угрожаетъ. Посѣщеніе канцлеромъ Марксомъ и г. Штреземаномъ австрійскаго канцлера Зейпеля прошло вполнѣ корректно. Тѣмъ не менѣе интенсивная пропаганда подготавливаетъ общественное мнѣніе въ пользу этого плана. Отмѣтимъ, что по договорамъ Версальскому и Сенъ-Жерменскому воспрещается присоединеніе Австріи къ Германіи.

Въ Германіи разростается съ удивительной послѣдовательностью и неуклонностью интенсивная работа по централизаціи, организаціи и возсозданію государства. Остается лишь пожалѣть о необдуманной поддержкѣ, оказываемой Германіей Совѣтамъ. Въ надеждѣ овладѣть русскимъ рынкомъ, въ данное время являющимся фикціей, Германія для совѣтской Россіи играетъ роль банкира, въ то же время сама испрашивая кредиты за-границей. Кредитъ въ 300 милліоновъ марокъ, уже данный въ прошломъ году Совѣтамъ, долженъ былъ бы привести къ большей осторожности. Время возмѣщенія предвидѣть трудно, а постоянная регрессія экономическаго режима совѣтской Россіи едва ли можетъ явиться вѣрной гарантіей.

Польша и Литва

Опасность вооруженнаго столкновенія между Литвой и Польшей отпала. Между обоими окраинными государствами уже 7 лѣтъ, какъ прерваны всякія почтовыя, желѣзно-дорожныя, коммерческія и иныя сношенія. Это положеніе вещей вызвано притязаніями Литвы на Вильну, которую литовцы считаютъ своей столицей, и нежеланіемъ поляковъ вернуть имъ этотъ, по ихъ мнѣнію, польскій городъ. Чрезвычайно обостренный конфликтъ былъ разсмотрѣнъ Лигой Націй въ Женевѣ, куда прибыли литовскій премьеръ Вольдемарасъ, пользующійся поддержкой большевиковъ, и Пилсудскій. Видя, что безконечныя пренія общаго собранія не приводятъ ни къ какому реальному результату, Пилсудскій внезапно обратился непосредственно къ Вольдемарасу съ вопросомъ:

— «Война или миръ?»,

— «Миръ», — былъ отвѣтъ.

Пилсудскій немедленно покинулъ залъ и вернулся въ Варшаву.

Виленскій вопросъ все же остается открытымъ, и польско-литовскія отношенія не налаживаются, такъ какъ премьеръ Вольдемарасъ недавно заявилъ, что Литва можетъ принять польскаго посланника только въ Вильнѣ. Съ своей стороны, поляки придерживаются выжидательной политики и врядъ ли что либо измѣнится передъ польскими выборами.

Царскій смотръ.

17 декабря 1914 года. Яркій солнечный день смѣнилъ холодную слякоть - «снѣгъ- дождь» Польши. У желѣзной дороги, на полѣ, покрытомъ талымъ снѣгомъ съ пробивающейся озимью, строились сѣрыя колонны - ящики Гвардейской Стрѣлковой бригады.

Кто не знаетъ гвардейскихъ стрѣлковъ, упорно и скромно работавшихъ въ своемъ «стрѣлковомъ» дѣлѣ.

Не легко было въ нашей чудной старой Арміи отличаться по стрѣльбѣ и въ полѣ, и въ то же время блеснуть безупречнымъ, молодецкимъ церемоніальнымъ маршемъ, выправкой, смѣной дворцоваго караула.

Авангардъ стараго гвардейскаго корпуса — стрѣлковая бригада въ тяжелыхъ, кровавыхъ бояхъ покрыла себя новой славой на полѣ чести. Государь зналъ это. Онъ слѣдилъ за Своими стрѣлками, радовался ихъ успѣхамъ, болѣлъ душою въ тяжелые дни Опатова, — и какъ только удалось отвести обезкровленную гвардію въ резервъ, Онъ пожелалъ повидать ее, обласкать, ободрить.

Царь — за Него умирали, увидѣть Его, услышать Его чарующій голосъ — и снова явятся силы, какъ бы не были измучены душа и тѣло.

Въ 1 часъ 20 минутъ медленно подошелъ Императорскій поѣздъ и остановился у жел.-дор. будки. Царь вышелъ. Вздрогнула вся сѣрая масса съ малиновой полоской погонъ, взявъ винтовки «на караулъ», блеснули шашки. Лѣвѣе бригады, съ ея лихой артиллеріей, стояли казаки л.-гв. Сводно - Казачьяго полка съ славной л.-гв. 6-ой Донской Его Величества батареей, всегда и вездѣ — въ бою и на парадѣ — ходившей карьеромъ, — представители почти всего могучаго казачьяго войска, отборные красавцы Дона, Урала, Астрахани, Семирѣчья и далекихъ Забайкалья и Амура. Тронутъ былъ Государь, увидѣвъ Своихъ стрѣлковъ, только что вышедшихъ изъ огня и окоповъ и готовыхъ идти опять за Него и славу Россіи; долго жалъ руку подошедшему съ рапортомъ начальнику бригады Генералъ - Лейтенанту Дельсалю:

— «*Спасибо Вамъ, Дельсаль, за бригаду*»...

Склонялись передъ своимъ Монархомъ георгіевскія, прострѣленныя знамена, весело переливались въ воздухѣ бодрые «стрѣлковые» встрѣчные марши. Долго обходилъ Государь Свои полки, останавливался, разспрашивалъ, — почти всѣхъ офицеровъ и сверхсрочныхъ зналъ Онъ въ лицо, — теперь много было уже новыхъ, молодыхъ. Неудержимое «ура!» провожало Государя. Кончился обходъ. Были вызваны по пяти наиболѣе отличившихся отъ роты, батареи, сотни, — около 300 лихихъ стрѣлковъ и казаковъ стали передъ своимъ Императоромъ, — каждому Онъ повѣсилъ завѣтный бѣлый крестикъ, каждому нашелъ слово ласки и благодарности за ихъ великій, безвѣстный подвигъ. Онъ зналъ, что каждый изъ нихъ готовъ жизнью своею заплатить за это счастье. Только Царское слово можетъ быть наградой нечеловѣческаго подвига Русскаго Солдата. Начался церемоніальный маршъ. Мелкимъ, частымъ шагомъ, почти бѣгомъ, съ круто подобран-

ными винтовками, прошли стрѣлки передъ своимъ Шефомъ. Промчались лихо казаки.

Снова вошелъ Государь въ ряды стрѣлковъ. Онъ предвидѣлъ новые ихъ подвиги и великія страданія, зналъ. что увеличится число черныхъ досокъ въ ихъ полковыхъ церквахъ.

Потомъ вызвалъ офицеровъ, снова благодарилъ, вспоминалъ старое. благословлялъ на будущее.

Уже темнѣло, когда Государь попрощался съ полками и ушелъ съ командирами полковъ въ вагонъ подъ оглушительное и долго не смолкавшее «ура!». Съ музыкой и пѣснями пошли домой счастливые стрѣлки, забывъ всю прошлую страду. готовые на новые подвиги.

А. Степановъ.

Въ Совѣтской Россіи.

БОРЬБА ВНУТРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Въ центрѣ происходящихъ въ послѣднее время въ совѣтской Россіи событій несомнѣнно должна быть поставлена борьба внутри коммунистической партіи. Противъ партійнаго большинства, возглавляемаго Сталинымъ, борятся нѣсколько другихъ группъ. среди которыхъ наиболѣе значительной является группа. руководимая бывшими ближайшими сподвижниками Ленина — Троцкимъ, Зиновьевымъ и Каменевымъ.

Борьба внутри ВКП (Всесоюзной Коммунистической Партіи) — есть, главнымъ образомъ, борьба за власть. Нужно твердо установить. что въ программѣ, какъ правящей группы. такъ и оппозиціи **принципіальной разницы нѣтъ.** Совершенно необоснованнымъ является предположеніе, что Сталинъ готовъ эволюціонировать и собирается совершить «спускъ на тормозахъ» къ нормальному экономическому строю, а Троцкій стоитъ за сохраненіе коммунизма во всей его чистотѣ. И то, и друго теченіе стоятъ за **сохраненіе коммунизма.** Оппозиція, если такъ можно выразиться, все время примѣняетъ «обходъ слѣва», настаиваетъ на болѣе «лѣвой» политикѣ, а правящая группа тоже все время защищается «слѣва», стремясь соотвѣтственными мѣропріятіями выбить почву изъ подъ ногъ оппозиціи.

Нельзя, вобще, придавать слишкомъ большого значенія программнымъ расхожденіямъ различныхъ теченій въ коммунистической партіи — онѣ являются, главнымъ образомъ, (хотя и не исключительно) — демагогическимъ оружіемъ въ происходящей борьбѣ за власть.

Суть происходящихъ внутри правящей Россіей партіи разногласій заключается въ томъ, что, на почвѣ тяжелаго экономическаго кризиса и неудачъ коммунизма, — произошло потрясеніе партіи, которое само по себѣ хотя и не можетъ привести къ паденію совѣтской власти, но расшатываетъ и сильно ее ослабляетъ, создавая тѣмъ самымъ благопріятную почву для борьбы противъ коммунистической

диктатуры; при этомъ, въ процессѣ споровъ различныхъ **теченій, выясняются свѣдѣнія** о тяжеломъ положеніи коммунистической власти, которыя иначе не стали бы извѣстными.

Хорошо освѣдомленная, знающая истинное положеніе не только по оффиціальнымъ даннымъ, — коммунистическая оппозиція пользуется этими данными для борьбы съ правящей группой. Она также выдвигаетъ, въ качествѣ обвиненія, противъ Сталина и его группы вынужденныя жизнью отступленія совѣтской власти отъ «чистаго», «интегральнаго» коммунизма.

Главнѣйшіе пункты, съ которыхъ оппозиція «аттакуетъ» правящее большинство — слѣдующіе:

1) Правящее большинство выработало планъ развитія промышленности на ближайшія пять лѣтъ, такъ называемый «планъ индустріализаціи». Оппозиція утверждаетъ, что не только современное положеніе совѣтской промышленности неудовлетворительно, но и «планъ индустріализаціи» — является «насмѣшкой надъ рабочимъ классомъ». Напримѣръ, по утвержденію оппозиціи, согласно этому плану, въ 1931 году душевое потребленіе мануфактуры будетъ все же меньше, чѣмъ въ довоенное время и въ пять разъ меньше, чѣмъ въ С.А.С.Ш. въ 1923 г. Такое же положеніе — утверждаетъ оппозиція — будетъ и въ другихъ областяхъ промышленности.

2) Въ области финансовъ оппозиція, главнымъ образомъ, указываетъ на все растущее увеличеніе косвенныхъ налоговъ (противъ которыхъ всегда возставали соціалисты всѣхъ оттѣнковъ). Эти налоги, по утвержденію оппозиціи, особенно тяжело ложатся на «трудящихся». Водочная монополія, которую, вопреки традиціоннымъ нападкамъ на нее соціалистовъ, вынуждена была, по финансовымъ соображеніямъ, ввести совѣтская власть — служитъ особымъ оружіемъ въ рукахъ оппозиціи, подчеркивающей, что согласно пятилѣтнему плану индустріализаціи, потребленіе мануфактуры должно увеличиться на 41%, въ то время, какъ **потребленіе водки — на 223%.**

Деньги, необходимыя для осуществленія собственныхъ грандіозныхъ плановъ индустріализаціи, оппозиція предлагаетъ добыть путемъ совершенно фантастическаго увеличенія налоговъ съ частныхъ торговцевъ съ 5 милліоновъ рублей, взимаемыхъ въ настоящее время, — до 200 милліоновъ, а также путемъ отобранія у «кулаковъ» (т. е. зажиточныхъ крестьянъ) «излишковъ», т. е. возвращеніе къ временамъ продовольственной разверстки, осуществлявшейся въ эпоху «военнаго коммунизма» спеціальными отрядами красной арміи. Впрочемъ, оппозиція заявляетъ, что отбирать теперь у крестьянъ хлѣбъ слѣдуетъ не безплатно, а въ порядкѣ «принудительнаго займа». Добытыя такимъ путемъ средства оппозиція предполагаетъ об-

ратить на покупку заграницей всего необходимаго не только для промышленности, но и для крестьянъ.

Ш) Относительно рабочаго вопроса—оппозиція утверждаетъ, что заявленіе правящей группы о введеніи семичасового рабочаго дня — есть обманъ рабочихъ, чистая демагогія, что не о введеніи семичасового дня должна идти рѣчь, а объ осуществленіи. фактическаго введенія восьми-часового дня. Оппозиція утверждаетъ, что оффиціальная цифра безработныхъ — преуменьшена, что число безработныхъ болѣе **двухъ милліоновъ** человѣкъ и что для помощи имъ и, вообще, борьбы съ безработицей —совѣтскимъ правительствомъ не принимается никакихъ серьезныхъ мѣръ. По утвержденію оппозиціи, — нѣтъ нетолько никакого увеличенія реальной заработной платы рабочимъ, но на лицо даже уменьшеніе ея. Мѣры, предполагаемыя оппозиціей для улучшенія положенія рабочихъ — являются только громкими фразами, вродѣ необходимости «дѣйствительнаго увеличенія продукціи промышленности» (съ изношеннымъ оборудованіемъ, при отсутствіи средствъ на пріобрѣтеніе новаго). Требуетъ оппозиція и увеличенія заработной платы (о томъ, откуда должны быть добыты для этого средства — указывалось выше). Вотъ — въ главнѣйшихъ чертахъ то, что въ экономической области ставитъ въ упрекъ правящей группѣ оппозиція . Въ политическомъ отношеніи единственнымъ требованіемъ оппозиціи является требоваеіи свободы слова **исключительно внутри коммунистической партіи.** Во всемъ остальномъ, какъ и правящая группа, такъ и оппозиція стоятъ за абсолютную диктатуру коммунистической партіи надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи. Въ данномъ случаѣ **оппозиція** прибѣгаетъ къ обычному большевицкому пріему — требовать для **себя свободы** слова съ тѣмъ, чтобы, получивъ ее, отнять таковую у **своихъ** противниковъ внутри партіи при первой возможности.

Нѣтъ сомнѣній, что — прійди Троцкій съ своей группой къ власти — онъ точно такъ же «зажалъ бы ротъ» Сталину, какъ тотъ «зажимаетъ» въ настоящее время оппозиціи.

На какаія же группы опирается оппозиція?

Во-первыхъ на «идейныхъ коммунистовъ», которые не могутъ примириться съ отступленіями совѣтской власти отъ чистаго коммунизма (допущеніе **частной** торговли, **ослабленіе** нажима на крестьянъ и т. д.).

Во-вторыхъ на многочисленныхъ коммунистовъ, преимущественно изъ молодежи, не занимающихъ должностей, или недовольныхъ своими скромными должностями и надѣющихся, въ случаѣ прихода къ власти оппозиціи, получить мѣста, которыя освободятся отъ уволенныхъ сторонниковъ и ставленниковъ правящей группы въ администраціи, на фабрикахъ національзированной промышленности

и т. д. Раньше, когда коммунистовъ было меньше — партійный билетъ всегда открывалъ дорогу къ хорошо оплачиваемымъ должностямъ. Въ настоящее же время число коммунистовъ, не занимающихъ сколько нибудь видныхъ должностей — велико. Поэтому, многочисленна и указанная группа оппозиціи. Въ третьихъ оппозиція опирается на часть спеціалистовъ разныхъ категорій, такъ называемыхъ «спецовъ», надѣющихся, что Троцкій, прійдя къ власти улучшитъ ихъ положеніе, такъ какъ за нимъ установилась репутація покровителя «спецовъ». Нужно отмѣтить, что другая часть «спецовъ», наоборотъ, боится, чтобы оппозиція не стала проводить своей программы въ жизнь и, поэтому не сочувствуетъ оппозиціи, такъ какъ вполнѣ справедливо полагаетъ, что при проведеніи въ жизнь этой программы — положеніе настолько ухудшится, что «спецамъ», вообще, дѣлать будетъ нечего.

Въ пятыхъ, наконецъ, оппозиція опирается на многихъ иностранныхъ коммунистовъ, которымъ Троцкій и его группа представляются защитниками «чистаго» комунизма противъ «оппортуниста» Сталина.

Въ настоящій моментъ оппозиція потерпѣла пораженіе. Троцкій, Зиновьевъ — исключены изъ партіи; много другихъ видныхъ коммунистовъ (наркомпочтель Смирновъ, Радекъ и друг.) — удалены съ занимаемыхъ ими мѣстъ; рядовые коммунисты нетолько сотнями исключаются изъ партіи, но и заключаются иногда въ тюрьмы, (хорошо освѣдомленный органъ соц.-дем. меньшиковъ, «Соціалистическій Вѣстникъ», допускаетъ, что происходятъ и разстрѣлы рядовыхъ коммунистовъ-оппозиціонеровъ).

Въ самое послѣднее время появились свѣдѣнія о высылкѣ изъ Москвы въ отдаленные районы лидеровъ оппозиціи, въ томъ числѣ Троцкаго Зиновьева и Каменева. Иностранная печать, приводя эти свѣдѣнія, ссылается на совѣтскую «Вечернюю Красную Газету», подтверждающую фактъ удаленія — оппозиціонеровъ изъ столицы. Если это извѣстіе подтвердится — то оно только будетъ еще однимъ доказательствомъ того, что и послѣ «побѣды» Сталина надъ оппозиціей — борьба продолжалась и продолжается, внушая правящей группѣ столь серьезныя опасенія, что она была вынуждена прибѣгнуть къ такимъ суровымъ мѣрамъ, какъ ссылка видныхъ коммунистовъ, виднѣйшихъ сподвижниковъ Ленина.

Имѣются также свѣдѣнія, что подпольная организація оппозиціи — далеко не уничтожена и что уничтожить ее — трудно. Оскорбленное самолюбіе лидеровъ оппозиціи, несомнѣнно затаившихъ бѣшеную злобу противъ Сталина и его группы, ихъ популярность, а въ настоящее время и извѣстный «мученическій ореолъ» въ

глазахъ рядовыхъ коммунистовъ - оппозиціонеровъ, большая опытность въ конспираціи говорятъ за то, что «побѣда» правящей группы — не окончательна. Не слѣдуетъ придавать также особеннаго значенія «раскаянію» нѣкоторыхъ оппозиціонеровъ и просьбамъ ихъ объ обратномъ пріемѣ въ партію, такъ. какъ это является только «тактическимъ» пріемомъ. уже примѣнявшимся и ранѣе въ происходившихъ столкновеніяхъ различныхъ группъ коммунистической партіи.

Расшатывающая коммунистическую партію и совѣтскую власть борьба можетъ временно затихнуть, но она не прекратится и будетъ продолжаться, облегчая работу, какъ накапливающихся въ Россіи, такъ и находящихся за рубежомъ національныхъ силъ, стремящихся къ освобожденію родины отъ коммунистическаго ига.

ФИНАНСОВЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

Изъ самыхъ различныхъ источниковъ поступаютъ свѣдѣнія о тяжеломъ финансовомъ кризисѣ, переживаемомъ совѣтской властью. Среди этихъ сообщеній заслуживаетъ вниманія корреспонденція Пауля Шеффера въ берлинскую газету «Берлинеръ Тагеблаттъ», въ общемъ расположенную къ большевикамъ. Основную причину переживаемого СССР кризиса — Шефферъ усматриваетъ въ положеніи сельскаго хозяйства. По утвержденію Шеффера, Рыковъ (предс. совѣта народ. комиссаровъ) призналъ, что въ Европейской Россіи посѣвная площадь на ПЯТЬ МИЛЛІОНОВЪ ДЕСЯТИНЪ МЕНЬШЕ, чѣмъ въ 1916 г. Крестьяне доставляютъ въ городъ на 35% меньше хлѣба, чѣмъ до войны. До войны Россія вывозила ежегодно 12 милліоновъ тоннъ хлѣба (тонна, приблизительно 60 пудовъ), въ 1926 г. было вывезено около 3-хъ милліоновъ тоннъ, а въ 1927 г. — не болѣе милліона. Съ этими заявленіями корреспондента освѣдомленной и расположенной къ совѣтской власти газеты слѣдуетъ совопоставить данныя, приводимыя Д. Лоевецкимъ, занимающимъ крупный постъ въ народ. коммисаріатѣ финансовъ («Экономическая Жизнь», ном. 282, 1927 г.).

Лоевецкій пишетъ; «Вмѣсто 305 милліоновъ пудовъ (хлѣба, заготовленнаго казной) прошлаго года мы будемъ имѣть въ этомъ году, въ лучшемъ случаѣ, 180-185 мил. пудовъ».

Совѣтская власть вынуждена всѣми силами увеличить хлѣбозаготовки, главнымъ образомъ, для вывоза и полученія иностранной валюты на содержаніе дорого стоющаго административнаго аппарата и требующей огромныхъ денежныхъ субсидій — «дотацій» — націонализированной промышленности. Для заготовки различнаго сырья, главнымъ образомъ, для закупки хлѣба — большевики каждый годъ, кромѣ обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, дѣлаютъ спеціальный, «цѣлевой» выпускъ кредитныхъ билетовъ. Затѣмъ, когда хлѣбъ продается заграницей (съ прибылью для совѣтской казны), то уничтожаются кредитные билеты на сумму равную суммѣ «цѣлево-

го» выпуска. Это дѣлается съ цѣлью не увеличивать количества бумажныхъ денегъ въ странѣ и не ронять покупательную способность совѣтскаго рубля. Большевики установили для своихъ экономическихъ разсчетовъ т. называемый «хозяйственный» годъ, начинающійся съ 1-го октября и дѣлящійся на 4 части — «квартала».

«Второй кварталъ хозяйственнаго года — пишетъ упомянутый выше Лоевецкій — является кварталомъ изъятія денегъ изъ обращенія... **основная сумма изъятія денегъ падаетъ на хлѣбъ.** Такъ, въ прошломъ году изъ 69 милліоновъ изъятыхъ во второмъ кварталѣ — на хлѣбъ падаетъ 50 милліоновъ».

Но хлѣба, какъ указывалось выше — заготовлено мало, совѣтская власть вынуждена напрягать всѣ усилія, чтобы увеличить хлѣбозаготовки и естественно — сейчасъ нельзя и думать объ изъятіи выпущенныхъ для закупки хлѣба бумажныхъ денегъ. Признаетъ это и Лоевецкій, заявляющій, что «...врядъ ли представится возможность изъять средства изъ хлѣбной торговли во II-мъ кварталѣ...»

Удастся ли это въ дальнѣйшемъ — зависитъ отъ успѣшности хлѣбозаготовокъ. Для агитаціи среди крестьянъ выѣхали на Украину и въ Кубанскую Область особые пропагандисты, которые будутъ «убѣждать» крестьянъ, не желающихъ продавать хлѣбъ совѣтскимъ закупщикамъ. Отправлены также въ хлѣбные районы мануфактура и другіе товари едва ли въ большомъ количествѣ, такъ какъ недостатокъ товаровъ первой необходимости въ совѣтской Россіи очень великъ. Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что въ данный моментъ совѣтской власти весьма трудно закупить достаточное количество хлѣба для нуждъ арміи, рабочихъ казенной промышленности и для вывоза заграницу.

Совѣтское финансовое вѣдомство не можетъ въ настоящее время произвести изъятіе бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ для хлѣбозаготовокъ, а это отражается на покупательной цѣнности рубля.

Не слѣдуетъ однако ждать, что переживаемый совѣтской властью финансовый кризисъ — немедленно приведетъ къ ея паденію. Но этотъ кризисъ расшатываетъ положеніе власти, облегчаетъ борьбу съ ней всѣхъ недовольныхъ элементовъ, усиливаетъ положеніе коммунистической оппозиціи, хотя и загнанной въ «подполье», но продолжающей тайно работать противъ правящей группы, властвующей надъ Россіей, коммунистической партіи.

Парижскіе военно-научные курсы.

Потребность среди разбросанныхъ по бѣлу свѣту офицеровъ нашихъ въ пополненіи и расширеніи своего образованія, въ научномъ освѣщеніи всего пережитаго ими и, наконецъ, въ полученіи возможности слѣдить за непрерывнымъ развитіемъ военнаго дѣла ощущалась

уже давно. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по инициативѣ ген. Головина и при поддержкѣ генерала Врангеля, сформировались въ различныхъ странахъ Европы кружки военнаго самообразованія, привлекшіе много участниковъ.

Въ 1927 году, согласно указанія Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, по мысли того же генерала Головина, и, главнымъ образомъ, благодаря его энергіи и стараніямъ, возникли въ Парижѣ военно-научные курсы, гдѣ занятія ведутся вполнѣ систематизированно, по заранѣе обдуманному и тщательно разработанному плану, захватывающему полный комплексъ знаній, необходимыхъ офицеру въ современную эпоху. Профессорскій составъ курсовъ отличается единствомъ взглядовъ, единствомъ подхода къ каждому военному явленію — другими словами, на курсахъ проводится подъ просвѣщеннымъ и опытнымъ руководительствомъ ген. Головина, «единство доктрины», отъ отсутствія котораго всегда такъ страдала наша армія. Методы, которыми передаются знанія слушателямъ, всѣ живые, не отдаютъ казенщиной, и заключаются не только въ чтеніи лекцій, но и въ занятіяхъ на конкретныхъ частныхъ случаяхъ, разбираемыхъ путемъ групповой работы, съ живымъ обмѣномъ мнѣній, въ чемъ и лежитъ центръ тяжести воспріятія знаній и методовъ слушателями.

Послѣдними на военно - научныхъ курсахъ, являющихся совершенно самостоятельной, независимой организаціей, могутъ быть не только всѣ, имѣющіе честь носить русскій мундиръ, безъ различія того, въ какихъ походахъ, гдѣ и когда участвовали они, но и гражданскія лица, интересующіяся военнымъ дѣломъ.

Благодаря любезному содѣйствію Союза Галлиполійцевъ, за небольшую плату уступающаго три раза въ недѣлю свое помѣщеніе, курсы получили возможность начать въ мартѣ 1927 г. свою дѣятельность и очень быстро развернулись.

До сихъ поръ состоялись: 1) многочисленныя лекціи по тактикѣ пѣхоты, конницы и артиллеріи съ разборомъ конкретныхъ частныхъ случаевъ и рѣшеніемъ подробной домашней задачи; 2) рядъ лекцій, давшихъ полное знакомство съ современнымъ состояніемъ авіаціи, военно - инженернаго и танковаго дѣла; 3) лекціи, очертившія развитіе русской военной мысли, въ лицѣ двухъ самыхъ крупныхъ военныхъ ученыхъ послѣдней эпохи — генераловъ Леера и Драгомирова: лекція о Суворовѣ, лекція о германской доктринѣ и др. 4) лекціи по военной психологіи, являющейся началомъ цѣлаго семинарія по этой наукѣ, систематическое изученіе которой до сихъ поръ совершенно игнорировалось. Въ лекціяхъ по тактикѣ пѣхоты лекторъ, полк. Зайцовъ, изложилъ весь тотъ процессъ перерожденія, которому подверглась организація и тактика пѣхоты въ теченіе великой войны подъ вліяніемъ прогресса техники. Возросшая сила огня заставляетъ снабдить пѣхоту многочисленными и сильными огневыми средствами: пулеметами въ количествѣ значительно превышающимъ нормы 1914 года, ружьями-пулеметами, ручными гранатами и т. д. и, наконецъ, минометами, и даже «пѣхотной артиллеріей» *изъ легкихъ, подвижныхъ*,

крайне скорострѣльныхъ орудій небольшихъ калибровъ, способныхъ рѣшать мелкія задачи, непосредственно передъ фронтомъ пѣхоты и прокладывать ей дорогу. Пѣхотѣ необходимо быть въ состояніи, при современныхъ условіяхъ боя, справляться собственными силами съ ближайшимъ противникомъ, почему всѣ перечисленныя огневыя средства должны быть цѣлесообразно распредѣлены въ тактическихъ единицахъ. Данное требованіе побудило расчленить взводъ на самыя мелкія огневыя ячейки — боевыя группы, — звенья, являющіяся органическими соединеніями ружей-пулеметовъ, гранато-метательныхъ ружей и извѣстнаго числа стрѣлковъ. Каждая такая группа въ отдѣльности способна разрѣшать встрѣчающіяся на пути ея продвиженія мелкія задачи, при чемъ гармоничное сочетаніе дѣйствій этихъ группъ, усиленное болѣе массовымъ дѣйствіемъ тоже расчлененныхъ на соотвѣтствующія группы пулеметовъ, пѣхотныхъ минометовъ и орудій и даетъ тотъ максимумъ огня, которымъ и надламывается воля противника.

Нынѣшнее огневое дѣйствіе не могло не отразиться на формѣ боевыхъ порядковъ, значительно расчлененныхъ, раздавшихся, разложившихся на мѣстности, если можно такъ выразиться. Предбоевые порядки тоже значительно отличаются отъ прежнихъ: громадная дальнобойность артиллеріи заставляетъ уже на разстояніи одного перехода отъ противника отказаться отъ походныхъ колоннъ и двигаться отъ рубежа къ рубежу, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, отъ рубежа къ рубежу въ расчлененныхъ порядкахъ, использовывая мѣстность.

Таковы главныя данныя, капитально повліявшія на постепенно наслоившіяся въ тактику пѣхоты измѣненія, полное знакомство съ которыми читатель можетъ получить путемъ проштудированія, издаваемыхъ военно-научными курсами прочитанныхъ лекцій и крайне интересной книги генерала Головина: «Мысли объ устройствѣ будущей Россійской вооруженной силы».

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Н. Виноградскій.

Изъ военной жизни.

Французская военная газета *«Франсъ Милитэръ»* въ своемъ № 12832, удивляется тому громкому празднеству, которое состоялось въ Польшѣ 6 августа 1927 г. по случаю годовщины созданія въ 1914 году корпуса волонтеровъ маршала Пилсудскаго, явившагося будто первой польской воинской частью. Вѣдь, волонтеры эти, выступившіе изъ Кракова 6 августа 1914 года въ бой, шли сражаться противъ Россіи, т. е. члена того Согласія, изъ рукъ котораго Польша получила свою независимость. Выражая свое удивленіе, и даже, пожалуй, негодованіе, газета справедливо отмѣчаетъ, что строго говоря, начало польской арміи должно считаться отъ Версальскаго мирнаго договора, т. е. 1919 года, а никакъ не со дня выступленія краковскихъ добровольцевъ про-

тивъ той арміи, въ рядахъ которой сражались ихъ же соплеменники, такіе же поляки, какъ и они.

Въ сентябрѣ состоялись серьезные по задачамъ и численности принимавшихъ въ нихъ силъ маневры красной арміи и флота. Подъ Ленинградомъ разыгрывалась защита послѣдняго отъ англійскаго флота.

На Сѣверномъ Кавказѣ развернулись комбинированныя дѣйствія сухопутныхъ войскъ и Каспійской флотиліи, при чемъ заключительнымъ эпизодомъ явилась форсированная переправа черезъ рѣку Кубань подъ прикрытіемъ дымового облака.

Самые серьезные маневры арміи и флота нашли себѣ мѣсто въ районѣ Одессы, гдѣ важную роль играла авіація и широко было использовано содѣйствіе Авіохима. Заданіе заключалось въ сбитіи въ море противника, овладѣвшаго Одессой послѣ успѣшной дессантной операціи. «Гвоздь» маневра заключался въ воздушной химической атакѣ Одессы, мирное населеніе которой было привлечено къ дѣйствіямъ. Примѣнялись различныя, заранѣе разработанныя мѣропріятія по пріученію его оберегаться отъ газовъ, вплоть до симулированія упоса спеціальными командами на носилкахъ пострадавшихъ отъ газовыхъ бомбъ. Совѣтская печать даетъ восторженные отзывы о результатахъ всѣхъ маневровъ и какъ выявившейся высокой боевой подготовкѣ вооруженныхъ силъ Совдепіи, такъ и удачной, планомѣрной организаціи привлеченія мѣстнаго населенія къ содѣйствію арміи и флоту. Имѣя въ виду искусство большевиковъ себя рекламировать, необходимо отнестись крайне осторожно къ подобнымъ отзывамъ.

А. Н. Виноградскій.

Письма съ мѣстъ.

Правленіемъ получено письмо изъ Французской Экваторіальной Африки, выдержки изъ котораго здѣсь приводятся.

«Пишу Вамъ изъ Средняго Конго, я нахожусь въ такъ называемой *Pointe - Noire*. Французы задумали построить здѣсь столицу Экваторіальной Африки. Сейчасъ строятъ въ большомъ количествѣ всякія зданія, начиная отъ родильнаго пріюта — до тюрьмы, включительно. Послѣднюю я сейчасъ и строю. Все желѣзо-бетонъ. Нагнали тысячи негровъ — всѣхъ племенъ и оттѣнковъ кожи. Есть огромные «Сарра» до пигмеевъ, — которые ростомъ напоминаютъ десятилѣтняго мальчишку. Все это — голое, говорящее на всѣхъ нарѣчіяхъ, не понимающее ни одного языка, враждующее между собой, понаѣхало въ эту *Pointe-Noire*, настроило тростниковыхъ хижинъ и подъ палкой бѣлыхъ строитъ столицу Африки. Работать съ этой ордой чрезвычайно трудно, но, вспоминая Чехова, который сказалъ, что ежели кошку долго бить, то она огурцы ѣстъ, а заяцъ спички зажигаетъ, — то такъ

и съ неграми. Мрутъ, какъ мухи, но дома строятъ. Лѣса здѣсь начинаются въ километрахъ 30-40 отъ берега океана, а здѣсь благодатный климатъ — небольшіе перелѣски и океанъ, умѣряющій жару. Конечно — здѣсь уже появились миссіонеры, которые крестятъ никарей, вѣшаютъ на нихъ изображеніе Святой Мадонны, а они преспокойно просверливаютъ дыру посрединѣ изображенія Святой Дѣвы и носятъ вмѣстѣ съ зубами какой нибудь змѣи или кусочками дерева, предохраняющими отъ смерти. «Культура» слегка уже коснулась ихъ. Въ воскресенье можно наблюдать негритянку, идущую въ церковь (небольшой баракъ) въ шляпѣ, въ платьѣ отъ Лафайета, босую, напудренную съ подкрашенными губами, ведущую негритенка на шнурѣ и съ зонтомъ. Картина хоть куда! Да сзади еще мужъ (иногда нѣсколько; — или наоборотъ: много женъ и одинъ мужъ — тутъ предразсудковъ нѣтъ) въ нижней рубашкѣ, въ шляпѣ, галстукѣ и ничего больше. Нѣкоторые носятъ запонки отъ воротничка — въ носу. Все это стоитъ, сидитъ и лежитъ въ церкви и ѣстъ «манга» (помѣсь яблока съ апельсиномъ).

Я живу очень не плохо. У меня домъ съ верандой. Много прислуги. Жалованія хватаетъ съ остаткомъ. Здѣсь могли бы устроиться и не плохо жить много русскихъ. Особенно не хватаетъ персонала для непосредственнаго наблюденія за работой. Лица, немного знакомыя съ ремеслами: плотника, каменьщика, столяра или механика, — всѣ бы нашли работу. Жизнь не очень дешева, но и жалованіе соотвѣтствующее. Неграмъ-рабочимъ платятъ два франка въ день. Есть здѣсь солдатъ-артиллеристъ, хохолъ. Онъ получаетъ 2500 фр. въ мѣсяцъ и квартиру. Легче семейнымъ, такъ какъ есть кому вести хозяйство. Продуктовъ, — за исключеніемъ овощей, достаточно. Бананы 4-5 фр. пукъ, въ деревняхъ еще дешевле, курица 4-5-6 фр. Дороги европейскія издѣлія: плохая аллюминіевая ложка — 7-8 фр. Вообще же жить можно и не плохо. Много змѣй. Они живутъ преимущественно на деревьяхъ и когда идешь ночью — то прогулка не особенно пріятная. Остальные звѣри всѣ ушли въ джунгли, которыя верстахъ въ 30-40 отъ города. Газеты и почта приходятъ разъ въ двѣ недѣли — такъ что всѣ новости узнаемъ ровно на мѣсяцъ позднѣе».

Членъ Союза полковникъ Карповъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ 6-ти мѣсячный отпускъ изъ Западной Французской Африки («Берегъ Слоновой Кости»), гдѣ состоялъ 2 года на правительственной службѣ въ качествѣ старшаго землемѣра и вновь вскорѣ возвращающійся для отбыванія второго контракта, даетъ слѣдующія крайне интересныя и подробныя свѣдѣнія о возможности устроиться на службу во французскія колоніи:

«*Устроиться можно лишь на государственную службу.*

Расчитывать попасть могутъ г. г. офицеры Генеральнаго Штаба, военные инженеры, топографы и тѣ, кто документально могутъ дока-

зать свое знакомство съ высшими математиками и геодезіей, ибо единственная служба, предоставляемая русскимъ въ колоніяхъ, (помимо врачей) это служба въ качествѣ *землемѣра* или *чертежника* (различные ступени и оклады).

Французскія колоніи разбиты на *семь* группъ: 1) Сѣверная Африка, 2) Западная Африка, 3) Экваторіальная Африка, 4) Мадагаскаръ. 5) Индо - Китай, 6) Гвіана и Гваделупа и 7) Мелкія разбросанныя колоніи.

Вербовка служащихъ въ таковыя производится спеціальными агентствами *(Agence Economique du Gouvernement)*, находящимися въ Парижѣ.

Для возбужденія хлопотъ нужно представить слѣдующее:

1. — Прошеніе на гербовой бумагѣ на имя Директора *Agence Economique*.
2. — Метрическое свидѣтельство (копія не старѣе 3 мѣсяцевъ).
3. — Семейное положеніе.
4. — Копіи документовъ о полученномъ спеціальномъ образованіи и среднемъ.
5. — Документы о несудимости *(cassier judiciére)*.
6. — Медицинское свидѣтельство врачебной комиссіи о пригодности къ колоніальной службѣ.
7. — Аттестацію съ послѣдняго мѣста службы.
8. — Членскую карточку Союза (играетъ большую роль).

На хлопоты уходитъ не менѣе полугода.

Смыслъ хлопотать лишь въ *Западную Африку* и *Экваторіальную*. куда попасть легче, чѣмъ въ прочія, но и въ тѣ, конечно не невозможно.

Адресъ *Agence Economique* Западной Африки; *159, Boulevard Haussmann*, 2 этажъ.

Хлопотать черезъ министерство колоній нѣтъ смысла. ибо таковое все равно всю подобную переписку сплавляетъ по подчиненнымъ агентствамъ.

УСЛОВІЯ СЛУЖБЫ И ОКЛАДЫ.

Физическимъ трудомъ европейцы въ колоніяхъ заниматься права не имѣютъ, а потому всѣ должности лишь командныя *(chef)*.

Оклады правительственныхъ чиновниковъ представляютъ:

		франковъ въ годъ.		
а) Основной европ. окладъ	отъ	8 000	до	16 000
б) Колоніальн. окл. (7/10 перваго)	«	5 600	«	11 200
в) Добавочныя по зонѣ	«	1 825	«	5 465
г) Для семейныхъ : на жену		600		въ годъ.
« « « на кажд. ребен.		1 200		» »
Въ среднемъ для одинокаго	отъ	16 000	до	32 665

Кромѣ того, при всѣхъ передвиженіяхъ и работахъ внѣ центра — суточныя и поверстныя. Проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходѣ за счетъ правительства: существуетъ подраздѣленіе на *двѣ* категоріи: 2-ая категорія — I классъ и 3-я категорія — II классъ. Безплатно перевозится багажъ *въ 450 килограммъ.*

Климатическія условія ничуть не страшны и разсказы о лихорадкѣ болѣе, чѣмъ преувеличены.

Прожиточный минимумъ въ колоніяхъ Западной Африки — 600-700фр. въ мѣсяцъ на человѣка (при казенной обставленной квартирѣ).

Служба по контракту на 2 года, послѣ каковыхъ дается (полагается) 6-мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ лишь *основного* европейскаго жалованія. Принятіе подданства, о чемъ въ агентствахъ будутъ говорить, — ничуть не обязательно».

Изъ жизни другихъ союзовъ.

1) Въ союзѣ пажей: Правленіе: Предсѣд. А. Ф. Треповъ, члены А. М. фонъ Кауфманъ-Туркестанскій, гр. А. М. Ланской, А. В. Бурманъ, А. П. Коцебу: казначей кн. Н. С. Трубецкой и секрет. С. А. Мещериновъ; *судъ чести:* А. М. Кауфманъ-Туркестанскій, гр. Лорисъ-Меликовъ, Н. Н. Шебеко, А. Ф. Ефимовичъ, В Х. Роопъ, Д. Ф. Левшинъ и кн. Н. С. Трубецкой: *ревизіонная комиссія:* В. Х. Роопъ, А. Ф. Гилленшмидтъ, кн. Г. Н. Эристовъ, бар. К. Н. Розенъ и Н. Н. Бобриковъ.

Адресъ правленія: 49, рю Лафиттъ, Парижъ (9).

2) Въ объединеніи бывшихъ воспитанниковъ Николаевской Инженерной Академіи и инженерныхъ училищъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, организуется рядъ сообщеній и докладовъ въ помѣщеніи Союза Галлиполійцевъ.

Послѣдній докладъ военнаго инженера полковника О. В. Шумскаго «Борьба за Новогеоргіевскую крѣпость въ 1915 году» вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній о роли и значеній крѣпостей въ будущей войнѣ.

Конспектъ лекцій по тактикѣ инженерныхъ войскъ, прочитанныхъ полковникомъ Головизнинымъ въ 1917 году, отпечатанъ и можетъ быть высланъ желающимъ. Цѣна 8 фр. Складъ изданія у Предсѣдателя правленія, генерала Бемъ, 40, рю Фаберъ, Парижъ (7).

3) Въ союзѣ летчиковъ. 25-го декабря и текшаго года состоялся съ особымъ успѣхомъ на этотъ разъ благотв. концертъ-балъ русскихъ летчиковъ, подъ покровительствомъ бывшаго начальника русской авіаціи на фронтѣ Е. И. В. Вел. Кн. Александра Михайловича и его дочери, Княгини Ирины Александровны.

Союзъ рускихъ летчиковъ во Франціи устраиваетъ ежегодно подобные концерты-балы, сборъ съ которыхъ идетъ, главнымъ образомъ, на поддержаніе семействъ погибшихъ летчиковъ и, благодаря энергичной работѣ правленія и членовъ союза, ежегодный бюджетъ союза летчиковъ доходитъ до 11-12.000 фр.

Составъ правленія союза: Председатель полк. Рудневъ (старѣйшій военный летчикъ — начала 1910 года) — 18, рю Ожеро (7), вице.-Председатели: ген.-майоры Барановъ и Степановъ. Секретарь: полк. Коляпковскій (19. рю Сантъ-Пэръ, 6 ар.), казначей: кап. Беюль (229 рю де Ванвъ — 15 арр.). Члены: полк. Нижевскій, ротм. Кушлянскій и пор. Румянцевъ

Членскій взносъ 36 фр. въ годъ и вступ. 10 фр.

Le Gérant : *M. Boivent*

« Rapid-Imprimerie », 12, rue Royer-Collard. Paris (V)

Принимается подписка на «ВѢСТНИКЪ». Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 см.

Переписку по дѣламъ редакціи и подписную плату надлежитъ направлять направлять въ Правленіе Союза

Union des officiers russes, 2, Boulevard Lannes. Paris (XVI).

№ 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Кончина Главнокомандующаго Русской Арміей генерала П. Н. Врангеля. — Пасхальныя поздравленія. — Изъ жизни Союза и его Отдѣловъ. — Политическій обзоръ. — Въ совѣтской Россіи. Борьба за хлѣбъ. Заговоръ «спецевъ». — А. Н. Виноградскій. Парижскіе военно-научные курсы. — Кн. Н. С. Трубецкой. Дѣло 5-го эскадрона Нижегородскаго драгунскаго Е. В. полка. — Изъ жизни другихъ Союзовъ. — Генералъ Д. Потоцкій. Сѣрые герои. —

По независящимъ отъ Правленія обстоятельствамъ, выпускъ номера 2 Вѣстника задержался на двѣ недѣли.

Кончина Главнокомандующаго Русской Арміей
Генерала ВРАНГЕЛЯ

ПРИКАЗЫ ПО ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ.

№ 1. 25-го апрѣля 1928 г. Шуаньи.

Сегодня волею Божіей скончался горячо любимый и высокочтимый соратниками Главнокомандующій Русской Арміей баронъ Петръ Николаевичъ Врангель.

Глубоко скорблю со всѣми о столь безвременной и тяжкой утратѣ. Миръ его праху и вѣчная память.

Въ Великую войну баронъ Врангель началъ свое славное боевое поприще геройской атакой во главѣ 3-го эскадрона Конной Гвардіи, взявши въ конномъ строю дѣйствующую германскую батарею. Затѣмъ блестяще командовалъ кавалерійскими частями до дивизіи включительно.

Въ Гражданскую войну, командуя различными частями Добровольческой Арміи, онъ одержалъ рядъ славныхъ побѣдъ.

Съ назначеніемъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміей вселилъ въ нее духъ, давшій ей возможность вести долгую, тяжелую борьбу съ превосходными силами враговъ.

Послѣ безпримѣрной эвакуаціи Крыма, генералъ баронъ Врангель на чужбинѣ, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, сохранилъ кадры доблестныхъ частей Арміи.

Благодарное чувство къ заслугамъ горячо любимаго Главнокомандующаго барона Врангеля будетъ вѣчно жить въ сердцахъ его соратниковъ и всѣхъ русскихъ людей.

Великій Князь *Николай Николаевичъ.*

№ 2. 25-го апрѣля 1928 г.

Русскій Обще-Воинскій Союзъ непосредственно подчиняю себѣ. Начальникамъ отдѣловъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза предписываю сноситься со мной черезъ начальника моей военной канцеляріи, генералъ-лейтенанта Кондзеровскаго.

Великій Князь *Николай Николаевичъ.*

№3. 29 апрѣля 1928 года.

Генерала отъ инфантеріи Кутепова назначаю Предсѣдателемъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза, объединяющаго части Зарубежнаго Русскаго воинства и всѣ существующія воинскія организаціи и союзы.

По всѣмъ вопросамъ, касающимся Русскаго Обще-Воинскаго Союза, генералъ отъ инфантеріи Кутеповъ докладываетъ непосредственно мнѣ.

Великій Князь *Николай Николаевичъ.*

Свѣтлой памяти ген. П. Н. Врангеля

Умеръ генералъ Врангель.

Передъ свѣже-засыпанной могилой мы не можемъ еще достаточно понять и оцѣнить то, что мы потеряли въ его лицѣ.

Утрата эта — невознаградима.

Что онъ сдѣлалъ — оцѣнитъ Исторія. Что онъ могъ еще сдѣлать? Этотъ вопросъ на вѣкъ останется безъ отвѣта.

Благодарная Россія запишетъ имя генерала Врангеля на одной доскѣ съ именами великихъ патріотовъ — Корнилова, Алексѣева и Колчака, которые спасали ея часть и достоинство и которымъ, какъ и ему, не суждено было дожить до свѣтлаго дня ея освобожденія.

Отношеніе зарубежной свободной Россіи къ смерти генерала Врангеля показываетъ, какъ высоко цѣнили его лично, а также Армію и офицерство, которое онъ съ такимъ достоинствомъ представлялъ.

Генералъ Врангель до послѣдней минуты горѣлъ мыслью — сохранить зарубежное воинство до свѣтлаго дня возвращенія въ освобожденную Россію. Этотъ завѣтъ онъ оставилъ всѣмъ русскимъ людямъ.

Съ вѣрою въ Россію, въ память генерала Врангеля мы должны исполнить его завѣтъ и довести его дѣло до конца.

Генералъ Кутеповъ.

Парижъ. 3 мая 1928 года.

Смерть генерала Врангеля — исключительно тяжелая потеря для всѣхъ насъ, кто живетъ мыслью о спасеніи Родины.

Заслуги генерала Врангеля безмѣрны, ихъ вполнѣ оцѣнитъ лишь Исторія.

Его завѣты останутся навсегда священными для насъ.

Вѣчная память нашему Главнокомандующему.

Пасхальныя поздравленія

Христосъ Воскресе.

Поздравляю всѣхъ со Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

Съ вѣрою въ помощь Божію, съ любовью къ Родинѣ и съ мужествомъ въ сердцахъ будемъ совершать нашъ путь.

Путь этотъ труденъ, но и цѣль велика — свобода и счастье Россіи.

И нѣтъ тѣхъ испытаній и жертвъ, которыхъ нельзя было бы перенести для этой великой цѣли.

Да укрѣпитъ насъ всѣхъ Воскресшій Господь.

Великій Князь *Николай Николаевичъ.*

Пасха 1928 года.
Шуаньи.

Христосъ Воскресе.

Поздравляю всѣхъ чиновъ Зарубежнаго Воинства и Офицерскихъ Объединеній съ Великимъ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Дай Богъ, чтобы и въ тяжкіе дни нашей будничной жизни въ сердцахъ у всѣхъ горѣла вѣра въ грядущее воскресеніе Россіи.

Николай.

Пасха 1928 года.
Шуаньи.

Отъ тяжко больного Главнокомандующаго Русской Арміей:

«Сердечно поздравляю Русское Зарубежное Воинство съ Свѣтлымъ Праздникомъ Воскресенія Христова.

Христосъ воскресе.

Генералъ *Врангель.*

2-15 апрѣля 1928 г.
Брюссель.

Кромѣ того, Предсѣдателемъ Правленія были получены поздравленія отъ Начальника 1-го Отдѣла Русскаго Обще-Воинскаго Союза ген.-лейт. Хольмсена, Предсѣдателя Союза Галлиполійцевъ во Франціи, ген.-лейт. Репьева, Предсѣдателей отдѣловъ Союза: Ліонскаго ген.-майора Чеглова, Туниccкаго, кап. 2 ранга Кублицкаго, на сѣверѣ Франціи — полк. Серафимовича, отъ группы членовъ Союза въ Болгаріи — полк. Меликова и др. На всѣ указанныя поздравленія посланы отвѣты.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ

Христосъ Воскресе.

Правленіе Союза сердечно привѣтствуетъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ всѣхъ членовъ Союза и шлетъ пожеланія всѣмъ всего радостнаго и счастливаго.

Опытъ Правленія по установленію связи со своими отдѣлами и отдѣльными членами путемъ выпуска Вѣстника долженъ быть признанъ весьма удачнымъ.

Многочисленные отзывы и письма, привѣтствующія это начинаніе, служатъ тому доказательствомъ. Очень многіе офицеры, въ большинствѣ живущіе въ провинціи, сдѣлали заявленіе о высылкѣ Вѣстника и внесли деньги впередъ за нѣсколько номеровъ. Правленіе Союза съ удовлетвореніемъ готово работать въ этомъ дѣлѣ и впредь и проситъ Отдѣлы и членовъ Союза больше и чаще писать въ Правленіе о всѣхъ вопросахъ жизни, представляющихъ интересъ.

18-го іюня с. г. исполняется 10 лѣтъ со дня ужаснаго Екатеринбургскаго злодѣянія — мученической кончины **Государя Императора Николая II, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ.** Кромѣ молитвеннаго поминовенія Царственныхъ и Августѣйшихъ мучениковъ, Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны, объединяющій въ Парижѣ и 5-ти своихъ Отдѣлахъ во Франціи, подъ вѣковымъ лозунгомъ **«за Вѣру, Царя и Отечество»** огромную массу стараго и молодого Русскаго офицерства, рѣшилъ ознаменовать этотъ день добрымъ дѣломъ.

18-го іюня 1928 года будетъ открыта въ одномъ изъ лечебныхъ заведеній для туберкулезныхъ *«койка имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи»* для больныхъ офицеровъ, членовъ Союза.

На этотъ предметъ изъ средствъ Союза будетъ ассигнована особая сумма; всѣмъ членамъ Союза, кромѣ годового членскаго взноса, предлагается внести въ фондъ на организуемое дѣло по 2 франка.

Правленіе Союза проситъ лицъ, сочувствующихъ этому начинанію и желающихъ ему посильно помочь, направить свои пожертвованія по адресу: —Union des officiers russes, 35, rue de Sevrès, Paris 7, — или внести таковыя въ канцелярію, туда же, вторникъ и пятница отъ 4 до 6 ч. дня, среда отъ 6 до 8 ч. веч., воскресенье отъ 2 до 4 ч.

При посылкѣ почтой, просятъ указывать адресъ для направленія квитанцій.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОЮЗА

1. КАНЦЕЛЯРІЯ СОЮЗА

Адресъ канцеляріи — 35, rue de Sevres, metro «Sevres», открыта по воскресеньямъ отъ 2 до 4, по вторникамъ отъ 4 до 6, по средамъ отъ 6 до 8, по пятницамъ отъ 4 до 6 часовъ. При всѣхъ письменныхъ обращеніяхъ въ канцелярію слѣдуетъ указывать свой адресъ, чинъ, фамилію, № членской карточки и годъ ея выдачи.

2. ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКОЙ КАРТОЧКИ НА 1928 ГОДЪ

Г.г. офицеры, не обмѣнявшіе своихъ членскихъ карточекъ на 1928 г., приглашаются это сдѣлать въ пріемные дни и часы въ канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинамъ не могущіе лично перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ, по адресу: Union des Officiers Russes, 35, rue de Sevres, Paris (7), со вложеніемъ членскаго взноса, взноса на койку имени Государя Императора Николая II и его Августѣйшей Семьи, взноса въ казну Великаго Князя и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта.

3. ЗАПИСЬ ВЪ СОЮЗЪ

Г.г. офицеры, желающіе записаться въ Союзъ, должны представить въ канцелярію свои офицерскіе документы, послѣ чего, заполнивъ опросный листъ, вернуть его въ канцелярію съ рекомендательными подписями 2-хъ членовъ Союза, состоящихъ въ немъ не менѣе 1 года, съ указаніемъ номеровъ ихъ членскихъ карточекъ и года выдачи, 10 франковъ годового членскаго взноса, одной фотографіи, а иногородніе, кромѣ того, и конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. По разсмотрѣніи опроснаго листа Пріемной Комиссіей и зачисленія въ Союзъ, выдается или высылается членская карточка, на которую наклеивается фотографическая карточка, проштемплеванная печатью Союза.

4. БИБЛІОТЕКА СОЮЗА

Съ 1-го мая открыта по средамъ отъ 8 до 10 ч. вечера и по воскресеньямъ отъ 1 до 2 ч. — 35, rue de Sevres,

5. ГОДОВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ СОЮЗА

Состоялось въ воскресенье, 20 мая, въ 14 ч. 30 м. ндя — 35, rue de Sevres,

Повѣстка дня:

1. Докладъ Предсѣдателя Союза о дѣятельности Правленія за 1927 годъ.
2. Докладъ Предсѣдателя Ревизіонной Комиссіи о ревизіи годового отчета.
3. Докладъ Предсѣдателя Правленія о днѣ 18-го іюня и установленіи обязательнаго взноса всѣми членами Союза на койку имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи.
4. Выборы.

О постановленіяхъ общаго собранія и результатахъ выборовъ будетъ сообщено въ слѣдующемъ номерѣ Вѣстника.

Правленіе Союза напоминаетъ своимъ членамъ, не вносящимъ въ казну Великаго Князя Николая Николаевича, что Общимъ Собраніемъ 1924 года принято установленіе ежемѣсячнаго взноса по 1 франку въ мѣсяцъ (12 фр. въ годъ) и проситъ при замѣнѣ членскихъ карточекъ вносить деньги въ казну Великаго Князя.

Г.г. офицеры, не возвратившіе полученныя ими заимообразныя ссуды изъ кассы Союза и Кассы Взаимопомощи, приглашаются это сдѣлать безотлагательно. Возвратъ ссуды въ Кассу Союза можетъ производиться по частямъ, хотя бы небольшими взносами, по 10, 15, 20 франковъ, адресуя почтой въ кассу Союза.

ИЗЪ ЖИЗНИ ОТДѢЛОВЪ СОЮЗА

Ліонъ. — Годовое общее собраніе Отдѣла въ Ліонѣ состоялось 18-го марта. Послѣ доклада Предсѣдателя, генералъ-майора Чеглова о дѣятельности Отдѣла за 1927 годъ, были произведены выборы на 1928 годъ, причемъ выбранными оказались, въ правленіе: полковники Бушинскій, Науменко, Скворцовъ, Лебедевъ, Щербаковичъ, Тихоновъ, Куколевскій и запасными членами: полк. Глазовъ и кап. Позцилковъ. Въ ревизіонную комиссію: полковники Ступинъ, Ищенко и Галичъ и запаснымъ членомъ полковникъ Бурмейстеръ.

Общимъ собраніемъ вынесены рѣшенія:

1. объ устройствѣ вечера — возложено на особую комиссію.

2. о содѣйствіи устройству гимнастическихъ курсовъ для русской молодежи.

Тунисъ. — Въ Тунисскомъ Отдѣлѣ состоялось годовое собраніе, на которомъ былъ сдѣланъ докладъ о жизни Отдѣла и были произведены выборы новаго Правленія.

Выбранными оказались: капитанъ 1 ранга Лебедевъ, И. М. кап. 1 ранга Янцевичъ, полковники Глѣбовичъ и Махровъ, капитанъ 2 ранга Романовскій, И. М. ст. лейт. Ивановъ, ст. лейт. Максимовичъ и запасными членами капитанъ 1 ранга Потапьевъ и лейт. Кожинъ.

Отдѣлъ непрерывно развивается, крѣпнетъ и является центромъ русской жизни въ Сѣверной Африкѣ.

Дѣятельность Отдѣла была главнымъ образомъ направлена къ сплоченію русскаго офицерства на началахъ патріотическихъ и національныхъ и къ оказанію матеріальной помощи нуждающимся членамъ.

Изъ начинаній отдѣла слѣдуетъ отмѣтить открытіе сбора средствъ на устройство общей братской могилы, для каковой цѣли Отдѣломъ пріобрѣтается особый участокъ земли.

Политическій обзоръ

Францiя. — Твердая политика Пуанкарэ дала опредѣленные результаты, и выборы въ палату депутатовъ явно это доказали. Національное объединеніе, имѣя большинство, сможетъ спокойно продолжать свою работу.

Палата 11-го мая 1924 года, избранная подъ знаменемъ «Cartel» — играющаго во Франціи роль кадетской партіи въ Россіи — окончила свое существованіе 17 марта 1928 года. Съ первыхъ же шаговъ цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ, сдѣланныхъ министерствомъ г. Эрріо, глубоко возмутилъ общественное мнѣніе и сильно уронилъ международный престижъ страны. Эльзасъ-Лотарингія выявила открыто свое недовѣріе. Отзывъ представителя Франціи при Ватиканѣ встревожилъ всѣхъ французовъ, считающихъ, съ полнымъ основаніемъ, это дипло-

матическое представительство необходимымъ для поддержанія внѣшняго престижа Франціи, внѣ всякихъ политическихъ или религіозныхъ вопросовъ. Эвакуація Рура и Дюссельдорфа безъ какихъ либо гарантій и компенсацій еще болѣе ослабили международное положеніе страны, а призракъ налога на капиталъ, постоянно выдвигаемый впередъ подъ давленіемъ соціалистовъ, главнымъ образомъ депутата Леона Блюма, велъ Францію къ неминуемой гибели. Въ довершеніе всего сказаннаго, признаніе большевиковъ является однимъ изъ подвиговъ того же правительства. Результаты не преминули сказаться. Жизнь страшно вздорожала. Фунтъ стерлинговъ стоилъ 240 франковъ, долларъ — больше 40 франковъ. Экономическая катастрофа казалась неизбѣжной, и критическое состояніе страны ясно доказывало полную несостоятельность и неспособность къ управленію партіи, исповѣдующей марксистскую вѣру.

Пуанкарэ, взявъ бразды правленія въ свои руки, примѣнилъ діаметрально противоположные пріемы. Ему удалось постепенно вернуть довѣріе страны и союзниковъ, предотвратить финансовый кризисъ и возстановить промышленность. Теперь фунтъ стерлинговъ стоитъ 124 франка, а долларъ — 25 фр.

Германія. — Заявленія генерала Гренера, новаго министра Рейхсвера, замѣнившаго Гесслера, живо комментировались европейской прессой.

Гесслера, какъ извѣстно, считали антиреспубликанскимъ дѣятелемъ, задавшимся цѣлью создать изъ Рейхсвера сильный кадръ будущей могущественной германской арміи.

Гренеръ заявилъ Рейхстагу, что Рейхсверъ содержится исключительно въ цѣляхъ самообороны страны и что его сто-тысячный составъ исключаетъ возможность предпринять какія бы то ни было дѣйствія агрессивнаго характера. На вопросъ демократа фонъ Рихтгофена, имѣетъ ли онъ намѣреніе создать «республиканскую армію», Гренеръ отвѣтилъ, что онъ и его войска находятся въ полномъ распоряженіи государства и его конституціонныхъ органовъ.

Принимая во вниманіе уклончивый отвѣтъ Гренера, а также высокіе кредиты, отпущенные морскому министерству, французская печать высказала предположеніе, что Рейхсверъ и германскія морскія силы являются, въ настоящемъ составѣ ничѣмъ инымъ, какъ крѣпкими кадрами будущей сильной и многочисленной арміи.

Слѣдствіемъ ареста германскихъ инженеровъ въ Донецкомъ бассейнѣ оказался разрывъ всякихъ финансовыхъ и техническихъ переговоровъ между Германіей и совѣтами.

Какъ извѣстно, совѣтское правительство пригласило шесть германскихъ инженеровъ-электротехниковъ для урегулированія производства въ Донецкомъ бассейнѣ и для примѣненія въ этой области новыхъ машинъ. Эти новыя, усовершенствованныя машины были выписаны изъ-за границы, но неопытные и зазнавшіеся рабочіе, не имѣя достаточной технической подготовки и не выказывая особеннаго желанія пріобрѣсти таковую, испортили машины. ГПУ воспользовалось случаемъ, чтобы арестовать новую партію неугодныхъ режиму лицъ — въ

томъ числѣ и германскихъ инженеровъ — подъ предлогомъ участія въ контръ-революціонномъ заговорѣ и умышленномъ саботажѣ орудій производства Донецкаго бассейна. Этотъ арестъ грубо нарушаетъ основы германо-большевицкаго договора 12-го декабря 1925 года. Несостоятельность совѣтскаго обвиненія даже не приходится доказывать. Но эта провокація вызвала новую волну ксенофобіи среди рабочей массы Донецкаго бассейна и позволила совѣтамъ, лишній разъ, натравить русскихъ рабочихъ противъ заграничныхъ техниковъ, все углубляя ровъ, образованный съ февраля 1917 года, болѣе и болѣе отдаляющій совѣтскую Россію отъ Запада.

Нѣмцы энергично реагировали на это насиліе и прервали всякіе переговоры съ большевицкой делегаціей, прибывшей въ Берлинъ для испрошенія новыхъ кредитовъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, часть инженеровъ выпущена большевиками на свободу, остальные же все еще содержатся подъ стражей.

Отношенія между Германіей и Франціей все больше и больше налаживаются. Промышленные договоры, возникшіе въ 1924 году, обнимающіе уже почти все сталелитейное и химическое производство этихъ странъ, все умножается и расширяется. Это сближеніе на экономической почвѣ вытекаетъ отчасти отъ взаимнаго положенія двухъ самыхъ крупныхъ континентальныхъ державъ, но также и отъ ошибочной тактики англійскаго правительства, неоднократно принимавшаго на себя, за послѣдніе годы, защиту германскихъ интересовъ въ цѣляхъ сохраненія «balance of powers» и тѣмъ самымъ оттолкнувшаго нѣсколько Францію отъ себя, тѣмъ болѣе, что англійская промышленность все еще сильно расшатана, такъ какъ англичане пожертвовали отчасти ею, чтобы спасти свое финансовое положеніе. Германія, наоборотъ, пожертвовала своими финансами для спасенія промышленности и, благодаря упорному постоянному труду, уже возстановила часть погибшаго въ 1923 году капитала. Франція возстановила и промышленность и финансы страны. Не найдя ожидаемой поддержки у англичанъ, она нашла новые рынки въ Германіи. Франко-германское экономическое сближеніе въ значительной степени увеличивало товарообмѣнъ между этими странами: вывозъ изъ Франціи въ Германію за 1927 годъ увеличился на два милліарда франковъ. Союзы, заключенные за послѣднее время между Франціей, съ одной стороны, Бельгіей, Италіей и Германіей съ другой, должны бы имѣть своимъ прямымъ послѣдствіемъ и экономическое сближеніе Франціи и Англіи. Будущее покажетъ, насколько это предположеніе является обоснованнымъ.

Италія. — Совѣтъ министровъ одобрилъ проектъ Муссолини, касающійся избирательной реформы: составъ итальянской Палаты, числомъ въ четыреста членовъ, избирается тринадцатью національными корпоративными конфедераціями. Четверть состава Палаты представляетъ учрежденія общегосударственнаго значенія. Списокъ кандидатовъ отъ этихъ учрежденій разбирается высшимъ фашистскимъ совѣтомъ, который сохраняетъ за собой право кооптировать видныхъ представителей науки, искусства, политики и т. д., по тѣмъ или инымъ причинамъ въ эти списки не включенныхъ.

Освобождаются отъ налоговъ и податей семьи военныхъ и гражданскихъ чиновъ, какъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ, такъ и числящихся въ отставкѣ, а также семьи служащихъ въ городскихъ и губернскихъ учрежденіяхъ, насчитывающія семь и болѣе человѣкъ дѣтей. Освобождаются отъ налоговъ всѣ вообще итальянскія семьи, насчитывающія десять или болѣе человѣкъ дѣтей. Эта мѣра освобождаетъ отъ налоговыхъ повинностей 35.000 семей.

Ватиканъ. — Въ отвѣтъ на всѣ попытки Муссолини въ пользу заключенія прочнаго союза съ Ватиканомъ, Римская Курія отвѣтила цѣлымъ рядомъ мѣръ, приведшихъ въ недоумѣніе многихъ изъ самыхъ ярыхъ ея сторонниковъ.

Съ момента захвата власти въ 1922 году, политика фашистскаго правительства постоянно была направлена въ пользу Римской Церкви. Муссолини, учитывая громадную силу католицизма, всячески старался привлечь его на свою сторону. Диктаторъ уничтожилъ всѣ свободомыслящія, антиклерикальныя и масонскія организаціи, призналъ обязательность курса Закона Божьяго во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи и, наконецъ, вернулъ духовенству часть прежде конфискованнаго имущества. Этими мѣрами онъ заслужилъ себѣ расположеніе Ватикана, и можно было надѣяться на то, что конфликтъ 1871 года между Церковью и правительствомъ, сохранившій всю прежнюю остроту, будетъ улаженъ. Но въ 1926 году признаніе со стороны правительства нежелательности возстановленія мірской власти Римскаго Владыки слегка охладило отношенія.

Въ 1927 г., подъ давленіемъ германскаго католическаго центра, нѣсколько представителей высшаго римскаго духовенства открыто выступили въ защиту германскаго народонаселенія Верхняго Адижа — возвращеннаго Италіи послѣ войны. Шелъ слухъ даже, что рѣчь австрійскаго канцлера Зейпеля по этому вопросу была составлена по непосредственному наущенію кардинала Гаспарри. Эти выступленія шли въ разрѣзъ съ общенаціональными интересами Италіи и Муссолини этого допустить не могъ. Диктаторъ рѣзко реагировалъ и отношенія его съ Куріей еще обострились. Римскій Папа, въ отвѣтъ открыто дезавуировалъ весь національный центръ, группирующій католиковъ — приверженцевъ фашизма, и потребовалъ для Церкви полный контроль надъ воспитаніемъ и образованіемъ итальянскихъ молодыхъ поколѣній. Какъ извѣстно, съ 1926 года, воспитательныя и образовательныя функціи принадлежатъ лишь организаціямъ фашистской молодежи. Лишь эти организаціи признаны законными. Въ видѣ исключенія, въ городахъ и поселеніяхъ, насчитывающихъ менѣе 20.00 душъ, Муссолини разрѣшилъ образовать дружины католической молодежи.

Въ отвѣтъ на неожиданныя притязанія Владыки, Муссолини приказалъ, первымъ дѣломъ, расформировать всѣ католическія дружины. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Римская Курія какъ будто собирается идти на уступки. Несмотря на это, борьба принимаетъ острый характеръ. Утверждать, что побѣда останется за Римской Церковью, было бы, по крайней мѣрѣ смѣло.

Лига Націй. — Международный органъ, созданный людьми, къ сожалѣнію, оторванными отъ реальностей повседневной политической и экономической жизни, продолжаетъ проявлять свою несостоятельность и отсутствіе должной прозорливости.

Выступленіе Литвинова, требующаго немедленнаго разоруженія всѣхъ странъ (за исключеніемъ Россіи и Германіи), къ которому столь неумѣстно присоединился германскій представитель графъ Бернсторфъ, застало Лигу врасплохъ. Благодаря талантливымъ выступленіямъ лорда Кэшендэнъ и графа Клозель, рѣчь совѣтскаго делегата была освѣщена должнымъ образомъ и обсужденіе вопроса было отложено. Но можно пожалѣть, что органъ, задавшійся цѣлью сохраненія международнаго мира и безопасности, допускаетъ столь опасныя демагогическія выступленія, преслѣдующія исключительно пропагандныя цѣли и саморекламу.

Оторванность отъ жизни этого высокаго международнаго органа живо иллюстрируется слѣдующимъ примѣромъ:

Венгрія, въ нарушеніе ст. 118 Тріанонскаго договора, ввозила пулеметы черезъ Сенъ-Готардъ.

Встревоженная этими дѣйствіями, Малая Антанта потребовала анкету и немедленный секвестръ пулеметовъ.

Франція присоединилась къ Малой Антантѣ.

Но Венгрія признала эти притязанія нелегальными, уничтожила поличное, т. е. всѣ пулеметы, и запретила Лигѣ Націй производство какихъ бы то ни было разслѣдованій на венгерской территоріи, нарушая тѣмъ самымъ постановленія ст. 143 того же Тріанонскаго договора.

Этотъ щекотливый вопросъ Лигой Націй не былъ разрѣшенъ и разсмотрѣніе его временно отложено.

Бельгія. — 21-го февраля с. г. бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Имансъ энергично возсталъ противъ эвакуаціи Рейнскихъ провинцій безъ опредѣленныхъ компенсацій, гарантирующихъ въ той же степени выполненіе Германіей обязательствъ, вытекающихъ изъ Версальскаго и послѣдующихъ договоровъ. Министръ считаетъ долгомъ какъ Бельгіи, такъ и Европы, сохранять за собой фактическій контроль надъ полной демилитаризаціей Рейнскихъ территорій.

Нельзя не отмѣтить выступленіе бельгійскихъ студентовъ, разгромившихъ въ январѣ большевицкую выставку. Необходимо подчеркнуть, что эта манифестація отнюдь не носила грубаго характера стихійнаго разрушенія: бельгійскіе студенты ограничились уничтоженіемъ всѣхъ предметовъ, брошюръ, плакатовъ и т. д., имѣющихъ характеръ политической, антисоціальной или антирелигіозной пропаганды. Рѣдкіе предметы искусства, особенно дореволюціоннаго, представленные на этой выставкѣ, всѣ уцѣлѣли. Большевики, «просвѣтительная дѣятельность» коихъ была достойнымъ образомъ оцѣнена бельгійскимъ студенчествомъ, не сочли нужнымъ помѣстить, въ числѣ остальныхъ плакатовъ съ подтасованными статистическими данными, нѣсколько краткихъ свѣдѣній, выразительно иллюстрирующихъ бытъ русскихъ студентовъ въ Москвѣ:

67% имѣетъ на пропитаніе 20 рубл. въ мѣсяцъ (50 фр).
26% нищенствуетъ.
16% располагаетъ жилымъ (?) помѣщеніемъ въ 2 квадр. метра.
24% не имѣетъ кровати.

Въ одномъ изъ студенческихъ общежитій 53%, а въ другомъ 85% студентовъ больны.

Польша. — Польско-литовскіе переговоры все еще продолжаются въ Кенигсбергѣ. Пока затронуты лишь вопросы, касающіеся желѣзнодорожныхъ и почтово-телеграфныхъ сообщеній. Предварительно будетъ, можетъ быть, разсмотрѣнъ и вопросъ о возмѣщеніи убытковъ. По свѣдѣніямъ изъ французскихъ источниковъ, Вольдемарасъ собирается предъявить требованія на вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ милліоновъ долларовъ. Есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что польская делегація согласится разсмотрѣть притязанія подобныхъ размѣровъ. Она настаиваетъ на томъ, чтобы въ Кенигсбергѣ вопросъ о территоріальныхъ границахъ не подвергался никакому обсужденію; литовская делегація опредѣленно заявляетъ, что ни одинъ литовецъ не согласится испрашивать польское разрѣшеніе и визу для проѣзда въ искони литовскій городъ — Вильну.

Въ совѣтской Россіи

Борьба за хлѣбъ.

Борьба совѣтскаго правительства за полученіе хлѣба у деревни, нежелающей его добровольно продавать, — продолжается безъ передышки. Совѣтская власть приняла всѣ мѣры для усиленія хлѣбозаготовокъ и — надо признать — за послѣднее время сумѣла увеличить количество поступавшаго въ казенные амбары хлѣба. Кромѣ усиленной агитаціи, отправки въ деревню товаровъ, (причемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ товары отпускаются только крестьянамъ, предъявляющимъ квитанціи о сдачѣ хлѣба), — главнымъ оружіемъ совѣтской власти въ этой борьбѣ противъ крестьянства является совѣтскій законъ. Статья 107 угол. кодекса РСФСР (аналогичныя статьи имѣются и въ кодексахъ другихъ совѣтскихъ республикъ), предусматриваетъ не только «злостное повышеніе цѣнъ», но и невыпускъ товара на рынокъ», т. е. за нежеланіе продавать въ данную минуту хлѣбъ крестьянинъ можетъ быть заключенъ въ тюрьму на нѣсколько лѣтъ, а имущество его — частью или полностью — конфисковано. (См. «Бѣдноту» 14. 2. 28).

Не стоитъ говорить о томъ, какой широкій просторъ даетъ эта статья для совѣтскихъ судовъ. Конечно, примѣненіе ея не есть еще возвращеніе къ продовольственной разверсткѣ, существовавшей въ первые годы совѣтской власти, но примѣненіе самаго грубаго насилія, едва прикрытаго видимостью судебнаго «приговора», — имѣетъ мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и по всей Россіи. Процессы «кулаковъ», «хлѣбныхъ спекулянтовъ» и проч., — чрезвычайно многочисленны. По заявленію пом. прокурора республики, Трасковича — («Комсомольская Правда» 27. 1. 28), — на губернскихъ прокуроровъ и предсѣдателей губ. судовъ возложена личная отвѣтственность за «проведеніе кампаніи съ вредителями хлѣбозаготовокъ».

Трасковичъ въ той же бесѣдѣ упоминалъ также о судебныхъ репрессіяхъ, въ связи съ недоимками по сельско-хозяйственному налогу, тѣмъ самымъ еще разъ подтверждая, что усиленное выколачиваніе податей является однимъ изъ средствъ къ побужденію крестьянъ выбрасывать хлѣбъ на рынокъ. Недоимщики будутъ привлекаться по 60 статьѣ кодекса, предусматривающей — въ первый разъ штрафъ въ размѣрѣ суммы налога, а во второй — принудительныя работы на срокъ до шести мѣсяцевъ, или штрафъ въ двойномъ размѣрѣ платежа. «Въ случаѣ же, — добавилъ Трасковичъ, — если тѣ же дѣйствія совершены группой лицъ по предварительному соглашенію, статья предусматриваетъ лишеніе свободы, или принудительныя работы на срокъ до одного года, съ конфискаціей части имущества».

Вотъ нѣсколько примѣровъ расправы съ крестьянами (изъ послѣднихъ совѣтскихъ газетъ): въ селѣ Покровскомъ, Артемовскаго (Луганскаго) района, посажены въ тюрьму, съ частичной конфискаціей имущества, крестьяне Пащенко и Чернышевъ. Въ селѣ Малиновкѣ, Славянскаго района, приговоренъ къ тюрьмѣ, съ конфискаціей имущества, крестьянинъ Быстрицкій; въ Гуляй-Полѣ привлеченъ къ отвѣтственности Краснощековъ, у котораго обнаружено 20 тоннъ хлѣба, и т. д.

Въ одномъ только сообщеніи изъ Одессы говорится о 60 процессахъ противъ крестьянъ въ Одесскомъ районѣ. Одинъ нѣмецъ-колонистъ приговоренъ «за сокрытіе» 500 пудовъ зерна къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы и конфискаціи всего зерна, за исключеніемъ количества, необходимаго для прожитія его семьи до новаго урожая. Въ другомъ районѣ 9 крестьянъ приговорены къ двумъ годамъ тюрьмы и высылкѣ. Въ Кіевскомъ районѣ произведенъ рядъ арестовъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ арестованныхъ тоже приговорены къ двумъ годамъ тюрьмы. Въ Полтавѣ власти собираются устраивать «показательные процессы».

Корреспондентъ «Извѣстій» изъ Ростова на Дону сообщаетъ, что на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ усилилась борьба съ хлѣбными торговцами и за послѣдніе дни января мѣсяца число арестованныхъ достигло нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Въ Ростовѣ ежедневно заканчивается пять-шесть дѣлъ о «спекуляціи» хлѣбомъ. Какъ происходятъ эти суды, показываетъ описаніе дѣла торговца Шабловскаго въ Ростовѣ на Дону. Все судебное слѣдствіе свелось къ слѣдующему:

— Вашъ торговый оборотъ? — спрашиваетъ предсѣдатель.

— Мой оборотъ? — отвѣчаетъ подсудимый, — я имѣю разрѣшеніе отъ финотдѣла!..

— На какую сумму?

— На сто тысячъ.

— Хлѣбъ покупали?

— Да, покупалъ...

— Крестьянъ зазывали?

— Да нѣтъ, никуда не зазывалъ...

— Вы давали крестьянамъ цѣну, выше установленной.

— Можетъ быть, я платилъ цѣну немного дороже, чѣмъ нужно, но никто мнѣ не говорилъ, что есть казенныя цѣны.

Въ заключеніе Шабловскій только за то, что платилъ больше, чѣмъ разоряющіе крестьянъ совѣтскіе заготовители, приговоренъ былъ «за подрывъ хлѣбозаготовительной кампаніи» къ тремъ годамъ тюрьмы съ конфискаціей имущества и къ высылкѣ изъ предѣловъ Сѣвернаго Кавказа на пять лѣтъ. (Изъ совѣтской газеты «Молотъ»).

Нѣкоторыя губерніи охвачены настоящимъ хлѣбозаготовительнымъ терроромъ, наводящимъ панику на торговцевъ и крестьянъ. Жестоко караются и совѣтскіе служащіе, оказывающіе содѣйствіе частнымъ обществамъ и торговцамъ. Такъ, въ Тифлисѣ разстрѣлянъ «за активное содѣйствіе спекулянтскому обществу «Хлѣбопекъ» начальникъ отдѣла комиссаріата торговли, Новиковъ. («Бѣднота» 27. 1. 28).

Частнымъ торговцамъ запрещается перевозка хлѣба. Комиссаріатъ путей сообщенія разослалъ инструкціи по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ о задержкѣ перевозокъ частныхъ грузовъ и особенно хлѣба.

Въ инструкціи указывается на необходимость прекращенія перевозки хлѣба спекулянтами. Однако, эта инструкція была принята на мѣстахъ настолько враждебна, что желѣзнодорожное начальство даже не рѣшилось примѣнить ее сразу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начальники желѣзнодорожныхъ участковъ задержали ея разсылку по телеграфу на станціи; для того, чтобы заставить жел.-дор. начальство исполнить инструкцію, въ Кіевѣ арестовано было три начальника желѣзнодорожной службы; они будутъ преданы суду.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже были установлены «заградительные отряды», препятствующіе вывозу хлѣба изъ одного района въ другой. Правда, это мѣропріятіе мѣстныхъ властей не получило одобренія «центра» и было отмѣнено.

Крестьяне оказываютъ, хотя и неорганизованное, но упорное сопротивленіе, защищаютъ свой хлѣбъ отъ посягательствъ совѣтской власти. Московскій корреспондентъ «Соціалистическаго Вѣстника», — органа соціалъ-демократовъ-меньшевиковъ (по старымъ связямъ довольно хорошо освѣдомленныхъ о происходящемъ въ Россіи) пишетъ, что дѣйствія крестьянъ часто ставятъ въ тупикъ совѣтскихъ администраторовъ и «хозяйственниковъ». «Почему — напримѣръ, — пишетъ «Соціалистическій Вѣстникъ», — крестьяне на Украинѣ то выбрасываютъ хлѣбъ на рынокъ такъ, что у заготовителей не хватаетъ амбаровъ, то вдругъ совсѣмъ перестаютъ везти хлѣбъ какъ разъ тогда, когда въ наркоматѣ увѣренно ожидаютъ усиленія хлѣбнаго потока? Почему, когда Украина начинаетъ выбрасывать на рынокъ хлѣбъ, Сибирь устроиваетъ какъ бы хлѣбную забастовку? Почему сегодня крестьянинъ набрасывается на мануфактуру, создавая товарный голодъ, а завтра воздерживается отъ покупки, создавая неожиданный кризисъ сбыта?»

«Одной экономикой тутъ ничего не объяснишь, — говорилъ автору письма одинъ изъ видныхъ экономистовъ изъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. — Тутъ дѣйствуютъ, такъ сказать, законы коллективной психологіи. Вѣдь, не сговариваются же милліоны крестьянъ на Украинѣ, или въ Сибири, на Поволжьѣ, или на Дону, а, между тѣмъ, всѣ дѣйствуютъ какъ по уговору, — кулаки, середняки, незаможники,

бѣдняки: то везутъ хлѣбъ, то пуда не вырвешь у нихъ».

Въ отвѣтъ на насилія власти — деревня пустила въ ходъ и оружіе. Попадающіяся въ совѣткой печати свѣдѣнія о возобновившемся противъ мѣстныхъ властей террорѣ представляютъ только блѣдное отраженіе кровавой дѣйствительности.

Очень также безпокоитъ совѣтскую власть то впечатлѣніе, которое производятъ на армію письма и другія сообщенія, идущія изъ деревни. Открытое броженіе, вызванное въ арміи и, особенно, во флотѣ, деревенскими письмами, какъ передаютъ, является одной изъ причинъ нѣкотораго ослабленія нажима на деревню. Такъ, напримѣръ, Всеукраинскій Центральный Исполнительный Комитетъ принялъ спеціальное постановленіе, въ которомъ говорится слѣдующее: «Полагая, что хлѣбозаготовительная кампанія должна остаться въ теченіе ближайшаго періода центральной политической и хозяйственной задачей, признать необходимымъ оставить на мѣстахъ командированныхъ товарищей до особаго ихъ отзыва». Однако, къ этому постановленію прибавлено: «Дать мѣстнымъ органамъ категорическія указанія о недопущеніи методовъ излишняго администрированія» (т. е. примѣненія насилія).

Въ этомъ постановленіи нельзя не видѣть результата отстаиванія деревней своихъ правъ. Хлѣбозаготовительная кампанія, имѣющая для совѣтской власти первостепенное значеніе — еще не закончена. Повышеніе количества заготовленнаго хлѣба, явившееся слѣдствіемъ нажима на деревню, не можетъ еще считаться окончательной побѣдой власти надъ крестьянствомъ. Во времена «продразверстки» хлѣба отнималось очень много, но, въ отвѣтъ, крестьяне сократили посѣвы, стали сѣять ровно столько, сколько нужно, чтобы самимъ прокормиться и тѣмъ самымъ вынудили власть отказаться отъ «продразверстки».

Итоги борьбы власти и деревни можно будетъ подвести только тогда, когда опредѣлится размѣръ весенняго посѣва, причемъ уже теперь имѣются свѣдѣнія о сокращеніи озимыхъ посѣвовъ.

Въ рукахъ крестьянъ сильное оружіе — сокращеніе посѣвной площади, грозящее оставить безъ достаточнаго количества хлѣба рабочихъ казенной промышленности, красную армію и нарушить планъ экспорта.

При оцѣнкѣ «успѣховъ» совѣтской власти, при извѣстіяхъ о выполненіи почти полностью хлѣбозаготовительнаго плана — нельзя упускать изъ вида это весьма важное обстоятельство — возможное сокращеніе посѣвовъ.

Борьба частно-собственническаго крестьянства съ коммунистами продолжается.

Заговоръ «спецевъ» въ Донецкомъ бассейнѣ

Въ началѣ марта мѣсяца текущаго года ОГПУ раскрыло въ Донецкомъ бассейнѣ «заговоръ» противъ совѣтской власти, въ которомъ оказались замѣшанными многіе инженеры и техники, работавшіе въ угольной промышленности, среди нихъ — и нѣсколько нѣмцевъ. Послѣднее обстоятельство сдѣлало раскрытіе «заговора» спецевъ, по су-

ществу ничѣмъ не отличающееся отъ бычныхъ дѣйствій ОГПУ, предметомъ горячаго обсужденія на страницахъ иностранной печати. Негодованіе противъ большевиковъ во многихъ иностранныхъ кругахъ весьма велико, — все это благодаря аресту пяти нѣмецкихъ подданныхъ. Невольно припоминается равнодушіе, съ какимъ обычно встрѣчаются въ Западной Европѣ извѣстія о террорѣ большевиковъ, хотя бы, напримѣръ, прошлогодній разстрѣлъ безъ суда двадцати человѣкъ, (въ томъ числѣ князя Долгорукова), — месть за убійство совѣтскаго «полпреда» въ Варшавѣ Войкова.

По оффиціальнымъ совѣтскимъ даннымъ, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«... Въ Шахтинскомъ районѣ Донбаса органами ГПУ... раскрыта контръ-революціонная организація, поставившая себѣ цѣлью дезорганизацію и разрушеніе каменноугольной промышленности этого района. Руководящій центръ этой организаціи... находится заграницей и состоитъ изъ бывшихъ капиталистическихъ собственниковъ и акціонеровъ каменноугольныхъ предпріятій Донецкаго бассейна, имѣющихъ тѣсныя связи съ отдѣльными агентами нѣкоторыхъ германскихъ промышленныхъ фирмъ и польской контръ-резвѣдкой. Тщательный анализъ многочисленныхъ дезорганизующихъ промышленность явленій — (пожары, взрывы, порча машинъ, завалы шахтъ), привелъ къ обнаруженію контръ-революціонныхъ преступниковъ. Послѣдующій арестъ, показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей, данныя экспертизы — дали обильный матеріалъ, съ точностью устанавливающій составъ, цѣли, средства и способы дѣятельности развѣтвленной заговорщицкой организаціи. Эта организація вовлекла въ свой составъ, помимо бывшихъ капиталистовъ... группу инженеровъ-спеціалистовъ, техниковъ, рядъ служащихъ... Работа этой контръ-революціонной организаціи, дѣйствовавшей въ теченіе ряда лѣтъ, выразилась въ злостномъ саботажѣ и скрытой дезорганизаторской дѣятельности... Задача злоумышленниковъ, въ случаѣ интервенціи, состояла въ томъ, чтобы организовать катастрофическій срывъ всей промышленности, рѣзко понизить обороноспособность страны и тѣмъ помочь интервентамъ одолѣть сопротивленіе... красной арміи... Слѣдствіемъ установлено, что участники организаціи финансировались заграничнымъ бѣлогвардейскимъ центромъ. Преступники арестованы и содержатся подъ стражей. Обвиненіе предъявлено имъ по 58-11 и 58-7 стат. По окончаніи слѣдствія дѣло будетъ передано въ верховный судъ СССР»...

(Сообщеніе прокурора верховнаго суда СССР, «Извѣстія» 10-го марта 1928 г.).

Общее число арестованныхъ по этому дѣлу доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ (83). Среди нихъ — пять германскихъ инженеровъ и техниковъ (а не шесть, какъ сообщалось ранѣе). Двое арестованныхъ нѣмцевъ освобождены. Одинъ изъ нихъ, инженеръ Всеобщей Компаніи Электричества Гольдштейнъ, прибылъ въ Берлинъ и сообщилъ, что поводомъ къ его аресту послужилъ невѣрный переводъ совѣтскими властями рапорта, поданнаго ему, Гольдштейну, однимъ изъ подчиненныхъ ему монтеровъ. Изъ за этой ошибки въ переводѣ

можно было предположить, что происходитъ саботажъ машинъ. Главными обвиняемыми по этому дѣлу являются штейгеры, два брата Колодубъ.

Трудно не увидать въ «заговорѣ спецевъ» обычной провокаціи ГПУ. Прежде всего, бросается въ глаза неправдоподобность утвержденія оффиціальнаго сообщенія о томъ, что поддерживавшіе связь съ прежними владѣльцами шахтъ инженеры, получавшіе отъ нихъ деньги, разрушали имущество своихъ «нанимателей».

Въ берлинской газетѣ «Руль», хорошо освѣдомленное, очевидно, лицо, скрывшееся подъ псевдонимомъ «Шахтеръ», пишетъ по этому поводу:

«Оставляя въ сторонѣ общее обвиненіе, повторяющееся при каждой провокаціи, остановимся на конкретныхъ указаніяхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ шахта Бессергеневка, которую Колодубы будто-бы сохранили для буржуевъ. Это ложь. На эту шахту бывшимъ владѣльцемъ дѣйствительно было затрачено 400.000 рублей.Но она была сдѣлана лишь на одну четверть и для того, чтобы она давала уголь, надо было въ теченіе ряда лѣтъ подготовительныхъ работъ затратить еще не меньше милліона довоенныхъ рублей. Отъ этого совѣтская власть, добывавшая уголь хищническимъ способомъ, отказалась и шахта стоитъ неоконченная.

Такая же явная ложь о шахтѣ Ново-Азовской, на которой будто бы былъ открытъ мощный пластъ и которая тоже была закрыта Колодубами для буржуевъ англичанъ. Въ дѣйствительности, это маленькій плохой рудникъ, на которомъ разорилась англійская компанія, отъ которой рудникъ перешелъ къ русскимъ, тоже разорившимся, и затѣмъ за долги достался новымъ владѣльцамъ, въ свою очередь потерявшимъ на немъ большія деньги.

Явную ложъ представляетъ указаніе на взрывы. Въ рудникахъ Шахтинскаго района нѣтъ газовъ и взрываться тамъ нечему.

Такая же ложь, будто бы Колодубы тайно расхищали инвентарь. Инвентарь на шахтѣ это котлы, машины, вѣсящіе сотни пудовъ и увезти ихъ изъ шахты можно только съ вѣдома и распоряженія всего мѣстнаго начальства послѣ обсужденія въ рядѣ комиссій и совѣщаній».

Каковы же были причины созданія этого «заговора»?

Слѣдуетъ полагать, что одной изъ причинъ было крайне тяжелое состояніе промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ, окончательно разоренной въ результатѣ большевицкаго «хозяйствованія», инженеры явились «козлами отпущенія» за преступленія совѣтскихъ «хозяйственниковъ». Интересно отмѣтить, что въ томъ самомъ номерѣ «Рабочей Газеты», въ которомъ было помѣщено приведенное выше сообщеніе совѣтскаго прокурора, напечатанъ рядъ свѣдѣній, рисующихъ въ весьма мрачномъ видѣ положеніе каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна.

Обычно хорошо освѣдомленные, бывшіе товарищи большевиковъ по партіи, соціалъ-демократы меньшевики, пишутъ по поводу «заговора» въ своемъ журналѣ «Соціалистическій Вѣстникъ»:

«Имѣются серьезныя данныя утверждать, что исторія съ заговоромъ на первыхъ стадіяхъ не была планомъ, задуманнымъ въ центрѣ. Взаимная борьба на мѣстахъ и въ центрѣ, рядъ шаговъ, сдѣланныхъ ГПУ безъ вѣдома СНК и Нар. Ком. Иностранныхъ дѣлъ поставили центральную власть передъ клубкомъ уже запутанныхъ взаимоотношеній и непоправимыхъ шаговъ. Тогда Сталинъ и Менжинскій, при противодѣйствіи Рыкова и Куйбышева, рѣшили использовать донбассовскую исторію для отвлеченія народнаго вниманія отъ политики Политбюро. Шумихой вокругъ заговора бѣлогвардейцевъ и иностранцевъ заглушить всѣ толки, прикрыть позоръ провала и хлѣбозаготовокъ и капитальнаго строительства».

Можно указать на еще одну, весьма вѣроятную, причину созданія провокаціоннаго «заговора»: незадолго до его раскрытія происходили въ Борлинѣ переговоры большевиковъ съ нѣмцами о новыхъ кредитахъ. Стороны не пришли къ соглашенію, но переговоры должны были возобновиться и, возможно, нѣмцы дали бы большевикамъ деньги при исполненіи нѣкоторыхъ условій, тяжелыхъ и совершенно непріемлемыхъ для сторонниковъ «чистаго» коммунизма, и безъ того недовольныхъ уступками правящей группы иностраннымъ капиталистамъ. Поэтому, можно съ большой долей вѣроятія полагать, что, помимо всѣхъ другихъ причинъ, «заговоръ» явился въ результатѣ борьбы двухъ враждующихъ теченій въ коммунистической партіи — сторонниковъ «чистаго» коммунизма и, такъ называемыхъ, «хозяйственниковъ». Чтобы помѣшать послѣднимъ заключить новый договоръ съ нѣмцами, могло быть оказано соотвѣтствующее давленіе на агентовъ ГПУ, сочувствующихъ «лѣвымъ» коммунистамъ.

Въ такомъ видѣ представляется очередной террористическій актъ совѣтской власти, опять надѣвшей саваны на многихъ русскихъ людей, — по удачному выраженію одного зарубежнаго органа, — вѣдь, никто не сомнѣвается, что смертные приговоры русскимъ участникамъ «заговора» уже вынесены до того, какъ дѣло о нихъ будетъ слушаться въ большевицкомъ судѣ.

ПАРИЖСКІЕ ВОЕННО-НАУЧНЫЕ КУРСЫ

*(Продолженіе. *)*

Указавъ наиболѣе характерныя данныя, вліяющія на организацію и тактику пѣхоты **), перейдемъ теперь къ артиллеріи, пережившей самыя глубокія видоизмѣненія, какъ въ своей организаціи, такъ и тактикѣ огня и даже методахъ стрѣльбы. Прежде всего укажемъ, что

---

*) См. № 1 «Вѣстника», статью «Парижскіе военно-научные курсы».

**) Въ предыдущей статьѣ у насъ вкралась невольно нѣкоторая неясность: дальнее расчлененіе походныхъ колоннъ производится при условіи наличности уже зафиксированнаго противника; въ чисто же встрѣчномъ бою продвиженіе въ походныхъ колоннахъ возможно часто и далѣе одного перехода.

къ концу Великой войны количество артиллеріи всюду значительно возросло; — напримѣръ, процентное соотношеніе къ пѣхотѣ достигло во Франціи, къ концу войны около 50%, у германцевъ максимальное количество артиллеріи достигло въ іюлѣ 1918 г. — 20.000 орудій, изъ коихъ 7.500 тяжелыхъ. Въ 1914 г. имѣлось у французовъ всего 1040 батарей, въ 1918 г. цѣлыхъ 2346 (для Россіи трудно дать точныя цифры вслѣдствіе утери многихъ документовъ).

Параллельно и соотвѣтственно этому увеличенію артиллеріи — уменьшалось у французовъ число ихъ потерь, что является самымъ нагляднымъ показателемъ значенія артиллеріи. Вообще нельзя не отмѣтить, что общее число потерь отъ артиллерійскаго огня у всѣхъ сражающихся значительно увеличилось сравнительно съ прежними войнами за счетъ пули и штыка: въ Великую войну они составляли 75%, тогда какъ въ Манджурскую кампанію они не достигали и 5%.

Массовое увеличеніе количества артиллеріи дало, понятно, громадное приращеніе артиллерійской плотности, если такъ можно выразиться, а именно на англо-французскомъ фронтѣ, при активныхъ операціяхъ, максимальное количество батарей на 1 версту достигало въ 1916-1918 г.г. 36-ти, а 20-25 батарей являлось самою обыденной нормой. Цифры эти особенно характерны, если вспомнить, что мы имѣли всего 6 легкихъ батарей на дивизію; даже принимая въ расчетъ легкіе гаубичные дивизіоны и созданную въ 1916-17 г.г. тяжелую артиллерію, мы все-таки никогда и нигдѣ къ такимъ цифрамъ, какъ у союзниковъ или у германцевъ, не приближались. Этой бѣдностью артиллеріи и объясняются отчасти наши неудачи при атакѣ германс. укрѣпл. позицій; тогда какъ въ бояхъ съ австрійцами, также технически отсталыми, но у которыхъ были части, дравшіяся не менѣе упорно, чѣмъ германцы (венгерцы, тирольцы, кроаты), мы одерживали успѣхи. Въ первомъ случаѣ, атакуя противника съ неподавленной артиллиріей, наша пѣхота втягивалась послѣ первыхъ успѣховъ въ огневые мѣшки и, несмотря на все мужество, принуждалась очищать выигранное пространство.

Война предъявила громадныя требованія не только къ численности артиллеріи, но и къ комплектамъ снарядовъ. Всѣ государства начали военныя дѣйствія съ недостаточнымъ количествомъ снарядовъ: мы имѣли ихъ меньше другихъ воюющихъ: всего около 1.000 на легкое орудіе, что даетъ, примѣрно, общее количество около пяти милліоновъ. О ничтожности данной цифры можно судить по тому, что въ апрѣльской операціи 1917 года на р. Эннъ, длившейся 10 дней, одна только французская артиллерія выпустила 4 милліона легкихъ снарядовъ. . .

Выявилось одновременно громадное значеніе химическихъ снарядовъ, потребленіе которыхъ, начавшееся въ 1915 г., настолько возросло къ концу войны, что въ весеннихъ своихъ наступленіяхъ 1918 г. у германцевъ 60% расходуемыхъ снарядовъ составляли химическіе. Особенное значеніе они пріобрѣли потому, что давали возможность нейтрализировать противника, т. е. парализовать его на время, необходимое для разрѣшенія полученной задачи. Между тѣмъ, при зна-

чительномъ усиленіи позицій въ періодъ позиціонныхъ операцій представляется абсолютно невозможнымъ разрушить всѣ сооруженія обороняющагося, «пульверизировать» ихъ, если можно такъ выразиться. На это ни у одного государства не хватитъ матеріальныхъ средствъ: невозможно имѣть, даже при полнѣйшемъ напряженіи, достаточно орудій и снарядовъ, чтобы снести и завалить въ тотъ промежутокъ времени, который по тактическимъ соображеніямъ можно удѣлить на артиллерійскую подготовку, всѣ укрѣпленія и окопы противника. Слишкомъ же длительная подготовка, помимо затраты колоссальныхъ средствъ, не достигаетъ цѣли, такъ какъ обороняющійся успѣваетъ въ такомъ случаѣ частично, если не цѣликомъ, возстанавливать разрушенное, подтягивать резервы къ угрожаемымъ участкамъ и вообще принимать свои контръ-мѣры. Вотъ здѣсь то и сказывается все значеніе химическихъ снарядовъ, начиненныхъ весьма различными по своимъ свойствамъ газами, въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой категоріи, но сочетаніе которыхъ даетъ возможность рѣшать самыя разнообразныя задачи въ короткое время.

Великая война подтвердила старую истину, что въ бою отъ артиллеріи всѣ желаютъ преимущественно получить могущественное дѣйствіе, а о подвижности думаютъ меньше; въ мирное же время, обратно, большинство увлекается подвижностью за счетъ могущественности. Кромѣ того, эта война похоронила надолго, если не на всегда, стремленіе къ осуществленію «единства калибра и снаряда», стремленіе соблазнительное, жертвой котораго неоднократно дѣлались даже выдающіеся артиллеристы и отчасти напоминающее средневѣковыя попытки алхимиковъ, найти вещество, способное превратить любой металлъ въ золото. На долю артиллеріи выпадаетъ столько самыхъ разностороннихъ задачъ по разрушенію матеріальныхъ препятствій, уничтоженію и парализованію живыхъ цѣлей на самыхъ разнообразныхъ дистанціяхъ и при всякихъ условіяхъ, что рѣшать ихъ всѣ однимъ только образцомъ, калибромъ и снарядомъ невозможно. Въ связи съ этимъ и народилась на жизненной, орошенной кровью, почвѣ, а не однимъ только путемъ теоретическихъ разсужденій, потребность въ разнообразной матеріальной части; создалась «артиллерійская система», которая заключаетъ рядъ образцовъ орудій, различныхъ калибровъ и мощности, различныхъ свойствъ, съ различной крутизной траэкторій, способныхъ справляться въ своей совокупности со всѣмъ комплексомъ встрѣчающихся въ современной боевой обстановкѣ задачъ, — другими словами, въ артиллеріи проявилась, и очень рѣзко наблюдаемая во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго труда въ нынѣшнюю эпоху, — спеціализація, дифференціація.

Рядомъ со всѣми перечисленными факторами нельзя обойти молчаніемъ выявившіяся еще слѣдующія необходимости:

1. Потребность въ дальнобойности, дабы поражать глубину противника и заранѣе разстраивать механизмъ его дѣйствій.

2. Бить густыми, массивными, сосредоточенными огнями, безъ которыхъ тактическихъ рѣшительныхъ результатовъ получить нельзя. Въ этомъ отношеніи всѣ расчеты и соображенія довоеннаго времени,

даже полигонные опыты, оказались несостоятельными, чѣмъ и объясняется отчасти громадный расходъ снарядовъ въ Великую войну. Въ свою очередь, данная необходимость ставитъ требованіе скорострѣльности, которую однако, нужно умѣть использовать, прибѣгая къ ней въ извѣстные моменты, согласно тактической обстановкѣ. Злоупотреблять же ею въ теченіе длительныхъ промежутковъ нельзя, такъ какъ это можетъ привести къ слишкомъ большому нагрѣву орудій и, какъ слѣдствіе, къ преждевременному безполезному изнашиванію матеріальной части, не говоря уже о возлагаемой на личный составъ непосильной работѣ.

А. Н. Виноградскій.

Ген.-лейт. Головинымъ въ годовщину основанія военно-научныхъ курсовъ была получена нижеслѣдующая почто-телеграмма отъ Великаго князя Николая Николаевича:

«Прошу Васъ передать господамъ офицерамъ, проходящимъ военные курсы подъ Вашимъ просвѣщеннымъ рукоовдствомъ, что съ любовью слѣжу за ихъ занятіями и радуюсь достигнутымъ успѣхамъ.

Надѣюсь, что пріобрѣтенныя многостороннія зннанія будутъ ими съ великою пользою примѣнены, Богъ дастъ, на дѣлѣ, на пользу всѣмъ намъ столь дорогой Русской Арміи.

Великая война ясно показала, что для пользы дѣла необходимо на много повысить и расширить, сравнительно съ прежними требованіями, область военныхъ знаній и подготовки каждаго воинскаго чина, отъ солдата до генерала включительно.

Отъ всего сердца желаю имъ успѣшнаго продолженія и окончанія курсовъ».

Руководители и слушатели военно-научныхъ курсовъ, принося горячія пожеланія Великому Князю здоровья и силъ на счастье возрождающейся Россіи, высказали свою глубокую благодарность Его Императорскому Высочеству за оказываемую поддержку научнымъ курсамъ и выразили готовность и надежду приложить пріобрѣтаемыя знанія на пользу Русской Арміи.

ДѢЛО 5-го ЭСКАДРОНА НИЖЕГОРОДСКАГО ДРАГУНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА 8-го АВГУСТА 1914 года У ГОРОДА СКЕРНЕВИЦЫ

12-го августа 1914 года была опубликована слѣдующая телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 11-го августа 1914 г., 12 ч. 21 м. дня: —

«Не смѣлъ бы безпокоить донесеніемъ о мелкомъ дѣлѣ, но рѣшаюсь это сдѣлать какъ Державному Шефу Нижегородцовъ: семьдесятъ отборныхъ германскихъ развѣдчиковъ съ офицеромъ были встрѣчены эскадрономъ Нижегородцевъ. Результатъ, кромѣ шести взятыхъ въ плѣнъ, всѣ изрублены. Нижегородцы четыре ранены пулями, два тяжело, холоднымъ оружіемъ ни одной царапины.

Генералъ-Адъютантъ *Николай*».

Какое такое дѣло вызвало это донесеніе? И, вѣроятно, было лихое, разъ Великій Князь доносилъ о немъ Государю Императору.

Если не считать стычекъ разъѣздовъ и перестрѣлокъ, это было первое дѣло полка въ Великую войну.

По объявленіи войны, отмобилизованные въ Тифлисѣ Нижегородцы, 22-го іюля выступили, пятью эшалонами, на Западный фронтъ, куда передвигался весь 2-ой Кавказскій армейскій корпусъ, имѣя впереди Кавказскую Кавалерійскую дивизію, во главѣ которой шли Нижегородцы. Быстро промелькнули Баладжары, гдѣ одинъ изъ эшелоновъ встрѣтилъ возвращаюся съ персидской границы, къ себѣ, въ штабъ-квартиру, на Манлисъ, охотничью команду своихъ кунаковъ Лейбъ-Эриванцевъ. Бодро и весело слѣдовали драгуны, всюду раздавались пѣсни, въ вагонахъ и на площадкахъ виднѣлись люди, оттачивающіе свои шашки. На всѣхъ станціяхъ Кавказа и казачьихъ областей населеніе привѣтствовало эшелоны. Изъ Ростова повернули на западъ и выданные маршруты до Лозовой заставили предполагать, что полкъ шелъ на австрійскій фронтъ, тамъ же получили дальнѣйшее направленіе на Харьковъ и Курскъ и стали торопить. Въ Харьковѣ узнали, что полкъ направляется на Гомель и Брестъ, что означало уже несомнѣнно — германскій фронтъ.

Днемъ 1-го августа прибыли въ Брестъ, гдѣ находился штабъ 5-ой арміи, генерала Плеве, но тамъ не ждали полка, и на запросъ генерала Миллера, куда направить Нижегородцевъ, послѣдовала изъ Ставки телеграмма — «Въ Варшаву».

Въ 10-мъ часу утра 3-го августа головной эшелонъ пришелъ въ Варшаву, а къ полудню всѣ эскадроны были уже выгружены.

Такъ какъ шли безъ одной проводки, въ сильную жару, то надѣялись простоять нѣсколько дней и дать передохнуть конскому составу, но не тутъ то было. Оказалось, что фронтъ передъ Варшавой былъ совершенно оголенъ, и военный губернаторъ генералъ Турбинъ, въ распоряженіе котораго поступилъ полкъ, приказалъ ему немедленно выступить походнымъ порядкомъ, черезъ Мщоновъ, на Скерневицы, произвести оттуда дальнюю развѣдку, и охранять громадный участокъ отъ Вислы, около Плоцка, до рѣки Пилицы, въ районѣ Петрокова, гдѣ войти въ связь съ 5-ой Кавалерійской дивизіей генерала Морица.

Живо накормили людей и уже въ третьемъ часу дня полкъ тронулся въ походъ. Прохожденіе полка уподобилось церемоніальному маршу. Полкъ провожалъ, верхомъ, губернаторъ бар. Корфъ, энтузіазмъ населенія былъ необычайный. Вся Варшава высыпала на улицы, драгунъ осыпали цвѣтами, задаривали папиросами, считая ихъ чуть не своими спасителями, и, дѣйствительно, въ тѣ дни Варшава была беззащитна. Тутъ умѣстно отмѣтить, что отношеніе польскаго населенія за все время пребыванія полка на германскомъ фронтѣ было выше всѣхъ похвалъ.

Въ Скерневицы прибыли: 3-ій эскадронъ, высланный еще изъ Мщонова впередъ для выставленія сторожевого охраненія, 4-го августа около 5-6 часовъ, а остальные эскадроны поздно вечеромъ, кромѣ

эскадрона ротмистра Наврузова, державшаго летучую почту отъ Варшавы...

Немедленно по приходѣ были высланы сильные офицерскіе разъѣзды, которые смѣнялись, и такимъ образомъ исполнялась трудная задача по охраненію и развѣдкѣ громаднаго района.

Такъ простояли четыре дня, и 8-го августа предполагалось слѣдовать въ Ловичъ, куда къ 9-му числу должна была сосредоточиться вся Кавказская Кавалерійская дивизія. Накануне вечеромъ, командиръ полка полковникъ Офросимовъ собралъ эскадронныхъ командировъ и отдалъ имъ соотвѣтствующія распоряженія, но утромъ, 8-го, получили свѣдѣнія, частью отъ разъѣздовъ, частью отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, что къ западу отъ Скерневицъ появились германцы, а на юго-западѣ, въ верстахъ 15-ти, видѣли даже около эскадрона, шедшаго въ направленіи къ городу.

Командиръ полка отмѣнилъ движеніе на Ловичъ и рѣшилъ сперва перехватить этотъ эскадронъ, для чего въ 11-мъ часу утра былъ высланъ 5-ый эскадронъ князя Д. Чавчавадзе съ приказаніемъ двигаться вдоль желѣзной дорогѣ Скерневицы — Петроковъ, при встрѣчѣ непріятеля отбросить его, въ случаѣ его не окажется, идти прямо въ Ловичъ; 3-му эскадрону ротмистра Денъ слѣдовать сначала по дорогѣ на Ловичъ, а потомъ свернуть на югъ, чтобы перехватить непріятеля, если онъ повернетъ въ эту сторону; 2-му эскадрону ротмистра Іедигарова слѣдовать правѣе 3-го, сообразуясь съ его движеніемъ. Остальная часть полка оставалась въ Скерневицахъ.

По выходѣ изъ города кн. Чавчавадзе встрѣтилъ пѣшую команду развѣдчиковъ, при ней былъ разъѣздъ отъ 4-го эскадрона съ подпрапорщикомъ Мирошниченко, который доложилъ, что, по свѣдѣніямъ жителей, вдоль дороги двигается непріятельская конница.

Эскадронъ пошелъ вдоль дороги, по лощинѣ, во взводной колоннѣ, а пор. кн. Бебутовъ былъ высланъ съ 10-ю драгунами на развѣдку, южнѣе, въ направленіи виднѣвшагося лѣса. Справа, на фонѣ перелѣсковъ, за полотномъ, находились разбросанные фольварки и деревни; былъ уже первый часъ, кругомъ было тихо.

Вотъ прошли версты три-четыре, когда правый дозорный унтеръ-офицеръ Рыбникъ донесъ, что въ деревнѣ, расположенной по правой сторонѣ желѣзной дороги, замѣченъ непріятель, и почти тотчасъ же оттуда раздались выстрѣлы; это нѣмцы открыли огонь по нашимъ дозорнымъ, видѣть эскадронъ они не могли, ибо онъ шелъ ложбиной. Кн. Чавчавадзе, ѣхавшій стороной, по хребту, также увидѣлъ непріятеля, и по его знаку эскадронъ построилъ фронтъ и, взявъ лѣвымъ плечемъ, пошелъ галопомъ въ направленіи деревни. Кн. Чавчавадзе спѣшилъ было эскадронъ, но, замѣтивъ какую-то неувѣренность у противника, часть котораго стрѣляла, а часть садилась на коней и услыхавъ голосъ унтеръ-офицера Нѣменко: «Ваше Сіятельство, въ атаку»! — снова посадилъ людей и скомандовалъ: «За мной маршъ, маршъ». Эскадронъ ринулся за своимъ любимымъ командиромъ и очутился на краю желѣзнодорожной выемки, которая была настолько глубока и крута, что люди буквально легли на крупы лошадей. Въ порывѣ ихъ

ничто не могло удержать, они быстро вскарабкались на тотъ край и бросились въ атаку.

До деревни было, приблизительно, около полуверсты. Кн. Чавчавадзе взялъ направленіе на лѣвый край деревни и, подскакавъ къ ней, увидѣлъ нѣмцевъ, собиравшихся въ группы, съ явнымъ намѣреніемъ открыть огонь.

Кн. Чавчавадзе не зналъ, что ему предпринять; его отдѣлялъ отъ нѣмцевъ заборъ, перескочить который онъ не могъ, т. к. остановилъ лошадь, повернуть было уже нельзя, ибо тогда люди, скакавшіе сзади, повернули бы тоже. Въ этотъ самый моментъ мимо него пронесся вахмистръ эскадрона подпрапорщикоъ С. Козловъ, который перескочилъ заборъ и влетѣлъ прямо въ кучу непріятеля; кн. Чавчавадзе видѣлъ, какъ онъ удачно рубнулъ одного нѣмца, отрубивъ ему кисть. Это былъ первый шашечный ударъ.

Тутъ начали подскакивать остальные драгуны, и нѣмцы окончательно растерялись; одни садились на лошадей и удирали въ поле, другіе засѣли въ домахъ и обстрѣливали нашихъ.

Кн. Чавчавадзе бросился съ первымъ полуэскадрономъ преслѣдовать и рубить отстававшихъ, а вахмистръ Козловъ, спѣшивъ людей четвертаго взвода, началъ обстрѣливать засѣвшихъ въ домахъ. Къ нему присоединился поручикъ кн. Бебутовъ, который не найдя никого въ лѣсу и услышавъ выстрѣлы, прискакалъ къ эскадрону. Тутъ въ деревнѣ былъ убитъ командиръ германскаго эскадрона майоръ графъ Штольбергъ. Онъ сидѣлъ на деревѣ и наблюдалъ за бывшимъ въ этотъ день затменіемъ солнца, не успѣлъ слѣзть и былъ подстрѣленъ унтеръ-офицеромъ кузнецомъ Ферберомъ; документы, найденные на немъ, были очень цѣнны, и по нимъ открыли въ Варшавѣ цѣлую шпіонскую организацію.

Въ началѣ атаки подъ вольноопредѣляющимся графомъ Ф. Медемъ была убита лошадь и онъ упалъ въ канаву, слегка раненый въ шею; очнувшись онъ увидѣлъ справа нѣмцевъ и услышалъ у нихъ крики: «Подать еще стрѣлковъ отъ коноводовъ», а потомъ приказаніе готовиться на коней. Сообразивъ, что нѣмцы собираются атаковать, графъ Медемъ вскочилъ и побѣжалъ доложить это кн. Бебутову, тотъ остановилъ стрѣльбу, посадилъ людей и бросился на нѣмцевъ. Нижегородцы подскакали въ то время, какъ нѣмцы садились на коней, и начали ихъ рубить, но все же человѣкъ 10-ть, бывшіе уже верхами, успѣли ускакать, преслѣдуемые драгунами.

Почти въ это время сюда подъѣхалъ кн. Чавчавадзе съ первымъ полуэскадрономъ и приказалъ графу Медему, взявъ людей, собрать убитыхъ и раненыхъ нѣмцевъ. Первыхъ оказалось человѣкъ 70-ть. Плѣнные - раненые, ихъ было 6 человѣкъ, показали, что они составляли особый эскадронъ, получившій задачу произвести важную развѣдку на Варшавскомъ направленіи.

Изъ особо отличившихся въ этомъ дѣлѣ нужно отмѣтить, кромѣ лихого ваюмистра Козлова, взводныхъ унтеръ-офицеровъ: 1-го, Плетнева, 4-го, Макарова; унт.-оф. Нѣменко, Рыбника, рядового Анучки-

на. Они были награждены Георгіевскими крестами. Потери эскадрона — 6 драгунъ ранены пулями, изъ коихъ одинъ вскорѣ скончался.

Эскадронъ обогатился 40 германскими лошадьми.

Такъ какъ противника больше нигдѣ не было видно, князь Чавчавадзе уже собирался вести свой эскадронъ назадъ, какъ подошли и остальные эскадроны изъ Скерневицъ съ Командиромъ полка и полковникомъ княземъ Меликовымъ.

Та же часть нѣмцевъ, которая старалась уйти изъ подъ ударовъ славнаго 5-го эскадрона, нарвалась на 3-ій при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ротмистръ Денъ со своимъ эскадрономъ выступилъ раньше 5-го и, какъ было указано, долженъ былъ сдѣлать обходъ. Достигнувъ сел. Белховъ, по дорогѣ Скерневицы — Ловичъ, послѣ короткаго привала, онъ свернулъ на западъ, и въ четвертомъ часу (послѣ затменія солнца) прибылъ въ сел. Селиговъ, гдѣ узналъ отъ жителей, что разъѣздъ непріятеля, силою въ 6 человѣкъ, минутъ 20-ть тому назадъ, прошелъ, направляясь къ сел. Лашковице: Выславъ за нѣмцами корн. Б. Панчулидзева со взводомъ (оба остальные офицеры, корнеты кн. Д. Голицынъ и Толпыго, были въ дальнихъ разъѣздахъ), съ приказаніемъ, не увлекаясь погоней, наблюдать за выходами изъ лѣса, что къ югу отъ села Лашковице, и два маленькихъ разъѣзда по пять человѣкъ, изъ коихъ однимъ командовалъ унтеръ-офицеръ Телѣгинъ, на село Пшоновъ и Смѣлковъ съ такою же задачей и, въ случаѣ появленія непріятеля, отступать, наводя германцевъ на него. Ротмистръ Денъ съ остальною частью эскадрона расположился въ селѣ Селиговъ.

Вскорѣ по выступленіи разъѣздовъ, къ нему привели двухъ германскихъ лошадей безъ всадниковъ, тогда онъ тронулся въ южномъ направленіи и по дорогѣ ему попались еще двѣ лошади, что и навело ротм. Дена на мысль, что гдѣ-то вблизи было столкновеніе. Почти одновременно было получено донесеніе о томъ, что непріятельскій разъѣздъ, около 8-10 человѣкъ, выскочивъ на поляну изъ противоположнаго лѣса, преслѣдуетъ разъѣздъ заманивающаго его за собой у.-офицера Телѣгина, который въ точности исполнилъ данное ему приказаніе

Выѣхавъ на поляну, ротм. Денъ увидѣлъ этотъ нѣмецкій разъѣздъ, который тотчасъ же повернулъ и бросился въ разсыпную.

При преслѣдованіи тутъ было изрублено четыре человѣка, одинъ взятъ въ плѣнъ и захвачено еще четыре лошади. Унт.-оф. Телѣгинъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, такъ какъ лично зарубилъ одного нѣмца. Вдали показался еще одинъ нѣмецкій разъѣздъ, но за дальностью не было смысла за нимъ гоняться, тѣмъ болѣе, что къ западу отъ Скерневицъ поднялось густое облако пыли; надо было собрать людей и привести ихъ въ порядокъ для приготовленія къ возможнымъ неожиданностямъ. Скрывшіеся германцы все-же попались второму эскадрону.

Высланный дозоръ донесъ, что это наши эскадроны, шедшіе изъ города и что ротмистру Денъ приказано присоединиться къ нимъ.

Собравшись, всѣ узнали о лихой атакѣ кн. Чавчавадзе, поддержавшаго въ первомъ же дѣлѣ полка его былой духъ и отвагу. Всѣ какъ-то преисполнились гордости и увѣренности въ свои силы, а это

было залогомъ будущаго, что «полкъ не постыдится во вѣки», какъ изволилъ выразиться Государь Императоръ Александръ III въ 1892 году. За это дѣло ротмистръ кн. Чавчавадзе былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ, а вскорѣ, за бой 10-го ноября, и Георгіемъ 4-ой степени. Выпущенный въ 1900 году изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, князь Давидъ былъ въ полку 14-мъ представителемъ этой доблестной старинной грузинской фамиліи; юный по лѣтамъ, онъ сохранилъ типъ стараго кавказскаго офицера, — отважный въ бою, смѣлый и правдивый передъ начальствомъ, привѣтливый и отзывчивый съ товарищами. Раненый въ двухъ войнахъ (Японскую и Великую), въ 1916 году, въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ командовать сформированнымъ имъ Грузинскимъ коннымъ полкомъ, съ которымъ достойно сражался на персидскомъ фронтѣ.

Князь *Н. С. Трубецкой.*

Парижъ. 1928 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДРУГИХЪ СОЮЗОВЪ

1. Въ Объединеніи бывшихъ воспитанниковъ Николаевской Инженерной Академіи и Инженерныхъ училищъ состоялся рядъ докладовъ: ген.-лейт. Субботина на тему: «Инженерное дѣло въ пѣхотѣ», полковника Трикоза «Радіо-телеграфъ. Техника и тактическое примѣненіе», и военнаго летчика полковника Колянковскаго «Тяжелая авіація».

2. Союзъ офицеровъ кавказской арміи, предсѣдателемъ коего состоитъ генералъ-лейтенантъ кн. Тумановъ, проситъ откликнуться служившихъ въ кавказской арміи и кавказскомъ военномъ округѣ, и сообщить свои адреса секретарю, капитану Калугину, — 44, рю Гутенбергъ (Парижъ, 15-й).

Въ Союзъ входятъ всѣ офицеры, врачи и священники, служившіе въ кавказскомъ военномъ округѣ и кавказской арміи. При Союзѣ имѣется обязательная касса взаимопомощи. Единовременный взносъ при вступленіи въ Союзъ 5 франковъ и ежемѣсячно 2 франка въ кассу и 1 франкъ членскій взносъ.

«СѢРЫЕ ГЕРОИ»

(Изъ эпизода Великой войны 1914 г.)

На тускломъ фонѣ сѣрой бѣженской жизни молодые ростки русской національной молодежи за повседневными заботами о насущномъ хлѣбѣ не видятъ и не слышатъ о дѣяніяхъ своихъ отцовъ и старшихъ братьевъ. Тяжелая трудовая жизнь превратила ихъ изъ блестящихъ представителей Россійской Императорской Арміи въ скромныхъ тружениковъ, и только изрѣдка ленточка ордена Св. Георгія Побѣдоносца въ петлицѣ напоминаетъ о былой славѣ, о былыхъ подвигахъ... Великая война 1914-1917 г.г. дала Русской Арміи безчисленныхъ героевъ, проявившихъ свои подвиги не ради отличій, не ради славы своей, а движимыхъ исключительно самоотверженной любовью къ Родинѣ, на защиту которой многіе положили свои головы... И лишь скромный

бѣлый деревянныхъ крестъ на могилѣ явился наградой за содѣянные подвиги.

Мы, оставшіеся волею Судебъ въ живыхъ, сподвижники и боевые друзья погибшихъ, съ особымъ чувствомъ благоговѣнія преклоняемся передъ доблестью и храбростью павшихъ на полѣ чести.

Мнѣ вспоминаются подвиги тѣхъ истинныхъ героевъ войны, кто, горѣлъ священнымъ огнемъ и, выполнивъ свой долгъ безъ страха и упрека, вновь зажигался для новаго подвига...

О своихъ сѣрыхъ герояхъ вспомнили благодарныя націи созданіемъ культа «Неизвѣстному Герою», а мы, въ силу сложившихся политическихъ условій, и своимъ извѣстнымъ героямъ не можемъ воздать должное. Пусть же этотъ небольшой эпизодъ напомнитъ и участникамъ войны и возрождающемуся русскому молодому поколѣнію, какъ воевали и какъ умирали наши братья за Царя, за Честь, за Родину...

«НА ДВИНѢ»

Позднимъ лѣтомъ 1915 года 19-ый Армейскій Корпусъ отходилъ къ Двинѣ, тѣснимый двумя германскими корпусами.

Откинувшись до серьезной преграды, командованіе приказало удерживать позиціи во что бы то ни стало. Отходъ почитался за измѣну Родинѣ. И утомленные, слегка разстроенные передъ сильнѣйшимъ и лучше снабженнымъ противникомъ, наши доблестныя войска остановились и удержали указанную имъ Державнымъ Вождемъ позицію. Разобщеннымъ отъ противника водной линіей рѣки Западной Двины, нашимъ войскамъ трудно, почти невозможно было вести ближнюю войсковую развѣдку, а воздушная развѣдка не давала тѣхъ свѣдѣній, которыя были необходимы Штабу Арміи. Намъ были извѣстны и линіи окоповъ, и мѣста расположенія орудій противника, но слѣдить за составомъ и перемѣщеніемъ нѣмцевъ можно было лишь производя то здѣсь, то тамъ усиленныя рекогносцировки или пользуясь шпіонажемъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ этотъ второй способъ широко примѣнялся германской арміей, а намъ приходилось жертвовать лучшими отчаянными храбрецами, рисковавшими въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ проникнуть ночью, при свѣтѣ германскихъ прожекторовъ, на вражескій берегъ рѣки, чтобы «снять» часового и, доставивъ Штабу снятые съ него отличія и иные признаки, подтвердить наличіе той или иной воинской части на нашемъ фронтѣ. Постоянныя потери и жертвы заставили этотъ способъ дѣйствій прекратить, — онъ не давалъ требуемыхъ результатовъ, — а Штабъ изъ Двинска требовалъ настойчиво развѣдки...

Въ такой обстановкѣ молодой хорунжій, представитель поколѣній храбрецовъ, занесшихъ на скрижали Исторіи свои имена въ турецкихъ кампаніяхъ на Кавказѣ, князь Сандро Дадешкеліани, командую сотенн. участкомъ обороны Двины, уже 2 недѣли слѣдилъ со своего берега за всѣмъ, что дѣлалось у противника. Ему было указано не рисковать зря людьми, но использовать всякій случай для опредѣленія части противника. Часами просиживалъ молодой хорунжій на своемъ командирскомъ наблюдательномъ пунктѣ, и только слѣдя въ бинокль, изучалъ

всю лежащую предъ нимъ мѣстность и всю жизнь на ней... Зналъ онъ точно, когда и гдѣ смѣна часовыхъ, откуда выходятъ на смѣну и какъ подходятъ невидимо къ берегу... Выяснилъ, и задумалъ отчаянный поискъ. Никому не сказавъ въ сотнѣ, — чтобы до начальства не дошло, — ровно въ полдень, въ прохладный вѣтренный сентябрьскій день, съ пятью храбрецами изъ своей сотни, на маленькой прострѣленной лодочкѣ-душегубкѣ, перебрался въ двѣ очереди на вражескій берегъ. Лодку причалилъ подъ утесомъ, самъ впереди, по поясъ въ водѣ, высоко держа винтовку и патронташъ, чтобы не замочить, по канавѣ, залитой водой, — двинулся съ казаками въ сторону жилого дома, гдѣ предполагалъ онъ вражескій постъ.

Съ полверсты двигались по водѣ безшумно, рискуя ежеминутно быть обнаруженными часовыми и безславно погибнуть, какъ уже погибли и погибали многіе смѣльчаки-развѣдчики.

Уже ясно виденъ домъ-сторожка лѣсничаго у опушки лѣса, и труба дымится, должно, пищу варятъ... У дома, въ 50 шагахъ, сидитъ у одинокаго дерева на скамейкѣ часовой и, опустивъ низко голову, что-то рисуетъ по влажному песку... И въ голову часовому не лѣзетъ подобная дерзость, открыто, среди бѣла дня, пройти мимо линіи прибрежныхъ часовыхъ и наступать на постъ... И мечтаетъ, несчастный, вѣроятно, о своей родинѣ, о близкихъ, и не чуетъ его сердце, что конецъ его близокъ...

Подойдя по канавѣ къ дереву, однимъ прыжкомъ изъ канавы Сандро уже передъ часовымъ и не успѣлъ тотъ поднять винтовку, какъ мѣткимъ выстрѣломъ, почти въ упоръ, уложилъ его молодой хорунжій. А затѣмъ съ крикомъ «ура» несется какъ вихрь къ дому лѣсничаго, а за нимъ, зараженные примѣромъ храбрости, мокрые, въ шлепающей обуви, бѣгутъ цѣпью его молодцы къ дому лѣсника.

На выстрѣлъ выскакиваютъ нѣмецкіе солдаты, какъ были за обѣдомъ, въ разстегнутыхъ мундирахъ, безъ оружія, изъ сторожки... — «Руки вверхъ», — по нѣмецки, предчувствуя уже успѣхъ, кричитъ Сандро, стрѣляетъ въ воздухъ въ знакъ своей силы, и цѣпью окружаетъ германскій постъ.

Краса и гордость Потсдама, — постъ въ 8 солдатъ безсмертныхъ гусаръ покорно сдается передъ смѣлыми казаками на милость побѣдителя. Сопротивленія нѣтъ. Побѣдители смѣлѣютъ отъ своего успѣха, — побѣжденные потрясены предъ небывалой дерзостью противника. А Сандро кричитъ за троихъ, вбѣгаетъ въ сторожку, хватаетъ германское оружіе, что аккуратно поставлено въ стойкѣ, срываетъ гусарскіе жгуты съ эмблемою безсмертныхъ гусаръ, — черепъ съ перекрещивающимися костями, — рветъ телефонный проводъ у аппарата и, какъ вихрь, гонитъ плѣненныхъ къ рѣкѣ, гурьбой, по скрытому ходу сообщенія, прямо на прибрежнаго часового...

У рѣки, въ три очереди, не теряя времени, переправляетъ всѣхъ на нашъ берегъ и съ послѣдней очередью переѣзжаетъ самъ..

А тѣмъ временемъ казаки его сотни собрались скрытно, и приготовились принять плѣнныхъ и, если что, помочь огнемъ, чтобы спасти своихъ.

На весь поискъ ушло не болѣе получаса.

Изъ Штаба полка я случайно пришелъ навѣстить больного командира сосѣдней сотни, удаленной съ полверсты отъ берега рѣки, въ его избу, когда съ шумомъ вкатился туда Сандро.

Глаза налиты кровью, восточная пылкость дышетъ во всѣхъ движеніяхъ. Весь обвѣшанъ германскими трофеями, въ рукахъ погонъ, сорванный имъ на германскомъ посту:

— Я говорилъ, — кричитъ Сандро, — что это Потсдамскіе гусары, что на вороныхъ лошадяхъ, — то 2-ой гусарскій гвардейскій полкъ, а 1-ый на сѣрыхъ лошадяхъ, такъ и плѣнный унтеръ-офицеръ подтверждаетъ. . .

И ни слѣда гордости содѣяннаго, а весь въ исполненіи долга. . .

У плѣнныхъ видъ смущенный. Не могутъ еще придти въ себя. Съ полчаса тому назадъ въ тепломъ помѣщеніи спокойно обѣдали, пили пиво изъ Либавы и вспоминали свое родное, Пильзенское. . . а вотъ сейчасъ, среди врага, и стыдно, и обидно. Пять смѣльчаковъ весь постъ сняли, и честь гусарскую, и оружіе, безъ боя, на вражескій берегъ доставили. . .

Я приступилъ къ допросу плѣнныхъ, а Сандро сконфузился, увидѣвъ меня, и лепечетъ, точно провинившійся:

— Я приказъ нарушилъ, да ужъ очень соблазнительно было, я прослѣдилъ, какъ смѣна въ полдень идетъ, три головы въ ходу сообщенія къ берегу идутъ, часового поставятъ, а четверо назадъ идутъ, рѣшилъ я, что чучело на дневную смѣну ставятъ они, такъ захотѣлъ я это чучело унести, а какъ увидѣлъ, что съ казаками на берегъ чужой удалось перебраться незамѣтно, такъ соблазнился живыхъ плѣнныхъ забрать. Будутъ помнить Потсдамскіе гусары, какъ казаковъ надувать. . .

Я пожурилъ Сандро и тутъ же при всѣхъ его расцѣловалъ.

И только проситъ Сандро: — Позвольте мнѣ, г-нъ полковникъ, винтовки въ сотнѣ оставить, одну винтовку отцу на Кавказъ пошлю при оказіи, — пусть знаетъ, что его сынъ врага не боится. . .

Казаки, участники происка, говорятъ: — Не будь нашего хорунжаго, никому и въ голову не пришло бы днемъ, да въ полдень, на дырявой лодкѣ черезъ Двину ѣзжать, да еще цѣлый постъ живьемъ плѣнять. — Все отъ храбрости ихней, только не отставай, все скажетъ, все покажетъ, какъ сдѣлать и какъ служить. . .

А Сандро и здѣсь распоряжается, чтобы плѣнныхъ накормить; добродушно смѣется:

Помѣшали мы имъ германскаго супа поѣсть, такъ своего русскаго борща дадимъ, не хуже имъ покажется. . .

Черезъ часъ весь участокъ былъ обстрѣлянъ ураганнымъ артиллерійскимъ огнемъ, а пулеметы германскіе трещали по всей линіи обороны нѣсколько часовъ, — видно, досадили мы нѣмцамъ своимъ появленіемъ на ихъ берегу.

А черезъ мѣсяцъ, не успѣлъ Сандро очередную награду за подвигъ принять, — на Дрисвятскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ, въ пѣшемъ строю, во главѣ своей сотни, взявъ двѣ линіи германскихъ око-

повъ, на 3-мъ рядѣ сложилъ онъ свой буйную голову, попавъ подъ пулеметный огонь. До вечера не могли любимаго командира сотни казаки изъ боевого огня вытащить. Трое смѣлыхъ ползкомъ подползли, уже приподняли тѣло, чтобы вынести Сандро, — да такъ и остались всѣ на мѣстѣ, въ скромномъ геройскомъ подвигѣ сложивъ свои головы за честь сотни... Уже ночью, подъ лучами германскихъ прожекторовъ, всѣхъ убитыхъ и раненыхъ вынесли казаки изъ подъ огня противника... а утромъ нѣмцы оставили свои окопы и отошли за Дрисвятское озеро...

**
*

Прошло три года. Кончилась позорно для насъ война. Разцвѣталъ махровымъ цвѣтомъ въ обездоленной Россіи красный интернаціоналъ...

Въ октябрѣ 1918 года, послѣ долгаго томленія по разнымъ мѣстамъ заключенія у большевиковъ, мнѣ удалось бѣжать изъ совѣтскаго рая и вплавь ночью близъ мѣстечка Копысь перебраться черезъ р. Днѣпръ въ часть Россіи, гдѣ порядокъ поддерживался германской оккупаціонной арміей.

На маленькой желѣзнодорожной станціи комендантъ, германскій офицеръ, разрѣшилъ мнѣ слѣдовать въ воинскомъ поѣздѣ, идущемъ изъ Орши въ Могилевъ. Я оказался въ вагонѣ 3-го класса среди солдатъ-кавалеристовъ, возвращающихся къ себѣ на родину, на побывку. Никто не обращалъ на меня вниманія, никто не зналъ, кто я и откуда ѣду. Противъ меня сидѣлъ внушительнаго вида вахмистръ германскаго гусарскаго полка и повѣствовалъ объ удачахъ на французскомъ фронтѣ своего полка, о томъ, что потери въ конницѣ, въ общемъ, были незначительны.

— Одна чувствительная потеря у насъ въ эскадронѣ за всю войну произошла на восточномъ фронтѣ, когда сидѣли мы въ окопахъ, замѣняя пѣхоту, на Двинѣ, — вспоминалъ вахмистръ, — но, правда сказать, и врагъ былъ отчаянный, для него никакихъ преградъ не существовало. — Эскадронъ цѣлый постъ потерялъ, съ такимъ врагомъ шутки плохи... — и вахмистръ погрузился въ воспоминанія.

У меня вдругъ всталъ передъ глазами обликъ красавца князя Сандро и жалкіе, смущенные плѣненные гусары.

— Не о томъ ли случаѣ вы вспомнили, когда въ сентябрѣ 1915 года, постъ 3-го эскадрона 2-го Гусарскаго Гвардейскаго полка казаки черезъ Двину живыми переправили? — спросилъ я усмѣхнувшись...

Вахмистръ бросилъ на меня испуганный взглядъ и долго не могъ отъ изумленія отвѣчать. Наконецъ, сказалъ, что, вѣроятно, я русскій офицеръ, но откуда я знаю, что именно 3-ій эскадронъ постъ потерялъ? Я откровенно признался, что постъ взятъ былъ на моемъ боевомъ участкѣ, что я лично видѣлъ его гусаръ, что ихъ допрашивали при мнѣ, что имъ худого не сдѣлали, а даже казаки хорошо покормили. Вахмистръ и окружавшіе насъ солдаты были ошеломлены моимъ разсказомъ, поражены совпаденіемъ, и до самаго Могилева подробно раз-

спрашивали меня, какъ удалось нашимъ пробраться на ихъ берегъ, восхищались храбростью и геройствомъ офицера и русскихъ солдатъ, а вахмистръ подтвердилъ мнѣ, что за всю кампанію у него въ эскадронѣ безсмертныхъ гусаръ это была единственная крупная потеря и что послѣ этого случая ихъ начальство усилило охрану берега и придало къ эскадронамъ стрѣлковые взводы.

***

Этотъ незначительный эпизодъ, приведенный мною, является живою оцѣнкой нашихъ дѣйствій нашимъ врагомъ. А сколько подобныхъ примѣровъ отчаянной храбрости прошли незамѣтно. И герои, ихъ содѣявшіе, получили въ награду не славу мірскую, а деревянный крестъ, и некому было передать ихъ роднымъ и близкимъ о томъ, какъ красиво умирали, честно исполняя свой долгъ передъ Родиной, ихъ отцы, братья и сыновья. . .

Пусть же передъ памятью нашихъ вѣрыхъ, скромныхъ героевъ, живые, въ молчаливомъ благоговѣніи, преклонятъ головы и передадутъ будущимъ поколѣніямъ о той беззавѣтной храбрости, что столѣтіями жила и воспитывалась въ Россійской Императорской Арміи.

Генералъ *Д. Потоцкій.*

Въ Правленіе Союза поступила просьба освѣдомить членовъ Союза о нижеслѣдующемъ:

Предполагается основать русское закрытое учебное заведеніе — (интернатъ) — въ Парижѣ или его окрестностяхъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ.

По намѣченному плану, исключительное вниманіе будетъ обращено на физическое и духовное развитіе ребенка, при строгой дисциплинѣ.

Будутъ организованы планомѣрныя занятія по ручному труду, съ цѣлью дать дѣтямъ достаточныя познанія по отдѣльнымъ ремесламъ.

По программѣ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, будутъ вестись занятія по Закону Божію, русскому языку, русской исторіи и географіи. Уроки по французскому языку и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ будутъ даваться французскими преподавателями примѣнительно къ программамъ французскихъ учебныхъ заведеній, дабы открыть дѣтямъ возможность, въ случаѣ желанія родителей, перейти для продолженія ученія во французскія заведенія.

Плата за обученіе, съ полнымъ пансіономъ, предположено установить въ 300 франковъ въ мѣсяцъ.

Срокъ открытія интерната зависитъ отъ скораго отвѣта на слѣдующіе вопросы:

1. Желаютъ ли родители отдать ребенка въ интернатъ на вышеупомянутыхъ условіяхъ.
2. Имя и возрастъ ребенка.
3. Учится ли ребенокъ гдѣ нибудь.
4. Въ теченіе какого мѣсяца желали бы родители отдать ребенка въ интернатъ.

5. Адресъ родителей для дальнѣйшихъ сношеній.

Представитель инниціативной группы *А. А. Нератовъ.*

Просьба направлять отвѣты въ свои организаціи.

Адресъ А. Нератова:

59, Avenue de la Marne. Аньеръ.

Личные переговоры ежедневно отъ 12 до 2 ч. дня въ помѣщеніи Торгово-Промышленнаго и Финансоваго Союза:

5, Place du Palais Bourbon.

Le gérant : *M. Boivent*

Imp. de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves. 32, rue de Ménilmontant

Принимается подписка на «ВѢСТНИКЪ». Цѣна номера 2 франка
съ пересылкой [redacted] 2 фр. 50 сант.

Переписку по дѣламъ редакціи и подписную плату надлежитъ
направлять въ Правленіе Союза.

Union des officiers russes, 35, rue de Sevrès, Paris (7)

№ 3.

Оглавленіе

Кончина Ея Императорскаго Величества *Государыни Императрицы Маріи Θедоровны*. — Изъ жизни Союза. — Десятилѣтняя годовщина со дня мученической кончины *Государя Императора и его Семьи*. — Генералъ-лейтенантъ Миллеръ. *Императоръ Николай II и армія*. — Краткій политическій обзоръ. — А. Н. Виноградскій. Вокругъ книги «Кризисъ Добровольчества» ген.-майора Б. Штейфона. — Его-же. Значеніе недавнихъ англійскихъ воздушныхъ маневровъ. — Ген. Д. Потоцкій. Сѣрые герои. — Изъ жизни другихъ союзовъ.

Кончина Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

По полученіи въ день кочнины *Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны* извѣстія о тягостной утратѣ, Великимъ Княземъ *Николаемъ Николаевичемъ* было объявлено нижеслѣдующее:

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

въ Бозѣ почила сего 13-го октября (30-го сентября ст. ст.) въ Копенгагенѣ. О семъ прискорбномъ и горестнѣйшемъ событіи извѣщая во всеобщее свѣдѣніе, *Его Императорское Высочество* Великій Князь *Николай Николаевичъ* объявляетъ г.г. Генераламъ, Штабъ и Оберъ Офицерамъ, солдатамъ и казакамъ Гвардіи, Арміи и Флота, а также всѣмъ русскимъ людямъ, чтущимъ драгоцѣнную память *Августѣйшей Усопшей*, что панихида объ упокоеніи души въ Бозѣ почившей *Государыни Императрицы* будетъ отслужена въ Парижѣ 14-го октября, въ 7 час. вечера.

Тысячи явившихся на панихидное служеніе не могли вмѣститься въ обширномъ помѣщеніи, особо выбранномъ въ предвидѣніи ожидавшагося многолюдства. Поэтому, по окончаніи первой, тотчасъ-же была отслужена вторая панихида въ присутствіи такого же скопленія молящихся.

Его Императорскимъ Высочествомъ въ приказѣ по Русскому Обще-Воинскому Союзу, отъ 8/21 октября с. г. объявлено:

«Кончина *Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны* поразила горемъ всѣхъ русскихъ.

«Долголѣтняя свидѣтельница мощи Россіи, Супруга и Сподвижница Царя Миротворца, Августѣйшая Императрица-Мать истинно близка и дорога была каждому русскому.

«Въ сіяніи доброты и благости *своего* сердца, въ неугасимой любви *Ея* къ нашей Родинѣ и въ величіи въ страданіяхъ и испытаніяхъ

Государыня Императрица запечатлѣла *Свой* Образъ въ вѣчную нашу память.

«Тяжесть утраты почувствована всѣми, и эти дни горя явили единство чувствъ всѣхъ русскихъ, забывшихъ все ихъ раздѣляющее.

«Да послужитъ сіе единство намъ всѣмъ въ утѣшеніе въ посѣтившемъ насъ испытаніи.

Великій Князь *Николай Николаевичъ*»

Шуаньи.

Новый ударъ, новое тяжкое горе выпало на долю русскихъ людей, — скончалась Супруга и Сподвижница Императора Александра III и Мать Царя Мученика Императора Николая II.

Покойная Государыня была дочерью датскаго Короля Христіана IX-го и до замужества носила имя Дагмары. Еще юною принцессою Она была помолвлена съ Наслѣдникомъ Россійскаго Престола Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, но судьбѣ было угодно рѣшить иначе: — 12-го апрѣля 1865-го года Цесаревичъ скончался въ Ниццѣ, а черезъ полтора года въ Петербургѣ было совершено мѵропомазаніе и торжественное бракосочетаніе съ Цесаревичемъ Александромъ. Далѣе тихая семейная жизнь въ Аничковомъ дворцѣ и 6-го мая 1867 года рожденіе Ихъ Первенца Николая, затѣмъ сыновей Александра (умершаго младенцемъ), Георгія и Михаила и дочерей Ксеніи и Ольги.

Въ періодъ освободительной войны 1877-78 г.г. произошла первая длительная разлука съ Мужемъ, принявшимъ въ командованіе Рущукскій отрядъ.

Съ этого времени Цесаревна стала душою Россійскаго Общества Краснаго Креста, широко и интенсивно развивавшаго свою дѣятельность.

Одновременно началась также неустанная работа Императрицы и во главѣ вѣдомства Ея Имени, гдѣ получило образованіе и воспитаніе столько дочерей военныхъ.

Громадная работа дѣлалась Императрицей скромно, незамѣтно, но результаты ея были исключительно велики. Не было человѣка, знавшаго объ Ея трудахъ, который бы не относился къ Ея Имени съ безграничнымъ уваженіемъ и рѣдкой любовью. Не подвела еще исторія итоговъ славнаго царствованія Императора Александра III-го, когда Россія достигла необычайной славы и могущества и когда русское имя пользовалось всюду рѣдкимъ авторитетомъ. Велики были труды покойнаго Монарха, и во всемъ Сподвижницей была Его Августѣйшая Супруга.

Душою семьи, гдѣ Императоръ проводилъ все свое свободное время, отдыхалъ и вдохновлялся на новые труды, была покойная Государыня, рѣдко чуткій, отзывчивый, безгранично добрый человѣкъ, и идеалъ жены-друга, помощника Монарха.

Въ дни русскаго лихолѣтія Государыня проявила исключитель-

ное величіе духа. Ея личное горе было безмѣрно: Она потеряла все: Сыновей, Внуковъ, Родину и до послѣднихъ дней Своихъ являлась для всѣхъ насъ живымъ олицетвореніемъ былой Славы, величія и благородства Россіи.

Никогда не забудется Царственный Образъ Ея, покидающей на англійскомъ кораблѣ послѣдній клочекъ русской земли, лишь послѣ того, какъ на суда были взяты всѣ русскіе, пожелавшіе эвакуироваться.

Этотъ образъ навѣки сохранится въ памяти тѣхъ, въ комъ бьется русское сердце и живетъ русскій духъ.

Пусть задумаются русскіе люди надъ тѣмъ, какой яркій примѣръ явила намъ датская принцесса, ставшая Русскою Императрицей, какимъ долженъ быть русскій человѣкъ, перенеся столько личнаго горя.

Императрица завѣщала перевезти Ея царственный прахъ для вѣчнаго упокоенія въ Петербургѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ, рядомъ съ Ея Державнымъ Супругомъ.

Хочется вѣрить, что съ Божіей помощью и усиліями вѣрныхъ сыновъ Россіи снова будетъ водруженъ св. Крестъ надъ Русскою Землею, и мы будемъ имѣть счастье быть участниками выполненія священнаго для насъ завѣщанія Императрицы.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОЮЗА

Годовое общее собраніе членовъ Союза Участниковъ Войны состоялось 20-го мая.

1) Предсѣдатель Союза генералъ-лейтенантъ Арсеньевъ сдѣлалъ нижеприводимый докладъ о дѣятельности и работѣ Союза за 1927 г.

«Отчетный 1927-ой годъ, седьмой годъ существованія Союза, протекъ въ трудныхъ условіяхъ. Тяжелый экономическій кризисъ и безработица, обрушившіеся на Францію; вызванное въ связи съ этимъ гоненіе на иностранцевъ и общая тенденція работодателей, подъ вліяніемъ министерства труда, сократить число таковыхъ въ предпріятіяхъ и не допускать пріема иностранныхъ рабочихъ вновь, отразились въ значительной степени на многихъ членахъ Союза.

Большое число потерявшихъ работу и попавшихъ въ затруднительное положеніе отказомъ министерства труда поставить на документахъ avis favorable, или санкціонировать необходимую перемѣну профессіи, бросилось въ Союзъ съ просьбой о помощи.

Правленіе Союза напрягло всѣ усилія для оказанія требуемаго содѣйствія. Войдя въ личныя сношенія съ однимъ изъ видныхъ дѣятелей на авеню Раппъ, оно въ каждомъ случаѣ обращенія въ Союзъ нуждающагося члена Союза прибѣгало къ помощи одного изъ директоровъ этого учрежденія, и ни одна изъ просьбъ не была отклонена.

Канцелярія Французскаго Союза Комбатантовъ, хотя и затрудненная создавшимся общимъ положеніемъ, неизмѣнно, какъ и ранѣе, шла на встрѣчу просьбамъ Правленія объ устройствѣ на мѣста, и многіе члены Союза съ благодарностью заявляли о благопріятныхъ результатахъ обращеній во Французскій Союзъ.

Несомнѣненъ фактъ, что представленіе рекомендацій отъ русскаго учрежденія (напримѣръ, на бланкѣ Союза) обречено на неуспѣхъ, и часто съ нимъ не пропускаютъ даже въ ворота завода; данное же на бланкѣ Французскаго Союза Комбатантовъ, совершенно мѣняло дѣло.

Въ Префектурѣ Правленіе Союза также установило прочныя связи для своихъ членовъ; комбатантскія карточки пользуются тамъ огромнымъ вниманіемъ; при условіи наличія штемпеля текущаго года, свидѣтельствующаго о томъ, что носитель карточки провѣренъ въ Союзѣ въ этомъ году. Это, по указанію властей, и вызвало отмѣтку на карточкахъ «Valable pour годъ».

Въ дѣлѣ обмѣна cartes d'identité много помогла установленная связь съ начальникомъ отдѣла паспортовъ въ Префектурѣ, оказавшимъ большія услуги нашимъ членамъ, и значительное большинство ихъ получило замѣну, по представленіи «комбатантской карточки», за 20 франковъ. Во всѣхъ случаяхъ предъявленія документовъ полиціи, члены общества попадали сразу въ исключительное положеніе по предъявленіи «комбатантской карточки».

Все вышеизложенное Правленіе Союза считаетъ необходимымъ указать своимъ членамъ, горячо рекомендуя эти членскія карточки всегда имѣть при себѣ и обязательно съ проштемплеванной въ Канцеляріи Союза фотографіей.

Этимъ далеко не ограничивается значеніе въ нашей жизни комбатантской карточки; случаевъ, доказывающихъ это, такъ много, что всѣ ихъ невозможно привести. Особенно характеренъ слѣдующій: на полковника, члена Союза, его квартирная хозяйка подала въ судъ требованіе о выселеніи, ввиду нежеланія его принять увеличеніе квартирной платы, или оставить квартиру. Судья, увидѣвъ предъявленную полковникомъ комбатантскую карточку, постановилъ распространить на него, какъ участника войны въ составѣ союзной арміи, право платы по до-военной расцѣнкѣ, и вынесъ рѣшеніе объ оставленіи его, какъ исправнаго плательщика, на той же квартирѣ съ уменьшеніемъ ежемѣсячной платы на 70 франковъ.

Тяжелое матеріальное положеніе многихъ членовъ Союза, вызванное потерей работы, по мѣрѣ возможности, было облегчено Правленіемъ выдачей заимообразныхъ ссудъ, — 6.565 фр. изъ кассы взаимопомощи и 3.490 франковъ непосредственно изъ суммъ Союза. Всего въ 1927-мъ году было выдано 111-ти членамъ ссудъ на сумму *10.055 франковъ.*

Кромѣ того, въ отчетномъ году было выдано безплатныхъ обѣдовъ на небывало большую сумму — *1.655 франковъ* (въ 1925-мъ году — 904 фр., въ 1926-мъ году — 230 фр.).

Идя на встрѣчу нуждающимся членамъ, проживающимъ въ про-

винціи. Правленіе посильно помогло и имъ, переведя на усиленіе средствъ своихъ Отдѣловъ въ отчетномъ году 700 франковъ.

Тяжелая жизнь въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ не могла за продолжительные годы изгнанія и непосильнаго труда, а послѣднее время и безработицы, не отразиться на здоровьи многихъ членовъ Союза. Все больше и больше приходятъ въ Союзъ съ просьбой о помощи на лѣченіе, надорвавшіе свое здоровье, больные члены Союза. Это не инвалиды, по наружному или неоспоримому признаку. Это просто изнуренные, работающіе изъ послѣднихъ силъ, старые и молодые боевые офицеры; у нихъ нѣтъ другого пристанища, какъ Союзъ, къ нему они тянутся за помощью и поддержкой. Кромѣ направленія къ врачамъ Союза, которые по прежнему неизмѣнно, обыкновенно безплатно, а иногда за ничтожную плату, оказываютъ, по запискамъ Секретаря Союза, помощь нуждающимся, Правленіе не могло остаться безучастнымъ къ такого рода нуждѣ. И въ отчетномъ, 1927-мъ году, на этотъ предметъ было израсходовано 1.979 фр. 40 сант.

Требованіе этого рода будетъ, несомнѣнно, повторяться и рости; закрывать глаза на это нельзя, необходимо постараться сдѣлать все, что можно, чтобы помочь поддержать здоровье членовъ нашего Союза. Въ 1927-мъ году уже было не мало смертныхъ случаевъ отъ переутомленія, потери силъ и туберкулеза.

17-го іюля с. г. исполняется 10 лѣтъ со дня ужаснаго Екатеринбургскаго злодѣянія и мученнической кончины *Государя Императора Николая II, Государыни Императрицы Александры Феодоровны,* Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ. Кромѣ молитвеннаго поминовенія въ этотъ день Церственныхъ и Августѣйшихъ Мучениковъ Правленіе Союза Офицеровъ Участниковъ Войны постановило ознаменовать его добрымъ дѣломъ.

17-го іюня будетъ открыта въ одномъ изъ лѣчебныхъ заведеній для туберкулезныхъ и выздоравливающихъ койка *имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи* для больныхъ туберкулезомъ членовъ Союза. [1]).

Правленіе Союза постановило ассигновать на это особую сумму изъ средствъ Союза и предложить членамъ Союза сдѣлать, кромѣ годового членскаго, въ 1928-мъ году, еще особый единовременный взносъ на это дѣло (не менѣе 2-хъ франковъ) и предложить сдѣлать тоже самое сочувствующимъ этому дѣлу, прося указать фамиліи и адреса жертвователей для отправки квитанцій.

Хотя состояніе денежныхъ средствъ Союза и не позволяетъ оказывать помощь женамъ офицеровъ, но Правленіе не могло въ исключительныхъ случаяхъ не оказать поддержки нѣкоторымъ вдовамъ офицеровъ, и ассигновало имъ пособіе на похороны. Въ отчетномъ году на это было израсходовано 200 франковъ.

---

1) Указанная койка открыта въ санаторіи для туберкулезныхъ Кн. Гагариной въ гор. Шень, въ полу-часѣ ѣзды отъ Парижа.

Итого расходъ въ 1927-мъ году на выдачу ссудъ и благотворительную помощь выразился въ 14.604 фр. 40 сант.

Возможность оказанія помощи въ такихъ размѣрахъ Правленіе получило благодаря добротѣ и участію нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій, оказавшихъ помощь Союзу, и среди нихъ, главнымъ образомъ, Августѣйшей Супруги нашего Верховнаго Главнокомандующаго *Ея Императорскому Высочеству* Великой Княгинѣ *Анастасіи Николаевнѣ,* пожертвовавшей Союзу въ 1927-мъ году 5.000 франковъ.

Матеріальное положеніе Союза за 1927-ой годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ отчетн. г.	Въ 1926 г.	Въ 1925 г.
Общая сумма прихода достигла ..	38.700	35.443	35.100
Что за вычетомъ остатка отъ предыдущаго года	8.627	6.554	7.700
составляетъ сумму дѣйствительнаго поступленія	30.077	28.898	27.400

Главныя статьи прихода въ отчетномъ году составляютъ:

Членскіе взносы 14.031 фр., (въ 1926-мъ году — 13.068 фр., въ 1825-мъ году — 11.214), продолжающіе ежегодно возрастать, давшіе превышеніе около 1.000 франковъ противъ прошлаго, и на 2.800 фр. противъ 1925-го года.

Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о неизмѣнномъ интересѣ къ Союзу своихъ членовъ, что также замѣтно изъ продолжающагося увеличеніе числа таковыхъ. За отчетный годъ въ Союзъ вступило 411 новыхъ членовъ.

Несмотря на это, надлежитъ отмѣтить, что далеко не всѣ члены Союза вносятъ свои членскіе взносы исправно; хотя величина его — 10 франковъ въ годъ, около 85 сант. въ мѣсяцъ, — составляетъ совершенно ничтожную цифру. Объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ отсутствіи желанія, или интереса, къ Союзу, а въ нѣкоторой небрежности и простомъ откладываніи взноса до случая. Правленіе совершенно не склонно полагать такихъ неисправныхъ членовъ покинувшими Союзъ, и оно право въ таковой точкѣ зрѣнія, такъ какъ въ 1927-мъ году, какъ и въ предыдущіе годы, многіе члены Союза сразу вносили свои взносы съ недоимками за прошлое время и выражали удовольствіе, что ихъ не считали отошедшими отъ близкаго имъ Союза. Въ отчетномъ году таковыхъ, сразу уплатившихъ членскіе взносы за нѣсколько лѣтъ, было 133. Тѣмъ не менѣе, Правленіе Союза проситъ всѣхъ членовъ Союза быть возможно исправнѣе въ вопросѣ уплаты членскихъ взносовъ, тѣмъ болѣе, что сдѣлано это можетъ быть и по почтѣ.

Слѣдующей крупной статьей прихода являются пожертвованія разныхъ лицъ — 6.115 франковъ, и разныхъ организацій — 5.275 франковъ, помогшихъ Правленію Союза развить свою дѣятельность въ минувшемъ трудномъ году.

Возвратъ выданныхъ ссудъ въ 1927-мъ году упалъ по сравненію

съ прошлыми годами; онъ выразился суммою 3.065 фр. (1.365 фр. по кассѣ взаимопомощи и 1.700 фр. по кассѣ Союза). Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ трудности переживаемаго кризиса безработицы, и въ началѣ 1928-го года таковой возвратъ ссудъ уже оживился.

Въ Казну Великаго Князя *Николая Николаевича* въ отчетномъ году внесено 1.951 фр.; деньги эти представлены мною *Его Императорскому Высочеству,* приказавшему мнѣ благодарить членовъ Союза, внесшихъ свою лепту.

Сумма эта въ отчетномъ году опять увеличилась по сравненію съ 1925 и 1926 г.г., и хотя большое число членовъ Союза, являясь одновременно членами многихъ другихъ союзовъ и воинскихъ объединеній, уплачиваетъ свои взносы туда, Правленіе Союза считаетъ нужнымъ все-таки еще разъ просить своихъ членовъ помнить объ этомъ исключительно важномъ фондѣ Спасенія Родины.

Разныхъ поступленій въ Союзъ въ 1927-мъ году было 834 фр.

Общая сумма расходовъ въ отчетномъ году достигла 33.708,40 фр.

Сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ: заимообразныхъ ссудъ выдано на сумму 10.055 фр., изъ коихъ изъ кассы Союза 3.490 фр., кассы взаимопомощи 6.565 фр.

Уплачено за безплатные обѣды 1.655 фр., за членскія карточки 3.905 фр., вознагражденіе казначея, онъ же секретарь 6.500 фр. разныхъ расходовъ по секретарской части 840 фр., почтовыхъ расходовъ 497 фр., канцелярскихъ расходовъ 327 фр., наемъ помѣщенія 1.050 фр., консьержъ 495 фр., отопленіе 272 фр. На библіотеку 1.050 фр., на гимнастическіе курсы 4.421 фр., обученіе шофферскому дѣлу 225 фр., отправлено на усиленіе средствъ Отдѣловъ 700 фр., наемъ зала для собраній 100 фр., пособіе вдовамъ 215 фр., внесено въ фондъ И. М. Ф. 300 фр., членскій взносъ въ Союзъ гуманитарныхъ учрежденій 25 фр., печатаніе опросныхъ листовъ, повѣстокъ, протоколовъ и проч., 210 фр. и разныхъ расходовъ 797 фр.

Сравнивая эти расходы съ расходами предыдущихъ годовъ слѣдуетъ отмѣтить ихъ увеличеніе, которое, главнымъ образомъ, падаетъ на увеличеніе расходовъ по выдачѣ ссудъ и по лѣченію больныхъ членовъ Союза.

Въ остаткѣ на 1-ое января 1928 года состояло по приходо-расходной книгѣ Союза 4.991 фр. 98 сант., суммъ библіотеки 55,50 и наличность кассы взаимопомощи 795 фр. 71 сант. Всего — 5.843 ф. 16 с.

Внутренняя жизнь Союза и его Отдѣловъ протекаетъ нормально, — по прежнему. Идя на встрѣчу постоянно высказывавшимся пожеланіямъ членовъ Союза, особенно живущихъ внѣ Парижа, объ установленіи связи, сообщеній информацій и даже просто свѣдѣній, что дѣлается на свѣтѣ, Управленіе Союза въ 1928-мъ году выпустило Вѣстникъ Союза Офицеровъ Участниковъ Войны. Опытъ этотъ далъ прекрасный результатъ. Стоимость перваго номера покрыта и выпущенъ номеръ второй; причемъ Правленіе нашло возможнымъ понизить стоимость номера съ 2 фр. 50 сант. до 2-хъ франковъ. Выпускъ «Вѣстника» будетъ продолжаться періодически около 4-хъ разъ въ годъ.

Канцелярія Союза переѣхала на рю де Севръ № 35, гдѣ помѣщается во 2-мъ этажѣ. Такъ какъ бараки на 2 бульваръ Ланнъ начали разбирать».

Заканчивая свой докладъ, Предсѣдатель еще разъ указалъ на полную жизненность Союза, существующаго на свои средства, при поддержкѣ лицъ, ему сочувствующихъ.

Если же члены Союза приложатъ еще больше вниманія къ своевременному взносу 10-ти франковыхъ членскихъ взносовъ, то дѣятельность его и въ дальнѣйшемъ будетъ неизмѣнно продолжать развиваться.

***

Предсѣдатель ревизіонной Комиссіи генералъ отъ кавалеріи Баратовъ огласилъ отчетъ о повѣркѣ денежныхъ суммъ и отчетности за истекшій годъ:

Комиссія, въ составѣ генерала отъ кавалеріи Баратова, генералъ-маіора Суворова и полковника графа Воронцова-Дашкова, 14-го сего мая 1928 г. провѣрила денежныя суммы, книги и оправдательные документы казначея, кассы взаимопомощи и библіотеки Союза Офицеровъ Участниковъ Войны, причемъ оказалось, что суммы показаны вѣрно, отчетность ведется чрезвычайно аккуратно, а документы находятся всѣ налицо.

Сумма прихода за 1927-ой годъ по книгамъ казначея составила .... 38.700 фр. 38 с.

Сумма расхода по тѣмъ-же книгамъ выразилась .... 38.708 фр. 40 с.

Остатокъ къ 1-му января 1928 года составилъ .... 4.991 фр. 98 с.

Касса взаимопомощи Союза ведетъ свой отдѣльный отчетъ, по которому сумма прихода за 1927-ой годъ составила 7.956 фр. 01 с.

Сумма расхода выразилась .... 7.160 фр. 30 с.

Остатокъ къ 1-му января 1928-го года составилъ .... 795 фр 71 с.

Кромѣ того сумма библіотеки къ 1-му января 1928-го года составила .... 55 фр. 50 с.

Итого въ остаткѣ къ 1-му января 1928 г. въ Союзѣ состояло .... 5.843 фр. 16 с.

Ревизіонная Комиссія съ большимъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что Правленіе Союза приняло всѣ мѣры къ выполненію пожеланій Ревизіонной Комиссіи, высказанныхъ ею въ отчетѣ за 1926-ой одъ.

Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны, несмотря на трудный 1927 годъ, окончательно сталъ на путь самостоятельнаго существованія. Идя по этому правильному пути, Союзъ можетъ еще шире развить свою дѣятельность только при аккуратномъ поступленіи членскихъ взносовъ и своевременномъ возвращеніи выданныхъ ссудъ. Комиссія полагаетъ,

что Правленіе, какъ и въ прошлый годъ, обратитъ на это свое особое вниманіе.

Подлинный подписали:

Председатель Комиссіи, ген. отъ кавал. *Баратовъ.*
Члены: Ген.-маіоръ *Суворовъ.*
Полк. *гр. Воронцовъ-Дашковъ.*

**
*

Послѣ этого Собраніе приступило къ производству выборовъ и заполненію избирательныхъ записокъ.

Комиссія изъ 3-хъ членовъ Собранія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора *Баркалова,* произвела подсчетъ поданныхъ голосовъ, и Предсѣдатель Собранія огласилъ результаты.

Избранными оказались:

1. *Членами Правленія:* Ген.-лейт. Черечукинъ, ген.-майоръ Орловъ, ген.-майоръ Фокъ, Капит. 1-го ранга Шубертъ, Ген. Штаба полк. Подчертковъ, Ротмистръ Вуичъ.

2. *Запасными членами:* Полк. Шумскій, полк. Григорьевъ, подполк. Кушнеревъ.

3. *Генеральнымъ Секретаремъ:* полк. кн. Трубецкой.

4. *Въ Ревизіонную Комиссію:* Ген. отъ кавал. Баратовъ, ген.-майоръ Суворовъ, полк. гр. Воронцовъ-Дашковъ.

5. *Въ Комиссію по пріему членовъ:* (Судъ Чести Союза): — Ген.-майоръ Чекатовскій, ген.-майоръ Тарасенковъ, ген.-майоръ Оприцъ, полк. Четыркинъ, полк. Поповъ, полк. Жолондковскій, ротм. Безсребренниковъ.

6. *Въ Кассу Взаимопомощи:* Ген.-лейт. Ставицкій, ген.-майоръ Ермаковъ, полк. Григорьевъ, Секретарь прап. Пѣтуховъ.

Предсѣдателемъ Союза состоитъ, по прежнему, назначенный на эту должность Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ ген.-лейтенантъ Арсеньевъ.

Секретаремъ и казначеемъ Союза — полк. Колотинскій.

По оглашеніи результатовъ выборовъ Предсѣдатель Собранія ген. отъ кавал. Баратовъ пригласилъ Общее Собраніе выразить Правленію признательность за его плодотворную дѣятельность въ теченіе истекшаго года.

ОРГАНИЗАЦІЯ МОЛОДЕЖИ

При Союзѣ Русскихъ Офицеровъ Участниковъ Войны организовалась группа русской молодежи изъ сыновей членовъ Союза. Истекшимъ лѣтомъ группой этой, подъ руководствомъ члена Правленія Союза русскихъ офицеровъ, были совершены три прогулки.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ с./г. началось чтеніе лекцій. Предположено прочесть 24 лекціи, — по русской географіи, по русской исторіи и по военнымъ предметамъ: понятіе о стратегіи, тактикѣ, военной топографіи, фортификаціи, военной администраціи, военномъ законовѣдѣніи, понятіе о русскомъ военномъ Флотѣ, русскіе воинскіе уставы, равно

лекціи о военномъ бытѣ Русской Арміи, военномъ хозяйствѣ и т. п. Собираться молодежь будетъ одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ, вечеромъ.

Въ настоящее время въ группѣ состоитъ 14 юношей. Сыновья и родственники членовъ Союза Офицеровъ участниковъ войны, особенно тѣ изъ нихъ, кои интересуются военнымъ дѣломъ и предполагаютъ въ будущемъ посвятить себя военной службѣ въ Русской Арміи, могутъ вступить въ группу.

Отъ поступающихъ требуется:

1) разрѣшеніе родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ;

2) обязательство, записавшись, аккуратно одинъ разъ въ недѣлю посѣщать лекціи и безъ уважительныхъ причинъ таковыхъ не пропускать;

3) возрастъ отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ.

Вступленіе въ группу можетъ быть въ теченіе сего, 1928-го года.

Для вступленія слѣдуетъ обращаться, не забывая указывать свой адресъ, письменно по адресу:

Saint-Cloud (Seine et Oise), 78 rue Buzenval, — A. F. Grigorieff.

Весной 1929-го года предположено продолжать занятія на воздухѣ, практически ознакомиться со строевымъ уставомъ, съ военными играми и т. п.

---

† ПОДПОЛКОВНИКЪ КУШНЕРЕВЪ

Скоропостижно скончался отъ паралича сердца членъ Правленія Союза подполковникъ Алексѣй Алексѣевичъ Кушнеревъ. Покойный въ 1906 году былъ произведенъ въ офицеры въ 198-ой пѣхотный Александро-Невскій полкъ изъ Александровскаго военнаго училища, а затѣмъ служилъ въ Главномъ Управленіи по квартирному довольствію войскъ и въ Управленіи главнаго начальника снабженій юго-западнаго фронта. Въ гражданскую войну подполковникъ Кушнеревъ былъ въ арміи генерала Юденича, въ отрядѣ князя Ливена, а затѣмъ въ 3-ей арміи генерала Перемыкина. По переѣздѣ въ Германію былъ начальникомъ русскаго лагеря въ Котбусѣ, а затѣмъ переѣхалъ во Францію и поступилъ на заводъ. Тяжелую работу выполнялъ здѣсь покойный, но все же весь свой досугъ онъ отдавалъ Союзу, работая въ библіотекѣ и въ Правленіи.

Покойный былъ отличный офицеръ, выдержанный, крайне исполнительный, скромный. Всѣ, знавшіе его, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и любовью.

Съ гордостью вспоминалъ покойный своего старика отца, который вѣрою и правдою отслужилъ 35 лѣтъ Л. Гв. въ Московскомъ полку, начавъ службу рядовымъ.

Миръ праху Твоему.

День русской скорби

17-го іюля, день Русской Скорби, — десятилѣтней годовщины со дня мученической кончины *Государя Императора* и Его Августѣйшей Семьи, прошелъ въ Парижѣ и окрестностяхъ въ молитвенномъ поминовеніи.

Въ прессѣ и на собраніяхъ по этому было высказано много трогательнаго и сердечнаго, посвященнаго памяти Государя-Мученика, Государыни, Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ.

Журналы, газеты и періодическія изданія, полученные изъ другихъ мѣстъ нашего разсѣянія, свидѣтельствуютъ о полномъ единодушіи въ этотъ день русскихъ людей, гдѣ бы они не находились. Особенно ярко выражены волновавшія насъ всѣхъ чувства въ «Вѣстникѣ Об-ва Русскихъ Ветерановъ Войны» въ Санъ-Франциско.

Правленіе Союза помѣщаетъ эту статью въ настоящемъ номерѣ нашего «Вѣстника».

***

Исполнилось десять лѣтъ съ той, черной памяти, зловѣщей ночи съ 3-го на 4-ое іюля 1918-го года, когда подъ пулями и штыками красныхъ злодѣевъ-палачей пресѣклись *священныя жизни Государя Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича и Государынь Великихъ Княженъ Ольги, Татьяны, Маріи и Анастасіи.*

Совершивъ свое, небывалое еще въ исторіи міра, злодѣяніе и предавъ огню *священные останки Царственныхъ Мучениковъ,* убійцы хвастались, что расправились со своими узниками такъ, что ни слѣда, ни памяти отъ нихъ не осталось.

Неисповѣдимая Воля Всевышняго судила иначе.

Божіимъ соизволеніемъ красные палачи могли отнять жизнь у *Того, Кого* они именовали Николаемъ Романовымъ; они могли предать огню Его земную оболочку, но въ огнѣ этомъ сгорѣло не одно только тѣло Царственнаго Узника.

Въ пламени исетскаго костра сгорѣлъ и испепелился тотъ ложью, клеветой, предательствомъ и общимъ попущеніемъ созданный фиктивный образъ *Государя Императора Николая II.*

Съ той мрачной іюльской ночи надъ Русью поднялся осіянный немеркнущимъ свѣтомъ мученическаго вѣнца трогательный и величественный образъ Святого Царя Страдальца, Наслѣдникомъ Царей въ міръ Рожденнаго и Царемъ, изъ міра ушедшаго; образъ человѣка, личныя и нравственныя качества котораго должны были быть гордостью и счастьемъ Его народа; — образъ человѣка, невыразимо привлекательнаго, чистаго въ дѣлахъ и помышленіяхъ, идеальнаго семьянина, мужа и отца, глубоко и проникновенно вѣрующаго христіанина, ревностнаго труженика и строгаго, подвижнически суроваго исполнителя обязанностей Своего Царскаго Служенія, перваго и вѣр-

нѣйшаго Слуги безконечно и безраздѣльно любимой Имъ Родины, для счастья и блага которой Онъ былъ готовъ все отдать и пожертвовать и несчастья которой Онъ мучительно и одиноко переживалъ, считая Себя за все отвѣтственнымъ передъ Царемъ Небеснымъ, вручившимъ Ему великій и тяжкій крестъ.

Въ пламени исетскаго костра испепелился злобой, клеветой, ложью и предательствомъ созданный призракъ Царицы нѣмки и злого, яко-бы, генія Россіи.

Разсѣялся грязный туманъ подлыхъ навѣтовъ и мы познали *Царицу Страдалицу, Царицу Мученицу* такой, какой Она была въ дѣйствительности: идеальной Женой и Матерью, глубоко вѣрующей христіанкой, непоколебимой русской женщиной въ своихъ дѣлахъ и симпатіяхъ; съ жизнью, наполненной безпредѣльнымъ и вѣчнымъ страданіемъ, связаннымъ съ болѣзнью Наслѣдника Цесаревича.

Въ пламени исетскаго костра родился и сталъ близкимъ, роднымъ и дорогимъ русскому подъяремному народу скорбный обликъ Убіеннаго *Цесаревича Алексѣя,* нынѣ въ народныхъ легендахъ во образѣ хромого Отрока въ старой солдатской шинели, со страданіемъ на ангельскомъ ликѣ ходящаго по опустошенной Руси и чего-то ищущаго, о чемъ-то просящаго.

Велика, необъятно велика наша вина передъ *Царственными Мучениками.* И когда въ теперешнемъ нашемъ бѣженскомъ разсѣяніи пытливая мысль разбирается въ событіяхъ близкаго, кровью, смертью и страданіями наполненнаго прошлаго, то несмываемымъ укоромъ возстаетъ передъ нами то, что не одни только революціонеры были главными виновниками яростной травли нашего Царя и Его Семьи и злыми навѣтчиками на Ихъ Чистыя Имена.

Революціонеры били по Государю, какъ по главѣ Государства и Представителю Самодержавной Власти, а какъ Человѣка трогали Его рѣже и меньше; для послѣдней цѣли у нихъ было болѣе чѣмъ достаточно вольныхъ и невольныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ сотрудниковъ и пособниковъ, съ рѣдкимъ рвеніемъ и настойчивостью выполнявшихъ злое и подлое дѣло опорачиванія Личной жизни Государя и Государыни.

Львиная доля въ этой подлой работѣ принадлежала такъ называвшейся либеральной русской интеллигенціи: придворной, аристократической, финансовой и профессіональной, — въ ея гостинныхъ, клубахъ и кружкахъ рождались всѣ эти лживые, клеветническіе извѣты, подленькіе слухи и разсказы, писались грязные пасквили и стишки.

Отсюда тысячами языковъ все это размножалось и растаскивалось по городамъ и весямъ Русской Земли и тамъ съ клятвами и лжесвидѣтельствами, съ какимъ-то остервѣненіемъ выдавалось за непреложную истину, неподлежавшую никакому сомнѣнію, достовѣрно документально, свидѣтелями и личными изысканіями доказанную.

Борьбы противъ этого не было никакой. Даже тѣ, которые стояли какъ бы въ сторонѣ отъ этой травлѣ, но которые по своему положенію знали правду, отдѣлывались молчаніемъ или двусмысленными, ни къ

чему не обязывавшими, отвѣтами, забывая, что ихъ молчанiе или уклоненiе было часто хуже всякаго подтвержденiя.

Такъ разсчитывались съ Царемъ и Царицей русскiе люди, многiе изъ коихъ сытно кормились отъ своего, по волѣ Царя, высокаго положенiя.

Въ грязный сосудъ лжи, клеветы и навѣтовъ сливались обиды за неполученiе придворныхъ званiй, чиновъ, орденовъ и должностей и безчисленные счета честолюбiя, самолюбiя и корыстолюбiя влiятельныхъ, пронырливыхъ и авантюристическихъ персонажей, разныхъ лагерей и кружковъ придворно-аристократическихъ, бюрократическихъ, служилыхъ, финансово-плутократическихъ, земскихъ, а за послѣднiя 10 лѣтъ думскихъ и даже церковныхъ.

Работали съ рвенiемъ злыхъ псовъ и съ яростью подлыхъ гiенъ. Не щадили ничего; старались осквернить самыя неприкосновенныя святыни. Чѣмъ дальше и безнаказаннѣе, тѣмъ изощреннѣе и ядовитѣе становились ложь и клевета и тѣмъ болѣе душъ ими отравлялось и тѣмъ шире, глубже и пагубнѣе распространялось смертельное влiянiе этой травли, для достойнаго наименованiя которой безсиленъ всякiй языкъ.

Къ позору русскаго народа и къ неизбывному горю русской земли, поругатели и хулители Царя и Царицы достигли своей цѣли. Имъ удалось украсть у русскаго народа его истиннаго Царя и подсунуть свой, фальшивый, ложью и клеветой созданный призракъ.

И когда ихъ работой, демагогiей, деньгами и попустительствомъ былъ поднятъ и раздутъ петроградскiй военный бунтъ, ими же возведенный во всероссiйское возстанiе въ то время, когда на всей Руси никакого возстанiя не было, то Русскiй Царь остался брошеннымъ и одинокимъ и кругомъ него оказались только обманъ, предательство и измѣна.

Армiя была прикована къ фронту, въ дни столичнаго бунта ничего не знала и не понимала, и не смогла во-время стать на защиту своего Царя.

Не стало Царя, не стало Россiи. Сбили съ нашей Родины крѣпко державшiе ее Царскiе обручики и разсыпалась русская клепка, отданы на потокъ и разграбленiе исконныя богатства Русской Земли и все, накопленное и сбереженное Русскими Царями.

Нынѣ, въ день скорбнаго поминовенiя священной Памяти *Царя Мученика* и *Его Семьи* нашъ неотвратимый ничѣмъ долгъ сознать нашу общую вину и возложить на свои плечи и вложить въ свои сердца ненарушимую, ничѣмъ неотмѣняемую и неслагаемую обязанность выполнить все, что только въ силахъ и средствахъ нашихъ, для искупленiя нашего грѣха.

Ради сего мы обязаны всегда и вездѣ осуществлять все возможное и все потребное для возстановленiя и утвержденiя правды о *личности, жизни* и *царственной работѣ убiенныхъ Царя Мученика* и *Страдалицы Царицы*. Ради этого мы обязаны выполнять послѣднiе завѣты, данные Государемъ при отреченiи отъ Престола и въ послѣд-

немъ Его приказѣ, коими Онъ заповѣдалъ намъ безпредѣльно любить нашу Великую Родину, служить Ей самоотверженно, и вывести вновь на путь благоденствія и славы.

Во исполненіе послѣдней Царской заповѣди всѣ, для кого Родина и Царь святыя слова, должны забыть всѣ мелкіе и личные счеты и недоразумѣнія, сломать всѣ наросшіе между нами перегородки, насъ раздѣляющія и насъ разслабляющія, и всегда и во всемъ, тамъ, гдѣ передъ нами будетъ сіять путеводная звѣзда счастья и блага нашей Родины и ея спасенія и освобожденія, быть единой, дружной Русской семьей-дружиной, гордой славнымъ прошлымъ Царской *Россіи* и готовой на работу, на жертву и на подвигъ для Родины.

Завѣты Царя Мученика должны быть задачей, смысломъ всей нашей жизни; ради ихъ выполненія мы должны копить силы, знанія, опытъ и матеріальныя средства, готовиться и быть готовыми, въ той или иной формѣ, здѣсь, на чужбинѣ, или тамъ, на Родинѣ, тѣмъ или инымъ способомъ послужить Родинѣ и этимъ принести свою посильную лепту *Свѣтлой и Священной Памяти Царской подвижнической работѣ, страданіямъ* и *мученической кончинѣ* въ *Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая II*, нынѣ предстоящаго у Престола *Царя небеснаго, святаго Мученика Николая, Царя многострадальнаго. . . .*

Императоръ Николай II и Армія

ДОКЛАДЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА Е. К. МИЛЛЕРА НА СОБРАНІИ ОБЩЕСТВЪ РЕВНИТЕЛЕЙ ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

6-го мая 1884-го года, 44 года тому назадъ, Наслѣднику Цесаревичу исполнилось 16 лѣтъ и, какъ достигшій совершеннолѣтія, Онъ — Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, — принесъ присягу подъ штандартомъ Л. Гв. Атаманскаго полка. Имѣвъ счастье, какъ выпускной кадетъ, присутствовать на этомъ торжествѣ, впервые переступившій порогъ Зимняго Дворца, я никогда не забуду этой трогательной и величественной картины въ Георгіевскомъ Залѣ: умиленные и восторженные взоры великановъ бородачей атаманцевъ и сосредоточенный, серьезный видъ Наслѣдника, казавшагося много моложе своихъ лѣтъ, его взволнованный, но звучный голосъ, которому Онъ усиліемъ воли придавалъ чеканную твердость, когда Онъ произносилъ слова клятвы, даваемой своему Отцу Императору Александру III и въ лицѣ Его — Россіи.

Съ этой минуты Наслѣдникъ Цесаревичъ считался на дѣйствительной военной службѣ. Быстро, но далеко не безслѣдно прошли 8½ лѣтъ, отдѣлявшіе этотъ торжественный и радостный для Него день отъ дня безконечнаго горя, когда смежилъ на вѣкъ глаза Его горячо любимый Имъ Родитель, Императоръ Александръ III, отъ того дня,

когда на Него, 26-лѣтняго юношу, Провидѣніе возложило бремя управленія Россіей.

За эти годы, изучая военное дѣло теоретически подъ руководствомъ такихъ талантливыхъ авторитетовъ, какъ генералы Драгомировъ, Лееръ, Лобко, Наслѣдникъ Цесаревичъ одновременно знакомился и практически съ военной службой и бытомъ офицера и солдата, неся службу строевого оберъ-офицера послѣдовательно, начиная съ 1887-го года, въ теченіе 5 лагерныхъ сборовъ въ частяхъ войскъ, — Л. Гв. въ Преображенскомъ полку, сначала субалтернъ офицеромъ, а затѣмъ ротнымъ командиромъ, Л. Гв. въ Гусарскомъ Его Величества полку, тоже одинъ сборъ младшимъ офицеромъ, а слѣдующій командиромъ эскадрона и, наконецъ, одинъ сборъ въ Гв. Конной Артиллеріи. И здѣсь ясно проявилось, какъ Наслѣдникъ любилъ не столько блестящую внѣшнюю сторону военной службы, сколько Ему по душѣ былъ весь укладъ военной полковой жизни: тѣсная товарищеская среда, простыя и вполнѣ опредѣленныя взаимоотношенія, дружественныя внѣ службы и строго дисциплинированныя во время несенія службы. Но особенно привлекала Его возможность ближе подойти къ солдату, къ простому русскому человѣку изъ толщи народной. Командуя ротой и эскадрономъ, Наслѣдникъ относился къ исполненію своихъ скромныхъ обязанностей съ исключительной добросовѣстностью, которая была Ему присуща въ большомъ и маломъ и которая вытекала изъ глубокаго *сознанія долга*. Много лѣтъ спустя, уже будучи Императоромъ, сожалѣя объ излишне раннемъ возвращеніи въ Петергофъ изъ шхеръ, не вызывавшемся какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами ввиду наступившаго общаго успокоенія, Онъ писалъ 27-го сентября 1906-го года своей горячо любимой Матери: «Чувство долга или «die verfluchte Schuldigkeit», какъ говорилъ дорогой Папа, виновато въ этомъ».

Въ данномъ случаѣ чувство долга шло въ унисонъ съ велѣніями сердца и съ доводами Его разума; входя въ жизнь и бытъ солдатъ ввѣренной Ему роты или эскадрона, наблюдая и изучая солдатскую психологію, взаимоотношенія офицеровъ и солдатъ, Наслѣдникъ вынесъ изъ своего пребыванія въ войсковыхъ частяхъ не только глубокую искреннюю любовь къ военной средѣ, къ арміи, но и совершенно опредѣленные взгляды на духовную сторону, если такъ можно выразиться, «жизни въ казармѣ». Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ Онъ лично настойчиво стремился устранить то, что, будучи пережиткомъ дурныхъ сторонъ крѣпостничества, не вязалось уже съ понятіемъ «Народной Арміи», въ основу которой были положены всеобщая воинская повинность и слова: «Солдатъ есть имя именитое, онъ слуга Царю и Отечеству и долженъ гордиться тѣмъ, что онъ русскій солдатъ».

Мечтой Наслѣдника, какъ многіе знаютъ, было воспользоваться своимъ относительнымъ досугомъ, чтобы нѣкоторое время командовать полкомъ; всѣ, кто сколько нибудь соприкасался съ Наслѣдникомъ во время Его службы въ полкахъ, я увѣренъ, подтвердятъ мои слова, что влекло Его къ этому не внѣшній блескъ и пристрастіе къ строе-

вой, фронтовой жизни, а, главнымъ образомъ, желаніе попытаться провести въ жизнь свои взгляды на офицера и солдата, на ихъ взаимоотношенія, свои взгляды на отношенія къ службѣ, собственнымъ примѣромъ увлечь офицеровъ на путь еще большаго отеческаго приближенія къ солдату. Отъ Наслѣдника мы всегда слышали «солдатъ, гусаръ, уланъ, казакъ», а не оффиціальный терминъ: «нижній» чинъ. Обращаюсь ко всѣмъ здѣсь присутствующимъ офицерамъ, удостоившимся быть произведенными въ офицеры лично Государемъ по окончаніи Красносельскаго лагернаго сбора: вспомните слова, которыми васъ Государь напутствовалъ, поздравляя васъ съ производствомъ въ офицеры, какъ особенно Онъ останавливался на томъ, что начальникъ долженъ быть не только требователенъ и справедливъ, но и отечески заботливъ по отношенію къ младшему брату — солдату, и долженъ служить ему примѣромъ.

У меня сохранились слова, сказанныя Государемъ 6-го августа 1911-го года: «Господа, сегодня самый знаменательный и отрадный для васъ день. Помните то, что я вамъ скажу. Будьте въ теченіе всей вашей жизни хорошими христіанами, честными и преданными слугами своей Родинѣ и своему Государю. Служите изо всѣхъ силъ, съ полнымъ сознаніемъ, что, если каждый изъ васъ честно и сознательно будетъ исполнять свое дѣло, какую бы маленькую должность ни занималъ, онъ принесетъ большую пользу Родинѣ и своей части. Относитесь съ уваженіемъ къ вашимъ начальникамъ и безъ критики; другъ къ другу — по товарищески, памятуя, что всѣ вы составляете частицу единой семьи, великой русской арміи. Служите примѣромъ подчиненнымъ вамъ солдатамъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Отъ души желаю всѣмъ вамъ успѣха въ предстоящей вамъ службѣ и поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ офицеры».

Но судьбѣ не угодно было дать осуществиться желанію: не полкомъ пришлось Наслѣднику командовать, а руководить въ 26 лѣтъ величайшимъ въ мірѣ государствомъ.

Къ 1894-му году, когда Императоръ Николай II вступилъ на престолъ, прошло едва 20 лѣтъ со времени введенія въ Россіи всеобщей воинской повинности съ краткими сроками службы, въ корнѣ измѣнившей всю структуру нашей арміи какъ въ мирное, такъ и особенно въ военное время, и прошло едва три года со дня посѣщенія Кронштадта французской эскадрой, положившаго начало новой политической оріентаціи Россіи.

20 лѣтъ, изъ коихъ послѣдніе 13 въ царствованіе Императора Александра III, въ смыслѣ организаціонномъ были всецѣло посвящены внѣдренію въ жизнь, упорядоченію, урегулированію всего того, что давала новая система комплектованія — накопленіе запаса нижнихъ чиновъ, призываемыхъ въ случаѣ мобилизаціи, накопленіе запаса офицеровъ, новые методы обученія, вызванные краткими сроками службы, и т. д. И рядомъ съ этимъ шла упорная работа по внѣдренію въ арміи болѣе правильныхъ хозяйственныхъ навыковъ и по искорененію нѣкоторыхъ непорядковъ, освященныхъ давностью. Въ

стратегическомъ же отношеніи, продолжавшаяся преемственно съ начала XIX-го вѣка, политика Священнаго Союза давала возможность не спѣшить съ подготовкой нашей западной полосы въ военномъ отношеніи вообще и въ оборонительномъ, въ частности. Къ тому же финансы Россіи не позволяли ей въ этотъ періодъ удѣлять сколько нибудь значительныя средства для осуществленія казавшихся не срочно необходимыми мѣропріятій по обезпеченію западной границы.

Но ко времени вступленія на престолъ Императора Николая II, какъ я сказалъ, положеніе координально измѣнилось: сначала дружба — «les nations amies», затѣмъ согласіе «l'entente», —и, наконецъ, союзъ — «les nations amies et alliées» поставили передъ военнымъ министромъ вплотную вопросъ о стратегической подготовкѣ на случай войны съ австро-германскимъ союзомъ и объ усовершенствованіи арміи технически и тактически.

Характеръ и объемъ моего доклада не позволяютъ мнѣ сколько-нибудь подробно остановиться на работѣ военнаго министерства въ этой области за послѣдующія 20 лѣтъ, съ начала царствованія Императора Николая II и до міровой войны, но все же укажу то главное, что было сдѣлано.

Если до того времени вопросъ о мобилизаціи войскъ сводился, главнымъ образомъ, къ организаціи распредѣленія запасныхъ разныхъ спеціальностей и разнаго служебнаго положенія по соотвѣтствующимъ частямъ войскъ, то теперь первостепенное значеніе пріобрѣталъ вопросъ *быстроты* мобилизаціи, дабы значительно болѣе быстро мобилизующія германскія войска не могли застать насъ врасплохъ; требовалось сокращеніе до минимума того срока, который необходимъ для того, чтобы всѣ части получили нужное имъ укомплектованіе людьми и лошадьми: благопріятное разрѣшеніе этой задачи, въ свою очередь, зависило отъ надлежащей организаціи на всей обширной территоріи Имперіи, при всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ этнографическаго состава населенія, быстраго сбора запасныхъ и лошадей въ опредѣленныхъ пунктахъ, отъ успѣшности организаціи тамъ командъ пополненія и быстроты развозки ихъ по разнымъ направленіямъ въ тѣ части, куда они еще въ мирное время заблаговременно предназначались.

Во всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ 1897-го года Командующій Войсками Кіевскаго Военнаго Округа, генералъ Драгомировъ указывалъ, между прочимъ, на плохую подготовку работы гражданскихъ властей по призыву и сбору запасныхъ къ управленіямъ воинскихъ начальниковъ, а также по поставкѣ лошадей и повозокъ, и предлагалъ переформировать органъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по воинской повинности, и производить опытныя мобилизаціи съ дѣйствительнымъ призывомъ запасныхъ и лошадей. Государь обратилъ особое вниманіе на эту часть доклада, и по Его приказанію Военное Министерство и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ быстро и дружно заработали; въ 1898-мъ году уже были произведены двѣ пробныя мобилизаціи въ Кіевскомъ и въ Варшавскомъ военныхъ округахъ и на

основаніи опыта ихъ срочно проведены были всѣ необходимыя переформированія. Съ этихъ поръ, какъ свидѣтельствуютъ лица, близко стоявшія къ мобилизаціонному дѣлу, Государь всегда интересовался постановкой мобилизаціоннаго дѣла и всѣ проектируемыя улучшенія въ этомъ вопросѣ, часто не совпадавшія съ частными интересами другихъ вѣдомствъ, находили въ немъ неизмѣнную поддержку. Быстрота мобилизаціи была отчасти достигнута болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ войскъ по всей территоріи Европейской Россіи, дабы мобилизуемые запасные были бы ближе къ своимъ полкамъ. Полностью территоріальной системы при своеобразномъ этнографическомъ составѣ населенія достигнуть было нельзя, иначе во многихъ случаяхъ русская армія уподобилась бы австрійской — были бы полки польско-еврейскіе, татарскіе, латышскіе и т. п. Въ этомъ и заключалась трудность на практикѣ примирить два противоположныхъ начала.

Въ результатѣ колоссальная и сложная работа была выполнена, и всѣмъ намъ, участникамъ міровой войны, памятно, съ какой аккуратностью часового механизма, въ какомъ блестящемъ порядкѣ и въ какой короткій срокъ была проведена мобилизація арміи въ 1914-мъ году. Военныя и гражданскія власти работали дружно, рука объ руку, и блестящій результатъ ихъ работы былъ отличенъ учрежденіемъ особой медали.

Другой вопросъ, идейно слѣдовавшій за мобилизаціей и тоже выдвинутый во главу угла нашей военной мощи вслѣдствіе новой политической оріентаціи, было сосредоточеніе мобилизованныхъ войскъ къ западной границѣ, такъ называемое стратегическое развертываніе арміи, т. е. рѣшеніе вопроса, въ какіе районы какія войска сосредоточиваются, а въ связи съ этимъ рѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ о дислокаціи войскъ въ мирное время, о путяхъ сообщенія для перевозки войскъ и о крѣпостяхъ, которыя явились бы опорными пунктами для войскъ, маневрирующихъ въ извѣстномъ районѣ. Вся эта идейная работа, начатая при Начальникѣ Главнаго Штаба генералъ-адъютантѣ Обручевѣ и законченная созданнымъ послѣ японской войны Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба, для своего проведенія въ жизнь требовала громадныхъ расходовъ: измѣненіе дислокаціи требовало постройки казармъ въ новыхъ пунктахъ стоянокъ, требованіе *скорѣйшаго* сосредоточенія войскъ въ районы, назначенныя для стратегическаго развертыванія, вызывало необходимость постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ и развитія нашей шоссейной сѣти, ведущихъ къ нашей австро-германской границѣ.

Приведеніе въ порядокъ нашей крѣпостной системы, вызвавшее горячіе споры въ военной средѣ и очень легковѣсную критику общественнаго мнѣнія, *даже въ тѣхъ предѣлахъ* самаго строгаго самоограниченія, которыя были поставлены, въ концѣ концовъ, Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба, требовало громадныхъ денегъ. При современномъ прогрессѣ техники постройка крѣпости вѣдь состоитъ не въ одномъ возведеніи укрѣпленій, а и въ поддержаніи въ такомъ состояніи, чтобы онѣ могли противостоять все болѣе и болѣе увеличивающейся

силѣ артиллерійскаго огня; параллельно съ инженерными работами требуется вооруженіе крѣпости артиллеріей, могущей успѣшно бороться съ осадной артиллеріей противника, въ данномъ случаѣ весьма совершенной — германской; нужно снабдить крѣпости громаднымъ запасомъ снарядовъ; широкое развитіе средствъ связи — телеграфы, телефоны и т. п., между отдѣльными участками крѣпости, и все это должно быть защищено отъ разрушенія артиллерійскимъ огнемъ; крѣпость должна обладать всѣми мастерскими для исправленія всѣхъ сложныхъ техническихъ механизмовъ, которые придаютъ ей силу и обороноспособность въ рукахъ крѣпкаго гарнизона.

И такъ, вся стратегическая подготовка требовала денегъ, денегъ и денегъ.

Всѣ эти мѣропріятія Военнаго Министерства и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, которыя вели къ увеличенію мощи нашей арміи, встрѣчали неизмѣнную поддержку у Государя: удѣляя особое вниманіе всей подготовкѣ къ назрѣвающей борьбѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, Государь лично озабочивался, чтобы найдены были нужныя на это средства.

Да будетъ мнѣ позволено отвлечься на одну минуту отъ моей темы, чтобы сказать, почему то финансовое усиліе, которое было неосуществимо безъ серьезнаго потрясенія нашихъ финансовъ въ царствованіе Императора Александра III и въ первые годы царствованія Императора Николая II, стало возможнымъ въ первые годы XX вѣка, и съ краткимъ перерывомъ на время японской войны, стало снова возможнымъ тотчасъ по окончаніи ея. Отвѣтъ короткій: за время царствованія Императора Николая II, благодаря мудрой финансовой и экономической политикѣ его министра финансовъ графа Витте и графа Коковцева Россія развивалась и преуспѣвала такъ, что ни одно государство ни въ какую эпоху не даетъ подобнаго примѣра; къ стыду моему, я, а думаю, что и многіе изъ здѣсь присутствующихъ, въ свое время не знали, да и теперь, можетъ быть, не знаютъ конкретно достиженій Россіи за этотъ короткій, 20-лѣтній срокъ. Поясню нѣсколькими цифрами: до извѣстной степени показателемъ роста капиталовъ въ Россіи являются суммы вкладовъ въ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ, — съ 350 милліоновъ въ 1895-мъ году они возросли до 4,3 милліардовъ въ 1915-мъ году, т. е. превзошли въ два съ половиной раза вклады французскаго населенія во французскихъ банкахъ, въ этой исконно капиталистической странѣ. Цѣнность выпущенныхъ нашими фабриками и заводами издѣлій въ 1894-мъ году не превосходила 1,5 милліарда рублей; въ 1916-мъ году она достигла 6,5 милліардовъ рублей. Средняя урожайность въ 1901-мъ году составляла 38 пудовъ съ десятины, въ 1913-мъ году — 58 пудовъ. Параллельно съ этимъ отечественное сельско-хозяйственное машиностроеніе въ 1897-мъ году выпустило машинъ на 9 милліоновъ рублей, въ 1913-мъ году — на 67 милліоновъ. Добыча угля за 20 лѣтъ въ Россіи увеличилась въ семь разъ, тогда какъ за этотъ же срокъ Англія увеличила добычу угля всего въ

полтора раза, Германія въ 3, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ 4 раза.

Я могъ бы еще долго продолжать въ томъ же духѣ.

Сгорая отъ стыда, мы должны сказать себѣ, что всякая другая страна гордилась бы такимъ царствованіемъ и прославляла бы мудрость Монарха, благодаря твердой поддержкѣ котораго министры могли, *часто вопреки общественному мнѣнію*, проводить въ жизнь мѣры, приведшія къ такимъ блистательнымъ результатамъ. Но наша интеллигентская и полу-интеллигентская оппозиція, увы, потеряла всякій разумный критерій для оцѣнки дѣятельности правительства: — не благосостояніе, не благоденствіе населенія — благосостояніе въ самомъ широкомъ смыслѣ — интересовало ихъ, а лишь способы, пріемы и формы управленія, безъ всякаго отношенія къ реально достигаемымъ результатамъ.

Итакъ, въ необычно бурномъ ростѣ экономическихъ силъ Россіи, имѣвшемъ свои корни въ экономической политикѣ правительства, нужно видѣть ключъ къ разгадкѣ, какъ могла Россія за такой короткій срокъ, несмотря на японскую войну, такъ успѣшно разрѣшить задачу своей стратегической подготовки и въ одномъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ — въ быстротѣ мобилизаціи и сосредоточенія войскъ къ границамъ — превзойти всѣ самые осторожные расчеты Германскаго Генеральнаго Штаба.

Но да не будутъ поняты мои слова такъ, что Государь съ легкимъ сердцемъ требовалъ ассигнованія всѣхъ тѣхъ сотенъ милліоновъ, которые поглощала эта подготовительная къ возможной войнѣ работа. Когда въ 1897-98 г.г. сталъ на очередь вопросъ о перевооруженіи нашей артиллеріи скорострѣльными пушками, въ виду того, что Германія и Франція уже остановились на опредѣленныхъ образцахъ и перевооруженіе у нихъ шло полнымъ ходомъ, Государь, стремясь избѣжать или по крайней мѣрѣ отдалить срокъ возложенія этого новаго бремени на государственные финансы, приказалъ сдѣлать попытку спеціальнаго соглашенія съ Австро-Венгріей, которая тоже колебалась передъ громаднымъ расходомъ на перевооруженіе, соглашенія, сводившагося къ тому, чтобы Австрія и Россія взаимно обязались на опредѣленный срокъ отложить перевооруженіе своей артиллеріи. Изъ этой честной мысли постепенно выросла въ умѣ и въ сердцѣ Государя мысль о Гаагской конференціи, имѣвшей первоначально цѣлью пріостановить все увеличивающійся по инициативѣ Германіи ростъ вооруженій и военныхъ расходовъ, а, можетъ быть, при благопріятныхъ условіяхъ даже и привести къ уменьшенію расходовъ. Основная мысль Государя вылилась въ слѣдующихъ словахъ: «Положить предѣлъ вооруженіямъ и изыскать средство предупредить угрожающія всему міру несчастія». И здѣсь сказалась глубокая и горячая любовь Государя къ арміи, къ русскому офицеру и солдату и ко всему русскому народу, который Онъ хотѣлъ помочь уберечь отъ смерти на полѣ сраженія, отъ ужасовъ войны. Утопія — говорили и тогда многіе.

Да, реальныхъ результатовъ Гаагская конференція тотчасъ почти

никакихъ не дала, но значеніе ея непреложно и вѣчно. Заложенныя въ ея основу мысли не преходящи, ибо въ нихъ добро противопоставляется злу, миръ враждѣ, и общность интересовъ грубому эгоизму. Стоитъ посмотрѣть лишь, чѣмъ теперь заняты всѣ тѣ, кто поставленъ во главѣ народовъ. Развѣ во всемъ мірѣ не говорятъ о разоруженіи или объ уменьшеніи вооруженій, развѣ не зовутъ народы другъ друга въ Гагу, и развѣ идея Гааги измѣнится отъ того, что разрабатывать и обсуждать ее будутъ въ Парижѣ, въ Вашингтонѣ или Локарно? Какая прозорливость, какое предвидѣніе Царемъ всего того, къ чему, послѣ 30 лѣтъ послѣ его зова, вновь призываютъ человѣчество его политическіе руководители.

Отказъ державъ вступить на путь, на который ихъ звалъ Государь, причемъ главную роль въ этомъ отказѣ играла Германія, побудилъ усиленно заняться перевооруженіемъ нашей полевой артиллеріи, причемъ мы съ гордостью можемъ сказать, что наша 3-дюймовая скорострѣльная полевая пушка могла считаться лучшимъ образцомъ, много превосходившимъ по своимъ техническимъ даннымъ германскую и даже французскую пушку. Одновременно было приступлено къ созданію полевой гаубичной артиллеріи, дабы имѣть возможность стрѣлять съ болѣе сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ и съ болѣе крутой траекторіей.

Съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ Государь за дальнѣйшимъ техническимъ усовершенствованіемъ нашей арміи; около 1910-го года передъ полевой артиллеріей возникъ новый вопросъ о снабженіи ея тяжелыми орудіями крупныхъ калибровъ. И здѣсь наше артиллерійское вѣдомство снова показало себя на должной высотѣ при выработкѣ образцовъ орудія. Война застала насъ въ періодъ постепеннаго увеличенія числа тяжелыхъ батарей, но проектъ и чертежи нашего осаднаго орудія, привезенные во Францію незадолго до войны, были во время войны использованы французскимъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, когда ему срочно, съ началомъ позиціонной войны, было предъявлено требованіе дать тяжелыя орудія, могущія бороться съ германской тяжелой артиллеріей. Франція избѣгла длительнаго періода исканій и опытовъ, — готовый разработанный русскій образецъ былъ принятъ и осуществленъ.

Долженъ упомянуть еще о цѣломъ рядѣ мѣръ, принятыхъ разновременно для усиленія мощи русской арміи. Чрезвычайно важный вопросъ ремонтированія арміи лошадьми былъ разрѣшенъ совершенно заново, съ упраздненіемъ ремонтеровъ, т. е. посредниковъ между производителями лошадей и Военнымъ Министерствомъ, ихъ пріобрѣтающимъ: принципы разумной экономіи и строгой отчетности при расходованіи денегъ на покупку лошадей были совмѣщены съ интересами и владѣльцевъ лошадей и казны, и въ результатѣ параллельно шло и поощреніе коннозаводчиковъ къ производству верховыхъ и улучшеннаго типа артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей, и обезпеченіе арміи значительно болѣе высокимъ сортомъ лошадей.

Далѣе, въ связи съ японской войной и періодомъ ликвидаціи ея

послѣдствій, послѣдовало значительное увеличеніе восточно-сибирскихъ войскъ. Въ 1910-мъ году, въ связи съ подведеніемъ итоговъ всѣмъ соображеніямъ по нашей стратегической подготовкѣ на случай войны на Западномъ фронтѣ, была произведена крупная организаціонная реформа, — упразднены резервныя войска, боевая готовность и боеспособность которыхъ были далеко не на высотѣ современныхъ требованій; взамѣнъ ихъ дѣйствующая армія уже въ мирное время была увеличена на нѣсколько дивизій и былъ увеличенъ штатный составъ пѣхотныхъ полковъ мирнаго времени съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ мобилизаціи каждый полкъ могъ выдѣлить кадръ для формированія второочередныхъ полевыхъ частей. Въ 1905-мъ году былъ образованъ Совѣтъ Государственной Обороны подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Николаевича для совмѣстнаго обсужденія и согласованія всѣхъ мѣръ, клонящихся къ усиленію боеспособности Русской арміи. Были созданы генеральныя инспекціи по отдѣльнымъ родамъ оружія — для кавалеріи въ 1896-мъ году, для пѣхоты и артиллеріи и инженерныхъ войскъ — въ 1905-мъ году; дѣятельность Августѣйшихъ генералъ-инпекторовъ Великаго Князя Николая Николаевича и Великаго Князя Сергія Михайловича по воспитанію и обученію нашей конницы и артиллеріи навсегда останется въ памяти у русскихъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ; не забудетъ ее и германская кавалерія, ни разу не рѣшившаяся принять атаки русской конницы, и тѣмъ открыто признавшая ея тактическое превосходство; блестящая же дѣятельность нашей полевой артиллеріи, ошеломившая нашихъ враговъ, была засвидѣтельствована многочисленными показаніями плѣнныхъ съ первыхъ же дней войны.

Наконецъ, съ той же цѣлью болѣе интенсивной работы всѣхъ органовъ, призванныхъ къ разработкѣ стратегической подготовки къ войнѣ, было создано Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

Въ 1912-мъ году былъ измѣненъ уставъ о воинской повинности въ цѣляхъ уменьшенія числа лицъ, освобождаемыхъ отъ военной службы вообще или отъ службы въ полевыхъ войскахъ, и въ цѣляхъ увеличенія запаса людей, которые въ военное время могли быть призваны на укомплектованіе и пополненіе полевыхъ войскъ.

Наконецъ, въ 1914-мъ году, въ февралѣ, была принята къ исполненію такъ называемая большая программа реорганизаціи нашей арміи, разсчитанная на три года и имѣвшая цѣлью увеличить боевую силу и боевую готовность нашей арміи и дать возможность еще сократить срокъ мобилизаціи, а также увеличить снабженіе арміи техническими средствами, начиная отъ тяжелой артиллеріи и пулеметовъ и кончая всѣми средствами связи; въ томъ числѣ особенное развитіе намѣчалось для искрового телеграфа и авіаціонныхъ частей.

Война застала насъ при самомъ началѣ выполненія этой программы; но то обстоятельство, что всѣ эти вопросы были изучены, предрѣшены и уже начаты осуществленіемъ, значительно облегчило и ускорило работу Военнаго Вѣдомства по исполненію требованій, предъявленныхъ войною.

Попутно были переработаны большинство нашихъ уставовъ примѣнительно къ опыту японской войны. Ко всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ вопросамъ Государь не только относился съ большимъ вниманіемъ, изучая ихъ и интересуясь ходомъ дѣла, но вездѣ, гдѣ только появлялась малѣйшая заминка, остановка, причина которыхъ часто лежала въ междувѣдомственныхъ треніяхъ, Государь мягко, но настойчиво, своимъ личнымъ вліяніемъ устранялъ возникшія препятствія и добивался болѣе быстраго движенія бюрократической машины.

Переходя къ другимъ мѣрамъ, способствовавшимъ увеличенію боевой готовности и боевой мощи Русской арміи, нужно хотя бы въ двухъ словахъ сказать о мѣрахъ, имѣвшихъ цѣлью поднять на должную высоту нашъ командный составъ. Къ этимъ вопросамъ Государь всегда относился съ громаднымъ вниманіемъ и для сужденія о правильности предлагаемой мѣры ему помогало во многихъ случаяхъ то, что онъ зналъ большинство старшихъ начальниковъ; у него была удивительная память не только на лица и фамиліи, но и на ихъ прохожденіе службы, ихъ характеры, способности отдѣльныхъ лицъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи, для лучшаго отбора офицеровъ, достигающихъ болѣе высокихъ должностей, были учреждены аттестаціонныя комиссіи вмѣсто единоличныхъ аттестацій; затѣмъ для омоложенія состава старшихъ начальниковъ былъ введенъ предѣльный возрастъ и, дабы автоматически увольняемые пожилые офицеры и генералы, которые до введенія этого закона могли надѣяться прослужить еще нѣсколько лѣтъ, не пострадали матеріально, одновременно послѣдовало измѣненіе закона о пенсіяхъ, внесшее значительныя улучшенія въ вопросъ обезпеченія лицъ, всю свою жизнь и силы отдавшихъ на службу Родинѣ въ войскахъ.

Дабы имѣть въ строю большее число офицеровъ съ болѣе высокимъ военнонаучнымъ цензомъ, нежели военное училище, былъ увеличенъ допускъ офицеровъ въ Академію Генеральнаго Штаба съ тѣмъ, что всѣ непереведенные на дополнительный курсъ, но прошедшіе два полныхъ года въ Академіи возвращались въ строй безъ пріобрѣтенія особыхъ правъ на болѣе скорое производство; но полученныя ими знанія при условіи безупречнаго несенія строевой службы давали имъ возможность выдѣлиться, и большой процентъ ихъ попадалъ въ число производимыхъ за отличіе внѣ очереди. Наконецъ, было обращено вниманіе на устройство военныхъ игръ для старшихъ начальниковъ и на полевыя поѣздки, получившія новый характеръ маневровъ безъ войскъ, но со всѣми средствами связи.

Я боюсь, что утомилъ ваше вниманіе перечисленіемъ всей той громадной технической работы, которая была произведена для усиленія боевой мощи Россіи въ царствованіе Императора Николая II подъ его непосредственнымъ руководствомъ, а иногда и по Его личной инициативѣ, органами Военнаго Министерства.

Генералъ-лейтенантъ *Е. Миллеръ*

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ)

Краткій политическій обзоръ

ФРАНЦІЯ. — Происками политическихъ интригановъ, въ лицѣ группы радикаловъ соціалистовъ во главѣ съ Кайо, 7-го ноября пало министерство Національнаго Объединенія Пуанкарэ, два съ лишнимъ года стоявшее у власти и достигшее рѣдкихъ результатовъ въ области финансоваго оздоровленія страны и поддержанія престижа государства. По счастью, здравый смыслъ Франціи подсказалъ ей вѣрный путь: Пуанкарэ снова у власти, онъ образовалъ министерство безъ радикаловъ, болѣе праваго направленія, и Палата, большинствомъ 330 противъ 129 голосовъ, вотировала ему довѣріе. Декабрь мѣсяцъ будетъ самымъ труднымъ для Пуанкарэ, — ему предстоитъ провести бюджетъ и этимъ окончательно укрѣпить франкъ.

Кайо понесъ заслуженное наказаніе. Человѣкъ, сваливщій министерство, не только не былъ призванъ къ власти, его даже не вызывалъ президентъ для переговоровъ во время созданія новаго министерства и онъ забаллотированъ въ финансовой комиссіи сената, членомъ коего онъ состоитъ.

ЛИГА НАЦІЙ. — 26-го сентября с. г. закончилась сессія Лиги Націй, какъ обыкновенно, послѣ долгихъ и тщетныхъ преній. Пренія касались, на этотъ разъ, вопроса всеобщаго разоруженія, столь горячо поддерживаемаго большевиками и Германіей.

Окончательно выясняется, что миръ можетъ быть обезпеченъ лишь прочно организованными государствами, располагающими необходимыми для поддержанія порядка сухопутными и морскими силами. Всякія соглашенія, не вытекающія изъ непосредственныхъ договоровъ между державами, примѣромъ коихъ является столь неправильно истолкованный за границей франко-англійскій морской союзъ, являются лишь теоретическими начинаніями, лишенными всякихъ реальныхъ основъ.

ГЕРМАНІЯ. — Графъ Цеппелинъ совершилъ перелетъ черезъ Атлантическій океанъ. Этотъ фактъ достаточно ярко иллюстрируетъ изумительный успѣхъ, достигнутый нѣмцами въ области авіаціоннаго дѣла.

Газета Франсуа Коти «Ами дю пэпль» помѣстила недавно на первой страницѣ планъ воздушныхъ сообщеній Германіи. Этотъ замѣчательный графикъ представляетъ въ ясномъ видѣ густую сѣть воздушныхъ путей. Врядъ ли найдется въ настоящее время вторая нація, могущая конкурировать въ этой области съ Рейхомъ. Самые незначительные пограничные пункты снабжены усовершенствованными аэродромами и авіаціонными базами. Эта сѣть, предназначенная для торговыхъ сношеній, особенно сгущается вблизи границъ. Не трудно представить себѣ, какую силу представляетъ столь могущественный организмъ на случай войны, принимая во вниманіе, что почти всѣ германскія торгово-промышленныя предпріятія и заводы имѣютъ возможность почти моментально превратиться въ военные боевые аппараты.

Послѣднее изобрѣтеніе, такъ называемый «Автожиръ», — самолетъ, обладающій способность опускаться и подыматься почти вертикально, открываетъ новое поле для военной промышленности.

Большой шумъ вызвалъ проектъ соціалистовъ въ рейхстагѣ о пріостановкѣ постройки броненоснаго крейсера. Министръ рейхсвера, генералъ Гренеръ, грозитъ отставкой въ случаѣ принятія этого проекта и доказываетъ необходимость сооруженія крейсера.

Министерскаго кризиса не было. Проектъ былъ отвергнутъ незначительнымъ большинствомъ.

ГРЕЦІЯ. — Вернувшійся къ власти Венизелосъ подписалъ 23-го сентября с. г. мирный трактатъ съ Италіей. Предварительно Венизелосъ увѣрилъ представителей Югославіи и Турціи, что предстоящій трактатъ отнюдь не будетъ направленъ противъ интересовъ ихъ державы. Можно надѣяться, что несогласія между Италіей и Греціей, истекающія изъ секретной конвенціи Венизелосъ-Титтони 29-го іюля 1919 года, трактата 10 августа 1920 г., и убійства итальянской миссіи на греко-албанской границѣ въ 1923 году, отойдутъ, хотя бы на время, въ область преданій, и что твердая и разумная политика оживитъ экономическую мощь и упрочитъ миръ на Балканахъ.

АМЕРИКА. — Международный Союзъ противъ войны, — «пактъ Бріанъ — Келлогъ», — торжественно подписанъ въ Парижѣ 27-го августа 1928 года.

Всѣ правительства горячо привѣтствовали это знаменательное выступленіе противъ войны.

10 октября с. г. военный министръ Соединенныхъ Штатовъ, Дэвисъ, письменно заявилъ, что соглашеніе Бріанъ-Келлогъ не способно измѣнить планы американскаго правительства, касающіеся національной обороны. «Наше правительство, — пишетъ Дэвисъ, — искренно поддерживаетъ международный миръ и отказъ отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, истекающихъ изъ политическихъ побужденій. Но оно отнюдь не собирается рисковать безопасностью настоящихъ и будущихъ своихъ поколѣній».

7-го ноября Гербертъ Хуверъ избранъ президентомъ. Онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ кандидатомъ демократовъ Смитомъ.

4 марта 1929 года Кулиджъ сдастъ ему должность президента и въ теченіе четырехъ лѣтъ, — до новыхъ выборовъ, — Хуверъ будетъ главою самаго могущественнаго государства въ мірѣ.

Хуверъ не профессіоналъ политикъ, а выдающійся спеціалистъ по горному дѣлу, замѣтный ученый и рѣдкій организаторъ.

Имя Хувера извѣстно повсюду. Онъ руководилъ помощью Бельгіи въ міровую войну до 1917 года, а затѣмъ стоялъ во главѣ АРА во время голода въ совѣтской Россіи въ 1919 году.

Для насъ важно то, что Хуверъ знаетъ лично, что такое большевики и былъ во время ихъ владычества въ сов. Россіи. Теперь разсчитывать на признаніе большевиковъ въ Америкѣ не приходится.

ВОКРУГЪ КНИГИ «КРИЗИСЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА» ГЕН-МАЙОРА Б. ШТЕЙФОНА

Небольшая, но полная мыслей и фактовъ, книга эта вызвала, какъ и надо было ждать, интенсивный и даже иной разъ и острый обмѣнъ мнѣній. Нѣкоторыя лица увидѣли въ ней критику идеи «добровольчества» 1917 — 1922 г.г., идеи самой по себѣ, — что несправедливо. Авторъ затрагиваетъ въ своемъ трудѣ не добровольчество, по внутренней его сущности, являющееся героической эпопеей, а указываетъ скорѣе на черныя стороны той «партизанщины», которую потянулъ за собой добровольческій укладъ, — партизанщины, продолжавшей существовать даже и въ тѣ времена, когда Командованіе «Вооруженными силами юга Россіи» пыталось провести необходимые для серьезной борьбы съ большевиками принципы «регулярства». Намъ кажется необходимымъ отмѣтить это смѣшеніе понятій, дабы теперь, когда гражданская война уже отошла въ область преданій и сохранила военно-историческую цѣнность лишь по своей идеѣ, по мотивамъ, которые толкали на кровавую борьбу нашу славную антибольшевицкую молодежь, не оставалось бы больше поля для недоразумѣній и всѣ понятія и факты были бы поставлены на свои мѣста.

Попутно попытаемся высказаться окончательно по поводу того значенія съ чисто военной точки зрѣнія, которымъ обладаетъ гражданская война 1917 — 20 г.г. Выводъ получается двусторонній: представляя многочисленные, если не сплошные примѣры высокой военной доблести, эта война съ военно-научной точки зрѣнія не можетъ ничего дать въ области методовъ и подхода къ разрѣшенію задачъ при будущихъ столкновеніяхъ. Въ силу вещей она являлась «кустарной» работой, если такъ можно выразиться, въ ней отсутствовало большинство тѣхъ элементовъ, съ которыми придется имѣть дѣло въ будущемъ. Военная политическая обстановка, *вожденіе* войскъ, отсутствіе техническихъ средствъ, соотношеніе между протяженіями фронтовъ и силами, выдвиженіе на высшіе командные посты и вообще боевая подготовка войскъ, — все это рядъ основныхъ данныхъ, которыя настолько отличны отъ того, съ чѣмъ приходится встрѣчаться въ серьезной европейской войнѣ, что предметомъ серьезнаго изученія съ цѣлью почерпнуть руководящіе выводы, гражданская война 1917-20 г.г. служить не можетъ. Это не исключаетъ, разумѣется, преклоненія передъ тѣми, кто въ свое время, добровольно, движимые святой идеей, беззавѣтно дрались противъ поработителей Россіи и не ихъ вина, что пришлось имъ проявлять свою доблесть въ настолько исключительныхъ условіяхъ, что плоды ея могутъ быть сохранены лишь какъ прекрасный, но мертвый памятникъ.

А. Н.Виноградскій

ЗНАЧЕНІЕ НЕДАВНИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ ВОЗДУШНЫХЪ МАНЕВРОВЪ

Общее значеніе состоявшихся въ серединѣ августа маневровъ по атакѣ и оборонѣ Лондона значительными воздушными силами выходитъ далеко за предѣлы одной только Англіи. По числу введенныхъ въ дѣло

аппаратовъ, современности и мощности ихъ, количеству сброшеннаго (мнимо) взрывчатаго вещества на городъ, продуманности, до мельчайшихъ деталей, образцово поставленной службы посредниковъ и использованiю вообще послѣдняго слова техники — маневры эти являются пророческой иллюстрацiей того, что ждетъ, въ первые же дни, если даже не часы, будущей войны, крупные населенные пункты тѣхъ государствъ, авiацiя которыхъ окажется слабѣе непрiятеля.

Не надо забывать, что всѣ европейскiя столицы, не исключая и Москвы, находятся въ предѣлахъ досягаемости воздушной атаки современныхъ аэроплановъ сосѣднихъ государствъ и потому выводы изъ англiйскихъ маневровъ получаютъ повышенный интересъ для всей Европы.

Подъ Лондономъ атака располагала тринадцатью бомбардировочными эскадрильями, т. е. 150 бомбоносцами, оборона же сильной противовоздушной артиллерiей и 200 аппаратами, среди которыхъ было много истребителей. Посредствомъ особыхъ оптическихъ приборовъ посредники имѣли возможность заключить, дѣйствительно ли летчикъ, обозначившiй сбрасыванiе бомбы выпусканiемъ бѣлой ракеты, занималъ въ моментъ сбрасыванiя соотвѣтствующее для хорошаго попаданiя положенiе.

Для опредѣленiя же успѣшности стрѣльбы изъ пулеметовъ истребителей служили остроумно приспособленные фотографическiе приборы. Наконецъ, нашли еще примѣненiе совершенно новые звукоуловители, выдававшiе не только приближенiе непрiятельскихъ аэроплановъ, но и точно указывавшiе ихъ положенiе и перемѣщенiе. Воздушные бои длились нѣсколько ночей, въ теченiе которыхъ было сброшено на Лондонъ около 300 тоннъ (18.600 пудовъ) взрывчатыхъ веществъ, въ дѣйствительно причинившихъ бы страшныя разрушенiя.

Ближайшимъ выводомъ изъ этихъ маневровъ является крайняя необзпеченность Лондона, да и вообще крупныхъ центровъ, отъ воздушной атаки. Громадные размѣры площади, занимаемой столицей Англiи, облегчали задачу атакующимъ аппаратамъ, которые легко прорывались сквозь сѣть аппаратовъ обороны. Кромѣ того, Лондонъ находится такъ близко отъ берега, что черезъ двадцать минутъ послѣ обнаруженiя аэроплановъ атаки береговыми постами противникъ былъ уже надъ предмѣстьями города, оборона же едва успѣла приготовиться по тревогѣ. Столицы и крупные населенные центры другихъ государствъ находятся въ этомъ отношенiи въ лучшихъ условiяхъ, но и они не обезпечены отъ прорыва.

Учитывая эти данныя, англiйскiе авторитеты полагаютъ, что, какъ и вообще на войнѣ, — лучшая сторона — это атаковать самому. Отсюда — необходимость интенсивно развивать свою авiацiю и особенно ея боевую готовность, дабы предупредить врага и забросать первому его жизненные центры мощными бомбами и химическими снарядами. Съ другой стороны, желательные размѣры побуждаютъ еще въ мирное время организовать тѣсный контактъ военной авiацiи съ авiацiей коммерческой, откуда только и можно почерпнуть потребное количество ап-

паратовъ и обслуживающаго ихъ персонала. Выводы эти, еще до лондонскихъ маневровъ, были учтены въ Германіи, гдѣ коммерческая авіація обслуживаетъ 24.000 километровъ внутренней сѣти и 50.000 клм. внѣ германской территоріи, т. е. въ общей сложности 75.000 километровъ, тогда какъ для Франціи общая цифра эта равняется 19.200 километровъ, для Соединенныхъ Штатовъ 15.300 клм., совѣтской Россіи 6.000 клм., Италіи 5.000 клм., и Англіи всего 3.485 клм.

Въ итогѣ вышеприведенные выводы приложимы ко всѣмъ государствамъ, въ разной только, понятно, степени, и надо ждать, что будущая война всюду начнется съ громоноснаго воздушнаго набѣга на вражескую территорію.

А. Н. Виноградскій

„Сѣрые Герои"

(Конный набѣгъ дивизіона 25-го Донского Казачьяго полка въ тылъ германскаго фронта въ 1915-мъ году)

Командованіе 5-ой арміи въ іюлѣ 1915-го года на участкѣ 19-го армейскаго корпуса Сѣверо-Западнаго фронта рѣшило перейти въ наступленіе и отбросить за Венту насѣдавшіе германскіе 17-ый и 20-й корпуса, успѣшно продвинувшіеся съ мая мѣсяца, послѣ Шавельскихъ боевъ, до линіи этой рѣки.

Прибывшія спѣшно съ западнаго фронта на усиленіе 19-го корпуса 1-ая Кавказская стрѣлковая дивизія ген. Бекова и 4-ая Донская казачья дивизія подъ командою генерала гр. Граббе, съ утра 4-го іюля повели удачное наступленіе и отбросили германская части, прорвавъ линію германскаго боевого расположенія. Полусотня 26-го Донского казачьяго полка подъ командою сотника В. В. Чернецова, впослѣдствіи извѣстнаго партизана на Дону, лихой конной атакой уничтожила сильную конную заставу 7-го Уланскаго резервнаго Императора Александра III германскаго полка, обративъ въ безпорядочное бѣгство части этого эскадрона. Преслѣдованіе велось до наступленія сумерекъ. Командующій конницей генералъ Ѳ. Ѳ. Абрамовъ, объѣзжая разбросанныя части казачьихъ полковъ, благодарилъ за успѣшныя дѣйствія въ теченіе дня, и подъ вечеръ приказалъ командиру 25-го Донского казачьяго полка полковнику П. выслать въ образовавшій прорывъ одну сотню, въ районъ, отстоящій на 18 верстъ вглубь расположенія германскихъ войскъ, гдѣ, по слухамъ отъ мѣстныхъ жителей, находился значительный транспортъ съ артиллерійскими снарядами. Находя, въ связи съ создавшейся къ вечеру обстановкой, для насъ благопріятной, выполненіе поставленной задачи весьма серьезной полковникъ П. просилъ разрѣшенія взять дивизіонъ, команду охотниковъ и самому руководить этимъ поискомъ, на что генералъ Абрамовъ выразилъ полное одобреніе. Къ полночи всѣ приготовленія были готовы. Сотни были малочисленны. Всего изъ сел. Альткирхъ выступило 167 всадниковъ при семи офицерахъ.

Тихо, имѣя мѣстнаго проводника, выступали въ походной колоннѣ казаки, не зная назначенія ночного маневра. Пройдя линіи сторожевки, свернули къ болоту и по топкимъ «непроходимымъ» по картѣ тропамъ, порою спѣшеннымъ порядкомъ, шли конь за конемъ боевые соратники. Курить и разговаривать было строго запрещено. Вотъ ярко освѣщаемая ракетами линія германскаго охраненія, — миновали благополучно и ее. Ночь была звѣздная, затѣмъ спустились тучи и подъ утро сталъ накрапывать дождь. Выйдя изъ болота, пошли лѣсной тропой, оставивъ далеко позади линію ракетныхъ огней... Къ разсвѣту подошли къ дому лѣсника, обозначенному на трехверсткѣ, пройдя болѣе 15 верстъ отъ сел. Альткирхъ. Отъ лѣсника узнали, что въ верстѣ на фольваркѣ, что въ полуверстѣ отъ графской мызы «Медемроде», съ вечера стоялъ большой германскій обозъ на обывательскихъ подводахъ. Туманъ густо покрывалъ лѣсную чащу, обильная роса дѣлала воздухъ влажнымъ. Люди дрогли, лошади фыркали. Быстро занималась заря. Надо было использовать туманъ.

Построивъ на опушкѣ лѣса лаву, полковникъ П. повелъ ее на рысяхъ по вспаханному полю. Вдали виднѣлась мыза графа Зубова, а лѣвѣе въ полуверстѣ — фольваркъ. Взявъ охотниковъ въ маякъ, руководя условными знаками, точно на ученіи, двинулась лава рысью, затѣмъ наметомъ и только грянулъ первый непріятельскій выстрѣлъ изъ мызы — съ крикомъ «ура, пики къ бою, шашки вонъ!» — перескакивая ирригаціонныя канавы съ водой, понеслись карьеромъ казаки. Впереди по шоссе уносятся изъ фольварка нѣсколько германскихъ всадниковъ. Въ фольваркѣ полковникъ П. опрашиваетъ захваченнаго жителя, — «да, нѣмцы съ вечера были и ушли въ западномъ направленіи на ст. Муравьево, а вотъ здѣсь рядомъ на барской мызѣ находится съ вечера штабъ германской дивизіи со своимъ охраненіемъ»...

Поворотъ лавы на 125 градусовъ, минуя шоссе, бѣшено продолжаетъ лава нестись уже въ направленіи мызы, но нѣмцы встрѣчаютъ атакующихъ частымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Огонь безпорядоченъ, видимо, атака была совсѣмъ неожиданной. Мыза окружена высокимъ заборомъ, — всадники обволакиваютъ мызу, проскакиваютъ кругомъ, преслѣдуютъ улепетывающихъ на двуколкахъ штабныхъ чиновъ, рубятъ бѣгущихъ пѣхотинцевъ... Тема, достойная кисти баталиста! Но обороняющіеся упорно удерживаютъ позицію: изъ чердаковъ, изъ оконъ трескъ выстрѣловъ почти въ упоръ, всадники спѣшиваются, коноводы скрываются за амбарами; въ теченіе 20 минутъ идетъ отчаянный ружейный бой. Уже по полю мчатся кони безъ всадниковъ, бѣгутъ всадники безъ лошадей, слышатся стоны раненыхъ казаковъ, — силы наши слабѣютъ... Командиръ 3-ей сотни есаулъ Шишловъ руководитъ боемъ съ сѣверной стороны мызы, командиръ 5-ой сотни подъесаулъ Филинковъ, потерявъ коня, въ пѣшемъ строю наступаетъ со своими казаками съ юга. Полковой адъютантъ сотникъ Сонинъ, впослѣдствіи геройски погибшій, руководя возстаніемъ противъ большевиковъ въ Урюпинѣ, — выводитъ изъ подъ огня раненыхъ и вно-

ситъ порядокъ среди коноводовъ, разбросанныхъ то здѣсь, то тамъ. Охотничья команда подъ командою полковника П. ведетъ борьбу, почти въ упоръ разстрѣливая засѣвшихъ съ пулеметомъ на чердакѣ амбара наиболѣе упорныхъ защитниковъ нѣмецкой стороны. Вплотную къ амбару сложенъ штабель сухихъ дровъ, охотники ихъ поджигаютъ, густой дымъ быстро обволакиваетъ зданіе и, чуя близкую гибель, оборона начинаетъ ослабѣвать. Выбѣгаютъ по одиночкѣ нѣмцы, охотники ихъ встрѣчаютъ огнемъ, и дворъ за амбаромъ весь въ синихъ пятнахъ, — то сраженный казачьей пулей противникъ. Дозоръ охотниковъ проникаетъ ползкомъ вглубь мызы и слышитъ родной говоръ: — крики о помощи... Взламываютъ засовы и съ крикомъ выбѣгаетъ масса нашихъ Сибирскихъ стрѣлковъ 42-го Сибирскаго стрѣлковаго полка, взятыхъ нѣсколько дней тому назадъ на боевомъ фронтѣ подъ Митавою въ плѣнъ, и которыхъ Штабъ германской дивизіи не успѣлъ переотправить вглубь тыла.

Безъ сапогъ, безъ фуражекъ, многіе безъ погонъ и безъ поясовъ, изголодавшіеся, безъ пищи уже 3-и сутки, но воодушевленные доблестнымъ примѣромъ казаковъ, эти нѣсколько сотенъ сѣрыхъ героевъ, вооружась пиками, винтовками, шашками отъ казаковъ и оружіемъ съ убитыхъ, а кому не досталось вооруженія, — съ горящими головнями изъ штабеля — ринулись на остатки противника, засѣвшіе на чердакахъ, и это неожиданное подкрѣпленіе рѣшило сразу успѣхъ боя. Повсюду раскинуты трупы въ синихъ мундирахъ, замолкъ пулеметъ. Смолкаетъ ружейная стрѣльба, лишь вдоль забора мызы одиночно перебѣгаютъ пѣхотинцы въ защитныхъ каскахъ, не пытаясь сопротивляться, да вдали, на опушкѣ лѣса, снуютъ германскіе конные развѣдчики...

Дѣйствія въ тылу требуютъ особаго порядка, распорядительности и быстроты. Казаки выкатываютъ изъ сарая отличный германскій автомобиль, въ боковыхъ карманахъ находятъ документы, — французскіе планы и диспозиціи, видимо, часть переброшена еще недавно съ Западнаго фронта, — выкатываютъ повозки, военное снаряженіе, имущество, брошенное нѣмцами. Собираютъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ, сѣдла съ убитыхъ лошадей и черезъ полчаса въ стройной колоннѣ, вывозя всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, захваченные трофеи, оставляя за собой пылающіе амбары, при ярко восходящемъ солнцѣ, вытягивается оригинальная по составу часть... смущенно наблюдаемая нѣмецкими разъѣздами съ далекой опушки лѣса...

Въ пути ведутъ подсчеты потерямъ: убито 12 казаковъ и 10 стрѣлковъ; ранено 25 казаковъ и 15 стрѣлковъ. Убито свыше 30 коней. За то уничтожено прикрытіе — болѣе ста германскихъ труповъ оставлено на мызѣ «Медемроде»; захваченъ пулеметъ, патронныя двуколки, автомобиль и военные документы штаба 67-ой резервной германской дивизіи. Противникъ подавленъ, — не пытается преслѣдовать, а главное — освобожденъ цѣлый нашъ баталіонъ изъ плѣна!.. Ведутся оживленные разговоры, — забыта безсонная ночь... Успѣхъ побѣды — сила духа необъятная! Команда охотниковъ, высланная впередъ, короткимъ налетомъ сбиваетъ германскую пѣшую заставу и, не неся по-

терь, колонна выводится на путь, откуда выступилъ отрядъ, и къ 9½ час. утра 5-го іюля казаки опять въ сел. Альткирхъ. У входа въ селеніе полковникъ П. отдаетъ воинскія почести убитымъ и между шпалерами стрѣлковъ, при кромкомъ «ура» — освобожденныхъ изъ плѣна сибиряковъ, торжественно провозятъ повозки съ ранеными. Слезы на глазахъ, слезы благодарности, и чувство, что не даромъ кровь свою пролили.... На всю жизнь запечатлѣли этотъ искренній порывъ благодарныхъ соратниковъ сѣрые герои, кто въ геройскомъ подвигѣ удѣлъ нашли — ставъ инвалидами. . .

Подвигъ набѣга въ тылъ былъ должно оцѣненъ высшимъ начальствомъ. Командующій Арміей прислалъ телеграфно благодарность и по три Георгіевскихъ креста на сотню и команду, а командиръ корпуса отъ себя по пять крестовъ и медалей. Всѣ раненые были награждены знаками отличія, а г.г. офицеры представлены къ очередной боевой наградѣ. По статуту полковникъ П. награжденъ былъ за это дѣло орденомъ св. Великомученика Георгія 4-ой степени.

Въ анналахъ описаній германской войны у нѣмцевъ набѣгъ этотъ не нашелъ себѣ мѣста, лишь отмѣчено, что въ періодѣ іюля 1915 года нѣмцы принуждены были на Муравьевскомъ направленіи временно отойти и укрѣпиться на занятыхъ командующихъ позиціяхъ. Зазорно, конечно, описывать бѣгство начальника дивизіи на патронной двуколкѣ, преслѣдуемой казаками, бросивъ на произволъ свое прикрытіе съ пулеметомъ и имущество штаба передъ 167 казаками. Но участники набѣга съ гордостью вспоинали свое участіе и въ разсказахъ среди станичниковъ добавляли: «Богъ хранилъ насъ, а нѣмцу задали, никто живымъ не ушелъ, но и была же жара!». . .

И думается мнѣ, что донесенію полковника П. штабъ не придалъ бы значенія, считая это обычнымъ увлеченіемъ кавалерійскаго начальника, если бы реальнымъ результатомъ не явились бы 640 Сибирскихъ стрѣлковъ при трехъ прапорщикахъ, возвращенныхъ 5-ой арміи, вырванныхъ изъ германскаго плѣна.

Генералъ *Д. Потоцкій.*

Изъ жизни другихъ союзовъ

ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ БЫВШИХЪ ЮНКЕРОВЪ НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА

Правленіе:

Ген.-лейт. Миллеръ (Предсѣдатель), ген.-лейт. Марковъ (товар. предсѣд.), ген.-лейт. Свѣчинъ, ген.-майоръ Орловъ, ген.-майоръ Сычевъ, полк. кн. Дундуковъ — Изъѣдиновъ, полк. Мухановъ (казначей), полк. Скуратовъ, полк. Геништа, полк. Сафоновъ, пор. Толстовъ (секретарь); кандидаты: полк. Мятлевъ и полк. Аглаимовъ.

Судъ Чести:

Шт.-ротм. Снѣжковъ, камергеръ Комаровъ, ген. отъ кавалеріи Эрдели, ген.-лейт. кн. Тумановъ, ген.-майоръ Чекотовскій, ген.-майоръ Сулеманъ-Улановскій; кандидатъ полк. Корибутъ-Дашкевичъ.

Историческая Комиссія:

Полк. Скуратовъ, пор. Толстовъ, корн. Макшеевъ, корн. Данишевскій.

Ревизіонная Комиссія:

Ген.-лейт. Говоровъ, ген.-майоръ Малышенко, ген.-майоръ Гревсъ, полк. Стракачъ.

Адресъ Общества: Генералъ Миллеръ. 6, rue Renard, Paris

11/24 сентября въ день храмового праздника Кадетскаго Корпуса *Императора Александра II* Объединеніе бывшихъ кадетъ отслужило молебенъ въ Галлиполійской церкви о здравіи *Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны* и Верховнаго Главнокомандующаго *Великаго Князя Николая Николаевича,* съ поминовеніемъ въ Бозѣ почившихъ *Государей Императоровъ Александра II, Александра III и Николая II,* и *Великаго Князя Константина Константиновича.*

Въ отвѣтъ на принесенныя *Ея Величеству* поздравленія ко дню Тезоименитства, полученъ всемилостивѣйшій отвѣтъ: «*Сердечно благодарю кадетъ Корпуса Императора Александра II за поздравленія и благопожеланія ко дню Моего Ангела. Марія*».

На посланную *Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу почто-телеграмму,* предсѣд. Объединенія былъ удостоенъ слѣдующимъ отвѣтомъ: «*Сердечно благодарю Васъ и всѣхъ бывшихъ кадетъ Александровцевъ за привѣтствіе и пожеланія. Отъ души поздравляю всѣхъ съ корпуснымъ праздникомъ. Николай*».

Правленіе Объединенія на наступающій годъ избрано въ прежнемъ составѣ: предсѣдатель ген. Ставицкій, секретарь ротм. Курчениновъ, казначей капитанъ Пудкевичъ.

Принимается подписка на «ВѢСТНИКЪ». Цѣна номера 2 франка съ пересылкой 2 фр. 50 сант.

Переписку по дѣламъ редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза.

Union des officiers russes, 35, rue de Sèvres, Paris VII.

Le gérant : M. Boivent

Imp. de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves. 32, rue de Menilmontant

№ 4.

Оглавленіе

От Правленія. — Князь Федоръ Косаткинъ-Ростовскій «Съ Новымъ Годомъ», стихотвореніе. — Николай Языковъ «Свѣтлой памяти Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича». — Изъ жизни Союза. — А. Н. Виноградскій «Къ 25-лѣтію русско-японской войны». — Ген.-лейт. Миллеръ «Императоръ Николай II и армія». —П. Ставицкій «Сухія цифры». — П. Красновъ «Два приза» (разсказъ). — Иванъ Лукашъ «Мишка» (разсказъ). — Скорбный листокъ.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ

Начиная второй годъ изданія Вѣстника Союза, Правленіе считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность генераламъ П. Н. Краснову, Е. К. Миллеру, Н. Н. Баратову, П. П. Ставицкому, А. Н. Виноградскому, Д. Н. Потоцкому, полковникамъ Колотинскому, кн. Косаткину-Ростовскому, Степанову, Шумскому, Подчерткову, пор. Карсову, г.г. Лукашу и Асмолову, предоставившимъ интересные матеріалы для Вѣстника и работавшимъ по его составленію и распространенію.

Правленіе твердо увѣрено, что и въ настоящемъ году Вѣстникъ будетъ пользоваться такимъ-же вниманіемъ, и съ успѣхомъ выполнитъ свою главную задачу — служить средствомъ связи, давать картину жизни и работы Союза и непрестанно поддерживать въ памяти безсмертные завѣты и традиціи нашихъ славныхъ армій и флота.

„Съ Новымъ Годомъ!"

«Народъ Русскій, собери Твои силы и съ Крестомъ выйди вновь на путь Тебѣ даннаго великаго и славнаго Бытія».

(Послѣдній приказъ Вел. Кн. Николая Николаевича).

«Я слышу перезвонъ Кремлевскихъ церквей».

(Предсмертныя слова ген. Врангеля).

Друзья! Съ Новымъ Годомъ! Туманно-печальный,
Старый уходитъ съ горестью слезъ.
Не далъ онъ увидѣть намъ Родины дальной,
Близкихъ намъ, — въ Небо унесъ!
Врангель, Царица и Вождь нашъ Верховный,
Призваны Богомъ отъ грѣшной земли;
Осиротѣвшіе, въ грусти духовной,
Бродимъ мы въ чуждой дали. . .
Грустью туманится взглядъ офицера,
Печаленъ отъ дней испытаній солдатъ,
Но негасимая теплится вѣра,

Въ душахъ, какъ свѣтъ негасимыхъ лампадъ!
Вѣримъ мы: «Скоро раздастся набатъ...
Мы возвратимся въ Россію назадъ!»
Въ вѣчномъ туманѣ, на дальней чужбинѣ,
Въ Новомъ году, какъ загробный привѣтъ,
Тѣ, кто насъ звалъ неустанно къ Святымъ,
Наши Вожди, — шлютъ намъ вѣчный завѣтъ.
Предъ ихъ, открытыми Богу, глазами
Ясны теперь дали нашей судьбы,
Души ихъ близко, незримыя нами,
Насъ ободряютъ для новой борьбы.
Ихъ вспоминая въ молитвѣ невольной,
Вспомнимъ, какъ въ часъ, когда тихо угасъ,
Врангель сказалъ: **«Слышу звонъ колокольный»,** —
Вспомнимъ Великаго Князя приказъ.
Фразы вождей передъ гранью могилы
Звучатъ намъ пророчества, силу тая,
«Русскій народъ, собери свои силы,
«Выйди съ крестомъ на путь славы Бытья».
Когда чистымъ сердцамъ неземную обитель
Господь открываетъ на небѣ Свою,
На мѣсто ушедшихъ придетъ замѣститель,
И будетъ онъ правды и чести хранитель,
Какъ павшимъ — замѣна въ бою!!.
Храните-жъ порыва горящее пламя,
Не надо унынья, для сильныхъ душой —
Любви нашей къ Родинѣ свѣтлое знамя
Мы всѣ донесемъ до Россіи святой.
Часъ близокъ... Трещатъ уже, рвутся оковы.
Все ближе мечта!.. Дни проходятъ невзгодъ...
Сплотимся, друзья!.. Будемъ вѣрить! Годъ новый!
Дастъ Богъ, намъ пути къ возрожденью
вернетъ!..

Кн. **Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.**

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ АВГУСТѢЙШАГО ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Скончался **Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ,** который былъ для насъ олицетвореніемъ блестящаго прошлаго, объединеніемъ въ настоящемъ и, самое главное, нашей надеждой на будущее. И въ потерѣ этой надежды весь ужасъ и незамѣнимость Его преждевременной утраты.

Кто не помнитъ Великаго Князя? Его высокой и стройной фигуры съ прекраснымъ, благороднымъ и строгимъ лицомъ? Онъ былъ наиболѣе цѣльнымъ, наиболѣе яркимъ и вѣрнымъ представителемъ Императорской Россіи, Россіи блестящаго величія, роскошнаго Двора и Рыцарства ушедшаго вѣка.

Его знали всѣ, и популярность Его была необычайна. Ея причина была въ Его необыкновенной прямотѣ, благородствѣ и любви къ офицеру и солдату. Вокругъ Его имени слагались легенды, и весь Онъ былъ овѣянъ дымкой былой Славы Императорской Россіи, когда высоко парилъ нашъ Двуглавый Орелъ и Побѣдой шумѣли Знамена!

Съ Нимъ умерла двухвѣковая Императорская сказка! Сломался Мечъ Россіи, разившій враговъ на поляхъ Великой Галиційской Битвы, у стѣнъ Перемышля, на подступахъ Варшавы, на равнинахъ Пруссіи, Мечъ, спасшій Парижъ и Францію и покорившій къ стопамъ **Русскаго Императора** неприступныя твердыни Турціи!

Всю свою долгую жизнь **Великій Князь** былъ солдатомъ, и вся Его жизнь есть великій примѣръ исполненія воинскаго долга, самопожертвованія, скромности, прямоты, необыкновеннаго благородства, работы и безграничной любви къ Россіи.

Недаромъ, когда въ изгнаніи намъ такъ нужна была нравственная опора, всѣ сражавшіеся за Россію, отдавшіе все въ борьбѣ за Нее, признали **Его** своимъ Духовнымъ **Вождемъ, Ликомъ Націи, Знаменемъ Россіи,** Россіи Вѣчной, Исторической, Національной, Великой и въ паденіи и въ славѣ. И **Великій Князь** былъ этимъ **Вождемъ,** этимъ **Ликомъ Націи** и **Знаменемъ Россіи.** Онъ былъ нашимъ вдохновителемъ, нашей опорой и надеждой. Передъ кончиной Онъ успѣлъ объединить Русскихъ патріотовъ и слить во-едино Національное Бѣлое Движеніе съ историческимъ движеніемъ Россіи.

Въ послѣдніе часы Своей жизни, умирая, Онъ подписалъ поздравленіе съ Праздникомъ Рождества Христова и обратился къ Русскимъ людямъ со слѣдующими прекрасными словами:

«Молю Господа, да узримъ Отечество наше свободнымъ и въ немъ — торжество вѣры и царство мира, любви и порядка.

Памятуйте о Россіи! И здѣсь, въ изгнаніи, Ей отдайте всѣ ваши помыслы, не числя трудовъ, силъ и средствъ, на дѣло Ея спасенія, ибо безпримѣрно тяжки испытанія и наступаютъ рѣшительные сроки.

Народъ Русскій! Собери твои силы и со Крестомъ выйди вновь на путь тебѣ даннаго великаго и славнаго бытія».

Волей Всевышняго, эти послѣднія слова, звучащія намъ теперь уже изъ гроба, стали Духовнымъ Завѣщаніемъ **Великаго Князя.** Будемъ же свято хранить ихъ въ нашихъ сердцахъ и выполнять на дѣлѣ. . .

Никто и ничто не въ состояніи замѣнить намъ **Великаго Князя,** и хотя Національное **Знамя Россіи** передано **Имъ** генералу Кутепову, но долгъ честно нести это **Знамя** лежитъ на насъ всѣхъ, не только Его боевыхъ соратникахъ, но и на всѣхъ честныхъ Русскихъ патріотахъ. Будемъ же едины, будемъ достойны нести это **Знамя,** и от-

дадимъ все, а если нужно и самую жизнь, для приближенія того великаго часа, когда наступитъ Воскресеніе нашей Родины, Воскресеніе, для котораго такъ много работалъ и къ которому неустанно звалъ насъ Великій Усопшій Русскій Патріотъ и честный Солдатъ, **Ему же да будетъ вѣчный покой, вѣчная слава и вѣчная память!**

Николай Языковъ

Женева. 31 декабря/13 января 1929 г.

Изъ жизни союза

Въ виду наступленія Новаго Года, Правленіе считаетъ нужнымъ напомнить своимъ членамъ и сообщить разныя свѣдѣнія, относящіяся къ жизни Союза.

1. *Канцелярія Союза* помѣщается:
Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sévres. Paris, (7) во второмъ этажѣ, по корридору первая дверь. Метро Севръ-Бабилонъ, Н.-Сюдъ Севръ. Открыта: по воскресеньямъ отъ 2-хъ до 4-хъ; вторникамъ и пятницамъ отъ 4-хъ до 6-ти, и средамъ отъ 6-ти до 8-ми.

Письменныя обращенія слѣдуетъ адресовать:
Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sévres. Paris, (7) указывая чинъ, фамилію, свой адресъ, № членской карточки и годъ ея выдачи.

2. *Обмѣнъ членской карточки на 1929-ый годъ* производится въ пріемные дни и часы въ Канцеляріи Союза. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинамъ не могущіе лично перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ее для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу:
Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sévres. Paris, (7) со вложеніемъ 15 франковъ и надписаннаго конверта и маркой для отвѣта.

Правленіе Союза проситъ своихъ членовъ, особенно тѣхъ, которые не заплатили своихъ членскихъ взносовъ за прошлые годы, сдѣлать это безотлагательно, лично или по почтѣ.

3. *Запись въ Союзъ.* — Г.г. офицеры, желающіе записаться въ Союзъ, должны представить въ Канцелярію свои офицерскіе документы, послѣ чего, заполнивъ опросный листъ, вернуть его въ Канцелярію съ рекомендательными подписями 2-хъ членовъ Союза, состоящихъ въ немъ не менѣе года, съ указаніемъ номеровъ ихъ членскихъ карточекъ и года выдачи, 15-ти франковъ и одной фотографіи; а иногородніе, кромѣ того, и конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. По разсмотрѣніи опроснаго листа Пріемной Комиссіей и зачисленія въ Союзъ выдается или высылается членская карточка, на которую наклеивается фотографическая карточка, проштемплеванная печатью Союза.

Въ теченіе 1928-го года запись новыхъ членовъ по мѣсяцамъ выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Январь	73	Іюль	14
Февраль	28	Августъ	25
Мартъ	49	Сентябрь	16
Апрѣль	20	Октябрь	21
Май	12	Ноябрь	13
Іюнь	35	Декабрь	6

Итого — 312 офицеровъ.

4. *Касса взаимопомощи Союза.* — Ежемѣсячный членскій взносъ въ кассу 2 франка. Вступительный (единовременный) — 10 франковъ. Кромѣ 5-ти франковъ, поступающихъ въ суммы Кассы, всѣ взносы, а также добровольные, составляютъ собственность участника Кассы, состоятъ на его личномъ счету и подлежатъ возврату.

О желаніи быть зачисленнымъ въ число участниковъ Кассы, а также просьбы о выдачѣ ссуды состоящими въ Кассѣ членовъ Союза подается рапортъ на имя Предсѣдателя Кассы по адресу Союза: Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sévres. Paris, (7).

За 1928-ой годъ изъ Кассы взаймы выдано 24 ссуды на сумму 2.360 франковъ, и получено поступленій въ Кассу по возврату ссудъ, взносами и процентами 3.390 фр. А за все время существованія Кассы выдано ссудъ 97 на сумму 8.925 фр., и получено въ Кассу 4.755 фр.

5) *Койка имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи для туберкулезныхъ членовъ Союза.* Открыта 18-го іюля 1928-го года въ санаторіи кн. Гагариной въ гор. Шель, недалеко отъ Парижа.

Цѣль этой койки — поддержать заболѣвшаго туберкулезомъ, или съ ясно обозначившимся намекомъ на эту болѣзнь, переутомленнаго члена Союза (больные въ хронической стадіи не принимаются). Лѣченіемъ на этой койкѣ воспользовались уже три члена Союза. Занята она и въ настоящее время. Члены Союза, нуждающіеся въ помѣщеніи въ санаторіи, должны подать рапортъ объ этомъ на имя Предсѣдателя Союза, послѣ чего будутъ освидѣтельствованы врачемъ Санаторіи для занесенія въ кандидатскій списокъ.

6) *Юридическая помощь членамъ Союза.* Оказывается юрисконсультомъ Союза присяжнымъ повѣреннымъ Павломъ Алексѣевичемъ Соколовымъ нуждающимся въ этомъ членамъ по запискамъ Секретаря Союза, выдаваемымъ въ пріемное время.

7) *Медицинская помощь членамъ Союза и ихъ семьямъ.* Предоставляется больнымъ и нуждающимся членамъ Союза и ихъ семьямъ по запискамъ Секретаря Союза безплатно или по пониженной расцѣнкѣ: по хирургическимъ болѣзнямъ у проф. Алексинскаго; по легочнымъ у проф. Габриловича; внутреннимъ у д-ра Хмѣлевскаго; гинекологическимъ у д-ра Сагателова; зубнымъ у зубныхъ врачей Костевичъ и Массена.

8) *Вѣстникъ Союза Офицеровъ Участниковъ Войны.* Выходитъ періодически четыре раза въ годъ. Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 сант. Выпущено 4 номера. Изданіе встрѣчено очень сочувственно членами Союза, какъ единственно возможное при такомъ большомъ числѣ членовъ средство связи. Образовалось большое число постоянныхъ подписчиковъ, внесшихъ плату за нѣсколько номеровъ впередъ и получающихъ ихъ тотчасъ по выходѣ. Правленіе Союза послѣ опыта постановило сохранить цѣну «Вѣстника» въ минимальной суммѣ 2 франка, чтобы онъ никому не былъ въ тягость; тѣмъ болѣе что даже въ такихъ условіяхъ удается достигать его самоокупаемости.

Правленіе вновь обращается съ просьбой къ своимъ Отдѣламъ и членамъ Союза не пропускать случаевъ въ письмахъ и корреспонденціяхъ съ мѣстъ освѣщать мѣстную жизнь, для помѣщенія въ «Вѣстникѣ» присылаемыхъ замѣтокъ.

9) *Библіотека Союза.* Открыта еженедѣльно по средамъ отъ 8-ми до 9-ти часовъ вечера въ Канцеляріи Союза.

10) *Погашеніе ссудъ,* выданныхъ членамъ Союза изъ кассы Союза и на обученіе на шофферскихъ курсахъ въ прежніе годы очень замедлилось; Правленіе проситъ своихъ членовъ, состоящихъ должниками кассы, не приступившихъ еще къ уплатѣ долговъ или не окончившихъ выплаты, вносить ежемѣсячно хотя бы частями и тѣмъ помочь Правленію въ его трудной работѣ, не заставляя его прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ воздѣйствія на должниковъ, указанныхъ ему Ревизіонной Комиссіей, Общими Собраніями и п. 7 Устава Союза.

11) *Гимнастическо-фехтовальные курсы* подъ общимъ руководствомъ генерала Фока, продолжаютъ съ успѣхомъ функціонировать въ помѣщеніи общежитія Л. Гв. Казачьяго дивизіона на рю дю Терражъ.

12) *Организація молодежи.*

Начиная съ октября мѣсяца, по средамъ, для молодежи были прочитаны лекціи по организаціи и исторіи русской арміи и флота и другимъ предметамъ генералами А. С. Гулевичемъ, Н. Н. Стоговымъ, полковниками А. Ф. Григорьевымъ, О. В. Шумскимъ, капитаномъ Н. И. Мурзинымъ, старшимъ лейтенантомъ флота Е. Н. фонъ Шильдкнехтъ и Ф. И. Бостремъ. Съ наступленіемъ теплаго времени будетъ организованъ, по примѣру прошлаго года, подъ руководствомъ полковника Григорьева рядъ прогулокъ и произведено практическое ознакомленіе съ производствомъ глазомѣрныхъ съемокъ и т. п.

Къ 25-лѣтію русско-японской войны

Русско-японская война явилась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того русла, въ которое направилась активность нашей политики за послѣдніе годы прошлаго столѣтія. Мы всегда были на Дальнемъ Востокѣ государствомъ слабымъ, и наше спокойствіе тамъ обезпечивалось престижемъ Россіи, искусствомъ нашей дипломатіи и инертностью Китая.

Громадный прогрессъ Японіи во вторую половину 19-го вѣка въ области техники и пріобщеніе къ европейской культурѣ съ матеріальной стороны, въ связи съ необходимостью найти выходъ для значительнаго прироста населенія, сдѣлали изъ Имперіи Микадо къ 90-мъ годамъ весьма грозный военно-политическій факторъ, — явленіе, которое не было учтено Россіей должнымъ образомъ. Къ тому же времени относится очередное возрастаніе нашего тяготѣнія на востокъ, съ цѣлью найти выходъ къ открытому морю, въ чемъ Россія нуждалась и нуждается и понынѣ.

Въ 1892-мъ году началась постройка Великаго Сибирскаго пути, разсчитаннаго сначала на пропускъ лишь 3-хъ паръ поѣздовъ въ сутки. Два года спустя загорѣлась японо-китайская война, вызванная желаніемъ Японіи захватить Корею и стать твердой ногой на азіатскомъ материкѣ, прочно зацѣпившись за Портъ-Артуръ на южной оконечности Ляодунскаго полуострова. Подобный шагъ Японіи оцѣнивался нами, какъ явно противорѣчащій нашимъ интересамъ (прегражденіе намъ выхода черезъ Мандчжурію къ Великому океану) и мы, при поддержкѣ Германіи и Франціи, ультимативнымъ порядкомъ заставили Японію очистить взятый ею съ боя у Китая Портъ-Артуръ. Послѣдняя намъ никогда этого простить не могла, и война ея съ Россіей сдѣлалась лишь вопросомъ времени.

Въ 1896-мъ году мы заключили соглашеніе съ Китаемъ, по которому мы получили на извѣстныхъ условіяхъ право провести черезъ сѣверную Мандчжурію значительный участокъ Сибирской дороги (около 2.500 верстъ) подъ названіемъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, чѣмъ вся линія значительно спрямлялась, а въ 1898-мъ году мы заарендовали у Китая на 25 лѣтъ Портъ-Артуръ съ округой и ближайшимъ портомъ, названнымъ Дальнимъ.

Немедленно было приступлено къ соединенію Артура и Дальняго съ манчжурскимъ участкомъ Сибирскаго пути, что давало намъ желанный выходъ къ морю, къ усиленію обороны Портъ-Артура и къ оборудованію въ Дальнемъ громаднаго современнаго коммерческаго порта. Однако, планъ усиленія Артура былъ разсчитанъ на длинный промежутокъ времени, между тѣмъ, какъ Японія уже готовилась къ войнѣ и ускорила темпъ приготовленій сейчасъ же послѣ оккупаціи нами Портъ-Артура и Дальняго. Вообще наше военное вѣдомство продолжало удѣлять преимущественное вниманіе и средства оборонѣ западныхъ границъ и дало себя на востокѣ значительно опередить Японіи. Лишь въ 1903-мъ году создалось у тогдашняго военнаго министра генералъ-адъютанта Куропаткина ясное представленіе о надвигавшейся на востокѣ опасности, но было уже слишкомъ поздно, чтобы своевременно наверстать потерянное. Осенью 1903-го года Японія начала съ нами сначала въ дружественномъ тонѣ переговоры о пересмотрѣ создавшагося положенія и разграниченіи сферъ вліянія въ Манджуріи и Кореѣ и сдѣлала извѣстныя предложенія. Мы отвѣтили контръ-предложеніемъ и т. д., и переговоры затянулись. У насъ полагали, что ходъ и характеръ ихъ не предвѣщаютъ вооруженнаго столкновенія, но Японія смотрѣла

на это иначе и, придравшись къ затягиванію нами отвѣта на одну изъ нотъ, прервала 6-го февраля 1904-го года дипломатическія сношенія. Какъ ближайшее слѣдствіе этого акта, въ ночь на 8-ое февраля японскій флотъ, безъ предварительнаго объявленія войны Японіей Россіи, произвелъ минную атаку на нашъ флотъ, стоявшій на Портъ-Артурскомъ рейдѣ, и подорвалъ два броненосца и одинъ крейсеръ. Война началась. . .

Прежде, чѣмъ приступить къ краткому изложенію состоянія вооруженныхъ силъ и хода военныхъ дѣйствій, очертимъ бѣгло политическую обстановку и общее состояніе государственной обороны воюющихъ сторонъ. Россія начинала войну при фактическомъ нейтралитетѣ всѣхъ великихъ державъ, и даже дружественномъ Германіи и Франціи, нашей союзницы, но недоброжелательномъ отношеніи Англіи и Америки. Великобританія была заинтересована въ общемъ ослабленіи нашего отечества, а въ Соединенныхъ Штатахъ шла уже давно очень сильная антирусская пропаганда на почвѣ еврейскаго вопроса и, кромѣ того, американская демократія относилась въ принципѣ отрицательно къ Самодержавію. Наши западныя границы были въ безопасности, вслѣдствіе дружбы съ Германіей, значительно заинтересованной въ этой войнѣ. Послѣдняя обѣщала большіе барыши ея промышленности, ослабленіе Россіи на западѣ и отвлеченіе ея на востокъ, внѣ орбиты чисто европейскихъ политическихъ интересовъ, да наконецъ, предстоящія военныя дѣйствія являлись наилучшимъ мѣриломъ военной мощи Россіи.

Въ смыслѣ военнаго своего «потенціала» Россія находилась въ худшемъ положеніи. Война эта, которая являлась для нея «колоніальною», не была популярной, военное дѣло не пользовалось симпатіями интеллигентныхъ классовъ, что вызывало трудности въ пополненіи корпуса офицеровъ, промышленность наша была развита слабо, возможность быстрой переброски съ базы — Европейской Россіи — силъ и средствъ, вслѣдствіе наличности одного только пути подвоза — слабой Сибирской дороги — отсутствовала, что нейтрализовало значительное численное превосходство русской арміи, да и вообще населенія; русскій флотъ былъ слабѣе японскаго и качественно и количественно, и едва ли могъ обезпечить владѣніе морями, но за то въ финансовомъ отношеніи положеніе Россіи стояло несоизмѣримо выше Японіи, и кредитъ ея былъ проченъ.

Японія опиралась на дружбу Англіи и Америки и могла получать отъ нихъ моремъ все потребное; подъемъ духа въ странѣ былъ великъ, желаніе побѣдить господствовало во всѣхъ слояхъ населенія, разстоянія вообще короче; армія, высаженная на азіатскомъ материкѣ, связывалась съ родиной — базой — морскими, т. е. болѣе удобными путями. . . .

(Продолженіе слѣдуетъ)

А. Н. Виноградскій

6. 1. 29. Парижъ.

Императоръ Николай II и Армія

(Докладъ генералъ-лейтенанта Е. К. Миллера на собраніи Общества ревнителей памяти Императора Николая II)

Въ первой части доклада «Императоръ Николай II и армія», помѣщенной въ № 3 «Вѣстника», была дана картина тѣхъ мѣръ военно-техническаго характера, организаціонныхъ и арминистративныхъ, которыя способствовали усиленію Русской Арміи количественно и качественно, увеличивая также и ея мобилизаціонную и боевую готовность для скорѣйшаго отраженія непріятеля въ случаѣ европейской войны.

Теперь позвольте мнѣ перейти къ мѣрамъ другого характера, особенно близкимъ сердцу Государя, въ проведеніе въ жизнь которыхъ Онъ вложилъ всю свою любовь къ арміи, къ офицеру, солдату, все то знаніе быта и жизни этихъ мелкихъ сошекъ, изъ которыхъ слагается сильная армія, и которое Онъ почерпнулъ, главнымъ образомъ, изъ времени командованія ротой и эскадрономъ. Сюда относятся всѣ мѣры, имѣвшія цѣлью улучшить условія прохожденія службы и улучшить и скрасить самую жизнь офицера и солдата.

Въ первые же годы царствованія Императора Николая II было значительно увеличено содержаніе офицерамъ, несмотря на очень крупный расходъ, вызванный этимъ; дать скромному армейскому офицеру возможность жить, содержать семью, оставаясь безупречнымъ въ отношеніи всякихъ видовъ казенныхъ остатковъ и не входя въ долги — эта была цѣль, которую Государь себѣ поставилъ съ самыхъ первыхъ дней своего царствованія и о необходимости которой, несмотря на всѣ финансовыя затрудненія, Онъ говорилъ неоднократно съ близкими Ему людьми. Рядомъ съ этимъ стоялъ вопросъ и о пенсіяхъ, которыя по размѣрамъ своимъ, несмотря на введенную при Императорѣ Александрѣ III эмеритуру, совершенно не соотвѣтствовали дороговизнѣ жизни и не обезпечивали старому отставному полковнику или генералу, часто семейному, даже самаго скромнаго существованія въ провинціальномъ городѣ.

Какъ я уже сказалъ, одновременно съ установленіемъ предѣльнаго возраста были установлены и новыя повышенныя нормы для пенсіи, основанныя на новыхъ повышенныхъ окладахъ офицерскаго содержанія. Въ своемъ желаніи скрасить казарменную жизнь и зная, какъ солдатъ, взятый отъ сохи, тяготится своей оторванностью отъ родной деревни, отъ семьи, и замкнутой жизни въ казармѣ послѣ деревенскаго приволья, Государь въ первые же годы приказалъ увеличить число и продолжительность отпусковъ для солдатъ; въ связи съ этимъ были упразднены вольныя работы въ полкахъ, исполнявшіяся осенью по окончаніи лагерныхъ сборовъ, т. е. въ то именно время, когда солдаты безъ ущерба для службы могли быть увольняемы въ отпускъ.

Упраздненіемъ вольныхъ работъ, проведеннымъ вопреки отзывамъ многихъ старшихъ начальниковъ о важности ихъ для улучшенія ротнаго хозяйственнаго бюджета, Государь преслѣдовалъ, какъ всегда, также и моральную цѣль, — не ставить офицера-начальника въ положеніе экивокное, которое могло бы дать поводъ къ нареканіямъ на злоупотребленіе трудомъ своихъ подчиненныхъ.

При постройкѣ новыхъ казармъ, въ связи съ измѣненіемъ дислокаціи, о которой я говорилъ выше, было приказано обратить особенное вниманіе на устройство квартиръ для семейныхъ офицеровъ и на помѣщенія офицерскихъ собраній: зная изъ опыта своей строевой службы, какое значеніе имѣетъ для всего уклада офицерской жизни офицерское собраніе, и понимая, какъ въ глухой провинціи это значеніе должно было возростать, Государь неоднократно изъ личныхъ средствъ помогалъ полкамъ, чтобы офицерское собраніе было уютно и красиво оборудовано, чтобы оно привлекало офицеровъ, чтобы офицеръ его любилъ, цѣнилъ и берегъ.

Особенно чутко Государь относился ко всему, что могло такъ или иначе отразиться на духѣ и настроеніи офицеровъ въ зависимости отъ условій прохожденія службы: двѣ, три или четыре звѣздочки на погонахъ, при ничтожной разницѣ въ содержаніи, — казалось бы, не имѣли значенія для офицера, разъ обязанности и права его не мѣняются; но и въ этотъ вопросъ долгаго сидѣнія въ чинѣ подпоручика или поручика, вслѣдствіе общихъ причинъ и независимо отъ болѣе или менѣе ревностной службы, Государь захотѣлъ внести нѣкоторый коррективъ, и было проведено производство оберъ-офицеровъ въ чины черезъ каждые четыре года, съ тѣмъ, что, ежели уже нужно долго ждать дальнѣйшаго производства, то пусть это будетъ въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ, а не въ подпоручичьемъ.

Также лично инипіативѣ Государя русскій солдатъ обязанъ улучшеніемъ довольствія. Изъ опыта командованія ротой и эскадрономъ Государь убѣдился, какъ тяжко для солдата, не получающаго денегъ изъ деревни, довольствоваться утромъ только казеннымъ пайкомъ, т. е. сухимъ хлѣбомъ; по обычаю, установившемуся во многихъ гвардейскихъ полкахъ, командиры ротъ и эскадроновъ давали солдатамъ чай на личныя свои средства, но это создавало неравенство, недовольство, иногда зависть, и не могло, конечно, считаться нормальнымъ. По приказанію Государя, было введено чайное довольствіе для солдатъ и отпускъ постельныхъ принадлежностей.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній для штрафованныхъ солдатъ въ мирное время было также результатомъ постояннаго стремленія Государя возвысить званіе солдата въ его собственныхъ глазахъ. Этимъ же стремленіемъ нужно объяснить приказъ о ношеніи погонъ нестроевыми и денщиками, а также переименованія «казенной прислуги» въ «денщиковъ».

Исключительное вниманіе Государь удѣлялъ вопросу о сверхъсрочныхъ унтеръ-офицерахъ. Признавъ ихъ необходимость въ рядахъ ротъ, эскадроновъ и батарей при настоящихъ короткихъ срокахъ служ-

бы, нельзя было также и не видѣть ущерба для службы, когда эти унтеръ-офицеры достигали такого возраста, что уже физически не могли нести строевую службу въ полѣ, какъ этого могутъ потребовать обстоятельства военнаго времени. Слѣдовательно, привлекая унтеръ-офицера къ оставленію на сверхъ-срочной службѣ и обставивъ его такъ, чтобы онъ, начиная со своего званія «подпрапорщика», импонировалъ солдатамъ, нужно было въ извѣстную минуту, увольняя его со ставшей ему по возрасту не подъ силу военной службы дать соотвѣтствующій выходъ предоставленіемъ соотвѣтственнаго мѣста или службы. Конечно, эти мѣста лишь въ небольшомъ количествѣ могло предоставить Военное Министерство въ своихъ учрежденіяхъ, и только благодаря твердо выраженной волѣ Государя, основанной на личномъ убѣжденіи въ необходимости этой реформы для пользы арміи, новый законъ смогъ обезпечить выслужившихъ сроки подпрапорщиковъ мѣстами съ соотвѣтственнымъ служебнымъ положеніемъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Я не могу по недостатку времени углубляться въ дальнѣйшія подробности законодательныхъ мѣръ по улучшенію быта войскъ. Но уже изъ сказаннаго вы видите, какъ Государь любилъ армію, зналъ и понималъ военный бытъ и не только интересовался этими вопросами, но часто лично намѣчалъ нужныя мѣры, настойчиво добивался проведенія ихъ въ жизнь и устранялъ всѣ препятствія и затрудненія на пути ихъ осуществленія.

Я только что сказалъ, что Государь любилъ армію; да, господа, не только армію, конечно, превыше всего Государь любилъ Россію. Воспомнимъ хотя бы Его слова, приведенныя Бьюкененомъ, когда Государь узналъ, что одной изъ причинъ отмѣны Керенскимъ смертной казни было, будто бы, предупрежденіе возможности требовать казни Государя. Государь воскликнулъ: «Это ошибка. Уничтоженіе смертной казни подорветъ дисциплину въ арміи. Если это онъ дѣлаетъ для того, чтобы избавить Меня отъ опасности, то передайте ему, что Я готовъ пожертвовать жизнью для блага Родины».

Но армію, какъ и флотъ, Онъ любилъ особенно, да будетъ мнѣ позволено выразиться, нѣжною любовью: Ему было хорошо, пріятно, спокойно, когда Онъ былъ среди офицеровъ и солдатъ, среди людей безхитростныхъ, не ищущихъ и не жаждущихъ ничего, кромѣ счастья видѣть и бесѣдовать со своимъ Государемъ, среди людей, въ незаинтересованной преданности которыхъ Онъ былъ увѣренъ. Врожденнымъ и чрезвычайно развитымъ чувствомъ деликатности и благожелательности Онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье къ Нему приближаться.

Изъ опыта командованія ротой Государь помнилъ, какъ мучительна бывала подготовка роты къ прохожденію церемоніальнымъ маршемъ «бѣгомъ» у не въ мѣру ревностныхъ командировъ. А Государь хотѣлъ, чтобы для послѣдняго солдата Высочайшій парадъ, Царскій смотръ, встрѣча со своимъ Государемъ было бы праздникомъ, а не мученіемъ. И за нѣсколько дней до перваго майскаго парада Государь приказалъ

разъ на всегда отмѣнить прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ «бѣгомъ». Это мелочь, но какъ она хаарктерна для моральнаго облика Государя, среди тяжкихъ государственныхъ заботъ находящаго время и желаніе подумать объ этихъ мелочахъ, ибо для Него не мелочь все, что касается радостей и горестей офицерской и солдатской жизни.

Въ самый разгаръ революціоннаго движенія, въ концѣ декабря 1905-го года, Государь пишетъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, бывшей въ Даніи: «27-го декабря мы отлично отпраздновали 50-лѣтній юбилей стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Петя великолѣпно командовалъ парадомъ. У насъ былъ большой завтракъ съ женами офицеровъ и всѣми прежде служившими. Вечеромъ Я ужиналъ въ офицерскомъ собраніи. За ужиномъ Я объявилъ, что возвращаю баталіону самую первую форму съ малиновыми рубашками — enthousiasme indescriptible.

«Кромѣ того, для возстановленія традицій: Костя былъ назначенъ шефомъ 2-ой роты, а Николаша шефомъ 3-ей роты, какъ ихъ отцы; Димка Голицынъ сдѣланъ стрѣлкомъ, какъ сынъ перваго командира баталіона», и заканчиваетъ Государь словами: — «*Давно Я такъ не отдыхалъ душой*».

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ сказалось все отношеніе Государя къ арміи. Для Него, среди тяжкихъ государственныхъ заботъ, этотъ праздникъ, этотъ удачный парадъ — отдыхъ и радость. Онъ самъ счастливъ, что могъ баталіону доставить такую радость. Онъ цѣнитъ и уважаетъ традиціи, зная, какъ силенъ духъ частей, гордящихся своимъ прошлымъ. Онъ понимаетъ значеніе формы для офицера и солдата. Онъ весь всѣми своими понятіями и чувствами воплотилъ всѣ лучшія идеальныя стороны военнаго человѣка.

Въ эти тяжкіе, горькіе для Него дни 1905-06 г.г., Государя душевно тянетъ чаще общаться со своими полками. 17-го ноября того же 1905-го года Онъ пишетъ Императрицѣ Матери изъ Царскаго Села: — «Я хочу видѣть полки здѣсь по очереди и начну съ Семеновскаго полка», — и потомъ, въ своихъ короткихъ, наспѣхъ написанныхъ письмахъ Онъ никогда не упускаетъ подѣлиться съ горячо любимой Матерью своими впечатлѣніями отъ этихъ встрѣчъ со своими полками; 1-го декабря Онъ пишетъ:

«Семеновскій полкъ былъ въ великолѣпномъ видѣ, хотя его баталіоны не видали другъ друга полтора мѣсяца, вслѣдствіе службы въ Петербургѣ. Минъ и всѣ офицеры были въ отличномъ расположеніи духа. 26-го ноября былъ Георгіевскій праздникъ. Новыхъ кавалеровъ было довольно много; изъ арміи прибыло 150 человѣкъ. За два дня мы смотрѣли 800 солдатъ 1-го армейскаго корпуса, вернувшихся съ войны, чтобы быть учителями молодыхъ солдатъ своихъ полковъ. Пріѣхали между ними и 100 новочеркассцевъ. Всѣмъ раненымъ и оставшимся въ строю Я далъ Георгіевскіе кресты. Такая радость была увидѣть этихъ славныхъ людей, которые съ такимъ самоотверженіемъ послужили въ страшной и трудной войнѣ. Старый Мейндорфъ, ихъ командиръ, бѣгалъ около нихъ и разспрашивалъ о тѣхъ бояхъ, въ которыхъ

онъ былъ съ ними; а Я рядомъ говорилъ съ другими, на это онъ не обращалъ никакого вниманія. Было очень забавно».

Господа, развѣ не трогательна эта чуткая деликатность по отношенію стараго генерала, изъ за радости увидѣть своихъ боевыхъ солдатъ забывающаго о присутствіи Государя? — «Сегодня былъ смотръ Московскому полку — тоже блестящій. Офицеры вчера обѣдали *у насъ*, — теперь это уже вошло въ привычку. Алисъ отлично разговариваетъ со всѣми по-русски». — Это интимное «у насъ», это удовлетвореніе, что Императрица отлично со всѣми говоритъ по-русски, — развѣ это не безконечно трогательно?

Такихъ выдержекъ можно привести много; я ограничусь еще одной:

«6-го происходилъ великолѣпный парадъ Гвардейскому Экипажу, стрѣлкамъ и другимъ частямъ въ манежѣ. Было чудное солнце, свѣтло и радостно на душѣ. Я имъ передалъ Твои поздравленія, и матросы долго кричали «ура» въ отвѣтъ. 3-го былъ очередной смотръ Преображенцамъ. Погода была теплая и Аликсъ взяла съ собой маленькаго (т. е. Наслѣдника), который смотрѣлъ на парадъ со ступенекъ подъѣзда передъ дворцомъ. Полкъ былъ очень радъ Его видѣть. Въ память этого Николаша былъ зачисленъ въ списки полка. Восторгъ неописуемый. Я такъ счастливъ, что войска полюбили Николашу и вѣрятъ ему. Недавно онъ принималъ всѣхъ командировъ частей, причемъ сказалъ имъ такую горячую рѣчь о вѣрности долгу и присягѣ, что всѣ присутствовавшіе плакали и «ура» ихъ было слышно на улицѣ. Это Я знаю отъ самихъ начальниковъ частей».

Каждое слово этихъ писемъ, — слова же эти такія простыя, а мысли, ихъ диктовавшія, такія возвышенныя, — каждое слово искреннее, выражающее задушевныя впечатлѣнія Государя, мы, военные, должны знать, помнить и съ благоговѣніемъ передать нашимъ дѣтямъ. Государь весь сказался въ нихъ.

Да, Онъ любилъ свою армію.

И даже тогда, когда совращенные злодѣями солдаты подняли оружіе противъ своего Государя, забывъ присягу, даже тогда, не злобой, не местью, дышатъ Его письма, а сердечнымъ сожалѣніемъ о заблудшихся. 17-го ноября 1906-го года Государь пишетъ Императрицѣ: — «Но что хуже всего, это новый бунтъ въ Севастополѣ въ морскихъ командахъ на берегу и въ нѣкоторыхъ частяхъ гарнизона. До того больно и стыдно становится, что словами нельзя выразить. Вчера по крайней мѣрѣ генералъ Меллеръ-Закомельскій энергично покончилъ съ мятежомъ. Морскія казармы взяты Брестскимъ полкомъ, и крейсеръ Очаковъ сдался послѣ стрѣльбы съ Ростислава. Сколько убитыхъ и раненыхъ Я еще не знаю. *Но подумать страшно, что это все свои люди*»...

Любовь къ арміи, забота объ офицерѣ и солдатѣ проявлялась на каждомъ шагу, въ большомъ и маломъ; какъ часто, узнавъ случайно о затруднительномъ матеріальномъ положеніи того или другого офицера, Государь приходилъ на помощь изъ личныхъ средствъ. Устроить

елку для солдатъ своей роты или эскадрона въ годы юности, для казаковъ своего конвоя и чиновъ сводно-гвардейскаго полка, обласкать подарками и тому подобное, было сердечною потребностью для Него.

А извѣстная всѣмъ прогулка Государя въ окрестностяхъ Ливадіи въ полномъ боевомъ солдатскомъ снаряженіи, т. е. съ общимъ грузомъ, достигающимъ почти полутора пудовъ, — это не была игра въ солдатики, какъ это многимъ представлялось и не было простой забавой, а совпало съ пересмотромъ вопроса объ измѣненіи походной солдатской укладки и походнаго снаряженія. Государь хотѣлъ лично провѣрить, насколько легко или тяжело будетъ солдату совершать походъ въ такомъ походномъ снаряженіи.

При всѣхъ своихъ соприкосновеніяхъ съ войсками, — на маневрахъ, смотрахъ, при разъѣздахъ по Россіи, во время своихъ ежегодныхъ пребываній въ Ливадіи, — Государь старался всегда возможно ближе подойти къ офицеру и солдату, разговаривая съ ними, вникая въ ихъ нужды и вызывая на откровенность.

Настала война, и безконечно тяжело было Государю чувствовать Себя оторваннымъ отъ арміи. Онъ жилъ ея интересами, радостями и горестями; когда черезъ два мѣсяца послѣ начала міровой войны сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, Государь далъ указаніе Военному Министру принять всѣ мѣры для усиленія производства снарядовъ, вооруженія и вообще военнаго снабженія. Затѣмъ особенно озабачиваясь успѣшнымъ снабженіемъ арміи всѣмъ необходимымъ, Государь требовалъ еженедѣльнаго Себѣ доклада о ходѣ военныхъ заготовокъ. Государь ѣздилъ въ Ставку, въ районы расположенія войскъ, навѣщалъ раненыхъ, гдѣ каждое Его посѣщеніе, Его спокойный сердечный разговоръ, одинъ взглядъ Его лучистыхъ глазъ, оставляли неизгладимый слѣдъ въ осчастливленныхъ раненыхъ. Но все это Его не удовлетворяло. Нельзя лучше выразить душевное состояніе Государя, чѣмъ сдѣлалъ Онъ это Самъ въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Палеологомъ 16-го іюля 1915-го года:

«Вы не можете себѣ представить, насколько пребываніе въ тылу меня тяготитъ. Какъ будто бы здѣсь все, до воздуха, которымъ дышешь, включительно, ослабляетъ энергію и разслабляетъ характеры. Слухи, самые пессимистическіе, новости самыя невѣроятныя, принимаются на вѣру и распространяются во всѣхъ слояхъ. *Здѣсь* только занимаются интригами и заговорами, живутъ лишь интересами эгоистическими и ничтожными, *тамъ* дерутся и умираютъ за Родину. На фронтѣ одно чувство доминируетъ надъ всѣми солдатами: воля побѣдить; все остальное забыто и, несмотря на потери, несмотря на неудачи, всѣ сохраняютъ довѣріе. Всякій человѣкъ, способный носить оружіе, долженъ былъ бы идти въ армію. Что касается до Меня, то Я не дождусь того момента, когда Я присоединюсь къ моимъ войскамъ».

Суровый, но заслуженный приговоръ тылу, столичному обществу и интеллигентскимъ верхамъ.

И среди этого смраднаго болота Государь одинъ поддерживаетъ въ себѣ пламень вѣры въ Свою армію, въ Россію, въ конечную побѣду.

Но когда настал часъ неудачъ, когда вся участь войны, вслѣдствіе недостатка оружія и снарядовъ, казалось, была поставлена на карту и Государь взялъ на Себя бремя командованія и присоединился къ Своимъ войскамъ, то сдѣлалъ Онъ это изъ горячей любви къ Россіи и выразилъ это словами, сказанными нѣсколько дней послѣ принятія на Себя Верховнаго Главнокомандованія: «Можетъ быть, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россію; Я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня».

Имѣя въ лицѣ генерала Алексѣева Начальника Штаба, къ знаніямъ и военнымъ дарованіямъ котораго Онъ питалъ полное довѣріе, Государь отъ времени до времени считалъ возможнымъ отлучаться изъ Ставки для объѣзда войскъ, посѣщенія госпиталей и для поѣздокъ въ Петроградъ, гдѣ, кромѣ обще-государственныхъ дѣлъ, Онъ находилъ время и для личнаго воздѣйствія по существеннѣйшему тогда вопросу о снабженіи арміи боевыми припасами.

«Въ вопросѣ о снабженіи видѣнъ нѣкоторый прогрессъ, — отмѣчаетъ генералъ Вильямсъ, представитель англійской арміи въ Ставкѣ, въ концѣ 15-го года, — безъ сомнѣнія, этому мы обязаны той энергіи, съ которой слѣдитъ за этимъ важнѣйшимъ вопросомъ Государь»...

Въ бытность Верховнымъ Главнокомандующимъ, Государь, по свидѣтельству лица, непосредственно участвовавшаго въ докладахъ, не только проявлялъ исключительный интересъ къ тому, что дѣлалось на фронтѣ, но дѣйствительно зналъ прекрасно расположеніе частей на фронтѣ (до полковъ включительно), свойства позицій, состояніе частей и степень ихъ обезпеченности всѣмъ необходимымъ. При ежедневномъ пріемѣ докладовъ Начальника Штаба и Генералъ-Квартирмейстера Государь постоянно обсуждалъ съ Начальникомъ Штаба планы предстоящихъ дѣйствій и прежде чѣмъ давать окончательное согласіе на производство той или иной операціи, Онъ ее всесторонне изучалъ на этихъ докладахъ. Вопросы, которые задавалъ Государь и Его замѣчанія, убѣждали, что Онъ всесторонне знакомъ съ состояніемъ войскъ и фронта. Зналъ отлично Государь и расположеніе противника.

И во время пребыванія въ Ставкѣ, какъ Верховный Главнокомандующій, Государь постоянно поддерживалъ общеніе съ арміей. Всѣ пріѣзжающія въ Ставку начальствующія лица приглашались на завтракъ или обѣдъ къ Высочайшему столу. Періодически въ Ставку вызывались особо отличившіеся офицеры и солдаты и получали награды изъ царскихъ рукъ.

Свое вступленіе въ Верховное Командованіе всѣми арміями Государь ознаменовалъ приказомъ по Арміи и Флоту, въ которомъ глубокой простотой и сердечностью звучатъ слова, собственноручно Имъ приписанныя: «Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской».

А какъ отозвалась армія на этотъ призывъ своего Державнаго

Вождя, какъ отнеслась она къ принятію Верховнаго Командованія Государемъ?

Имя Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича было чрезвычайно популярно въ войскахъ и военный авторитетъ его, несмотря на неудачи лѣтней кампаніи 15-го года, вызванныя недостаткомъ оружія и снарядовъ, продолжалъ оставаться на большой высотѣ въ глазахъ военныхъ начальниковъ.

Недавно мнѣ пришлось слышать сомнѣніе, возникшее у нѣкоторыхъ лицъ впослѣдствіи, уже послѣ разразившейся надъ Россіей катастрофы: «не фатальная ли неудачливость Императора Николая II пошатнула духъ армій, когда Государь Императоръ взялъ на Себя командованіе въ 15-мъ году?». Я по должности Начальника Штаба Арміи имѣлъ очень широкое поле наблюденія; я имѣлъ постоянно передъ собою точныя данныя о настроеніи войскъ, т. е. офицеровъ и солдатъ, принадлежащихъ къ частямъ пяти корпусовъ и нѣсколькихъ кавалерійскихъ дивизій на основаніи докладовъ военной цензуры, обязанной читать одно письмо на десять изъ числа шедшихъ изъ арміи, и я могу опредѣленно заявить, что армія въ ея низахъ восторженно встрѣтила приказъ своего Царя и долженъ рѣшительно опровергнуть предположеніе о малѣйшемъ пониженіи настроенія войскъ въ моментъ принятія Верховнаго Командованія Государемъ. Къ тому не было и никакихъ объективныхъ данныхъ. Наоборотъ, дружными усиліями всѣхъ частей, умѣло направленныхъ, былъ быстро ликвидированъ, казавшійся многимъ столь грознымъ, Молодечнинскій прорывъ, остановлено было дальнѣйшее наступленіе нѣмцевъ, отражены были всѣ усилія нѣмцевъ въ началѣ октября прорвать фронтъ у Двинска и къ половинѣ октября фронтъ установился; а въ декабрѣ уже на нѣкоторыхъ участкахъ были удачные переходы въ наступленіе. 16-й годъ былъ годомъ крупныхъ успѣховъ на австро-германскомъ фронтѣ, такъ называемаго Брусиловскаго наступленія, и порывъ этотъ не угасъ до послѣднихъ дней Верховнаго Командованія Государя; на мою долю, какъ командира 26-го корпуса, стоявшаго въ январѣ и февралѣ 1917 года въ Карпатахъ, выпало счастье вести *послѣдній успѣшный наступательный бой* Императорской Арміи на европейскомъ фронтѣ въ концѣ января, съ взятіемъ плѣнныхъ — германцевъ и австрійцевъ, орудій и пулеметовъ; въ февралѣ на всемъ фронтѣ было затишье. И смѣю завѣрить васъ, что и тогда ни о какомъ шатаніи духа не было и рѣчи. Если въ теченіе 1915 и 1916 годовъ было нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ упадка дисциплины въ отдѣльныхъ частяхъ, то это были исключенія, и причину тому нужно искать въ фактахъ совершенно другого порядка; подобныя явленія наблюдались и въ арміяхъ другихъ государствъ, когда въ жизни данной части наступали специфически неблагопріятныя обстоятельства; общимъ же явленіемъ развалъ арміи сталъ лишь тогда, когда зараза, выброшенная Временнымъ Правительствомъ, докатилась до фронта, и безправные начальники понемногу стали превращаться въ безсильныхъ главноуговаривающихъ.

Я не спорю, что среди старшихъ начальниковъ, особенно тѣхъ,

кто такъ или иначе соприкасался съ общественными оппозиціонными кругами, могли высказываться критическіе отзывы по поводу принятія Верховнаго Командованія Государемъ. Этимъ людямъ трудно было подняться на ту идеальную высоту причинъ, побудившихъ Государя рѣшиться на этотъ шагъ. Но допустить, что армія, т. е. рядовое офицерство и солдатская масса могли отъ себя критиковать этотъ шагъ и пасть духомъ только потому, что Царь сталъ во главѣ Своей арміи, — да простятъ мнѣ тѣ, кто высказывалъ подобное предположеніе, — такое утвержденіе явилось бы незаслуженной обидой, брошенной нашей старой Императорской Арміи.

29-го января 1916-го года Государь произвелъ смотръ въ Вышкахъ частямъ 5-ой арміи, на которомъ, кромѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ дивизій, участвовалъ сборный баталіонъ пѣхоты, составленный изъ представителей, по 2 человѣка, отъ каждой роты, входившей въ составъ арміи. По окончаніи смотра Государь въѣхалъ въ середину карре, составленнаго преимущественно изъ фельдфебелей и унт.-офицеровъ и около четверти часа говорилъ съ ними. Болѣе мѣсяца послѣ того всѣ письма въ деревню, роднымъ, были полны восторженныхъ отзывовъ, какъ Царь говорилъ съ нашимъ взводнымъ, что Царь сказалъ нашему фельдфебелю, не говоря уже о письмахъ тѣхъ, кто сами были въ числѣ счастливцевъ.

Нѣтъ, на нѣжную, отеческую любовь Государя офицеры и солдаты отвѣчали сыновьей любовью, уваженіемъ и преданностью, и далеки они были отъ всякихъ непристойныхъ философствованій о незадачливости своего Царя.

А дальше, когда Царь пересталъ быть Императоромъ, измѣнилось ли отношеніе Его къ любимой Имъ арміи и къ тѣмъ солдатамъ, которые изъ преданныхъ подданныхъ и славныхъ воиновъ обратились въ Его стражниковъ? Возьмите дневникъ Государя:

«27-го ноября 1917 года. Праздникъ Нижегородцевъ. Гдѣ они и что съ ними?».

«6-го декабря 1917 года. Мои именины провели спокойно и не по примѣру прежнихъ лѣтъ. Въ 12 час. былъ отслуженъ молебенъ. Стрѣлки 4-го полка, бывшіе въ саду, бывшіе въ караулѣ, *всѣ* поздравили меня, а Я ихъ съ полковымъ праздникомъ. Получилъ три именинныхъ пирога и одинъ изъ нихъ послалъ караулу».

«24-го декабря 1917 года. Во время чая — до 5 час. пошли съ Аликсъ въ караульное помѣщеніе и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидѣли со стрѣлками, со всѣми смѣнами до 5½ час. Всенощная была очень поздно — свободные стрѣлки присутствовали».

Мало того, въ лаконическихъ замѣткахъ своего дневника, Государь постоянно возвращается къ стрѣлкамъ, къ караулу, въ порядкѣ заботы о нихъ. Добровольно сошедшій съ Престола Императоръ, когда всѣ окружавшіе Его, близкіе и далекіе, преданные Ему и враждебные, въ близорукости своей убѣждали Его, что единственно Онъ помѣха счастію Россіи и побѣдѣ надъ врагомъ, обращенный въ узника слабымъ безсовѣстнымъ Временнымъ Правительствомъ, окруженный стражей

изъ людей «озлобленныхъ противъ тирана», какъ надѣялись преступные вдохновители этой безпримѣрной трагедіи, Онъ въ своихъ непосредственныхъ тюремщикахъ продолжаетъ видѣть, прежде всего и только *русскаго солдата*, и рядомъ со Своей Семьей у Него всегда забота о стрѣлкахъ.

«Всѣмъ намъ, *также и стрѣлкамъ,* хотѣлось пойти куда нибудь подальше по рѣкѣ» (7 августа).

«*Стрѣлки* съ нашего конвоира перешли на жительство въ городское помѣщеніе» (9 августа).

«Въ три часа спустились по Иртышу и пристали къ подножію высокаго берега, куда давно хотѣлось попасть. Немедленно влѣзли туда *со стрѣлками,* и затѣмъ долго сидѣли на лѣсной сопкѣ съ чуднымъ видомъ» (12 августа).

«Пошли осматривать домъ, въ которомъ помѣщается свита, затѣмъ въ такъ называемый садикъ, скверный огородъ, осмотрѣли кухню и *караульное помѣщеніе*».

На стрѣлковъ, на стражу, приставленную къ арестованной Царской Семьѣ, Государь смотритъ, какъ на членовъ Своей семьи, дѣлится съ ними своими маленькими радостями, постоянно думаетъ о нихъ, заходитъ къ нимъ, бесѣдуетъ съ ними. И здѣсь, въ несчастьи, въ этой величественной простотѣ, вся та же близость Государя къ арміи, къ солдату, сказалась, можетъ быть, еще ярче, чѣмъ въ дни былого величія. . .

«Добросовѣстность, гуманность, кротость, честь — вотъ, мнѣ кажется, выдающіяся добродѣтели Николая II», — записалъ французскій посолъ Палеологъ въ своемъ дневникѣ. Вездѣ и всюду Россія, Родина на первомъ мѣстѣ въ сердцѣ и мысляхъ Государя.

Ей Онъ принесъ въ жертву Свою Семью и Себя. Лучшія же Свои чувства, самые нѣжные порывы Своего любвеобильнаго сердца Онъ отдавалъ послѣ своей горячо любимой Семьи, той большой, родной Ему семьѣ, какою для Него были Его армія и флотъ, тѣмъ, среди которыхъ въ тяжкія минуты Онъ отдыхалъ душой.

Генералъ-лейтенантъ **Е. Миллеръ**

Сухія цифры

Наступила тринадцатая годовщина начала Верденскихъ боевъ, которыми справедливо гордятся французы. Но едва ли многіе знаютъ точно, что, собственно, вытерпѣлъ и выдержалъ Верденъ; объ этомъ можно отчасти судить по нѣсколькимъ цифрамъ, иногда сухія цифры говорятъ больше краснорѣчивыхъ фразъ.

Бои подъ Верденской крѣпостью начались 21-го февраля 1916-го года на передовыхъ позиціяхъ, устроенныхъ уже во время войны; черезъ пять дней нѣмцы дошли до самой линіи фортовъ сѣверо-восточнаго сектора и заняли очищенный французами фортъ Дуомонъ. Но

продвинуться дальше они не смогли и начали тогда жестокую непрерывную бомбардировку крѣпостныхъ позицій; въ ней участвовали орудія, которыхъ раньше никто не ожидалъ въ сухопутной войнѣ — 30½ см. и 42 см. мортиры; бомба 42 см. калибра вѣситъ около 500 килограммъ, — по нашему 30 пудовъ! — разрывной зарядъ ея свыше ста килограммовъ. Такой снарядъ даетъ воронку до 20 метровъ по верху, глубиною въ 10 метровъ, значитъ выбрасываетъ около 1.000 кубич. метровъ земли; это, примѣрно, въ 1.200 разъ больше того, что дѣлаетъ снарядъ полевой пушки, способный, однако, при удачномъ попаданіи разворотить совершенно участокъ окопа со всѣми его блиндажами.

Да надо еще учесть, что такія бомбы до момента своего взрыва могутъ пройти на глубину 8-10 метровъ и, значитъ, подорвать снизу всякую постройку .Понятно поэтому, что у защитниковъ, сидѣвшихъ въ бетонныхъ казематахъ фортовъ, получалось впечатлѣніе, что послѣ удара и взрыва тяжелой бомбы все сооруженіе съ грохотомъ идетъ внизъ, потомъ лѣзетъ вверхъ, содрагаясь всей массой; первое время люди совершенно не выносили такихъ потрясеній, многіе теряли разсудокъ.

Число выстрѣловъ, которыми обмѣнялись противники подъ Верденомъ, тоже превзошло всѣ ожиданія: крайніе на фронтѣ атаки форты Вашеровиль и Муленвиль получили по 8.000-8.500 попаданій, въ томъ числѣ по 1.000-2.000 самыхъ тяжелыхъ; средніе форты Сувиль, Таваннъ, Лофе — по 30.000-40.000 снарядовъ, въ томъ числѣ и 42 см., форты Тьомонъ, Дуомонъ и Во были обстрѣляны поочередно и нѣмцами съ фронта и французами съ тыла, когда они отбивали у нѣмцевъ эти форты; на нихъ не оставалось ни одного квадратнаго метра неповрежденнаго огнемъ.

Французская артиллерія въ отвѣтъ на нѣмецкій огонь выпустила за первые семь мѣсяцевъ борьбы подъ Верденомъ свыше 23.000.000 снарядовъ, т. е. въ среднемъ по сто тысячъ выстрѣловъ въ день; но были дни, когда выпускалось по двѣсти тысячъ и больше: 24-го октября 1916 года на участкѣ въ восемь километровъ, противъ форта Дуомонъ, было дано около 240.000 выстрѣловъ. Сопоставимъ эти цифры съ тѣмъ, что было въ прежнихъ войнахъ, на нашей памяти: въ трехдневномъ бою подъ Ляояномъ, въ августѣ 1904-го года мы выпустили снарядовъ больше, чѣмъ за всю турецкую кампанію 1877-78 г.г.„ а подъ Верденомъ бывали дни, когда выпускалось ихъ вдвое больше, чѣмъ подъ Ляояномъ. . .

Можно было ожидать, что подъ такимъ огнемъ отъ фортовъ останутся однѣ развалины и что всякое сопротивленіе защитниковъ будетъ совершенно сломлено. Не то оказалось на дѣлѣ: форты, конечно, чрезвычайно пострадали отъ бомбардировки, земляные валы ихъ были изрыты и перевернуты, но прочные бетонные казематы все-таки не сдали и борьба на фортахъ продолжалась до самаго конца; нѣкоторые эпизоды ея изумительны по своей доблести. Послѣ жестокаго почти трехмѣсячнаго обстрѣла нѣмцы 2-го іюня захватили фортъ Во, но французы продолжали сопротивляться на самомъ форту, и вотъ, въ теченіе пяти дней на немъ было *два коменданта,* — нѣмецъ наверху и фран-

цузскій офицеръ внизу, въ казематахъ и потернахъ форта; только совершенно истомленные жаждой, все время безъ капли воды, они были взяты 8-го іюня. Атаки нѣмцевъ на форты Фроадетерръ, Сувилль, произведенныя послѣ многомѣсячнаго непрерывнаго обстрѣла, были отбиты гарнизономъ, который вышелъ наверхъ изъ фортовыхъ казематовъ.

Недаромъ гордится Франція такими защитниками. Было чему поучиться у насъ на геройской оборонѣ Севастополя, есть чему поучиться и на доблестной борьбѣ за Верденъ.

Въ заключеніе еще 2-3 цифры. На всѣхъ фортахъ Вердена было 20 броневыхъ башенъ; 6 для 15½ см. и 14 для 75 м.м. пушекъ. Изъ всѣхъ этихъ башенъ совершенно разрушена *только одна* на форту Во, и то потому, что взорвался подъ башней минный зарядъ, который сами французы заложили на случай очищенія форта; всѣ остальныя башни, получившія десятки попаданій, не утратили способности стрѣлять. Утромъ 14-го декабря 1916 года, передъ послѣдней контръ-атакой, отбросившей нѣмцевъ за линію передовыхъ позицій, первый залпъ дала башня форта Дуомонъ, — это послѣ 10-мѣсячной борьбы и обстрѣла форта и съ фронта и съ тыла!

Надъ такой сопротивляемостью крѣпостныхъ сооруженій полезно задуматься упорнымъ противникамъ долговременной фортификаціи; она еще свой вѣкъ не отжила.

П. Ставицкій

Два приза

РАЗСКАЗЪ

Третье орудіе выбило первый призъ — фельдцейхмейстерскій. Въ маленькой бѣлой хатѣ, крытой соломой, съ дубовымъ крылечкомъ на тонкихъ кривыхъ столбикахъ, — идетъ по этому случаю пированіе. Въ челѣ стола командиръ батареи — толстый, съ черными усами и короткимъ туловищемъ холостой полковникъ. По правую его руку — Марья Осиповна. Ей двадцать одинъ годъ, но она старшая и единственная батарейная дама, потому что второй годъ замужемъ за штабсъ-капитаномъ Зюденъ-Вестеномъ — старшимъ офицеромъ батареи. Она — хозяйка, и это дѣлаетъ ея хорошенькое лицо озабоченнымъ и хмуритъ темныя тонкія брови. По лѣвую руку — въ легкой бѣлой блузкѣ съ голубымъ шелковымъ галстухомъ — цвѣта полка, — въ черной суконной амазонкѣ и въ высокихъ сапогахъ, со шпорой на лѣвой ногѣ — гостья, — драгунская дама. За этими дамами — артиллерія, — штабсъ-капитанъ Зюденъ-Вестенъ, поручикъ Прыгуновъ — красивый блондинъ съ мягкими усами, голубыми глазами на выкатѣ и маленькой пушистой бородкой, и генеральнаго штаба капитанъ Лиходѣевъ, бывшій офицеръ батареи. На его чечунчевомъ, желтоватаго оттѣнка кителѣ

такимъ значительно тяжелымъ кажется академическій двуглавый орелъ въ лаврахъ, и серебряные погоны пятномъ ложатся среди золота артиллерійскихъ погонъ. Мужъ амазонки — драгунскій штабсъ-ротмистръ съ круглымъ, мясистымъ глуповатымъ лицомъ, сидитъ рядомъ съ Инной Николаевной, дивизіонной барышней, дочерью командира дивизіона; по другую ея сторону — ея братъ — подпоручикъ, офицеръ сосѣдней батареи, и еще два веселыхъ, юныхъ, розовыхъ смѣющихся подпоручика.

Хата маленькая, тѣсная и низкая. Крошечныя окна — настежь, и за ними кажется черной теплая южная ночь. Оттуда въ жаркую хату съ ярко горящей лампой дышетъ запахомъ степной полыни, макомъ и сладкимъ духомъ зацвѣтающей липы. Въ гулъ голосовъ за столомъ врываются слова солдатскихъ пѣсень. Вся батарея въ командирскомъ палисадникѣ, гдѣ въ жиденькой бесѣдкѣ стоитъ полведерная бутыль водки и на тарелкахъ насыпаны огурцы и пахнущая чеснокомъ вареная колбаса, нарѣзанная толстыми ломтями.

Въ избѣ, за узкимъ столомъ, накрытымъ скатертью, сидятъ на стульяхъ и на скамьяхъ. Доканчиваютъ нѣжную бѣлую индѣйку... скворчатъ на черной сковородѣ тонко нарѣзанные молодые кабачки въ маслѣ и сухаряхъ, такъ называемыя «архіерейскія подошвы», стоятъ бѣлоголовыя бутылки съ шампанскимъ, и оно искрится золотымъ блескомъ въ длинныхъ граненыхъ бокалахъ. То примолкнутъ: — слушаютъ пѣсенниковъ, то зашумятъ, заговорятъ, засмѣются. Всѣ сразу. Всѣмъ весело, и больше всего Иннѣ Николаевнѣ и поручику Прыгунову.

Разговоръ о только что бывшемъ состязаніи артиллеріи всего округа, гдѣ первый, фельдцейхмейстерскій призъ взялъ наводчикъ третьяго орудія Семенъ Пупъ.

«Наша N-тая конная обстрѣляла всѣ прочія», — стоитъ въ сознаніи у всѣхъ. Еще одинъ молодецъ украсится серебряными часами съ золотыми скрещенными пушками и толстою серебряною цѣпью — на зависть всѣмъ — пижосамъ! Знай нашу — лихую конную!

И, кажется, этою радостью больше всего проникнута дивизіонная барышня — Инна Николаевна. На свѣтлый лобъ золотистымъ пухомъ легли свѣтло пепельные волосы, голубые глазки горятъ, на розовыя щеки, покрытыя свѣтлымъ пушкомъ дѣтства набѣгаетъ то и дѣло румянецъ, молодая грудь подъ шелковой рубашечкой волнуется. Она смѣется, сердится на своего сосѣда Прыгунова, отказывающагося ей назвать неблагозвучную фамилію наводчика, взявшаго призъ, надуваетъ пухлыя губки и немилосердно картавитъ.

Она — всего мѣсяцъ изъ института. Она опять въ родной батареѣ, гдѣ родилась и выросла. Она опять среди людей въ фуражкахъ съ черными бархатными околышами, что няньчили ее и играли съ ней, когда она была маленькой дѣвочкой. Этотъ призъ — это ея праздникъ, праздникъ ея батареи. Она еще крошечной дѣвочкой знала, что «фельдцейхмейстерскій» призъ — это самый первый, самый лучшій, самый высшій призъ, — призъ обожаемаго всей артиллеріей Великаго Князя, чей сѣдобородый портретъ она помнитъ висящимъ всегда въ гостиной

своего отца. И этотъ Прыгуновъ — онъ всего пятый годъ въ батареѣ — и такой противный, — смѣетъ ей не назвать виновника сегодняшняго торжества! — Погодите — достанется вамъ! Молоды очень... Расхрабрились... Рано вамъ служить въ N-той конной!..

— Нѣтъ, вы скажите, Семенъ Николаевичъ...

— Ни за что не скажу!

— Почему?

— Много будете знать, скоро состаритесь...

— Нѣтъ... Вы совсѣмъ противный... Я и не знага, что вы такой! Все равно, я узнаю... У вахмистра спрошу.

— И ему заказано вамъ говорить.

— Кто приказагъ?

— Самъ командиръ.

— Порфирій Григорьевичъ?.. Не можетъ быть!.. Все равно, я его видѣеа. У него было наи-гучшее пораженіе... И... наша кгиновая стрѣгяга скорѣе и гучше поршневой пѣшей... Несчастные пижосы!.. Какъ они, должно быть, згигись... А мортирная!?. Совсѣмъ гягушки... Стрѣгяги на 250 сажень... Прямо срамъ. Это... Это даже допгюнуть можно.

— Какія выраженія! Это у васъ въ институтѣ такъ далеко плюютъ? На полъ версты?..

Инна Николаевна раскаивается, что у нея вырвалось подслушанное на стрѣльбѣ словцо! Она краснѣетъ до слезъ и вотъ-вотъ заплачетъ. «Этого не доставало», думаетъ она. На ея счастье, всѣ встаютъ. Командиръ батареи провозглашаетъ тостъ за лихихъ сосѣдей и ихъ представителей. за славу, процвѣтаніе и побѣды доблестнаго Х. драгунскаго полка. Всѣ идутъ чокаться съ амазонкой и ея мужемъ. Инна Николаевна слышитъ, какъ звякнула шпора на ногѣ амазонки и ей становится завидно. Ей отецъ не позволяетъ носить шпору.

«Выйду замужъ — буду носить», — думаетъ она, когда драгунская дама цѣлуетъ ее и говоритъ:

— Какая ты. Инночка, душка! Ты сегодня какая-то особенно хорошенькая...

Драгунъ не такъ чтобы красно. но за то лихо отвѣчаетъ на тостъ и при крикахъ ура! всѣ пьютъ до дна. Инна залпомъ осушаетъ бокалъ шампанскаго, и у нея темнѣетъ въ глазахъ. Нѣсколько мгновеній она плохо слышитъ. Лица неясны. сливающіяся въ какія то розовыя пятна, но «ужасно» весело. Ея сосѣдъ, подпоручикъ, строитъ предположеніе, что было бы, если бы у людей были хвосты — длинные и пушистые, какъ у кошекъ.

— Это негепо, Петръ Николаевичъ... Вы всегда что нибудь придумаете... Какой дгины?

— До пятъ, Инна Николаевна.

— У Инны Николаевны хвостъ былъ бы бѣлый, — говоритъ Лиходѣевъ.

— Нѣтъ, золотисто-русый, — восторженной кричитъ Прыгуновъ,

и такъ смотритъ на Инну Николаевну, что она краснѣетъ до корней волосъ и закусываетъ до крови губы.

— Ггупости, — лепечетъ она.

— Навѣрное была бы мода украшать хвосты кольцами, лентами, — развиваетъ мысль Лиходѣевъ.

— Инна Николаевна носила бы голубенькія ленточки съ бантомъ, — кричитъ Прыгуновъ.

Инна Николаевна центръ вниманія. Очень стыдно, даже страшно, и прелесть какъ хорошо!

— Воспитанные люди хвалились бы умѣньемъ не выдавать движеніями хвоста своихъ чувствъ, — продолжалъ подпоручикъ развивать свою мысль.

— Солдаты по командѣ «смирно» опускали бы хвосты къ землѣ, — говоритъ Лиходѣевъ.

— Инна Николаевна, когда разсердится, била бы хвостомъ по землѣ, и иногда лукаво прикрывшись хвостишкой, посылала бы коекому воздушный поцѣлуй, — говоритъ Прыгуновъ.

— Ну... ужасно какъ г-гупо!..

— Во время разноса начальства, или, Боже упаси, если Инна Николаевна прогнѣвается, какъ приходилось бы поджимать хвосты....

Инна Николаевна больше не можетъ такъ выносить это общее вниманіе. Она выхватываетъ у брата коробку спичекъ и, наставивъ спичку головкой на бокъ коробки и придавивъ пальцемъ сверху, нацѣливаетъ на Прыгунова.

— Первое! — командуетъ она.

— Пли! — кричитъ подпоручикъ. Онъ въ восторгѣ отъ шалостей прелестной сосѣдки.

Горящая спичка летитъ черезъ столъ и попадаетъ въ штабсъротмистра.

— Простите, я не хотѣга, — бормочетъ Инна Николаевна.

— Коля, отними у дѣвочки спички, — кричитъ Прыгуновъ черезъ столъ подпоручику. — Нельзя дѣтямъ шалить со спичками.

— Прицѣлъ вѣренъ, Инна Николаевна, — говоритъ Лиходѣевъ, — цѣликъ не вѣренъ. Отклоненіе влѣво.

— Нехорошо шалить со спичками на ночь, — говоритъ, качая головой, драгунская дама.

Инна Николаевна больше не можетъ. Надъ нею смѣются. Она не дѣвочка! Она вскакиваетъ и идетъ къ Марьѣ Осиповнѣ... Всѣ встаютъ за нею, и идутъ на крыльцо и въ садъ. Пѣсенники затягиваютъ что-то длинное и торжественное, и подъ ихъ, точно молитвенное, пѣніе Инна Николаевна спускается съ крыльца и выходитъ въ палисадникъ. За плетневой огорожей, по спуску, рядъ высокихъ тополей. Они въ серебристомъ сіяніи и застыли, точно заколдованные тишиною лунной ночи. Отъ рѣки съ ея тихими заводями и разливами идетъ немолчный стонъ лягушекъ. По мѣрѣ того, какъ Инна Николаевна спускается къ рѣкѣ, глуше становятся голоса пѣсенниковъ и слышнѣе лягушиный оркестръ.

Весь скатъ и берегъ въ ивахъ, лопухахъ и высокой уже коноплѣ. Барвинокъ свѣшивается съ нихъ, а вправо на шестахъ виситъ виноградъ и надъ нимъ густыми шапками распростерли раскидистыя вѣтви яблони. Здѣсь тепло и душно, пахнетъ коноплею и цвѣтущимъ табакомъ.

Такъ хорошо на крутой тропинкѣ въ зеленой оградѣ растеній. За ними не видно рѣки и лишь чувствуется ея свѣжее дыханіе.

За Инной Николаевной, какъ тѣнь, слѣдуетъ Прыгуновъ. Она дѣлаетъ видъ, что не видитъ его.

«Такой противный!..»

Изъ темнаго навѣса вѣтвей, гдѣ приходится нагнуться, серебряной кажется рѣка. Черная корчага съ налипшими высохшими водорослями лежитъ на бѣломъ нѣжномъ пескѣ.

Инна Николаевна садится на корчагу. Прыгуновъ устраивается въ сторонѣ, на пескѣ. Лунный свѣтъ окружилъ блестящимъ сіяніемъ чуть растрепавшіеся волосы Инны Николаевны, заковалъ ея блузку въ серебряную броню и положилъ блестки на изгибы голубого шарфа. Она и не она сидитъ передъ Прыгуновымъ. Инна Николаевна глядитъ на воду. Иногда сазанъ, заигравъ на лунѣ, плеснетъ хвостомъ, и волна сверкнетъ бѣлымъ огнемъ и сейчасъ же потухнетъ въ успокоенной рѣкѣ. Ивы спустили длинныя вѣтви къ водѣ, отразились темными тѣнями и стоятъ, недвижныя и тихія. За рѣкою, на взгорьѣ, пустынная уснувшая степь дышетъ полнымъ запахомъ. За изгибомъ на горѣ — хуторъ съ бѣлыми хатами и съ шестами надъ ними, съ соломенными мохрами украшеній. И онѣ недвижны. Инна Николаевна ясно читаетъ по нимъ: «восемь лошадей, пять солдатъ 2-го взвода», того самаго, гдѣ третье орудіе.

Сзади доносится гудѣніе бубна и звонъ его бубенцовъ. Звонко ведутъ тенора бодрую пѣсню:

Ходила я, дѣвица, въ борочекъ. . .
Наколола ноженьку на пене-ечекъ! . .

Пѣсня бодритъ Прыгунова. Сидя на пескѣ, онъ поднимаетъ голову и раздуваетъ ноздри. Онъ больше не можетъ молчать. Онъ не можетъ шутить и смѣяться. Онъ чувствуетъ, что наступаетъ рѣшительный мигъ его жизни. Сейчасъ должна рѣшиться его судьба. Сейчасъ, если все выйдетъ такъ, какъ онъ хочетъ, онъ еще крѣпче будетъ связанъ съ лихой батареей, еще тѣснѣе войдетъ въ ея семью и сплетется съ нею всѣми обычаями прошлаго, чтобы передать ихъ въ будущее.

— Инна Николаевна, — начинаетъ онъ. Его голосъ дрожитъ и что-то такое слышится въ немъ, что Инна Николаевна настораживается и поднимаетъ голову. Въ серебряномъ чеканѣ тонкія черты ея лица и кажется оно блѣднымъ. Шутки, смѣшки, шалости — все улетѣло куда-то, съ рѣкой утекло внизъ по теченію. Она точно въ этотъ мигъ выросла на много лѣтъ и стала старше этого милаго робкаго Прыгунова.

— Что, дорогой мой?

Ласковъ ея голосъ.

— Инна Николаевна, — еще болѣе смущаясь, путается въ словахъ Прыгуновъ. — Сегодня... особенный день. Я взялъ призъ.... То есть, конечно, это не я, а Семенъ Пупъ взялъ призъ... Но это все равно... Какъ я завѣдывалъ, обучалъ наводчиковъ батареи, то и выходитъ, что я, значитъ... и Пупъ... Вы понимаете...

— Понимаю, дорогой.

— Э, да не въ Пупѣ тутъ дѣло! — съ досадой обрываетъ самъ себя Прыгуновъ, и круто умолкаетъ.

— Видите-ли вы... Помните, въ институтѣ.... Я навѣщалъ васъ.... Танцовалъ на балу...

— Мазурку... венгерку... очень хорошо помню....

— Польку «крендель». . .

— Скажете тоже!.. Какъ мнѣ попало тогда.

— И мнѣ влетѣло не мало...

— Вы конфеты возили... Спасибо вамъ... Вы были всегда такой добрый и милый ко мнѣ. Конфеты отъ Пока.

— Вы любили такія. Въ оловяныхъ бумажкахъ... Шоколадныя.... Такъ вы понимаете, Инна Николаевна... Это давно... Это серьезно.... по настоящему... А сегодня, когда Пупъ взялъ призъ.. Фельдцейхмейстерскій .. Такъ позвольте и мнѣ... Тоже призъ... Разрѣшите просить васъ... чтобы вы были моей женой... Въ батареѣ вашего отца... Это одна семья....

Инна Николаевна серьезными и будто печальными глазами смотритъ на Прыгунова. Она ушла въ какія-то далекія думы... Такъ ли она мечтала объ этой минутѣ?..

Серебристой дорогой уходитъ рѣка, отражая мѣсяцъ, и черными кажутся обрывы затѣненнаго берега. Такъ сладко пахнетъ полынью. Бересклетъ свѣсился съ ивы и благоухает надъ нею и душно отъ запаха табаковъ. Родная степь...

Съ горы, куда уходитъ черезъ виноградники тропинка, слышенъ бубенъ и тарелки и черезъ нихъ бойкіе солдатскіе голоса:

... Любилъ меня молодецъ,
Да не долго,
Не долго, не мало,
Три годочка...
А мнѣ показалося —
Три денечка...

Хмурятся темныя брови... Нѣтъ, этотъ полюбитъ — навѣки... Ихъ батареи офицеръ...

Инна Николаевна сирота — безъ матери. Мать не помнитъ. Нянь не имѣла. Няньчили ее эти широкоплечіе молодцы, баловали, дарили игрушками и пряниками — господа офицеры. Она не знала стихотворенія «птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда», но она бойко напѣвала: «артиллеристъ, конечно, конный!»... Ей дѣлали предложенія уже — богатый чиновникъ изъ министерства, при губернаторѣ

чѣмъ-то состоялъ, — развѣ можно выйдти за такого? Она умѣетъ говорить объ очередяхъ, о лошадяхъ, о преимуществѣ скорострѣльной надъ поршневой, оцѣнивать пораженія, играть на приборахъ и, прислушиваясь къ словамъ наблюдателя, угадывать высоту прицѣла... Это — «лихо»... А тамъ бумаги... Еще инженеръ что-то длинно разсказывалъ ей о заложеніяхъ, о двутавровыхъ балкахъ, скрѣпленіяхъ и стыкахъ, и вдругъ выпалилъ: — прошу, Инна Николаевна, вашу руку... и сердце... — И сердце! — такой нахалъ. Нѣтъ... артиллерист, конечно, конный!.. И папѣ будетъ пріятно. Все останется, какъ было. Въ его дивизіонѣ, въ бывшей его батареѣ. Была дивизіонная барышня — станетъ батарейная дама, и въ праздникъ: — букетъ лунцовыхъ розъ, обвитыхъ черной бархатной лентой...

Лихо?..

— А реверсъ? — говоритъ она тихо, и встаетъ съ корчаги.

— Реверсъ? — Прыгуновъ задыхается. — Я достану... Я у жида займу... Конечно... да... это придется устроить...

Наверху смолкли пѣсенники. Печально, точно разочарованный, упалъ, звякнувъ всѣми бубенцами, бубенъ и звонко кричитъ сверху драгунская дама:

— Инна!.. Иночка... Поѣхали... Инна-а-а-а!

Легкой козочкой побѣжала Инна Николаевна въ гору и скрылась въ виноградныхъ садахъ.

— Инна Николаевна, отвѣтъ... — кричитъ Прыгуновъ. — Коня мнѣ!...

Изъ двора выводятъ драгунскихъ лошадей и лошадь Инны Николаевны. Самъ командиръ сажаетъ ее въ сѣдло.

— Папашѣ, Инночка, привѣтъ... Еще разъ скажите, оправдала его батарея. Жалѣли, что не у насъ провелъ вечеръ...

Въ сотый разъ повторяетъ Инна Николаевна:

— Папа такъ жалѣлъ... Вызвали въ управленіе... Не могъ...

Только выѣхали въ степь — карьеромъ нагналъ ихъ Прыгуновъ и поѣхалъ за Инной Николаевной. Драгунская дама пѣла во весь голосъ:

Что же мнѣ такъ скучно и такъ трудно,
Жду-ль чего? Жалѣю ли о чемъ?..

Лошади шли скорымъ, широкимъ вымаханнымъ шагомъ и пряли ушами. Въ степи было тепло и пахло землей и полынью. Мѣсяцъ висѣлъ надъ головами и коротки были тѣни. Вдали мелькали желтые огни Тарховки, слободы, гдѣ стояли драгуны и жилъ командиръ коннаго дивизіона, отецъ Инны Николаевны.

У крыльца, разбуженный голосами, ожидалъ Инну Николаевну вѣстовой. Онъ хотѣлъ помочь слѣзть барышнѣ, но его опередилъ пулей слетѣвшій съ коня Прыгуновъ, и какъ перышко подхватилъ ее.

— До свиданья, Инночка, — пѣвучимъ голосомъ говоритъ, проѣзжая мимо, драгунская дама.

— Покойной ночи, — сипло баситъ ея мужъ. Онъ выпилъ лишнее

у артиллеристовъ, размякъ и тутъ вспомнилъ, что въ пять часовъ утра ему идти на сторожевую службу, и его сразу охватило желаніе спать.

Инна Николаевна вскочила на крыльцо. Прыгуновъ за нею.

— Инна Николаевна. . .

Такая мольба въ его голосѣ!

— Реверсъ дастъ папа, — быстро шепчетъ Инна Николаевна, и исчезаетъ въ хатѣ...

. . . .

Всю ночь у Прыгунова поютъ пѣсенники. Онъ, братъ Инны Николаевны, розовые подпоручики, Лиходѣевъ и случайный, ѣхавшій мимо драгунскій корнетъ, пьютъ двѣнадцатую бутылку шампанскаго. Прыгуновъ къ каждому лѣзетъ цѣловаться, и лепечетъ заплетающимся языкомъ:

— Потому, какъ я взялъ сегодня фельдцейхмейстерскій призъ.. . Я совсѣмъ, какъ ымынынныкъ!

И никто не въ состояніи доказать ему, что не онъ, а бомбардиръ наводчикъ второго взвода третьяго орудія Семенъ Пупъ взялъ призъ, а не онъ!

— Стоитъ ли, господа, доказывать, — онъ пьянъ. . .

Прыгуновъ былъ пьянъ отъ счастья.

П. Красновъ

1901 — 1928 г.г.

Мишка

РАЗСКАЗЪ

Однажды, купая меня въ зеленоватыхъ и прозрачныхъ глазахъ своихъ, внезапно и горячо разсказалъ мнѣ Александръ Купринъ одну исторію:

— Берите ее себѣ, — и смѣется.

Нельзя взять. Такую только Купринъ можетъ: отъ звѣринаго она тепла, пылкой крови и мудрости. Я запомнилъ ее только кусками:

— Медвѣдь былъ, Россійскій потомственный звѣрь, Михайло Ивановичъ Топтыгинъ. Другъ-Миша. Довелось ему отбывать военную службу въ россійскомъ пѣхотномъ полку: отъ самаго Мурома солдаты везли. На корабль — въ Марсель, съ цвѣтами по улицамъ французскихъ городовъ, а съ улицъ въ лагери, а изъ лагерей въ окопы, съ тѣмъ россійскимъ полкомъ.

Мишка, мягкій, бурый, на животѣ шерсть свалялась, глаза горячіе, — широкой лапой солдатамъ спины чесалъ, какъ старая бабка. — «Почеши, Миша» — и чешетъ. А спать любилъ на самомъ солнцѣ, подложивъ лапу подъ скулу, какъ дите. Умѣлъ. конечно, честь отдавать, а когда играла музыка полковая, — ходилъ Мишка въ развалку,

на заднихъ лапахъ, норовя попасть въ ногу со строемъ и, не попадая, — ворчалъ.

И выучился знатно водку пить, — красное-ли вино, ликеры, — ему все равно; прямо изъ горлышка. Такой чортъ веселый.

Акимъ Нерефьевъ, осьмой роты ефрейторъ, былъ у Мишки какъ-бы въ поводыряхъ и банщикахъ. Каждую субботу Мишку въ бадью окунали, и та медвѣжья бадья съ россійскимъ полкомъ по всѣмъ походамъ ходила. Акимъ всѣхъ блохъ михайловыхъ выпаритъ. Михайло Ивановичъ банное удовольствіе обожалъ: сидитъ въ бадьѣ, урчитъ, лапой отъ мыла глаза третъ и особливо высвистываетъ: хорошо-де....

А подъ Верденомъ заиграли французскіе горнисты атаку и поднялись изъ окоповъ французскіе полки и поднялся тотъ россійскій пѣхотный полкъ, въ самый туманъ, на разсвѣтѣ.

И съ осьмой ротой поднялся россійскій Мишка-медвѣдь. Побѣжали солдаты въ туманъ, безъ ура, молча. На заднихъ лапахъ шагалъ съ ними Мишка, оскаленный.

Ударилъ огонь. Залегли на перебѣжкѣ солдаты. Залегъ съ ними Мишка.

Ударилъ огонь. Акима Нерефьева, и сколько Акимовъ такихъ, — снесло огнемъ, смѣшало съ землей ихъ бѣлыя русскія кости и кровь.

Но запѣли горнисты и поднялся снова въ атаку россійскій тотъ полкъ. И дунуло тогда газами. Отъ газа задыхаются въ корчахъ, газъ выѣдаетъ глаза изъ глазницъ, отъ газа ржавѣетъ трава и желѣзо.

Легли отъ газа полки. Мишка зарылъ морду въ землю, нагребъ ногтями земли на себя. И били отбой. И мало вернулось къ окопу отъ того россійскаго полка и отъ французскихъ полковъ.

А ночью, на самые французскіе обозы, — изваленный въ землѣ, громадный, сочится кровь изъ морды, — вышелъ невѣдомый медвѣдь.

Идетъ на заднихъ лапахъ, шатается, скребетъ морду когтями.

Въ кантинѣ, въ походной лавкѣ французской, горѣлъ фонарь. Бородатые пуалю, въ голубыхъ измятыхъ шинеляхъ, почернѣвшихъ отъ пороха и земли, — жались къ стойкѣ, чтобы глотнуть горячаго вина, ободриться: отбита славная атака, товарищи легли на полѣ туманномъ, холодная ночь, на разсвѣтѣ новая атака — шестнадцатая въ тѣ сутки...

И ввалился вдругъ медвѣдь въ кантину, медвѣдь русскихъ товарищей. Кто шарахнулся отъ него, кто засмѣялся. А медвѣдище растолкалъ голубыя шинели и ступилъ къ стойкѣ, будто онъ самый важный у трактирщика гость.

И какія были бутыли — зеленыя, красныя, съ высокими горлышками, плоскія, въ соломенной плетенкѣ, — похваталъ медвѣдь съ полокъ, поотбивалъ горлышки и залпомъ всѣ до одной осушилъ: вылакалъ всю кантину французскую, отходилъ себя виномъ отъ газовой отравы.

И тутъ-же предобродушно хлопнулъ всей лапищей по спинѣ то-

щенькаго французскаго солдата, Жильома Андрэ, славнаго горниста славнаго Фландрскаго полка.

И пропалъ весь, какъ одинъ, Фландрскій полкъ. Влюбились всѣ въ Мишку, будто онъ не медвѣдь, а прекрасная танцовщица.

Самъ дивизіонный генералъ, который, какъ будто, не улыбался отъ самаго дня рожденія, — по-утру, когда съ праваго фланга сталъ во фронтѣ новый русскій доброволецъ, съ забинтованной лапой и головой, — прижмурился, закашлялся и всхохотнулъ въ голосъ, а за нимъ всхохотнулъ весь славный Фландрскій полкъ.

И сталъ Мишка, а то Михаша, а то Мишукъ и Мишутка, а то и Михайлушка-батюшко, — зваться на дѣйствительной французской службѣ — Misчkà — съ удареніемъ на а...

Остатки того россійскаго пѣхотнаго полка повстрѣчали гдѣ-то на переходѣ славный Фландрскій полкъ.

— А что-же, братцы, Мишка-то нашъ? Полно-бы ему гостить, пора и честь знать, — сказали русскіе солдаты.

А французы заголготали, захлопали о колѣни ладонями, выпучили глаза, другой и присѣлъ, всѣмъ полкомъ просятъ, до самаго командира: —

— Подарите намъ вашего Misчkà, бравые русскіе солдаты, милые друзья, — что хотите, берите, а Misчkà намъ оставьте. Вотъ вамъ честное солдатское слово, что покуда мы живы, никто его не обидитъ, въ высокой чести будемъ держать, другой генералъ такъ не живетъ, какъ у насъ Misчkà: мы его въ мраморной ваннѣ купаемъ.... А какъ кончимъ съ побѣдой войну, мы его вамъ въ Россію съ почестью доставимъ, съ депутаціей, въ вашъ славный пѣхотный полкъ... О, бравые русскіе друзья, не лишайте насъ милаго общества Misчkà.

Ну, только что не на колѣняхъ.

Хорошо, подарить друзьямъ-товарищамъ можно, хотя-бы и не земляки. Но какъ самъ Мишка посмотритъ. Пошли къ Мишкѣ полной толпой.

А онъ, чортъ, шампанскаго съ утра съ господами офицерами навоззыхался, и на зарядномъ ящикѣ, какъ младенецъ, спитъ. Опять же, мраморная ванна ему, какъ у баръ, не бадья какая муромская...

Такъ и оставили въ томъ славномъ Фландрскомъ полку, въ знакъ памяти боевой и союза военнаго...

А какъ кончилась война — нѣтъ больше того россійскаго пѣхотнаго полка, точно и вовсе не было, и сама Россія въ туманѣ померкла. Долго думалъ славный Фландрскій полкъ, кому-же Мишку въ Москву послать: да еще разстрѣляютъ Мишку въ Москвѣ, стала Россія страной разстрѣловъ и голода.

Порѣшилъ славный Фландрскій полкъ ждать мирной и ясной Россіи, когда снова будетъ тотъ россійскій пѣхотный полкъ.

Такъ и разошлись боевые товарищи по мирнымъ квартирамъ, а въ казармы пришла молодежь. Сталъ Мишка не веселъ, чуждается. Кому-то лапой лицо ободралъ, за ногу одного полковника хватилъ, да такъ неловко, — до самой кости.

И много-ли-мало, но тогда отправили сердитаго звѣря въ зоологическій садъ, что въ Парижѣ. Клѣтка просторная, свѣтлая, — а все клѣтка, съ рѣшеткой желѣзной.

И когда придетъ русскій въ зоологическій садъ, — а и много нынче русскихъ во Франціи, — какъ придетъ русскій, знающій о Мишкиной военной службѣ, и отличіяхъ боевыхъ, какъ пойдетъ близко къ рѣшеткѣ, и позоветъ тихо, по-русски:

— Здравствуй, Мишенька, Миша...

Сядетъ на корточки, у самой рѣшетки, состарѣвшій бурый медвѣдь и долго смотритъ во всѣ свѣтлокаріе глаза на русское лицо и замотаетъ вдругъ головой, заскулитъ, точно хочетъ сказать: «Посмотри, братъ, какая нынче бѣда съ россійскимъ Михайлой Топтыгинымъ»...

А кругомъ всѣ дни шумятъ по-французски, — леденцы суютъ, морковь, хлѣбъ пшеничный, — французы, тѣ добрые, зовутъ съ утра весь день:

— Мишка, Мишка, — съ удареніемъ на «а»...

И нынче сталъ забывать Мишка свой природный русскій языкъ.

.... Вотъ такую благодатную исторію и разсказалъ мнѣ наспѣхъ однажды Купринъ...

Иванъ Лукашъ

Скорбный листокъ

† ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ БАРОНЪ КАУЛЬБАРСЪ

25-го января скончался въ Парижѣ 84-хъ лѣтъ отъ роду генералъ отъ кавалеріи баронъ Александръ Васильевичъ Каульбарсъ.

Покойный окончилъ Николаевское кавалерійское училище и Николаевскую академию генеральнаго штаба, и вышелъ въ офицеры Лейбъ Гвардіи въ Егерскій полкъ.

Генералъ бар. Каульбарсъ былъ участникомъ четырехъ кампаній и совершилъ много научныхъ путешествій по Китаю; за изслѣдованіе Тянь Шаня и Аму-Дарьи получилъ отъ Императорскаго Географическаго Общества двѣ золотыхъ медали.

Послѣ войны 1877-78 г.г., въ которой покойный принималъ участіе, командуя кавалерійскимъ полкомъ и бригадой, генералъ баронъ Каульбарсъ въ 1882-мъ году былъ назначенъ военнымъ министромъ Болгаріи, гдѣ подъ его руководствомъ были созданы болгарская армія и флотъ.

Начальникъ 15 кав. дивизіи, Командиръ 2-го кавалерійскаго и 2-го Сибирскаго корпусовъ, Помощникъ, а затѣмъ Командующій войсками Одесскаго военнаго округа, — вотъ служебные этапы покойнаго генерала барона Каульбарса.

Во время русско-японской войны генералъ былъ Командующимъ

третьей манчжурской арміей, а въ началѣ Великой войны занималъ должность начальника управленія воздушнаго флота.

Высокообразованный, скромный и до крайности простой въ обращеніи, покойный генералъ бар. Каульбарсъ всегда пользовался рѣдкимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто съ нимъ работалъ и подъ его начальствомъ служилъ. Здѣсь, въ Парижѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ, покойный все время работалъ, служа въ одномъ французскомъ предпріятіи и, категорически отказываясь отъ всякой помощи, всегда говорилъ, что онъ еще можетъ себѣ заработать на жизнь.

Жиръ праху Твоему, благородный русскій воинъ.

---

† ПОЛКОВНИКЪ СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ

«Ты Родинѣ отдалъ ,
свой умъ, и силы, и отвагу»

Въ концѣ 1928-го года въ Русскомъ Домѣ Отдыха въ Ниццѣ скоропостижно скончался бывшій командиръ 5-го особаго пѣхотнаго полка полковникъ Сергѣй Петровичъ Киселевъ. Покойный по окончаніи училища началъ службу во 2-мъ гренадерскомъ Ростовскомъ полку, а на Великую войну вышелъ съ 12-мъ гренадерскимъ Астраханскимъ Императора Александра III полкомъ.

Кровопролитные бои въ ноябрѣ 1914-го года подъ Краковымъ украсили грудь этого скромнаго, тогда еще ротнаго командира, орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Георгіевское оружіе и всѣ ордена съ мечами, которые только могъ получить штабъ-офицеръ, — свидѣтели рѣдкой воинской доблести полковника Киселева.

Много разъ раненый, съ пулею въ легкомъ, покойный Сергѣй Петровичъ всегда стремился въ строй и впередъ.

Назначенный, какъ выдающійся боевой офицеръ, въ одинъ изъ формируемыхъ особыхъ полковъ, отправляемыхъ на французскій фронтъ, полковникъ Киселевъ и тамъ съ честью поддержалъ славу русскаго оружія, и былъ награжденъ « Croix de Guerre » и бельгійскимъ крестомъ ордена Леопольда.

Ужасныя переживанія, вызванныя революціей, сильно отразились на здоровьи покойнаго. Невѣроятно тяжело было ему видѣть разложеніе столь доблестныхъ ранѣе и близкихъ ему полковъ.

Оставшись безъ всякихъ средствъ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми, полковникъ Киселевъ поступилъ на заводъ, и съ гордо поднятою головою, какъ старый спеціалистъ рабочій, искусно управлялъ станкомъ.

Да будетъ Тебѣ пухомъ чужая, но Твоею кровью обагренная земля.

Военный инженеръ, Полковникъ **Шумскій**

«КОМИТЕТЪ ПОМОЩИ ДѢТЯМЪ»
РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА
(старая организація)
«НЕДѢЛЯ ПОМОЩИ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ»

«Иже аще пріемлетъ отроча во имя Мое
— Мене пріелетъ». (Ев. Мрк.)

Обновленная Россія, когда придетъ часъ ея возрожденія, будетъ строиться руками новыхъ, молодыхъ поколѣній. Къ этому дню Зарубежная Русь должна готовить своихъ дѣтей, и прежде всего сдѣлать все, чтобы не только сберечь ихъ силы, но и сохранить въ ихъ душѣ святую любовь къ родной землѣ и религіозное чувство, безъ котораго не дано человѣку строить жизнь, ни общественную, ни личную.

Въ бѣженской жизни для многихъ родителей воспитать дѣтей въ родной семьѣ — непосильно. Видѣть отчужденіе ихъ отъ всего родного русскаго — въ чужихъ рукахъ — больно.

И, разумѣется, дѣло старшихъ поколѣній позаботиться о нашихъ русскихъ дѣтяхъ за границей именно въ этомъ отношеніи.

Дѣло святое, общее, важное для всѣхъ.

Семь лѣтъ работы Комитета Помощи Дѣтямъ — не безплодны. Собранный за это время полумилліонъ франковъ помогъ тысячамъ и тысячамъ дѣтей пережить тяжелую долю дѣтства на чужбинѣ (болѣе 2-хъ тысячъ семей въ настоящее время на учетѣ и попеченіи Дѣтскаго Комитета). Однихъ снабжали питаніемъ, другихъ лѣчили, платили за ученіе, устраивали лѣтнія колоніи — дни дѣтской радости, стараясь хоть на мгновеніе возсоздать въ ихъ воображеніи забытыя или невѣдомыя черты русскаго быта, образъ дорогой родной земли, запечатлѣть въ дѣтской душѣ начала религіозной истины.

Ободренный видимымъ общественнымъ сочувствіемъ своей дѣятельности, Комитетъ, продолжая свою обычную работу, ставитъ теперь на очередь новую, первой важности задачу — пойти навстрѣчу главной потребности дѣла дѣтской помощи:

Создать русскій дѣтскій садъ и пріютъ.

Выращенныя съ колыбели въ такомъ русскомъ уголкѣ, дѣти выростутъ русскими, понадобятся Россіи.

Много средствъ требуется для намѣченной цѣли.

Но Комитетъ вѣритъ, знаетъ, что всѣ, кому дорого будущее нашихъ молодыхъ поколѣній, — будущее Родины, — откликнутся чуткимъ сердцемъ на призывъ и придутъ посильно на помощь русскому общему святому дѣлу.

И чѣмъ труднѣе добыта жертвуемая на это дѣло копѣйка, тѣмъ цѣннѣе будетъ жертва, хотя бы и самая малая, въ очахъ Того, Кто заповѣдалъ людямъ заботу о дѣтяхъ «Во Имя Святое Его».

Пожертвованія принимаются: въ правленіи Союза, 35 рю де Сэвръ,

О всѣхъ собранныхъ суммахъ будетъ сообщено въ газетахъ, и отчетъ въ ихъ расходованіи будетъ опубликованъ.

Комиссія по устройству «Недѣли помощи русскимъ дѣтямъ»:

Княгиня **В. К. Мещерская** **А. В. Романова** **В. Н. Біенемэ.**

Принимается подписка на «ВѢСТНИКЪ». Цѣна номера 2 франка съ пересылкой 2 фр. 50 сант.

Переписку по дѣламъ редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза.

Union des officiers russes, 35, rue de Sèvres, Paris VII.

Le gérant : M. Boivent

Imp. de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves. 32, rue de Menilmontant

№ 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Положеніе о фондѣ имени Вел. Князя Николая Николаевича. — Приказъ генерала Кутепова. — Изъ жизни Союза. — А. Н. Виноградскій. Русско-японская война (продолженіе). — В. Доманевскій. Мысли о войнѣ и мирѣ. Изъ забытаго дневника. — В. Колотинскій. На могилахъ русскихъ воиновъ въ Шампани. — Ген. Дм. Потоцкій. Сѣрые герои. Взаимная выручка. — И. Кудряшевъ. «Александрійскіе гусары». — Скорбный листокъ.

Къ Русскимъ людямъ!

«Памятуйте о Россіи! и здѣсь, въ изгнаніи, Ей отдайте всѣ Ваши помыслы, не числя трудовъ, силъ и средствъ на дѣло Ея спасенія, ибо безпримѣрно тяжки испытанія и наступаютъ рѣшительные сроки».

Предсмертное обращеніе Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА 23-го декабря (5 января 1929 года).

Въ исполненіе этого, въ видахъ продолженія Русскаго дѣла, въ Парижѣ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Генерала отъ Инфантеріи Кутепова, Главный Комитетъ Фонда Имени Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, дѣйствующій на основаніяхъ Положенія объ этомъ Комитетѣ.

Комитетъ открылъ свои дѣйствія и призываетъ всѣхъ Русскихъ людей исполнить свой долгъ передъ Родиной.

Генералъ Кутеповъ.

Генералъ-лейтенанты Кондзеровскій и Миллеръ, Проф. И. П. Алексинскій, Н. Н. Львовъ, Князь Н. Оболенскій, Князь Г. Н. Трубецкой.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГЛАВНОМЪ КОМИТЕТѢ «ФОНДА ИМЕНИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА»

1. Въ видахъ сборовъ средствъ на Русское дѣло, въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ Генерала отъ Инфантеріи Кутепова, учреждается Главный Комитетъ **«Фонда Имени Великаго Князя** НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА**».**

2. Главный Комитетъ завѣдуетъ сборами во всѣхъ странахъ, заботится объ ихъ развитіи и расширеніи, хранитъ поступающія въ Фондъ деньги и ведетъ отчетность по всѣмъ поступленіямъ и расходамъ.

3. Главный Комитетъ разсматриваетъ предположительную расходную смѣту на годъ впередъ, ежемѣсячное исполненіе которой утверждается его Предсѣдателемъ.

4. Поступающія по сборамъ средства могутъ расходоваться лишь по прямому ихъ назначенію и на вызываемыя послѣднимъ организаціонныя надобности.

5. Главный Комитетъ періодически публикуетъ данныя о поступленіи средствъ, а въ годичномъ отчетѣ указываетъ, какая часть поступленій обращена на организаціонныя надобности и какая на расходы по прямому назначенію.

6. Способы храненія денежныхъ суммъ и правила счетоводства и отчетности вырабатываются Главнымъ Комитетомъ.

7. Денежная отчетность Главнаго Комитета ежегодно провѣряется особой ревизіонной комиссіей.

8. Члены Главнаго Комитета не получаютъ изъ Фонда никакого вознагражденія.

9. Въ засѣданіяхъ Главнаго Комитета принимаютъ участіе, на равныхъ съ постоянными членами правахъ, прибывшіе въ Парижъ предсѣдатели существующихъ въ отдѣльныхъ странахъ Комитетовъ по сбору средствъ и Уполномоченные по сборамъ.

10. Предсѣдатель Главнаго Комитета руководитъ работами Комитета, созываетъ его собранія и слѣдитъ за исполненіемъ его постановленій. Въ помощь Предсѣдателю Комитетъ избираетъ на одинъ годъ Товарища Предсѣдателя.

11. Постановленія Комитета почитаются дѣйствительными при условіи участія въ нихъ Предсѣдателя и не менѣе половины его членовъ, и принимаются по большинству голосовъ. Для постановленія о прекращеніи дѣятельности Главнаго Комитета требуется участіе въ засѣданіи Комитета Предсѣдателя и не менѣе двухъ третей членовъ Комитета.

12. Въ случаѣ прекращенія дѣяельности Главнаго Комитета оставшіяся суммы обращаются на русскія благотворительныя надобности по постановленію Комитета.

Жертвуемыя въ Фондъ Имени Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА деньги можно посылать въ любой валютѣ почтовыми переводами, цѣнными пакетами, банковскими чеками или банковскими переводами, направляя ихъ либо:

1. На имя Генерала А. П. Кутепова по адресу:

Monsieur A. Koutepoff, 26, rue Rousselet, Paris (7) France.

2. На спеціал:ный текущій счетъ Генерала А. П. Кутепова въ Международномъ Коммерческомъ Банкѣ:

Banque Internationale de Commerce, 26, rue Laffitte. Paris (9) France . Aucrédit du compte spécial de Monsieur A. Koutepoff.

3. Черезъ посредство существующихъ въ разныхъ странахъ Комитетовъ по сборамъ въ Фондъ Имени Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, и другихъ имѣющихся на мѣстахъ организацій и группировокъ, уполномоченныхъ Главнымъ Комитетомъ на производство сборовъ, равно какъ и Уполномоченныхъ на то послѣднимъ отдѣльныхъ лицъ.

Приказъ Генерала Кутепова

Г. Парижъ № 20 16-го іюля 1929 г.

6-го сего іюля передъ торжественной панихидой, совершенной въ г. Каннахъ въ полугодовой день кончины въ Бозѣ почивающаго Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, мною, совмѣстно съ генералами Юденичемъ, Безобразовымъ, Баратовымъ и Витковскимъ и въ присутствіи депутацій отъ воинскихъ частей, военныхъ обществъ, союзовъ и объединеній, была возложена на гробницу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА отъ лица всего Россійскаго Зарубежнаго Воинства мраморная доска съ серебряннымъ вѣнкомъ и соотвѣтствующей надписью.

По окончаніи панихиды Ихъ Императорскія Высочества Вел. Кн. Анастасія Николаевна и Великій князь Петръ Николаевичъ, тронутые проявленнымъ со стороны чиновъ Россійскаго Зарубежнаго Воинства чувствомъ глубокаго высокопочитанія къ памяти своего Августѣйшаго супруга и брата и Нашего Верховнаго Главнокомандующаго, просили меня передать всѣмъ воинскимъ чинамъ, принявшимъ участіе въ сооруженіи художественно исполненной доски-памятника, Ихъ сердечную благодарность.

На другой день, 7-го сего іюля, я получилъ слѣдующія почто-телеграммы:

Генералу Кутепову,

Скорбный день полугодія кончины Дорогого моего Супруга Воинскія части и организаціи ознаменовали установкою у Его гроба доски съ ихъ на ней переименованіемъ. Незримо и неотлучно онѣ, какъ бы, присутствуютъ при своемъ Верховномъ Главнокомандующемъ. Знаю и чувствую, что это присутствіе особенно Ему дорого, какъ новое и живое подтвержденіе неразрывной связи съ Россійскимъ Воинствомъ, съ которымъ Великій Князь провелъ всю свою жизнь, которое крѣпко любилъ и цѣнилъ высоко, какъ опору Русской Славы и Мощи въ прошломъ и основу Возрожденія Великой Россіи.

Сердечно благодарю Васъ и всѣ части и организаціи.

АНАСТАСІЯ.

Генералу Кутепову,

Считаю долгомъ моего сердца высказать мою душевную благодарность всѣмъ пожелавшимъ почтить память усопшаго моего брата, принятіемъ участія въ сооруженіи столь художественно исполненной русскими руками прекрасной отдѣлки гробовой доски, возложенной Вами на гробъ Почившаго.

Прошу Васъ принять и передать почтившимъ память въ Бозѣ почившаго моего брата мою глубокую и сердечную благодарность. Да поможет Господь Русскому воинству и да выйдетъ вновь, по слову Почившаго, — Русскій Народъ на путь ему даннаго Великаго и Славнаго бытія.

ПЕТРЪ.

Снимокъ съ мраморной доски, возложенной на гробницу въ Бозѣ почивающаго Верховнаго Главнокомандующаго, съ перечисленіемъ частей и организацій, принявшихъ участіе въ ея сооруженіи, будетъ разосланъ.

Подлинный подписалъ Генералъ КУТЕПОВЪ.

Изъ жизни союза

Годовое общее собраніе членовъ союза офицеровъ участниковъ войны состоялось 26-го мая.

1) Предсѣдатель Союза Генералъ-лейтенантъ Арсеньевъ сдѣлалъ нижеприводимый докладъ о дѣятельности и работѣ Союза за 1928 г.:

«1928, восьмой годъ существованія Союза, во внутренней жизни Союза, долженъ быть признанъ вполнѣ благополучнымъ.

Тяжелыя экономическія условія и безработица прошлаго 1927 года миновали, а съ ними исчезла и острота требованій разнаго вида помощи, за которой въ трудную минуту офицеры прибѣгаютъ къ своему Союзу.

Значительно уменьшилась въ отчетномъ году заимообразная выдача ссудъ, которая въ 1928 году выразилась въ суммѣ 3.418 франковъ (1.058 франковъ изъ кассы Союза и 2.360 франковъ изъ кассы взаимопомощи) противъ 6.565 франковъ, выданныхъ въ 1927 году.

Выдача безплатныхъ обѣдовъ въ 1928 году почти прекратилась, ихъ было выдано только 22 офицерамъ на сумму 60 франковъ 50 сант., противъ 1.655 фр. въ 1927 году.

Наибольшій расходъ въ отчетномъ году былъ произведенъ Союзомъ для оказанія помощи больнымъ туберкулезомъ и съ легочными заболѣваніями въ первоначальной стадіи, въ суммѣ 2.696 франковъ. Произведенный сборъ на койку для туберкулезныхъ членовъ Союза, Имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го и Его Августѣйшей Семьи, выразился въ суммѣ 6.182 фр. 50 с. и далъ возможность открыть таковую въ санаторіи Шель, кн. Гагариной, недалеко отъ Парижа. Койка эта все время занята. Лѣченіемъ на этой койкѣ уже воспользовались 4 члена Союза, пробывъ на ней отъ 3 до 4 мѣсяцевъ. Благодарныя письма, адресованныя ими въ Правленіе, въ которыхъ они говорятъ, что чувствуютъ себя совершенно оправившимися и вновь начинаютъ работать, лучше всего свидѣтельствуютъ о той существенной пользѣ, которую приноситъ таковая койка. Каждый больной обходится Союзу 350 франковъ въ мѣсяцъ, но это далеко не исчерпываетъ всей стоимости содержанія равняющейся 1.000 фр. въ мѣсяцъ. 650 франковъ доплачивается кн. Гагариной изъ суммъ организованной ею благотворительнаго общества.

Участливое отношеніе членовъ Союза, продолжающихъ вносить добровольно взносы на койку, хотя таковые были обязательными толь-

ко въ 1928 году, обезпечиваетъ это дѣло въ будущемъ 1929 году и надо надѣяться — поддержитъ и въ дальнѣйшемъ.

Болѣзни и смертность среди членовъ Союза въ отчетномъ году очень увеличились и, какъ и въ прежніе годы, Союзомъ была оказана помощь вдовамъ на похороны, выразившаяся въ суммѣ 500 франковъ.

При Союзѣ продолжаютъ дѣятельность учрежденныя въ 1926 году гимнастическіе курсы и образованные въ прошломъ году курсы для молодежи, гдѣ еженедѣльно читаются лекціи на военныя темы и молодежь знакомится съ бытомъ и прошлымъ нашей славной Арміи и Флота. Лѣтомъ молодежь нѣсколько разъ выводилась въ поле для знакомства съ чтеніемъ плановъ, съемкой.

Опытъ съ выпускомъ въ отчетномъ году Вѣстника Союза оказался вполнѣ удачнымъ; Вѣстникъ, выпущенный въ количествѣ четырехъ номеровъ, встрѣченъ съ большимъ одобреніемъ огромной массой членовъ Союза; цѣль его—средство связи между членами Союза—вполнѣ достигнута; содержаніе признано интереснымъ, а болѣе широкія задачи пока ему не ставятся. Опытъ 4-хъ номеровъ показалъ, что несмотря на наименьшую цѣну 2 франка за экземпляръ — полная самоокупаемость Вѣстника достигнута.

За 1928 годъ въ Союзъ записалось 314 новыхъ членовъ.

Матеріальное положеніе Союза за 1928 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общая сумма прихода достигла	30.154 фр. 44 с.
Что за вычетомъ остатка отъ предыдущаго года	4.991 фр. 98 с.
Составитъ сумму дѣйствительнаго поступленія	25.162 фр. 46 с.

Главныя статьи прихода въ отчетномъ году составляютъ:

1. Членскіе взносы — 11.895 фр., уменьшившіеся по сравненію съ прошлымъ годомъ на 2.196 франковъ.

Правленіе не можетъ не сдѣлать неисправнымъ членамъ Союза упрека за задержку членскихъ взносовъ, хотя въ первые мѣсяцы 1929 года многіе свою погрѣшность исправили, внеся за 1928 и 1929 г.г.

Въ виду незначительности членскаго взноса съ 1929 года онъ увеличенъ на 5 франковъ.

Слѣдующей крупной статьей дохода является полученіе отъ разныхъ лицъ — 6.492 фр. 50 с., изъ коей главная часть приходится на пожертвованія на койку — 6.182 фр. 50 сант.

Возвратъ ссудъ въ 1928 году выразился суммою 4.291 фр. 50 с. (3.609,50 по кассѣ взаимопомощи и 682 фр. по кассѣ Союза).

Въ Казну Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА въ отчетномъ году пожертвовано — 1.072 франка. Всѣ остатки по этому капиталу сданы завѣдывающему Казной кн. Оболенскому, и нынѣ въ Союзѣ открытъ сборъ пожертвованій въ фондъ Имени Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, собранныя деньги будутъ препровождаться Генералу Кутепову.

Отъ продажи Вѣстника въ 1928 году выручено ... 2766 фр. 50 с
Отъ Комиссіи для руководства обученіемъ молодежи получено .... 1.500 фр.
и разныхъ поступленій .... 751 фр. 50 с.
Общая сумма расходовъ въ 1928 г. достигла ..... 22.878 фр. 50 с.
на 10.830 франковъ менѣе прошлаго года.

Суммы эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Заимообразныя ссуды — 1.058,30 изъ кассы Союза и 2.360 фр. изъ кассы взаимопомощи (всего 3.418,30 фр.). На койку для туберкулезныхъ членовъ Союза въ санаторіи Шель — 2.696 фр. Внесено въ казну В.К.Н.Н. — 962 фр.; уплачено в A.N.C.C. за членскія карточки — 3.400,50; вознагражденіе казначея, онъ же и секретарь — 5.500; канцелярскихъ расходовъ — 385,10; почтовыхъ расходовъ — 419,80; разныхъ по секретарской части — 945; помѣщеніе канцеляріи, консьерж-уборщикъ — 761,55: на курсы молодежи и гимнастики—1.637; за печатаніе и разсылку Вѣстника — 3.107; печат. опр. листовъ, протоколовъ и пр. — 295; пособіе на похороны — 500; на библіотеку — 100; Генералъ-Лейтенанту Миллеру собранные на перевезеніе тѣла Генерала Врангеля въ Бѣлградъ — 210 фр.; Генералъ-Лейтенанту Хольмсенъ часть Союза за панихиды — 265 фр. Въ общежитіе для мальчиковъ въ Шавилѣ за сына члена Союза — 90 фр.; разборка имущества Союза послѣ пожара на бульварѣ Ланнъ—75 фр.; перевозка и оборудованіе канцеляріи въ новомъ помѣщеніи — 327,25; разныхъ расходовъ — 44 франка.

Въ остаткѣ на 1-ое января 1929 года состояло по приходо-расходной книгѣ Союза 7.275 фр. 94 сант. и наличность кассы взаимопомощи — 1.831 фр. 56 сант. Всего — 9.107 фр. 50 сант.

Внутренняя жизнь Союза и Отдѣловъ его въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, протекала вполнѣ нормально и благополучно.

Заканчивая свой докладъ, я вновь обращаюсь къ членамъ Союза съ просьбой обратить особое вниманіе на своевременность уплаты членскихъ взносовъ».

Членъ Ревизіонной Комиссіи Генералъ-Майоръ Суворовъ огласилъ отчетъ о повѣркѣ денежныхъ суммъ и отчетности правленія за истекшій годъ.

«Комиссія въ составѣ Генерала отъ Кавалеріи Баратова, Генералъ-Майора Суворова и Полковника гр. Воронцова-Дашкова 21-го сего мая провѣрила денежныя суммы, книги и оправдательные документы казначея, кассы взаимопомощи и библіотеки Союза Офицеров Участниковъ Войны, причемъ оказалось, что суммы показаны вѣрно, отчетность ведется чрезвычайно аккуратно, а документы находятся всѣ на лицо.

Сумма прихода за 1928 годъ по книгамъ казначея составила	30.154 фр. 44 с.
Сумма расхода по тѣмъ же книгамъ выразилась	22.878 фр. 50 с.
Остатокъ къ 1-му января 1929 г. составилъ	7.275 фр. 94 с.
Касса взаимопомощи Союза ведетъ свой отдѣльный отчетъ, по которому сумма прихода за 1928 годъ составила	4.401 фр. 76 с.
Сумма расхода выразилась	2.570 фр. 20 с.
Остатокъ къ 1-му января 1929 года составилъ	1.831 фр. 56 м.
Кромѣ того, сумма библіотеки къ 1-му января 1929 г. составила	108 фр.
Итого, въ остаткѣ къ 1-му января 1929 года въ Союзѣ состояло	9.215 фр. 50 с.

Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны окончательно сталъ на путь самостоятельнаго существованія. Идя по этому правильному пути, Союзъ можетъ еще шире развить свою дѣятельность, только при аккуратномъ поступленіи членскихъ взносовъ и своевременномъ возвращеніи выданныхъ ссудъ. Комиссія полагаетъ, что Правленіе, какъ и въ прошлый годъ, обратитъ на это свое особое вниманіе.

Ревизіонная Комиссія привѣтствуетъ два полезныхъ начинанія Правленія Союза въ прошедшемъ 1928 году.

Вѣстникъ Союза Офицеровъ Участниковъ Войны представляетъ изъ себя чрезвычайно интересное, полезное и нужное изданіе. Успѣхъ его говоритъ самъ за себя.

Курсы для развитія молодежи несомнѣнно будутъ развиваться. Чтенія опытныхъ лекторовъ и занятія въ полѣ, что является единственнымъ примѣромъ въ эмиграціи, не могутъ не привлекатъ посѣтителей. Комиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы Правленіе болѣе широко публиковало объ этихъ занятіяхъ.

Ревизіонная Комиссія предлагаетъ Общему Собранію благодарить за безвозмездные труды и работу Генерала Фока, Полковника Подчерткова и Полковника Григорьева.

Подлин. подписали:

Предсѣдатель, Генеральнаго Штаба, Генералъ отъ Кавалеріи БАРАТОВЪ.

Члены:

Генеральнаго Штаба, Генералъ-Майоръ СУВОРОВЪ.

Полковникъ гр. ВОРОНЦОВЪ-ДАШКОВЪ.

Послѣ этого Общее Собраніе, по предложенію Предсѣдателя, выразило сердечную благодарность за полезную и безвозмездную дѣятельность по гимнастическимъ курсамъ, изданію вѣстника Союза и по организаціи молодежи, Генералъ-Майору Фоку, Полковнику Подчерткову и Полковнику Григорьеву.

По окончаніи докладовъ состоялись выборы въ Правленіе, Ревизіонную Комиссію и въ комиссію по пріему членовъ (судъ чести Союза).

Избранными оказались:

а) *Членами Правленія:* Ген.-Лейт. Черечукинъ, Ген.-Лейт. Ставицкій, Ген.-Майоръ Фокъ, Ген.-Майоръ Гревсъ, Полковники: Бако, Григорьевъ, Кононовъ, Подчертковъ, Кн. Трубецкой и Шумскій, Старшій Лейтенантъ Шильдкнехтъ и Ротмистръ Вуичъ.

б) Членами Ревизіонной Комиссіи: Ген. отъ Кав. Баратовъ, Ген.-Майоръ Суворовъ, Полк. гр. Воронцовъ-Дашковъ.

в) Въ Комиссію по пріему членовъ (судъ чести Союза): Генералъ-Майоръ Чекатовскій, Ген.-Майоръ Тарасенковъ, Ген.-Майоръ Оприцъ, Полковники Стессель, Поповъ, Четыркинъ и Ротмистръ Безсребрянниковъ.

По оглашеніи результатовъ выборовъ, членъ Союза Ген.-Лейт. Субботинъ отъ лица общаго собранія благодарилъ Председателя, членовъ Правленія и Секретаря за ихъ дѣятельность.

Правленіе Союза проситъ своихъ членовъ не замѣнившихъ своихъ членскихъ карточекъ въ 1929 г., поспѣшить это сдѣлать лично, или по почтѣ (въ зак. письмѣ), адресуя:

Union des Officiers russes A. C. 35, rue de Sèvres, Paris 7.

и приложивъ 2 свои фотографіи и 15 фр. годового членскаго взноса.

Уже второй годъ канцелярія Союза находится на новомъ мѣстѣ, а это несмотря на многія сообщенія въ газетахъ, извѣстно не всѣмъ членамъ Союза. Довольно часто письма въ Союзъ адресуются на старый адресъ, 2, бульваръ Ланнъ, гдѣ все срыто и нѣтъ никакого жилья. Всѣ такія письма неизмѣнно пропадаютъ.

Правленіе Союза еще разъ считаетъ необходимымъ сдѣлать это сообщеніе.

Председатель Союза Г. Л. Арсеньевъ, проситъ всю корреспонденцію адресовать ему не на его имя, а по адресу:

Union des Officiers russes A. C. 35, rue de Sèvres, Paris 7.

При желаніи сохранить конфиденціальность письма приписывать: «въ собственныя руки Председателя Союза».

Правленіе Союза отмѣчаетъ выходъ новаго журнала «Вѣстникъ Военныхъ Знаній», представляющій собою интересный и серьезный военный журналъ, цѣна 5 франковъ номеръ. Желая этому начинанію полнаго успѣха, Правленіе горячо рекомендуетъ его своимъ Членамъ и подписалось на 10 экземпляровъ по 2 для библіотеки Союза и для своихъ Отдѣловъ въ Ліонѣ, Марселѣ, Туркуанѣ и Тунисѣ.

30-го іюня депутатація отъ Союза выѣзжала въ Реймсъ на поля сраженія въ Великую Войну и мѣста погребенія Русскихъ Воиновъ, гдѣ возложила вѣнокъ съ національными лентами отъ Русскаго Офицерства, членовъ Союза Участниковъ Войны.

Члены Союза, желающіе воспользоваться безплатнымъ лѣченіемъ на койкѣ имени Государя Императора Николая II-го для туберкулезныхъ членовъ Союза (предрасположеніе къ туберкулезу и начальная стадія болѣзни), благоволятъ подать рапорты на имя Предсѣдателя Союза, для занесенія въ кандидатскій списокъ.

Члены Союза, желающіе быть устроенными въ Домѣ Отдыха въ Ниццѣ, должны подать объ этомъ рапортъ Предсѣдателю Союза, съ указаніемъ желаемаго времени пребыванія между какими числами (цѣна изъ расчета 350 франковъ въ мсѣяцъ).

Половинный проѣздъ туда и обратно будетъ устроенъ Союзомъ.

Въ виду перехода канцеляріи Союза на карточную систему, Правленіе проситъ своихъ членовъ представлять по 2 фотографіи и кромѣ свѣдѣній опроснаго листа, сообщать:

а) Въ какихъ воинскихъ союзахъ и организаціяхъ состоитъ еще.

б) Чѣмъ занимается въ настоящее время.

Въ сентябрѣ Правленіе Союза предполагаетъ созвать экстренное Общее Собраніе членовъ, для выслушанія проекта нѣкоторыхъ измѣненій устава Союза и наказа къ нему.

За зимній періодъ, съ октября 1928 г. до мая 1929 г., для молодежи были прочитаны 26 лекцій.

Въ маѣ начались занятія на воздухѣ; ихъ было пять. Въ октябрѣ 1929 г. возобновятся лекціи. Онѣ будутъ по средамъ, отъ 8 до 9 час. вечера. Каждую 4-ую среду мѣсяца будутъ отдѣльныя лекціи для интересующихся военно-морскимъ дѣломъ.

Съ октября 1929 г. будетъ пріемъ новыхъ членовъ.

Обращаться письменно по адресу:

«A. Grigorieff, 78, rue Buzenval, Saint-Cloud (S.O.)»

Русско-японская война

(Продолженіе)

На Дальнемъ Востокѣ Россія была всегда въ военномъ отношеніи слабой, вслѣдствіе удаленности окраинъ отъ центра и малой населенности края. Вліяніе ея тамъ поддерживалось исключительно престижемъ: достаточно вспомнить, что въ началѣ девяностыхъ г.г. прошлаго столѣтія численность содержимыхъ нами на Дальнемъ Востокѣ сухопутныхъ силъ не превышала 17.000 человѣкъ, разбросанныхъ на громадной территоріи, по баталіонно, не сведенныхъ въ болѣе крупныя единицы. Лишь, послѣ японо-китайской войны, мы стали тамъ постепенно усиливаться, и переходить къ нормальной организаціи, но, настолько медленнымъ темпомъ, что въ январѣ 1904 года, въ случаѣ войны съ Японіей, мы могли выставить въ полѣ, по окончаніи Дальневосточной мобилизаціи и, включая гарнизонъ Артура, не болѣе 9-ти пѣхотныхъ дивизій.

Японія же, вооружавшаяся съ 1895 года, располагала къ тому времени 13-ю полевыми дивизіями двадцати баталіоннаго состава, нѣсколькими резервными бригадами и значительнымъ запасомъ обученныхъ людей внутри страны, оставшихся въ качествѣ излишка по окончаніи мобилизаціи. Какъ показали событія впослѣдствіи, мы вѣрно опредѣляли до войны составъ и численность полевой арміи Японіи, но не учли возможности для нея сформировать уже въ теченіи военныхъ дѣйствій новыя бригады и даже дивизіи изъ своего многочисленнаго людского запаса. Между тѣмъ это упущеніе сильно вліяло на наши первоначальные оперативные разсчеты. Въ свою очередь, Японія сильно ошиблась въ оцѣнкѣ возможностей для насъ увеличить провозоспособность Сибирской желѣзной дороги въ первые мѣсяцы войны и разсчитывала имѣть дѣло съ болѣе слабымъ численно противникомъ, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности, что вызвало у нихъ значительно большее напряженіе всей страны во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ предполагалось раньше.

Въ основу нашего заранѣе разработаннаго оперативнаго плана, было положено въ свое время требованіе, въ случаѣ войны съ Японіей, вести ее преимущественно дальновосточными войсками, отнюдь не ослабляя европейскаго западнаго нашего фронта. Главнымъ театромъ считался европейскій, дальневосточному же отводилось значеніе колоніальнаго, ходъ событій на которомъ не могъ повліять на существованіе Имперіи.

Для осуществленія его намѣчалось развернуться въ южной Маньчжуріи, дабы использовать ея богатыя мѣстныя средства (Сибирская дорога не могла прокормить, при своей довоенной провозоспособности, болѣе 120.000 человѣкъ) и придерживаться оборонительнаго образа дѣйствій до прибытія изъ Россіи 5-го и 6-го резерныхъ корпусовъ и 2-хъ европейскихъ. Съ мѣрами къ усиленію нашего военнаго поло-

женія на Дальнемъ Востокѣ вообще не торопились и, лишь послѣ посѣщенія Японіи лѣтомъ 1903 г. военнымъ министромъ ген. Куропаткинымъ, лично убѣдившимся въ нависшей на насъ опасности, были приняты нѣкоторыя мѣропріятія, но быстро, понятно, наверстать потеряннаго времени, мы не могли.

Японскій планъ основывался, разумѣется, прежде всего, на пріобрѣтеніи господства на морѣ, а затѣмъ методическихъ, эшелонированныхъ высадкахъ сухопутныхъ армій, съ цѣлью захвата всего побережья Ляодунскаго полуострова и затѣмъ концентрическаго продвиженія вглубь Маньчжуріи и захвата южной ея части. Одновременно должны были вестись операціи противъ Портъ-Артура, взятіе котораго выдвигалось японцами главной цѣлью войны. Другими словами, противникъ нашъ гнался лишь за географическими объектами и стремился ослабить Россію на Дальнемъ Востокѣ, но не искалъ, да и не могъ искать рѣшающихъ результатовъ. Впрочемъ и мы находились относительно него въ тѣхъ же условіяхъ, вслѣдствіе его островного положенія, плюсъ цѣлой совокупности военно-политическихъ факторовъ.

Характерной особенностью данной войны является проявленная японцами тѣсная связь между операціями на морѣ и на судѣ. Внезапная японская минная атака въ ночь на 9-го февраля настолько ослабила, хотя и временно, нашу Портъ-Артурскую эскадру, что въ Токіо признано было возможнымъ немедленно приступить къ высадкѣ 1-ой арміи Куроки, въ составѣ 3-хъ дивизій и 2-хъ резервныхъ бригадъ, въ Кореѣ и прочно тамъ обосноваться. Гибель отъ японской мины 13-го апрѣля «Петропавловска» съ командующимъ флотомъ адмираломъ Макаровымъ на долго передала противнику владѣнье моремъ. и сухопутныя операціи сразу оживляются послѣ постигшей насъ катастрофы.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Куроки подошелъ къ пограничной между Кореей и Маньчжуріей рѣкѣ Ялу, гдѣ на Тюренченской позиціи прикрывалъ Ляоянское направленіе 2-ой сиб. корпусъ ген. Засулича (18.000 чел.). 3-го мая японцы форсировали переправу и нанесли намъ сильное пораженіе. Численное превосходство ихъ въ силахъ, а главное прекрасная боевая подготовка и упорство, дали имъ возможность справиться съ беззавѣтной доблестью нашихъ сибиряковъ. Японская артиллерія, уступавшая нашей качественно, но работавшая съ закрытыхъ позицій, принудила большую часть нашихъ батарей, стоявшихъ открыто, къ молчанію. Японскіе жидкіе строи, сильные огневымъ дѣйствіемъ и прекрасное маневрированіе не только мелкими, но и крупными соединеніями, давали противнику сильное преимущество надъ нашей штыковой, лобово-ударной тактикой.

Нѣсколько дней послѣ Тюренченскаго боя высадилась въ Бицыво 2-ая армія Оку въ составѣ 2-хъ дивизій и вскорѣ затѣмъ, простымъ выдвиженіемъ на западъ, отрѣзала Ляодунскій полуостровъ отъ южной Маньчжуріи, а 26-го мая взяла послѣ упорнаго боя Киньчжоускую позицію, запиравшую входъ на южную оконечность Ляодуна — Квантунгскій полуостровъ. Бой 26 мая долженъ былъ при другомъ управленіи войсками кончиться совершенно иначе — мы имѣли на своей

сторонѣ благопріятныя свойства Киньчжоусскаго перешейка и значительное превосходство въ силахъ и нормально могли не только отразить, но и разбить японцевъ. Генералы-же Стессель и Фокъ ввели фактически изъ всего состава вооруженныхъ силъ Квантунгскаго плацдарма (2 дивизіи + 7 бат. — болѣе 40.000 человѣкъ съ сильной артиллеріей), лишь 3.800 чел. съ 77 ор., которыя цѣлый день, безъ поддержки флота, продержались противъ 3-хъ японскихъ дивизій при 200 ор., которымъ помогали еще 4 канонерки.

Итакъ, военныя дѣйствія на сушѣ начались для насъ неудачно, при чемъ выявилось много изъяновъ, особенно въ управленіи войсками и основныхъ понятіяхъ по веденію боя, что въ итогѣ не осталось безъ отрицательнаго вліянія на весь ходъ кампаніи.

А. Н. Виноградскій.

13. 6. 29.

Замѣтки о мирѣ и войнѣ

(ИЗЪ ЗАБЫТАГО ДНЕВНИКА)

Многіе французы считаютъ необходимымъ особенно настойчиво внѣдрять въ убѣжденіе массы, что «Франція не нуждается ни въ чьей помощи не только для защиты противъ Германіи, но можетъ даже въ любую минуту сама перейти въ наступленіе и побѣдить». Они считаютъ, что это не самообольщеніе, а сама истина, ясная каждому, кто изучалъ основательно войну 70 года и вникалъ въ причины пораженія.

Большая ошибка, по ихъ мнѣнію, что такое изученіе — удѣлъ лишь небольшой группы спеціалистовъ. Слѣдовало бы философіи исторіи этой войны обучать всѣхъ, получающихъ мало-мальски сносное образованіе. И правда, совсѣмъ не нужно быть тактикомъ или стратегомъ, чтобы изложить такой курсъ! Французы предлагаютъ преподавать точно также сравнительное изученіе состоянія французской арміи 1870 года и теперешней. Они убѣждены, что результаты такого обученія были бы огромны: всѣ ясно и легко поймутъ, что неудачи 70 года были совершенно неизбѣжны, что съ 1815 года у Французовъ не было ничего — ни подготовки, ни организаціи, ни командного состава, ни просто понятія о томъ, что такое настоящая война.

Если сравнить то, что было въ 70 году, съ тѣмъ, чѣмъ стала французская армія нынѣ, если вспомнить, что противникъ — нѣмцы уже въ 1870 году были почти тѣмъ же, что представляютъ они и теперь, тогда станетъ совершенно очевиднымъ, что побѣда обезпечена и что французы имѣютъ всѣ основанія твердо въ нее вѣрить.

Эта идея необходимости ознакомленія широкихъ круговъ общества съ военнымъ прошлымъ и настоящимъ Родины, заслуживаетъ самаго глубокаго послѣдованія. Развѣ для насъ подобное изученіе войны 1904-5 годовъ не является также цѣлымъ откровеніемъ самымъ утѣшительнымъ, самымъ радужнымъ?..

Развѣ каждый изучающій ее не получитъ увѣренности въ величіи и достоинствѣ бойцовъ на поляхъ Манджуріи?

Исторія говоритъ объ этомъ уже теперь, съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Правда онъ увидитъ и другое, онъ увидитъ, что просто чего то не хватало, чтобы старый традиціонный духъ использовать и привести къ побѣдѣ, но, если къ этому изученію исторіи 1904-5 годовъ прибавить сравнительное изученіе состоянія арміи нашей тогда и теперь, то каждый, не начиненный предвзятыми идеями, убѣдится, что для этого «чего-то» за послѣднія 7 лѣтъ сдѣлано безконечно много, что и не можетъ не принести желанныхъ плодовъ. Развѣ же не дорого было бы такое сознаніе каждаго, призваннаго съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать достоинство отечества, особенно у насъ, гдѣ такъ легко впадаютъ въ легковѣсную критику и такъ любятъ унижать самихъ себя?

Обѣими руками подписываемся подъ призывомъ Пьера Феликса; всюду — въ школахъ, въ собраніяхъ, въ книгахъ, въ брошюрахъ, въ газетахъ постоянно развивать, популяризировать эти идеи, эти чувства о величіи своего народа, какъ уже давно дѣлаютъ нѣмцы, въ отношеніи своего.

Нужны не только лихорадочные взрывы патріотизма, но постоянная работа, неутомимая энергія, напряженная дѣятельность въ этомъ направленіи.

Надо жить постоянно какъ бы подъ гипнозомъ этихъ чувствъ и мыслей, быть проникнутыми ими, какъ крѣпко вѣрующій человѣкъ проникнутъ своей религіей.

Важнѣйшая задача прессы — поддерживать этотъ божественный огонь въ націи, въ сердцахъ народа и особенно въ избранныхъ.

Что-же мы видимъ на дѣлѣ? Газеты переполнены хрониками, театральной, происшествій скандальной и рѣдко, рѣдко удѣляютъ всего нѣсколько строкъ подобнымъ вопросамъ!

Обязанность всѣхъ, кто пользуется какимъ либо вліяніемъ, воспитывать народъ и давать ему хорошій примѣръ. Не надо забывать, что философъ Фихте и лучшіе люди возродили Пруссію послѣ Іены и подготовили ея теперешнюю мощь!

Пускай же всѣ, кто владѣетъ перомъ, языкомъ, всѣ, кто имѣетъ вліяніе, говорятъ и дѣйствуютъ, распространяютъ здоровыя идеи, вселяютъ въ народъ вѣру въ его неисчислимыя силы и средства, научатъ народъ говорить громко, твердо, не боясь ничего.

Не теряйте времени. Распространяйте это въ какой угодно формѣ, но съ сердцемъ и увлеченіемъ. Всѣ мы и безъ того отстали. Нѣмцы, со своей системой воспитанія, опередили насъ.

Въ этой работѣ долженъ участвовать каждый — кто, какъ и чѣмъ можетъ.

Въ народѣ живутъ глубокія чувства патріотизма, надо только сумѣть пробудить ихъ во всемъ блескѣ и силѣ.

Если бы «каждый исполнялъ свои обязанности», дѣло національ-

наго воспитанія народа подвинулись бы въ короткое время гигантскими шагами и страна стала бы неузнаваемой.

Не надо забывать «Отечество въ опасности», если мы не сумѣемъ во время поставить врага на свое мѣсто, то Франція погибнетъ.

Въ годину славныхъ юбилеевъ такъ хотѣлось бы не только вспоминать былые дни, но и проникнуться примѣромъ большихъ людей того времени, сознать въ себѣ плоть отъ ихъ плоти, почувствовать въ себѣ кровь отъ ихъ крови.

Не такъ давно исполнилось 300 лѣтъ съ начала высокой дѣятельности Минина, страстными призывами своими сумѣвшаго воодушевить и увлечь за собой нижегородцевъ, а затѣмъ и другихъ и вмѣстѣ съ Пожарскимъ спасшаго Москву.

Образъ этого человѣка всечасно стоитъ живымъ передъ нами: онъ соединялъ въ себѣ способность глубоко чувствовать, проникаться идеей до забвенія себя и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться практическимъ человѣкомъ, умѣющимъ не только начать дѣло, организовать его, но и воодушевить имъ толпу и довести до конца. Въ немъ были какъ разъ тѣ черты, которыхъ можетъ часто не хватаетъ намъ теперь.

Въ тяжелое, но великое время жилъ Мининъ, когда въ страшныхъ испытаніяхъ закалялась и создавалась Великая Русь. Можетъ по времени и люди рождались. Но исторія повторяется, и какъ знать, такъ ли уже наша эпоха разнится отъ той, что было 300 лѣтъ назадъ.

Несомнѣнно одно: и теперь намъ надо быть наготовѣ убѣжденно сказать — «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, бить челомъ тому, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ».

Кто многимъ способенъ поступаться, тому многое дано будетъ.

В. Н. Доманевскій.

Сентября 1-го, 1912 года.
г. С.-Петербургъ.

На могилахъ русскихъ воиновъ въ Шампани

30-го сего іюня Союзъ Русскихъ Офицеровъ, сражавшихся на французскомъ фронтѣ, организовалъ паломничество на могилы Русскихъ воиновъ, павшихъ на поляхъ Шампани.

Союзъ Офицеровъ, Участниковъ Войны, старѣйшій и наиболѣе многочисленный офицерскій союзъ во Франціи, объединяющій боевое русское офицерство, сражавшееся на всѣхъ фронтахъ, а также и на французскомъ, не могъ не принять участія въ этомъ паломничествѣ и командировалъ своихъ представителей, въ составѣ депутаціи изъ Предсѣдателя Союза, Генералъ-Лейт. Арсеньева и Секретаря Союза Полковника Колотинскаго.

Рано утромъ 30-го іюня всѣ принимавшіе участіе въ поѣздкѣ,

выѣхали по ж.-д. изъ Парижа и черезъ 2 часа прибыли въ гор. Реймсъ.

Сразу приступили къ осмотру наибольшей достопримѣчательности города, носящей до сихъ поръ слѣды жестокихъ боевъ, — Реймскому Собору. Хотя въ продолженіи ряда лѣтъ производится, мозаичная работа по возстановленію разбитаго снарядами германцевъ и разрушеннаго огнемъ зданія собора, но работа эта еще далека до окончанія. Систематическій трудъ возстановленія ведется главнымъ образомъ итальянскими рабочими, складывающими изъ разбитыхъ камней, колонны, порталы, углы и узоры затѣйливаго готическаго стиля. Работа ведется такъ искусно, что мѣстами даже нельзя отличить сдѣланнаго вновь, отъ сохранившагося, и только болѣе свѣтлый цвѣтъ камня на новой работѣ и вставленныхъ заплатахъ говорятъ объ этомъ.

Близлежащія къ собору зданія, также какъ и значительная часть построекъ Реймса совершенно разрушены бомбардировкой выстроены вновь, а оставшіяся носятъ на себѣ слѣды обстрѣла и до сихъ поръ зіяютъ ранами: отбитыми углами, глубокими брешами и разбитой осколками штукатуркой.

Послѣ осмотра Реймскаго собора всѣ собравшіеся на нѣсколькихъ автокарахъ и автомобиляхъ отправилисоь по чудному Римскому шоссе на мѣста боевъ и сдѣлали продолжительную остановку у форта Помпель, расположеннаго на командующей надъ окружающей мѣстностью высотѣ. Оборона этого форта была поручена русскимъ полкамъ, и была ими, несмотря на всю трудность и отчаянныя атаки нѣмцевъ, выполнена блестяще. Фортъ Помпель представляетъ собою мощное сооруженіе изъ желѣзо-бетона въ нѣсколько этажей и, по словамъ участниковъ его защиты, былъ оборудованъ, снабженъ и пополняемъ блестяще. При осмотрѣ его всѣ съ особымъ интересомъ выслушивали разныя подробности о бояхъ, атакахъ, бомбардировкахъ и др. эпизодахъ боевой жизни, въ этихъ мѣстахъ; которыми дѣлились съ нами какъ-бы хозяева форта и его окрестностей г. г. офицеры полковъ особой бригады.

Ихъ проникновенные разсказы, полные чрезвычайно интересныхъ подробностей, невольно переносили насъ къ тому времени, возсоздавали обстановку и наполняли всѣхъ впечатлѣніемъ того невѣроятнаго мужества и твердой выдержки, которыя были проявлены русскими полками на поляхъ Шампани; заслужившими горячія похвалы и восторженн. отзывы французск. командованія. Всѣ мы, въ достаточной мѣрѣ были обстрѣляны въ Великую войну,—видѣли продолжительныя бомбардировки германск. артиллеріи, разворачивавшей значительн. участки мѣстности. Но то, что мы увидѣли здѣсь, не могло не произвести на насъ особенно сильнаго впечатлѣнія. Вся мѣстность буквально изрыта воронками разныхъ размѣровъ и не имѣетъ нетронутыхъ участковъ; фортъ Помпель носитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ слѣды прямыхъ попаданій снарядовъ. Фотографія, показанная однимъ изъ участниковъ боевъ, представляетъ горы стрѣлянныхъ артиллерійскихъ гильзъ въ 2 человѣческихъ роста, — результатъ огня нѣсколькихъ орудій въ теченіи одного дня. Это говоритъ о силѣ артиллерійскаго огня и о та-

комъ расходѣ снарядовъ, котораго на другихъ фронтахъ мы не знали. Очень характеренъ разсказъ одного командира роты особаго полка: къ нему въ періодъ артиллерійской подготовки передъ предстоящей атакой участка, прибылъ въ строй только-что выпущенный въ офицеры 18-лѣтній юноша, недавно прибывшій изъ Россіи. Боевая обстановка, бомбардировка и все, происходящее на позиціи, такъ подѣйствовали на молодого офицера, что его нервы не выдержали и онъ тутъ-же сошелъ съ ума.

Посѣ осмотра форта Помпель, полные впечатлѣній отъ только что видѣннаго и слышаннаго, всѣ продолжали путь въ автокарахъ, по мѣстамъ боевъ, пересѣкая боевые участки, ходы сообщеній и окопы. Хотя на поляхъ Шампани и работаетъ особая организація по очисткѣ полей и сбору боевыхъ матеріаловъ, но слѣдовъ боевъ еще до сихъ поръ много. Попадаются значительныя количества колючей проволоки, кое гдѣ встрѣчаются артиллерійскіе снаряды, а совсѣмъ недалеко отъ форта Помпель — подбитый, видимо прямымъ попаданіемъ снаряда, нѣмецкій танкъ съ чернымъ крестомъ. И воронки, воронки разныхъ размѣровъ всюду и безъ конца.

Наконецъ, послѣ пути десятка въ полтора километровъ отъ форта Помпель, наши автокары свернули съ Римскаго шоссе на другую дорогу и остановились у мѣста погребенія русскихъ воиновъ.

У обнесеннаго оградой участка кладбища, окаймленнаго лѣскомъ, всѣхъ встрѣтилъ капитанъ французской службы, въ формѣ, завѣдывающій кладбищами въ Шампани и сторожъ французъ.

Рядъ могилъ 405-ти воиновъ расположенъ въ нѣсколько линій, каждая могила съ бѣлымъ крестомъ и цвѣтами на крестахъ, хотя и по французски, надписи имени и фамиліи погребеннаго. И такія знакомыя всѣмъ имена и фамиліи нашихъ великороссовъ, хохловъ и даже одного татарина.

Кромѣ отдѣльныхъ могилъ имѣются двѣ братскія общія: одна большая на 347 чел., другая малая на 78 чел: У небольшого временнаго памятника, участвовавшіе въ паломничествѣ возложили вѣнки и цвѣты съ національными цвѣтами.

Отъ Союза Офицеровъ, Участниковъ Войны.

Отъ Союза Офицеровъ Французскаго Фронта.

Отъ Союза Георгіевскихъ Кавалеровъ.

и отъ Союза Инвалидовъ.

Пріѣхавшій изъ Парижа Іеромонахъ Алексій отслужилъ панихиду по православнымъ воинамъ, за Вѣру, Царя и Отечество на полѣ брани животъ свой положившимъ — и, обойдя ряды могилъ, окропилъ ихъ святой водой.

Присутствовавшіе сопровождали Іеромонаха Алексѣя.

Число ихъ значительно увеличилось, т. к. къ панихидѣ собралось большое число русскихъ, мѣстныхъ жителей, преимущественно донскихъ казаковъ, работающихъ въ окрестностяхъ Реймса, пріѣхавшихъ помолиться за своихъ собратій.

Обратный путь мы не проѣхали, но можно сказать прямо проле-

тѣли въ автокарахъ опять нѣсколько десятковъ километровъ; но другой дорогой и все время по полямъ сраженій, также сплошь изрытыхъ воронками. Проѣзжали нѣсколько деревень, совершенно заново отстроенныхъ на мѣстахъ прежнихъ, вовсе уничтоженныхъ бомбардировкой. Около 5-ти часовъ мы были опять въ Реймсѣ и выѣхали обратно въ Парижъ, полные трогательныхъ и грустныхъ чувствъ.

Мы только что посѣтили могилы, гдѣ покоятся русскіе солдаты, вѣрные сыны Россіи, беззавѣтно исполнившіе свой воинскій долгъ. Заботами французовъ кладбище это имѣетъ чистый и благообразный видъ, но нѣтъ и не будетъ, если мы русскіе люди не сдѣлаемъ этого сами, здѣсь того, что придаетъ кладбищу русскій характеръ — памя - *ника съ провославнымъ крестомъ и неугасимой лампадой.*

Союзъ Офицеровъ французскаго фронта горитъ заботой создать это, но для осуществленія необходимы деньги, ихъ нехватаетъ. Не могутъ могилы русскихъ воиновъ въ Шампани, не быть близкими боевому офицерству, входящему въ составъ Союза Офицеровъ, Участниковъ Войны.

Правленіе Союза внесло на сооруженіе памятника 100 франковъ, и приглашаетъ членовъ Союза жертвовать, привлекая къ этому святому дѣлу своихъ друзей и знакомыхъ, въ которыхъ бьется русское сердце. Взносы на сооруженіе памятника на могилахъ русскихъ воиновъ въ Шампани можно направлять по адресу Союза, Union des officiers russes A. C. 35, rue de Sèvres, съ указаніемъ адреса, для отправки квитанціи.

В. Колотинскій.

Сѣрые герои

«ВЗАИМНАЯ ВЫРУЧКА»

Эпизодъ изъ боевыхъ дѣйствій 2-го Стр. Кавказскаго полка на С.-З. фронтѣ въ 1915 г.

19-го іюля 1915 года, я получилъ приказъ смѣнить на боевой позиціи участокъ занимаемый Татарскими уланами, подъ командою полк. Егорова. Къ 9-ти часамъ утра, 25-ый Донской Казачій полкъ, въ составѣ 5 сотенъ, команды охотниковъ и приданной на участкѣ ротою 2 Кавказ. стрѣлк. полка подпоручика Мирошкина, закончили смѣну. Казаки пятыя сутки не разсѣдлывали, днемъ прикрывая отходъ частей XIX корпуса, съ боями отходившаго къ Двинѣ, а ночью на широкомъ фронтѣ, охраняя уставшую пѣхоту и производя усиленную развѣдку. Вновь занятый участокъ, на фронтѣ 3-хъ верстъ, впереди хутора Даржишки, составлялъ правый и фланговый боевой участокъ позиціи Кавказской стрѣлковой дивизіи, генерала Бекова, — къ юго-западу отъ мѣстечка Алезова, противъ котораго нѣмцы, въ составѣ 36 резервной дивизіи, съ тяжелой артиллеріей, вели довольно актив-

но артиллерійскую подготовку, для перехода въ наступленіе. Полковника Егорова я зналъ еще по Академіи. Бодрый, веселаго нрава, любимый и уважаемый подчиненными и начальствомъ,—былъ яркимъ представителемъ образцоваго командира полка. «Не завидую я Вамъ, не желалъ бы оставаться на Вашемъ мѣстѣ, ну да Богъ хранитъ храбрыхъ». — «Нѣмцы вторые сутки накапливаются, пользуясь мѣстными подходами, а этой ночью уже непремѣнно перейдутъ въ наступленіе. Участокъ слабо обороненъ, позиція невѣроятно растянута по нашимъ силамъ, артиллеріи у насъ нѣтъ. Стрѣлки уже вторые сутки отбиваются отъ попытокъ нѣмцевъ обойти нашъ флангъ. Настроеніе подавленное у солдатъ, чувствуютъ неизбѣжную гибель, — вообще положеніе Ваше незавидное». Съ этими словами полковникъ Егоровъ, пожелавъ успѣха, рысью отъѣхалъ и вскорѣ скрылся изъ виду. Отправивъ коноводовъ глубоко въ тылъ, верстъ на 8 отъ позиціи, методъ, успѣшно примѣняемый мною, при выполненіи стрѣлковыхъ оборонительныхъ задачъ, усилилъ участокъ стрѣлковой роты казаками, дабы поднять духъ въ стрѣлкахъ, намѣтилъ сотенные участки и обошелъ стрѣлковую цѣпь въ окопахъ. Стрѣлки жаловались на недостатокъ въ патронахъ.

«По сколько же у Васъ патроновъ?» — спрашивалъ я стрѣлковъ.

«Почти что ничего нѣтъ, на какихъ нибудь десять минутъ хорошаго боя, по 200 патроновъ всего на винтовку»... отвѣчали уныло стрѣлки. Меня какъ конника эти отвѣты смущали. Мы привыкли имѣя — по 60 патроновъ считать себя обезпеченными, а 120 на винтовку считался полный запасъ. Видимо, — разно воспитаны кадры, — но было уже поздно спорить и учить. Подъ впечатлѣніемъ разговоровъ со стрѣлками я написалъ сосѣду по участку незнакомому мнѣ лично, командиру 2-го стрѣлковаго полка, дружественную записку. Я просилъ выслать мнѣ возможно скорѣе запасъ патроновъ, для его 3-ей роты, объясняя, что в конницѣ наши запасы ограничены и добавлялъ, что положеніе наше незавидное. Спѣшенныя части казаковъ весьма малочисленны, едва 200 винтовокъ, а изъ донесеній моей развѣдки предвижу къ ночи наступленіе нѣмцевъ, а потому по сосѣдски, не обращаясь по начальству, прошу его оказать мнѣ возможную помощь, для поддержки его 3-ей роты стрѣлковъ. «Знаю», пишу я въ запискѣ, «что начальство привыкло къ призывамъ о помощи, и потому получаешь неизмѣнно отвѣтъ: «держитесь сколько можете, всѣмъ тяжело, свободныхъ резервовъ нѣтъ». — «Но Вы, своихъ кунаковъ не бросите въ тяжелую минуту, а потому обращаюсь къ Вамъ непосредственно».

На фронтѣ Кавказской стрѣлковой дивизіи не переставая гремѣла артиллерія противника, трещали пулеметы... Къ полдню на нашемъ участкѣ стояла зловѣщая тишина. Виднѣлись клубы дымковъ, то въ походныхъ кухняхъ у опушки лѣса противникъ готовилъ обѣдъ. Изрѣдка одиночный выстрѣлъ на фронтѣ охотниковъ-казаковъ нарушалъ общій покой, напоминая каждому бойцу дѣйствительность. Около трехъ часовъ замѣтно было движеніе одиночныхъ людей, группами у противника, въ бинокль можно было опредѣлить по числу группъ, кухонь

и повозокъ численность противника до двухъ батальоновъ. Люди, повидимому, отдыхали, передъ ночными дѣйствіями...

До 4-хъ часовъ дня никакихъ вѣстей отъ сосѣда не получалъ, но вотъ скачетъ по дорогѣ, ведущей отъ мѣст. Алезова, офицеръ и ведетъ вскачь за собою нѣсколько патронныхъ двуколокъ. Духъ оживился—сообщаю въ окопы, что патроны присланы. Полк. Адъютантъ, поручикъ Бржезицкій докладываетъ, что съ наступленіемъ сумерекъ прибудетъ и весь 2 Кавк. стр. полкъ во главѣ съ К-щимъ полкомъ полк. Телешовымъ, находящійся нынѣ, въ дивизіонномъ резервѣ въ 5 верстахъ къ югу отъ мѣст. Алезова. Съ наступленіемъ сумерекъ бодрымъ стрѣлковымъ шагомъ прибылъ 2-ой Кавказскій стрѣлковый полкъ, въ составѣ 5 ротъ. Ознакомившись на мѣстѣ, отъ начальника казачьей охотничьей команды сотника Наумова, о данныхъ развѣдки ком-щій полкомъ быстро намѣтилъ планъ наступленія. 4 роты въ трехъ колоннахъ, одна глубже слѣдующей, имѣя во главѣ проводниками казаковъ, производившихъ развѣдку, безъ единаго выстрѣла, должны обойти флангъ и, обойдя въ тылъ крайней колонной, одновременно броситься въ штыки, охвативъ расположеніе батальоновъ противника. До условленнаго времени на фронтѣ поддерживать рѣдкій пулеметный и ружейный огонь, прекративъ его ко времени атаки. Планъ смѣлый, разсчитанный на полную неожиданность для противника. Для выполненія — нужны смѣлые начальники, строгая дисциплина и та сила духа и традицій, что столѣтіями жила въ кавказскихъ частяхъ. 4 роты въ обходъ противъ вдвое сильнѣйшаго противника, избалованнаго успѣхами предыдущихъ боевъ... Безъ артиллерійской подготовки, на участкѣ, гдѣ уже обнаружено много пулеметовъ — казалось рѣшеніе дерзостное. Командующій полкомъ подполк. Телешовъ самъ отдаетъ всѣ распоряженія: капитана Чичинадзе назначаетъ вести головную колонну, капитану Салтыкову дана задача охватить съ тыла позиціи нѣмцевъ. Все расчитано на быстроту и неожиданность. Безшумно, скрываются колонны одна за другой въ покровахъ наступившей темноты. Подполк. Телешовъ волнутся. Онъ принялъ на себя лично рѣшеніе помочь своему сосѣду по участку, поддержать своихъ стрѣлковъ. И лучшее рѣшеніе — предупредить нѣмцевъ въ ихъ подготовкѣ къ ночной атакѣ — атаковать ихъ раньше, чѣмъ они соберутся это выполнить. А что нѣмцевъ больше, — Кавказскимъ стрѣлкамъ это не впервые, — вся исторія Кавказской арміи — полна боевыми подвигами, гдѣ не количествомъ бойцовъ, а храбростью достигался успѣхъ... Проходитъ томительные полчаса ожиданія. Со стороны противника начинаетъ проявляться нервность, точно чуютъ что-то съ нашей стороны. Чаще застучалъ пулеметъ, порою по всей линіи частый ружейный огонь, затѣмъ стихаетъ, и вновь участками начинается перестрѣлка. Лишь мѣстность впереди окоповъ ярко освѣщается ракетами, точно фейерверкъ красиво въ темнотѣ онѣ вздымаются и, падая на мгновенье освѣщаютъ землю, создавая крупныя тѣни, убѣгающія въ темнотѣ. Въ воздухѣ что то чувствуется, точно проснулся, отдыхавшій днемъ Богъ войны. Еще полчаса, — пулеметы направляютъ огонь на хуторъ Даржиш-

ки, — избы крайнія къ окопамъ подъ перекрестнымъ огнемъ. Вдругъ, въ сторонѣ противника, близъ фланга окоповъ, раздается короткое «ура» и замираетъ — то колонна капитана Чичинадзе, недостаточно глубоко охвативъ флангъ нѣмцевъ, неудачно наткнулась на обороняемый окопъ и залегла. Нѣмцы, не ожидая наступленія, — принимаютъ эту аттаку за поискъ охотниковъ и, усиливая ружейный огонь по всему участку, выпускаютъ роями свѣтящія ракеты. Но колонна капитана Салтыкова, удачно пользуясь темнотою, имѣя казаковъ развѣдчиковъ впереди, охватила изъ лѣса, съ тыла отдыхавшій, собранный въ резервную колонну, батальонъ нѣмцевъ, подготовляемый къ ночной атакѣ. Люди частью еще не одѣты, винтовки въ козлахъ, одни осматриваютъ полученныя ручныя гранаты, другіе кончаютъ ужинъ, безпечно курятъ, многіе кучками лежатъ, не предвидя своего скораго конца... Какъ львы бросаются въ штыки, съ громкимъ «ура» полторы роты стрѣлковъ. Впереди поручикъ Грызловъ съ винтовкою въ рукахъ прикладомъ кладетъ направо и налѣво буквально ошалѣвшихъ нѣмцевъ, воодушевляя своимъ примѣромъ стрѣлковъ. Бой въ рукопашную, въ темнотѣ стрѣльба запрещена, противникъ терроризованъ и неожиданностью, и дерзостью оказываетъ сопротивленіе, но безъ успѣха, дѣйствуя вразбродъ. А германскія цѣпи въ окопахъ второго батальона усиливаютъ огонь по нашимъ окпамъ, не понимая въ чемъ дѣло. Пулеметы германские засвѣтло примѣнены къ мсѣтности, внесены в сторожку лѣсника, на опушкѣ лѣса и огонь пулетовъ производитъ больше паники среди своихъ же нѣмцевъ. Подпоручикъ Алехновичъ - Черкасъ съ пятью стрѣлками захватываетъ сторожку и прикладомъ раскраиваетъ черепъ пулеметчику. Стрѣльба стихаетъ. Цѣпи нѣмцевъ отходятъ къ лѣсу и попадаютъ на кавказскіе штыки. — Болѣе 200 германских труповъ найдено было на утро казаками на опушкѣ лѣса. Остальные, видя вѣрную гибель, сдаются въ плѣнъ. Весь бой длился не болѣе получаса. 2 германскихъ батальона 36 рез. дивизіи уничтожены. Стрѣлки приводятъ вскорѣ колонну плѣнныхъ въ Даржишки — ихъ болѣе 300. Захвачено и доставлено 7 пулеметовъ изъ нихъ 3 дѣйствующихъ. Съ сіящими отъ успѣха возбужденными лицами, оживленными разговорами прибываютъ въ полномъ порядкѣ стрѣлки. Внѣ строя идутъ раненые, иныхъ несутъ на носилкахъ. Въ Даржишкахъ оказываютъ имъ медицинскую помощь, устраиваютъ перевязочный пунктъ. Наши потери: убито 20 стрѣлковъ, ранено до 100, — изъ нихъ 60 съ ножевыми ранами.

Командующій полкомъ благодаритъ стрѣлковъ за лихую атаку, и, во исполненіе своей задачи, почти не задерживаясь, ведетъ полкъ въ дивизіонный резервъ подъ Алезово, — чтобы съ утра вновь продолжать, какъ и вся дивизія, безъ отдыха выполненіе возложенныхъ боевыхъ задачъ, поручая казакамъ отвести взятыхъ германскихъ плѣнныхъ въ штабъ корпуса.

Командиръ 25-го Донского полка высылаетъ конную полусотню преслѣдовать остатки разбитыхъ нѣмцевъ, а на утро переходитъ всѣмъ участкомъ въ наступленіе, захватывая въ лѣсахъ свыше 40 герман-

скихъ плѣнныхъ, отбившихся и потерявшихъ связь со своими.

За этотъ ночной бой подпоручики Грызловъ и Алехновичъ - Черкасъ награждены по статуту орд. Св. Великомученика Георгія 4 ст.

Поручикъ Бржезицкій, впослѣдствіи командиръ 2-го Кавказскаго стр. полка на Добровольческомъ фронтѣ, находится нынѣ въ Болгаріи, работая на минѣ Перникъ. Онъ составляетъ описаніе боевыхъ дѣйствій своего славнаго боевого полка и данныя настоящаго очерка заимствованы отчасти мною изъ сохранившихся у него записей боя 19 іюля подъ Даржишки...

Нѣсколько недѣль спустя на Двинскихъ предмостныхъ позиціяхъ въ передовомъ окопѣ убитъ былъ командиръ 15 Уланскаго Татарскаго полка полковникъ Егоровъ. Въ день полкового праздника своихъ уланъ, стоя во весь свой богатырскій ростъ, палъ сраженный непріятельской пулей — сѣрой геройской смертью. Не зналъ онъ гдѣ захватитъ его судьба. А въ 1919 году, подъ Царицыномъ, командуя Гренадерской дивизіей, убитъ былъ въ бою въ чинѣ генералъ-майора, доблестный командиръ 2-го стрѣлковаго полка, — капитанъ Чичинадзе, участникъ ночной аттаки 19-го іюля 1915 г. Мнѣ, какъ боевому свидѣтелю славной ночной атаки 2-го Кавказскаго стрѣлковаго полка, въ настоящемъ очеркѣ хочется запечатлѣть этотъ подвигъ нашихъ героевъ - стрѣлковъ, — несшихъ жизнь свою за спасеніе Родины, умиравшихъ съ улыбкою гордости, — въ сознаніи поддержанной ими чести и боевой славы родного полка, за Вѣру, Родину, Царя. А сколько неповѣданной доблести, сколько неизвѣстныхъ героевъ осталось на поляхъ Литвы, Польши и Латвіи... Пусть тѣ, кто нынѣ волею судебъ вкушаютъ плоды отъ пролитой русской крови, вспомнитъ добрымъ именемъ всѣхъ тѣхъ, кто честно до конца выполнилъ свой долгъ передъ Родиною, а мы оставшіеся въ живыхъ преклонимъ головы передъ свѣтлою памятью погибшихъ геровъ.

Генералъ **Дм. Потоцкій.**

„Александрійскіе гусары“

(1829 — 1929 г.)

(КЪ СТОЛѢТІЮ БОЯ ПОДЪ КРѢПОСТЬЮ ШУМЛА)

(Изъ боевой хроники Александрійскаго Гусарскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка)

«Вновь настанетъ пора, штабъ-трубачъ полковой
Затрубитъ боевые сигналы...
Я изъ гроба приду, стану мертвымъ въ вашъ строй,
Гдѣ безсмертнымъ стоялъ я бывало»...

Не успѣла окончиться Персидская война (1826 — 1828 г.) паденіемъ Эривани въ октябрѣ 1928 г., какъ въ томъ же году началась война Россіи съ Турціей, длившаяся съ перемѣннымъ успѣхомъ два года.

Въ эту кампанію турки имѣли уже обновленныя, устроенныя по европейскому образцу части, которыя состояли изъ отличныхъ природныхъ бойцовъ, такъ какъ турки, какъ и всѣ воинственные мусульмане того времени, росли и воспитывались съ оружіемъ въ рукахъ, но доблесть нашихъ, закаленныхъ постоянными войнами войскъ, отличавшихся въ описываемое время устройствомъ, дисциплиной и необыкновеннымъ мужествомъ сломило упорство турокъ.

Командный же составъ русскихъ войскъ превосходилъ во много разъ и во всѣхъ отношеніяхъ непріятельскій; офицеры наши, подавая собою примѣръ, умирали въ преднихъ рядахъ, предпочитая смерть плѣненію, тогда какъ даже высокіе чины непріятельской арміи и даже самъ предводитель ея въ Азіатской Турціи составили побѣдныя наши трофеи.

Доблестны были дѣйствія нашихъ войскъ въ періодъ этихъ войнъ: геройски дралась пѣхота, опрокидывая нерѣдко противника, во много разъ численно превосходнаго надъ ней; не мало подвиговъ прибавила къ своей исторіи и артиллерія; превосходны и полны отваги были дѣла нашей конницы, которая показала еще разъ, что конница, обладающая высокимъ духомъ, не имѣетъ преградъ и препятствій; если нельзя дѣйствовать на конѣ, она дерется въ пѣшемъ строю съ ружьемъ въ рукахъ, поддерживая свою пѣхоту (Нижегородскіе драгуны), нѣтъ ружья[1]) — идетъ на врага съ пиками (Сводно Уланскій полкъ полковника Анрепа и майора Порадовскаго у Байбурта) или даже съ одними саблями штурмуетъ и беретъ укрѣпленные редуты, защищаемые артиллеріей и пѣхотой (Гусары Мадатова подъ Шумлой).

Однимъ изъ наиболѣе славныхъ дѣлъ нашей конницы въ кампа-

---

1) Ружьями въ описываемую эпоху — были вооружены только драгуны, уланы же и гусары не имѣли таковыхъ.

нію 1828 — 1829 г. было сраженіе подъ крѣпостью Шумлой 31-го мая 1928 г. Послѣ боя 3-го мая у деревни Кулевичи, завершившагося побѣдой нашихъ войскъ, разбитая непріятельская армія, отдѣльными отрядами отходила къ Балканамъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ спѣшилъ укрыться въ крѣпости Шумла. Для воспрепятствованію его маневру былъ посланъ къ Марашу отрядъ генерала Рота, двинувшійся по тремъ дорогамъ. Въ правофланговой и ближайшей къ Шумлѣ колоннѣ пошла 3-я Гусарская дивизія въ составѣ 3-хъ полковъ: 1-ой бригады «Ахтырскаго» и «Александрійскаго» и 2-ой бригады полка «Принца Оранскаго» (Бѣлорусскій [2]) и 4 орудій Конно-Артиллерійской роты № 6. Дивизія шла подъ командой своего начальника знаменитаго генерала князя Валеріана Григорьевича Мадатова, который еще въ чинѣ полковника получилъ орденъ Св. Георгія 3-ей степени, въ рядахъ своего же «безсмертнаго» Александрійскаго полка. [3])

Комендантъ крѣпости Шумлы, намѣреваясь остановить движеніе нашихъ гусаръ и тѣмъ дать возможность, спасшимся отъ Кулевченскаго пораженія туркамъ соединиться съ гарнизономъ, выслалъ къ мѣстечку Эски-Стамбулъ свою кавалерію, въ числѣ 3.000 коней, которая выйдя изъ крѣпости и развернувшись на высотахъ, построилась, угрожая своимъ численнымъ превосходствомъ правому флангу гусаръ и прикрывая два редута и два пѣхотныхъ лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ въ долинѣ, а другой на возвышеніяхъ.

Князь Мадатовъ, подойдя со своей колонной къ мѣстечку Эски-Стамбулъ и мгновенно учтя обстановку, вѣрный Суворовскимъ завѣтамъ «впередъ» и «нападай первымъ», — вынесся впередъ на своей любимой, извѣстной вороной кобылѣ «Ханьша», развернулъ дивизію въ двѣ линіи — въ первой «Александрійцы» и гусары «Принца Оранскаго», имѣя въ интервалѣ 4 орудія 6-ой Конно-Артиллерійской роты, и во второй (въ резервѣ) «Ахтырцы», и немедленно же атаковалъ турецкую кавалерію.

Видя, какъ всегда впереди, своего любимаго лихого начальника, дружно и грозно ринулась первая линія. Турецкая кавалерія, не выдержавъ стремительнаго удара, была опрокинута, смѣшалась и обратилась въ бѣгство.

Въ быстрой погонѣ за нею, первая линія гусаръ ,бѣшено пронесясь между редутами, на хвосту бѣгущихъ, ворвалась въ ближайшій пѣхотный лагерь, въ которомъ турецкіе кавалеристы тщетно искали спасенія. Такое безумно-смѣлое и неожиданное появленіе гусаръ въ самомъ лагерѣ произвело ошеломляющее дѣйствіе на захваченную врасплохъ пѣхоту; нападеніе было столь смѣло, такъ увлекателенъ былъ примѣръ начальника дивизіи, котораго природа одарила всѣми

---

[2]) Второй полкъ 2-ой бригады — полкъ «Князя Витгенштейна» былъ въ отдѣлѣ — въ Праводахъ.

[3]) Въ Отечественную войну, за сраженіе подъ Калишемъ, гдѣ онъ своей отважной атакой заставилъ Саксонскаго генерала Ностица положить оружіе со всѣмъ его отрядомъ.

достоинствами отмѣннаго кавалерійскаго генерала, что турецкая пѣхота, не успѣвъ построиться и оказать сопротивленіе, была изрублена между палатками и во рвахъ своего лагеря. Уцѣлѣвшіе бросились въ неудержимо-паническомъ бѣгствѣ, ища спасенія въ другомъ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, изъ котораго, видя разгромъ своей конницы и пѣхоты, навстрѣчу гусарамъ спѣшила свѣжая пѣхотная колонна.

Но порывъ конницы еще не остановился, и князь Мадатовъ, зорко слѣдившій за обстановкой, быстрымъ поворотомъ направо, на карьерѣ перемѣнивъ фронтъ, врубился и въ эту колонну. Колонна была смята, повернула обратно и тщетно пыталась найти спасеніе въ крѣпости, но достичь ея гусары не допустили и колонна была изрублена ихъ саблями. После сраженія было очищено отъ непріятеля, передъ гусарами высились неприступныя стѣны крѣпости, а въ тылу ихъ грозно стояли два редута; редуты по тому времени значительные, постройки старательной долговременной профили, съ глубокими рвами, съ дерновою одеждою, защищаемые одинъ 3-мя, а другой 2-я орудіями, съ надежнымъ гарнизономъ.

Вдругъ совершенно неожиданно, изъ-за одного изъ редутовъ въ тылу гусаръ появился какой-то уцѣлѣвшій турецкій кавалерійскій отрядъ и спѣшно пробирался, надѣясь укрыться въ крѣпости. Князь Мадатовъ тотчасъ же бросилъ на него первый дивизіонъ Александрійцевъ подъ командой доблестнаго командира № 2-го эскадрона ротмистра Дарагана, который во мгновеніе ока атаковалъ его и опрокинулъ съ перваго удара.

Бѣшено преслѣдуя и рубя мчавшихся въ безпорядкѣ турокъ, среди лязга сабель, криковъ «ура», конскаго топота, сплошной пыли, поднявшейся отъ скачки многихъ коней, дивизіонъ неожиданно подлетѣлъ къ редуту, который встрѣтилъ его картечнымъ залпомъ.

Атаковать редутъ конницею — было дѣло неслыханное, успѣхъ казался новозможнымъ, но князь Мадатовъ воспиталъ своихъ «безсмертныхъ» къ предпріятіямъ смѣлымъ. Грозныя стѣны редута, посылающаго картечные залпы — мѣшали движенію впередъ; ни секунды не задумавшись, лихой командиръ дивизіона, принялъ казалось бы безумное рѣшеніе: съ карьера спѣшилъ своихъ гусаръ и атаковалъ редутъ. Уже порѣдѣвшіе въ предыдущихъ схваткахъ, ослабленный коноводами, дивизіонъ «Александрійцевъ» бросилъ пики коноводамъ и *съ одними саблями въ рукахъ,* имѣя впереди своего храбраго командира и всѣхъ г.г. офицеровъ, бросился на редутъ, не взирая на бѣшеный ружейный огонь и картечь 3-хъ орудій. Малая числомъ, но великая духомъ горсть Александрійцевъ съ безпримѣрной неустрашимостью взлетѣла на валы и лавиной обрушилась во внутренность редута.

Доблестный гарнизонъ редута бросился навстрѣчу гусарамъ и произошла упорная кровавая сѣча. Первый, вскочившій на валы редута, молодецкій командиръ дивизіона ротмистръ Дараганъ палъ сраженный ятаганомъ въ голову и пулей въ сердце, но и умирая, не преминулъ указать рукой на турецкія орудія, подбѣжавшему къ нему съ нѣсколькими гусарами, поручику Муратову. Слѣдуя приказу умирающа-

го командира, поручикъ Муратовъ принялъ команду надъ своимъ эскадрономъ и съ крикомъ «за мной», «впередъ второй», повелъ своихъ гусаръ на орудія, но пораженный пулей въ грудь палъ замертво.

Александрійцы, потерявъ сразу двоихъ своихъ любимыхъ доблестныхъ офицеровъ, горя местью, неустрашимо бросились на турокъ, которые стойко встрѣтили ударъ и дрались какъ львы.

Въ это время князь Мадатовъ, прискакалъ ко рву редута, и зная языкъ турокъ, предложилъ почетную сдачу храброму гарнизону. Вмѣсто отвѣта, турки осыпали его градомъ пуль, но еще не судилъ Богъ пасть храбрецу отъ пули непріятельской.

Въ самомъ редутѣ продолжалась кровавая схватка, въ которой при захватѣ 3-хъ орудій, у самыхъ ихъ жерлъ, пали смертью храбрыхъ, изрубленные ятаганами — поручикъ Фон-Шемель, штабсъ-ротмистръ фонъ-деръ Бригенъ 1-ый и его младшій братъ корнетъ фонъ-деръ Бригенъ 3-ій и съ ними не мало гусаръ.

Несмотря на громадныя потери гусаръ — успѣхъ былъ полный: 3 орудія взяты, остатки гарнизона, оттѣсненные къ казематамъ быстро таяли отъ гусарскихъ сабель ,но Александрійцы, потерявшіе почти всѣхъ своихъ офицеровъ и болѣе половины состава, рубились изъ послѣднихъ силъ.

Въ это время, посланный генераломъ Ротомъ, батальонъ молодцовъ егерей 22 полка, бѣглымъ шагомъ подоспѣлъ къ редуту. Гусары, видя поддержку, съ новыми силами обрушились на турокъ и послѣдніе остатки гарнизона были прикончены саблями гусаръ совмѣстно со штыками егерей. Храбрый гарнизонъ редута легъ до послѣдняго человѣка, не прося и не принимая пощады.

Другой редутъ былъ лихо атакованъ и взятъ Ахтырцами, овладѣвшими при этомъ 2-мя орудіями.

Отмѣнно поработалъ въ конныхъ атакахъ на турецкую кавалерію и пѣхоту и полкъ «Принца Оранскаго».

Оба славные полка были награждены за эту атаку въ лицѣ своихъ командировъ «Ахтырскаго» полковника Нечволодова и «Принца Оранскаго» полковника Плаутина орденами Св. Георгія 4-й степени.

Въ это время, когда 1-ый дивизіонъ Александрійскаго полка овладѣвалъ редутомъ, остальные его 4 эскадрона, имѣя впереди, своего командира полка Алексѣя Захарьевича Муравьева, лихими конными атаками опрокидывали и сметали все, что уцѣлѣло еще во 2-омъ укрѣпленномъ пѣхотномъ лагерѣ, догоняли, рубили и брали въ плѣнъ все, что разсѣялось въ полѣ и не успѣло укрыться въ стѣнахъ самой крѣпости Шумлы.

Много отдѣльныхъ подвиговъ гусаръ было въ этихъ атакахъ. Такъ въ одной изъ нихъ унтеръ-офицеръ № 3-го эскадрона Картамышевъ, съ горстью гусаръ, врубился въ отборную охрану самого паши и отбилъ его знамя.

Данная князю Мадатову задача была блестяще выполнена: не только Кулевченскіе турецкіе отряды не добрались до Шумлы, но сама крѣпость лишилась 2-хъ редутовъ, 2-хъ укрѣпленныхъ пѣхотныхъ

лагерей, съ ихъ гарнизонами и всей своей кавалеріи. Еще разъ нанесенъ былъ туркамъ ударъ жестокій и рѣшительный.

Трофеями этого блистательнаго дѣла были 5 орудій, изъ которыхъ 3 были взяты Александрійцами и 14 знаменъ. Потери турокъ убитыми и взятыми въ плѣнъ были велики, но тяжелы были потери и Александрійцевъ: кромѣ 2-хъ офицеровъ, убитыхъ на валахъ редута и троихъ, павшихъ въ рукопашномъ бою въ самомъ редутѣ, полкъ потерялъ смертельно раненымъ, при атакѣ на пѣхотный лагерь и послѣдняго изъ доблестныхъ братьевъ Бригеновъ, штабсъ-ротмистра фонъ-деръ Бригена 2-го, итого убитыми офицеровъ 6 и гусаръ 86, ранеными гусаръ 139, лошадей убито 29 и ранено 43, т. е. изъ полка въ этомъ дѣлѣ выбыла почти треть его состава.

Извѣстный историкъ, — Генеральнаго Штаба, Генералъ-Майоръ Марковъ, описывая сраженіе 31-го мая 1820 года у Эски-Стамбула около крѣпости Шумлы, такъ характеризуетъ дѣйствія Александрійцевъ и ихъ начальника дивизіи князя В. Г. Мадатова (коренного Александрійца и ихъ бывш. командира полка): «Это кавалерійское дѣло, одно изъ блистательнѣйшихъ, какія только встрѣчаются въ военныхъ лѣтописяхъ. Его одного достаточно для славы князя Мадатова: оно показало не только его храбрость и умѣнье руководить конницею, но и необычайное его вліяніе на духъ подчиненныхъ. Въ военной исторіи мало найдется примѣровъ, гдѣ бы гусары, съ саблями въ рукахъ взяли укрѣпленный лагерь, защищаемый пѣхотою и редуты съ артиллеріей. Спѣшенные Александрійцы съ безпримѣрнымъ мужествомъ вошли на валы редутовъ и трое храбрыхъ офицеровъ этого полка пали въ рукопашномъ бою, въ самыхъ укрѣпленіяхъ».

Главнокомандующій Русскою Арміею на Дунаѣ генералъ графъ Дибичъ такъ пишетъ въ своемъ донесеніи на Высочайшее Имя объ этомъ дѣлѣ: «Князь Мадатовъ былъ вездѣ первый, указывая путь къ побѣдѣ, примѣру его слѣдовали всѣ его подчиненные».

Самъ князь Мадатовъ по окончаніи этого славнаго дѣла обратился къ своему родному Александрійскому полку со слѣдующими словами: «Я зналъ, что Александрійцы покажутъ себя героями. Горжусь друзья, вами. Горжусь, что ношу вашъ мундиръ и радуюсь, что вы порадовали Царя небывалой побѣдой, а туркамъ показали, что можетъ сдѣлать — храбрый русскій солдатъ».

Высочайшій рескриптъ 1829 года 8 іюля мѣсяца гласитъ: «И небывалое бываетъ, — примѣра же другого подобнаго дѣла военная исторія не знаетъ; геройское дѣло удостаивается и особыхъ наградъ».

Князь Мадатовъ «за примѣрное мужество, храбрость и неустрашимость» (слова того же рескрипта) былъ пожалованъ Орденомъ Александра Невскаго. [4]).

Командиръ полка полковникъ Муравьевъ получилъ «Георгія 3-ой степени» и вскорѣ былъ произведенъ въ генералы.

---

[4]) Святой Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій — Патронъ полка.

Надо замѣтить, что эти царскія награды генералу князю Мадатову и полковнику Муравьеву были внѣ всякихъ правилъ и примѣровъ.

Полкъ получилъ «Георгіевскіе штандарты», а гусары по 5 знаковъ отличія Военнаго ордена на эскадронъ и по 5 рублей на человѣка.

Такъ 100 лѣтъ тому назадъ наши предки, не щадя своей жизни, силой своего духа крѣпили славу и мощь Своего Царя и Великой Державы Госсійской.

Незримо блюдетъ насъ ,а въ этотъ день годовщины славнаго боя у крѣпости Шумлы 31-го мая, и особо благословляетъ насъ съ небесъ постоять за многострадальную Русь по примѣрамъ и завѣтамъ дѣдовскимъ — Нашъ Шефъ Святая Мученица Царица.

«Вспомянемъ вѣковой тризной
«Наши честные бои
«И положимъ за Отчизну
«Братья, головы свои».

И. Кудряшевъ.

Харбинъ.

***

Членъ Союза полковникъ Богдановичъ, начальникъ состоящей подъ покровительствомъ Великаго Князя Александра Михайловича національной организаціи Русскихъ Скаутовъ во Франціи, получилъ слѣдующую телеграмму:

«Полковнику Богдановичу.

Прошу передать Національной Организаціи Русскихъ Скаутовъ во Франціи и ихъ братьямъ въ Манджуріи мою сердечную благодарность за полученныя мною поздравленія и пожеланія ко дню Рождества, къ Новому Году и къ моему дню рожденія.

Принявъ подъ свое покровительство всѣ національныя Организаціи Русскихъ Скаутовъ, мнѣ пріятно поздравить инструкторовъ и близкихъ моему сердцу дѣтей съ праздникомъ Святой Пасхи и отъ души обратиться ко всѣмъ словами: «Христосъ Воскресе», словами, которыя для каждаго вѣрующаго должны быть полны утѣшенія въ томъ, что наша жизнь земная есть только предверіе къ жизни вѣчной.

Хочется вѣрить, что всѣ Русскіе, помнящіе Славу и Величіе Россіи, объединятся духовно со мною въ желаніи видѣть своихъ дѣтей Русскими, воспитанными въ славныхъ традиціяхъ, создавшихъ мощь и славу Россійскаго Государства, только временно поблекшихъ, благодаря непрекращающимся раздорамъ среди Русскихъ людей заграницей, ставящимъ интересы партій выше интересовъ изстрадавшейся Родины.

Нашъ лозунгъ есть: «Будь готовъ во имя Россіи сильной духомъ любви Христовой».

Великій Князь
АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

29 іюня 1929 г. — Парижъ».

⁂

Членъ Союза поручикъ В. Ткачевъ, пріѣхавъ изъ Африки въ Парижъ, сообщаетъ:

«Моя послѣдняя поѣздка въ Экваторіальную Африку позволила мнѣ близко познакомиться съ мѣстными условіями и жизнью русскихъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣчать повсюду.

Очень недурно устроились наши сотечественники въ Бельгійскомъ Конго. Молодая колнія развивается съ лихорадочной быстротой: торговля, промышленность, широкая сѣть плантацій и хорошо налаженное рѣчное судоходство даютъ возможность устроиться лицамъ разныхъ спеціальностей или просто владѣющимъ французскимъ языкомъ.

Здѣсь много морскихъ офицеровъ, въ качествѣ капитановъ и механиковъ рѣчныхъ пароходовъ и главнымъ образомъ гидрографовъ, которыми не богаты бельгійцы. Цѣлая группа ихъ плаваетъ на спеціальномъ суднѣ «Ласточка», около Бома, столицы Б. Конго.

Нѣсколько предпріимчивыхъ русскихъ являются собственниками кофейныхъ плантацій, а одинъ полковникъ за четыре года создалъ себѣ въ Леополдвиллѣ Самое большое фотографическое ателье.

Во Французскомъ Конго до тридцати русскихъ врачей, назначеніе которыхъ главнымъ образомъ борьба съ сонной болѣзнью. Большая часть ихъ разбросана по удаленнымъ отъ центровъ постамъ, въ дѣвственномъ лѣсу среди негритянскаго населенія. Съ ихъ косностью бороться труднѣе, чѣмъ съ самыми губительными болѣзнями. Нѣсколько русскихъ работаютъ въ качествѣ инженеровъ на постройкѣ ж.-д. Конго — Океанъ. Оклады здѣсь значительно ниже, чѣмъ въ Бельгійскомъ Конго.

Встрѣчалъ я также русскихъ въ Габонѣ, представляющемъ сплошной тропическій лѣсъ, съ непроходимыми болотами и многоводными рѣками и лагунами, служащими единственными путями сообщенія. Здѣсь возможны лишь лѣсныя эксплоатаціи, разбросанныя на сотни километровъ, въ чрезвычайно нездоровыхъ условіяхъ.

Наконецъ, въ Камерунѣ, бывш. нѣмецкой колоніи, нынѣ французской, богатой экономическими рессурсами, нѣсколько русскихъ работаютъ въ качествѣ торговыхъ агентовъ въ крупныхъ французскихъ и иностранныхъ фирмахъ.

Характерно отмѣтить, что побывавшихъ разъ въ колніяхъ и дающихъ себѣ слово не возвращаться больше «въ эти погибельныя мѣста» тянутъ снова съ неудержимой силой солнце, колоритная обстановка, широкая жизнь.

Несмотря на многія заманчивыя стороны колоніальной жизни не нужно закрывать глаза и на оборотную сторону медали: изнурительная жара, разрушающій здоровье климатъ, постоянный рискъ ужасныхъ

тропическихъ болѣзней, полное отсутствіе духовной жизни. Все это необходимо взвѣсить прежде чѣмъ принимать соблазнительныя условія.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ, не могу не подѣлиться однимъ характернымъ фактомъ. На обратномъ пути въ Европу я хотѣлъ воспользоваться дневной стоянкой въ Казабланкѣ, чтобы осмотрѣть «бѣлый городъ». Съ Нансеновскимъ паспортомъ мнѣ не разрѣшаютъ сойти на берегъ: для русскихъ нужно спеціальное разрѣшеніе ген.-губернатора Марокко.

— Ничего не подѣлаешь, заявляетъ мнѣ чиновникъ.

Предъявляю свою членскую карточку комбатанта. Разрѣшеніе дается немедленно!

***

9 іюня членъ союза, поэтъ, полк. кн. Ф. Н. Касаткинъ-Ростовскій, праздновалъ 35-лѣтіе своей литературной дѣятельности. Чествованіе юбиляра носило исключительно сердечный характеръ. Выступилъ рядъ делегацій съ привѣтствіями: генералы Баратовъ и Чекатовскій отъ союза инвалидовъ, полковникъ Подчертковъ отъ однополчанъ - семеновцевъ, полковникъ Колотинскій отъ Союза Офицеровъ участниковъ войны, генералъ Доманевскій и полковникъ Беръ отъ пажей, затѣмъ были депутаціи отъ союза дворянъ, артистовъ, квартета Кедровыхъ и др. Кромѣ того, былъ полученъ рядъ письменныхъ привѣтствій: от ген. П. Н. Краснова, И. С. Шмелева, Е. Н. Рощиной-Инсаровой, Мозжухина, В. Н. Лодыженскаго, редакціи журнала «Часовой» и многихъ другихъ. Весь вечеръ былъ посвященъ произведеніямъ кн. Касаткина-Ростовскаго. Самъ юбиляръ съ обычнымъ мастерствомъ прочиталъ цѣлый рядъ своихъ старыхъ и новыхъ, только что написанныхъ, талантливыхъ стихотвореній, произведшихъ сильнѣйшее впечатлѣніе на собравшихся. Не говоря о красотѣ языка, почти всѣ они намъ особенно дороги, такъ какъ проникнуты безпредѣльной любовью къ Родинѣ и арміи.

Скорбный листокъ

† Герцогъ Г. Н. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ

В своемъ родовомъ замкѣ Зееонъ, въ Баваріи, 9 августа, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій.

Покойный герцогъ былъ одновременно правнукомъ Императора Николая I-го по женской линіи и Евгенія Богарнэ, пасынка Наполеона, такъ какъ дочь Императора Николая I-го, Великая Княжна Марія Николаевна вышла замужъ въ 1839 году за герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, сына Евгенія Богарнэ. Отцомъ покойнаго герцога былъ Его Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

Герцогъ Георгій Николаевичъ родился въ 1872-мъ году и 18-лѣтнимъ поступилъ вольноопредѣляющимся Л. Гв. въ Конный полкъ. Вплоть до революціи герцогъ служилъ въ конной гвардіи, состоя во время войны при Главнокомандующем Юго - Западнымъ фронтомъ, сначала ген. ад. Ивановѣ, а потомъ ген. Брусиловѣ.

Послѣ революціи, во время гетманства, покойный герцогъ принималъ большое участіе въ созданіи Южной арміи, во главѣ которой долженъ былъ стать ген. ад. Ивановъ.

Послѣ паденія гетмана, герцогъ переѣхалъ въ замокъ Зееонъ, въ Баварію, и до самой кончины принималъ самое горячее участіе въ антибольшевистской борьбѣ.

Прекрасно образованный, высоко культурный человѣкъ и пламенный русскій патріотъ, герцогъ былъ истиннымъ благороднымъ рыцаремъ, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Учитывая исключительное значеніе хорошей русской книги за рубежомъ, герцогъ принималъ участіе въ организаціи цѣлаго ряда національныхъ издательствъ, какъ это: «Дѣтинецъ», «Мѣдный Всадникъ» и др.

† Генералъ-лейтенантъ П. К. КОНДЗЕРОВСКІЙ

17-го августа, въ Парижѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался Генеральнаго Штаба, генералъ - лейтенантъ Петръ Константиновичъ Кондзеровскій. Покойный началъ службу Л. Гв. въ Егерскомъ полку и, по окончаніи академіи Генеральнаго Штаба, занималъ передъ войной должность дежурнаго генерала. Съ началомъ большой войны покойный былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при Верховномъ Главнокомандующемъ и въ продолженіи всей войны неутомимо работалъ на своемъ крайне отвѣтственномъ и трудномъ посту. Съ момента возглавленія національныхъ силъ за рубежемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, генералъ Кондзеровскій былъ призванъ Его Императорскимъ Высочествомъ къ работѣ, въ качествѣ одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Великаго Князя, и должности начальника канцеляріи до конца работалъ, не щадя своихъ силъ. Кромѣ того, покойный принималъ самое горячее участіе въ союзахъ: ревнителей памяти Императора Николая Второго, родного полкового — Лейбъ-Егерей, Генеральнаго Штаба и др.

---

† Генералъ-лейтенантъ Я. Д. ЮЗЕФОВИЧЪ

Послѣ тяжелой болѣзни въ Польшѣ скончался Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Яковъ Давыдовичъ Юзефовичъ.

По окончаніи Полоцкаго кадетскаго корпуса и Михайловскаго артиллерійскаго училища покойный началъ службу въ 7-ой конной батареѣ. Послѣ Академіи Генеральнаго Штаба и русско-японской войны служба генерала Юзефовича протекала въ Варшавскомъ военномъ округѣ, откуда онъ и былъ призванъ съ началомъ войны, въ 1914 г., на отвѣтственную должность начальника штаба Туземной дивизіи Великаго Князя Михаила Александровича, а затѣмъ коннаго корпуса. На этихъ должностяхъ покойный получилъ орд. Св. Георія и георгіевское оружіе.

Послѣ революціи генералъ Юзефовичъ короткое время командовалъ кавалерійской дивизіей, корпусомъ и былъ генералъ квартирмейстеромъ ставки. Во время борьбы съ большевиками генералъ Юзефовичъ былъ на югѣ, начальникомъ штаба Кавказской арміи во время взятія Царицына, потомъ командиромъ кавалерійскаго корпуса и, наконецъ, въ Крыму инспекторомъ конницы.

Богато одаренный и прекрасно образованный, покойный Яковъ Давыдовичъ былъ на рѣдкость хорошій и сердечный человѣкъ и всегда пользовался исключительнымъ уваженіемъ и любовью сослуживцевъ и подчиненныхъ.

---

† Полковникъ В. С. НАРБУТЪ

Покойный В. С. Нарбутъ родился въ 1872 году и по окончаніи Алексѣевскаго военнаго училища, въ 1893 году былъ произведенъ въ офицеры, въ 4 финл. стр. полкъ. Въ 1912 году покойный былъ коман-

дированъ во Францію для ознакомленія съ условіями службы во французской арміи, какъ выдающійся строевой офицеръ и отлично владѣющій французскимъ языкомъ. Въ 1914 году, В. С. Нарбутъ въ чинѣ подполковника выступилъ съ 3 фин. стр. полкомъ на войну. Въ 1915 году покойному было поручено формированіе 5-го особаго полка, во главѣ котораго онъ и прибылъ во Францію.

Блестящія дѣйствія полка въ Шампани дали доблестному командиру, полковнику Нарбуту, Георгіевское оружіе, французскій военный крестъ съ пальмой и орденъ Почетнаго Легіона.

Храбрый, спокойный и исключительно тактичный, покойный былъ всегда горячо любимъ своими подчиненными, видѣвшими въ немъ твердаго, заботливаго командира. Полковникъ Нарбутъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ работниковъ по созданію во Франціи Союза Офицеровъ, Участниковъ Войны, и по его инціативѣ образовался Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны на французскомъ фронтѣ.

---

† Полковникъ Б. Л. НЕЛИДОВЪ

Въ франко - русскомъ госпиталѣ въ Виль Жюивъ скончался Л. Гв. Московскаго полка полковникъ Борисъ Леонтьевичъ Нелидовъ, Въ самомъ началѣ большой войны покойный былъ тяжело раненъ, и съ тѣхъ поръ, въ продолженіи 15 лѣтъ, жизнь была для него сплошнымъ мученіемъ, т. к. раны не заживали, гноились, и покойный невѣроятно страдалъ, съ рѣдкой кротостью и спокойствіемъ перенося боли. Похороненъ полковникъ Нелидовъ на кладбищѣ русскаго дома въ S-te Géneviève

Принимается подписка на «ВѢСТНИКЪ». Цѣна номера 2 франка съ пересылкой 2 фр. 50 сант.

Переписку по дѣламъ редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза.

Union des officiers russes, 35, rue de Sèvres, Paris VII.

Le gérant : M. Boivent

Imp. de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves. 32, rue de Menilmontant

№ 6.

Оглавленіе

Преступное похищеніе генерала А. П. Кутепова. *Кн. Косаткинъ-Ростовскій* — «Неизвѣстный герой», стих. *Изъ жизни Союза.* — *А. П.* — У Лейбъ Казаковъ. *П. Ставицкій* — Замѣтки по военно-инженерному дѣлу. Камуфляжъ. *Полковникъ Колотинскій* — Стрѣлки Императорской Фамиліи. 1854-1929 г.г., памятка. *А. Черечукинъ* — Замѣтки объ авіаціи. *Е. фонъ-Шильдкнехтъ* — Четвертое измѣреніе. Скорбный листокъ.

ПРИКАЗЪ ПО ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

27-го января 1930 г.

26-го января генералъ Кутеповъ въ 10½ часовъ утра вышелъ изъ дому и болѣе не возвращался къ себѣ.

Въ виду безвѣстнаго отсутствія предсѣдателя Русскаго Обще-Воинскаго Союза генерала отъ инфантеріи Кутепова, я, какъ старшій замѣститель его, вступилъ въ должность предсѣдателя Русскаго Обще-Воинскаго Союза.

Генералъ-лейтенантъ **Миллеръ**

Генералъ отъ инфантеріи Кутеповъ, предсѣдатель Обще-Воинскаго Союза, ставшій послѣ кончины Великаго Князя во главѣ всѣхъ зарубежныхъ русскихъ воинскихъ организацій, естественно былъ самымъ опаснѣйшимъ врагомъ большевиковъ.

Русскій Обще-Воинскій Союзъ, несмотря на всѣ происки большевиковъ и ихъ попытки его расколоть, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе крѣпъ и объединялъ десятки тысячъ русскихъ патріотовъ, разбросанныхъ по всему свѣту, готовыхъ въ любую минуту идти по приказу начальника.

Авторитетъ генерала Кутепова былъ въ послѣднее время исключителенъ, и имя его пріобрѣтало постепенно и въ самой Россіи все большую извѣстность и популярность.

Учитывая исключительное значеніе имени генерала Кутепова, большевики рѣшились на крайнюю мѣру — устранить ненавистнаго имъ предсѣдателя самой опасной для нихъ эмигрантской организаціи. Каиново дѣло выполнено. Генералъ Кутеповъ таинственно исчезъ, но теперь уже никто не сомнѣвается, что это дѣло большевиковъ, способныхъ на любыя злодѣянія и преступленія для уничтоженія ихъ враговъ.

Будемъ молить Бога о спасеніи генерала Кутепова и надѣяться, что энергичныя мѣры, принятыя французскими властями, горячо взявшимися за это дѣло, дадутъ результаты.

Твердо вѣря въ правоту и святость нашей идеи и въ ея конечную побѣду, наши воинскія организаціи будутъ по прежнему жить и неутомимо работать, не взирая на тяжкія потрясенія и удары, которые дол-

жны лишь еще болѣе насъ всѣхъ сплотить, закалить и убѣдить въ томъ, какую исключительную силу представляютъ наши организаціи, объединенныя въ единый воинскій союзъ, крѣпко спаянный добровольной дисциплиной.

ОБРАЩЕНІЕ КОМИТЕТА ПО СБОРУ СРЕДСТВЪ НА ВЕДЕНІЕ ДѢЛА ПО РОЗЫСКУ ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА

Похищеніе генерала Кутепова глубоко взволновало самые широкіе круги русской эмиграціи, самымъ живѣйшимъ образомъ заинтересованные въ раскрытіи совершеннаго злодѣянія.

На веденіе дѣла по розыску генерала Кутепова требуются деньги, нужныя также и для объявленія денежныхъ выдачъ лицамъ, могущимъ дать свѣдѣнія для раскрытія преступленія.

Комитетъ обращается ко всѣмъ съ горячимъ призывомъ единовременнымъ взносомъ и сборомъ средствъ придти на помощь въ раскрытіи совершеннаго преступленія.

Деньги въ любой валютѣ надлежитъ направлять по одному изъ адресовъ, согласно прилагаемаго списка.

Кромѣ того, можно вносить деньги по подписнымъ листамъ, скрѣпленнымъ подписями предсѣдателя и секретаря Комитета.

Комитетъ по сбору средствъ на веденіе дѣла по розыску генерала Кутепова выражаетъ увѣренность, что имѣющіеся въ разныхъ странахъ русскаго разсѣянія отдѣлы Комитета Фонда Спасенія Родины, уполномоченные и отдѣльные сборщики названнаго Комитета, а также редакціи русскихъ газетъ — не откажутъ открыть сборъ средствъ для веденія дѣла.

Предсѣдатель Комитета, генералъ-лейтенантъ **Миллеръ**

Секретарь князь **С. Е. Трубецкой**

Парижъ, 31-го января 1930 г.

Адреса, по которымъ Комитетъ по сбору средствъ на веденіе дѣла по розыску генерала А. П. Кутепова проситъ направлять деньги:

Канцелярія Союза — 35, рю де Севръ; редакціи газетъ: «Возрожденіе» — 2, рю де Сезъ, Парижъ (9); «Послѣднія Новости» — 51, рю де Тюрбиго, Парижъ (3); «Россія и Славянство» — 9, рю Ле Гофъ, Парижъ (5); «Редакція журнала «Часовой» — 6, рю Каннебіеръ, Парижъ (12); генералъ-лейтенантъ Миллеръ Е. К. — 6, рю де Ренаръ, Парижъ (4); генералъ отъ кавалеріи Шатиловъ П. Н. — 19, рю дю Шмэнъ Веръ, Курбевуа (Сенъ); полковникъ Зайцовъ А. А. — 153, рю де Вожираръ, Парижъ (15), вице-адмиралъ Кедровъ — 13, рю Першамъ, Парижъ (16); Крупенскій А. Н. — 1, рю де Мессинъ, Парижъ (8); генералъ-лейтенантъ Репьевъ — 81, рю Мадмуазель, Парижъ (15); генералъ-лейтенантъ Хольмсенъ — 6, рю Каннебіеръ, Парижъ (12); Хрипуновъ А. С. — 50, рю дю Женераль Фуа, Парижъ

(8); генералъ-маiоръ Чекотовскiй И. И. — 129, бульваръ де Греннель, Парижъ (15); князь С. Е. Трубецкой — г. Асмоловъ для кн. Трубецкого — 20, рю де Кармъ, Парижъ (5); Всероссiйскiй Земскiй Союзъ — Унiонъ де Земство Рюссъ — 12, рю Бланшъ, Парижъ (9).

Комитетъ по сбору средствъ на веденiе дѣла по розыску генерала Кутепова объявляетъ, что первое лицо, давшее слѣдственнымъ властямъ матерiалъ, который позволитъ раскрыть преступленiе по похищенiю генерала Кутепова и его найти — получитъ премiю въ *сто тысячъ франковъ*.

Неизвѣстный герой

Ночь, какъ день... Въ шумихѣ безпечальной
Весь Парижъ веселiемъ объятъ,
У колоннъ, подъ Аркой Трiумфальной,
Листья лавра тихо шелестятъ.
Перевиты лентами красиво
Говорятъ вѣнки во тьмѣ ночной:
«Здѣсь, потомкамъ Францiи на диво
Схороненъ «Невѣдомый Герой».
Символъ гордый чести и страданья
Онъ, заснувъ въ могильной тишинѣ,
Пробуждаетъ спящее сознанье,
Говоритъ о мирѣ и войнѣ,
О страданьяхъ незажившей раны,
О любви къ народу своему» . . .

Полночь бьетъ. . . Спускаются туманы,
Городъ весь закутался во тьму. . .
И, внемля велѣнiю призыва,
Слыша звукъ фанфары боевой,
Сбросивъ камень, гордо, молчаливо,
Вдругъ встаетъ «Невѣдомый Герой». —
Онъ зоветъ! И на призывъ глубокiй,
Прилетая изъ нѣмой дали,
Собираются, лежащiе глубоко,
«Неизвѣстные» герои изъ земли. . .
Изъ всѣхъ странъ, украшены цвѣтами,
Горды, смѣлы, какъ въ былые дни,
Въ формахъ пестрыхъ, въ лентахъ, съ орденами,
Собираются подъ Аркою они.
Ихъ герой встрѣчаетъ Неизвѣстный:
«Ты откуда?». . . — «Палъ я у Арденъ!».
«Англичанинъ?». — «Да, мы дрались честно».
«Ты?». — «Бельгiецъ, защищалъ Лувенъ». . ,

«Кто ты тамъ?» — «Солдатъ я австралійскій»...
«Ты, другой?». — «Я Сербіи юнакъ;
Рядомъ здѣсь стрѣлокъ синегалійскій,
И индусъ, погибшій въ дни атакъ,
Итальянецъ, бурый негръ французскій»..
«Всѣ ли мы?.. — Сберемся на совѣтъ!»

«Кто ты?.. — жалкій... въ рубище одѣтъ!..»
«Я незванный!.. Я забытый... — Русскій!»

Онъ въ лохмотьяхъ предъ нѣмой толпой,
И во тьмѣ сгустившейся, туманной,
Раздается съ жуткою тоской,
Голосъ звучный, горестный и странный:
«Въ дни, когда останковъ вашихъ рядъ
Хоронили разные народы,
Отвернулся побѣдившихъ взглядъ
Отъ того, что было въ эти годы;
Ваши страны взяли плодъ побѣдъ,
Жизнь идетъ въ веселіи и златѣ,
Пусть еще не пробилъ часъ расплаты,
Я пришелъ спросить у васъ отвѣтъ!..
Я — Народъ!.. Не тысячи — милліоны
«Неизвѣстныхъ» Русскихъ полегло,
Чтобъ спасти отъ Прусской васъ короны,
Чтобъ ввести васъ въ прежнее русло!
Сколько разъ, въ борьбѣ изнемогая,
Безъ снарядовъ, я, чтобъ васъ спасти,
Шелъ на бой, потери не считая!..
Почему-жъ теперь я не въ чести?
Вашъ Парижъ спасенъ *моей* рукою:
Въ часъ, когда вашъ врагъ былъ у воротъ,
Я, услышавъ Вашъ призывъ душою,
Умирая, жертвовалъ собою
　　У озеръ Мазурскихъ и болотъ!
Въ дни Вердена, съ мужествомъ примѣрнымъ,
На себя я влекъ враговъ, какъ встарь,
И на смерть, чтобъ только быть вамъ вѣрнымъ,
　　Какъ солдатъ, пошелъ нашъ Русскій Царь!
Почему-жъ, побѣды прославляя,
Міръ не слышитъ, въ яркомъ блескѣ дня,
Какъ разбойникъ, сердце мнѣ терзая,
Все святое отнялъ у меня,
Какъ въ цѣпяхъ, въ страданіяхъ, голодный,
Васъ спасавшій, Русскій нашъ народъ,
Истомленный грустью безысходной,
Вашу помощь нравственную ждетъ!

Но Европа, съ жестами Пилата,
Отвернулась праздничной толпой
Отъ того, кто за нее когда-то
Съ вами шелъ героями на бой...
И, когда живымъ не слышны стоны
Тѣхъ людей, что *вашъ* покой спасли,
Встаньте *вы!*.. Вѣдь, тысячи, милльоны
Русскихъ тѣлъ въ бояхъ за *васъ* легли;
Да, легли, съ надеждою и вѣрой
Въ вашу честность, честь, не ждя похвалъ:
Подъ шинелью грязною и сѣрой,
Прежней чести свѣтъ не угасалъ!
И теперь я васъ зову къ отвѣту,
Васъ, заснувшихъ въ лентахъ и цвѣтахъ,
Вы должны повѣдать правду свѣту,
Милосердье пробудить въ сердцахъ,
Вновь зажечь огонь неугасимый
Благодарной правды и любви,
И спасти народъ, въ цѣпяхъ томимый,
И сказать склоненному: «Живи!»..

Спитъ Парижъ... Какъ волны океановъ,
Жизни шумъ гудитъ изъ всѣхъ дверей,
Джазовъ громъ звучитъ изъ ресторановъ,
Ярокъ свѣтъ безчисленныхъ огней;
И не слышенъ зовъ страданья дальнiй,
Лишь туманъ клубится пеленой
Тамъ, гдѣ спитъ безмолвный и печальный,
«Неизвѣстный» — Францiи Герой..

Кн. **Федоръ Косаткинъ-Ростовскiй**

Изъ жизни союза

Въ виду наступленiя Новаго Года, Правленiе Союза напоминаетъ своимъ членамъ кое-какiя свѣдѣнiя, необходимыя имъ для справокъ.

КАНЦЕЛЯРIЯ СОЮЗА ПОМѢЩАЕТСЯ:

Union des Officiers Russes, 35, rue de Sèvres - Paris (VII)
Станцiя метро: Сэвръ-Бабилонъ, или нордъ-зюдъ: Севръ.

Открыта: по воскресеньямъ — отъ 2 до 4; по вторникамъ — отъ 4 до 6; по средамъ — отъ 6 до 8; по пятницамъ — отъ 4 до 6 час.

При всѣхъ письменныхъ обращенiяхъ въ канцелярiю слѣдуетъ указывать свой адресъ, чинъ, фамилiю, № членской карточки и годъ ея выдачи.

ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКОЙ КАРТОЧКИ НА 1930-Й ГОДЪ

Производится въ пріемные дни и часы въ канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія, 15 франковъ. Члены Союза, проживающія внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинамъ не могущіе перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу: Union des Officiers Russes, 35, rue de Sèvres - Paris (VII) со вложеніемъ членскаго взноса и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. Въ простыхъ письмахъ деньги просятъ не посылать.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЧЛЕНАМЪ СОЮЗА

Оказывается юрисконсультомъ Союза присяжнымъ повѣреннымъ *Павломъ Алексѣевичемъ Соколовымъ;* нуждающимся въ этомъ членамъ Союза обращаться по средамъ отъ 6 час. веч. въ канцелярію Союза.

ЗАПИСЬ ВЪ СОЮЗЪ

Г.г. офицеры, желающіе записаться въ Союзъ, должны представить въ канцелярію свои офицерскіе документы, послѣ чего, заполнивъ опросный листъ, вернуть его въ канцелярію съ рекомендательными подписями 2-хъ членовъ Союза, состоящихъ въ немъ не менѣе 1 года, съ указаніемъ номеровъ ихъ членскихъ карточекъ и года выдачи, 15 фр. годового членскаго взноса, 2-хъ фотографій, а иногородніе, кромѣ того, и конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. По разсмотрѣніи опроснаго листа Пріемной Комиссіей и зачисленіи въ Союзъ выдается или высылается членская карточка, на которую наклеивается фотографическая карточка, проштемпелеванная печатью Союза.

Въ день рожденія въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, 14-27-го ноября, на гробъ Ея, въ усыпальницѣ Датской Королевской Семьи, прилегающей къ кафедральному собору въ г. Роскильде, былъ возложенъ отъ «Обще-Воинскаго Союза» серебряный вѣнокъ, перевитый національной лентой.

Вѣнокъ лежитъ на черной бархатной подушкѣ, обшитой серебрянымъ позументомъ съ кистями. Исполненный придворнымъ ювелиромъ Драгстедомъ, вѣнокъ весьма художественной работы, представляетъ собою двѣ дубовыя вѣтки, соединенныя внизу лентами: въ соединеніи — вензель Государыни на щиткѣ красной эмали, подъ Императорской короной.

На лентахъ, какъ серебряныхъ, такъ и національной, — надпись: «Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ» — «отъ Обще-Воинскаго Союза».

Церемонія возложенія вѣнка была возложена Предсѣдателемъ Обще-Воинскаго Союза генераломъ Кутеповымъ на проживающаго въ Даніи генералъ-лейтенанта Герцога М. Г. Мекленбургскаго, Предсѣдателя Союза Русскихъ Офицеровъ въ Даніи.

Его Высочество, въ сопровожденіи группы русскихъ офицеровъ въ 10 человѣкъ, отправился въ г. Роскильде, послѣ заупокойной литургіи и панихиды, отслуженной въ православной русской Александро-Невской церкви въ Копенгагенѣ. Для этой поѣздки въ распоряженіе Его Высочества были любезно предоставлены автомобили нѣкоторыми членами Датскаго Королевскаго Автомобильнаго Клуба.

У входа въ Соборъ депутація русскихъ офицеровъ, несшихъ вѣнокъ, была встрѣчена начальникомъ мѣстнаго гарнизона съ группой датскихъ офицеровъ въ парадной формѣ, при орденахъ, равно и нѣкоторыми представителями администраціи. Послѣ взаимнаго представленія, вѣнокъ былъ внесенъ въ Усыпальницу и положенъ на гробъ Государыни Императрицы.

У Лейбъ-Казаковъ

22-го декабря м. г. объединеніе Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка открыло въ Курбевуа, подъ Парижемъ, свое новое полковое собраніе и при немъ свой старый музей, недавно перевезенный изъ Бѣлграда. На открытіе были приглашены всѣ старшіе представители военныхъ организацій и всѣхъ гвардейскихъ полковыхъ объединеній. Собралось свыше 200 человѣкъ.

Прекрасный особнякъ. Громадная зала собраній, украшенная портретами Державныхъ Шефовъ полка и всѣхъ командировъ, за исключеніемъ 6-ти послѣднихъ. Прекрасныя картины славныхъ подвиговъ полка, Лейпцигъ и Феръ Шампенуазъ. По стѣнамъ шкафы и витрины съ любовно собранными и систематезированными, безконечно дорогими, воспоминаніями изъ жизни полка. Въ углу прекрасный полковой образъ-складень и рядомъ мольбертъ съ портретами всѣхъ офицеровъ полка, павшихъ на полѣ чести въ великую и гражданскую войну. Во второмъ этажѣ по стѣнамъ масса гравюръ и портретовъ. Въ одной изъ комнатъ хранятся полковыя святыни — Штандарты; тутъ же полковое серебро и архивъ полка со многими собственноручными приказами Державныхъ Шефовъ, горячо любившихъ и цѣнившихъ свой славный полкъ...

По окончаніи молебствія старшій изъ командировъ полка, послѣдній донской наказной атаманъ, ген. графъ М. Н. Граббе, подробно разсказалъ исторію спасенія музея полка, указавъ на ту роль, которую сыграли въ этомъ дѣлѣ командиры полка генералы Орловъ, Грековъ, Поздѣевъ и Оприцъ, а также старые лейбъ-казаки, генералы Шатиловъ и Потоцкій.

Послѣ генерала гр. Граббе, исключительно красиво и съ обычнымъ подъемомъ говорилъ генералъ П. Н. Красновъ о роли казачества въ исторіи Россіи и его перваго представителя, доблестнаго Лейбъ-Казачьяго полка.

Затѣмъ слово взялъ генералъ Кутеповъ, привѣтствовавшій Лейбъ

Казаковъ отъ Обще-Воинскаго Союза и указавшій, что музей славнаго полка долженъ стать мѣстомъ паломничества всего зарубежнаго русскаго воинства.

Любезные хозяева предложили гостямъ стаканъ вина и, показывая музей, давали подробныя объясненія.

Гости ходили буквально очарованные всѣмъ видѣннымъ; все такъ живо напоминало доброе старое время, воскрешая въ памяти безконечно дорогую всѣмъ намъ полковую жизнь.

Съ трудомъ вѣрится, что все достигнуто лишь крѣпко спаянной группой офицеровъ полка, глубоко любящихъ свою часть и въ обычное время тяжелымъ трудомъ добывающихъ средства къ существованію. Честь и слава доблестному полку.

Присутствовали:

Великій князь Андрей Владиміровичъ, генералы Кутеповъ, Миллеръ, Красновъ, Баратовъ, Богаевскій, вице-адмиралъ Кедровъ, генералы Гулевичъ, Хольмсенъ, Шатиловъ, Стоговъ, Черечукинъ, Ставицкій, сен. Д. Б. Нейдгардтъ, А. Н. Крупенскій и много другихъ. Правленіе нашего Союза было представлено почти полностью.

А. П.

ЗАМѢТКИ ПО ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОМУ ДѢЛУ

Камуфляжъ

Среди многихъ вопросовъ о томъ, какъ придется въ будущемъ вести боевыя операціи, остается все еще недостаточно оцѣненнымъ одинъ вопросъ — о маскировкѣ. Между тѣмъ нельзя себѣ представить будущую войну иначе, какъ подъ покровомъ густого «камуфляжа», и въ общемъ ея развитіи, и въ большихъ и малыхъ операціяхъ. Понятіе о камуфляжѣ, какъ извѣстно, очень широкое — это не только простое укрытіе всего того, что не полагается видѣть непріятелю, но и введеніе противника въ заблужденіе, наведеніе его на ложный слѣдъ, созданіе во вражеской странѣ ошибочныхъ представленій о воюющихъ державахъ. Такой камуфляжъ дѣло сложное и хитрое, и вести его должно само правительство изъ центра: арміи достаточно своихъ заботъ по прямому укрытію себя отъ непріятельскаго глаза.

Еще не такъ давно, въ Японскую войну, глазъ наблюдателя былъ почти исключительно наземный, рѣже съ небольшихъ вышекъ, еще рѣже съ привязныхъ шаровъ; — это игрушки въ сравненіи съ тѣмъ, до чего дошли въ этой области къ концу Великой войны. Наблюдатель сталъ летать и высматриваетъ прямо сверху свою добычу, самое же страшное оказалось въ томъ, что къ глазу человѣка прибавился объективъ фотографическаго аппарата: этотъ глазъ ужъ ничего не пропуститъ, ничего не забудетъ, все поставитъ на свое мѣсто.

Не сразу научились разбирать такіе снимки, вѣдь фотографическій глазъ хоть и видитъ все, но не по нашему: черная утоптанная тропа блеститъ на снимкѣ бѣлой лентой, какъ ручей; ярко-алые цвѣта

— черныя пятна. Одинъ примѣръ особенно нагляденъ: для простого наблюдателя зеленое поле люцерны кажется темно-зеленымъ, а рядомъ поле спѣлаго овса — свѣтло-желтымъ; и аппаратъ съ земли тоже отпечатаетъ люцерну темной, овесъ свѣтлымъ. Но тотъ же аппаратъ съ аэроплана даетъ совсѣмъ другое — темное поле выйдетъ свѣтлымъ пятномъ, а свѣтлый овесъ — черной полосой. Въ чемъ разгадка? — Гладкіе листья люцерны закрываютъ черную землю и сами отблескиваютъ, а стебли овса земли не скрываютъ и сами даютъ сильныя падающія тѣни. Сверху аппаратъ увидѣлъ то, чего съ земли не видно.

Вскорѣ, разумѣется, въ штабахъ освоились со всякими особенностями снимковъ и научились расшифровывать ихъ. Тогда стало видно все, что творится у непріятеля, и умѣлое сопоставленіе наблюденій давало возможность опредѣлить подготовку, самыя намѣренія противника, т. е. достигнуть того, что составляетъ суть всякой развѣдки. Вотъ почему необходимо было во что бы то ни стало скрыться отъ взгляда сверху, иначе грозилъ неминуемый разгромъ.

Тотъ путь маскировки, по которому шли раньше, до Великой войны и въ началѣ ея, путь всякаго рода подкрашиванія, почти ничего не даетъ. Раскраска подъ *видъ* и *цвѣтъ* мѣстности легко раскрывается снимками и просто, иногда, лучемъ прожектора; труднѣе разобрать пятнистую раскраску — мелкую, *затуманивающую* предметъ и крупную, *разрывающую* его видимыя очертанія. Но злѣйшій врагъ — *тѣнь* — никакимъ окрашиваніемъ не можетъ быть устранена, а она-то и выдаетъ все на снимкѣ. Надо, значитъ, маскировать не *цвѣтъ*, это только частность; надо укрыть *рельефъ* предмета съ его тѣнями. Въ этой области, гдѣ роль скульптора, быть можетъ, важнѣе роли художника, есть много способовъ настоящей маскировки — смягченіе, завуалированіе тѣни, всякаго рода покрытія, измѣненіе самаго вида предмета, наконецъ, утапливаніе его въ лабиринтѣ ему подобныхъ ложныхъ сооруженій, если иначе скрыть его нельзя. Но дѣло это не простое, оно требуетъ и знанія, и художественнаго глаза; плохо сдѣланная маскировка не только не поможетъ; она навредитъ, навлекая болѣе пристальное вниманіе непріятеля, разъ онъ ее обнаружилъ. Въ западныхъ арміяхъ маскировочное дѣло, повидимому, изучаютъ серьезно, и будетъ жестокой ошибкой, если не поймутъ у насъ всей важности такой защитной формы борьбы. Вѣдь при теперешнихъ средствахъ пораженія въ полевомъ бою достаточно увидѣть, чтобы уничтожить...

Въ заключеніе, одинъ примѣръ изъ нашего опыта Великой войны. Когда лѣтомъ въ 1916-мъ году мы заняли Рожище, опредѣлилось наконецъ, откуда били вдоль по широкой долинѣ какіе-то невидимые пулеметы. У одного изъ среднихъ быковъ высокаго желѣзнодорожнаго моста стояла брошенная обгорѣлая небольшая постройка, по виду кузница или сторожка, со съѣхавшими обгорѣлыми стропилами; она была все время отлично видна намъ, но не вызывала никакихъ подозрѣній. А оказалось, что это бетонный пулеметный казематъ, обдѣланный го-

рѣлымъ кирпичемъ; тѣни амбазуръ сливались съ тѣнями оконъ и обугленныхъ стропилъ, и ничего не выдавало истинаго назначенія этой постройки. Вотъ такое измѣненіе вида — настоящая маскировка, которой никакимъ раскрашиваніемъ достигнуть невозможно.

П. Ставицкій

Стрѣлки Императорской Фамиліи

1854 — 1929

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Памятка

Шелъ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертый годъ, — година тяжелая, хмурая.

Вовлеченная, благодаря тайнымъ подстрекательствамъ нѣкоторыхъ западныхъ державъ, совершенно неожиданно въ войну съ Оттоманскою Портою, Россія послѣ первыхъ мѣсяцевъ борьбы, ознаменованной рядомъ блестящихъ успѣховъ, очутилась вдругъ передъ грозною коалиціею чуть ли не всей Западной Европы.

Коалиція эта, состоявшая изъ могущественныхъ государствъ во главѣ съ Англіей и Франціей, рѣшительно повела борьбу противъ величія и силы Россіи, которая была совершенно одна и арміи которой побѣдоносно боролись: первая съ турецкими полчищами въ Закавказьи, другая дѣйствовала на Дунаѣ, а третья геройски сопротивлялась соединеннымъ усиліямъ англійскихъ, французскихъ, сардинскихъ и турецкихъ войскъ, обложившихъ нашу твердыню — Севастополь.

Громадность разстояній, крайняя неудовлетворительность дорогъ и отсутствіе быстрыхъ способовъ сношеній усложняли наше трудное положеніе. Въ то время существовала только одна желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою.

Сообщеніе съ нашими арміями и пополненіе ихъ изъ сердца Россіи требовало многихъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Своевременное пополненіе потерь въ угрожаемыхъ пунктахъ было крайне затруднено.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, потребовалось не только огромное развитіе регулярныхъ военныхъ силъ, но и пришлось прибѣгнуть къ ополченію и другимъ формированіямъ.

И вотъ, начала ополчаться Русь Православная съ рвеніемъ и мощью, какія она способна выказывать въ трудныя минуты.

Дворянство, повсемѣстно съ беззавѣтнымъ одушевленіемъ руководило образованіемъ ополченскихъ дружинъ и само становилось въ ихъ ряды. И, конечно, во главѣ этого воистину чудеснаго явленія не могла не стать Высокая Царственная Семья Государя Императора.

Въ началѣ октября 1854-го года Императоръ Николай I объявилъ Министру Удѣловъ графу Льву Алексѣевичу Перовскому, что Царская Семья желаетъ тоже выставить отъ себя рать, изъ удѣльныхъ крестьянъ на защиту Земли Русской, а 25-го октября 1854-го года Высочайшимъ рескриптомъ на имя графа Перовскаго было положено основаніе образованію Стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи.

Въ вышеупомянутомъ рескриптѣ Государя Императора значилось:

«При угрожающей любезному Отечеству Нашему опасности, отъ замысловъ враговъ, Мы находимъ отраднымъ сердцу Нашему ревностное всѣхъ сословій стремленіе споспѣшествовать защитѣ Земли Русской. Для сей же священной цѣли Мы соизволяемъ согласно желанія Императорскаго Семейства Нашего, чтобы Оно на время войны поставило изъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній Стрѣлковый полкъ, на основаніяхъ въ прилагаемомъ приложеніи изъясненныхъ».

Въ положеніи этомъ указывался порядокъ формированія, что по окончаніи онаго полкъ долженъ быть употребленъ въ дѣйствіе противъ непріятеля тамъ, гдѣ военныя обстоятельства потребуютъ.

Отмѣчалось, что форма обмундированія будетъ приспособлена къ обыкновенной русской одеждѣ; стрѣлкамъ дозволено носить бороду, назначалось жалованіе 3 рубля серебромъ въ мѣсяцъ, солдатскій паекъ и необходимое снаряженіе, а ружье каждый стрѣлокъ сохранялъ свое собственное — охотничье, которое впослѣдствіи должно будетъ замѣнено однообразнымъ оружіемъ.

По личному выбору Государя Императора, командиромъ полка назначенъ былъ молодой полковникъ Л. Гв. Преображенскаго полка Д. А. Арбузовъ, и изъ разныхъ частей гвардіи 8 офицеровъ.

И вотъ, къ этому первому ядру быстро стала собираться блестящая, отборная рать.

Особенность формированія полка, красота типично народнаго мундира неотразимо нравилась и увлекала. Молодежь высшаго общества, представители стариннѣйшихъ родовъ, блестящіе офицеры другихъ частей стали добиваться чести служить въ Стрѣлковомъ полку Императорской Фамиліи.

Многіе поступали прямо изъ гражданскихъ вѣдомствъ, напримѣръ, кн. Ливенъ, графъ С. Н. Толстой, П. Ф. Самаринъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, кн. Волконскій и др.

Одними изъ первенцевъ полка были В. М. Жемчужниковъ и извѣстный русскій поэтъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Кипѣла работа на сборныхъ пунктахъ: для 1-го баталіона въ гор. Новгородѣ, для 2-го во Владимірѣ, а для 3-го въ Нижнемъ Новгородѣ.

При первой вѣсти о «Царскомъ Полкѣ» охотники стали стекаться массами со всѣхъ мѣстъ, ближнихъ и дальнихъ, даже изъ Западной Сибири и земель Алтайскихъ. Одновременно стали прибывать и первыя кадровыя команды, а затѣмъ и команды формированія.

На Тульскомъ оружейномъ заводѣ, спеціально для полка, были заказаны нарѣзныя винтовки тогдашняго драгунскаго образца съ прицѣломъ на 1200 и накладною мишенью на 1500 шаговъ.

Въ концѣ іюня 1855-го года полкъ былъ сформированъ, баталіоны собраны в С.-Петербургѣ и отсюда отправлены въ Царскую Славянку.

Въ половинѣ іюля полкъ былъ уже вполнѣ сформированъ, обмундированъ, вооруженъ, а главное, — обученъ. 21-го іюля 1855-го года въ гор. Царскомъ Селѣ состоялся первый Высочайшій смотръ полку Государя Императора Александра II.

Успѣхъ смотра превзошелъ всѣ ожиданія и послѣдовавшія затѣмъ въ Высочайшемъ присутствіи 20-го и 23-го августа ученіе и стрѣльба оказались блестящими.

26-го августа на Софійскомъ плацу въ Царскомъ Селѣ былъ послѣдній передъ походомъ Высочайшій смотръ полку: выведено было по 36 рядовъ во взводѣ.

Самъ Государь Императоръ, принявшій на себя званіе Шефа полка, командовалъ полкомъ, представляя его Государынѣ Императрицѣ.

Шефы баталіоновъ: 1-го Великій Князь Константинъ Николаевичъ, 2-го Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, а 3-го Великій Князь Михаилъ Николаевичъ — были во главѣ своихъ баталіоновъ.

Въ строю роты Его Величества, командуя взводами, находились Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Александръ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи, а прочихъ ротъ Великій Князь Николай Константиновичъ и Князья Николай, Евгеній, Сергѣй и Георгій Максимиліановичи Романовскіе, Герцоги Лейхтенбергскіе.

Смотръ прошелъ великолѣпно. Государь призналъ подготовку полка достаточной для боевой службы, поздравилъ его съ походомъ и назначилъ въ составъ Дѣйствующей Арміи.

Восторгъ былъ неописуемый, всѣ рвались въ бой, чтобы показать свою доблесть, удаль и отвагу. Памятный день завершился обѣдомъ, которымъ Государь угостилъ полкъ.

Трогательный эпизодъ произошелъ во время этой трапезы. Задумчиво было лицо Государя; не было обычной ласковой улыбки. Недобрыя вѣсти были изъ Крыма. За обѣдомъ Государю была подана депеша. То было первое извѣстіе о потери Малахова Кургана — этого ключа Севастопольской твердыни, и объ оставленіи южной стороны Севастополя.

Императоръ вскрылъ депешу, быстро просмотрѣлъ ее и, не произнеси ни слова, положилъ въ карманъ; съ минуту онъ оставался погруженнымъ въ глубокую думу. Но затѣмъ на лицѣ Его Величества появилась улыбка, и все вокругъ радостно встрепенулось. Безконечно добрый и милостивый, Государь не захотѣлъ омрачить праздника горестнымъ извѣстіемъ, а незримо страдалъ одинъ, замкнувъ въ себѣ на время это роковое извѣстіе.

5-го сентября полкъ выступилъ по желѣзной дорогѣ въ Москву и дальше походомъ въ Крымъ. 23-го ноября полкъ вошелъ въ составъ

Дѣйствующей Арміи. Вскорѣ было получено приказаніе идти на Краснополье, Николаевъ, Одессу, куда полкъ прибылъ 18-го декабря.

Много вниманія видѣли стрѣлки во время этого пути. Всюду населеніе городовъ, селъ и деревень высыпало на встрѣчу и съ русскимъ радушіемъ чествовало «Полкъ Царской Семьи».

Трудные бывали порой переходы, свыше 40 верстъ, при стужѣ и непогодѣ, но желаніе скорѣй подойти къ мѣсту военныхъ дѣйствій бодрило всѣхъ.

Въ началѣ февраля 1856-го года было получено извѣстіе о перемиріи, а вскорѣ былъ заключенъ и миръ.

❦

По возвращеніи въ Царское Село, полкъ былъ переформированъ въ баталіонъ и перешелъ на обычный для всѣхъ частей порядокъ жизни и службы въ мирное время.

Близость къ Царской Семьѣ и неизмѣнныя милости Государя Императора и членовъ Его Семьи не оставляли баталіонъ, и въ списки его зачислялись всѣ Великіе Князья со дня рожденія.

Наступилъ 1863-ій годъ. Въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ, и баталіонъ Стрѣлковъ Императорской Фамиліи былъ въ составѣ 2-ой Гв. пѣхотной дивизіи отправленъ въ Вильно, главный центръ Литвы и узелъ, гдѣ сходились и смыкались всѣ нити смуты.

Простоявъ нѣкоторое время въ Вильно и принимая участіе въ отдѣльныхъ поискахъ, баталіонъ былъ переброшенъ въ Ковенскую губернію, гдѣ получилъ назначеніе по охранѣ побережья между Полангеномъ и Либавою, отъ подвоза моремъ оружія мятежникамъ. Вскорѣ баталіонъ былъ переброшенъ въ Шавельскій уѣздъ, гдѣ въ поискахъ и стычкахъ съ шайками мятежниковъ отдѣльными ротами баталіона, стрѣлки имѣли не мало молодецкихъ дѣлъ, въ результатѣ которыхъ эти шайки, численностью отъ 500-1300 человѣкъ, послѣ упорныхъ боевъ были разбиты и уничтожены. Изъ Шавельскаго уѣзда баталіонъ былъ переброшенъ въ Вилькомирскій и Поневѣжскій уѣзды Ковенской губерніи, гдѣ продолжалъ ту же работу до 19-го декабря, когда пришло извѣстіе о возвращеніи баталіона въ Царское Село.

❦

Длинный рядъ годовъ, счетомъ двѣнадцать, прошли въ мирныхъ условіяхъ службы Императорскихъ Стрѣлковъ Престолу и Родинѣ и постоянной подготовкѣ ихъ къ бранному времени.

Уже въ 1876-мъ году на политическомъ горизонтѣ начали скопляться тучи. Наши братья славяне, страдавшіе на Балканахъ подъ свирѣпымъ мусульманскимъ игомъ, изнемогали въ неравной борьбѣ, которую вела маленькая Сербія; всѣ взоры были устремлены на Русскаго Царя, который твердо сталъ на сторону угнетаемыхъ славянъ и рѣшилъ помочь имъ.

Чувствовалось, что война съ Турціей неизбѣжна. И 12-го апрѣля 1877-го года она была объявлена и наша полуторастатысячная армія вступила въ Румынію.

Сначала Гвардія не принимала участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и только 24-го іюля была получена телеграмма о вызовѣ Гвардейскаго Корпуса въ Дѣйствующую Армію. До поздней ночи въ этотъ день въ казармахъ Императорскихъ Стрѣлковъ не умолкало радостное ура.

Быстро проведена мобилизація, и 19-го августа Императорскіе Стрѣлки, во главѣ со своимъ командиромъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Клейнмихелемъ, выступили въ походъ на Колпино, откуда по желѣзной дорогѣ были перевезены въ Москву и далѣе по Московско-Курской до Кіева и по Кіево-Одесской ж. .д. до гор. Яссъ.

Въ Яссахъ произошелъ весьма характерный случай: къ графу Клейнмихелю явился отставной унтеръ-офицеръ Митрофанъ Ефремовъ, участникъ Крымской войны, съ 19-лѣтнимъ сыномъ, и просилъ принять ихъ охотниками на время войны. Принятые немедленно, они оба отслужили всю кампанію и за дѣло подъ Филиппополемъ были награждены Георгіевскими Крестами.

Изъ Яссъ по Румынской желѣзной дорогѣ Императорскіе Стрѣлки были перевезены въ Бухарестъ и далѣе походомъ выступили на Зимницу, гдѣ 3-го сентября по понтонному мосту перешли Дунай.

Вскорѣ Стрѣлки увидѣли своего Державнаго Шефа въ Горномъ Студнѣ, гдѣ состоялся парадъ частей Гвардіи. Часто потомъ Государь Императоръ пріѣзжалъ на бивуакъ Императорскихъ Стрѣлковъ, милостиво бесѣдуя съ офицерами и стрѣлками, выражая надежду, что въ предстоящихъ бояхъ они себя покажутъ молодцами. Восторженное «ура» и обѣщаніе заслужить Царскую похвалу были отвѣтомъ.

24-го сентября 1877-го года Императорскіе Стрѣлки въ составѣ прочихъ частей Гвардіи выступили подъ Плевной, и тутъ начался рядъ доблестныхъ и геройскихъ дѣлъ, въ которыхъ они въ соревнованіи со своими соратниками, другими частями Гвардіи, покрыли себя неувядаемой славой, постоянно заслуживая «Царское спасибо» и особо лестные отзывы о своей работѣ Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміей, Шефа своей третьей роты, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, Командующаго войсками Гвардіи генералъ-адъютанта Гурко и Начальника передового отряда генерала Рауха.

12-го октября 1877-го года движеніемъ къ Горному Дубняку для Стрѣлковъ Императорской Фамиліи началась непрерывная цѣпь наступленій, боевъ, атакъ и молодецкихъ дѣлъ, позволившихъ Стрѣлкамъ блистательно сдержать данный Вѣнценосному Шефу обѣтъ и своими мужествомъ и кровью заслужить Георгіевское Знамя.

Послѣ Горнаго Дубняка, Стрѣлки послѣдовательно участвовали въ бояхъ подъ Правцемъ, потомъ Арабъ Конакомъ. Въ серединѣ декабря 1877-го года наступила минута легендарнаго, исполинскаго перехода черезъ Балканы, въ которомъ Императорскимъ Стрѣлкамъ выпала почетная и славная доля, въ составѣ передового отряда генерала Рауха, преодолѣвая великія испытанія въ борьбѣ съ суровой природой,

таща на себѣ пушки, въ нѣсколько дней перемахнуть Балканскій хребетъ. . .

Но и по ту сторону Балканъ Стрѣлковъ ждалъ не отдыхъ, а опять, послѣ борьбы съ природой, предстояла борьба съ врагомъ.

19-го декабря баталіонъ участвовалъ въ упорномъ бою подъ Ташкиссеномъ и 20-го подъ городомъ Враждебно.

2-го января 1878-го года, преслѣдуя быстро отступающихъ турокъ, пройдя уже 40 верстъ, Императорскіе Стрѣлки получаютъ приказъ спѣшно занять дер. Адакіой. На пути рѣка Марица съ своимъ стремительнымъ теченіемъ, покрытая несущимися льдинами, 5 град. мороза. Не задумываясь, Стрѣлки, во главѣ со своимъ командиромъ графомъ Клейнмихелемъ и офицерами, переходятъ Марицу въ бродъ, по плечи въ водѣ, и захватываютъ Адакіой.

Страшную картину разрушенія представляли деревни, изъ которыхъ только что выбили турокъ. Трупы стариковъ, женщинъ, дѣтей замерзшихъ и дорѣзанныхъ грабителями, валялись всюду на пути; плачъ голодныхъ и голыхъ дѣтей, все это производило подавляющее, гнетущее впечатлѣніе.

По приходѣ на ночлегъ въ дер. Адакіой, въ расположеніи одной изъ ротъ, на порогѣ хаты, въ кучѣ тряпокъ Стрѣлки нашли спящаго ребенка, покинутаго родными. Графъ Клейнмихель этого найденыша отдалъ на попеченіе роты Его Величества, и тутъ же было рѣшено назвать его Михаиломъ Найденовымъ, и по возвращеніи въ Царское Село отдать на воспитаніе въ Школу Солдатскихъ Дѣтей.

Надо было видѣть, разсказываютъ очевидцы, какъ заботливо смотрѣли за этимъ ребенкомъ закаленные суровые Стрѣлки, и съ какой отеческой нѣжностью и ласками успокаивали бѣдняжку.

3-го няваря 1878-го года Императорскіе Стрѣлки участвовали въ тяжеломъ бою подъ Филиппополемъ, а дальше тріумфальнымъ шествіемъ черезъ Адріанополь, дошли до Царьграда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ котораго, въ гор. Санъ-Стефано, остановились.

Тутъ скоро пришло радостное извѣстіе о перемиріи, потомъ о мирѣ, а потомъ и о возвращеніи на Родину.

Какъ понятна была эта всеобщая радость, послѣ всего пережитаго, вернуться домой героями, украшенными побѣдными лаврами.

❦

Опять продолжительный мирный періодъ въ жизни Императорскихъ Стрѣлковъ. 36 лѣтъ отдѣляютъ Турецкую войну 1877-78 г.г. отъ Великой войны.

Въ Японской войнѣ участвовали только отдѣльные офицеры, изъ которыхъ бывшій командиръ баталіона генералъ-лейтенантъ графъ Келлеръ, командуя Восточнымъ отрядомъ, и капитанъ графъ Нироდъ I пали смертью храбрыхъ.

Много событій произошло за это время.

Торжественно было отпраздновано Императорскими Стрѣлками

полученіе заслуженнаго въ Турецкую войну Георгіевскаго Знамени. Государь Императоръ вбилъ первый гвоздь. За нимъ всѣ Великіе Князья и офицеры. Въ строю, принявъ командованіе своими ротами, находились Шефы: 2-ой роты Великій Князь Константинъ Николаевичъ, 3-ей Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій и 4-ой Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Николай Николаевичъ Младшій и Герцогъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій за младшихъ штабъ офицеровъ; Великіе Князья Константинъ Константиновичъ, Вячеславъ Константиновичъ, Петръ Николаевичъ, Николай Михайловичъ и Герцогъ Георгій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій въ строю ротъ, за оберъ офицеровъ.

Императорская Фамилія близко приняла къ сердцу торжество родного имъ полка.

30-го августа 1884-го года баталіону Императоромъ Александромъ III пожалованы права Старой Гвардіи.

Въ 1905-мъ году торжественно отпразднованъ 50-лѣтній юбилей полка. И баталіону была возвращена старая первая форма полка. Вотъ какъ пишетъ Государь Императоръ Николай II Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ объ этомъ днѣ:

«27-го декабря мы отлично отпраздновали 50-лѣтній юбилей Стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Петя (командиръ баталіона принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій) великолѣпно командовалъ парадомъ. У насъ былъ большой завтракъ съ женами офицеровъ и всѣми прежде служившими. Вечеромъ я ужиналъ въ офицерскомъ собраніи. За ужиномъ Я объявилъ, что возвращаю баталіону самую первую форму съ малиновыми рубашками.

«Кромѣ того, для возстановленія традицій: Костя былъ назначенъ Шефомъ 2-ой роты, а Николаша Шефомъ 3-ей роты, какъ ихъ отцы; Димка Голицынъ сдѣланъ стрѣлкомъ, какъ сынъ перваго командира баталіона», и заканчиваетъ Государь словами: «Давно Я такъ не отдыхалъ душой».

Въ 1910-мъ году баталіонъ переформированъ въ полкъ.

Въ 1913-мъ году, на 50-лѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ, числившагося въ спискахъ полка стараго командира, генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, Государь Императоръ назначилъ его Шефомъ 5-ой роты полка.

Протекали годы, поколѣнія смѣняли одно другое, передавая другъ другу славныя традиціи и памятуя, что вездѣ и во всемъ Императорскіе Стрѣлки должны себя показать достойными своего наименованія.

Наступило лѣто 1914-го года.

Объявлена война съ Германіей и Австріей. Быстро мобилизовалась Россійская Армія. Гвардейская Стрѣлковая бригада не получала немедленнаго назначенія въ составъ Дѣйствующей Арміи, а оставалась для охраны Петербурга.

Грустью отозвалось это въ сердцахъ Стрѣлковъ, пущены были въ ходъ всѣ старанія и мольбы, чтобы получить разрѣшеніе Стрѣлко-

вымъ полкамъ быть тоже отправленными на фронтъ, и сколько было радости и восторга, когда такое разрѣшеніе было получено.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Гольтгоеръ повелъ Императорскихъ Стрѣлковъ на войну, и полкъ горѣлъ желаніемъ, какъ и въ Турецкую войну, показать себя геройски.

23-го августа 1914-го года былъ первый бой полка у деревни Кампшанъ-Камень, а 28-го и первый крупный трофей: непріятельская батарея и 1000 плѣнныхъ въ бою у дер. Тухо-Вулька.

21-го сентября тяжелый бой подъ Опатовымъ, гдѣ на Гвардейскую и 2-ую Стрѣлковыя бригады обрушились огромныя силы австрогерманцевъ въ количествѣ 3-хъ корпусовъ.

Послѣ Опатова, чередуясь, одинъ за другимъ шли бои подъ Ивангородомъ, Палична, Сухо-Гуркой, Ломжей, Высоко-Дуже, Высоко-Мале, Красноставомъ-Холмомъ, Брестомъ, Мейшаголой-Вильно и колоніей Трестень, подъ Ковелемъ.

1914-ый, 1915-ый, 1916-ый и часть 1917-го года Императорскіе Стрѣлки провели почти все время на позиціяхъ, въ окопахъ и бояхъ. Много было потерь, сколькихъ похоронили, много было раненыхъ, а сколько было показано доблести и беззавѣтной храбрости. Раненые, едва подлѣчившись, при первой же возможности, вновь стремились въ строй родного полка.

Послѣ 3-дневныхъ боевъ подъ Красноставомъ, въ іюлѣ 1915-го года, выдержавъ и отбивъ большое количество атакъ, понеся большія потери убитыми и ранеными, несмотря на выбытіе изъ строя всѣхъ баталіонныхъ и большинства ротныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ, Императорскіе Стрѣлки не только не были выведены изъ боевой линіи, но продолжали отбивать атаки и переходить въ контръ-атаки. Нехватало офицеровъ, въ строю оставалось, вмѣстѣ съ Вр. Командующимъ полкомъ полковникомъ Колотинскимъ, всего 9 человѣкъ. Изъ сосѣдняго Л. Гв. Гренадерскаго полка прибыло 2 офицера, и роты Стрѣлковъ, оставшіеся безъ офицеровъ, водились въ бой этими послѣдними. Полкъ былъ сведенъ временно въ составъ баталіона, все время находясь въ бою, а черезъ нѣсколько дней подошло пополненіе изъ запаснаго баталіона, и вновь развернулись въ полкъ.

Особенно доблестное дѣло полка было 15-го іюля 1916-го года, подъ колоніей Трестенемъ, когда Императорскіе Стрѣлки подъ командой своего командира, Свиты Его Величества, генералъ-маіора Скалона, съ боя взяли у германцевъ 29 орудій и нѣсколько рядовъ позицій. Семь офицерскихъ Георгіевскихъ крестовъ было наградой полку за это славное дѣло.

❦

Но вотъ нагрянуло на Россію великое несчастье. Вспыхнула революція, а съ нею и всѣ тѣ бѣды, горести и крушеніе нашей Родины, всѣмъ столь памятныя.

Попустительствомъ Временнаго Правительства , Государь Императоръ и Его Августѣйшая Семья были арестованы въ Царскомъ Се-

лѣ, а потомъ въ Тобольскѣ. Охрану Ихъ Величествъ несли Стрѣлки запаснаго баталіона 4-го полка.

Изъ опубликованнаго большевиками дневника покойнаго Государя видно, какое трогательное отношеніе установилось между Нимъ и Его стражей, помнившей, видимо, что они теперь просто стрѣлки запаснаго баталіона 4-го полка, Его бывшіе Императорскіе Стрѣлки; вотъ, напримѣръ:

«6-го декабря 1917-го года. Мои именины провели спокойно, не по примѣру прежнихъ лѣтъ. Въ 12 часовъ былъ отслуженъ молебенъ. Стрѣлки 4-го полка, бывшіе въ саду и бывшіе въ караулѣ, всѣ поздравили Меня, а Я ихъ съ полковымъ праздникомъ. Получилъ три именинныхъ пирога и одинъ изъ нихъ послалъ караулу».

«24-го декабря 1917-го года: Во время чая — до 5 часовъ пошли съ Аликъ въ караульное помѣщеніе и устроили елку для 1 взвода 4-го полка. Посидѣли со стрѣлками, со всѣми смѣнами, до 5½ час. Всенощная была очень поздно. Свободные стрѣлки присутствовали».

⁂

Не остались безучастными Императорскіе Стрѣлки и къ Добровольческому движенію. Въ составѣ сводныхъ частей Гвардіи всегда находились представители полка, образовывая части разной величины — то роты, то баталіоны, а отдѣльные офицеры полка работали на другихъ фронтахъ Бѣлаго Движенія.

Въ самыхъ разнообразныхъ трудахъ и работахъ, разбросанные по всѣмъ странамъ міра, Стрѣлки Императорской Фамиліи несутъ свой тяжкій эмигрантскій крестъ, держа связь съ Парижемъ — центромъ полковыхъ ячеекъ. Въ эмиграціи и полковое знамя.

Вѣрятъ Императорскіе Стрѣлки, что близокъ часъ, когда «полкъ Семьи Державной» снова соберется около своего боевого знамени, на Родной землѣ, для вѣрной и беззавѣтной службы за Вѣру и Царя.

Полковникъ **Колотинскій**

Замѣтки объ авіаціи

Авіація такъ быстро прогрессируетъ въ своемъ развитіи, что трудно и даже невозможно дать картину современныхъ ея достиженій.

Каждый очеркъ къ его выходу изъ печати уже является отсталымъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о новыхъ изобрѣтеніяхъ въ этой области.

Тѣмъ труднѣе это сдѣлать въ краткой замѣткѣ. Дѣлясь здѣсь краткими свѣдѣніями, я льщу себя надеждой, что онѣ, давая лицамъ, не занимающимся спеціально авіаціей, общую картину разрѣшенія проблемъ завоеванія воздуха, все же создадутъ должное впечатлѣніе.

Надъ вопросомъ завоеванія воздуха работаютъ уже давно и этотъ вопросъ такъ же старъ, какъ міръ.

Трудность разрѣшенія его до послѣдняго времени заключалась не только во всякихъ техническихъ затрудненіяхъ (требованіе извѣстной крѣпости и вмѣстѣ легкости матеріаловъ, необходимыхъ для постройки, огнеупорности ихъ, легкости и огнесопротивляемости газа, необходимаго для наполненія дирижабля, и проч.), но и въ противодѣйствіи этой работѣ и со стороны правящихъ классовъ, и со стороны населенія, видѣвшаго, въ еще недавнія времена, въ полетахъ надъ землей что-то антирелигіозное, анафемское.

Изобрѣтателей мучили, казнили, сжигали на кострахъ, а построенныя ими машины и всякіе аппараты для полетовъ — уничтожали. Вотъ почему этотъ вопросъ двигался очень медленно и лишь послѣднія 25 лѣтъ онъ вышелъ на широкую дорогу и пошелъ быстрыми шагами.

Самыя древнія свѣдѣнія объ авіаціи восходятъ къ легендарному Икару, пристроившему себя восковыя крылья, растопившіяся при его подъемѣ къ солнцу.

Пытались летать по воздуху и на крыльяхъ, и на шарахъ, наполненныхъ теплымъ воздухомъ, и въ особыхъ костюмахъ, раздувающихся на подобіе парашюта, постепенно доходя до прототиповъ теперешнихъ аэроплановъ и дирижаблей.

Пойдите на любую авіаціонную выставку и вы увидите, до чего въ этомъ отношеніи дошелъ прогрессъ.

Самыя громадныя залы нашего времени едва вмѣщаютъ выставленные образцы. Кажется, огромная стая разнообразныхъ особыхъ гигантскихъ птицъ ворвалась въ этотъ залъ: однѣ какъ бы парятъ въ высотѣ, другія на взлетѣ, третьи съ граціознымъ наклономъ на виражѣ.

Здѣсь собираются аппараты всѣхъ образцовъ и типовъ: аэропланы для почтоваго и пассажирскаго движенія, аэропланы для военныхъ цѣлей, модели цеппелиновъ и образчики прежнихъ воздушныхъ шаровъ, которые еще недавно носились по волѣ вѣтра, а не по волѣ человѣка.

На послѣдніе почти никто не обращаетъ вниманія, и лишь бѣглый взглядъ, съ какимъ-то сожалѣніемъ, какъ объ отошедшемъ въ вѣчность покойникѣ, бросаютъ на нихъ пришедшіе на выставку. Отошли въ область преданій эти послѣднія, легче воздуха, машины, и теперь предъ глазами налицо большіе воздушные корабли и желѣзныя птицы.

Проблема завоеванія воздуха разрѣшена. Блещутъ изяществомъ и удобствомъ почтовые и пассажирскіе каюты. Грозное впечатлѣніе производятъ эскадрильи военныхъ аэроплановъ. Мощно развернули свои крылья гидропланы. Масса моторовъ разныхъ фирмъ, разнообразные матеріалы, необходимые для постройки аппаратовъ и, наконецъ, образчики маяковъ и прожекторовъ — указателей путей и спуска воздушныхъ аппаратовъ.

Во всемъ, начиная съ машинъ и кончая веревочнымъ и стальнымъ тросомъ, видно усовершенствованіе и ростъ.

Еще недавно изобрѣтатели, разрѣшающіе проблему полета аппаратовъ тяжелѣе воздуха, были счастливы продержаться въ воздухѣ нѣсколько секундъ и пролетѣть хоть нѣсколько метровъ на небольшой

высотѣ, теперь держатся въ воздухѣ нѣсколько часовъ и даже дней — перелетаютъ океаны.

Прошлый годъ сходили съ ума отъ восторга по поводу перелета Линдберга черезъ океанъ, носили его на рукахъ, какъ героя, совершившаго что-то невѣроятное: теперь перелетъ черезъ океанъ сталъ почти обыкновеннымъ явленіемъ.

Продолжительность полета, скорость и высота подъема прогрессируютъ съ громадной быстротой.

Слѣдующая таблица показываетъ достиженія въ продолжительности, скорости, разстояніи и въ высотѣ подъема:

Годъ	Продолжительность нахожденія въ воздухѣ	Скорость полета въ 1 часъ	Покрытое разстояніе	Высота подъема
1906	21 секунда (Сантосъ Дюмонъ)	41 клм.	0,220 клм.	отъ 10 - 30 метр.
1907	1 часъ (Фарманъ)		1 клм.	
1908	1 часъ, Райтъ		10 клм.	
1910		106 клм.		
1912	12 часовъ (Фурни)		1000 клм.	
1913		203 клм.		
1914		448 клм. (Бонне Бернаръ)		
1920	24 часа			
1923			2000 клм.	
1925			5790 клм. (Бреге)	
1926				12442 метра (Каллизо)
1928	33½ часа (Линдбергъ Маршрутъ Нью-Іоркъ - Парижъ)	172 клм.	5790 клм.	
1929		572 клм., т. е. 9 клм. 540 метр. въ минуту, или 159 метровъ въ секунду (Капитнъ Орлеборъ)		
1929	12 дней Вокругъ свѣта въ 21 день. Полетъ Цеппелина по маршруту — — Ликхерстъ — Фридрихсгафенъ Токіо — Ликхерстъ.	Около 110 клм.	Немного болѣе 32000 клм.	

Въ 1906-мъ году Сантосъ-Дюмонъ, пролетѣвъ всего 0,220 километра въ продолженіе 21-ой секунды, вызвалъ восторгъ и удивленіе. Въ 1909-мъ году Блеріо, перелетѣвъ Ламаншъ, сталъ героемъ дня; — теперь покрытыя пространства считаются тысячами километровъ.

Всѣ летательные аппараты можно раздѣлить на аппараты тяжелѣе воздуха и аппараты легче воздуха и, какъ тѣ, такъ и другіе, на аппараты для военныхъ цѣлей и для коммерческихъ цѣлей.

Несмотря на общую въ настоящее время тенденцію къ общему миру всего міра, аппараты, предназначаемые для военныхъ цѣлей, являются особенно многочисленными во всѣхъ государствахъ и занимаютъ въ авіаціи первое мѣсто.

Военные аэропланы можно, въ свою очередь, раздѣлить на «развѣдывательные» и «истребителей». Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, выработана особая тактика дѣйствія, на нихъ зиждятся планы нападенія и защиты государственныхъ центровъ, находящихся вдали отъ границъ государства, являющихся центрами промышленности и производства всего необходимаго для веденія войны (орудій, снарядовъ, тѣхъ же аэроплановъ и проч.). Для дѣйствія, изъ нѣсколькихъ аэроплановъ образуются эскадрильи.

Аэропланы развѣдывательныхъ эскадрилей Avions d'observation и аэропланы боевой эскадрильи Avions de chasse по своимъ размѣрамъ меньше аппаратовъ другихъ образцовъ, но и они производятъ грозное впечатлѣніе. Это уже не тѣ легкіе воздушные аппараты, которыми еще недавно мы любовались, какъ игрушками, приходя въ восторгъ отъ полетовъ ихъ вокругъ какого-нибудь гипподрома, — это солидныя машины, съ мощными моторами, съ солидной оболочкой, представляющей препятствія для пуль; они снабжены пулеметами и даже пушками, бомбами взрывчатыми и химическими, и для меньшей ихъ видимости окрашены въ защитный цвѣтъ, или сдѣланы изъ бѣлаго металла. Эти аэропланы имѣютъ моторы 420-500 лошадиныхъ силъ (Испано-Союзъ, Фарманъ, Рено и друг.), развивающіе скорость около 200 километровъ въ часъ; у нихъ фотографическіе аппараты и безпроволочный телеграфъ, что даетъ имъ возможность не только произвести детальную съемку и развѣдать о противникѣ, но и своевременно ее сообщить или доставить въ свой штабъ.

Легкая возможность, при указанной скорости полета, быстро достигать важныхъ государственныхъ пунктовъ вселяетъ тревогу о безопасности послѣднихъ, и потому, въ противовѣсъ аэропланамъ развѣдывательнымъ и аэропланамъ боевыхъ эскадрилей, всѣ государства создали аэропланы-истребители. Аэропланы истребители, особенно въ случаѣ натянутыхъ дипломатическихъ отношеній, держутся въ постоянной готовности подняться и вступить въ бой съ непріятельскими аэропланами и на нихъ возлагается задача не допустить непріятельскія эскадрильи до важныхъ пунктовъ.

Подобное положеніе вызываетъ необходимость устройства особыхъ сторожевыхъ пунктовъ, съ которыхъ своевременно передавали бы о появленіи непріятельскихъ воздушныхъ аппаратовъ.

Нужно ли говорить, что ввиду быстроты, съ которой аэропланы преодолѣваютъ пространства, устройство этихъ сторожевыхъ пунктовъ и скорость передачи на свои аэроп дромы требуетъ особаго вниманія, заботы и бдительности.

Обыкновенные наблюдатели уже не удовлетворяютъ своему назначенію; человѣческій глазъ не въ состояніи своевременно замѣтить, особенно въ ночное время, въ туманъ и непогоду, появленіе противника; ухо наблюдателя на сторожевомъ пунктѣ не всегда услышитъ шумъ пропеллера, и потому въ послѣднее время, благодаря особому усовершенствованію, устроены особые чувствительные механическіе наблюдатели, которые улавливаютъ и свѣтъ и шумъ приближающагося непріятельскаго аэроплана, и сами механически сообщаютъ о приближеніи противника на пунктъ нахожденія своихъ эскадрилій истребителей.

Но все же, несмотря и на это изобрѣтеніе, послѣдніе маневры въ прошломъ году, произведенные надъ Лондономъ, Нью-Іоркомъ и Парижемъ, показали недостаточную обезпеченность этихъ городовъ.

Посредники признали, что нападающіе на маневрахъ эскадрильи могли засыпать и разрушить своими бомбами атакуемые города и тѣмъ сразу нанести противнику существенный ущербъ и нарушить работу самообороны. И это несмотря на то, что аэропланы-истребители поднялись черезъ 7-10 минутъ послѣ полученія извѣстія о появленіи противника.

Надо надѣяться, что дальнѣйшія работы по вопросу обороны достигнутъ своей цѣли. Покамѣстъ говорятъ только о возможности, благодаря особымъ лучамъ, остановки моторовъ непріятельскихъ аэроплановъ, но эти изобрѣтенія находятся покамѣстъ, если не въ области фантазіи, то въ періодѣ зачатія.

Къ типу военныхъ аэроплановъ надо причислить продовольственные аэропланы, снабженные особыми продовольственными бомбами — конусообразными жестяными коробками, содержащими въ себѣ чай, сахаръ, рисъ, кофе, муку и перевязочные матеріалы.

Подобные аэропланы особенно пригодны для снабженія отрѣзанныхъ отъ базы отрядовъ, какъ это имѣло мѣсто въ послѣднюю войну въ Марокко, когда только благодаря аэропланамъ удавалось снабжать всѣмъ необходимымъ отрѣзанные въ горахъ форты.

Къ этой же категоріи военныхъ аэроплановъ надо отнести и санитарные аэропланы.

Въ Марокканскую войную французы имѣли ихъ около 50 штукъ, и эти аэропланы оказали существенную пользу при вывозѣ раненыхъ въ тылъ, служа самымъ покойнымъ экипажемъ (что особено важно при бездорожьи) для раненыхъ и больныхъ. Погрузка больныхъ и раненыхъ не затруднительна, благодаря открывающейся боковой стѣнкѣ во всю длину аэроплана и имѣющимся въ аэропланѣ носилкамъ.

Спеціально военные аэропланы — это категорія болѣе легкихъ типовъ — это, такъ сказать, легкая кавалерія — царица воздушныхъ полей. Болѣе громоздкими и болѣе мощными являются гидропланы и аэропланы для пассажирскаго движенія и для перевозки грузовъ.

Я остановлюсь лишь на нѣсколькихъ типахъ, которые уже не составляютъ послѣдняго слова техники, но вошли почти во всеобщее употребленіе.

1. Гидроаэропланъ Фарманъ, типа Галіафъ Hydravion Torpilleur Farman снабженъ двумя моторами Gnome et Rhone e Jupiter Производитъ впечатлѣніе если не броненосца, то миноносца. Назначеніе подобныхъ гидроплановъ — въ минуту боя миноносныхъ эскадръ нанести ударъ противнику минами, которыя имѣетъ при себѣ. Эти мины обладаютъ скоростью до 30 узловъ на разстояніе 3000 метровъ.

Общій вѣсъ 800 килограммовъ, изъ нихъ 160 клгр. взрывчатыхъ веществъ. Галіафъ уже составилъ себѣ извѣстность, — на этомъ гидропланѣ лейтенантъ Vorisseau Bernard пролетѣлъ въ Тананариву на Мадагаскарѣ, покрывъ разстояніе 15.000 километровъ; на немъ же былъ совершенъ полетъ вокругъ всего Средиземнаго моря, отъ Бизерты до Абукира и Бейрута, и обратно.

2. Аэропланъ Фарманъ, Типа 160 Farman de Bombardement съ двумя пропеллерами, 2 мотора Фарманъ — 500 лошад. силъ. Общій вѣсъ 7000 килогр.; скорость 190 клм.

Высота подъема 6500 метровъ. Имѣетъ приспособленіе для 4-хъ бомбъ по 200 клгр. каждая и 5 бомбъ по 50 клгр.

3. Гидроаэропланъ типа Амфибія Hydravion d'observation ou de reconnaissance côtier type - Rbs.C. A. M. - S. 37 Amphibe съ моторомъ Лорена-Дитрихъ 450 л. с., или Испано-Сюиза; поверхность крыльевъ 57 метровъ, скорость 170 лкм. Общій вѣсъ 2790 клгр. Нагрузка 90 Оклгр. Отличительныя достоинства — скорость подъема, — можетъ въ 30 минутъ подняться на 3000 метровъ.

4. Аэропланъ смѣшаннаго типа. Аэропланъ Блеріо, типъ 165, съ уютной каютой на 16 персонъ, скорость 180 клм. въ часъ. Помѣщеніе для бомбъ — 1600 клгр.

Гидропланы и аэропланы пассажирскаго движенія

1. Гидропланъ коммерческій — Типъ МВ-36, съ тремя моторами «Юпитеръ» въ 1140 л.с.

Поверхность 130 кв. метровъ. Вѣсъ пустого — 5180 клгр., нагрузка 2850; районъ дѣйствія — 900 километровъ.

Коммерческая нагрузка 1350 клгр., скорость 180 клм. Можетъ взять 14 пассажировъ. Для багажа имѣются особыя двѣ камеры.

2. Аэропланъ S.P.A.-DN съ моторомъ Лоренъ - Дитрихъ. Monoplane de Combat et à haute altitude. Скорость — 283 километра. На этомъ аэропланѣ авіаторъ Callizo побилъ рекордъ высоты, 12442 метра въ 1926-мъ году.

3. Транспортный аэропланъ Фарманъ, съ моторомъ Фармана въ 500 л.с. Скорость 200 клм.

4. Коммерческій аэропланъ, типа Брегге 26 BreguetСкорость 204-194 клмт.

5. Самолетъ Рейанъ, съ моторомъ Райтъ Упрлвайндъ, — 220 л.с.

На этомъ аэропланѣ Линдбергъ перелетѣлъ Атлантическій океанъ въ 1928-мъ году.

6. Изъ аэроплановъ совѣтской Россіи, въ которой на авіаціонное дѣло обращено также большое вниманіе, особую извѣстность въ послѣднее время пріобрѣлъ аэропланъ «Страна Совѣтовъ», закончившій 1-го ноября пр. года свой рейдъ Москва-Нью-Іоркъ.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ образцы, но и указанные, вошедшіе уже въ практическое обращеніе, даютъ понятіе о громадности достигнутыхъ авіаціей успѣховъ.

Резюмируя все, можно сказать, что въ настоящее время существуютъ уже аппараты, имѣющіе моторы въ 420 — 500 — 600 — 1040 лошад. силъ, развивающіе въ среднемъ скорость отъ 170-204 клм., могутъ покрывать дистанціи болѣе 15.000 клм., могущіе подниматься на высоту болѣе 12.442 метра, могущіе обстрѣливать пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ, или забрасывать бомбами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже достаточно забронированные отъ ружейныхъ пуль.

Этимъ, конечно, не ограничиваются всѣ достиженія въ области авіаціи. Существуютъ, конечно, и много другихъ, болѣе совершенныхъ, болѣе мощныхъ аппаратовъ, какъ по силѣ вооруженія, такъ и по скорости полетовъ и удобству помѣщеній, но они, конечно, покамѣстъ составляютъ секретъ.

И не за горами тотъ часъ, когда по воздуху полетятъ такіе же мощные броненосцы, не уступающіе существующимъ на водахъ, такъ же легко преодолѣвающіе воздушныя стихіи, и столь же неуязвимые, какъ танки на сушѣ.

Газеты уже принесли извѣстіе о постройкѣ Морисомъ Дорнье въ Фридрихсгамѣ крылатаго гиганта, гидроаэроплана (Д. О. Х.), дѣлавшаго свой пробный полетъ надъ Констанстскимъ озеромъ съ 150-ю пассажирами. На немъ уже 12 моторовъ, общей мощностью въ 6.300 л.с., со скоростью 200 клм., съ грузоподъемностью 35 тоннъ, и съ экипажемъ для управленія только въ 10 человѣкъ. На немъ устроены отдѣльныя гостиныя, читальня, курительное помѣщеніе, баръ, — вообще все то, чѣмъ мы пользуемся на современныхъ пароходахъ.

Подобный гидропланъ заказанъ и французскимъ правительствомъ въ счетъ репарацій (къ слову сказать, на этомъ гидропланѣ 2-мъ пилотомъ состоитъ русскій лейтенантъ Крыгинъ).

Недавно изъ Берлина получено сообщеніе, что заводомъ Юнкерса выпущенъ гигантъ аэропланъ, превосходящій своими размѣрами аэропланъ Дорнье Д.О.Х., названный Г.-38. Онъ имѣетъ 23 метра въ длину и свыше 5 метровъ въ вышину. Размѣръ крыльевъ — 45 метровъ съ общей поверхностью несущихъ плоскостей въ 300 кв. метровъ.

Отличительная особенность этого гиганта — 4 мотора и часть пассажирскихъ кабинъ расположены внутри крыльевъ. На немъ устроены, конечно, всѣ необходимыя и удобныя каюты, кухня и большое почтовое отдѣленіе.

Много вниманія удѣляется въ послѣднее время въ области воздушной техники и аппаратамъ легче воздуха — дирижаблямъ.

Говорить о преимуществахъ дирижаблей передъ аэропланами и гидропланами не приходится, — есть защитники и тѣхъ, и другихъ. Нѣмцы и англичане отдаютъ предпочтенie дирижаблямъ, французы, итальянцы и совѣтская Россiя — аэропланамъ и гидропланамъ.

Намъ кажется, что будущее принадлежитъ и тѣмъ и другимъ, съ перевѣсомъ для военныхъ цѣлей аэроплановъ, а для коммерческихъ, для перевозки пассажировъ и багажа, дирижаблей.

Нѣмецкiй дирижабль типа Цеппелина Л.С.-127 уже доказалъ пригодность подобныхъ кораблей для полетовъ на дальнiя разстоянiя, совершивъ подъ управленiемъ д-ра Эккенэра 4 раза перелетъ черезъ Атлантическiй океанъ и облетѣвъ вокругъ свѣта въ 12 дней.

Англiя тоже уже преподнесла мiру особый гигантскiй дирижабль (типъ Р-101), названный «Чудомъ Англiи», съ прекрасными каютами и другими необходимыми кабинками. Этотъ дирижабль, построенный по чертежамъ инженера Ричмонда, уже совершилъ 14-го октября пр. г. пробный полетъ надъ Лондономъ и его окресностями, съ 14-ю пассажирами, со скоростью около 93 клм. въ часъ, на высотѣ 300-600 метр., послушно подчиняясь всѣмъ поворотамъ руля, несмотря на вѣтеръ, доходившiй до 32 клм.

Для причаливанiя этого дирижабля построена особая башня съ механически выдвигающимися баграми, захватывающими спускающимися при причаливанiи съ воздушнаго корабля якорными тросами. Пассажиры съ корабля переходятъ на башню по трапу и спускаются далѣе на землю на особой подъемной машинѣ.

Къ недостаткамъ дирижаблей надо отнести ихъ большую способность воспламененiя, даже отъ молнiи во время грозы.

Но и въ этомъ отношенiи сдѣлали шаги — теперь водородъ, которымъ ранѣе наполняли воздушные шары, замѣненъ «гелiемъ», — газомъ, который воспламеняется гораздо труднѣе. Этимъ газомъ былъ наполненъ и дирижабль Цеппелинъ С.-127 во время его кругосвѣтнаго полета.

Развитiе авiацiи попутно выдвигаетъ вопросъ и о спасательныхъ средствахъ для совершающихъ полетъ, и потому, въ ногу съ аппаратами, идутъ и изобрѣтенiя всевозможныхъ парашютовъ, которыхъ имѣется уже сотни типовъ.

Для большей обезпеченности при перелетахъ черезъ океаны, выдвинутъ вопросъ о постройкѣ особыхъ плавучихъ островов, которые могутъ служить базами для пополненiя горючаго и для починокъ, и уже въ январѣ 1930 г. была намѣчена закладка одного такого острова, сконструированнаго въ Америкѣ.

Работаютъ и надъ вопросомъ о полетахъ въ междупланетное пространство.

Уже дѣлаются опыты надъ полетами особыхъ ракетъ, долженствующихъ послужить прототипомъ аппаратовъ для полета на сосѣднiя планеты. Не вѣрится еще этому фантастическому проекту, но поживемъ — увидимъ. . .

А. Черячукинъ

Четвертое измѣреніе

— У аппаратовъ товсь!

Командиръ не отрывалъ глазъ отъ перископа. Повидимому, съ крейсера его не замѣтили. По крайней мѣрѣ, крейсеръ продолжалъ идти небольшимъ ходомъ, прежнимъ курсомъ. Еще нѣсколько секундъ и онъ подойдетъ къ прицѣльной линіи.

— Пли!

Двѣ мины одновременно вылетѣли изъ аппаратовъ и помчались со скоростью своихъ 40 узловъ *) на непріятеля, оставляя на слегка взволнованной поверхности моря едва замѣтный слѣдъ пузырей отработаннаго воздуха. Но въ то же самое мгновеніе:

— Брумъ! Брубубумъ! Брумъ! Бумъ!

Снаряды легли очень близко. Лодка забрала глубину и легла на другой курсъ. Разрывы снарядовъ прекратились. Вслѣдъ за этимъ заглушенный шумъ отдаленнаго взрыва показалъ, что одна изъ минъ попала въ цѣль.

Тогда командиръ привелъ лодку къ поверхности, выдвинулъ перископъ и осмотрѣлся. По всей окружности горизонта ничего не было видно, кромѣ воды.

— Всплывай!

Лодка вынырнула изъ воды. Черезъ открытый люкъ люди вышли наверхъ. Тамъ, гдѣ только что шелъ трехтрубный красавецъ крейсеръ, не было ровно ничего.

Нѣтъ, что-то плавало. Какая-то маленькая черная точка то появлялась на волнѣ, то снова исчезала. Лодка направилась на нее. Это былъ спасательный кругъ, не сумѣвшій исполнить своего назначенія. Его выловили, какъ вещественное доказательство успѣха атаки.

— Горизонтъ чистъ, непріятеля нигдѣ не видно. Пустите дизель-моторы на зарядку аккумуляторовъ, — приказалъ командиръ механику. — Похоже на то, что мы можемъ нѣсколько времени отдохнуть и погрѣться на солнышкѣ. Опасности, повидимому, ждать неоткуд...

— Брабамъ! Брамъ! Брабамъ!

Въ мгновеніе ока всѣ провалились въ люкъ.

— Электромоторамъ полный впередъ! Рули на погруженіе!

— Брамъ! Брабабамъ!

Аэропланная бомба разорвалась такъ близко, что лодка рѣзко вздрогнула всѣмъ корпусомъ. Всѣ лампочки полопались и наступила полная тьма. При помощи карманныхъ лампочекъ, осмотрѣлись и замѣнили лампочки новыми. По счастью, поврежденіе только этимъ и ограничилось. Течи нигдѣ не было.

Взрывы продолжались, но уже на большомъ разстояніи, потомъ совсѣмъ глухо и, наконецъ, прекратились. Очевидно, аэропланъ потерялъ лодку изъ виду.

*) Узелъ соотвѣтствуетъ милѣ, что равно 1¾ версты. 40 узловъ — 70 верстъ въ часъ.

— И откуда онъ взялся? Вѣдь нигдѣ ничего не было видно! — недоумѣвалъ штурманъ.

— Мы, батенька, съ вами прозѣвали. Онъ не былъ виденъ, потому что летѣлъ какъ разъ со стороны солнца. Впредь наука: осматривать небо съ солнечной стороны въ дымчатое стекло...

Но все же, непріятная встряска подѣйствовала, и до самаго вечера лодка уже не всплывала. Послѣ захода солнца она поднялась на поверхность и до полуночи заряжала аккумуляторы. Затѣмъ командиръ ея выбралъ подходящую глубину съ песчанымъ грунтомъ, погрузился и легъ на дно. До утра все равно дѣлать было нечего, поэтому слѣдовало дать командѣ отдыхъ. Въ тихую погоду на ровномъ песчаномъ днѣ спокойно лежать. Въ сущности говоря, всѣ безъ исключенія могли бы спать. Но на всякій случай вахтенный начальникъ, да пара вахтенныхъ матросовъ бодрствовали. До трехъ часовъ ночи все было тихо и спокойно. Въ четвертомъ часу вдругъ лодка легонько заскрипѣла на своемъ песчаномъ ложѣ. Потомъ снова и едва замѣтно качнулась. Потомъ еще и еще. Вахтенный начальникъ всталъ со своего мѣста въ центральномъ посту, прошелъ въ командирскую каюту и разбудилъ командира.

— Наверху засвѣжѣло, — доложилъ онъ, — лодку стало подергивать.

— Долго ли до разсвѣта? — спросилъ командиръ.

— Свѣтаетъ въ половинѣ пятаго. Еще около часа осталось.

— Хорошо. Въ свѣжую погоду намъ тутъ дѣлать нечего. Приготовьте карты и проложите курсы въ N-скій заливъ. Съ разсвѣтомъ снимаемся.

— Есть.

Ко времени побудки команды лодку стало довольно сильно дергать. Поэтому командиръ велѣлъ дать завтракать послѣ того, какъ лодка тронется, и прошелъ въ центральный постъ командовать подъемомъ.

Продули среднюю цистерну, и сразу подергиванія прекратились. Глубомѣръ показывалъ сперва медленное, затѣмъ все ускорявшееся уменьшеніе глубины.

— Малый впередъ. Рули горизонтально!

Лодку положило на бортъ. Она выпрямилась, но слѣдующей волной ее снова накренило. Началась сильная бортовая качка. Въ то же время въ иллюминаторы ворвались яркіе лучи только что взошедшаго солнца. Лодка всплыла.

Черезъ иллюминаторы открывалась картина, разбушевавшагося за ночь моря. Гдѣ-то на горизонтѣ штормовало какое-то судно, походившее на миноносецъ.

Свой? Непріятельскій? Не стоило и пытаться выяснять это. Все равно, въ такую погоду атака немыслима. Поэтому командиръ приказалъ погрузиться и на небольшой глубинѣ, гдѣ качка была уже мало чувствительна, пошелъ къ своимъ берегамъ. Часа черезъ четыре онъ осмотрѣлся въ перископъ. Справа на носу виднѣлся поворотный ма-

якъ. Еще немного, и мысъ закроетъ лодку отъ волны, тогда можно будетъ всплыть. Пока же, онъ снова погрузился.

— Ррраззз. . .

Что это? Точно стальной тросъ трется о бортъ лодки! Онъ вдругъ понялъ: лодка попала въ поставленное непріятелемъ минное загражденіе. Какъ быть? Всплыть нельзя, наверху, между лодкой и поверхностью воды, находятся мины. Лечь на дно безполезно. Это не выходъ изъ положенія. Нельзя и остановить моторовъ, такъ какъ лодка, потерявъ ходъ, должна, въ зависимости отъ количества воды въ уравнительной цистернѣ, либо всплыть, либо уйти на дно. Оставалось положиться на волю Божію и продолжать осторожно идти впередъ на той же глубинѣ. Авось, ни одинъ минрепъ не запутается въ винтахъ, и лодка благополучно выберется. Такіе случаи бывали. Почемъ знать, можетъ быть, лодка попала въ самый край загражденія и сейчасъ изъ него выйдетъ.

Шумъ прекратился. Эту миновали благополучно. Но все-таки надо попытаться принять мѣры, чтобы, если несчастье произойдетъ, хоть часть людей могла спастись. Поэтому командиръ вызвалъ по очереди всѣхъ офицеровъ, объяснилъ имъ положеніе, и приказалъ задраить всѣ водопроницаемыя двери и стать у клапановъ, подающихъ воздухъ въ отсѣкъ. Пусть несчастный случай съ АГ15 принесетъ хоть кому-нибудь пользу.

Пока приказаніе приводилось въ исполненіе, раздался новый трескъ минрепа. Эта не помиловала. Въ слѣдующее мгновеніе минрепъ былъ захваченъ лопастью винта, мину подтянуло и раздался оглушительный взрывъ. Всю кормовую часть оторвало вмѣстѣ съ аккумуляторнымъ отсѣкомъ. Носовая и центральный постъ стремительно понеслись ко дну и врѣзались въ песокъ. Центральный постъ, черезъ пробоину въ переборкѣ, почти мгновенно наполнился водой. А носовый отсѣкъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, и черезъ нѣкоторое время находившіеся въ немъ люди стали приходить въ себя.

Не всѣ ожили. Четверо взрывомъ были брошены съ такой силой о переборку, что ихъ убило на мѣстѣ. Они лежали на палубѣ въ лужѣ крови. Рядомъ съ ними лежалъ боцманъ съ перешибленными ногами. Остальные пять и минный офицеръ отдѣлались ушибами.

Долго лежали они въ темнотѣ, ошеломленные и подавленные, и только стоны нарушали могильную тишину морского дна. Но постепенно въ мозги стало внѣдряться не сознаніе свершившагося, не ужасъ ихъ положенія, нѣтъ, но приближеніе какой-то новой непосредственной опасности.

И вдругъ они поняли. Въ ихъ отсѣкъ постепенно черезъ какія-то трещины проникала вода.

Минный офицеръ очнулся отъ оцѣпенѣнія и вспомнилъ послѣднее распоряженіе командира. Онъ досталъ карманную лампочку, но она не подѣйствовала. Тогда онъ сдѣлалъ перекличку. Отвѣтило пять голосовъ. Боцманъ отъ боли потерялъ сознаніе.

— Ребята, —приказалъ минный офицеръ, — у насъ остался единственный шансъ на спасеніе. Пусть каждый ощупью пройдетъ къ

переборкѣ, сниметъ съ нея и надѣнетъ капковые бушлаты. Затѣмъ всѣ подойдите къ люку и станьте гуськомъ около него. Я открою клапанъ и дамъ внутрь лодки давленіе воздуха. Когда это давленіе сравняется съ забортнымъ, пусть первый, стоящій у люка, откроетъ его и, благословясь, выбрасывается изъ лодки. Струей выходящаго воздуха его выброситъ на поверхность, а капковый бушлатъ не даетъ утонуть. Слѣдующій громко сосчитаетъ: разъ, два, три и сдѣлаетъ то же самое. Послѣднимъ выброшусь я. А тамъ, что Богъ дастъ...

Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ назначилъ мѣста въ очереди. Затѣмъ снова сталъ окликать недостающихъ. Но никто больше не отвѣтилъ. Тогда, убѣдившись, что люди стоятъ у люка, онъ повернулъ воздушный клапанъ. Воздухъ со свистомъ сталъ врываться внутрь лодки. Стало тяжелѣе дышать, въ вискахъ стучало.

— Петровъ, открывай люкъ, — приказалъ онъ, становясь самъ въ очередь. Первый изъ стоящихъ замялся. Какъ же открывать люкъ, когда надъ люкомъ вода? Вѣдь это не спасеніе, а гибель! Но и тутъ тоже гибель. Почемъ знать, можетъ быть, офицеръ и правъ. И онъ рѣшительно повернулъ рукоятку. Въ ту же секунду его сильно ударило обо что-то плечомъ и стремительно понесло кверху.

— Разъ, два, три! О, Господи! — раздался голосъ второго, и онъ такъ же исчезъ въ люкѣ. Третій и четвертый послѣдовали за нимъ. Но пятый вдругъ заартачился. Онъ сдѣлалъ рѣзкій скачекъ въ сторону. «Съ ума сошелъ!» — мелькнуло въ головѣ у миннаго офицера. Онъ прыгнулъ въ сторону и ощупью ухватилъ за плечо. Тотъ вырвался. Началась борьба, въ пылу которой они подошли къ самому люку. Носовая часть уже почти заполнилась водой, воздухъ еще выходилъ, но уже не такъ сильно. Минный офицеръ сдѣлалъ попытку силой втолкнуть упрямца въ люкъ, но сумасшедшій съ дикимъ хохотомъ обхватилъ его.

— Ты хочешь, чтобы мы изъ рыбъ превратились въ птицъ, — завопилъ онъ, — такъ будь же первый птицей, покажи примѣръ! На, лети! — Онъ подтянулъ его къ люку и вытолкнулъ. Уже выносясь на поверхность, минный офицеръ еще слышалъ ужасный хохотъ безумца.

Наверху море бушевало. Пять несчастныхъ, спасшихся отъ гибели подъ водой, были не въ лучшемъ положеніи. Они даже не видѣли одинъ другого, раздѣленные волнами, и не могли надѣяться на то, что кто-нибудь ихъ увидитъ и спасетъ.

И дѣйствительно, только двоимъ удалось добраться до берега. Третій былъ прибитъ волнами уже мертвымъ, остальные двое безслѣдно исчезли.

***

При чемъ же тутъ четвертое измѣреніе? — спроситъ читатель. А вотъ при чемъ. Прежде война велась только на поверхности. Опасность была видна издалека. Она шла спереди, сзади, съ боковъ. Теперь ее нужно ждать, кромѣ того, еще сверху, изъ воздуха, снизу, изъ подъ воды. Теперь она является внезапно, тогда, когда ее и не ожидаешь.

Какъ же вести войну, откуда взять силы для борьбы съ опасностью, идущей сразу изъ трехъ измѣреній?

На это способно только четвертое измѣреніе, та сила духа, та воинская доблесть, которая всегда была душою нашего флота и нашей арміи и которая овѣяла сѣдою славою знамена нашихъ полковъ и андреевскіе флаги нашихъ кораблей.

Это мнѣ разсказалъ спасшійся минный офицеръ. Оправившись отъ потрясенія, онъ просилъ о назначеніи и былъ назначенъ на новую подводную лодку, заканчивавшую пріемныя испытанія и вступавшую въ строй.

Е. фонъ Шильдкнехтъ

Скорбный листокъ

СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
† ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ П. П. ОРЛОВЪ

Лейбъ-Казаки понесли тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 6-го октября бывшаго командира полка Петра Петровича Орлова.

Съ основанія Л.-Казачьяго полка, полтора вѣка въ рядахъ его служили представители стариннаго и уважаемаго рода Донскихъ казаковъ Орловыхъ, начиная съ перваго командира его при Императрицѣ Екатеринѣ II, и безъ перерыва шесть поколѣній отдали свою жизнь служенію родному полку.

Вся мечта жизни съ выхода П. П. Орлова изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ 1895-мъ году, была служить Престолу въ рядахъ Лейбъ Казачьяго Его Величества полка, гдѣ онъ провелъ отъ чина хорунжаго до генерала, семь лѣтъ неся должность полкового адъютанта, затѣмъ командуя сотней Его Величества, въ каковой должности въ 1905-мъ году былъ зачисленъ Флигель-Адъютантомъ; съ полкомъ старшимъ штабъ-офицеромъ выступилъ на войну и въ 1915-мъ году на фронтѣ принялъ командованіе полкомъ съ производствомъ въ генералъ-маіоры и съ зачисленіемъ въ Свиту Его Величества.

Въ 1916-мъ году П. П. командуетъ Гвардейской Казачьей бригадой, а въ 1917-мъ заканчиваетъ свою военную карьеру командующимъ 3-ей Гвардейской кавалерійской дивизіей, участвуя безсмѣнно въ теченіи всей войны въ боевыхъ дѣйствіяхъ командуемыхъ имъ частей.

Исключительно доброжелательный и мягкій по своему характеру, чуждый интригъ и властолюбія, П. П. весь зажигался огнемъ, когда вопросъ касался чести мундира и защиты интересовъ своего полка.

Съ паденіемъ Престола П. П. считаетъ свою службу оконченной, и удаляется на югъ, почти не участвуя въ борьбѣ въ періодъ Добровольческой Арміи.

Въ эмиграціи, въ Сербіи, твердо и неуклонно держа стягъ монархической идеи, П. П. неоднократно избирался Предсѣдателемъ Бѣл-

градской колоніи, ведя неустанную борьбу противъ прихвостней керенщины.

Тяжкій недугъ, обостренный послѣдствіями контузій, полученными въ бояхъ, ускорилъ его страдные дни.

Лейбъ-Казачья семья отдала послѣдній долгъ своему любимому командиру, вынеся на погребеніе сохраненный полкомъ боевой Георгіевскій штандартъ и выставивъ почетныхъ часовыхъ къ гробу почившаго.

Служеніе, безъ лести преданнаго полку въ теченіе почти 35 лѣтъ, Петра Петровича Орлова да послужитъ яркимъ примѣромъ молодому подрастающему поколѣнію любви и преданности Царской власти и своему полку.

Да будетъ Тебѣ земля пухомъ!

Д. П.

---

† ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ В. Х. РООПЪ

Въ Парижѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Владиміръ Христофоровичъ Роопъ.

Покойный, по окончаніи Пажескаго корпуса, въ 1882-мъ году былъ произведенъ въ корнеты Л. Гв. въ Конный полкъ.

Блестяще пройдя курсъ Академіи Генеральнаго Штаба, В. Х. Роопъ около пяти лѣтъ провелъ на крайне отвѣтственномъ посту военнаго агента въ Вѣнѣ, командовалъ 9-мъ уланскимъ Бугскимъ и Л. Гв. Конно-Гренадерскимъ полками, а затѣмъ гвардейской кавалерійской бригадой въ Варшавѣ.

Война застала генерала Роопа начальникомъ 6-ой кавалерійской дивизіи, за блестящія дѣйствія которой покойный получилъ орденъ Св. Георгія 4 ст. Прокомандовавъ затѣмъ 2 кавалерійскимъ корпусомъ, генералъ Роопъ въ 1917-мъ году былъ назначенъ начальникомъ чрезвычайной миссіи въ Америку, гдѣ онъ съ рѣдкимъ тактомъ и энергіей велъ работу, оцѣненную по достоинству президентомъ и мѣстной американской прессой.

Во время гражданской войны генералъ Роопъ былъ призванъ адмираломъ Колчакомъ на должность начальника снабженія во Владивостокѣ.

Покойный неизмѣнно пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

А. П.

---

† ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ А. Н. РОЗЕНШИЛЬДЪ ф.-ПАУЛИНЪ

Въ г. Новый Садъ, въ Югославіи, скончался генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Анатолій Николаевичъ Розеншильдъ фонъ Паулинъ.

Покойный окончилъ Павловское военное училище и въ 1879-мъ

году былъ произведенъ въ прапорщики Л. Гв. въ 4-ый Стрѣлковый Императорской Фамиліи баталіонъ. По окончаніи Академіи, А. Н. Розеншильдъ прослужилъ болѣе 15 лѣтъ на различныхъ должностяхъ генеральнаго штаба. Во время русско-японской войны покойный доблестно командовалъ 7-мъ Стрѣлковымъ полкомъ, былъ раненъ,, за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ. По окончаніи войны генералъ А. Н. Розеншильдъ командовалъ Л. Гв. 1 Стрѣлковымъ Его Величества баталіономъ и былъ начальникомъ офицерской стрѣлковой школы.

На великую войну покойный выступилъ во главѣ 29-ой пѣхотной дивизіи, съ которой одержалъ рядъ крупныхъ успѣховъ надъ нѣмцами въ августѣ 1914 года въ Восточной Пруссіи.

Въ 1915-мъ году, въ Августовскихъ лѣсахъ, 20-ый корпусъ, въ составъ коего входила дивизія генерала Розеншильда, былъ окруженъ, и покойный, тяжело контуженный въ голову, попалъ въ плѣнъ. По возвращеніи изъ плѣна генералъ Розеншильдъ немедленно вступилъ въ ряды Добровольческой Арміи на югѣ Россіи и вплоть до самой эвакуаціи Крыма непрерывно работалъ на должности наблюдающаго за офицерскими и пулеметными курсами.

Въ Югославіи покойный весь свой досугъ посвящалъ работѣ въ военныхъ организаціяхъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью.

Миръ праху Твоему, честный русскій воинъ.

А. П.

---

† ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ Н. И. ЛОПАТИНЪ

19-го октября въ Суръ-Эль-Арба, въ Тунисѣ, скончался членъ Союза генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Лопатинъ.

---

† ПОЛКОВНИКЪ І. І. АНДРУШКЕВИЧЪ

Въ Морскомъ госпиталѣ въ Тунисѣ скончался членъ Союза полковникъ Іосифъ Іосифовичъ Андрушкевичъ.

Принимается подписка на «ВѢСТНИКЪ». Цѣна номера 2 франка съ пересылкой 2 фр. 50 сант.

Переписку по дѣламъ редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза.

Union des officiers russes, 35, rue de Sèvres, Paris VII.

Le gérant : M. Boivent

Imp. de la Soc. Nouv. d'Edit. Franco-Slaves. 32, rue de Menilmontant

№ 7

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Отъ Правленія. — 2. Изъ жизни Союза. — 3. *В. Ткачевъ:* Вокругъ свѣта. — 4. *П. Соколовъ:* Паденіе Перемышля. — 5. *Леонидъ Зуровъ:* Осада Пскова. — 6. *П. С-въ:* Лѣто. — 7. *А. Спиридовичъ:* Петръ Великій и католицизмъ. — 8. Военно-Техническіе Курсы.

Отъ Правленія Союза

Оканчивается десятый годъ существованія нашего Союза; для большинства изъ насъ, офицеровъ участниковъ войны, десятый годъ существованія нашего за границей.

И такъ же, какъ и прежде, далека отъ насъ родная земля.

Многихъ, старшихъ годами, удрученныхъ ранами и болѣзнями, призвалъ уже Господь въ селенія праведныхъ, гдѣ отдыхаютъ они отъ трудовъ и лишеній послѣднихъ лѣтъ. Иные, — правда, немногіе, — въ погонѣ за матеріальными благами, отошли отъ военной семьи.

Не дремлетъ и лютый врагъ — совѣтская власть. Вся русская эмиграція потрясена похищеніемъ главы Обще-Воинскаго Союза генерала Кутепова, среди бѣла дня плѣненнаго агентами красной Москвы.

Но, какъ и раньше, мы продолжаемъ чувствовать себя офицерами; какъ и раньше, передъ лицомъ врага крѣпче смыкаемъ наши ряды, несемъ знамена, знамена долга, преданности Родинѣ, ненависти къ ея поработителямъ.

Насъ много больше, чѣмъ это можетъ казаться. Отъ Парижа до Шанхая, отъ Альпъ до Кордильеровъ, черезъ дали русскаго разсѣянія, по всему міру идетъ живая перекличка русскихъ офицеровъ, сторожевыхъ русской чести. «Славна Императорская Армія, славны Бѣлые полки, славна мать наша Россія», — доносятся зовы и ловитъ уже чуткое ухо дальній отзвукъ этой переклички за краснымъ рубежомъ.

Да, мы перестали думать о весеннихъ походахъ, но всегда живетъ въ сердцѣ надежда, что зазвенятъ трубы и, очнувшись отъ тяжелаго сна, призоветъ насъ на помощь Родина.

Длительные и тяжелые происходятъ процессы въ сознаніи обманутаго народа, труднымъ и горькимъ опытомъ дается русской землѣ очищеніе отъ коммунизма. Но хотя медленно, но вѣрно, мелютъ Божьи мельницы, и рано или поздно настанстъ день, когда, подобно былинному Ильѣ Муромцу, сиднемъ сидѣвшему долгіе годы, во святомъ гнѣвѣ подымется русскій народъ.

Будемъ ждать этого дня, не считаясь ни съ навѣтами тѣхъ, кому

въ великой русской трагедіи дорога лишь партійная правда, ни со злобой враговъ зарубежнаго нашего воинства. Мы готовы, спаяны дисциплиной, и когда часъ пробьетъ, свой долгъ исполнимъ до конца.

А часа этого, быть можетъ, ждать уже и не долго. Разстрѣливаютъ повстанческіе отряды комиссаровъ въ Бѣлоруссіи, на смерть бьются на Кавказѣ, летятъ подъ откосъ поѣзда съ краснымъ начальствомъ въ Сибири, разгорается народная война на Амурѣ и въ Приморьи. Грозитъ всему совѣтскому союзу заря русской свободы.

Нѣтъ лишь единства дѣйствія; нѣтъ лишь общей согласованной организаціи.

Не сказала еще своего слова и красная армія.

Но скоро она это слово скажетъ.

Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ.

Одушевленная этими мыслями, Редакція Вѣстника призываетъ всѣхъ членовъ Союза, всѣхъ офицеровъ участниковъ войны, крѣпче держать связь съ Вѣстникомъ, посылать для напечатанія запросы и свѣдѣнія, могущія интересовать русскаго офицера въ эмиграціи; извѣстія изъ совѣтской Россіи; сообщенія о русской воинской жизни за границей; замѣтки и статьи по военному дѣлу; очерки и воспоминанія о минувшихъ боевыхъ годахъ и о славномъ нашемъ военномъ прошломъ.

Полковникъ **П. Соколовъ**

Из жизни союза

Въ приказѣ по Русскому Обще-Воинскому Союзу отъ 21-го марта 1930 года за № 4 значится:

§ 1

Генералъ-лейтенантъ Арсеньевъ, Предсѣдатель Союза Офицеровъ участниковъ Великой войны во Франціи, вошелъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи его, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ занимаемой имъ должности.

Освобождая генералъ-лейтенанта Арсеньева отъ занимаемой имъ должности,

назначаю Предсѣдателемъ Союза Офицеровъ участниковъ Великой войны во Франціи генерала отъ кавалеріи *Эрдели.*

§ 2

Генералъ-лейтенантъ Арсеньевъ болѣе 4½ лѣтъ занималъ постъ Предсѣдателя одного изъ многочисленнѣйшихъ военныхъ союзовъ Зарубежья.

За время возглавленія г.-л. Арсеньевымъ Союза участниковъ войны, при послѣднемъ возникла успѣшно функціонирующая Касса Взаимопомощи; учреждена койка имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи для туберкулезныхъ чиновъ Союза; открыты гимнастическо-фехтовальные Курсы; приступлено къ организаціи молодежи и предпринято изданіе своего періодическаго журнала въ видѣ особаго «Вѣстника».

Всегда чуткій къ людскому несчастью и отзывчивый на всѣ невзгоды современнаго лихолѣтія, г.-л. Арсеньевъ много потрудился въ дѣлѣ оказанія возможной помощи нуждающимся чинамъ Союза, какъ пріисканіемъ подходящей работы, такъ и выдачей пособій.

Исполняя выпавшія на его долю трудныя и отвѣтственныя обязанности съ присущими ему служебной опытностью и житейскимъ тактомъ, г.-л. Арсеньвъ покидаетъ свой постъ, оставляя возглавлявшійся имъ Союзъ значительно окрѣпшимъ и еще болѣе проникнутымъ сознаніемъ долга участниковъ послѣдней міровой войны передъ всѣмъ Зарубежнымъ Россійскимъ Воинствомъ, въ смыслѣ примѣра воинской дисциплины, порядка и поддержанія другъ друга въ несчастьи.

Увѣренъ, что всѣ чины Союза съ большой признательностью будутъ всегда вспоминать своего бывшаго Предсѣдателя г.-л. Арсеньева.

Принося отъ лица всего Р. О.-В. Союза сердечную благодарность г.-л. Арсеньеву за его многополезную плодотворную дѣятельность на посту Предсѣдателя Союза Офицеровъ участниковъ Великой войны во Франціи, выражаю твердую надежду, что глубокоуважаемый Евгеній Константиновичъ, оставаясь въ рядахъ Р. О.-В. Союза, по прежнему будетъ по мѣрѣ силъ работать на пользу нашего общаго національнаго дѣла.

Генералъ **Миллеръ**

Генералъ-лейтенатъ **Стоговъ**

25-го мая 1930 года состоялось Годовое Общее Собраніе Союза Офицеровъ Участниковъ войны. Открывая собраніе, Предсѣдатель Союза предложилъ собравшимся почтить вставаніемъ и молитвенно помянуть скончавшихся Вождей и воиновъ членовъ Союза, послѣ чего, касаясь вопроса о возмутительномъ похищеніи большевиками генерала Кутепова, предложилъ послать отъ Общаго Собранія привѣтствіе вступившему въ исполненіе обязанностей Предсѣдателя Обще-Воинского Союза генералъ-лейтенанту Миллеру. Огласивъ затѣмъ повѣстку дня, генералъ Эрдели прочелъ нижеприводимый докладъ о дѣятельности и работѣ Союза за 1929-ый годъ:

«1929-ый годъ былъ девятымъ годомъ существованія Союза. Во внутренней жизни онъ, подобно предыдущему, прошелъ такъ же вполнѣ благополучно и функціи Правленія въ немъ были тѣ же.

Главнымъ образомъ, работа была направлена на оказаніе помощи больнымъ и нуждающимся и на подыскаціе службы и содѣйствіе рекомендаціями тѣмъ членамъ Союза, которые оказывались въ затруднительныхъ положеніяхъ. Неизмѣнная помощь Французскаго Союза A. N. C. C. въ этомъ отношеніи была весьма значительной.

Гимнастическіе курсы и курсы для ознакомленія молодежи, учрежденные въ прежніе годы, въ 1929-мъ году дѣйствовали такъ же успѣшно, и, хотя начало 1930-го года застало ихъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, благодаря труднымъ вопросамъ помѣщенія, но Правленіе надѣется, что ему удастся затрудненіе это преодолѣть.

По прежнему, въ отчетномъ году дѣйствовало налаженное средство связи между членами Союза: продолжалось изданіе Вѣстника Союза. Хотя въ послѣднее время въ Парижѣ въ значительной степени и увеличился выпускъ разнообразныхъ изданій такого рода, обладающихъ средствами для оплаты труда сотрудниковъ, продолженіе изданія Вѣстника признано Правленіемъ желательнымъ и полезнымъ, а при самоокупаемости, которая пока сопровождала ла это дѣло, и безплатной работѣ сотрудниковъ, цѣль должна считаться достигнутой.

Уплата членскихъ взносовъ въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, производилась крайне неисправно. За 1929-ый годъ член-

скіе взносы уплачены только 975 членами Союза и 129 внесли просроченные взносы за прежніе годы.

Настоятельно необходимо, чтобы въ этомъ отношеніи членами Союза была проявлена большая аккуратность; для чего особенно рекомендую при перемѣнахъ членскихъ карточекъ пользоваться всякими возможными случаями, дѣлая это черезъ группировки, объединенія, мѣста совмѣстной работы и службы; обмѣнить членскіе карточки можетъ быть поручено одному за нѣсколькихъ человѣкъ и, такимъ образомъ, работающіе не будутъ оторваны отъ своего дѣла.

Притокъ новыхъ членовъ и въ отчетномъ году продолжался. Въ 1929-мъ году въ Союзъ записалось 221 новыхъ членновъ.

Матеріальное положеніе Союза за 1929-ый годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общая сумма прихода достигла	29.788,16
Что за вычетомъ остатка отъ 1928-го года	7.275,94
составитъ сумму поступленія за 1929-ый годъ	22.512,22
Общая сумма расходовъ въ 1929 году достигла .	21.604,75

На 1.200 франковъ менѣе прошлаго года.

Въ остаткѣ на 1-ое яваря 1930-го года состояло:

По приходо-расходной книгѣ Союза	8.183,41
Наличность Кассы Взаимопомощи	1.829,81
и суммъ Библіотеки	66
Всего суммъ Союза	10.013,22

Внутренняя жизнь Союза и его Отдѣловъ въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, протекала вполнѣ благополучно.

Союзъ существуетъ только на свои средства, и помощь постороннихъ лицъ выражена въ немъ въ совершенно незначительныхъ размѣрахъ. Поступленіе членскихъ взносовъ, къ сожалѣнію, далеко не вполнѣ регулярно, и хотя многіе члены и уплачиваютъ ихъ потомъ сразу за нѣсколько лѣтъ, средствъ Союза хватаетъ только для бездифицитнаго функціонированія уже организованной работы и не представляется возможности ее расширить. А насущная нужда въ таковомъ расширеніи стоитъ во весь ростъ. Еще въ докладѣ Предсѣдателя Союза о дѣятельности за отчетный 1927-ой годъ указывалось, что тяжелая въ физическомъ и моральномъ отношеніи жизнь многихъ членовъ Союза не могла за продолжительные годы изгнанія, непосильнаго труда, а часто и безработицы, не отразиться на здоровьи многихъ членовъ Союза. Все чаще и чаще обращаются въ Союзъ надорвавшіе свое здоровье, съ ослабѣвшими силами, часто больные, но, по необходимости, все еще работающіе, члены Союза.

Это не инвалиды по неоспоримому наружному признаку. Это просто изнуренные отъ тяжелыхъ условій жизни и труда старые боевые офицеры. У нихъ нѣтъ другого пристанища, какъ Союзъ, къ нему они тянутся за помощью и поддержкой.

Мало возможностей у Правленія Союза сдѣлать это. Кромѣ направленія къ врачамъ, которые по прежнему неизмѣнно, обыкновенно за

небольшую плату, а часто и безплатно, по запискамъ Секретаря, оказываютъ нуждающимся помощь.

Организация койки для туберкулезныхъ Имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи отчасти помогла дѣлу помощи нуждающимся, но необходимо подумать серьезно о старикахъ и изнуренныхъ трудомъ членахъ Союза.

При обсужденіи пункта 3-го повѣстки дня, я въ моемъ докладѣ еще вернусь къ этому вопросу.

Заканчивая докладъ о дѣятельности Союза за прошлый годъ, предлагаю Общему Собранію выразить благодарность покинувшему свой постъ въ виду отъѣзда изъ Парижа бывшему Предсѣдателю Союза генералъ-лейтенанту Арсеньеву, который, назначенный Покойнымъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Предсѣдателемъ Союза, возглавлялъ его и работалъ на его пользу пять лѣтъ».

Предложеніе Предсѣдателя Союза Общимъ Собраніемъ принимается съ просьбой генералу Эрдели это исполнить.

Послѣ этого Предсѣдатель Ревизіонной Комиссіи Союза генералъ отъ-кавалеріи Баратовъ оглашаетъ постановленіе комиссіи о повѣркѣ денежныхъ суммъ и отчетности Союза за 1929-ый годъ.

«Комиссія, въ составѣ генерала-отъ-кавалеріи Баратова, генералъ-маіора Суворова и полковника гр. Воронцова-Дашкова, 22-го сего мая провѣрила денежныя суммы, книги и оправдательные документы казначея, Кассы Взаимопомощи и Библіотеки Союза Офицеровъ Участниковъ Войны, причемъ оказалось, что суммы показаны вѣрно, отчетность ведется чрезвычайно аккуратно, а документы находятся всѣ налицо.

Сумма прихода за 1929-ый годъ по книгамъ казначея составила	29.788,16
Сумма расхода по тѣмъ же книгамъ выразилась	21.604,75
Остатокъ къ 1-му января 1930 года составилъ	8.183,41
Кромѣ того, на 1-ое января 1930 года состоитъ суммъ Кассы Взаимопомощи	1.829,81
и Библіотеки	66
Всего на 1-ое яваря 1930 года суммъ Союза	10.013,22

Ревизіонная Комиссія считаетъ, что Союзъ твердо идетъ по правильно взятому имъ пути. Всѣ его начинанія получаютъ дальнѣйшее развитіе въ зависимости отъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ и Правленіе Союза дѣлаетъ все возможное на пользу его членовъ.

Ревизіонная Комиссія выражаетъ сожалѣніе, что бывшій въ теченіе пяти лѣтъ Предсѣдателемъ Союза генералъ лейтенантъ Арсеньевъ изъ за отъѣзда изъ Парижа долженъ былъ оставить свою полезную работу во главѣ Союза.

Комиссія привѣтствуетъ новаго Предсѣдателя генерала Эрдели и заранѣе увѣрена, что онъ, вооруженный своею службой и житей-

скимъ опытомъ, будетъ способствовать дальнѣйшему преуспѣванію Союза во всѣхъ отношеніяхъ.

Подлинный подписали:
Предсѣдатель, Генеральнаго Штаба, генералъ-отъ-кавалеріи
Баратовъ

Члены: Генеральнаго Штаба, генералъ-маіоръ **Суворовъ**
Полковникъ **гр. Воронцовъ-Дашковъ**

По окончаніи доклада генерала Баратова Предсѣдатель Союза приступаетъ къ обсужденію 3-го пункта повѣстки дня, о чествованіи десятилѣтняго существованія Союза, и предлагаетъ для выработки этого чествованія организовать комиссію, избраніе которой проситъ поручить Правленію Союза. Какъ мысль, генералъ-отъ-кавалеріи Эрдели указываетъ на желательность организаціи какого-нибудь рода благотворительности для престарѣлыхъ членовъ Союза, неспособныхъ къ труду, въ видѣ койки, стипендіи, или чего-либо подобнаго, присвоивъ этому начинанію названіе: «Въ память десятилѣтія существованія Союза».

Общее Собраніе устанавливаетъ производство спеціальнаго сбора на эту цѣль, не ограничивая какой-либо суммой, а предоставивъ возможности каждаго, и высказываетъ пожеланіе, чтобы на сей предметъ былъ бы организованъ концертъ или балъ.

Перейдя къ § 4 порядка дня о Наказѣ къ Уставу Союза, предсѣдатель заявляетъ, что, сохраняя незыблемыми основныя начала Устава Союза, утвержденнаго во французской Префектурѣ, Правленіе Союза предлагаетъ сдѣлать въ немъ одно измѣненіе, а именно: уничтожить спеціальную Пріемную Комиссію, имѣвшую особое назначеніе при первоначальномъ формированіи Союза и наплывѣ значительнаго числа членовъ, и соединить всю работу по провѣркѣ и выясненію лицъ, желающихъ вступить въ Союзъ, въ избранномъ Правленіи Союза. Для болѣе же точнаго регламентированія вопросовъ о жизни Союза, его дѣятельности, правахъ и обязанностяхъ членовъ Правленія Союза, Ревизіонной Комиссіи и проч., Общему Собранію предлагается утвердить выработанный Правленіемъ Союза Наказъ къ Уставу Союза. При этомъ Предсѣдателемъ Союза прочитываются выдержки нѣсколькихъ статей этого Наказа.

Членъ Союза, юрисконсультъ Союза полковникъ Соколовъ вноситъ предложеніе, чтобы Наказъ былъ дополненъ: «Правленіе выдѣляетъ изъ своего состава Судъ чести, такъ какъ такому большому Офицерскому Союзу, какъ Союзу Русскихъ Офицеровъ Участниковъ Войны, существовать безъ своего собственнаго Суда чести, — по его мнѣнію, — нельзя».

Послѣ обмѣна мнѣній по этому вопросу, въ которомъ принимали участіе генералъ-отъ-кавалеріи Баратовъ, генералъ-лейтенантъ Стоговъ, генералъ-маіоръ Суворовъ, генералъ-маіоръ Фокъ и полковникъ Стессель, Общимъ Собраніемъ утверждается предложенный Правленіемъ Союза Наказъ къ Уставу Союза, съ добавленіемъ: «ежегодно Общимъ Собраніемъ на выборахъ избирается Судъ чести Союза, обра-

зуемый изъ числа выбранныхъ въ Правленіе Союза членовъ, въ количествѣ 4 и 2 запасныхъ, по порядку старшинства.

По окончаніи обсужденія вышеупомянутаго вопроса былъ объявленъ перерывъ для производства выборовъ.

Избранными оказались:

ВЪ ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНІЯ:

Генералъ-лейтенантъ Черячукинъ
Генералъ-лейтенантъ Ставицкій
Генералъ-маіоръ Чекатовскій
Генералъ-маіоръ Бемъ
Генералъ-маіоръ Гревсъ
Полковникъ Стессель
Полковникъ Бако
Полковникъ Коліевъ
Полковникъ Кононовъ
Подполковникъ Дараганъ

Кандидатами въ члены Правленія:

Ротмистръ Вуичъ
Генералъ-маіоръ Фокъ
Генералъ-маіоръ Оприцъ

ВЪ СОСТАВЪ СУДА ЧЕСТИ:

Генералъ-лейтенантъ Черячукинъ.
Генералъ-лейтенантъ Ставицкій.
Генералъ-маіоръ Чекатовскій.
Генералъ-маіоръ Бемъ.

Запасными членами въ Судъ чести:

Генералъ-маіоръ Гревсъ.
Полковникъ Стессель.

ВЪ РЕВИЗІОННУЮ КОМИССІЮ:

Генералъ отъ кавалеріи Баратовъ .... 34 голоса
Генералъ-маіоръ Суворовъ .... 33 »
Полковникъ Графъ Воронцовъ-Дашковъ .... 34 »

На первомъ засѣданіи Правленія Предсѣдателемъ Союза распредѣлена работа среди членовъ Правленія слѣдующимъ образомъ:

ВЪ КАССѢ ВЗАИМОПОМОЩИ:

Генералъ-лейтенантъ Ставицкій — Предсѣдатель
Подполковникъ Дараганъ } члены
Ротмистръ Вуичъ. }

ВЪ ПРІЕМНОЙ КОМИССІИ:

Генералъ-маіоръ Чекатовскій — Предсѣдатель.
Полковникъ Стессель
Полковникъ Бако
члены.

***

Правленіе Союза сообщаетъ своимъ членамъ, что въ виду пропажи значительной части простой корреспонденціи, оно сдѣлало распоряженіе, чтобы всѣ простыя письма, адресованныя Союзу, не доставлялись бы болѣе по адресу Союза, а сосредоточивались бы въ особомъ ящикѣ Союза:

Bureau № 7, rue Clere, Boite Postale № 34.

Заказную и денежную корреспонденцію надо адресовать по старому адресу:
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7).

***

Напоминается, что при всѣхъ обращеніяхъ въ Союзъ, члены Союза должны указывать свой чинъ, номеръ членской карточки и адресъ.

Всѣ обращенія и переводы должны адресоваться:
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7).
а не на имя Предсѣдателя Союза, или Секретаря. При желаніи сохранить конфиденціальность, писать на ковертѣ: въ собственныя руки Предсѣдателя Союза.

***

При отправленіи членскаго взноса не забывать прилагать свой взносъ: 1) на домъ отдыха для престарѣлыхъ членовъ Союза и 2) на койку для туберкулезныхъ членовъ Союза Имени Государя Императора Николая II и Его Августѣйшей Семьи.

***

Канцелярія Союза помѣщается: 35, rue de Sèvres, Paris (7). — метро Севръ и Севръ-Бабилонъ.

Часы пріемовъ (до октября пріема нѣтъ):
по воскресеньямъ .... 2 — 4
вторникамъ .... 4 — 6
средамъ .... 6 — 8
пятницамъ .... 4 — 6

Правленіе Союза проситъ всѣхъ членовъ Союза, не внесшихъ за прошлые годы членскихъ взносовъ, сдѣлать это въ непродолжительномъ времени, или подать заявленія о нежеланіи впредь состоять чле-

номъ Союза, съ представленіемъ комбатантской карточки. Не сдѣлавшіе ни того, ни другого, съ 1-го октября 1930 года будутъ считаться добровольно выбывшими изъ Союза и для зачисленія вновь будутъ должны представить опросные листы и заплатить просроченные взносы до 1930 года включительно.

Вокругъ свѣта

Мнѣ кажется небезинтереснымъ подѣлиться съ читателями Вѣстника впечатлѣніями десятимѣсячнаго путешествія, изъ котораго я только-что вернулся. Конечно, свѣтъ не такъ великъ, — какъ мнѣ самому пришлось въ томъ убѣдиться. Сюжетовъ, которыхъ хотѣлось бы коснуться, хватило бы на нѣсколько томовъ, но рамки журнальной статьи заставляютъ меня ограничиться лишь штрихами.

Началось мое путешествіе съ Канады, гдѣ я посѣтилъ восточныя провинціи Квебекъ и Онтаріо. Характерно отмѣтить, что несмотря на двухвѣковое господство англичанъ, французскій элементъ не только не растворился въ общей массѣ населенія, но изъ 60 тысячъ достигъ 4 милліоновъ, являясь господствующимъ въ Квебекѣ. Здѣсь сохранились старый французскій языкъ, религіозныя традиціи и семьи, нерѣдко имѣющія до 20 дѣтей. Страна, главнымъ образомъ, земледѣльческая, климатъ здоровый, борьба съ природой напряженная. Вотъ почему, несмотря на заманчивыя условія, эммиграція идетъ очень туго и половина пришельцевъ возвращается въ Европу.

Русскихъ здѣсь не много, хотя мнѣ не разъ приходилось слышать славянскую рѣчь. Какъ откровенно выразился одинъ чиновникъ, канадское правительство относится скептически къ славянской иммиграціи, чему не мало способствовали наши русскіе духоборы, разселенные въ провинціяхъ Манитоба и Саскачеванъ. Прошлой осенью нашумѣлъ организованный ими «бабій бунтъ», въ результатѣ котораго нѣсколько правительственныхъ школъ были сожжены.

— Не желаемъ, — заявляли духоборскія «лэди», — чтобы наши дѣти дѣлались англичанами! . .

Соединенные Штаты я пересѣкъ отъ Нью-Іорка до Калифорніи на автокарѣ, съ остановками въ пути, что позволило мнѣ ближе познакомиться съ страной. Какъ это на первый взглядъ ни парадоксально, я долженъ сказать, что Соединенные Штаты болѣе другихъ странъ на-

поминаютъ Россію. Конечно, я имѣю въ виду не Нью-Іоркъ и Чикаго, съ ихъ небоскребами, гигантской промышленностью, водоворотомъ кипучей дѣятельности. Но вся страна, съ необъятными преріями, просторомъ убѣгающихъ въ даль полей, богатствомъ и разнообразіемъ природныхъ рессурсовъ, близка русскому сердцу. Страна, гдѣ можно поучиться многому, гдѣ матеріальная культура такъ высока и жизнь комфортабельна, что о ней не говорятъ, считая это элементарнымъ. Въ отличіе отъ нѣсколько каррикатурнаго типа американцевъ, такъ распространеннаго въ Европѣ, при близкомъ знакомствѣ съ ними въ Америкѣ невольно мѣняешь о нихъ мнѣніе. Что несомнѣнно подкупаетъ въ нихъ, это широта взглядовъ и натуры, чѣмъ грѣшны и мы. . .

Въ Нью-Іоркѣ около семи тысячъ русскихъ, главнымъ образомъ, въ районѣ 120 и 121 улицъ, съ двумя церквами, ресторанами и пр. Составъ колоніи разнообразный, съ тремя наслоеніями. Самый старый элементъ, довоенная крестьянская эмиграція, забывающая уже говорить по-русски, имѣетъ солидные текущіе счета и считаетъ себя уже «джентельменами». Затѣмъ до-военная лѣвая интеллигенція, въ погонѣ за долларами значительно поправѣвшая и, наконецъ, послѣ-революціонная, бѣженская, которая подчиняется неизбѣжному въ Соединенныхъ Штатахъ процессу превращенія въ американцевъ. И если въ первые годы пребыванія еще слышна тоска по Европѣ, то затѣмъ она незамѣтно переходитъ въ американскій энтузіазмъ.

Русское искусство въ большой модѣ, а артисты пользуются большимъ успѣхомъ.

***

Пересѣкая Тихій океанъ, заходимъ на Гавайскіе острова, въ Гонолулу. Дивная природа, чудный климатъ, цвѣты, ананасы. . . Здѣсь меньше всего ожидалъ я встрѣтить соотечественниковъ, которыхъ около трехсотъ. Большая часть ихъ обосновалась до революціи, немало послѣ Японской войны.

Послѣ двухнедѣльнаго перехода, попадаемъ въ Японію. Если такіе города, какъ Іокогама, Кобэ, Осака и перестроенный послѣ землетрясенія Токіо, превратились въ европейскіе центры, то есть еще не мало поэтическихъ уголковъ, какъ Никко, Кіото, Нагасаки, гдѣ сохранились во всемъ великолѣпіи памятники стариннаго искусства, гдѣ глазъ ласкаютъ разноцвѣтные кимоно, гдѣ до сихъ поръ еще прогуливаются на рикшахъ.

Встрѣчаютъ васъ, какъ туриста, съ очаровательной улыбкой, и любознательности нѣтъ предѣла. Но бѣда, если вы вздумаете обосноваться и конкурировать съ японцемъ: васъ «уйдутъ» и довольно быстро. Японцы съ невѣроятнымъ талантомъ внѣдряютъ свои товары на всемъ международномъ рынкѣ, но не терпятъ конкуренціи у себя дома.

Застрявшіе здѣсь послѣ всѣхъ сибирскихъ перипетій, русскіе постепенно пересѣляются въ Китай и другія страны.

Но вотъ я въ русскомъ дальневосточномъ центрѣ — Шанхаѣ. Едва сойдя съ парохода, я наткнулся на русскую аптеку, дальше — ре-

сторанъ. Понимающій немного по-русски, рикша привозитъ меня въ русскій кварталъ, раскинувшійся на французской концессіи. Главная артерія — Авеню Жоффръ — называется въ шутку Невскимъ проспектомъ. Здѣсь можно обратиться ко всякому европейцу по-русски, — не ошибешься. Русская колонія насчитываетъ до десяти тысячъ. Всѣ виды торговли, ремесла и искусство въ рукахъ русскихъ, и почти всѣ процвѣтаютъ. Издаются три ежедневныя газеты.

Что особенно нравится русскимъ — никакихъ паспортовъ и картъ д-идантитэ. . .

Во французскомъ Индо-Китаѣ всего десятка три русскихъ, попавшихъ туда съ чрезвычайными трудностями. Главнымъ образомъ, моряки, устроившіеся въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ.

Ожидалъ меня сюрпризъ на сіамской границѣ: жена управляющаго желѣзнодорожнымъ отелемъ оказалась землячкой. Обрадовалась мнѣ, какъ родному, и дала нѣсколько русскихъ адресовъ въ Бангкокѣ.

Исторія эмиграціи въ Сіамѣ довольно курьезна. Покойный король, б. воспитанникъ Пажескаго Е. В. Корпуса, выписалъ послѣ революціи своихъ однокашниковъ и поселилъ ихъ у себя въ качествѣ гостей. Положеніе измѣнилось при нынѣшнемъ королѣ, чрезвычайно экономномъ. Большинству пришлось вернуться въ Европу. Одинъ видный юристъ сдѣлался присяжнымъ адвокатомъ и бойко ведетъ дѣла на сіамскомъ языкѣ.

***

Не буду останавливать вниманія читателей на Явѣ и Индіи. Обѣ страны чрезвычайно интересны и по красотѣ природы, по богатству религіозныхъ памятниковъ и искусства, разнообразію нравовъ. Здѣсь русскіе — явленіе чисто случайное, и съ ними мнѣ не пришлось ни разу столкнуться.

Слѣдующимъ моимъ этапомъ была Месопотамія, новое арабское государство Иракъ. И вотъ, представьте себѣ, въ Багдадѣ, въ этомъ славномъ городѣ Гарунъ-Аль-Рашида, читаю объявленіе о концертѣ казаковъ-балалаечниковъ. Кафэ на берегу Тигра, багровый закатъ, на фонѣ котораго вырисовываются пальмы и минареты, а съ эстрады несутся стройные, мощные, надрывные звуки родныхъ пѣсенъ. Не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня «Двѣнадцатью разбойниками». Успѣхъ колоссальный; король Фейсалъ пригласилъ дать концертъ во дворцѣ.

— Какъ попали сюда? — спрашиваю дирижера.

— Совершаемъ турнэ по Ближнему Востоку. Затрудненія съ нансеновскими паспортами, но устраиваемся. . .

Пересѣкаю пустыню на автомобилѣ, подъ конвоемъ пулеметовъ, и попадаю въ Дамаскъ. Въ Сиріи не мало русскихъ, переселенныхъ изъ Константинополя послѣ занятія его Кемалемъ. Служатъ на правительственныхъ должностяхъ, шофферствуютъ, бойко говорятъ поарабски.

Тысячи черкесовъ, сохранившихъ свой костюмъ и лихо заломлен-

ную папаху, служатъ въ конной стражѣ. На чистокровномъ арабскомъ конѣ, съ винтовкой въ рукѣ, небольшими патрулями объѣзжаютъ они районы, гдѣ пошаливаютъ иногда бедуины. Тоскуютъ ли они по снѣговымъ вершинамъ Кавказа? . .

***

Вотъ, наконецъ Святая Земля, повидать которую мечталъ я съ дѣтства. Галилейское озеро, Назаретъ, Іудея, и передо мной развертывается рѣдкая по красотѣ панорама Іерусалима, куда я попадаю въ Страстную Пятницу. Можно ли передать очарованіе, которое испытываетъ всякій, посѣщая мѣста, связанныя въ нашей памяти съ свѣтлымъ образомъ Спасителя? Гефсиманскій садъ съ многовѣковыми масличными деревьями, Елеонская гора, на вершинѣ которой красуется русскій монастырь; Вифлеемъ, Іорданъ и много, много другихъ.

Въ Страстную Субботу присутствую у Гроба Господня при неизмѣнно повторяющемся каждый годъ схожденіи Священнаго огня. Около меня стоятъ двѣ старушки, во всемъ черномъ, съ пучками свѣчъ. Слышу родную рѣчь, да и безъ этого не трудно узнать въ нихъ богомолокъ. Разговорились:

— Давно уже, родимый, въ Палестинѣ, до войны еще. Много горя испытали, при туркахъ куда лучше было. Не видно больше русскихъ богомольцевъ, протестанты одни, туристы, что ли. . .

Заутреню встрѣчаю у Гроба Господня, а затѣмъ иду въ русскій соборъ. Меня просятъ нести крестъ въ крестномъ ходѣ: не много молящихся въ обширномъ, прекрасномъ храмѣ. Становится грустно, но не надолго. Вслушиваюсь въ бодрящія слова пѣснопѣнія:

«Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его». . .

Поручикъ **В. Ткачевъ**

Паденіе Перемышля

(ИЗЪ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КЪ ПЕЧАТИ КНИГИ)

ВЫЛАЗКА

Наступалъ мартъ. Проходившіе ежедневно большими группами плѣнные, или, вѣрнѣе сказать, перебѣжчики изъ Перемышля, говорили, что въ крѣпости плохо. Сильно чувствовался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, усилилась и доходила иногда до открытыхъ столкновеній рознь между славянами венграми. По попадающимъ къ намъ отдѣльнымъ приказамъ по крѣпости, по ограничительнымъ распоряженіямъ властей, помѣщаемымъ въ издававшейся въ Перемышлѣ га-

зетѣ, доходившей до насъ отдѣльными экземплярами, чувствовалась нервность австрійскаго командованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшне активность крѣпости усилилась. Тамъ и здѣсь австрійцы предпринимали вылазки, оканчивавшіяся неизмѣнно отбитіемъ и взятіемъ плѣнныхъ. Крѣпостная артиллерія грохотала, какъ будто прострѣливая запасы снарядовъ. Стали ходить слухи о выходѣ австрійскаго гарнизона на соединеніе съ своими арміями.

Русинъ-перебѣжчикъ, унтеръ-офицеръ, передалъ боевой приказъ о назначенной на 6-ое марта атакѣ русской позиціи въ восточномъ направленіи, въ районѣ форта «Гурка».

Приказъ былъ доставленъ начальнику штаба, который немедля принялъ всѣ нужныя для отраженія мѣры.

Рано утромъ 6-го марта мы выѣхали на позицію вмѣстѣ съ ген. Дельвигомъ.

Съ «наблюдателя» видимость была хорошая, но форты и дальніе планы были еще покрыты туманомъ. На фронтѣ слышалась рѣдкая ружейная стрѣльба.

Съ восходомъ солнца туманъ порѣдѣлъ, и въ тылу противника стало замѣтнымъ движеніе. Черезъ нѣсколько минутъ можно уже было различить голубыя волны австрійскихъ цѣпей, колеблющихся въ районѣ форта «Гурка», еще очень далеко. Артиллерія противника открыла огонь, частью по нашимъ окопамъ, частью по тыламъ. Наши пушки не отвѣчали. Но вотъ стало свѣтло, и густыя цѣпи противника обозначились яснѣе. Рѣзко ударили въ утреннемъ воздухѣ взводы первыхъ батарей, и пристрѣлочныя шрапнели понеслись къ непріятелю. Четыре круглыхъ облачка отпечатались на блѣдномъ утреннемъ небѣ. Заговорили другія наши батареи. Бой начался.

Передъ нашими глазами разстилалась покрытая порыжѣлой травой равнина, съ ясно видимыми линіями нашихъ окоповъ и ходовъ сообщенія. Солнце свѣтило ярко, и мы смотрѣли на нашу пѣхоту въ черныхъ папахахъ, приготовившуюся къ бою. Цѣпи противника близились къ ней все больше и больше. Австрійцы наступали явно превосходящими силами.

Завязался огневой бой. Шрапнели рвались надъ надвигающейся массой; наши окопы заговорили ружейною стрѣльбою.

Уже передовыя австрійскія цѣпи были довольно близко къ нашей позиціи, какъ вдругъ въ ихъ тылу, гдѣ глазъ не разбиралъ еще отчетливо расположеніе линій, а лишь сплошную синеватую массу, обозначилось какое-то движеніе, противное, какъ казалось, порядку наступленія. Ружейная стрѣльба съ непріятельской стороны потеряла свой темпъ и стала слышаться отдѣльными вспышками дальше и глуше. Стрѣльба фортовой артиллеріи казалась не такой регулярной, какъ прежде. Съ непріятельской стороны какъ-будто доносились издалека очереди пулемета.

Вдругъ передовыя цѣпи австрійцевъ поднялись и густой волной покатились на наши окопы. Вспыхнула съ нашей стороны ружейная стрѣльба, затѣмъ вдругъ стихла. . . послышалось «ура». Съ высоко

поднятыми руками, бросивъ ружья, австрійцы бѣжали сдаваться въ плѣнъ. Ихъ голубая волна покрывала уже наши линіи, мѣшаясь съ вышедшими имъ на встрѣчу нашими солдатами. Наши батареи стрѣляли по движенію въ дальнихъ тылахъ противника. Дѣло кончалось.

То, что у австрійцевъ было ближе къ фортамъ, скрывалось за своими позиціями, уходя съ поля сраженія. То, что было ближе къ намъ, въ безпорядкѣ шло въ нашу сторону, бросивъ оружіе, иные даже съ оружіемъ. Всюду виднѣлись эти идящія фигуры. Нашъ огонь стихалъ. Надо было разобраться съ плѣнными, наводнявшими позиціи.

Мы пошли съ Дельвигомъ на сосѣднюю батарею. Батарея ликовала. На нашихъ глазахъ разыгрался забавный эпизодъ. Впереди батареи вдругъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ, крики «ура». На гребнѣ холма показалась партія австрійцевъ, человѣкъ во сто, съ винтовками, быстро шедшая на батарею. Кое-кто схватился за шашку, за револьверъ, но недоразумѣніе сейчасъ же объяснилось. Доблестные австріяки шли, какъ поясняли батарейцы, «ренки до гуры», т. е. съ поднятыми вверхъ руками.

Такъ, прорывъ русской позиціи не удался. Не всегда, видно, численность и вооруженіе играютъ первенствующую роль на полѣ сраженія. . .

Самая же вылазка была задумана, какъ выяснилась, широко. Полкъ венгерскаго гонведа долженъ былъ ночью скрытно выйти на передовую линію и быстрымъ ударомъ захватить русскіе окопы. Затѣмъ въ прорывъ должны были вливаться подведенныя части. Планы австрійскаго командованія спуталъ случай. Ходы сообщенія оказались узки, и австрійцы дебушировали изъ нихъ цѣлый часъ, накопляясь въ исходномъ положеніи лишь понемногу.

Съ нашей стороны былъ ночью выдвинутъ саперный баталіонъ, имѣвшій задачей подготовить прочные окопы для нашей пѣхоты какъ разъ противъ того мѣста, откуда должны были наступать венгерцы. Услышавъ шумъ, саперы выслали развѣдку и встрѣтили противника дружнымъ огнемъ. Не ожидая сопротивленія въ данномъ мѣстѣ, австрійцы залегли, ожидая подкрѣпленій. Съ разсвѣтомъ подошли славянскіе полки, и разыгрались происшедшія событія.

Сдавшихся считали тысячами. Было сдано также много ружей. Офицеровъ среди плѣнныхъ не было, за исключеніемъ командира полка, который былъ назначенъ для прорыва и шелъ съ цѣпями впереди. Онъ былъ раненъ при началѣ боя и взятъ въ плѣнъ, когда австрійцы бросились сдаваться. Нѣмецъ по происхожденію, онъ былъ подавленъ картиной солдатской смуты, и на допросѣ разрыдался, какъ ребенокъ. Тридцать лѣтъ онъ служилъ королю и такого позора не ждалъ. Его полкъ обстрѣливали съ тыла свои же. И раненъ онъ былъ своими же. Видя такое смѣшеніе, его венгры заколебались и стали отходить.

Было очевиднымъ, что крѣпость переживаетъ агонію. Сдавшіеся унтеръ-офицеры сказали то, что не хотѣлъ говорить полковникъ, а именно, что продовольствія въ крѣпости всего на нѣсколько дней и

что по всѣмъ фортамъ идутъ спѣшныя работы по минированію, очевидно, подготовляя форты къ взрыву при сдачѣ. Рознь между разноплеменными частями гарнизона, по ихъ словамъ, дошла до крайнихъ предѣловъ, и чешскія и русинскія части горятъ желаніемъ сдаться. По ихъ мнѣнію, паденіе крѣпости — вопросъ нѣсколькихъ дней.

ПАДЕНІЕ КРѢПОСТИ

Прошло два дня. По прежнему стрѣляла крѣпость, по прежнему отвѣчали наши батареи. Послѣ неудачной вылазки гарнизонъ не проявлялъ активности, и осаждаемые находились на прежнихъ позиціяхъ. Тѣмъ временемъ наступила теплая погода. Какъ-то сразу пришла весна, заговорили на поляхъ и на дорогахъ ручьи, поля обнажились отъ снѣга.

Подъ утро 11-го марта я крѣпко спалъ на походной кровати, какъ вдругъ сильный грохотъ заставилъ меня вскочить. Штукатурка сыпалась съ потолка, стекла звенѣли и дрожали. Удары слѣдовали одинъ за другимъ, напоминая громъ. . .

Вспомнивъ, что говорили плѣнные, я понялъ, что австрійцы взрываютъ форты, что конецъ осады близокъ. Одѣться и разбудить сожителей моихъ по домику было дѣломъ двухъ минутъ. Одинъ изъ нихъ, прапорщикъ Машкауцанъ, начальникъ автомобильной команды, мигомъ подалъ автомобиль. На второмъ автомобилѣ выѣхалъ сожитель нашъ — поручикъ Штюрмеръ.

Вѣтеръ свисталъ въ уши. Мы мигомъ пролетѣли большую часть дороги. Передъ позиціей шоссе подымалось въ гору. На подъемѣ Машкауцанъ застопорилъ машину.

Передъ нами открывался видъ, величія неописуемаго. На чистомъ розовѣющемъ небѣ четко рисовались въ долинѣ гигантскіе черные столбы, расходящіеся на вершинѣ куполами и, казалось, недвижные. Одинъ за другимъ раздавались взрывы, какъ будто громъ гремѣлъ подъ землею, и новые столбы взметывались въ небо, на огромной высотѣ образуя такіе же черные купола. Гигантскій лѣсъ зловѣщихъ чрныхъ пиній вдругъ выросъ и качался тамъ, гдѣ были въ землѣ и лѣсахъ укрыты мощные форты Перемышля.

Машина рванула снова, и черезъ нѣсколько минутъ мы въѣзжали на позиціи.

На наблюдательномъ пунктѣ, совершенно открыто, стояла группа офицеровъ. Зрѣлище, дѣйствительно, открывалось незабываемое. Гремѣли еще послѣдніе взрывы. Гигантскіе черные столбы нагибались и колебались надъ фортами, уходя въ даль по горизонту.

Наши позиціи повсюду, куда хваталъ глазъ, покрылись народомъ; спереди, справа и слѣва перекатывалось «ура». «Бѣлые флаги на фортахъ!» — кричали изъ укрытій артиллерійскіе наблюдатели. Уже простымъ глазомъ можно было различить бѣлые четвероугольники на ближайшихъ укрѣпленіяхъ.

«Ура» загремѣло и на нашей высотѣ. Мы цѣловались другъ съ

другомъ. Съ пѣсней выѣхала на вершину нашего холма казачья сотня. Бѣлые флаги виднѣлись уже во многихъ мѣстахъ. Изъ нашихъ окоповъ солдаты бѣжали къ крѣпости. Перемышль палъ. . .

Мы радостно обмѣнивались впечатлѣніями, какъ вдругъ съ пункта послышались тревожные гудки телефона. Передовые наблюдатели, бывшіе передъ фортомъ «Гурка», доносили, что видятъ автомобиль съ бѣлымъ флагомъ, выѣзжающій на шоссе. У меня мелькнула мысль, что парламентеровъ, которые, безъ сомнѣнія, въ этомъ автомобилѣ, непремѣнно надо принять самымому и лично доставить въ штабъ. Перекинувшись двумя-тремя словами съ моими спутниками, схватившими мысль на лету, мы быстро шли, почти бѣжали, къ шоссе, перепрыгивая черезъ ходы сообщенія.

Шоссе шло черезъ окопы, по направленію къ форту. На немъ ничего еще видно не было. Мы стояли на окопѣ, слушая радостные толки солдатъ. Минуты казались безконечными. Вдругъ вспыхнуло вдали «ура», и большая крытая машина съ выкинутымъ изъ окна бѣлымъ флагомъ показалась изъ-за поворота. Она двигалась крайне медленно. такъ какъ была окружена кучкой нашихъ солдатъ, которые шли, держась за автомобиль руками.

Медлить было нечего, и мы втроемъ пошли по шоссе навстрѣчу автомобилю. Какъ старшій годами, я взялъ иниціативу, и остановилъ солдатъ, которые, было, пошли за нами. «Руки подавать не будемъ», рѣшили мы по дорогѣ.

Шоссе было перерыто. Не желая спускаться въ канаву для встрѣчи, мы ожидали на нашей сторонѣ. Трое военныхъ въ незнакомой формѣ вышли изъ автомобиля и направлялись въ нашу сторону. Они были одѣты въ свѣтло-коричневыя куртки съ металлическими пуговицами и мѣховыми воротниками изъ кенгуру, при большихъ блестящихъ сабляхъ съ пышными серебряными темляками. Обмундированіе блестѣло на утреннемъ солнцѣ и выдѣлялось на тусклой зелени луга.

Минута захватывала торжественностью. Скромный прапорщикъ ополченія, русскій либеральный интеллигентъ, я чувствовалъ себя представителемъ доблестной Россійской Императорской Арміи, ея прошлыхъ и будущихъ побѣдъ. Старшій изъ австрійцевъ представился, приложивъ руку къ головному убору. Это былъ начальникъ штаба крѣпости. Съ нимъ были полковникъ генеральнаго штаба и офицеръ-переводчикъ. Я назвалъ себя и представилъ своихъ спутниковъ.

Начальникъ штаба обратился ко мнѣ по-французски, съ просьбой доставить ихъ въ штабъ осаждающей арміи для переговоровъ о сдачѣ крѣпости. Я отвѣтилъ, что принадлежу къ штабу осаждающей арміи и немедленно доставлю ихъ по назначенію. Затѣмъ я пригласилъ австрійцевъ слѣдовать за нами.

Со всѣхъ сторонъ сбѣгались солдаты и офицеры. Радость была написана на всѣхъ лицахъ. Навстрѣчу шелъ взводъ ополченской батареи съ моимъ пріятелемъ, прапорщикомъ Лемкулемъ, во главѣ. Лемкуль обомлѣлъ, увидѣвъ, что я веду важныхъ австрійскихъ офицеровъ, но сейчасъ же остановилъ взводъ, ловко его повернулъ и скомандовалъ

«смирно». — «Что командуетъ этотъ офицеръ?, — спросилъ меня по-французски начальникъ штаба. — «Это воинская честь, которую онъ отдаетъ доблестному врагу», отвѣтилъ я, къ большому утѣшенію австрійца.

Подходя къ автомобилямъ, мы встрѣтили начальника боевого участка, командира полка, шедшаго съ моими знакомыми артиллерійскими офицерами. Я представился начальнику участка и доложилъ о происшедшемъ. Возникъ вопросъ, вести ли переговорщиковъ въ штабъ арміи съ завязанными глазами, какъ того требуетъ уставъ, или нѣтъ.

Въ это время ко мнѣ подошелъ молчавшій до сей поры австрійскій переводчикъ и на чистомъ рускомъ языкѣ заявилъ, что форты взорваны и оружіе приведено въ негодность, почему, при этихъ условіяхъ, можно глазъ и не завязывать. Съ этимъ доводомъ было трудно не согласиться, и, размѣстивъ, съ одобренія начальника участка, австрійцевъ на двухъ нашихъ автомобиляхъ, мы, не медля долѣе, отправились въ путь.

Ѣхали мы быстро. Встрѣчные понимали, въ чемъ дѣло, и кричали «ура». Я воспользовался случаемъ и разспрашивалъ переводчика. Сказавъ мнѣ по началу, что онъ кончилъ Калишское реальное училище, переводчикъ, не знаю уже, изъ какихъ соображеній, разсказалъ, что никакихъ переговоровъ вести, строго говоря, нечего, такъ какъ форты и снаряды взорваны, оружіе испорчено, и далѣе продолжать борьбу просто невозможно; провіанта же осталось на два дня. Свѣдѣнія эти мнѣ показались важными, и ихъ слѣдовало доложить Командующему раньше.

Подъѣхавъ къ замку, я попросилъ моихъ спутниковъ задержать австрійцевъ, пока я предупрежу Командующаго о результатахъ разговора съ переводчикомъ.

Вбѣжать по лѣстницѣ и пройти черезъ оперативное отдѣленіе въ комнату ген. Селиванова было дѣломъ минуты. Въ оперативномъ я успѣлъ лишь сказать, что я привезъ парламентеровъ. Меня засыпали вопросами, но говорить было некогда. Я вбѣжалъ къ Командующему.

Онъ стоялъ у окна, какъ всегда, въ тужуркѣ, руки въ карманахъ. «Ну, вотъ», сказалъ онъ, « откуда вы, гдѣ вы пропали, гдѣ же парламентеры?». Я доложилъ, что бывши утромъ на позиціи и первымъ встрѣтивъ парламентеровъ, счелъ правильнымъ доставить ихъ непосредственно ему. При этомъ я доложилъ о разговорахъ съ переводчикомъ и о томъ, что оружіе и запасы уничтожены, гарнизонъ безоруженъ и защищаться, слѣдовательно, не можетъ.

Изъ пріемной уже доносился характерный лязгъ отпущенныхъ сабель. Командующій быстро осмотрѣлъ туалетъ, застегнулъ всѣ пуговицы, сталъ посреднинѣ комнаты, и приказалъ привести парламентеровъ.

Парламентеры вошли и остановились, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до Командующаго. Они приложили руки къ головному убору и опустили ихъ. Ген. Селивановъ отдалъ короткій поклонъ. Офицеры штаба тѣсной группой стояли при входѣ. Было слышно, казалось, какъ пролетитъ муха. Селивановъ былъ блѣденъ.

Старшій изъ австрійцевъ прервалъ молчаніе. Громкимъ голосомъ онъ сталъ читать по-нѣмецки письмо коменданта къ Командующему. Австрійскій переводчикъ перевелъ затѣмъ письмо по-русски. Въ письмѣ говорилось, что сдача крѣпости имѣетъ мѣсто съ разрѣшенія австрійскаго верховнаго командованія и что начальникъ штаба крѣпости уполномоченъ вести переговоры о сдачѣ Перемышля и объ условіяхъ выхода изъ него гарнизона на соединеніе съ австрійскими арміями.

Наступило молчаніе. Ген.Селивановъ не отвѣчалъ. Наконецъ, онъ произнесъ отчетливо и четко: «Принимаю сдачу на милость побѣдителя. Никакихъ условій». И добавилъ потомъ: «Горе побѣжденнымъ». Затѣмъ онъ приказалъ начальнику штаба помѣстить австрійцевъ въ замкѣ впредь до распоряженія.

Закипѣла работа. Писались и отправлялись донесенія о паденіи крѣпости, принимались распоряженія по интендантству о продовольствіи гарнизона. Рѣшался способъ занятія крѣпости нашими войсками. Шли, наконецъ, переговоры, какъ поступить съ гарнизономъ.

Выраженіе Командующаго о горѣ побѣжденнымъ было, очевидно, сказано для параллели со знаменитымъ «vae victis», такъ какъ черезъ нѣсколько дней гарнизонъ былъ благополучно эвакуированъ въ Россію, а офицеры, по особому распоряженію Государя, сохранили даже право носить оружіе.

Интересно отмѣтить, что когда штабъ телеграфировалъ въ ставку о количествѣ находившагося въ крѣпости гарнизона — цифра эта сообщена была австрійскимъ начальникомъ штаба — что-то около ста тридцати семи тысячъ, цифры, для насъ казавшейся невѣроятной, то ставка, очевидно, не вѣря этимъ цифрамъ, дважды просила повторить обозначеніе прописью. . . .

П. Соколовъ

Осада Пскова

Братіе, мужи псковичи, кто старъ, тотъ отецъ, а кто младъ, то ми братъ. . . .
Потягнѣте за домъ Святыя Троицы и за святыя церкви, за свое отечество. . .

Псковская лѣтопись.

I

Въ лѣто 1581 на осень боярскія дѣти, что берегли рубежъ, высылая по урочищамъ разъѣзды, ночью, стоя на холмѣ, увидѣли взошедшую надъ боромъ, копьемъ устремленную на Псковъ, звѣзду.

Еще не скрылась она, какъ по рубежу на сторожевыхъ вышкахъ, перекидываясь по холмамъ, запылало привязанное къ шестамъ смолье, тревожно запѣли рога, поскакали вершники, боевымъ кличемъ засто-

нали пригороды, угоняя съ пастбищъ стада, и отъ Пскова къ Царю съ грамотами полетѣли гонцы.

Очищая рубежъ, отошли сторожевые отряды, оставивъ на лѣсныхъ тропахъ людей для развѣдыванія литовскихъ ратей.

Рыбаки, увидавъ огни, вытащивъ невода, направили къ островамъ тяжелые четырехугольные паруса. Крестьяне, накинувъ тулупы, выходили на поля, глядѣли на зловѣщую звѣзду, слушали зовъ роговъ и крестились.

Шла бѣда.

Отъ Завлочья прибѣжали пометавшіе ладьи рыбаки и сказали, что боромъ, песками, подтягивая водой груженыя на плоты пушки, плотно, какъ мошкара, идетъ Литва.

II

Вражьи полки шли боромъ, дѣлая по восьми миль въ день, не видя неба, не зная, гдѣ взять овесъ и траву для коней, проклиная тяжелые для пушекъ пески и Московскаго Царя, загородившагося лѣсами.

Хоругви черныхъ и голубыхъ гайдуковъ первыми вышли на твердую дорогу.

Стояла солнечная тихая осень. До Воронца путь шелъ горами, полными мелкаго камня, а отъ Воронца повеселѣли дали, начались села, деревни.

Не маячила окрестъ московская конница.

Рати, уходя отъ вѣковой псковской межи, запалили поля и рощи.

Въ полѣ стояла сухая отъ ведра трава, и вѣтеръ отъ Руси погналъ огонь на шедшую Литву.

Вышгородокъ пылалъ всю ночь, освѣщая болота, опушки лѣсовъ, взметывая высоко въ небо въ тяжелыхъ дымахъ пляшущее искорье, разстеливъ широкое заревище.

Подъ утро надъ зеленымъ холмомъ, надъ спаленными рублеными башнями и тлѣющимъ по вѣтру церковнымъ срубомъ тремя столбами вздымался дымъ.

III

Часть ротъ съ пригнанными водою двадцатью тяжелыми пушками двинулась по широкой дорогѣ.

Высокая пыль надъ конными полками и низкая надъ венгерской пѣхотой показала путь на каменную крѣпостницу Островъ, что стояла въ полдорогѣ отъ Пскова.

Ночью польскій станъ раскинулся надъ рѣкой.

Падали августовскія звѣзды. Отъ многихъ костровъ стояло зарево, слышно было ржанье, звонъ мѣди, крики, и издалека отъ Островскихъ пороговъ доносило шумъ воды.

Утромъ грозными казались поднимающіеся надъ туманомъ верхи четырехъ башенъ, глубокой — обтекавшая Островъ рѣка.

Но выглянувшее солнце показало броды. Подъ быстрой желтоватой водой просвѣчивалъ камень.

Венгерская панцырная пѣхота, не разуваясь, пошла ниже крѣпости.

Слѣдомъ погнали коней. Тяжелыя пушки застучали по дну. Пробиваясь сквозь движущуюся живую плотину, запѣнилась вода.

Съ сѣрой ветхой стѣны по проходящимъ берегомъ войскамъ ударили пять пушекъ. Надъ башнями повисли бѣлые пороховые дымы.

Но пѣхота отошла въ сторону, вырыла окопы, и, хотя сорокъ венгерскихъ головъ и нѣсколько убитыхъ рыцарей отволокли за туры, съ полудня двадцать тяжелыхъ пушекъ начали бить по стѣнамъ, кроша камень и пробивая башни. Легкій дымъ отъ разбитаго известняка окуталъ дрожащую отъ тяжелыхъ ударовъ стѣну.

На ласковую грамоту короля о сдачѣ островичи отвѣтили молчаніемъ.

Ночью горѣлъ посадъ и поставленныя на запрудахъ мельнички. Пожаръ показалъ снесенныя до основанія башни и черную дыру въ стѣнѣ, позволявшую идти на приступъ.

На третій день вечеромъ, послѣ заката, похоронивъ половину побитыхъ людей, крѣпость Островъ отворила свои ворота.

Въ соборѣ Николы, что алтаремъ на сѣверъ, плакали женщины. Священникъ пріобщалъ ратныхъ. Отсвѣтъ заката падалъ черезъ пробитый ядромъ куполъ на лежащаго ничкомъ передъ иконой сѣдого воеводу.

Утромъ, когда въ польскомъ станѣ побѣдно пѣли трубы, усатые, въ вороненыхъ доспѣхахъ ротмистры привезли своихъ пахолковъ и гайдуковъ, и сбивъ плѣнныхъ у обрушившейся Никольской звонницы, приказали имъ раздѣться.

Воевода, поцѣловавъ отстегнутую саблю, бросилъ ее къ ногамъ ротмистра. Грузно опустившись на землю, побагровѣвъ, онъ сталъ разуваться.

Стрѣльцы, оставшись въ однѣхъ рубахахъ, заплакали, какъ дѣти, отъ стыда и безчестья.

Они слушали вопль женъ и дочерей, прощавшихся съ могилами, цѣловали землю, кланялись другъ другу въ ноги.

Ихъ погнали изъ крѣпости подъ смѣхъ и крики венгровъ.

Женщины въ бѣлыхъ исподницахъ шли, прижимая къ груди иконы съ ободранными вѣнцами. Слезы мочили иконныя доски.

Впереди двухъ десятковъ стрѣльцовъ, опустивъ сѣдую трясущуюся голову, шелъ босой воевода.

Тысячи глазъ смотрѣли на ихъ наготу.

На берегу ихъ сдали казакамъ. Подхлестывая плетьми, тѣ погнали островичей обозомъ, а слуги рыцарей мазали дегтемъ ихъ лица и рубахи.

Въ полѣ воевода, упавъ на колѣни, не отирая слезъ, началъ кланяться своему городку.

Но его подняли и, взявъ подъ руки, повели по Псковской дорогѣ.

IV

Въ осаду для обороны Пскова изъ Печерской обители вышли чудотворныя иконы Умиленія, Успенія и старая мѣдная хоругвь.

Глухими дорогами и просѣками велъ крестоносцевъ сѣдой, въ посѣрѣвшей отъ пыли рясѣ, игуменъ Тихонъ.

Деревни встрѣчали Владычицу на колѣняхъ. Кланялись поднятыя на рукахъ иконы. Съ звонницъ торопливо спускали колокола, грузили на телѣги церковную утварь. Пропустивъ впередъ печерскихъ крестоносцевъ, деревенскія иконы выходили вслѣдъ.

Полубѣгомъ, охраняя ихъ своими тѣлами, заполняя дорогу и поля, шли встревоженныя деревни. Доносило рыданіе и всхлипываніе.

— Владычица, помоги. . . Спаси, Владычица! . .

На ходу мокролобые рыбаки-крестоносцы смѣняли другъ друга, цѣлуя оклады. Топотъ ногъ встревожилъ мосты, тишину рѣкъ; надъ лѣсными дорогами, пробивая зелень, курилась пыль.

Когда толпа придвинулась къ стѣнамъ, подъ звонъ всѣхъ псковскихъ церквей, иконы вошли въ ворота града.

V

Нахлестывая коней, бѣжала къ Пскову сбитая застава.

Когда передніе показались изъ опушки, изъ-за прирѣчнаго Мирожскаго монастыря поднялось пламя. Запылало подоженное по воеводскому приказу Завеличье.

Еще полки шли къ стѣнамъ, еще у пушекъ пѣли молебны, но на улицахъ Пскова стало тихо и просторно.

Отъ полуденной стороны темнымъ дымомъ спускались, вызванивая марши, конные польскіе полки.

Долгій шумъ шелъ отъ занимавшаго волнистыя поля войска. Одиноко бѣлѣли брошенные церкви и монастыри.

Отдѣльные конные отряды останавливались на холмахъ.

Послѣ деревень, каменистыхъ полей и рубленыхъ изъ тяжелаго лѣса остроговъ, они увидѣли бѣлый Псковъ.

Ихъ волновала чарующая и угрюмая красота многихъ отраженныхъ водой башенъ.

Восковыми кругами лежали вокругъ города березовыя рощи, а у сліянія двухъ по осеннему посинѣвшихъ рѣкъ, подъ безоблачнымъ небомъ, поднявъ изъ-за стѣнъ кованое кружево куполовъ, царствовалъ вознесенный на утесъ бѣлый, какъ холодные московскіе снѣга, соборъ . . .

Гребни псковскихъ стѣнъ алѣли отъ стрѣлецкихъ кафтановъ, а у воротъ, опираясь на длинные топоры, молчаливо стояла вышедшая въ поле кольчужная сотня.

VI

Въ послѣдніе часы дня, когда теплѣлъ закатъ на крестахъ и золотополосныхъ главахъ, и осенняя вечерняя тишина стыла надъ Псковомъ, — на городовой стѣнѣ близъ мѣдной пищали-хвостуши задремалъ цѣлый день ковавшій ядра кузнецъ Дорофей.

Неожиданно открывъ глаза, онъ увидѣлъ расцѣтшую въ синемъ небѣ золотую зарю. Надъ беззвучнымъ, словно преображеннымъ Псковомъ по млечной жемчужной тропѣ отъ Печеръ шла въ дѣвичьемъ уборѣ Божія Матерь.

Надъ колокольницей Мирожскаго монастыря проплыла Она, надъ водами, башнями и, взойдя на стѣну, остановилась на раскатѣ, держа въ долгоперстной рукѣ ставшій малымъ образъ Умиленія.

Согрѣтый золотистымъ потокомъ, упавъ на колѣни, заплакалъ кузнецъ Дорофей.

И предстали передъ Владычицей умученный Корнилій, рука молебна у сердца, Антоній сѣдъ, брада до персей, Феодосій во схимѣ, строитель занятаго Литвой Мирожскаго монастыря Нифонтъ, благовѣрные князья Довмонтъ, Всеволодъ, Владиміръ въ одѣяніи ратномъ.

И послѣднимъ предсталъ Никола юродивый — рубище съ одного плеча спущено.

На колѣняхъ началъ умолять Божію Матерь Никола, Христа ради юродивый. Руки протягивалъ и плакалъ.

И просили у Ея ногъ за осажденный градъ остальные.

Улыбка Ея просіяла надъ Псковомъ, и скрылось видѣніе отъ глазъ кузнеца Дорофея

Ночью звѣздной и глухой въ королевскомъ лагерѣ ударили тревогу. Ротмистры выскочили изъ палатокъ къ своимъ конямъ не одѣвшись.

Въ лагерѣ, указывая на небо, сбившись въ кучи, шумѣла королевская пѣхота. А въ небѣ шли столбы конныхъ въ бѣлыхъ крыльяхъ, метущихъ, хоругвями войскъ, и рождали надъ Псковомъ кресты.

VII

Жестокая пальба началась съ разсвѣта. На многія десятки саженъ отъ Великихъ воротъ до Свинусской башни была разбита и разсыпана до земли стѣна.

Плотники подъ ядрами за проломомъ рубили новую деревянную стѣну, посадскіе записные стрѣльцы нагружали ее камнями.

Къ полудню пальба замолчала.

Передъ рядами полчными ходили попы, пѣли молебны и давали цѣловать кресты. Былъ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы, и звонили во всѣхъ церквахъ въ то знойное сентябрьское утро.

Положившія обѣтъ въ соборѣ Живоначальной, лучшія псковскія рати, надѣвъ подъ кольчуги бѣлыя льняныя рубахи, уже стояли на проломѣ.

Свѣтлые причастники, они обнимали другъ друга, прося прощенія и уминали острый, мѣшающій твердо стоять, щебень.

Было видно, какъ во вражескомъ станѣ у шатровъ бились выставленныя впередъ хоругви.

Передъ приступомъ наступила тишина. Былъ слышенъ стукъ топоровъ на проломѣ и пѣніе молебновъ.

И вдругъ призывно и весело, созывая роты близъ гетманскаго шатра, ударили въ литавры, и на холмъ выѣхалъ король.

Окруженный лучшимъ рыцарствомъ Литвы, Венгріи и Польши, онъ сказалъ о долгѣ храбрыхъ и подпустилъ рыцарство къ своей рукѣ. Ксендзъ благословилъ упавшихъ на одно колѣно ротмистровъ.

Когда король Стефанъ поѣхалъ къ рѣкѣ, охотники, вскинувъ хоругви, хрипло запѣли, и отъ пѣсни дрогнули на псковскихъ стѣнахъ многія сердца.

Въ среднемъ городѣ у Василія Великаго на горкѣ мелкой дробью забилъ осадный колоколъ, подавая вѣсть о приступѣ всему псковскому народу.

Подъ его звонъ двинулось рыцарство къ пролому.

Позади, съ луговъ, поднялся венгерскій полкъ, въ шелку и стали, вышли нѣмцы, изъ становъ показались новыя знамена и потекли цвѣтнымъ, отливавшимъ серебромъ, потокомъ. Били литавры; дрожа и перебивая, пѣли многія трубы.

Первые ряды рыцарей полегли въ полѣ, сметенные ядрами и густой свинцовой усѣчкой, но венгерскіе латники бѣгомъ, держа на вѣсу топоры, бросились подрубать дубовый палисадъ. Ихъ обѣжали нѣмцы. Взмахнувъ мечомъ, ихъ повелъ на проломъ сухой, весь въ вороненой стали, ротмистръ.

Камни, колоды, заостренныя бревна опрокидывали людей на дно рва и ломали закрытыя желѣзомъ спины.

Подъ крики первыхъ раненыхъ, надвинувъ на глаза шапки, защищаясь щитами отъ черной смолы, въ клубахъ песка и извести они выползали изъ рва.

Тяжелые топоры псковичей клали латниковъ рядами на бѣлую расщебенку.

Рыцарство, въ виду всего Пскова, прорубившись длинными мечами, ворвалось въ полуразбитую ядрами башню и, подъ радостные крики своихъ войскъ, выбросило первую хоругвь.

Повернувъ брошенныя псковичами пищали, они открыли стрѣльбу по отсѣкающимъ приступъ.

Дрогнулъ Псковъ. Князь Иванъ Шуйскій повелъ въ бой посадскихъ стрѣльцовъ.

Деревянная стѣна не была еще кончена. Она разрывалась на мѣстѣ сѣчи, какъ незапаянное кольцо.

А отъ храма Никиты Мученика шли на приступъ новые литовскіе полки.

Набатомъ плакали колокола.

Пушечный стукъ и тяжелый стонъ стоялъ надъ проломомъ. Лишь было чисто мѣсто сѣчи. Тамъ, сверкая, ходили топоры.

Стоя плечо къ плечу, въ взмокшихъ подъ кольчугами рубахахъ, въ накаленныхъ солнцемъ шеломахъ, псковичи, сбившись вокругъ темноликаго, поникшаго при безвѣтріи стяга, рубились, поднимая надъ головами тяжелые топоры.

Имъ казалось, что медленно течетъ солнце.

Потъ бѣжалъ по сѣрымъ отъ пыли, забрызганнымъ кровью лицамъ. Посѣченные грузно осѣдали на землю. Ихъ заступали другіе. Цѣпляясь за наваленные, какъ ржаные снопы, теплые трупы, отползали раеные и, умирая, крестились на знаменный ликъ.

Отвертываясь отъ ударовъ, теряя людей, пятясь сползали съ гребня псковичи.

VIII

Тогда раненый князь Шуйскій, качнувшись, прижалъ къ себѣ отрока и приказалъ ему бѣжать къ собору Живоначальной за послѣдней помощью.

Соборъ не вмѣщалъ всѣхъ. Толпа занимала торговище. Подъ сводами храма игуменъ Тихонъ и весь соборъ, стоя на колѣняхъ, пѣли молебны. Какъ одна грудь, плакалъ народъ. Прерывались слова молитвъ. Женщины бились на полу, каялись въ грѣхахъ и протягивали ко Владычицѣ руки и дѣтей.

Лица были залиты слезами. Тяжелыми воплями передавались вѣсти о томъ, что, потерявъ многихъ, сползаютъ со стѣнъ псковичи. Каждая мать думала, что навсегда потеряла сына. Отъ человѣческаго дыханія гнулись и стекали свѣчи.

Раздвигая народъ, срывающимся голосомъ отрокъ вызывалъ игумена. Въ кровавой росѣ былъ его стальной панцырь.

Дойдя до собора, онъ выкрикнулъ народу приказъ воеводы и, обезсилѣвъ, упалъ съ лицомъ безъ кровинки. Онъ не слышалъ, какъ подъ пѣніе подняли печерскія иконы, старую хоругвь, мощи князя Всеволода, какъ изъ опустѣвшаго собора на залитое солнцемъ торговище хлынули женщины, а на колокольницѣ ударили трезвонъ.

Келарь Печерскаго монастыря и два инока, отвязавъ отъ ограды коней, поскакали впередъ къ проломному мѣсту.

Келарь Хвостовъ въ развѣвающейся рясѣ очутился около медленно отступающихъ псковичей.

— Братцы! Богородица идетъ, родимые, — крикнулъ онъ, и, зарыдавъ, началъ благословлять ратниковъ крестомъ, давая съ коня цѣловать крестъ ловящимъ его запекшимся устамъ. И запѣлъ онъ сквозь рыданія:

— Царица моя Преблагая,
Надеждо моя, Богородице. . .

Отъ собора, неся золотые пласты иконъ, бѣжала съ пѣніемъ и слезами женская толпа. Вопли, мѣшаясь съ молитвами, летѣли къ чудотворной иконѣ Успенія. Она, залитая царскимъ золотомъ, цѣпями, привѣсами и жемчужными уборами, что сняли съ себя псковитянки, тяжело колыхалась надъ головами. Народъ придвинулся. Приглушенная тяжелыми рыданіями, молитва вновь воскресла на проломѣ:

— Царица моя Преблагая,
Надеждо моя, Богородице. . .

Заработали топоры. Съ края придвинулись окованныя желѣзомъ мужицкія палицы. Словно почувствовавъ на лицахъ прохладный вѣтеръ, псковичи вырвались на гребень. Крестясь межъ ударами, они начали сбивать венгровъ съ пролома въ забитый трупами, колами и камнями ровъ.

Подъ башней зажгли хворостъ. Дымъ повалилъ изъ пробитыхъ дыръ. Затрещали, загораясь, бревна. Шатаясь отъ жара, начали сбѣгать внизъ рыцари.

Еще шла сѣча, но псковитянки бросились выносить раненыхъ.

Мать, сидя на землѣ, держала на колѣняхъ разсѣченную голову своего мертваго сына. Она разбирала его волосы, причитала тонкимъ измученнымъ голосомъ, и цѣловала сыновій лобъ. . .

Леонидъ Зуровъ

Лѣто

Остался городъ за холмами,
Привольнымъ вѣтромъ дышетъ грудь.
Віяся лентой межъ полями,
Далеко виденъ ровный путь.

Рѣка, долины, лѣсъ и горы. . .
И жадно мой объемлетъ взоръ
Полей отрадные узоры,
Земли ликующій просторъ,

Съ ея извѣчными дарами,
Гдѣ колосъ долу гнетъ наливъ,
Надъ разноцвѣтными коврами
Плодоносящихъ этихъ нивъ.

Чужой мнѣ край обильемъ дышетъ.
Въ истомномъ блескѣ рдѣетъ плодъ,
И вѣтеръ бережно колышетъ
Тяжелыхъ яблонь хороводъ.

≈

Увижу ль вновь, земля родная,
Благословенный этотъ мигъ,
Когда подъ ржавчиной веригъ
Вскустится нива золотая.

Когда при радостномъ трезвонѣ,
И обрѣтенный стягъ воздѣвъ,
Ты возродишь въ изсохшемъ лонѣ
Святого гнѣва Божій сѣвъ. . .

П. С-въ

Петръ Великій и католицизмъ

(ИЗЪ РУКОПИСИ «ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ»)

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, лѣтомъ 1717-го года, Царь Петръ Великій ярко выразилъ свое отношеніе къ Папскому Престолу и свой взглядъ на соединеніе Церквей — католической и православной.

13-го іюня Царь принялъ Папскаго Нунція.

«Путешествіе Царя надѣлало слишкомъ много шуму въ Европѣ, чтобы не привлечь вниманія Святого Престола и не разбудить желанія встать на хорошую ногу съ державой уже столь импозантной», — говоритъ про то время П. Пирлингъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Россія и Св. Престолъ».

И, по приказанію Папы Климента XI-го, на находившагося въ Парижѣ Папскаго Нунція Корнелія Бентиволью было возложено порученіе добиться сближенія съ Царемъ и добиться отъ него «грамоты свободы культа», предложивъ взамѣнъ признаніе Императорскаго титула и пообѣщавъ моральную поддержку противъ турокъ.

Большое вниманіе, оказанное Царемъ католической религіи и ея служителямъ въ Вѣнѣ въ 1797-мъ году, во время его перваго путешествія по Европѣ, окрыляли Папскій Престолъ.

Папскій Нунцій сталъ дѣйствовать черезъ князя Куракина, который въ теченіе 3 лѣтъ былъ посланникомъ въ Римѣ, но успѣха не имѣлъ. Всякія предложенія были ловко отклонены и на упоминаніе Нунція о выгодѣ дружбы съ Папой, Куракинъ отмѣтилъ факты религіозныхъ затрудненій во Франціи и оппозиціи противъ Рима.

Не добившись ничего черезъ Куракина, Папскій Нунцій прибѣгнулъ къ протекціи состоявшаго при Царѣ Петрѣ маршала де-Тессе, дабы добиться аудіенціи у Царя.

13-го іюня Бонтиволью былъ извѣщенъ, что того же числа въ часъ дня ему назначена аудіенція у Царя.

Въ назначенное время Нунцій Бонтиволью прибылъ въ домъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Московскій Царь, и вотъ какъ произошелъ его пріемъ, по словамъ Пирлинга:

«При появленіи Нунція, Царь, окруженный свитой, наклонившись надъ столомъ, былъ поглощенъ разсматриваніемъ одной древней книги.

Онъ прервалъ это разсматриваніе, чтобы выслушать рѣчь своего визитера: обычныя привѣтствія, съ просьбой покровительства католиковъ въ Россіи.

Шафировъ на плохомъ итальянскомъ языкѣ и съ большимъ трудомъ далъ отвѣтъ Царя, который заключался въ общихъ мѣстахъ и пропускалъ молчаніемъ религію.

Петръ освѣдомился затѣмъ о здоровьи Папы, о пребываніи Бонтиволью въ Парижѣ, объ его епископскомъ достоинствѣ, и аудіенція кончилась съ обычными церемоніями».

«Этого маловато», — прибавляетъ Пирлингъ, и вспоминаетъ затѣмъ разницу между этимъ пріемомъ и тѣмъ, какъ обращался Царь Петръ двадцать лѣтъ тому назадъ въ Вѣнѣ съ кардиналомъ Коллоницъ и отцомъ іезуитомъ Вольфомъ.

Все кончилось, по словамъ Пирлинга, тѣмъ, что Нунцій не лелѣялъ больше иллюзій относительно чувствъ Петра.

Онъ отдавалъ справедливость его неутомимой жаждѣ знаній, находя его «безпутнымъ и преданнымъ удовольствіямъ», не разсчитывалъ больше на его иниціативу религіознаго примиренія. Царь же, со своей стороны, не показывалъ никакой готовности возобновить сношенія съ Римомъ».

На другой день послѣ описаннаго событія, 14-го іюня, Царь Петръ посѣтилъ королевскую типографію и затѣмъ поѣхалъ въ Сорбонну.

Въ 1257-мъ году Людовикъ Святой подарилъ своему духовнику Роберту де Сорбонъ на улицѣ «Купъ Гело» домъ для устройства спеціальнаго учебнаго заведенія, дабы облегчить бѣднымъ ученикамъ полученіе теологическаго образованія.

Мало по малу это учрежденіе, находившееся подъ особымъ покровительствомъ королей и Папъ, сдѣлалось знаменитымъ на весь міръ и выпускало изъ своихъ стѣнъ настолько ученыхъ и хорошихъ теологовъ, что дало свое имя всѣмъ членамъ Теологическаго факультета, которые и стали называться «доктора и баккалавры Сорбонны», хотя они и не воспитывались собственно въ Сорбоннѣ.

Мнѣніе докторовъ Сорбонны въ вопросахъ вѣры имѣло нѣкогда исключительный авторитетъ.

Въ 1469-мъ году въ Сорбоннѣ была устроена первая парижская типографія.

При кардиналѣ герцогѣ Ришелье Сорбонна была перестроена по планамъ Лемерсьэ и при ней была построена церковь.

Во время пріѣзда Царя Петра въ Парижъ постоянный Совѣтъ теологовъ Сорбонны былъ въ оппозиціи Папскому Престолу, такъ какъ стоялъ на сторонѣ янсенистовъ и не признавалъ буллы Папы Климента XI-го «Унигенитасъ», осуждавшей доктрину янсенистовъ.

5-го марта 1717-го года большинство докторовъ Сорбонны вынесло постановленіе аппелировать относительно упомянутой буллы къ Собору, почему и эти доктора получили имя аппелянтовъ.

Съ этими-то аппелянтами и пришлось встрѣтиться Петру Великому при посѣщеніи Сорбонны.

Пріѣхавъ, по обыкновенію, безъ оффиціальнаго предупрежденія и въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ свиты, среди которыхъ былъ и Василій Долгорукій, будущій посолъ въ Парижѣ, сторонникъ католицизма, Царь Петръ былъ встрѣченъ лишь однимъ изъ докторовъ Сорбонны — Бурсье. Это былъ самый молодой изъ теологовъ и самый фанатичный сторонникъ янсенизма.

Царь прежде всего прошелъ въ церковь, гдѣ оставался у гробницы герцога Ришелье.

Чудное изваяніе изъ бѣлаго мрамора, шедевръ Жирардона, изображающее Ришелье въ печали, поддерживаемаго Религіей и Наукой, производило, какъ и теперь, большое впечатлѣніе.

Царь Петръ задумался. Присутствующіе хранили почтительное молчаніе.

— «Великій человѣкъ (какъ бы про себя, сказалъ Царь), я отдалъ бы тебѣ половину моей Имперіи, лишь бы научиться у тебя управлять другой». . . *).

Изъ церкви направились въ библіотеку, куда успѣли уже собраться почти всѣ доктора Сорбонны. Царь былъ окруженъ цѣлымъ факультетомъ теологовъ.

— «Теологическій споръ носился въ воздухѣ, искали только предлога его возбудить», — говоритъ Пирлингъ. А это было не легко, потому что Царь быстро ходилъ по библіотекѣ, переходя отъ одного интересенаго манускрипта къ другому.

Наконецъ, онъ задержался нѣсколько дольше около двухъ славянскихъ манускриптовъ. Этимъ воспользовался экспансивный Бурсье. Онъ замѣтилъ Царю, что соединеніемъ Церквей Русской и Западной Царь достигнетъ апогея своей славы. Что этимъ актомъ къ тріумфу, одержанному на поляхъ битвы, онъ, Царь, прибавитъ тріумфъ мира и что соединеніе Церквей вовсе не такъ трудно достижимо, какъ это кажется.

Улыбка коснулась слегка губъ побѣдителя Карла XII, — пишетъ Пирлингъ, — и онъ отвѣтилъ, что онъ только солдатъ.

— Не только солдатъ, — возразилъ ловко Бурсье, — но также и герой и, въ качествѣ принца, прирожденный покровитель Религіи...

Царь достаточно понялъ этотъ льстивый языкъ, чтобы казаться болѣе доступнымъ. Подойдя открыто къ вопросу, который ему не былъ неизвѣстенъ, онъ замѣтилъ, что три спорныхъ пункта съ одной и другой стороны дѣлаютъ соединеніе Церквей труднымъ: Папа, происхожденіе Святого Духа и, такъ какъ онъ искалъ третій пунктъ, то Бурсье подсказалъ — оплатки и чаша.

— Что касается этого, то тутъ не трудно будетъ сговориться, — замѣтилъ Петръ.

Теологи согласились съ этимъ мнѣніемъ Царя по этому пункту и настаивали, что тоже самое представляютъ и другіе пункты. Что разногласія по вопросу о происхожденіи Святого Духа есть не болѣе, какъ споръ словъ, и что главенство Папы можно согласовать съ требованіями Русской Церкви.

На эти разсужденія Царь сказалъ:

— Хорошо. Сдѣлайте мнѣ меморію по этому дѣлу, но спѣшите, потому что я уѣзжаю незамедлительно.

---

*) Вольтеръ. Исторія Русской Имперіи.

Я вамъ обѣщаю дать меморію на разсмотрѣніе епископовъ моего Государства и они дадутъ вамъ отвѣтъ.

Послѣ этого Царь обмѣнялся съ теологами нѣсколькими фразами по поводу буллы «Унигенитасъ», которую онъ опротестовалъ.

Случайно Царь обратился съ этими вопросами къ доктору Лемуанъ, единственному изъ 19-ти доекторовъ Сорбонны, который призналъ Папскую буллу и не сталъ на сторону аппелянтовъ.

Докторъ Лемуанъ отвѣтилъ, что большинство епископовъ стоитъ за буллу, но что большинство докторовъ противъ нея.

«Это признаніе, — говоритъ Перлингъ, — не помѣшало сорбонцамъ возобновить ихъ убѣжденія въ пользу соединенія Церквей: Царь же, съ своей стороны, покинулъ факультетъ, повидимому, очень удовлетворенный своимъ визитомъ».

Спѣшно принялись теологи за составленіе меморандума, окончательная редакція котораго была поручена Бурсье.

На слѣдующій день, 15-го числа, записка была подписана восемнадцатью докторами Сорбонны и, въ томъ числѣ, и Лемуаномъ.

По совѣту маршала де-Тессе, записка была переведена на латинскій языкъ и, для приданія ей большаго вѣса, она была легализована 19-го числа Архіепископомъ Парижа.

Записка догнала Царя уже въ дорогѣ.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ Царь передалъ записку на обсужденіе высшаго духовенства и по результатамъ ознакомленія съ нею были заготовлены два отвѣта на нее. Одинъ былъ составленъ Феофаномъ Прокоповичемъ, другой Стефаномъ Яворскимъ.

Оба отвѣта подвергли записку ученыхъ теологовъ жестокой критикѣ и отнеслись къ проекту соединенія Церквей отрицательно.

Отвѣтъ, составленный Феофаномъ Прокоповичемъ и подписанный кромѣ него также и Стефаномъ Яворскимъ и епископомъ Варнавой, былъ отправленъ 15-го (28) іюня 1718 года въ Парижъ.

Только лишь черезъ годъ послѣ того, а именно 18-го мая новаго стиля, всемогущій при Регентствѣ кардиналъ Дюбуа вызвалъ доктора Бурсье и показалъ ему копію полученнаго отвѣта.

Немного позже, кардиналъ де-Ноайль, въ качествѣ Архіепископа Парижа и провизора Сорбонны, вручилъ докторамъ Сорбонны копію того отвѣта изъ Россіи.

Между тѣмъ, отвѣтъ, составленный Стефаномъ Яворскимъ и подписанный епископами Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи, появился въ печати въ Германіи.

Тамъ же, въ Германіи, появилась въ 1710-мъ году брошюра профессора протестанта Буддее, рѣзко критиковавшая записку теологовъ Сорбонны. Резко раскритиковали записку и іезуиты.

Тогда доктора Сорбонны сдѣлали попытку добиться пересмотра поднятаго ими вопроса. Они обратились къ русскому послу въ Парижѣ, князю Долгорукому, приглашая его посѣтить Сорбонну. Князь прі-

ѣхалъ. Три часа длилась бесѣда теологовъ съ княземъ, причемъ былъ поднятъ вопросъ объ организацiи въ Россiи конференцiи по вопросу о соединенiи Церквей. Однако, всѣ эти старанiя не имѣли въ дальнѣйшемъ никакихъ результатовъ.

А. Спиридовичъ

Военно-техническiе курсы

При Объединенiи бывшихъ воспитанниковъ Николаевской Инженерной Академiи и Инженерныхъ Училищъ организована Конференцiя Военно-Техническихъ Курсовъ въ Парижѣ.

Конференцiя объявляетъ учебную программу двухъ первыхъ семестровъ. Программа третьяго специальнаго семестра будетъ объявлена дополнительно. Каждый семестръ заключается изъ 90 двухчасовыхъ лекцiй.

1-ый семестръ:

1. Математика.
2. Механика.
3. Сопротивленiе матерiаловъ.
4. Термодинамика.
5. Военныя сообщенiя.
6. Геодезiя.
7. Теоретическая механика и физика.
8. Техническое черченiе.

2-ой семестръ:

1. Военно-инженерныя сооруженiя.
2. Химiя.
3. Электротехника.
4. Прикладная механика.
5. Строительное искусство и матерiалы.
6. Минное искусство и взрывчатые составы.
7. Техническое черченiе.

До начала перваго семестра будутъ прочитаны предварительно алгебра, геометрiя и тригонометрiя и преподаны начала проэкцiоннаго черченiя.

На Курсы имѣютъ право поступать офицеры и военные чиновники, окончившiе Военныя Училища или среднiя учебныя заведенiя. Вопросы о принятiи лицъ, неподходящихъ къ указаннымъ условiямъ, разрѣшаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Конференцiей Курсовъ.

Лицъ, желающихъ поступить на Курсы, просятъ подать рапорта на имя Председателей соотвѣтственныхъ Союзовъ и Объединенiй, въ которыхъ они состоятъ, съ указанiемъ о полученномъ образованiи.

Г.г. Председатели Союзовъ и Объединенiй благоволятъ вышеуказанные рапорта направлять на имя полковника С. А. Мацылева по адресу: 81, рю Мадемуазелль, Парижъ (15).

О началѣ лекцiй на Курсахъ будетъ объявлено дополнительно. Плата за правоученiе — 40 франковъ въ мѣсяцъ.

Принимается подписка на «Вѣстникъ»
Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату **надлежитъ** направлять въ Правленіе Союза:

Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7).

Le gérant : M. Boivent

Imprimerie Franco-Slaves, 32, Rue de Ménilmontant, 32. Paris

№ 8.

Оглавленіе

От Правленія. — Изъ жизни Союза. — *Генералъ Эрдели.* О Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. — *А. Черячукинъ.* Конная аттака 2-ой Заамурской бригады 29-го мая 1915 года. — *И. Ставицкій.* Возможный поворотъ. — *И. Вѣтвѣницкій.* Третья С.-Петербургская Военная Гимназія. — *Димитрій Сверчковъ.* 27-ая пѣхотная дивизія въ Гумбиненскомъ сраженіи 7-го августа 1914 года. — *Э. А. Верцинскій.* Унтеръ-офицеръ Богачовъ. — *Глѣбъ Бенземанъ.* Георгіевскій праздникъ въ 1-омъ Кадетскомъ Корпусѣ. — Изъ письма члена Союза.

Отъ Правленія

Правленіе Союза поздравляетъ г.г. офицеровъ участниковъ войны, съ праздникомъ, и Новымъ Годомъ!

Который разъ встрѣчаемъ мы новый годъ на чужбинѣ. Сколько разъ уже обмѣнивались новогодними пожеланіями, выражая надежду, что слѣдующій годъ встрѣтивъ на родинѣ.

И какъ будто съ полной безнадежностью должны мы были бы встрѣтить и этотъ годъ.

Но наоборотъ, теперь, на десятомъ году нашего пребыванія заграницей, крѣпнетъ надежда, растетъ увѣренность, что недалеко то время, когда мы вернемся на родину, и не въ жалкой личинѣ возвращенца, ни съ чемоданомъ бѣженца, а съ высоко поднятою головой, -- офицерами Россійской Арміи и Флота.

Каждый день несетъ тому новыя предназменованія. Тщетно стараются совѣтскіе захватчики шумомъ показныхъ процессовъ, пятилѣтними и иными планами, отвести отъ себя гнѣвъ народный. Загнанный въ колхозы и совхозы ложью коммунизма и насиліемъ правящей верхушки, уже прозрѣваетъ народъ. Ограбленный и обманутый разогнетъ онъ скоро свою могучую спину и разгуляется, ухнетъ русская дубинушка по головамъ большевицкаго начальства, если досидитъ оно до того времени въ оскверненномъ имъ Кремлѣ.

Съ границъ сосѣднихъ съ Совѣтской Россіей странъ слышна ружейная и пулеметная стрѣльба. Тамъ идутъ бои между подымающимся крестьянствомъ и коммунистическими отрядами. Но если удается коммунистамъ сжечь деревню или разбить повстанческій отрядъ, то всѣхъ деревень на Руси не сожжешь, всѣхъ русскихъ мужиковъ не перестрѣляешь.

Полыхаютъ зарева въ Совѣтской Россіи повсюду. Въ этомъ ли году или въ будущемъ сгоритъ въ русскомъ пожарѣ большевицкая власть, сказать нельзя. Велика страна и трудно въ ней сговориться; одно сказать можно: близятся сроки и во что бы то ни стало надо ихъ дождаться.

Въ воздаяніе доблести защитниковъ Севастополя, Императоръ Николай 1-ый приказалъ мѣсяцъ службы въ его стѣнахъ считать за годъ. Такое же право даровано было и защитникамъ Портъ-Артура.

10 марта 1931 года истекаетъ десятилѣтіе существованія во Фран-

ція Союза Офицеровъ Участниковъ Войны. Безсмѣнные Часовые Русской Національной Чести, Г.г. Офицеры Россійской Арміи и Флота, объединенные въ нашемъ Союзѣ, ведущіе въ эмиграціи тяжелую борьбу за сохраненіе каждого из насъ, до того момента, когда будетъ возможно послужить Родинѣ, не заслуживаютъ ли — того же признанія! Не есть ли наша жизнь заграницей, за это десятилѣтіе — каждодневная и непрестанная война на утомленіе, побѣдить въ которой долженъ тотъ кто крѣпче. Сомкнемся же тѣснѣе. Сохранимъ себя и другъ друга, помня Родину и готовые послужить Россіи.

С праздникомъ, съ Новымъ Годомъ.

Изъ жизни союза

Въ виду наступленія Новаго Года, Правленіе Союза напоминаетъ своимъ членамъ свѣдѣнія, необходимыя имъ для справокъ.

КАНЦЕЛЯРІЯ СОЮЗА ПОМѢЩАЕТСЯ:

Union des Officiers Russes, 35, rue de Sèvres, Paris (VI).

Станціи метро: Севръ-Бабилонъ, или Севръ.

Открыта: по воскресеньямъ — отъ 2 до 4; по вторникамъ — отъ 4 до 6; по средамъ — отъ 6 до 8; по пятницамъ — отъ 4 до 6 час.

При всѣхъ письменныхъ обращеніяхъ въ канцелярію слѣдуетъ указывать свой адресъ, чинъ, фамилію, номеръ членской карточки и годъ ея выдачи.

ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКОЙ КАРТОЧКИ НА 1931-й ГОДЪ

Производится въ пріемные дни и часы въ канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія, 15 франковъ. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинамъ не могущіе перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу: Union des Officiers Russes, 35, rue de Sèvres, Paris (VI) со вложеніемъ членскаго взноса и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. Въ простыхъ письмахъ деньги просятъ не посылать.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЧЛЕНАМЪ СОЮЗА

Оказывается юрисконсультомъ Союза присяжнымъ повѣреннымъ *Павломъ Алексѣевичемъ Соколовымъ.* Пріемъ отъ 3 до 6 ч., кромѣ субботъ и праздниковъ или sur rendez-vous, 10, rue Frochot, Paris (IX).

ЗАПИСЬ ВЪ СОЮЗЪ

Г.г. офицеры, желающіе записаться въ Союзъ, должны представить въ канцелярію свои офицерскіе документы, послѣ чего, запол-

ливъ опросный листъ, вернуть его въ канцелярію съ рекомендательными подписями 2-хъ членовъ Союза, состоящихъ въ немъ не менѣе 1 года, съ указаніемъ номеровъ ихъ членскихъ карточекъ и года выдачи, 15 фр. годового членскаго взноса, 2-хъ фотографій, а иногородніе, кромѣ того, и конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. По разсмотрѣніи опроснаго листа Пріемной Комиссіей и зачисленіи въ Союзъ выдается или высылается членская карточка, на которую наклеивается фотографическая карточка, проштемпелеванная печатью Союза.

Кромѣ указаннаго членскаго взноса, согласно постановленія Общаго Собранія 1930 года, членамъ Союза предлагается вносить: 1. на койку для туберкулезныхъ членовъ Союза Имени Государя Императора Николая 2-го и 2. на домъ отдыха для престарѣлыхъ членовъ Союза, въ суммахъ по ихъ усмотрѣнію.

О Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ

(ИЗЪ ТЕТРАДИ ВОСПОМИНАНІЙ)

Лѣтомъ 1901 года Генералъ - Инспекторъ Кавалеріи Великій Князь Николай Николаевичъ совершалъ свою ежегодную очередную поѣзку по осмотру кавалерійскихъ частей.

Осмотръ начался съ посѣщенія ремонтныхъ комиссій въ Одесскомъ и Кіевскомъ округахъ, послѣ чего Великій Князь черезъ Ростовъ прослѣдовалъ во Владикавказъ, оттуда по Военно - Грузинской дорогѣ до Тифлиса въ коляскѣ, и изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ въ Александрополь. гдѣ были назначена смотры частямъ Кавказской Кавалерійской, Кубанской и Терской казачьихъ дивизій, находящихся тамъ въ лагерномъ сборѣ 2-го Кавказскаго армейскаго корпуса.

Послѣ окончанія строевыхъ смотровъ и маневровъ, въ день отъѣзда Великаго Князя, въ его честь былъ устроенъ завтракъ, предложенный Великому Князю Командиромъ корпуса генераломъ княземъ Амираджиби отъ имени всѣхъ офицерскихъ чиновъ Александропольскаго лагернаго сбора, — иначе говоря отъ имени 600-700 человѣкъ, которые всѣ желали присутствовать на завтракѣ.

Для такой многолюдной трапезы на площадкѣ передъ офицерскимъ собраніемъ Сѣверскаго Драгунскаго полка, гдѣ помѣщался Великій Князь, было разбито нѣсколько длинныхъ бѣлыхъ палатокъ по дугѣ, обращенной внутренней стороной къ собранію Сѣверцевъ, а наружной стороной — въ поле. Эти палатки примыкали вплотную одна къ другой; внутри между ними никакихъ перегородокъ не было и такимъ образомъ, получился сплошной палаточный полукругъ.

Полотнища палатокъ, обращенныя во внутрь, — къ площадкѣ, — были приподняты до верху, а полотнища противоположной, наружной

стороны, были спущены и укрѣплены къ землѣ, образуя глухую стѣнку. Вдоль этой стѣнки по полукругу были вытянуты длинной линiей столы, примѣрно, на 600 слишкомъ приборовъ, а въ центрѣ этого полукруга столовъ находился столъ, предназначенный для Великаго Князя, всѣхъ начальствующихъ лицъ лагернаго сбора, а также для лицъ, сопровождавшихъ Великаго Князя: помощника Генералъ-инспектора Кавалерiи генерала Остроградскаго, Начальника Штаба генерала Палицына, врача Великаго Князя доктора Шевелева и адъютанта Штаба, Ген.-Шт. подполковника Эрдели, т. е. меня.

Столы были убраны цвѣтами, вазами съ фруктами, старыми кубками, турьими рогами въ драгоцѣнной оправѣ, серебряными чашами и прочимъ достоянiемъ офицерскихъ собранiй старыхъ Кавказскихъ полковъ. Внутри полукруга палатокъ, размѣстились музыканты и трубачи пѣхотныхъ, кавалерiйскихъ и казачьихъ полковъ, которые по очереди играли во время завтрака, а подъ конецъ были смѣнены хорами пѣсенниковъ драгунъ и казаковъ.

Когда все было готово и всѣ офицеры распредѣлились по своимъ приборамъ, Великiй Князь, въ сопровожденiи прибывшихъ съ нимъ лицъ, прямо изъ Собранiя Сѣверянъ прошелъ черезъ площадку къ палаткамъ.

У палатокъ Великiй Князь былъ встрѣченъ подъ звуки лейбъ-гусарскаго марша генераломъ княземъ Амираджиби и прочими начальствующими лицами лагеря и послѣ представленiй, поздоровавшись со всѣми нижними чинами и казаками, вошелъ подъ навѣсъ палатокъ, и занялъ мѣсто по серединѣ центральнаго стола, лицомъ къ площадкѣ и къ трубачамъ. Кн. Амираджиби сѣлъ напротивъ; вправо и влѣво размѣстились по чинамъ начальствующiя лица.

Сверкавшiя бѣлизной скатерти, богатое убранство стариннымъ серебромъ столовъ, бѣлые кителя офицеровъ, среди которыхъ выдѣлялись черные, сѣрые, брусничные черкесски казаковъ, украшенные оружiемъ и козырями въ золотѣ и серебрѣ — было на что полюбоваться!

А если къ этому прибавить, что кромѣ 600 офицеровъ, по крайней мѣрѣ столько - же солдатъ, драгунъ и казаковъ съ значками и съ бунчуками въ лентахъ сосредоточилось въ полукругѣ, то размѣръ и блескъ грандiознаго завтрака станетъ ясенъ. Устраивая такой завтракъ, князь Амираджиби прекрасно, видимо, учитывалъ всю обстановку, создавшуюся съ прибытiемъ Великаго Князя.

Извѣстно было, что Великiй Князь посѣщаетъ Кавказъ впервые въ жизни и кавказскiя войска, въ свою очередь, видѣли Великаго Князя также въ первый разъ; всѣ также знали, что имя Великаго Князя среди войскъ уже было популярнымъ, а такъ какъ всѣми горячо любимый на Кавказѣ бывшiй Намѣстникъ, Великiй Князь Михаилъ Николаевичъ, уже жилъ на покоѣ, то кто знаетъ? — можетъ

быть, въ будущемъ, въ качествѣ Намѣстника — Кавказъ увидитъ Великаго Князя Николая Николаевича, а потому надо было сдѣлать такъ, чтобы всю новизну впечатлѣній отъ своего перваго посѣщенія Кавказа Великій Князь воспринялъ особенно ярко; чтобы эти впечатлѣнія были свѣтлы и радостны; чтобы Великій Князь лично видѣлъ кавказскія войска, почувствовалъ-бы их старый кавказскій духъ, ихъ радушіе, гостепріимство, старинные обычаи и традиціи и чтобы все это Великому Князю приглянулось, пришлось по вкусу, по сердцу и не изгладилось-бы изъ памяти.

Умный, старый кавказецъ, кн. Амираджиби правильно все это учелъ, правильно предвидѣлъ будущее, и теперь широко размахнулся въ пріемѣ всѣмъ лагернымъ сборомъ Великаго Князя.

Распрядителемъ за завтракомъ, т.-е. по кавказскому обычаю «тулумбашемъ», явился, конечно, самъ Командиръ Корпуса, кн. Амираджиби, и по его приглашенію всѣ усѣлись на свои мѣста.

Завтракъ начался обычнымъ порядкомъ съ водки и закуски, но послѣ того, какъ былъ поданъ барашекъ, жаренный на вертелѣ, кн. Амираджиби произнесъ красивую рѣчь, — тостъ въ честь Великаго Князя.

Онъ упомянулъ, что Великій Князь впервые на Кавказѣ и кавказскія войска счастливы его видѣть среди нихъ, какъ бывали счастливы видѣть его дядю, Великаго Князя Михаила Николаевича и всѣ надѣются, что Кавказъ Великому Князю понравится, что онъ полюбитъ его и, уѣзжая, унесетъ о немъ свѣтлое воспоминаніе, которое будетъ тянуть его вновь на Кавказъ, гдѣ пріѣздъ Его будетъ всегда радостнымъ событіемъ.

Долго кричали ура послѣ этого тоста, заставляя Великаго Князя нѣсколько разъ вставать и нѣсколько разъ кланяться во всѣ стороны офицерамъ. Затѣмъ послѣдовали привѣтствія всѣмъ начальствующимъ лицамъ и когда всѣ эти обязательные тосты закончились, то кн. Амираджиби предоставилъ слово Великому Князю.

Я не знаю никого, кто умѣлъ - бы такъ говорить рѣчи, а въ особенности застольныя, какъ Великій Князь. И секретъ того исключительнаго впечатлѣнія, которое эти рѣчи производили — не въ красивыхъ словахъ и не въ цвѣтистыхъ фразахъ; здѣсь не одно только краснорѣчіе, а нѣчто еще другое. Вел. Князь произносилъ свои рѣчи обыкновенно начиная ихъ отрывистыми словами или фразами, съ остановками; выраженія сжаты, кратки; въ одномъ словѣ, въ короткой фразѣ — передъ слушателемъ встаетъ цѣлая мысль, образъ, понятіе; эти отрывистыя выраженія мѣтки, сильны, бьютъ въ точку, подстегиваютъ, подхлестываютъ. Если ихъ произнесетъ кто - либо другой, то, конечно, смыслъ будетъ тотъ - же, но впечатлѣніе будетъ совсѣмъ инымъ и слушатель самъ совсѣмъ иначе восприметъ и отзовется на это.

Великій Князь владѣлъ тайной, — *какъ* сказать и *чѣмъ* подчинить себѣ слушателей. Сильный, звонкій и властный голосъ его сразу-

же обыкновенно захватывалъ вниманіе и заставлялъ насторожиться; и глядя на Великаго Князя, вытянувшагося во весь свой огромный ростъ, каждый видѣлъ и чувствовалъ, что Великій Князь напряженъ и каждый нервъ въ немъ натянутъ; глаза его горятъ воодушевленіемъ, голосъ звучитъ энергіей и убѣжденіемъ и понемногу крѣпнетъ и растетъ.

За время моей долголѣтней службы подъ начальствомъ Великаго Князя, я много разъ слышалъ его рѣчи, самъ чувствовалъ ихъ впечатлѣніе и воздѣйствіе, и видѣлъ какое впечатлѣніе онѣ производили не только на офицеровъ, но и на цѣлыя строевыя части, и поэтому считаю себя вправѣ объ этомъ судить.

И теперь въ своей рѣчи, Великій Князь, сознавая, что огромное большинство офицеровъ пѣхоты и конницы его никогда въ глаза не видѣли и что его пребываніе въ Александрополѣ разнесется по всему Кавказу, — не пожалѣлъ красокъ, не пожалѣлъ подъема и вдохновенія, не пожалѣлъ голоса. Офицеры, видя, что Великій Князь будетъ говорить, встали изъ-за своихъ столовъ и плотвой цѣпью окружили весь центральный столъ, за которымъ сидѣлъ Великій Князь; хоры трубачей и пѣсенниковъ умолкли и пододвинулись вплотную къ офицерамъ и такимъ образомъ, слишкомъ 1.000 человѣкъ стѣснилось, чтобы услышать и видѣть Великаго Князя.

Съ первыхъ-же словъ Великого Князя воцарилась тишина. Сотни лицъ и глазъ уставились на Него и по этимъ лицамъ и глазамъ — даже если - бы я былъ глухимъ, и самъ не слышалъ - бы рѣчи, — я могъ - бы сразу понять и почувствовать, что и какъ переживали и воспринимали слушатели. Первоначальное, оживленное любопытство постепенно смѣнялось болѣе серьезнымъ и вдумчивымъ выраженіемъ лицъ; приподнимались головы, точно отъ сознанія увѣренность въ себѣ; въ глазахъ появился блескъ, увлеченіе, восторженность; взоры все сильнѣе впивались въ Великаго Князя, и вдругъ, неподвижная до сихъ поръ стѣна офицерскихъ плечъ и грудей качнулась, потянулась впередъ.

Послѣдній звукъ голоса Великаго Князя замеръ; всѣ стояли нѣсколько секундъ въ оцѣпенѣніи и вдругъ точно что-то рухнуло, прорвалось и вылилось въ стихійное, изступленное, нечеловѣческое «ура», въ такое ура, какое я услышалъ въ первый разъ за мою жизнь.

Это ура подхвачено было солдатами и казаками и долго еще раскатывалось подъ шатрами. Кн. Амираджиби взялъ турій рогъ и высоко его поднялъ надъ головой. Ура прекратилось.

«Передаю свое тулумбашество Вашему Императорскому Высочеству».

При этомъ князь Амираджиби передалъ турій рогъ съ виномъ Великому Князю.

Завтракъ подходилъ къ концу; на смѣну оркестрамъ выступили пѣсенники и началась лезгинка.

Казачьи полки щегольнули своими лучшими плясунами и среди нихъ особенно выдѣлились двое: одинъ молодой кубанскій казакъ.

тибкій, какъ кошка и выдѣлывавшій изумительные, почти акробатическіе фокусы, и другой уже сверхурочный, урядникъ, который никакихъ фокусовъ не показывалъ, но былъ необыкновенно благороденъ, изященъ и красивъ въ своихъ движеніяхъ, Великій Князь потребовалъ часы съ его вензелями, (которыми у меня была наполнена особая сумка) и вручилъ обоимъ плясунамъ.

Однако, пора было уже подумать объ отъѣздѣ и Великій Князь поблагодаривъ кн. Амираджиби и всѣхъ присутствующихъ за широкое гостепріимство, всталъ изъ за стола и съ стаканомъ въ рукѣ вышелъ изъ палатки къ пѣсенникамъ и трубачамъ, чтобы и ихъ поблагодарить за музыку, пѣнье и пляску.

Всѣ драгуны и казаки выстроились плотнымъ полукругомъ и Великій Князь вошелъ въ этотъ полукругъ. Здѣсь, около одного пожилого, сѣдого казака, стоялъ мальчикъ казаченокъ въ черкесскѣ — лѣтъ 6-ти, а рядомъ съ мальчикомъ съ другой стороны, красовался бравый урядникъ. Великій Князь заинтересовался мальчикомъ: на это было доложено, что сѣдой старикъ, казакъ — дѣдъ, бравый урядникъ — его сынъ, а казаченокъ — его внукъ; такимъ образомъ, они всѣ трое представляли собой три поколѣнія. Великій Князь подозвалъ казаченка, поставилъ его рядомъ съ собой, обнялъ его за плечо и обратился съ словомъ къ казакамъ.

Свою рѣчь Великій Князь очень красиво и удачно построилъ на трехъ поколѣніяхъ казаковъ, изъ коихъ старшій—дѣдъ уже отдалъ Царю и родинѣ свои силы, второй,—его сынъ, теперь служитъ и поддерживаетъ добрую славу своего войска, и, наконецъ, вотъ внукъ, изъ котораго отецъ и дѣдъ должны выростить честнаго слугу Государю и Отечеству, на радость и утѣшеніе войску.

При послѣднихъ словахъ Великій Князь приподнялъ казачка, и кто-то изъ офицеровъ помогъ держать мальчика на уровнѣ лица Великаго Князя.

Свою рѣчь Великій Князь сказалъ яснымъ, понятнымъ языкомъ, смѣялся, былъ понятенъ и близокъ каждому казаку и произнесена она была, какъ всегда, съ подъемомъ и воодушевленіемъ, причемъ сильный голосъ Великаго Князя такъ раскатисто звучалъ, что несомнѣнно, всѣ казаки до послѣднихъ рядовъ, слышали каждое слово и, конечно, всѣ видѣли, какъ казачекъ былъ поднятъ Великимъ Княземъ.

Неистовое изступленное «ура» было отвѣтомъ на эту рѣчь; офицеры бросились къ Великому Князю, подняли его на руки стоя, а казаки обступили кругомъ и продолжали свое непрерывное «ура!». Великій Князь указалъ рукой по направленію къ офицерскому собранію и вся огромная толпа двинулась туда, съ Великимъ Княземъ, стоявшимъ во весь ростъ на рукахъ офицеровъ. Чтобы предоставить честь нести Великаго Князя казакамъ, офицеры стали передавать его изъ своихъ рукъ на руки казаковъ, но тутъ произошло что-то ужасное.

Видя, что Великаго Князя подхватили ближайшіе къ офицерамъ казаки, — болѣе дальніе также захотѣли принять участіе въ томъ, что

бы нести его и ринулись къ серединѣ; смяли въ числѣ прочихъ офицеровъ и меня, и полковника Ростовцева, и черезъ минуту я увидѣлъ, что Великій Князь уже не стоитъ на рукахъ у казаковъ, какъ стоялъ у офицеровъ, а его подхватили казаки плашмя и подкидываютъ на воздухъ, «качаютъ», какъ щенку, причемъ длинныя ноги Великаго Князя какъ болѣе легкія, взлетаютъ высоко вверхъ, а голова и туловище оказываются внизу и поэтому выходило такъ, что казаки въ сущности «качали» Великаго Князя головой внизъ и ногами кверху...

Великій Князь дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы какъ-нибудь опереться и приподняться, но безуспѣшно: его голосъ терялся въ ревѣ сотенъ казаковъ, которые съ изступленными лицами продолжали швырять Великаго Князя ногами кверху. Среди головъ и рукъ казаковъ передо мной мелькнуло багровое лицо, налитые кровью глаза и какъ молнія пронеслась у меня мысль, что при стоявшей жарѣ и отъ такого «качанья» головой внизъ, можетъ случиться ударъ и я сталъ продираться черезъ толпу, колотя кулаками направо и налѣво, чтобы добраться до Великаго Князя и показывая на него знаками Ростовцеву. Но Ростовцевъ уже и самъ догадался и тоже буравилъ толпу, прокладывая себѣ дорогу къ Великому Князю.

Наконецъ намъ удалось поймать ноги Великаго Князя; Ростовцевъ поймалъ одну, а я другую и мы ихъ установили каждую къ себѣ на наши плечи и выпрямившись, онъ сталъ во весь ростъ. Казаки сразу смекнули въ чемъ дѣло и на ихъ дюжихъ рукахъ, стоя какъ на полу, Великій Князь былъ донесенъ до подъѣзда собранія Сѣверцевъ и бережно поставленъ на землѣ.

Великій Князь поблагодарилъ казаковъ, попрощался съ нами и поцѣловавъ ближайшаго, сказалъ, что въ лицѣ этого казака, цѣлуется со всѣми.

Поднявшись къ себѣ, Великій Князь усѣлся въ креслѣ отдыхать послѣ всей испытанной передряги, и мы съ Ростовцевымъ, въ разорванныхъ кителяхъ, съ оторванными погонами и съ глубокими порѣзами и ссадинами на шеѣ и плечахъ отъ шпоръ и каблуковъ Великаго Князя, поторопились переодѣться.

Черезъ часъ Великій Князь, провожаемый войсками всего лагеря, отбылъ на вокзалъ и прослѣдовалъ въ Чугуевъ, гдѣ уже были назначены смотря частямъ 10-ой Кавалерійской Дивизіи.

Старый князь Амираджиби оказался во всемъ правъ:

Великій Князь съ тѣхъ поръ нѣжно и горячо полюбилъ Кавказъ и вернулся на Кавказъ, чтобы стать во главѣ всего края и во главѣ войскъ Кавказскаго фронта. Одного только не могъ предвидѣть старый кавказецъ, — это, что возвращеніе Великаго Князя на Кавказъ произойдетъ въ грозное боевое время и что когда Великій Князь покидалъ любимый имъ край, то покидалъ его уже навсегда.

Генералъ Эрдели.

Конная аттака 2-ой Заамурской бригады

29-го мая 1915 года

23 мая 1915 года австрійская пѣхота и германская спѣшенная кавалерія занимавшіе позицію противъ частей 2-го кавалерійскаго корпуса на правомъ берегу р. Прутъ перешли въ наступленіе на стыкѣ Кавказской Туземной и 9-ой Кавалерійской дивизій, входящихъ въ составъ упомянутаго корпуса.

Этотъ натискъ заставилъ 2-ой кавалерійскій корпусъ покинуть линію р. Прутъ и отступить за р. Днѣстръ по заранѣе подготовленную, но еще не законченную укрѣпленную позицію въ районѣ Залещики — Дзвинячъ — Жежава.

Исполняя возложенную на корпусъ задачу сдерживать противника, части отступили съ боемъ, задерживаясь, при малѣйшей возможности въ продолженіи 5 дней. Этотъ 5-ти дневный маршъ при отходѣ по ночамъ и стояніи днемъ, ожидая непріятеля, а по временамъ и отражая его, сильно утомили части, а потому всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали перехода черезъ Днѣстръ, за которымъ надѣялись и отдохнуть и на болѣе долгій срокъ придержать противника на такой естественной преградѣ.

Къ утру 29 мая части закрѣпились на лѣвомъ берегу Днѣстра.

Оборона участка отъ ст. Дзвинячъ до Залещики была поручена частямъ Туземной дивизіи съ ополченцами, подъ командой генерала П. Н. Краснова. Участокъ у переправъ у Залещиковъ охранялся Черкесскимъ коннымъ полкомъ и ополченцами генерала Мунтэ.

Спѣшенные всадники 2-го Дагестанскаго, Ингушскаго и Чеченскаго полковъ и баталіонъ Саратовскаго ополченія занимали ранѣе приготовленные окопы безъ проволочнаго загражденія: Дагестанцы правѣе, лѣвѣе саратовское ополченіе.

Штабъ 2-го кав. корпуса, — при которомъ находился и Великій Князь Михаилъ Александровичъ, расположился въ 12 верстахъ въ д. Тлустэ-Място.

2-ая Заамурская бригада, которой командовалъ я и 17 конная батарея были отведены въ резервъ въ деревню въ 8 верстахъ отъ ст. Дзвинячъ — Жежава.

Австрійцы наступали вяло и лишь рѣдкій орудійный огонь и незначительная перестрѣлка передовыхъ частей и разъѣздовъ, выброшенныхъ за Днѣстръ, свидѣтельствовали о недалекомъ нахожденіи противника.

Указанная обстановка, хорошая деревня назначенная для отдыха 2-ой Заамурской бригадѣ, гостепріимство помѣщика,—сулили покойный отдыхъ.

Бравые заамурцы, размѣстивъ своихъ бѣлоснѣжныхъ монголь-

скихъ лошадокъ, уже сновали по деревнѣ съ веселыми лицами; кое-гдѣ уже раздавались пѣсни.

Офицеры, послѣ хорошаго завтрака у помѣщика, разсѣлись въ саду, любуясь чуднымъ цвѣтникомъ и флиртуя съ дочками хозяина, и мечтали подольше поблаженствовать въ такой уютной обстановкѣ, совершенно мирнаго времени.

Лишь глухіе отзвуки далекаго артиллерійскаго огня напоминали, что мы не дома.

Но блаженство продолжалось не долго. Въ 1 часъ дня была спѣшно вытребована 17-ая конная батарея для артиллерійской дуэли съ батареями противника, обстрѣливающими лѣвый берегъ Днѣстра, а въ 3 часа дня прибывшій изъ штаба корпуса всадникъ Ингушского полка привезъ приказаніе бригадѣ немедленно выступить къ ст. Дзвинячъ — Жежава и поступить въ распоряженіе генерала Краснова.

Недолгіе сборы по тревогѣ и въ 4 часа дня бригада подъ моей командой выступила изъ деревни и слѣдуя перемѣнными аллюрами въ 5 часовъ прибыла къ шоссе у ст. Дзвинячъ.

Оставивъ бригаду въ балкѣ между шоссе и станціей я поѣхалъ на станцію, гдѣ и явился генералу Краснову.

Здѣсь-же находился и Великій Князь Михаилъ Александровичъ, который зналъ меня еще по службѣ въ гвардейской конно-артиллерійской бригадѣ.

Ознакомившись съ обстановкой, я выслалъ 3 разъѣзда за Днѣстръ и одинъ разъѣздъ къ Залещикамъ для связи съ частями, занимающими переправы.

Непрерывно прибывающія донесенія постепенно вырисовывали картину проявляющейся активности противника.

Въ началѣ 6-го часа ружейный и артиллерійскій огонь участился.

Артиллерія противника, не менѣе 2-хъ батарей, вела огонь по площадямъ въ районѣ нашего расположенія.

Непріятельскій аэропланъ описалъ нѣсколько круговъ надъ станціей, сигнализируя этимъ своей артиллеріи, и сбросилъ бомбу, послѣ чего артиллерія перенесла огонь по станціи, ведя его въ продолженіи около часа. Снаряды ложились вокругъ станціи, ранивъ нѣсколько ополченцевъ у кухонъ.

Но все же обстановка еще не внушала особыхъ опасеній и даже любители-фотографы нашли возможность сфотографировать Великаго Князя со всѣми нами на перронѣ вокзала. Самъ Великій Князь снялъ столбъ дыма отъ разорвавшагося вблизи снаряда.

Ясный майскій день клонился къ концу.

Около 6 часовъ прискакалъ изъ высланнаго мной разъѣзда для связи подпрапорщикъ Заамурскаго полка и доложилъ генералу Краснову, что ополченцы и чеченцы не выдержали натиска австрійцевъ и спѣшно отступаютъ по шоссе на Тлустэ-Място. Угроза нашему лѣвому флангу, въ случаѣ правдивости этого донесенія, сулила самыя грозныя послѣдствія и самому отряду, и штабу корпуса.

Въ подтвержденіи донесенія на перегибѣ мѣстности въ направленіи на Залещики съ перрона вокзала показались отдѣльные, скачущіе всадники, — то были чеченцы. Необходимо было принимать экстренныя мѣры для спасенія общаго положенія и положенія отряда.

Генералъ Красновъ лично произвелъ реконгноссировку, выскочивъ на перегибъ мѣстности.

Возвратившись, онъ приказалъ бригадѣ атаковать переправившіяся австрійскія части. Черезъ минуту я уже былъ на лошади и скакалъ вмѣстѣ съ генераломъ Красновымъ къ своей бригадѣ.

Бригада, сформированная изъ сибирскихъ пограничниковъ, стояла въ резервной колоннѣ на тѣсныхъ интервалахъ, спѣшенная.

Бѣлыя монгольскія лошадки стояли опустивъ головы.

Статные, рослые заамурцы сидѣли и лежали около нихъ, мирно бесѣдуя.

Наскоро объяснивъ обстановку командирамъ полковъ, я назначилъ двѣ сотни въ пѣшемъ строю наступать на Залѣщики лѣвѣе шоссе, примыкая къ лѣвому флангу ополченцевъ, уже начавшихъ постепенно загибать флагъ.

Четыре сотни (2 сотни 3-го и 2 сотни 4-го полк.) я повелъ за собой.

Шагомъ поднялись по склону балки. Рысью по моей командѣ разошлись въ линію колоннъ на полныхъ интервалахъ.

Мѣстность для атаки была рѣдко удобная: — равнина покрытая полями съ только что зазеленѣвшими пшеницей и овсомъ. Поднимаясь полого отъ балки, гдѣ стояли заамурцы, она около 2-3 верстъ отъ Залещиковъ давала перегибъ и вновь полого спускалась къ Днѣстру. Какъ на ученьѣ въ мирное время, сотни производили перестроенія.

До перегиба мѣстности шли рысью около версты. Не доходя перегиба стали встрѣчать цѣпи отходящихъ ополченцевъ. Неслись навстрѣчу, крича что-то на своемъ языкѣ и проскакивая въ нашъ тылъ, разрозненные всадники Туземной дивизіи.

Солнце уже не особенно высоко стояло надъ горизонтомъ и его ярко красный кругъ былъ близокъ къ закату.

Не доходя перегиба подалъ команду «Строй фронтъ. Маршъ!».

Галопомъ выстроили фронтъ. По командѣ взяли шашки къ бою, пики на бедро. Дошли до перегиба. Съ перегиба было все видно, какъ на ладони. Весь пологій скатъ къ Залещикамъ былъ покрытъ голубовато-сѣрыми австрійцами.

«Заамурцы! Противникъ передъ вами. Вамъ выпала часть послужить Царю и Родинѣ и заслужить себѣ славу».

«Передняя шеренга въ лаву. Задняя шеренга въ лаву на 300 шаговъ. Маршъ — маршъ!».

Это была моя послѣдняя команда.

Послѣ этой команды я чувствовалъ, что бригада вышла у меня изъ рукъ.

Ружейная трескотня. Артиллерійскій огонь, свистъ разрываю-

щихся шрапнелей, крики ура, конскій топотъ. Кто-то перегонялъ меня. Стоны. Передняя шеренга, лихо рубя на ходу, проскакивала передовыя линіи австрійцевъ. Полная сумятица среди нихъ. Одни ложатся, другіе падаютъ на колѣни, поднимая руки вверхъ, третьи собираются въ кучи, четвертые бѣгутъ назадъ. Часть оставшихся, которыхъ не тронули шашки 1-ой линіи заамурцевъ, повернувшись, стрѣляетъ въ тылъ проскочившихъ, но они въ свою очередь попадаютъ подъ удары лавы 2-ой линіи.

Видны группы всадниковъ, окружившихъ то тамъ, то сямъ сдавшихся австрійцевъ. Сильный огонь ружейный и артиллерійскій сразу прекратился какъ по мановенію руки. Атака кончилась. По полю усѣянному то тамъ, то сямъ тѣлами убитыхъ и раненыхъ заамурцевъ и австрійцевъ, скачутъ лошади безъ всадниковъ.

На полѣ тишина, только стоны раненыхъ напоминаютъ о только что происшедшей битвѣ.

Наступающія сумерки спасаютъ побѣдителей отъ новаго артиллерійскаго обстрѣла изъ-за Днѣстра.

Подаю сигналъ: «сборъ». Звуки сигнала побѣдно разносятся въ вечерней тишинѣ. Въ одиночку подтягиваются ко мнѣ заамурцы, и выстраиваютъ взводы, къ глубокому горю сильно порѣдѣвшіе. У уцѣлѣвшихъ возбужденный, побѣдный, гордый видъ, съ сознаніемъ исполненной задачи. Изъ 12 офицеровъ 2 убитыхъ и 8 раненыхъ: около 200 человѣкъ нижнихъ чиновъ ранено и погибло смертью храбрыхъ.

15 георгіевскихъ крестовъ на каждый полкъ бригады и георгіевскій крестъ генералу Краснову и мнѣ были наградой за это дѣло.

Уже 15 лѣтъ прошло со дня этой атаки, но до сихъ поръ глядя на сохранившійся у меня бѣленькій крестикъ, я вспоминаю тотъ порывъ къ исполненію долга во славу русскаго оружія, который охватилъ всѣхъ насъ отъ генерала до солдата въ минуты атаки; передъ глазами до сихъ поръ поле битвы, возбужденныя лица заамурцевъ, «крестъ храбрыхъ» — мечта моя со дня объявленія мобилизаціи.

Австрійцамъ этой атакой было нанесено полное пораженіе: около 200 человѣкъ взято въ плѣнъ, около 500 зарублено. Врагъ отказался отъ перехода черезъ Днѣпръ.

Въ 2 часа утра 30 подошли части 2-ой Заамурской пѣхот. дивизіи и смѣнили спѣшенныя сотни заамурцевъ. Убитыхъ схоронили въ общей братской могилѣ у шоссе Залещики — Тлустэ-Място.

Небольшой холмикъ надъ похороненными навсегда прикрылъ тѣла павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество заамурцевъ и къ этому холму особенно несутся воспоминанія въ день георгіевскаго праздника. Вѣчная память и слава павшимъ чинамъ 2-ой Заамурской конной бригады!

А. Черячукинъ.

26 ноября (9 декабря) 1930 г.

Возможный поворотъ

Огромный боевой опытъ минувшей Великой войны далъ цѣннѣйшія указанія въ отношеніи военно-инженерной обороны государствъ. Они сводятся къ тому, что оборонительныя *системы долговременнаго типа,* какъ слѣдуетъ устроенныя, *оправдали свое назначеніе.* Особенно поучительнымъ является примѣръ крѣпостного заслона по восточной границѣ Франціи: — *Верденъ — Туль* по верховьямъ р. Мезъ, и *Епиналь — Бельфоръ* по верховьямъ Мозеля.

Во французской военной печати можно встрѣтить сужденія, что этотъ заслонъ спасъ Францію. Такъ это или не такъ, но вѣрно то, что благодаря восточному заслону, мобилизація прошла безъ паники, попытки нѣмцевъ прорваться во Францію съ востока успѣха не имѣли, и французская армія могла выполнить сложный маневръ для встрѣчи врага съ сѣвера потому, что флангъ ея былъ прикрытъ Верденской крѣпостью.

Именно эти три заданія и ставились крѣпостямъ восточнаго заслона тѣмъ стратегическимъ планомъ, который былъ принятъ послѣ франко-русской войны: назначеніе свое крѣпости въ этомъ случаѣ исполнили, и затраченныя на нихъ средства — ничтожно малыя по сравненію съ общими расходами на веденіе войны — не были напрасными расходами.

Опоры этихъ оборонительныхъ системъ, сооруженія долговременной фортификаціи, показали въ боевыхъ условіяхъ такую сопротивляемость огню, которая превзошла всѣ ожиданія. Маршалъ Петенъ, организаторъ борьбы подъ Верденомъ, пишетъ, что форты были несокрушимыми устоями, что они продолжали держаться, когда все кругомъ было сметено — и что объ этомъ надо повторять во всеуслышаніе, чтобы парализовать ироническія замѣчанія о пригодности долговременной фортификаціи.

И дѣйствительно, бетонъ и броня выдержали въ Верденѣ блистательно экзаментъ: вѣдь несмотря на жесточайшій обстрѣлъ втеченіи многихъ мѣсяцевъ, бетонныя убѣжища не были обрушены, и непріятельскимъ огнемъ не было разбито *ни одной башни;* ни одна изъ нихъ не утратила даже способности стрѣльбы до послѣдняго дня обороны. [1])

Если и теперь, спустя 15 лѣтъ, все еще слышны голоса, что фортификація не въ состояніи бороться съ артиллеріей, то это показываетъ только, какъ мало знаемъ мы о томъ, что было на самомъ дѣлѣ.

Конечно, будущая пушка превзойдетъ по своему могуществу самыя тяжелыя орудія, которыя были на фронтѣ подъ конецъ войны. Но вѣдь и военно-инженерное искусство не остановится на старыхъ образцахъ; уже теперь имѣется бетонъ гораздо прочнѣе прежняго, да и броня будетъ другая. Большой вопросъ, кто кого одолѣетъ въ новомъ состязаніи...

---

[1]) Башня на форту Во была взорвана своимъ-же, французскимъ минымъ зарядомъ.

Необходимо разумѣется учитывать и всѣ новыя средства пораженія — газъ, лучи. Однако, самымъ тяжелымъ остается для фортификаціи все-таки борьба съ огнемъ; остальное — это уже детали устройства. оВенно-инженерное искусство не сложитъ оружія и не откажется отъ борьбы — съ *какими угодно* средствами пораженія *матеріальнаго* характера; въ этомъ порука вся прежняя исторія его развитія.

Надо ждать, однако, совсѣмъ другого, готовиться къ иному: — къ переходу всей борьбы изъ области матеріальной въ область *моральную*: Великая война можетъ оказаться не только послѣдней войной *огневого характера,* она быть можетъ — послѣдняя война прежней стратегіи.

Разложеніе *духа* въ непріятельской странѣ обѣщаетъ *побѣду безъ сраженій,* и, конечно, именно въ эту сторону будутъ направлены всѣ усилія врага. Подготовка идетъ уже теперь, въ «мирное» время. Сознаніе низовъ обрабатывается такъ, что отечество можетъ оказаться въ грозовой часъ безъ защитниковъ.

Вотъ въ этой области инженерному искусству, какъ будто дѣлать уже нечего. Но вѣдь и все военное искусство теряетъ смыслъ, если судьба столкновеній рѣшается не арміей на фронтѣ, а тыловымъ возстаніемъ. Какое оружіе можетъ быть пригоднымъ, если оно оборачивается въ свою сторону?

Нельзя-же, однако, въ предвидѣніи этого мириться съ грядущей гибелью. Что-то должно быть организовано *по военной части,* для борьбы съ великимъ зломъ. Это «что-то» прежде всего — отказъ отъ необученныхъ «полчищъ», отъ всякихъ «массъ», «вооруженныхъ народовъ». Несостоятельность довоенной системы видна уже изъ того, что лишь малая часть согнанныхъ въ казармы людскихъ табуновъ была настоящими бойцами на фронтѣ: большинство сидѣло по тыламъ и являлось наилучшимъ бульономъ для всяческихъ моральныхъ бациллъ. Намъ это, къ сожалѣнію, извѣстно, какъ никому другому.

Право на *честь ношенія оружія* должно быть предоставлено только отборнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ. Это эскадрильи летчиковъ, бронированные отряды на землѣ, боевые корабли на морѣ. *Они должны* обуздать бунтующую чернь и нанести ударъ врагу — и они смогутъ это сдѣлать. Такъ свершится возвращеніе къ рыцарскимъ временамъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова Пока это одни мечты, то это *можетъ быть* и военнымъ людямъ этого *надо желать.*

Къ чему тогда военно-инженерное искусство, что ему дѣлать въ этихъ условіяхъ? Придется и ему отказаться от «эшелонированныхъ» позицій, «рубежей», «полосъ», отъ этихъ тысячеверстныхъ канавъ, въ которыя были засажены въ минувшую войну милліоны людей — и вернуться къ крѣпкимъ сомкнутымъ формамъ, *цитаделямъ.* Такія ци-

тадели будутъ, конечно, совсѣмъ иного вида и устройства, чѣмъ старые замки, но по существу это будутъ прежнія орлиныя гнѣзда, въ которыхъ настоящіе воины смогутъ, когда понадобится, отбиться своими силами: фортофикація, съумѣетъ дать, что следуетъ. для *упорной и надежной* обороны.

И. Ставицкій.

Третья С.-Петербургская Военная Гимназія

До введенія въ русской арміи всеобщей воинской повинности корпусъ ея офицеровъ комплектовался почти исключительно лицами дворянско-помѣщичьяго сословія. Увеличеніе состава арміи и ея всесословность выдвинули вопросъ о всесословномъ корпусѣ офицеровъ, а съ нимъ и вопросъ о созданіи сотовѣтствующихъ учебныхъ заведеній на смѣну кадетскихъ корпусовъ. Тогда то и было приступлено къ формированію всесословныхъ военныхъ гимназій и первымъ такимъ учебнымъ заведеніемъ была сформирована 11-го сентября 1873 года наша Третья С.-Петербургская Военная Гимназія. Мысль о формированіи подобныхъ учебныхъ заведеній принадлежала Военному Министру графу А. Д. Милютину и онъ очень интересовался именно нашей гимназіей, постоянно посѣщая классныя занятія и входя во всѣ подробности нашей подготовки, просиживая часами на урокахъ. Его безконечная доброта ласковость и простота въ обращеніи съ нами навсегда залегла въ наши дѣтскія души.

Наша гимназія первоначально помѣщалась въ старомъ деревянномъ одноэтажномъ зданіи, принадлежавшемъ графу Аракчееву. Парадный входъ былъ съ Кирочной ул., для гимназистовъ было два подъѣзда со двора. Въ 1879 году гимназія была переведена въ новое зданіе на углу Итальянской и Садовой улицъ, спеціально для нея выстроенное и въ 1882 году была переформирована въ Александровскій кадетскій корпусъ.

Внѣшній видъ гимназіи въ Аракчеевскомъ дворцѣ былъ очень невзрачный — длинное одноэтажное зданіе съ громадными окнами, все окрашенное въ сѣрый цвѣтъ. Таково же было и внутреннее помѣщеніе гимназіи. Зданіе было спѣшно приспособлено подъ гимназію и зимами было очень холодно. Классы были просторные, высокіе, прекрасно обставлены соотвѣтствующей мебелью. По Кирпичной къ главному зданію примыкалъ двухэтажный домъ директора, во дворѣ были два такихъ же дома, одинъ занималъ инспекторъ, въ другомъ помѣщались канцелярія и служащіе.

Первоначально было открыто только четыре первыхъ класса гимназіи, первый классъ имѣлъ четыре параллельныхъ отдѣленія, второй — три, третій и четвертый по одному. Первый пріемъ былъ

зію былъ произведенъ по очень строгому конкурсу и желающихъ по-произведенъ по очень строгому конкурсу и желающихъ поступуть было очень много. Мы всѣ были приходящіе, жили въ своихъ семьяхъ или на квартирахъ, принимавшихъ пенсіонеровъ. На наше поведеніе на улицѣ обращалось самое строгое вниманіе, и мы рѣзко выдѣлялись изъ числа другихъ гимназистовъ и школьниковъ не только своею формою, но и образцовымъ поведеніемъ. Форму мы получили такую же, какъ и остальныя военныя гимназіи, но первое время безъ погонъ, пока Императоръ Александръ Николаевичъ не посѣтилъ гимназію и не поздравилъ насъ съ дарованіемъ погонъ, этого военнаго отличія. Я прекрасно помню этотъ день посѣщенія Государемъ гимназіи, нашего класса и Его отъѣздъ. Былъ морозный ясный день и намъ, малышамъ, приказали сначала одѣть шинели, но старшіе выбѣжали на улицу за Государемъ и Его свитою въ однихъ мундирахъ, а вслѣдъ за ними и мы. Этотъ день безудержнаго восторга и гордости, что и мы теперь заслужили погоны, что и мы теперь солдаты — не забываемъ на всю жизнь. Съ криками «ура» бѣжали мы за царскими санями и только у Фурштатской улицы Государь пріостанавливая сани, обернулся, приложилъ руку къ своей кавалергардской фуражкѣ и ржіе кони унесли Его по направленію къ Литейному мосту. Погоны были даны бѣлые, съ красными кантами, но безъ вензелей. Гимназическое начальство первоначально разрѣшило нашить погоны далеко не всѣмъ и многіе своимъ поведеніемъ должны были еще долго заслужить это воинское отличіе. Лишеніе же погонъ было самымъ позорнымъ наказаніемъ.

Кадетскіе корпуса, принимая въ свои стѣны ребенка изъ дворянской семьи, семь лѣтъ воспитывали его въ опредѣленномъ направленіи, изолируя отъ внѣшнихъ вліяній, внѣдряя свои традиціи. Теперь предстояла задача воспитать и создать такихъ же преданныхъ слугъ Царю и Родинѣ изъ дѣтей всѣхъ сословій. И это было достигнуто взаимодѣйствіемъ семьи, воспитателей и руководителей. Въ этомъ сказалась какъ великая заслуга графа А. Д. Милютина съумѣвшаго выборомъ педагогическаго персонала осуществить свою идею образованія всесословныхъ военныхъ гимназій, гдѣ совмѣстно съ титулованными представителями нашихъ историческихъ фамилій воспитывались дѣти всѣхъ сословій, такъ и заслуга этого педагогическаго состава, дружно работавшаго совмѣстно съ нашими родителями и воспитателями.

Первымъ директоромъ нашей гимназіи былъ генералъ-маіоръ Федоръ Карловичъ Дидерихсъ. Высокій, стройный, еще моложавый артиллеристъ-генералъ съ открытымъ свѣжимъ лицомъ, бѣлокурыми усами и ясными добрыми голубыми глазами. Какъ большинство нашихъ нѣмцевъ, онъ все же не могъ преодолѣть русской рѣчи его «никуда годно» рѣзко запомнилось намъ, гимназистамъ, во время его разносовъ за наши шалости и проказы. Какое то особое обаяніе распространялъ онъ вокругъ себя, внушалъ безконечное довѣріе и безъ всякаго страха или

къ нему всѣ. Ближайшимъ его помощникомъ въ созданіи гимназіи былъ инспекторъ классовъ Павелъ Игнатьевичъ Роговъ. Глубоко интеллигентный, образованный, всецѣло отдавшійся своему дѣлу, онъ на насъ производилъ впечатлѣніе нѣсколько-суховатаго человѣка. Эти два дѣятеля создали нашу гимназію, дали ей то направленіе и то значеніе, которое она имѣла до послѣднихъ дней своего существованія. Профессоръ инженеръ-генералъ Клокачевъ, вспоминая ихъ на одномъ изъ нашихъ корпусныхъ праздниковъ, сказалъ, что тѣни ихъ витаютъ надъ нашимъ корпусомъ и охраняютъ его отъ всякихъ бѣдъ. Да, это такъ. Память о нихъ всегда въ нашихъ сердцахъ.

Нашими воспитателями были штатскіе люди, правда, прошедшіе особые военно-педагогическіе курсы. Первымъ воспитателемъ въ нашемъ отдѣленіи былъ Алексѣй Афанасьевичъ Моисеенко. Многимъ обязаны мы ему, онъ первый далъ направленіе нашему воспитанію, его строгое, но не придирчивое отношеніе къ намъ незабываемо, его утренніе смотры и разносы и выговоры за плохо вымытые руки или разорванный мундиръ, строгій смотръ при уходѣ изъ гимназіи, когда онъ по нѣскольку разъ заставлялъ переодѣваться изъ-за невѣрной складки башлыка, пріучили насъ къ порядку и опрятности на всю жизнь.

Послѣдовательно въ нашемъ отдѣленіи были воспитатели: поручикъ Бродовичъ, л.-гв. Семеновскаго полка, поручикъ А. П. Михневичъ и милѣйшій С. Ст. Григорьевъ, очень заботившійся объ нашемъ общемъ развитіи. Законоучителями у насъ были въ младшихъ классахъ о. Ал. Васильевъ, а съ четвертаго класса — прот. Михаилъ Серидонинъ. То была эпоха, если не невѣрія, то равнодушія къ вѣрѣ, а потому религіозныхъ исканій мы не переживали, какъ это приходилось наблюдать среди молодежи впослѣдствіи. Изъ учителей, прошедшихъ съ нами всѣ семь лѣтъ съ 1-го класса до окончанія гимназіи былъ только одинъ учитель географіи, высоко нами чтимый А. М. Воронецкій, глубоко любившій свое дѣло, безконечныхъ знаній, громаднаго педагогическаго опыта и талантливый разсказчикъ. Классъ замиралъ, слушая его разсказы о нашей великой Родинѣ и ея обитателяхъ, о заморскихъ странахъ. Мнѣ пришлось писать его некрологъ и я закончилъ его такъ: «...почему мы, его питомцы, такъ любили дорогого А. М. Да потому, что онъ научилъ насъ любить то, что для насъ дороже всего, — онъ научилъ насъ любить нашу Родину».

Какъ на экранѣ проходятъ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ о нашихъ учителяхъ: русскаго языка М. В. Прокофьевѣ, І. А. Мандельштамѣ, открывшимъ передъ нами все величіе и красоту нашихъ поэтовъ и писателей, В. А. Воскресенскомъ, съ его аористами, малыми и большими юсами, полковникѣ Хмоловскомъ, преподававшемъ физику, Груберѣ, — такъ интересно разсказывавшемъ великія историческія событія, Кирпотенко, съ его сушеными и маринованными лягушками, змѣями и прочими тварями, о на-

шихъ французахъ Габріель, съ его gamin и «мальчишки», весельчакѣ Пуарэ, нашемъ грозномъ нѣмцѣ Берлингѣ, математикѣ Рунге и многихъ другихъ. Всѣмъ имъ мы глубоко обязаны не только тѣми знаніями, которыя они намъ давали, не только добрыми отношеніями, которыя установились между нами, а тѣмъ развитіемъ и направленіемъ мысли которыя затѣмъ дали намъ возможность легко разбираться во всякомъ дѣлѣ.

Мои воспоминанія не были бы полны, если бы я не разсказалъ о возникновеніи «Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ и служившимъ въ 3-ей С.-Петербургской военной гимназіи, Александровскомъ Корпусѣ и Корпусѣ Императора Александра 2-го. Много было хлопотъ и заботъ по проведенію и утвержденію устава. Первымъ председателемъ Общества былъ А. М. Воронецкій, безсмѣнный казначей — незабвенный М. В. Соболевъ и секретаремъ — я. По смерти Воронецкаго предсѣдательство принялъ С. А. Трубачевъ, много потрудившійся для матеріальнаго благополучія Общества, послѣ него предсѣдателемъ былъ выбранъ я; за отъѣздомъ изъ С.-Петербурга во время Японской войны предсѣдательствованіе было передано Н. Плещееву. Дѣло было начато буквально безъ гроша, но черезъ нѣсколько лѣтъ у насъ образовался неприкосновенный капиталъ, причемъ ни одна просьба о помощи не была оставлена безъ удовлетворенія. Членскіе взносы давали мало. Средства добывались С. Трубачевымъ устройствомъ концертовъ. Много намъ въ этомъ помогали супруги Красновы. Будущій атаманъ войска Донского, былъ тогда скромнымъ сотникомъ л.-гв. Атаманскаго полка. Концерты эти пользовались прекрасной репутаціей и полные сборы были всегда обезпечены.

Вступивъ въ 1873 году въ первый классъ гимназіи въ числѣ 35 человѣкъ, въ нашемъ четвертомъ отдѣленіи благополучно дошло до седьмого класса только восемь.

1-го сентября 1880 года, т.-е. ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ, мы уже юнкерами приняли присягу на вѣрность службы Царю и Родинѣ.

Гимназистъ выпуска 1880 г.

И. Вѣтвѣницкій.

27 пѣх. дивизія въ Гумбиненскомъ сраженіи
7 августа 1914 года
(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ)

«Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни
«И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они».
А. Пушкинъ.

Въ небольшое окно казеннаго кирпичнаго домика — сторожки, на шоссе у Тракенена въ Восточной Пруссіи, извѣстнаго своимъ конскимъ заводомъ, брезжитъ туманный разсвѣтъ 7 августа 1914 года.

Я лежу одѣтый на широкой нѣмецкой супружеской постели, на пуховыхъ перинахъ, подъ которыми еще наканунѣ спали ихъ бѣжавшіе законные хозяева.

На плитѣ стоятъ остатки ихъ ужина, — варенный картофель и недопитая бутылка темнаго кенигсбергскаго пива.

По комнатѣ разбросана разная домашняя утварь, а въ раскрытомъ шкафу виднѣются брошенныя юбки и между ними синій солдатскій мундиръ прусскаго резервиста.

На дворѣ лошади ритмично пережевываютъ сѣно. Въ открытыя двери я вижу моего золотистаго англо-араба «Пирата».

Тамъ слышится какой то разговоръ...

Прислушиваюсь...

Это мой штабъ-горнистъ вслухъ мечтаетъ о томъ, какъ бы было хорошо получить сегодня изъ обоза не сухари, а хлѣбъ, а то «будь они не ладны, — эти сухари, не взопрѣвши не поѣшь»...

«Размочить надо, Семенъ Петровичъ», участливо замѣчаетъ сверхсрочному унтеръ-офицеру мой ярославецъ, «безъ этого никакъ невозможно... Не угодно-ли чаю откушать?».

На нѣкоторое время воцаряется молчаніе. Я разсматриваю висящую на стѣнѣ олеографію германскаго императора съ утрированно торчащими вверхъ усами и портретъ кронпринца въ формѣ безсмертныхъ гусаръ. «А сегодня снова попремъ впередъ нѣмца догонять», сердито ворчитъ штабъ-горнистъ, прожевывая сухарь.

Это для меня новость!

А какъ же дневка?

Денщикъ со стаканомъ чая приноситъ мнѣ приказъ. Нашей

---

1) Передъ войной я занималъ должность помощника командира 3-го (Литовскаго) Сапернаго баталіона по строевой части.

При мобилизаціи командиръ баталіона полк. Ведекиндъ вступилъ въ должность корпуснаго инженера и находился при штабѣ 3-го корпуса, а я, по своей должности, находился съ ротами впереди. — Д. С.

дивизіи приказано занять районъ Матишкененъ — Варшлегенъ и къ пяти часамъ утра утвердиться на линіи сторожевого охраненія, и при этомъ давался расчетъ походнаго движенія двумя колоннами.

Я посмотрѣлъ на часы. Было начало пятаго. Исполнить приказъ во время было уже невозможно. Пока штабъ-горнистъ сѣдлалъ лошадей, я быстро умылся и, глотнувъ горячаго чаю, вышелъ на шоссе.

Въ расположенной рядомъ помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ ночевалъ штабъ дивизіи, царило оживленіе, — строились роты, вытягивались обозы, суетились у двуколокъ денщики...

Я поѣхалъ на телеграфную станцію, чтобы провѣрить, не явилось-ли запозданіе приказа слѣдствіемъ неисправности телеграфной линіи изъ штаба корпуса, но этого не было, — линія работала исправно...

Я торопился въ авангардъ правой колонны, гдѣ въ составѣ головного отряда шла полурота саперъ 2-ой роты съ унтеръ-офицерами, — это все, что осталось отъ нее послѣ Дюпеннена, гдѣ она 4 августа съ баталіонами Троицкаго полка вела упорный бой съ нѣмцами, обошедшими 105 Оренбургскій полкъ, и ходила въ атаку. [1])

Идя рысью по обочинѣ отличнаго шоссе, которыми такъ густо покрыта вся Восточная Пруссія, я вскорѣ догналъ головной отрядъ.

По пути невольноо бращали на себя вниманіе жеребята-двухлѣтки, въ большомъ количествѣ рѣзвившіеся кругомъ на свободѣ.

Нѣкоторые изъ нихъ довѣрчиво подбѣгали къ шоссейной канавѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на проходившія войска и потомъ, поднявъ вѣеромъ хвосты, неслись съ веселымъ ржаніемъ по сжатымъ полямъ.

Особенно былъ хорошъ одинъ, — гнѣдой.

Это былъ тракененскій молоднякъ, котораго нѣмцы, при спѣшной эвакуаціи завода, не успѣли увести съ собой.

Въ головномъ отрядѣ шли двѣ роты 106 пѣх. Уфимскаго полка съ подполк. Сацукевичемъ. Къ нему была придана саперная полурота, на случай минированныхъ мостовъ и фугасовъ, присутствіе которыхъ предполагалось на дорогахъ.

Съ подполк. Сацукевичемъ я былъ знакомъ. Виленскій гарнизонъ жилъ дружно и большинство офицеровъ хорошо знали другъ друга.

Командующій войсками округа генерал Ренненкампфъ, еще будучи командиромъ 3-го корпуса, настойчиво прививалъ въ своихъ войсковыхъ частяхъ духъ взаимнаго уваженія и выручки, и преслѣдовалъ сепаратизмъ.

Мирно ведя съ подполк. Сацукевичемъ бесѣду о томъ, что нашъ корпусъ (3-ій) все время идетъ отъ Олиты безъ дневокъ и, видимо,

---

[1]) Эта рота в бою у Дюпеннена потеряла до 30 процентовъ своего состава саперъ и всѣъ офицеровъ: командиръ роты шт.-кап. Гренрозъ и пор. Кочетковъ были ранены и два прапорщика запаса — убиты.

Отъ 105 Оренбургскаго полка осталось всего 6 ротъ. Пулеметы погибли. Поручики Далецкій и Васильевъ заколоты на нихъ. Командиръ полка полк. Комаровъ, бросившійся на нѣмецкія цѣпи съ знаменемъ въ рукахъ, былъ убитъ. Въ командованіе полкомъ вступилъ полк. Орелъ.

сегодняшняя дневка превратится въ укрѣпленіе полевой позиціи, мы поровнялись съ большими кирпичными казармами 5-го прусскаго кирасирскаго полка (къ сѣв.-зап. отъ дер. Матишкененъ), когда надъ нашими головами съ противнымъ ревомъ пронесся первый нѣмецкій «чемоданъ», съ грохотомъ разорвавшійся недалеко въ кустарникѣ, къ сѣверу отъ шоссе.

За нимъ послѣдовалъ второй, третій... и пошло! Такихъ въ русско-японскую войну не было! По ихъ адресу въ ротахъ послышалось нѣсколько шутливыхъ замѣчаній, въ которыхъ сквозило больше тревоги и безпокойства, чѣмъ смѣха. Мы были на линіи сторожевого охраненія, — нужно было занимать позицію.

Отъ насъ мягко спускалось вдаль, къ виднѣвшемуся перелѣску, широкая котловина. Вправо, по дугѣ, по краю ея, на склонѣ небольшого холма, виднѣлся примитивный кирпичный заводъ. Такіе залежи глины съ сушкой кирпича на воздухѣ подъ навѣсами, въ Литвѣ называютъ «цигельни».

Головной отрядъ, а за нимъ авангардъ и весь Уфимскій полкъ, сталъ быстро вытягиваться къ этой «цигельнѣ», куда я еще раньше послалъ одинъ саперный взводъ, на случай болѣе сложныхъ блиндажныхъ работъ, если онѣ потребуются. Къ югу отъ шоссе занялъ позицію 107 пѣх. Троицкій полкъ и дальше 108 Саратовскій, который былъ выдвинутъ еще наканунѣ и поэтому имѣлъ время прочно окопаться.

Къ нему своимъ лѣвымъ флангомъ и примкнулъ Троицкій полкъ.

Оренбургскій полкъ, въ числѣ своихъ шести ротъ, остался въ резервѣ.

Лучшей позиціи для обороны въ инженерномъ отношеніи трудно было себѣ представить.

Не говоря уже объ отличномъ ближнемъ и дальнемъ обстрѣлѣ, всѣ склоны ея въ сторону непріятеля имѣли густыя заросли картофеля (передъ Уфимскимъ и Троицкимъ полками), совсѣмъ закрывавшіе свѣженасыпанные бруствера и поэтому маскировавшіе окопы, но въ то же время совсѣмъ не скрывавшія наступавшихъ по нимъ нѣмецкихъ цѣпей.

Передъ саратовцами были сжатыя хлѣбныя поля.

Впереди позиціи (2.000-2.500 шаг.) протекала небольшая рѣчка, обозначенная на нѣмецкой картѣ, но не видимая съ позиціи, и за ней дальше начинался мелкій перелѣсокъ и кустарникъ, тянувшійся на западъ къ р. Роминте.

Достаточно высокій топографическій гребень скрывалъ отъ взоровъ противника все то, что дѣлалось у насъ, — и выѣздъ батарей на позиціи, и пути зарядныхъ ящиковъ, и расположеніе штаба дивизіи въ небольшой рощѣ сѣвернѣе дер. Матишкененъ и даже многочисленныхъ телефонистовъ, торопливо тянувшихъкъ нему со всѣхъ сторонъ телефонные провода.

Все дѣлалось такъ, какъ это бывало на маневрахъ гдѣ нибудь

около Ошмянъ, Трашкунъ или Поневѣжа и только усиливающійся артиллерійскій обстрѣлъ и начавшаяся трескотня пулеметовъ, и уже появившіеся раненые, измѣняли знакомую картину маневра мирнаго времени.

Послѣ кратковременной и малодѣйствительной артиллерійской дуэли, нѣмцы повели по всей линіи нашего расположенія, (особенно сильно на правый флангъ), энергичное наступленіе.

Густыя нѣмецкія цѣпи появились на опушкѣ далекаго перелѣска и быстро, не задерживаясь, начали перебѣжки.

Было 8 часовъ утра.

Наша пѣхота уже успѣла окопаться до профили «съ колѣна», а мѣстами — «стоя». Работа шла быстро и значительно превышала тотъ успѣхъ, который нормировался наставленіями по опыту работъ на инженерныхъ полигонахъ въ мирное время.

Начало нѣмецкой атаки застало меня въ расположеніи 4-го бат. Уфимскаго полка, въ которомъ двѣ роты умѣло использовали двѣ канавы, входившія одна въ другую подъ тупымъ угломъ, образуя видъ кремальера.

Надъ нѣмецкими цѣпями непрерывно замелькали бѣлыя облака шрапнельныхъ разрывовъ.

Видно было, какъ падали люди, но нѣмцы настойчиво продолжали движеніе.

Къ артиллеріи присоединились пулеметы. Одинъ уфимскій пулеметный взводъ (шт.-кап. Лагутчикъ[1]) стрѣлялъ изъ за кирасирскихъ сараевъ, у шоссе, а другой (пор. Кострица[2]), расположившись во второмъ ярусѣ надъ ротами 3-го баталіона и врѣзавшись въ край дорожнаго кювета, стрѣлялъ черезъ головы своихъ ротъ.

Нѣмецкія перебѣжки дѣлались все рѣже... — все короче — и, наконецъ, нѣмцы выдохлись и залегли...

Послѣ отбитія этой атаки нѣмцы приступили къ артиллерійской подготовкѣ новой и по всей нашей позиціи открыли ожесточенный артиллерійскій огонь.

Ихъ пѣхота стала накапливаться по опушкѣ перелѣсковъ, у рѣчки, о чемъ уфимскіе ротные командиры сейчасъ-же телефонировали на батареи.

Но батарейные командиры со своихъ наблюдательныхъ пунктовъ это тоже видѣли и только выжидали начала нѣмецкаго движенія.

Ввиду того, что на одномъ проводѣ «висѣло» нѣсколько телефоновъ, обстановка для всѣхъ становилась совершенно ясной, тѣмъ болѣе, что командиръ полка пол. Отрыганьевъ,[3]) находившійся у пулеметовъ, на шоссе, и видѣвшій все расположеніе своего полка до самой «цигельни», могъ отдать полку общія приказанія передъ ожидаемой атакой.

---

1) Оба эти выдающіеся офицеры — воспитанники Вил. Воен. Уч. Послѣдняго особенно цѣнилъ начальникъ училища генералъ Адамовичъ.

2) Поручикъ Кострица былъ вскорѣ убитъ.

3) Убитъ въ одномъ изъ послѣдующихъ боевъ.

Роты, находившіяся въ картофельномъ полѣ, какъ не обнаруженныя нѣмцами, несли мало потерь, но этого нельзя было сказать про «цигельню».

Она представляла изъ себя довольно открытый холмъ, на которомъ находился стыкъ двухъ полковъ разныхъ дивизій: Уфимскаго 27-й и Островскаго — 25-й, сильно обстрѣливаемый артиллеріей, особенно тяжелой.

Около 10 часовъ я вышелъ по глубокой канавѣ, служившей ходомъ сообщенія для подноски патроновъ, къ кирасирскимъ казармамъ. За однимъ изъ зданій я увидѣлъ генерала Беймельбурга (ком. 1 бриг. и нач. боевого участка), около котораго находился рядъ телефоновъ. Тутъ же стоялъ мой штабъ-горнистъ, державшій въ поводу «Пирата» и своего коня.

Только въ полдень нѣмцы пошли вторично въ атаку. Объектомъ ихъ желаній была «цигельня». 6-ая батарея (подп. Шиловъ[1]) сразу покрыла ихъ шрапнелью и къ ней немедленно присоединились другіе.

Пулеметы пор. Кострицы и уфимскія роты стали обильно поливать ихъ свинцомъ.

Но нѣмцы, подъ прикрытіемъ своего артиллерійскаго огня упорно шли... Роты Уфимскаго полка, занимавшія южный склонъ «цигельни», понеся огромныя потери, зарылись въ землю. Большинство ихъ офицеровъ выбыло изъ строя, и въ томъ числѣ командиръ 1 роты кап. Епицикори убитъ.

Роты Островскаго полка, занимавшія сѣверный склонъ и рощу за ней, стали оставлять позицію и въ безпорядкѣ просачиваться черезъ рощу въ тылъ, сначала одиночными людьми, а потомъ группами.

Видя эту картину, ген. Беймельбургъ вызвалъ по телефону начальника штаба дивизіи полк. Радусъ-Зенковича и, волнуясь, началъ объяснять ему обстановку.

«Этого не можетъ быт», прервалъ его Радусъ-Зенковичъ.

«Островцы отходятъ»...

«Наоборотъ... Изъ 25 дивизіи у насъ отличныя свѣдѣнія, тамъ бодрое настроеніе»...

«Можетъ быть, но на лѣвомъ флангѣ у нихъ неблагополучно... я вижу»...

«Тогда поддержите ихъ сами» — замѣтилъ Радусъ-Зенковичъ.

Генералъ бросилъ трубку.

«Поддержите! Чѣмъ?».

Къ тому времени нѣмцы приблизились къ нашимъ окопамъ до 300-400 шаговъ и здѣсь задержались.

Имъ бы теперь только встать и двинуться впередъ, но какъ разъ этого они и не могли сдѣлать!

Уже не было больше силъ подняться съ земли и ихъ цѣпи быстро таяли подъ нашимъ огнемъ.

---

[1]) Убитъ ружейной пулей въ животъ на наблюдательномъ пунктѣ.

Полочанинъ.

Но, хотя все это было такъ, — тогда казалось, что нѣмцы накапливаются, чтобы всѣми силами обрушиться на «цигельню».

Генералъ Беймельбургъ волновался.

«Вы вѣдь хорошо знаете Радуса?» — неожиданно остановился онъ передо мной.

«Да».

«Вы, кажется, съ нимъ одного кадетскаго корпуса?».

«Да, мы — полочане».

«Какъ было-бы хорошо, если бы вы ему лично все разсказали, что здѣсь происходитъ... Знаете, на словахъ все всегда убѣдительнѣе выходитъ!» — объяснилъ генералъ.

Это было вѣрно, какъ вѣрно то, что для этого мнѣ нужно было выѣхать изъ за закрытія въ открытое поле.

Никого на полѣ не было. Только нѣсколько одиночныхъ телефонистовъ самоотверженно исправляли поврежденіе телефоннаго кабеля и время отъ времени тарахтѣла по шоссе пулеметная двуколка на сѣрой раненой лошади (по ея крупу струилась кровь) подвозившая патроны ненасытнымъ пулеметамъ на окраину кирасирскихъ казармъ. Молодой пулеметчикъ, сидѣвшій на двуколкѣ, я помню, такъ беззаботно и просто дѣлалъ свое дѣло, что, казалось, былъ убѣжденъ, что его, такого жизнерадостнаго и веселаго парня, не можетъ задѣнить ни одна нѣмецкая пуля.

Я приказалъ штабъ-горнисту подать мнѣ «Пирата», а ему самому остаться на мѣстѣ, плотно усѣлся въ сѣдло, нацѣлился на рощу со штабомъ дивизіи и, отпустивъ поводья, далъ жеребцу шпоры.

«Пиратъ» вынесся изъ за казармъ, взялъ по пути нѣсколько полевыхъ канавъ и благополучно доставилъ меня къ мѣсту назначенія.

Въ штабѣ дивизіи уже было оффиціальное извѣщеніе о томъ, что лѣвофланговый Островскій баталіонъ отошелъ и что командиръ полка полк. Заринъ раненъ. О томъ, какъ этотъ баталіонъ «отошелъ» я доложилъ Нач. див. генералу Адариди. Полк. Радусъ-Зенковичъ вызвалъ къ «цигельнѣ» изъ резерва Оренбургскій полкъ.

Наступавшія оренбургскія цѣпи впитали въ себя отходившихъ островцевъ и полк. Орелъ вскорѣ донесъ, что позиція имъ занята и связь съ 25 дивизіей — установлена.

Но «цигельни» оренбуржцы не заняли и окопались позади ея, по опушкѣ лѣса.

Такимъ образомъ правый флангъ дивизіи нѣсколько загнулся назадъ.

Бой замиралъ...

Нѣмцы, отхлынувъ отъ нашихъ позицій, густо усѣяли своими трупами все пространство передъ нашими окопами.

Передъ «цигельней» лежали груды тѣлъ...

Но это не остановило нѣмцевъ!.. Они сдѣлали третью попытку прорвать нашъ фронтъ. Третій актъ нѣмецкой драмы произошелъ уже между 3 и 5 часами дня. На этотъ разъ они свой главный ударъ не-

ренесли на Саратовскій полкъ и повели энергичныя атаки по обѣ стороны Варшлегенскаго шоссе...

Ввиду того, что пѣхота не могла продвинутся впередъ, нѣмецкое командованіе пришло къ заключенію рѣшить эту задачу «по Гриппенкерлю».

Въ германской арміи имѣлся такой сборникъ тактическихъ задачъ, принятый и у насъ, и я, какъ руководитель офицерскими занятіями въ саперномъ баталіонѣ, часто имъ пользовался. Тамъ было сказано — «если пѣхота не имѣетъ силъ продвинуться впередъ, артиллерія должна ей помочь и разстрѣлять противника въ упоръ съ открытой позиціи».

И двѣ германскихъ батареи вынеслись полнымъ аллюромъ передъ Саратовской позиціей на гребень небольшой возвышенности, быстро снялись съ передковъ и... — такъ и не открыли огня.

Черезъ пять минутъ ихъ уже не существовало. Ихъ буквально смели наши батареи 27 арт. бригады (первой, открывшей по нимъ огонь была, повидимому, 1 батарея подполк. Аноева), но стрѣляла по нимъ и одна изъ батарей 25 бригады, также замѣтившая издали съ праваго фланга такую благодарную цѣль.

Говорили, что это была батарея того самаго капитана Гашкевича, съ прострѣленной подъ Мукденомъ головой, который въ бою подъ Сталупененомъ 1 августа, выкатилъ свои два орудія въ линію цѣпей Лифляндскаго полка, па шоссе, по которому двигались нѣмцы и быстро превратилъ его въ кладбище.

Одинъ изъ ротныхъ командировъ Саратовскаго полка (5 роты кап. Стребейко) намъ потомъ говорилъ, что нѣмцы во время гибели своихъ батарей поднялись и пошли, и это былъ для насъ тяжелый моментъ. Но ихъ все же задержалъ хладнокровный ружейный и пулеметный огонь саратовцевъ въ упоръ... Когда-же на нихъ снова перенеслась огненная буря, они прижались къ землѣ и уже больше не поднимались.

Около 5 часовъ дня вся нѣмецкая артиллерія развила по нашей позиціи сильнѣйшій огонь. Нѣмцы начали отходъ и все что было еще способно двигаться, — уходило съ поля сраженія.

Назрѣлъ тотъ моментъ, когда люди, сами, безъ офицеровъ, стали выбѣгать на брустверa, инстинктивно подчиняясь тому массовому импульсу, который горѣлъ такимъ яркимъ пламенемъ въ душѣ каждаго изъ нашихъ изумительныхъ по качествамъ перволинейныхъ полковъ. Нѣсколько Саратовскихъ ротъ съ командиромъ полка полковникомъ Стржевичемъ, впослѣдствіе смертельно раненымъ въ августовскихъ лѣсахъ, бросились впередъ.

Ихъ поддержали ближайшія роты Троицкого полка.

Этотъ смѣлый порывъ былъ немедленно потушенъ дождемъ нѣмецкой шрапнели, но онъ сдѣлалъ свое дѣло, — нѣмецкое отступленіе превратилось въ бѣгство. Нѣмцы бѣжали, бросая оружіе...

Саратовцы намѣревались продолжать ударъ, но изъ штаба диви-

зіи былъ переданъ категорическій приказъ, — нѣмцевъ не преслѣдовать по приказанію штаба корпуса. Чувствовалось, что такое-же «мирное» настроеніе держится и въ штабе дивизіи.

Послѣ 5 часовъ бой на всемъ фронтѣ дивизіи сталъ постепенно замирать... Все рѣже и рѣже гремѣли орудійные выстрѣлы... Наконецъ и они стихли...

Къ окопамъ потянулись дымящіяся походныя кухни...

Штабъ дивизіи переѣхалъ въ дер. Матишкененъ. Я рѣшилъ проѣхать къ кирасирскимъ казармамъ, гдѣ меня утромъ застало начало боя.

Тамъ меня ожидало большое огорченіе. Мой штабъ-горнистъ Семенъ Петровичъ, смертельно раненый осколкомъ тяжелой гранаты, залетѣвшимъ съ шоссе, умеръ на перевязочномъ пунктѣ.

Такъ и не пришлось ему, бѣдному, передъ смертью поѣсть вмѣсто сухарей свѣжаго хлѣба, о чемъ онъ утромъ мечталъ!..

Дворъ казармы былъ полонъ плѣнныхъ. Офицеры держались въ сторонѣ.

Меня поразила прусская дисциплина, — солдаты, даже раненые, самымъ исправнымъ образомъ отдавали честь своимъ офицерамъ и офицеры, видимо, не представляли себѣ, чтобы это могло быть иначе, даже въ плѣну.

Я только успѣлъ соединиться целефономъ съ саперным ун.-офицеромъ на «цигельнѣ», чтобы дать ему рядъ приказаній, какъ неожиданно услышалъ отчетливый разговоръ съ магистрали. Какой-то энергичный и рѣшительный голосъ доказывалъ необходимость немедленно преслѣдовать непріятеля, чтобы не дать ему времени «оторваться», но только дать людямъ поѣсть и отдохнуть...

«Нужно нѣмцевъ добить, окончательно добить!» — повторялъ онъ съ жаромъ.

Другой голосъ холодно твердилъ одно, — «по приказанію командира корпуса», и утверждалъ, что, наоборотъ, слѣдуетъ ожидать со стороны нѣмцевъ почной атаки и предлагалъ «по приказанію командира корпуса» принять на этотъ случай необходимыя мѣры.

Видимо, люди, стоя на разныхъ точкахъ зрѣнія вовсе не понимали другъ друга и говорили на разныхъ языкахъ.

И я понялъ, что это говорили штабъ 25 пѣх. дивизіи и штабъ 3-го корпуса.

Со двора казармъ, гдѣ находилась центральная телефонная станція, я повернулъ на позицію. Начались сумерки.

Но еще было достаточно свѣтло, чтобы окинуть взоромъ все это поле мертвыхъ и раненыхъ, между которыми двигались наши санитары съ носилками и сестры милосердія. Поле глухо стонало...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я тронулся въ обратный путь.

Въ Матишкененъ я пріѣхалъ къ ночи. Штабъ дивизіи занялъ большой помѣщичій домъ. Онъ былъ освѣщенъ. Слышались голоса и гудки телефоновъ.

Какой-то вѣстовой, несшій черезъ дворъ кипящій походный самоваръ, мнѣ сказалъ, что мой денщикъ раскинулъ мою «гинтеровку» во флигелѣ, но, что самъ побѣжалъ въ Уфимскій полкъ.

«Зачѣмъ?».

«Не могу знать!».

Потомъ оказалось, что ему кто-то сказалъ, что я раненъ и онъ побѣжалъ меня искать. Я направился во флигель.

Налѣво дверь было притворена.

На моей походной постели, стоявшей въ углу, лежалъ навзничь юный нѣмецкій офицеръ съ повязкой на головѣ.

Его глаза были закрыты. Казалось, смерть уже наложила на него свою печать. На его губахъ блуждала страдальческая улыбка. Онъ тяжело дышалъ...

У постели, на краю табурета, примостился нѣмецкій солдатъ съ подвязанной лѣвойр укой и здоровой правой рукой осторожно и нѣжно, насколько это ему удавалось, гладилъ руку своего офицера. Глаза его веснусчатаго грубаго лица съ рыжими усами были полны слезъ.

У окна мой знакомый госпитальный докторъ разговаривалъ съ фельдшеромъ.

При моемъ входѣ нѣмецкій солдатъ всталъ и вытянулся.

«Мы хотимъ его унести отсюда», сказалъ мнѣ докторъ, не ожидая моего вопроса.

Оказалось, что молодой офицеръ былъ раненъ во время дневной атаки непосредственно передъ самыми нашими окопами.

Его денщикъ сдѣлалъ попытку вынести своего офицера, но въ это время самъ былъ раненъ, и оба оказались безпомощными въ придорожной канавѣ, откуда ихъ послѣ боя вынесли наши санитары. Съ посторонней помощью офицеръ могъ его двигаться. Въ деревнѣ съ нимъ сдѣлался глубокій обморокъ. Проходившіе мимо солдаты внесли его въ флигель.

«Часы его сочтены... Задѣты мозговые центры» — участливо заключилъ докторъ.

Я попросилъ доктора не тревожить раненаго и оставить его въ покоѣ. И я признаюсь, что къ этовму меня побудило не обычное человѣколюбіе, а уваженіе (именно, — уваженіе!) къ его солдатуъденщику, какъ къ человѣку, за которымъ я наблюдалъ во все время докторскаго объясненія. Онъ, ни слова не понимая по-русски, съ такой надеждой слѣдилъ за каждымъ его словомъ и жестомъ, что, казалось, понималъ все. Я видѣлъ въ его прищуренныхъ глазахъ столько безпредѣльнаго горя, столько муки, что, просто, не рѣшился причинить ему лишней душевной боли, тревожа его офицера.

Я направился въ штабъ дивизіи.

У крыльца стояли расѣдланныя лошади. Среди нихъ, при свѣтѣ изъ окна, я увидѣлъ того гнѣдого тракененскаго двухлѣтка, кото-

рый такъ непринужденно рѣзвился на свободѣ, въ полѣ, когда я утромъ догонялъ головной отрядъ.

Артиллерійскій адъютантъ Шаповальниковъ, устроившій меня въ парадной нѣмецкой гостинной, съ портретами предковъ, въ углу на грудѣ душистаго свѣжаго сѣна, мнѣ объяснилъ, что этого жеребчика, поймали для сына генерала Филимонова (ком. 27 арт. бриг.), выпущеннаго при объявленіи войны изъ кавалерійскаго училища хорунжимъ въ Атаманскій полкъ.

«Пусть нѣмецъ въ казакахъ послужитъ!» — засмѣялся Шаповальниковъ.

Я прилегъ на сѣно и моментально уснулъ.

Проснулся я рано...

Первое слово, которое я услышалъ, было слово — дневка...

Сказано оно было съ грустью...

Мой ярославецъ, довольный тѣмъ, что не нашелъ меня на полѣ сраженія, а нашелъ спящимъ въ штабѣ дивизіи, суетился съ чаемъ и безпокоился о томъ, «почему это нѣмецъ на нашей постели помираетъ» и что, если бы онъ вчера былъ тутъ, то онъ-бы этого не допустилъ.

Я его успокоилъ, сказавъ, что и на свѣжемъ сѣнѣ хорошо спать.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда я въ штабномъ автомобилѣ поѣхалъ на мѣсто уничтоженныхъ вчера нашей артиллеріей нѣмецкихъ батарей для детальнаго осмотра, по порученію штаба дивизіи. Картина, которую я увидѣлъ, превосходила всякое воображеніе.

Особенно сильно запечатлѣлся въ моей памяти нѣмецкій юноша-офицеръ, лежавшій у орудій, съ каской въ защитномъ чехлѣ, откатившейся въ сторону, съ глазами, полными ужаса, съ руками, застывшими въ позѣ защиты отъ чего то страшнаго и неизбѣжнаго, летящаго съ неба...

Всѣ номера лежали убитыми у своихъ пушекъ.

Лошади запряженныя, еще не успѣвшія отъѣхать, лежали рядомъ со своими ѣздовыми. Въ щитъ одного изъ орудій цѣликомъ попала граната и разворотила его. Находившійся за нимъ наводчикъ былъ разорванъ на части и его кровью были обильно забрызганы колеса и лафетъ.

Одинъ изъ командировъ батарей, убитый, лежалъ придавленный своей лошадью. Нѣсколько орудій были подбиты. На лицо была картина полнаго разгрома!...

А ласковое августовское утро мягко освѣщало этотъ кровавый «батальный» эпизодъ — одинъ изъ ихъ безконечнаго множества.

Возвращаясь обратно я нагналъ по пути двухъ троицкихъ развѣдчиковъ.

Прочитавъ донесеніе, которое они несли, и сдѣлавъ объ этомъ, какъ полагалось отмѣтку на конвертѣ, я ихъ посадилъ въ автомобиль.

Донесеніе было унтеръ-офицерское, достаточно безграмотное, но понятное.

Изъ него было видно, что весь районъ до р. Роминте нѣмцами очищенъ и что въ «такомъ-то лѣсу» ими брошенъ «госпитальный околодокъ» съ большимъ числомъ раненыхъ и со всѣмъ медицинскимъ персоналомъ.

Кромѣ того, унтеръ-офицеръ доносилъ, что «кругомъ встрѣчается много бродячаго непріятеля, однако, безъ оружія».

Все это доказывало не только поспѣшность нѣмецкаго отступленія, но и его безпорядочность...

Этотъ «госпитальный колодокъ» (полный госпиталь), а также «бродячаго непріятеля», 27-ая пѣхотная дивизія пріобщила къ числу своихъ трофеевъ на другой день, 9 августа, когда тронулась около полудня впередъ походнымъ порядкомъ, послѣ продолжительнаго отдыха почти въ двое сутокъ.

Прошли Инстербургъ... Направились на Фридландъ...

Непріятеля не было!..

По показаніямъ мѣстныхъ жителей и значительнаго числа дезертировъ-поляковъ, его части спѣшно направлялись на югъ...

Тамъ готовился, неразгаданный нашими высшими штабами, нехитрый маневръ Людендорфа...

. . . .

Димитрій Сверчковъ.

1930.
Парижъ.

Унтеръ-офицеръ Богачовъ

Ниже печатается небольшая выдержка изъ только что вышедшей книги Э. А. Верцинскаго «Изъ Міровой войны». Боевыя записи и воспоминанія командира полка и офицера генеральнаго штаба».

Описываемое событіе относится къ боямъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка послѣ Луцкаго прорыва въ началѣ октября 1916 года.

«Съ боями подъ «Квадратнымъ лѣсомъ» связано еще слѣдующее воспоминаніе изъ жизни полка.

Былъ въ командѣ развѣдчикомъ унтеръ-офицеръ Степанъ Богачовъ. Находился онъ въ полку съ перваго года войны, отличался выдающейся расторопностью, безукоризненной исправностью по службѣ и большой личной храбростью. Имѣлъ за боевыя отличія въ полку нѣсколько георгіевскихъ крестовъ. Когда въ 1915 году потребовалось командировать въ Царское Село, въ Царскій питомникъ собакъ нѣсколько стрѣлковъ, для обученія дрессировкѣ полковыхъ собакъ для военныхъ цѣлей, то за старшаго палъ выборъ на Степана Богачова, какъ на исключительно надежнаго и добросовѣстнаго стрѣлка.

Въ одномъ изъ боевъ подъ «Квадратнымъ лѣсомъ» унтеръ-офицеръ команды развѣдчиковъ полка Богачовъ былъ раненъ осколкомъ ручной гранаты въ голову. Падая и обливаясь кровью, онъ обращается къ начальнику команды развѣдчиковъ, находившемуся рядомъ, съ возгласомъ: «Простите Ваше Высокоблагородіе, я не Степанъ Богачовъ, а Василій Богачевъ! Я — бѣглый каторжникъ!».

Оказалось, что онъ дѣйствительно былъ сосланъ на каторжныя работы за убійство во время драки, какъ онъ объяснялъ, защищая брата. Когда началась война, то онъ съ каторги бѣжалъ, послѣ долгихъ мытарствъ добрался къ себѣ домой въ одну изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ переночевалъ всего одну ночь, взялъ у отца его паспортъ на имя Степана Богачова, подчистилъ и соотвѣтственно измѣнилъ на паспортѣ годъ рожденія, уѣхалъ съ этимъ паспортомъ на фронтъ и поступилъ добровольцемъ л.-гв. во 2-ой стрѣлковый Царскосельскій полкъ, гдѣ своей примѣрно службой заслужилъ общее уваженіе и любовь.

Бѣглаго каторжника въ сущности мы обязаны были немедленно арестовать, но въ виду его безупречной службы въ полку онъ былъ эвакуированъ съ ранеными общимъ порядкомъ съ указаніемъ никому о прошломъ не говорить и немедленно сообщить въ полкъ, въ какое санитарное учрежденіе онъ будетъ эвакуированъ. Все же пришлось донести объ этомъ по командѣ, возбудивъ одновременно ходатайство передъ его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи унтеръ-офицера Богачова за боевыя заслуги.

27-го октября я уѣхалъ въ кратковременный отпускъ въ Петроградъ. Этимъ я воспользовался, чтобы подать докладныя записки о Богачовѣ инспектору пѣхоты, Великому Князю Павлу Александровичу, и Шефу полка, Великому Князю Дмитрію Павловичу, прося ихъ ходатайствовать за него. Боясь, что Богачова могутъ арестовать, какъ бѣглаго каторжника, я розыскал ъего въ Петроградѣ въ одномъ изъ лазаретовъ, ободрилъ его, обѣщалъ наше полное заступничество и въ случаѣ какихъ либо осложненій велѣлъ немедленно звонить мнѣ по телефону.

22-го ноября, представляясь Государю Императору въ ставкѣ, я доложилъ Его Величеству о случаѣ съ унтеръ-офицеромъ Богачовымъ и получилъ обѣщаніе о его полномъ помилованіи.

Вскорѣ послѣ того было получено въ полку повелѣніе о Высочайшемъ помилованіи унтеръ-офицера Богачова, который поправившись отъ раненія, снова вернулся въ полкъ».

Георгіевскій праздникъ въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ

26-го ноября ст. ст. день орденскаго праздника Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

Вамъ извѣстно, что этотъ — чисто военный, праздникъ въ Императорской Россіи оттѣнялся съ особенной торжественностью въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ частяхъ гвардіи, арміи и флота, не говоря уже о томъ, какъ чествовались самые кавалеры этого ордена, оружія, креста и медали по всей Имперіи и въ С.-Петербургѣ.

Исключительно торжественно Георгіевскій день праздновался въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ; этотъ древній «Корпусъ Кадетовъ» («Рыцарская Академія»), «разсадникъ великихъ людей», по красивому и безсмертному выраженію Екатерины Великой имѣлъ всѣ основанія такъ его праздновать.

До 1916 года включительно, когда былъ послѣдній «Царскій» выпускъ, въ составѣ котораго считался окончившимъ Корпусъ Юный Кавалеръ Георгіевской Медали Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ — было 168 выпусковъ.

Первый Кадетскій Корпусъ, имѣвшій первымъ Генералъ-Директоромъ Фельдмаршала Миниха, Директоромъ коего въ 1800 годахъ былъ Генералъ Голенищевъ-Кутузовъ, впослѣдствіи Фельдмаршалъ, — далъ Россіи: Генералиссимуса Графа Суворова-Рымникскаго; Фельдмаршаловъ:Румянцева Задунайскаго, Графа Каменскаго, Кн. Прозоровскаго, Паскевича Эриванскаго, Великаго Князя Николая Николаевича Старшего, Великаго Князя Михаила Николаевича и Главнокомандующаго Кульнева, Толя и др. и множество кавалеровъ Ордена Св. Георгія 1-ой, 2-ой, 3-ей, 4-ой степеней и оружія, среди которыхъ были всѣ Державные Шефы его и Августѣйшіе бывшіе кадеты (Его Императорское Высочество Принцъ А. П. Ольденбургскій благополучно здравствуетъ и понынѣ).

Ихъ имена, начертанныя золотыми буквами, красовались на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, по стѣнамъ огромнаго «Сборнаго зала» и вмѣстѣ съ большой мраморной доской, увѣнчанной Императорской короной, съ перечнемъ именъ Державныхъ Шефовъ Корпуса и Членовъ Императорской Фамиліи, бывшихъ кадетъ.

Для каждой степени ордена было особая доска, увѣнчанная: для 1-ой и 2-ой степеней, золотой орденской звѣздой, а для 3-ой и 4-ой степеней орденскимъ крестомъ съ эмалевыми георгіевскими лентами; въ этихъ историческихъ Петровскихъ стѣнахъ они вѣщали о славѣ и величіи Корпуса, о цыцарствѣ и героизмѣ его питомцевъ. О томъ же говорили 12 знаменъ и штандартъ (послѣдній временъ 18-го столѣтія, когда при Корпусѣ была конная рота) постоянно стоявшія въ Корпусномъ музеѣ.

Празднованіе начиналось торжественной обѣдней въ Корпусной Церкви. Многіе бывшіе кадеты — генералы, сановники — въ лентахъ

и со звѣздами, молодые офицеры въ блестящихъ формахъ, приходили всегда въ этотъ день помолиться и полюбоваться своими молодыми однокашниками.

Послѣ обѣдни былъ церковный парадъ всему Корпусу. Рѣяло сѣдое знамя, съ истлѣвшими лоскутьями полотнища, и строго красивъ былъ церемоніальный маршъ, передъ Георгіевскими досками, подъ звуки марша «Августѣйшій Кадетъ», по Высочайшему Повелѣнію традиціонно исполняемаго на всѣхъ парадахъ и смотрахъ.

Послѣ парада и гости, и начальство, и кадеты переходили въ столовую, гдѣ подавался парадный завтракъ и у каждаго прибора лежала коробка конфектъ въ видѣ корпуснаго вице-унтеръ-офицерскаго погона. Здравицы, долго несмолкавшее «ура», воспоминанія стариковъ о родномъ Корпусѣ. Около 3 часовъ церемонія вся кончалась и кадеты отпускались въ отпускъ.

Глѣбъ Бенземанъ.

Изъ письма члена союза

Изъ письма военнаго врача С. А. Поройкова, Hôpital Colonial, St.-Louis, Sénégal. A.O.F.:

«Долженъ сообщить одно происшествіе, весьма интересное для Союза. По пріѣздѣ, я просилъ о припятіи меня членовъ въ военный кооперативъ, гдѣ можно имѣть всѣ припасы гораздо дешевле, чѣмъ у частныхъ коммерсантовъ. Мнѣ отказали два раза: первый разъ — сказали, что нельзя безъ разрѣшенія г. Генералъ-Губернатора всей группы колоніи, а спросивши его, отказали второй разъ, ибо я не французскій подданный. Я тогда показалъ свою союзную членскую комбатантскую карточку, сказалъ, что мы сражались за «общее дѣло» и т. д.; сейчасъ-же имъ сдѣлалось неловко и... въ результатѣ: я былъ принятъ въ члены кооператива, что мнѣ съэкономило не одну сотню франковъ, за что я очень и очень благодаренъ Союзу.

Не прилагаю денегъ на журналъ за 1929 и 1930 годъ, но очень хотѣлъ бы его имѣть, если онъ продолжаетъ выходить. Очень прошу мнѣ выслать вышедшіе послѣ іюля 1928 года номера и сообщить, какую сумму я долженъ выслать. Сдѣлаю это съ первой-же почтой.

Если я могу быть въ моихъ условіяхъ работы чѣмъ нибудь полезенъ Союзу — съ радостью все сдѣлаю».

Принимается подписка на «Вѣстникъ»

Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза:

Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7).

Le gérant : M. Boivent

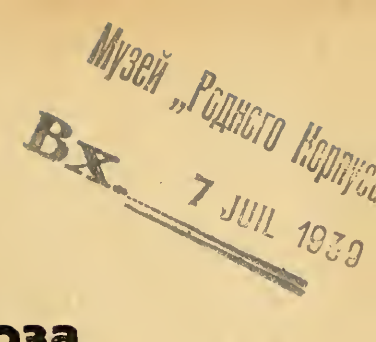
Imprimerie Franco-Slave, 32, Rue de Ménilmontant, 32. Paris

№ 9

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Изъ жизни Союза. — 2. *Генералъ Эрдели.* Генералъ Фельдмаршалъ, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій (1831—1931). — 3. *В. Чекмаревъ.* 1-го марта 1881 г. Воспоминанія послѣдняго камеръ-пажа *Государя Императора Александра II.* — 4. *В. Ткачевъ.* Сильные духомъ. — 5. *Димитрій Сверчковъ.* Божидаръ Зоричъ. Отрывокъ военнаго романа.

Изъ жизни союза

КРАТКIЙ ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА ОФИЦЕРОВЪ УЧАСТНИКОВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ ЗА 1930 Г.

Сообщенiе Предсѣдателя Союза на Годовомъ Общемъ Собранiи 31-го мая 1931 года.

1930-й годъ былъ десятымъ годомъ существованiя Союза. Въ жизни Союза и его отдѣловъ не произошло никакой перемѣны и работа Правленiя въ этомъ году была та-же какъ и въ предыдущiе годы.

Въ концѣ года появились угрожающiе признаки безработицы и происходившая въ это время перемѣна картъ д'идантитэ могла отозваться затруднительно на нѣкоторыхъ членамъ Союза. Но принятыми мѣрами, удалось избѣжать такихъ затрудненiй.

Въ дѣлѣ прiисканiя работы какъ и ранѣе много помогъ Французскiй Союзъ A. N. C. C., а для устраненiя затрудненiй по выдачѣ новыхъ картъ д'идантитэ и ави фаворабль, Предсѣдатель Союза вошелъ въ личныя сношенiя съ лицами, вѣдающими этими дѣлами въ Префектурѣ и въ Министерствѣ Труда, что дало отличный результатъ.

По прежнему члены Союза при всякомъ случаѣ нужды или затрудненiя обращались въ Союзъ и Правленiе на первомъ же засѣданiи въ ближайшую же среду, занималось возбужденными вопросами. Въ случаяхъ спѣшныхъ дѣла получали движенiе немедленно, не ожидая для засѣданiя Правленiя.

Какъ и въ предыдущiе годы членамъ Союза надлежитъ указать на неисправность во взносѣ членскихъ взносовъ; напоминанiе это дѣлается изъ года въ годъ, но улучшенiя этого явленiя не наблюдается; за 1930 годъ поступленiе членскихъ взносовъ сравнительно съ предыдущимъ нѣсколько понизилось, въ 1929 г. — 16.058, а въ 1930 г. — 15.380 фр. Въ 1930 году 104 члена Союза внесли просроченные за прошлые годы членскiе взносы. Новыхъ членовъ Союза за отчетный годъ записалось 216 человѣкъ.

Матерiальное положенiе Союза за 1930 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общая сумма прихода въ 1930 г. достигла	31.236 42
что за вычетомъ остатка отъ 1919 года	8.183 41
составляетъ сумму поступленiя въ отчетномъ году	23.053 —

Главныя статьи прихода въ 1930 году составляютъ:

1. Членскіе взносы .... 15.380 —
2. Сборъ на койку для туберк. членовъ Союза Имени Государя Императора НИКОЛАЯ II и Его Августѣйшей Семьи, давшій въ отчетномъ году 2.567 30
3. Возвращено выданныхъ ссудъ 1.202 50
4. Отъ продажи Вѣстника получено .... 1.419 —
5. Собрано на организацію Убѣжища для престарѣлыхъ членовъ Союза 994 35
6. Собрано въ Фондъ Имени Вел. Кн. Николая Николаевича 261 30

   По прежнему большая часть членовъ Союза, входя въ полковыя и др. организаціи уплачиваетъ этотъ взносъ тамъ.
7. % по текущему счету и купонамъ 173 56

   Въ 1930 году Правленіе Союза постановило въ виду совершенной незначительности % по текущему счету, уменьшеннаго до 3/8%, часть суммъ Союза (около половины) обратить въ гарантированныя правительствомъ выигрышныя облигаціи Креди Насіональ, приносящія безъ налоговъ 5-6%.
8. На розыски Генерала Кутепова собрано въ Союзѣ ..... 360 —

   Деньги эти отправлены по назначенію.
9. Какъ и въ предыдущіе годы три французскихъ банка. Banque des Pays Bas, Credit Lyonnais и Société Générale — сдѣлали свои взносы въ Кассу Союза въ суммѣ .... 500 —
10. Разныхъ поступленій было .... 195 —

Общая сумма расходовъ въ 1930 году достигла 20.438 55
на 1.200 фр. менѣе 1929 г. и на 2.400 фр. менѣе 1928 г.

Суммы эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ :

1.	Выдано заимообразныхъ ссудъ		940 —
2.	Уплочено за лѣченіе туберк. больн. чл. Союза		1.982 50
3.	Въ A. N. C. 'C. за членскія карточки		2.747 50
4.	Внесено въ Казну Имени Вел. Кн. Николая Николаевича.		455 80
5.	Отправлено собранныхъ на розыски Генерала Кутепова. .		560 —
6.	Израсходовано	на библіотеку Союза	1.150 —
7.	—	на консьержа и уборщика помѣщенія канцеляріи	505 —
9.	—	на выдачу безплатныхъ обѣдовъ	66 50
9.	—	на канцелярскіе расходы	349 30
10.	—	Секретаріатъ	900 —
11.	—	на почтовые расходы	621 65
12.	—	вознагражденіе казначея (онъ же Секретарь)	6.875 ·

13.	—	на печатаніе Вѣстника Союза въ 1930 г...	2.091	—
14.	—	пожертвовано на правосл. храмы въ Брюсселѣ и Пиреѣ	250	—
15.	—	на автомобиль Предс. О.В.С.	200	—
16.	—	на похороны члена Союза	100	—
17.	—	на почтовый ящикъ Союза въ почт. отд. № 7	72	25
18.	—	чл. взносъ Союза въ Комитетъ пом. обр. юношества	100	—
19.	—	пожертвовано на туберкулезныхъ и дѣтскія колоніи	75	—
20.	Уплочено за перевозку гимн. имущества		72	—
21.	Разные расходы		325	05
		Итого въ расходѣ......	20.438	55

Въ остаткѣ на 1-ое января 1931 года состояло:

по приходо-расходной книгѣ Казначея	10.797	87
наличность кассы взаимопомощи	1.338	81
и суммъ библіотеки	128	40
Всего суммъ Союза......	12.265	08

Какъ видно изъ доложенныхъ данныхъ о матеріальномъ положеніи таковыя должны быть признаны вполнѣ благопріятными и въ сравненіи съ прошлымъ годомъ выше на *2.251 ф. 86 с.*

Средства на поддержаніе койки для туберкулезныхъ членовъ Союза, благодаря особой заботѣ о ней Правленія Союза и участливому отношенію къ этому дѣлу членовъ Союза, не иссякаютъ и дѣло это стоитъ на твердой почвѣ. На 1-ое января 1931 года суммы койки составляли 2.081 фр. А въ апрѣлѣ текущаго 1931 года Союзъ получилъ щедрый даръ на это благое дѣло отъ Великаго Князя Дмитрія Павловича и возглавляемаго имъ Союза Конногвардейцевъ въ день 200-лѣтія Конной Гвардіи — 3.000 франковъ.

Въ 1931 году забота Правленія должна быть направлена на сборъ средствъ для осуществленія другого не менѣе важнаго дѣла — Убѣжища для престарѣлыхъ членовъ Союза. Новое Правленіе Союза удѣлитъ всю свою энергію, а члены Союза со свойственнымъ имъ участіемъ его поддержатъ.

Подлинный подписалъ: Генералъ-отъ-Кавалеріи *Эрдели.*

РЕВИЗІОННАЯ КОМИССІЯ
Союза Офицеровъ
Участниковъ
Великой Войны

«30» Мая 1931 года.
г. Парижъ.

Въ Правленіе Союза.

Комиссія въ составѣ Генерала-отъ-Кавалеріи Баратова, Генералъ-Маіора Суворова и Полковника гр. Воронцова-Дашкова 29 сего мая провѣрила денежныя суммы, книги и оправдательные документы Казначея, кассы взаимопомощи и библіотеки Союза Офицеровъ Участниковъ Войны, причемъ оказалось, что суммы показаны вѣрно, отчетность ведется чрезвычайно аккуратно, а документы находятся всѣ на лицо.

Сумма прихода за 1930 годъ по книгамъ казначея составила	31.236 ф. 42 с.
Сумма расхода по тѣмъ же книгамъ выразилась	20.438 ф. 55 с.
Остатокъ къ 1-му января 1931 года составилъ	10.197 ф. 87 с.
Кромѣ того на 1-ое января 1931 года состоитъ суммъ Кассы Взаимопомощи	1.338 ф. 81 с.
и Библіотеки	128 ф. 40 с.
Всего на 1-ое января 1931 года суммъ Союза	12.265 ф. 08 с.

Ревизіонная Комиссія съ большимъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны продолжаетъ идти по правильному пути, а его Правленіе дѣлаетъ все возможное на пользу его членовъ.

Особенно заслуживаютъ вниманія тѣ успѣхи, которыхъ достигло Правленіе въ борьбѣ съ тяжелымъ положеніемъ многихъ членовъ Союза въ связи съ безработицей и общимъ кризисомъ. Правленію удалось организовать полученіе права работы и картъ д'идантитэ въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ.

Подлинный подписали:

Предсѣдатель, Генеральнаго Штаба,
Генералъ-отъ-Кавалеріи *Баратовъ.*

Члены:

Генеральнаго Штаба, Генералъ-Маіоръ *М. Суворовъ.*
Полковникъ Гр. *Воронцовъ-Дашковъ.*

ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛЬДМАРШАЛЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТАРШІЙ (1831 - 1931).

27 іюля 1831 года, въ день Блаженнаго Николая Капустника Новгородскаго, у Императрицы Александры Θеодоровны родился сынъ, который былъ названъ Николаемъ.

Въ тотъ же день Императоръ Николай Павловичъ назначилъ новорожденнаго сына Шефомъ Лейбъ-Гваріи Уланскаго (нынѣ Ея Величества) полка и зачислилъ его въ списки Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона. Это зачисленіе Великаго Князя съ колыбели по кавалеріи и по инженернымъ войскамъ предопредѣлила всю дальнѣйшую военную службу Великаго Князя и все направленіе его дѣятельности.

Когда Великій Князь достигъ шести лѣтъ, Государь назначилъ воспитателемъ къ нему боевого и просвѣщеннаго Генерала А. И. Философова, причемъ, по указанію Государя, воспитаніе и обученіе должно было вестись по «Плану Ученія», составленному для Наслѣдника Престола А. В. Жуковскимъ. Преподаваніе общихъ и военныхъ наукъ производилось лучшими научными силами того времени и провѣрка знаній производилась частыми экзаменами, въ присутствіи, нерѣдко, Государя.

Строевая подготовка Великаго Князя началась рано, а именно: въ 9-лѣтнемъ возрастѣ, Великій Князь вступаетъ въ ряды 1 Кадетскаго Корпуса; обучается строю, военнымъ упражненіямъ и обязанностямъ гарнизонной службы вмѣстѣ съ кадетами, а затѣмъ и вмѣстѣ съ сформированнымъ «Потѣшнымъ взводомъ Преображенцевъ».

Въ дальнѣйшемъ въ теченіи 7 лѣтъ, до производства въ Подпоручики, продолжаются совершенствованія въ строевой службѣ съ ознакомленіемъ съ другими родами оружія, а въ 1849 году, въ чинѣ капитана, Великій Князь уже командуетъ ротой 1-го Кадетскаго Корпуса, а также послѣдовательно ротами Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Пажскаго корпуса.

Въ 1850 году Великій Князь жалуется Флигель Адъютантомъ и съ этого времени начались образовательныя поѣздки Великаго Князя по Россіи для ознакомленія съ отечествомъ, а также поѣздки заграницу.

Съ исполненіемъ совершеннолѣтія, въ 1852 году Великій Князь принесъ присягу и осенью былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры и назначенъ Генералъ-Инспекторомъ по Инженерной части и командиромъ 1-й бригады легкой кавалерійской дивизіи (Л.-Гв. Уланскій и Конно-Гренадерскій полки). Съ началомъ войны съ Турціей, а затѣмъ съ Англіей и Франціей, Великій Князь командируется въ 1854 году для осмотра укрѣпленій Ревеля, Свеаборга, Або и другихъ пунктовъ побережья ввиду возможной высадки союзнаго флота въ Финскомъ заливѣ. Въ концѣ 1854 года Великій Князь командируется Государемъ въ Севастополь для под

нятія духа арміи и чтобы дать сыну боевое крещеніе. Здѣсь Великій Князь участвуетъ въ неудачномъ для насъ бою подъ Инкерманомъ и затѣмъ становится въ ряды доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Великій Князь подъ Малаховымъ курганомъ получаетъ орденъ Георгія 4 степени и вскорѣ назначается завѣдывающимъ всѣми инженерными работами на сѣверной сторонѣ Севастополя.

Въ концѣ февраля, когда работы были закончены, получено было извѣстіе о кончинѣ Государя Николая I и Великій Князь возвратился въ Петербургъ.

Въ 1855 году Императоръ Александръ II назначилъ Великаго Князя членомъ Государственнаго Совѣта и вновь командировалъ для руководства оборонительными работами въ Финляндіи и на побережьи Финскаго залива. Осенью этого же года Великій Князь отправляется на югъ для руководства инженерными работами по укрѣпленію Николаева.

Война заканчивается въ началѣ 1856 года и Великій Князь возвращается въ Петербургъ и вступаетъ вскорѣ въ бракъ съ Принцессой Александрой Петровной Ольденбургской. Съ наступленіемъ мирнаго времени, послѣ Крымской компаніи, начинается въ Россіи знаменитая «Эпоха Великихъ Реформъ» Императора Александра II. Въ связи съ этими реформами, съ введеніемъ всеобщей воинской повинности и съ реорганизаціей войскъ и всего военнаго управленія, кореннымъ образомъ долженъ былъ измѣниться характеръ строевой и боевой подготовки войскъ, а также система войскового воспитанія и обученія. Во главѣ этого дѣла и былъ поставленъ Великій Князь: въ 1860 году онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Комитета по устройству и образованію войскъ. Результатомъ работъ этого комитета былъ выходъ новыхъ уставовъ для всѣхъ родовъ войскъ съ наставленіемъ для боевой подготовки войсковыхъ частей.

Примѣрно со времени этого назначенія и до окончанія Русско-Турецко войны въ 1876 году, т. е. около 20 лѣтъ — былъ періодъ наиболѣе энергичной плодотворной, просвѣщенной дѣятельности Великаго Князя. Послѣдовательно Великій Князь назначается Начальникомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи: затѣмъ Командиромъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса и наконецъ въ 1864 году, Главнокомандующимъ войскъ Гвардіи Петербургскаго Военнаго Округа.

Оставаясь Генералъ Инспекторомъ по Инженерной части, Великій Князь въ томъ же 1864 году назначается и Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи. Такимъ образомъ вся дѣятельность Великаго Князя выливается въ трехъ направленіяхъ: какъ Строевого Начальника, какъ Генералъ Инспектора Кавалеріи и Генералъ Инспектора по Инженерной Части. Въ эту разностороннюю дѣятельность Великій Князь вкладываетъ все свое знаніе, свою душу, свою энергію и любовь къ военному дѣлу и достигаетъ крупныхъ результатовъ. Кромѣ этого по Высочайшему повелѣнію Великій Князь неоднократно ѣздитъ заграницу для участія на маневрахъ, руководитъ маневрами въ Округахъ. осматриваетъ Кавказскія войска, а какъ Инспекторъ Кавалеріи и самъ Коннозаводчикъ даетъ сильный тол-

чекъ развитію отечественнаго конно-заводства съ поощреніемъ конскихъ спортивныхъ состязаній. Частыя поѣздки Великаго Князя по Россіи на лошадяхъ въ коляскѣ, сначала для ознакомленія съ родиной, а затѣмъ по инспектированію, съ одной стороны, а съ другой, — обстоятельность характера Великаго Князя, съ отзывчивостью и сердечностью его, при прекрасной, мужественной внѣшности, сдѣлали то, что Великго Князя знала и любила чуть ли не вся Россія. Его имя было широко популярнымъ всюду и потому, когда Великій Князь былъ назначенъ Государемъ Главнокомандующимъ Русской Арміей для дѣйствій противъ Турціи, весной 1877 года, это назначеніе привѣтствовалось всей Россіей. Выдающаяся дѣятельность Великаго Князя въ войну 1877-1878 г.г. общеизвѣстна и отмѣчена исторіей. Извѣстно также, что Европейскія державы воспротивились занятію нашими войсками Константинополя и Европейская дипломатія съумѣла сильно урѣзать плоды, добытые побѣдами русскихъ войскъ. Эти всѣ послѣднія обстоятельства, которыя Великій Князь переживалъ крайне болѣзненно, находясь въ Константинополѣ, и, будучи свидѣтелемъ всѣхъ дипломатическихъ интригъ, въ концѣ подорвали его здоровье и безъ того разстроенное прежней болѣзнью и лишеніями только что перенесенной войны.

Въ апрѣлѣ 1878 г. Великій Князь вернулся въ Россію и принужденъ былъ отдыхать и лечиться до октября, когда вновь вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей Инспектора Кавалеріи и по Инженерной части, отказавшись отъ должности Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь принялъ участіе въ работахъ по переустройству военнаго Управленія, кавалеріи и саперныхъ войскъ и по составленію положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время. Въ 1888 году Великій Князь руководитъ маневрами на югѣ Россіи, а въ 1890 году былъ старшимъ посредникомъ и руководителемъ на большихъ Волынскихъ маневрахъ въ присутствіи Императора Александра III. Руководить этими маневрами было послѣдней служебной задачей, выпавшей Великому Князю.

Послѣ этихъ маневровъ Великій Князь вновь захворалъ и уѣхалъ лечиться въ Крымъ, но поправиться не смогъ: 13 апрѣля 1891 года Великій Князь тихо скончался и тѣло его, сопровождаемое его сыномъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, было перевезено въ Петербургъ, гдѣ и было предано землѣ 26 апрѣля 1891 года въ Петропавловскомъ Соборѣ. За своимъ супругомъ сошла впослѣдствіи въ могилу Великая Княгиня Александра Петровна, а ихъ Августѣйшіе сыновья Великія Князья Николай Николаевичъ и Петръ Николаевичъ кончили свой жизненный путь у насъ на глазахъ, — въ изгнаніи.

По этому краткому очерку видно, что Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, изъ 60 лѣтъ своей жизни, отдалъ почти 50 лѣтъ служенію Престолу, Россіи и Арміи.

Вся его жизнь и дѣятельность является олицетвореніемъ выполненія служебнаго долга, безавѣтной преданности Престолу и Россіи и вопло-

щеніемъ любви къ военному дѣлу. А военныя дарованія Великаго Князя привели Русскую Армію во время Освободительной войны къ побѣдоноснымъ, славнымъ дѣяніямъ.

Въ исторіи Русской Арміи Генералъ Фельдмаршалу Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему по заслугамъ отведено мѣсто большого историческаго значенія. Къ концу своей жизни покойный Генералъ Фельдмаршалъ былъ шефомъ: Л.-Гв. Уланскаго полка, 6-го Сапернаго баталіона, 3 роты Л.-Гв. Сапернаго баталіона и 3 роты Л.-Гв. 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона; 22 драгунскаго Астраханскаго, 43 драгунскаго Тверского, 15 драгунскаго Александрійскаго, 9 гренадерскаго Сибирскаго, 1 Кавказскаго Сапернаго баталіона и 53 пѣхотнаго Волынскаго полка.

Числился въ полкахъ: Л.-Гв. Конномъ, Гусарскомъ Ея Величества, Казачьемъ Его Величества, Преображенскомъ, Семеновскомъ, Литовскомъ, Л.-Гв. въ Саперномъ баталіонѣ, Л.-Гв. въ 4 стрѣлковомъ Императорской фамиліи баталіонѣ, въ ротѣ Николаевскаго Инженернаго училища и въ Донскомъ Казачьемъ Войскѣ. Послѣ смерти Его Высочества, Имя Генералъ Фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго было присвоено 9 Гренадерскому Сибирскому и 8 драгунскому Астраханскому полкамъ и 6 Саперному баталіону, а впослѣдствіи было даровано 13 Стрѣлковому полку.

Генералъ *Эрдели.*

1-го Марта 1881 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОСЛѢДНЯГО КАМЕРЪ-ПАЖА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Къ 50-ти лѣтію кончины Императора.

На день 1 марта 1881 г., который приходился на воскресенье 1-ой недѣли Великаго поста, назначенъ былъ въ С.-Петербургѣ разводъ съ церемоніей Л.-Гв. Саперному батальону. Такіе разводы при Императорѣ Александрѣ II производились въ огромномъ зданіи Михайловскаго манежа, въ которомъ, — когда стоишь на одномъ его концѣ, — едва видишь, что дѣлается на другомъ. Царь-Освободитель очень любилъ эти разводы, и въ его царствованіе они производились обыкновенно въ теченіе всей зимы, всегда въ присутствіи самого Императора.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое я испыталъ на первомъ разводѣ, въ 1879 г., въ которомъ участвовалъ молодымъ 18-лѣтнимъ пажомъ 1-го спец. класса Пажескаго Е. И. В. корпуса.

Оно было непередаваемо, — съ нимъ ничто не можетъ сравниться!... Я находился въ строю того отдѣленія въ 10-12 рядовъ, которое было назначено на разводъ отъ роты Пажескаго корпуса.

Проѣздъ Царя верхомъ по фронту войскъ, участвовавшихъ на разводѣ, сопровождаемый непрерывными звуками военныхъ хоровъ музыки, громомъ барабановъ, звуками войсковыхъ рожковъ, отвѣтными кликами частей на привѣтствіе Государя, послѣдовательными звуками несравненнаго русскаго гимна, покрывавшаго все своими величественными аккордами, и наконецъ, видъ самого Государя, медленно продвигавшагося верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, великихъ князей, русскихъ и иностранныхъ военныхъ представителей въ полной парадной формѣ, — все это производило потрясающее впечатлѣніе и наполняло юную душу такимъ восторгомъ, что невольно слезы навертывались на глаза...

Я участвовалъ впослѣдствіи и въ другихъ разводахъ, — но впечатлѣніе отъ перваго было самымъ сильнымъ и никогда не изгладится изъ памяти.

Осенью 1860 г., я былъ произведенъ фельдфебелемъ роты Пажескаго корпуса и, какъ таковой долженъ былъ состоять камеръ-пажемъ при Е. В. Государѣ Императорѣ; въ этой должности я присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ выходахъ и церемоніяхъ, совершавшихся при Высочайшемъ Дворѣ. Обязанности мои состояли въ томъ, чтобъ въ этихъ церемоніяхъ находиться всегда при особѣ Государя и слѣдовать за нимъ. Какъ фельдфебель, на разводахъ съ церемоніей я уже не становился въ строй, а подходилъ отдѣльно съ рапортомъ къ Государю, — причемъ подходить надлежало такъ, чтобъ высокій большой султанъ на каскѣ не шелохнулся и не дрогнулъ! Я подходилъ къ Государю во главѣ цѣлой шеренги фельдфебелей и ординарцевъ. Государь принималъ эти рапорты верхомъ по серединѣ правой стороны манежа, послѣ объѣзда линіи войскъ и церемоніальнаго марша.

Какъ я сказалъ выше, разводъ 1 марта 1881 г. приходился на первое воскресенье Великаго поста, а на 1-ой недѣлѣ Государь Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ и Цесаревной Маріей Ѳеодоровной съ ихъ дѣтьми и другими членами Царской Фамиліи говѣли въ Маленькой церкви Зимняго Дворца и въ субботу пріобщались Св. Таинъ. Помню, что тогда же говѣла и княгиня Юрьевская со своими дѣтьми; но въ церкви она стояла отдѣльно отъ Государя и семьи Цесаревича. Дѣти ея невольно обращали на себя вниманіе своей вольной манерой держаться, сравнительно съ дѣтьми Наслѣдника, вел. князьями Николаемъ и Георгіемъ. Насколько эти послѣдніе были выдержаны и держали себя образцово, — настолько дѣти кн. Юрьевской отличались чрезвычайной подвижностью и даже нѣсколько нарушали чинный порядокъ выхода и пребыванія въ церкви.

Говѣнье продолжалось цѣлую недѣлю, но камеръ-пажи назначались присутствовать только въ среду, пятницу и субботу. Въ субботу Государь пріобщался Св. Таинъ. Послѣ одной изъ этихъ службъ я удостоился получить отъ Государя Императора просфору, которая хранилась у меня, какъ священная память о Царѣ Мученикѣ.

Послѣ церковной службы Государь обыкновенно оставался нѣкоторое

время въ Кругломъ залѣ, куда непосредственно шелъ выходъ изъ церкви, разговаривая съ присутствующими лицами, послѣ чего направлялся коррпдоръ, ведшій во внутренніе покои. Я сопровождалъ Государя до входныхъ дверей во внутренніе покои. Княгиня Юрьевская вообще не участвовала въ Высочайшихъ выходахъ, но послѣ окончанія торжества, когда Государь направлялся во внутренніе покои, она обыкновенно встрѣчала его на пути, выходя изъ одной изъ боковыхъ дверей, и шла дальше подъ руку съ Государемъ.

Итакъ, Провидѣнію угодно было, чтобы наканунѣ мученической своей кончины Государь Александръ Николаевичъ исповѣдовался и причастился Св. Таинъ...

1 марта 1881 г. день былъ съ утра сѣрый, но сухой, безъ мороза.

По прибытіи въ манежъ, снявъ шинель и оставаясь въ фельдфебельской формѣ, — въ мундирѣ при саблѣ и револьверѣ на поясной портупеѣ и каскѣ съ бѣлымъ султаномъ, — я сталъ на свое мѣсто у главнаго входа въ манежъ, на правомъ флангѣ шеренги фельдфебелей, которой начиналась линія войскъ. Рядомъ со мной, слѣва, стоялъ вахмистръ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Далѣе шли фельдфебеля другихъ военныхъ училищъ.

Государь Императоръ долженъ былъ войти въ манежъ черезъ указанный подъѣздъ. Части войскъ стояли уже на линіи, на своихъ мѣстахъ, готовясь для встрѣчи. Мимо меня прошло мое корпусное начальство, директоръ корпуса ген. Дитерихсъ и ротный командиръ полковникъ Энденъ, и осматривали меня внимательнымъ окомъ, — нѣтъ-ли какихъ нибудь неисправностей въ одеждѣ, все-ли въ порядкѣ.

Вскорѣ послышались, — сначала издалека, потомъ все ближе и ближе возгласы махальныхъ: «Государь Императоръ изволитъ ѣха-а-а-ть!» — съ протяжнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. При этихъ возгласахъ вся линія войскъ зашевелилась. Послышались команды. Передъ моментомъ появленія Императора всѣми овладѣло невольное волненіе. Мнѣ доводилось одному изъ первыхъ увидѣть предъ собой Императора и встрѣтить его царственный взоръ.

Наконецъ, насталъ моментъ, что у подъѣзда все стихло и послышался только легкій шорохъ, — вѣрный признакъ, что Его Величество вошелъ въ подъѣздъ.

Я видѣлъ, какъ Государь вошелъ въ манежъ въ Николаевской шинели съ бобровымъ воротникомъ, какъ Онъ сбросилъ съ Себя шинель, какъ Онъ сѣлъ верхомъ, оставшись въ одномъ сюртукѣ, и двинулся медленнымъ шагомъ къ линіи войскъ.

Лицо Государя было сумрачно. Оно показалось мнѣ болѣе блѣднымъ, чѣмъ обыкновенно, и какъ бы постарѣвшимъ. Но Государь бодро сидѣлъ верхомъ и подъѣзжая къ линіи войскъ, рѣшительнымъ движеніемъ правой руки разглаживалъ свои бакенбарды. Начался объѣздъ войскъ съ обычными привѣтственными кликами, звуками музыки и барабановъ.

Послѣ объѣзда войскъ, церемоніальнаго марша и джигитовки наѣзд-

никовъ отъ конныхъ полковъ, участвовавшихъ въ разводѣ, Государемъ приняты были обычнымъ порядкомъ рапорты; а въ это время Л. Гв. Саперный б-нъ въ батальонной колоннѣ построился на противоположномъ концѣ манежа. Государь, подъѣхавъ къ батальону, — на этотъ разъ какъ-то особенно долго и медленно объѣзжалъ его ряды, часто останавливаясь и разговаривая съ отдѣльными лицами.

Послѣ окончанія развода, я съ братомъ Михаиломъ, бывшимъ вмѣстѣ со мной камеръ-пажемъ и участвовавшимъ въ этомъ послѣднемъ разводѣ въ строю пажей, — отправились въ корпусъ.

Едва мы переодѣлись въ отпускную форму, — какъ въ помѣщеніе роты впопыхахъ вбѣжали наши товарищи Косинскій и Мексмонтанъ и въ страшномъ волненіи разсказывали о совершившемся злодѣяніи, жертвой котораго палъ Государь Императоръ. Оказывается, что въ моментъ взрыва оба они находились на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ была брошена бомба. Они тотчасъ побѣжали туда и приняли участіе въ оказаніи первой помощи тяжело раненому Императору. — Будучи доставленъ въ Зимній Дворецъ, Государь въ тотъ же день скончался.

Вѣсть о злодѣяніи съ быстротой молніи разнеслась по городу. Улицы наполнились народомъ, который густыми толнами двигался по тротуарамъ въ глубокомъ безмолвіи. Только проѣздъ Наслѣдника Цесаревича по Невскому отъ Аничкова дворца къ Зимнему сопровождался перекатами громкаго «ура»!

На слѣдующій день, 2 марта, назначенъ былъ Высочайшій выходъ въ Зимнемъ дворцѣ по случаю Восшествія на Престолъ новаго Императора. На этомъ выходѣ я назначенъ былъ состоять при особѣ Государя Императора Александра III.

По обычаю, я ждалъ Высочайшаго выхода въ корридорѣ, у дверей, ведущихъ во внутренніе покои. Чрезъ нѣкоторое время двери отворились, — вышелъ Государь въ парадной формѣ подъ руку съ Императрицей Маріей Ѳедоровной, въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей: Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и Вел. Князя Георгія Александровича. Они слѣдовали позади Августѣйшей Матери. — Я шелъ непосредственно за Государемъ во все время Высочайшаго выхода, и всѣ подробности этого незабываемаго дня глубоко врѣзались въ моей памяти.

Государь прослѣдовалъ въ громадный Бѣлый залъ, гдѣ были собраны всѣ военные. Залъ былъ полонъ ими до отказа, — только посрединѣ оставался свободный проходъ для Высочайшихъ Особъ. — Дойдя до средины залы, Государь остановился и обратился съ рѣчью къ присутствовавшимъ. — Воспроизвести слова Государя полностью я, за давностью времени, не могу. Хорошо помню, что рѣчь кончалась такими словами: «Молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силъ посвятить мою жизнь на служеніе дорогой мнѣ Россіи!» Слова эти врѣзались мнѣ въ память.

Въ своей рѣчи Государь говорилъ, что принимаетъ на себя «тяжелый крестъ царствованія», уповаетъ на помощь Божію и употребитъ всѣ силы, чтобы нести этотъ крестъ на пользу и благоденствіе Россіи.

Государь былъ потрясенъ всѣмъ происшедшимъ, глаза Его увлажнялись слезами. Слова Государя были проникнуты той простотой и глубокой искренностью, которая такъ была Ему свойственна. Такъ могъ говорить только Императоръ Александръ III, каждое слово котораго имѣло громадный вѣсъ.

Императрица Марія Ѳедоровна во все время рѣчи Государя неудержимо плакала, стараясь скрыть слезы, которыя лились изъ Ея глазъ.

Минута была въ высшей степени торжественная и полна глубочайшаго значенія., Государь изливалъ свои сокровенныя мысли о предстоящемъ своемъ великомъ служеніи, начинавшемся въ такую тяжелую, небывалую въ исторіи минуту...

По окончаніи рѣчи Государя, весь залъ огласился громовымъ «ура!», какого во всю жизнь мнѣ не приходилось слышать. Казалось, стѣны дворца сотряслись отъ этого «ура». Оно не смолкало все время, пока Государь медленно слѣдовалъ вдоль длиннаго зала и не скрылся въ сосѣднихъ покояхъ. Цѣлый рядъ залъ и комнатъ дворца были полны собравшимися представителями всѣхъ учрежденій и всѣхъ классовъ населенія Петербурга; Государя встрѣчали несмолкаемымъ «ура».

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Государь не обошелъ всѣ эти помѣщенія и не удалился къ себѣ во внутренніе покои.

Послѣ Восшествія на Престолъ начались печальные дни заупокойныхъ церковныхъ службъ по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ и сопровождавшія ихъ печальныя церемоніи — сначала въ Зимнемъ дворцѣ, а потомъ, послѣ перенесенія тѣла почившаго Государя въ Петропавловскій соборъ, — въ этомъ послѣднемъ. Дни эти закончились погребеніемъ Императора въ усыпальницѣ Петропавловскаго собора.

Тѣло покойнаго Государя пребывало сначала во внутреннихъ покояхъ дворца, гдѣ совершались панихиды. Туда допускались только члены Царской фамиліи и особо приближенныя лица. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находилась и кн. Юрьевская, которая была совершенно убита горемъ; рыданія ея часто доносились за предѣлы внутреннихъ покоевъ, въ которыхъ она оставалась безвыходно.

Изъ внутреннихъ покоевъ тѣло покойнаго Императора, послѣ положенія Его во гробъ, перенесено было въ церковь Зимняго Дворца. Гробъ несли члены Царской Фамиліи. Нести надо было довольно большое разстояніе, черезъ рядъ залъ и помѣщеній дворца.

Гробъ былъ чрезвычайно тяжелъ, о чемъ можно было судить по тому, какъ напрягались при этомъ такіе богатыри, какъ самъ Государь Александръ Александровичъ, находившійся въ головахъ гроба, и его августѣйшіе братья. Государю, видимо, было всѣхъ тяжелѣй. При одномъ неловкомъ движеніи Государь оторвалъ одну изъ угловыхъ золотыхъ кистей, висѣвшую въ головахъ гроба. Кисть эту Онъ передалъ мнѣ. Эта кисть осталась у меня и хранилась въ моей семьѣ, какъ священная реликвія до 1919 года, когда попала со всѣмъ моимъ имуществомъ въ руки большевиковъ.

Изъ церкви Зимняго дворца тѣло покойнаго Императора было перевезено въ Петропавловскій соборъ. Печальная процессія направилась сначала по Дворцовой набережной, — далѣе, по Троицкому мосту, въ Петропавловскую крѣпость. Государь Императоръ Александръ III все время шелъ за гробомъ. Тутъ-же слѣдовали и другіе члены Царской Семьи. Императрица ѣхала отдѣльно въ экипажѣ.

Погода стояла мрачная. Сильные порывы вѣтра на Невѣ срывали крепъ, которымъ были одѣты фонарные столбы и перила моста. Временами шелъ дождь съ мокрымъ снѣгомъ. Медленно подвигалась печальная процессія къ Петропавловской крѣпости. — Хорошо помню моментъ вступленія въ крѣпость и подходъ къ собору. Гробъ былъ снятъ съ печальной колесницы и внесенъ въ соборъ членами Царской Фамиліи. Въ соборѣ приготовлено было мѣсто для установки гроба, осѣненное огромнымъ балдахиномъ въ видѣ горностаевой мантіи съ Императорской короной наверху.

По установкѣ гроба начались заупокойныя службы при участіи многочисленнаго высшаго духовенства. — Государь съ Государыней стояли у гроба во главѣ остальныхъ членовъ Царской Фамиліи. Княгиня Юрьевская стояла отдѣльно. Часто слышались ея рыданія.

Съ постановкой гроба въ Петропавловскомъ соборѣ начались постоянныя дежурства у гроба почившаго Императора, въ которыхъ принимали участіе и мы, камеръ-пажи. Помѣщались мы въ каменномъ флигелѣ, вблизи самаго Собора, гдѣ и ночевали.

Мнѣ приходилось часто ходить въ соборъ и слѣдить за несеніемъ дежурствъ моими товарищами камеръ-пажами и пажами. На всю жизнь осталась у меня въ памяти заунывная колокольная музыка крѣпостныхъ часовъ, отбивавшихъ каждый часъ, полчаса и четверти, а въ 12 ч. игравшихъ молитву: «Коль славенъ». Бой этихъ часовъ чрезвычайно гармонировалъ съ происходившими печальными церемоніями.

Для прощанія съ Императоромъ ежедневно въ соборъ допускался народъ, который непрерывной вереницей проходилъ мимо гроба.

Такъ продолжалось до дня, когда назначено было погребеніе Царя Освободителя въ Усыпальницѣ Русскихъ Царей, въ Петропавловскомъ соборѣ. Въ день погребенія соборъ былъ полонъ молящимися. Я находился при Особѣ Государя. Вокругъ Государя группировались прочіе члены Царской Фамиліи и иностранные принцы, прибывшіе на похороны почившаго Императора. Гробъ съ тѣломъ Императора былъ перенесенъ въ Усыпальницу Государемъ и Великими Князьями, а также нѣкоторыми высшими чинами и приближенными.

Въ самую усыпальницу проходили только Высочайшія Особы. Но такъ какъ Государыня дала мнѣ нести свою накидку, то я, слѣдуя за Нею, также спустился въ усыпальницу и видѣлъ, какъ былъ внесенъ и поставленъ на приготовленное мѣсто гробъ съ тремя кистями. Недостающая кисть была потомъ замѣнена новой.

О настроеніи всѣхъ присутствовавшихъ нѣтъ надобности говорить: всѣ были удручены, многіе плакали.

Такъ прошли печальныя церемоніи при отданіи послѣдняго долга почившему Царю-Освободителю, злодѣйски убіенному тупыми фанатиками, не понимавшими того, что они дѣлали...

В. Чекмаревъ.

Сильные духомъ

(Воспоминанія).

Десятилѣтній юбилей Союза Офицеровъ участниковъ войны заставляетъ невольно оглянуться назадъ, на пройденный тернистый путь, подвести итоги и почерпнуть новыя силы въ урокахъ прошлаго.

Давно уже, прогремѣли послѣдніе выстрѣлы добровольческихъ орудій. Титаническая борьба прекратилась, вѣрнѣе *пріостановилась*... Девятый валъ смылъ смѣлую дружину доблестныхъ бойцовъ съ послѣдняго уголка Русской Земли. Но какъ ни грозенъ былъ этотъ чудовищный валъ, ему не удалось сломить закаленныхъ въ бояхъ героевъ.

Разсѣянные на чужбинѣ, лишенные всего, но не забывшіе чувства долга, съумѣли они побороть тысячи самыхъ разнообразныхъ препятствій и высоко держать они русское знамя.

Путешествуя за послѣдніе четыре года по самымъ отдаленнымъ странамъ, исколесивъ нашу планету и вдоль и поперекъ, я почти повсюду сталкиваюсь съ русскими. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія долженъ я отмѣтить, что подъ всѣми широтами они одинаково съумѣли завоевать себѣ положеніе и, что еще болѣе цѣнно, уваженіе иностранцевъ.

И имя имъ — Легіонъ!

Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ встрѣчъ мнѣ особенно врѣзалась въ память одна, съ которой мнѣ хочется съ вами подѣлиться.

Это было подъ самымъ экваторомъ, на Западномъ берегу Африки, во Французскомъ Конго. Едва я пріѣхалъ во вновь строющійся портъ Pointe Noire, гдѣ не болѣе сотни европейцевъ, какъ мнѣ за рюмкой неизбѣжнаго аперетива, представляютъ молодого человѣка:

— Вашъ соотечественникъ, г. Третьяковъ!

— Ба, и здѣсь, — невольно вырвалось у меня...

Вечеромъ, въ сопровожденіи двухъ «боевъ» съ фонарями я пробираюсь черезъ кустарникъ «бруссы» къ одиноко стоящему домику русскаго инженера. Застаю его въ весьма разношерстной (въ буквальномъ смыслѣ слова) компаніи: у ногъ его, виляя куцымъ хвостикомъ, устроился фоксъ-террьеръ «Дружокъ»; привязанная на цѣпочкѣ обезьяна съ ужимками продѣлываетъ невѣроятные прыжки, а на плечѣ его удобно устроился разноцвѣтный попугай. Картину дополняетъ негритенокъ лѣтъ десяти, почтительно прислонившійся къ столбу веранды.

— Маюмба, принеси бутылку пива и два стакана, — говоритъ по-русски хозяинъ.

— Слушаюсь, господинъ, — также по-русски отвѣчаетъ «бой»...

Разговорились. Естественно, задаю вопросъ: «какъ дошли вы до жизни такой»? И вотъ, послушайте эти безхитростные «мемуары бѣженца».

***

...— Корнетомъ гусарскаго полка вступилъ я еще юнцомъ въ Великую войну. Затѣмъ Добровольческая Армія, раненія, контузія, Крымская эвакуація и, наконецъ, я попалъ на живописные берега Босфора.

Апатія нашла на меня полная, нѣтъ энергіи ни за что браться, и постепенно я сталъ опускаться «на дно». Сдѣлался форменнымъ босякомъ... Даровая кормежка на задворкахъ русскихъ ресторановъ, ночлежный домъ, подбираніе окурковъ на мостовой... А въ промежуткахъ, — лежаніе на солнышкѣ на турецкомъ кладбищѣ: кипарисы, птички, покой, если только меня не «выставлялъ» турецкій полисменъ.

Однажды я раздобылъ истрепанную книжку безъ начала. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ переводъ съ англійскаго Д. Лондона. Солнце залило уже пурпуромъ минареты Стамбула, когда я наконецъ оторвался отъ послѣдней страницы. Въ увлеченіи я позабылъ даже въ обѣденное время «пострѣлять» ресторанные остатки.

Я весь переродился, горѣлъ какимъ-то внутреннимъ огнемъ и твердилъ себѣ:

— Такъ нельзя дальше. Я долженъ выбиться и я выбьюсь изъ этого болота!

На другой же день я раздобылъ приличный костюмъ въ американскомъ комитетѣ и тутъ же узналъ о десяти стипендіяхъ Уитмора. Подумайте, десять стипендій, а кандидатовъ нѣсколько сотъ! Но я не упалъ духомъ. Не буду подробно разсказывать о той массѣ энергіи, настойчивости и изобрѣтательности, которую мнѣ пришлось проявить, чтобы завоевать эту желанную стипендію. Я ее получилъ и черезъ недѣлю отправился въ Ліонъ, въ Центральную школу.

Стипендія, какъ говорятъ французы, была «тощая» и мнѣ приходилось, посѣщая днемъ школу, изощряться на разную ночную работу. Лѣтомъ же она совсѣмъ прекращалась и мнѣ нужно было работать на заводахъ.

Черезъ три года школа окончена, инженерскій дипломъ въ карманѣ и... никакой перспективы получить мѣсто во Франціи. Что дѣлать? Ѣду въ Парижъ. Поиски рекомендательныхъ писемъ, бѣганіе по министерствамъ, ожиданія въ пріемныхъ — словомъ, настоящее «хожденіе по мукамъ».

Мѣсяцъ спустя я получилъ мѣсто правительственнаго инженера въ Экваторіальную Африку и вотъ уже полтора года какъ вырубаю кустар-

ники, засыпаю болота, возвожу желѣзо-бетонъ. Недавно зачисленъ въ штатъ...

— Я доволенъ. Довольны, кажется, и мною, — скромно закончилъ мой собесѣдникъ.

***

Несмотря на легкій полотняный костюмъ, бризъ съ океана едва умѣряетъ жару. На темномъ небѣ ярко сверкаютъ Южный Крестъ и незнакомыя созвѣздія. Немолчный трескъ цикадъ прерывается монотоннымъ крикомъ ночной птицы, которой изрѣдка вторитъ голодный вой шакала. Маюмба, застывъ на своемъ посту, внимательно вслушивается въ чуждую ему рѣчь...

Инженеръ замолкъ, унесясь мысленно куда то далеко, вѣроятно на Сѣверъ. Я вглядываюсь въ его умное лицо, полное энергіи и воли. Невольно останавливаюсь на его красиво очерченномъ подбородкѣ и думаю: странно, онъ не изъ породы «людей съ выдающимся подбородкомъ», а между тѣмъ...

— А хорошо бы сейчасъ покататься на саночкахъ съ бубенцами, — прервалъ молчаніе Третьяковъ.

Январь, а съ трудомъ представляешь себѣ подъ экваторомъ, что гдѣ то далеко, далеко необъятныя равнины Россіи покрыты глубокими снѣгами, трещатъ крещенскіе морозы и подъ сухой скрипъ полозьевъ раздается лихая пѣснь ямщика...

И раздается ли она теперь?...

В. Ткачевъ.

Божидаръ Зоричъ

ВОЕННЫЙ РОМАНЪ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I

«Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
«И словно слышится мнѣ нашего села
«Далекій благовѣстъ. И ласково и нѣжно
«Съ далекой родины гудятъ колокола.

К. Р.

Въ то время, когда техника еще не выходила изъ предѣловъ пара и примитивнаго электричества, химія не открыла радія и сказочная фантазія Жюль Верна еще не воплотилась въ жизнь, въ то время, когда при Императорѣ Александрѣ III самодержавная власть прочно покоилась на Основныхъ Законахъ Россійской Державы и всѣ ученія о благѣ человѣчества ограничивались въ Россіи Евангеліемъ и, наконецъ, когда вся Литва входила въ одну шестую часть всей земной суши, занятую Россійской Имперіей, — въ это время, въ городѣ Вильнѣ, недалеко отъ костела Св. Св. Петра и Павла, въ предмѣстьи Антоколь, надъ крутымъ обрывомъ рѣки Виліи, стоялъ небольшой домъ, принадлежавшій генералу, князю Минскому.

Генералъ во время минувшей Русско-Турецкой войны 1877-1878 г. г. командовалъ полкомъ въ Рущукскомъ отрядѣ Цесаревича и поэтому былъ лично извѣстенъ Государю.

Вернувшись послѣ оккупаціи русскими войсками турецкихъ областей, онъ собрался выйти въ отставку, чтобы, какъ онъ говорилъ, «пожить для себя», т. е. отдохнуть отъ службы, походовъ и войны и, поселившись въ Вильнѣ со своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Сашей (генералъ былъ вдовъ), заняться своимъ имѣніемъ, хозяйство котораго приходило въ полное разстройство въ недобросовѣстныхъ рукахъ управляющихъ и арендаторовъ.

Онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ...

Въ отвѣтъ на это пришла срочная телеграмма отъ военнаго министра прибыть немедленно въ Петербургъ и явиться Государю.

Въ это время князь Минскій былъ бригаднымъ въ Пензѣ.

Не понимая почему Государь пожелалъ его видѣть, онъ съ первымъ же поѣздомъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Вмѣсто отставки, Государь назначилъ его губернаторомъ въ Поволжье.

Когда при этомъ князь осмѣлился доложить Государю о своихъ личныхъ дѣлахъ и усталости, Государь, сжавши въ кулакъ золотые карандаши

Своего аксельбанта, что было признакомъ Его гнѣва, посмотрѣлъ на Минскаго изъ подъ нахмуренныхъ бровей и раздѣльно и твердо произнесъ: «вы будете служить, — вы еще нужны Мнѣ и Россіи!» и этими словами прекратилъ аудіенцію.

Противорѣчить Императору Александру III было нельзя...

Только черезъ три года, губернія, тлѣвшая съ давнихъ поръ огнемъ смуты, очистилась отъ зла и Государь, щедро наградивъ Минскаго, освободилъ его отъ службы.

Сдавъ губернію, князь побывалъ въ Петербургѣ, представился Государю и, не задерживаясь, уѣхалъ въ Вильну.

II

Въ этомъ году зима въ Литвѣ переломилась рано, — съ побѣднымъ шумомъ шла весна и все уже кругомъ дышало ею.

Первое время князь жилъ дѣйствительно только «для себя»...

Довольный тѣмъ, что нѣтъ ни докладовъ, ни пріемовъ, ни размѣренныхъ служебныхъ часовъ, онъ, сидя въ глубокомъ креслѣ на открытой верандѣ, курилъ сигару за сигарой, просматривалъ газеты и журналы и, какъ зритель, наблюдалъ проходящую мимо жизнь...

Вотъ несутся внизъ по Виліи бревенчатые плоты и небольшіе пароходы, пыхтя и отдуваясь, съ трудомъ преодолѣваютъ быстрое теченіе, поднимаясь въ Верки. Мальчишки, стоящіе съ засученными штанишками въ водѣ, поспѣшно хватаютъ ведерки съ наловленной рыбой и отбѣгаютъ на песчаную отмель отъ пароходной волны...

Дальше, у «палаццо» графовъ Тышкевичъ переправляется черезъ рѣку на лодкѣ саперный караулъ, а на другомъ берегу Псковскіе лейбъ-драгуны на казарменномъ плацу «гоняютъ смѣны» и учатся пѣшему строю... Вѣтеръ доноситъ оттуда отвѣты драгунъ: «здравія желаю!».

Облокотившись о перила рѣшетки, генералъ смотритъ, какъ въ саду садовникъ вскапываетъ клумбы и снимаетъ съ розовыхъ кустовъ солому, въ которую они были одѣты зимой...

Съ веранды видѣнъ только край двора...

На крышѣ амбара стоитъ Саша и, не подозрѣвая того, что онъ находится въ отцовскомъ полѣ зрѣнія, съ азартомъ запускаетъ въ небо голубей.

Голуби кувыркаются въ небесной лазури и Саша, размахивая руками, споритъ съ сосѣдними мальчиками о качествѣ своихъ «египетскихъ турмановъ», которыхъ ему удалось переманить съ зарѣчной голубятни.

«Это вмѣсто того, чтобы учиться!» — сердито думаетъ генералъ, вспоминая рядъ плохихъ отмѣтокъ съ Сашиной гимназической четверти.

Приближается вечеръ... Сильнѣе пахнетъ расцвѣтающей черемухой... Солнце бросаетъ прощальный лучъ на вершину Замковой горы и, озолотивъ

въ послѣдній разъ развалины крѣпостныхъ стѣнъ Гедимина, медленно опускается за готическіе купола костела Св. Іакова.

Вниманіе генерала отвлекаетъ влюбленная пара у сосѣдей, за изгородью сада. Барышня съ молодымъ человѣкомъ медленно идутъ подъ руку по садовой дорожкѣ и все время нѣжно цѣлуются.

«Охъ, эта весна!», думаетъ генералъ, — «опасное время!»...

Становится темно...

Все сливается въ сѣрую пелену и въ ивовыхъ кустахъ у рѣки робко и неувѣренно беретъ первыя трели чарующій соловей.

III

Пріѣздъ отца совсѣмъ нарушилъ теченіе Сашиной жизни, — съ одной бабушкой (матерью Сашиной мамы) было гораздо лучше. Начиная съ того, что Саша исполнялъ ея желанія только потому, что она просила его и, когда онъ не слушался, плакала. Бабушка тогда говорила, что его мама смотритъ на него съ неба и это часто удерживало его отъ шалостей и проказъ.

Но чаще всего онъ забывалъ и про маму, и про бабушку, и про ея слезы...

Какъ-то, за вечернимъ чаемъ, отецъ, строго посмотрѣвъ на Сашу, сказалъ бабушкѣ:

«Этотъ мальчишка лѣнивъ и не хочетъ учиться!», и передалъ бабушкѣ Сашино свидѣтельство о его печальныхъ гимназическихъ успѣхахъ.

«Обратите на него свое вниманіе и, если не поможетъ, скажите только мнѣ!», добавилъ отецъ, многозначительно постучавъ по столу.

Послѣ этого Саша присмирѣлъ, — онъ взялся за уроки и оставилъ въ покоѣ еврейскихъ мальчиковъ, съ которыми онъ «прервалъ дипломатическія отношенія и находился съ ними въ состояніи войны», т. е. ловилъ ихъ по дорогѣ изъ гимназіи и купалъ въ снѣгу.

Послѣ Ѳоминой генералъ уѣхалъ въ деревню и Саша вздохнулъ свободнѣе.

Онъ какъ бы старался наверстать все потерянное, снова забросилъ учебники, возобновилъ войну съ «израильтянами» и, уже не обращая никакого вниманія на бабушкины слезы, убѣгалъ на берегъ рѣки, что ему при отцѣ строго запрещалось...

Въ одно изъ воскресеній, жители набережныхъ были свидѣтелями того, какъ какой-то мальчикъ въ гимназической курткѣ, судорожно вцѣпившись въ бревно, безпомощно несся по фарватеру Виліи...

Это Саша, прыгая по плотамъ, упалъ въ воду и, схватившись за бревно, понесся съ нимъ по теченію...

По набережной бѣжали люди, кричали, звали на помощь... Причитали и плакали женщины... Къ Сашѣ отовсюду спѣшили рыбачьи лодки...

Его извлекли изъ воды уже за чертой города и городовой доставилъ его на извощикѣ домой жалкаго, всего въ синякахъ и наглотавшагося воды.

Послѣ этого Саша недѣлю провелъ въ постели.

Въ гимназіи онъ объяснилъ своимъ друзьямъ, что, подобно «отважному мореплавателю Христофору Колумбу, открывшему Америку», онъ намѣревался открыть на Виліѣ необитаемую землю и, водрузивши на ней русскій флагъ, присоединить къ Россіи... Онъ поселился бы на этой землѣ и жилъ, какъ Робинзонъ Крузо!.. и Саша неудержимо унесся въ міръ дѣтскихъ грезъ и фантастическихъ приключеній... Его аудиторія завидовала ему и млѣла отъ восторга, пока одинъ изъ старыхъ второклассниковъ не замѣтилъ, что все таки у Саши Пятницей былъ не чернокожій, а обыкновенный городовой, и что рыбаки, которые гонялись за Сашинымъ бревномъ, были не людоѣды...

Это скептическое замѣчаніе вернуло Сашу къ дѣйствительности и напомнило ему о скоромъ возвращеніи отца и онъ со страхомъ ощутилъ, какъ у него, у такого «отважнаго мореплавателя», сами собой разстегнулись пуговицы и начали спускаться штанишки.

IV

Генералъ вернулся изъ деревни въ началѣ мая и въ тотъ же день потребовалъ Сашу къ себѣ въ кабинетъ.

Хотя Сашина бабушка и ожидала этого, но, когда пришелъ старый камердинеръ Никифоръ и передалъ генеральское требованіе, она заохала и заметалась.

Спрятавъ Сашу на своей половинѣ, она перекрестилась на образа и, смочивъ нашатырнымъ спиртомъ уголъ носового платка, сама, жертвуя собой, пошла къ зятю.

Любовь къ Сашѣ была больше страха генеральскаго гнѣва и сила этой любви, сильнѣе ея воли, заставила ее, дрожащую, идти къ нему.

«Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость Его», прошептала она, переступая порогъ генеральскаго кабинета.

Генералъ сидѣлъ въ кожаномъ креслѣ и курилъ сигару.

Приподнявшись, онъ предложилъ Сашиной бабушкѣ сѣсть.

Старуха нерѣшительно опустилась на диванъ.

«Мнѣ бы, собственно, надо было видѣть этого негоднаго мальчишку!», сказалъ генералъ, выпуская клубъ синеватаго дыма.

«Какого?», спросила, заикаясь, старушка.

«Какъ какого? Слава Богу, у меня только одинъ такой негодяй... Сашу!», пояснилъ сердито генералъ.

«Онъ... я, право, не знаю гдѣ!».

«Гм!». Генералъ посмотрѣлъ на часы. Было 4.

«Странно! А не являетесь ли вы Сашинымъ адвокатомъ?», поднялъ онъ на старушку изъ подъ нахмуренныхъ бровей свои глаза.

«Да!.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ»...

Генералъ пригладилъ усы.

«Я получилъ отъ директора гимназіи извѣщеніе, что Саша въ послѣднее время никогда не готовитъ уроковъ и такъ шалитъ въ классѣ, что мѣшаетъ учиться другимъ, — это вамъ, между прочимъ, извѣстно?», спросилъ, помолчавъ, генералъ.

«Да, всѣ къ бѣдному мальчику придираются!».

«Конечно, — бѣдный мальчикъ! И всѣ его обижаютъ!», покачалъ головой генералъ. «Вотъ и сегодня пришелъ ко мнѣ какой-то Янкель Дудельманъ и жаловался, что этотъ «бѣдный мальчикъ» всю зиму купалъ его маленькаго Мойшу въ снѣгу, въ сугробахъ, а сегодня его такъ избилъ, что онъ оказался весь въ синякахъ... Вы это знаете?».

«Саша такой хорошій, послушный...».

«Послушный?», перебилъ съ сердцемъ генералъ, «да это настоящій разбойникъ... хулиганъ...».

Старушка испуганно смотрѣла по сторонамъ.

«Вы, кажется, скоро будете утверждать, что это не онъ, а вы сами плыли на бревнѣ по рѣкѣ? Не такъ-ли?».

«Ахъ, что вы? Онъ, какъ ангелъ...»

«Ангелъ! Хорошъ ангелъ!..». Генералъ всталъ и съ шумомъ отодвинулъ кресло.

«Распущенность! Безобразіе!..». Генералъ прошелся по комнатѣ. «Нѣтъ! Довольно!», сказалъ онъ раздѣльно. «Этого мальчишку въ гимназію больше не посылать, — онъ свое классическое образованіе закончилъ! Голубятню заколотить! Знакомство съ дворовыми мальчишками прекратить! Цѣлое лѣто онъ будетъ учиться, — осенью я его отвезу въ корпусъ...».

«А я какъ-же... безъ Саши?», испуганно произнесла старушка, не сразу понявъ все значеніе обрушившагося на нее несчастья.

«Вы?.. Васъ въ корпусъ не примутъ!», разсердился генералъ.

Старушка поднесла къ лицу носовой платокъ.

«А его тамъ отшлифуютъ!», заключилъ генералъ свои слова, «будетъ шелковый»...

«Отшлифуютъ... будетъ шелковый...», безотчетно повторила бѣдная старушка и заплакала.

V

«Въ лѣто 862 Рюрикъ раздая мужемъ своимъ грады и Полотскъ».

Лѣтопись Нестора.

«Какъ у Бога въ раю, въ Бѣлорусскомъ краю,
«Гдѣ Двина съ Полотою сливается,
«Возникъ городъ Славянъ, — кривичей и древлянъ,
«Полоцкомъ онъ называется.

Изъ кадетской пѣсни.

Много видѣлъ древній Полоцкъ на своемъ вѣку...

Но народное самосознаніе не все удержало въ памяти изъ его многовѣковой исторіи и только, какъ обрывки неясныхъ воспоминаній, не смытыхъ волнами времени, говоритъ въ формѣ легендарныхъ сказаній о кровавыхъ спорахъ изъ за него кіевскихъ, литовскихъ и новгородскихъ князей, о славѣ княгини Рогнѣды и о «рыскающемъ волкѣ сѣромъ», ея внукѣ Всеславѣ...

Свѣтитъ Полочанамъ изъ сѣдой старины нѣжный образъ Св. Евфросиніи, княжны Полоцкой, какъ поборницы и носительницы обще-русской идеи въ массѣ полоцкихъ кривичей.

Помнитъ народъ и Грознаго Царя Ивана IV и какъ по его повелѣнію, «топили не желавшихъ креститься жидовъ» въ Полотѣ...

Подъ ударами польскаго короля Стефана Баторія палъ Полоцкъ!.. Не помогли Полочанамъ «ни тыны стоячіе, ни тарасы рубленые, ни рвы глубокіе, ни надолбы высокія»...

Около двухсотъ лѣтъ несетъ на себѣ Полоцкъ польское иго, пока Великая Царица Екатерина не беретъ его «подъ Свою Державную руку, отторгнутое возвратихъ»...

Ликуетъ Полоцкъ!

Совсѣмъ ярки полочанамъ батальныя картины Отечественной войны!

Подъ Полоцкомъ происходятъ упорные бои, которые заканчиваются пораженіемъ французскихъ корпусовъ Удино и Сенъ-Сира графомъ Витгенштейномъ...

Одно французское пушечное ядро изъ за Полоты впилось при бомбардировкѣ русскихъ позицій въ стѣну іезуитской коллегіи, основанной Стефаномъ Баторіемъ для монашескаго ордена базиліянцевъ, въ огромномъ зданіи которой при Императорѣ Николаѣ I помѣстился кадетскій корпусъ.

И это чугунное ядро, въ стѣнѣ длиннаго и мрачнаго корридора, съ врѣзанной вокругъ него мѣдной лентой, съ вязью: «6 октября 1812 года», рисуетъ юному кадетскому воображенію блестящую страницу далекаго прошлаго и создаетъ ей мистическое поклоненіе и рядъ легендъ.

Въ августѣ князь Минскій отвезъ Сашу въ Полоцкій корпусъ.

VI

> Златыя игры первыхъ лѣтъ
> И первыхъ лѣтъ уроки,
> Что вашу прелесть замѣнитъ?
>
> **Жуковскій.**

Въ первое время пребыванія въ корпусѣ новыя впечатлѣнія всецѣло захватили Сашу.

Эти безконечные корридоры, по которымъ можно было такъ весело бѣгать, большія залы съ рядами Царскихъ портретовъ въ большихъ золоченыхъ рамахъ; дортуары съ рядами кадетскихъ кроватей; огромный плацъ передъ корпусомъ съ пирамидальнымъ памятникомъ Отечественной войны и тѣнистый внутренній садъ, на которомъ, говорили, зимой будетъ катокъ и ледяныя горы, — все это было такъ ново и въ то же время такъ необычайно!

Странно было Сашѣ видѣть свое изображеніе въ большихъ зеркалахъ въ короткой кадетской курткѣ и онъ въ первое время все путалъ своихъ одноклассниковъ, которые тоже всѣ были одѣты въ такія-же куртки и, остриженные подъ гребенку, съ торчащими ушами, всѣ казались на одно лицо.

Весело было Сашѣ вставать утромъ подъ трескотню барабана, плескаться въ «умывалкѣ», хоромъ пѣть молитву и потомъ маршировать въ строю, какъ заправскому солдату, въ столовую, къ чаю.

Интересно было за уроками наблюдать новыхъ учителей...

Но вскорѣ все это, какъ однообразное, надоѣло Сашѣ и онъ заскучалъ.

Все чаще и чаще онъ сталъ вспоминать свою бабушку и ему стало казаться, что онъ ее никогда такъ не любилъ, какъ теперь.

Ему мучительно хотѣлось видѣть ее. Онъ не разъ плакалъ по ночамъ, но такъ, чтобы этого не видѣли кадеты и не дразнили его «бабой», хотя онъ самъ часто замѣчалъ, что многіе изъ нихъ тоже были «бабы» и горько плакали, уткнувъ свои лица въ подушки, чтобы заглушить душившія ихъ слезы.

Какъ-то, ночью, Саша проснулся.

Ему нужно было сбѣгать «туда», за умывалку. «Туда» велъ длинный и узкій корридоръ, въ которомъ тускло и рѣдко мерцало нѣсколько керосиновыхъ лампъ.

Черезъ большія черныя окна смотрѣла въ корридоръ фосфорическимъ свѣтомъ луна и гулко раздавались въ ночной тишинѣ поспѣшные шаги маленькихъ кадетъ. Было таинственно и жутко!

А старшіе кадеты еще разсказывали, что въ этомъ корридорѣ по ночамъ витаютъ безпокойныя тѣни умершихъ іезуитовъ и иногда даже появляется страшный духъ самаго Стефана Баторія.

А Саша, какъ и всѣ малыши, боялся Баторія...

Онъ сталъ ждать, когда кому нибудь изъ его одноклассниковъ будетъ съ нимъ по пути.

Ждать пришлось недолго, — недалеко отъ него поднялась съ подушки темная голова серба Божи Зорича.

«Тебѣ нужно идти «туда?», тихо спросилъ его Саша.

«Дабоме!», также тихо отвѣтилъ ему Божа, со сна, по сербски.

«Пойдемъ вмѣстѣ, — вдвоемъ не страшно».

«О, Баторій не страшнѣй турецкихъ баши-бузуковъ», отвѣтилъ Божа, поспѣшно натягивая сапоги, довольный тѣмъ, что у него есть попутчикъ.

Оба мальчика, крѣпко держась за руки, пробѣжали страшный коррпдоръ и, вернувшись обратно въ дортуаръ, быстро юркнули подъ еще теплыя одѣяла.

Саша заснуть не могъ...

Ему вспомнилось, что дома, у бабушки, ему никогда не приходилось бѣгать по ночамъ по страшнымъ корридорамъ съ загробными іезуитскими тѣнями и ему живо представилась бабушка въ чепцѣ, спавшая съ нимъ всегда въ одной комнатѣ. Онъ уткнулся головой въ подушку...

Неожиданно ему почудилось, что бабушка его гладитъ по остриженнымъ волосамъ... Онъ взялъ эту руку и нѣжно щекой прижался къ ней. Ему на душѣ стало легче! Бабушка хотѣла отнять свою руку, но Саша, прижавшись къ ладони, ее не пустилъ.

«Ты меня, Сашенька, пусти, — вѣдь ты у меня не одинъ!», услышалъ онъ голосъ своего воспитателя поручика Дроздовскаго.

Саша съ удивленіемъ поднялъ голову, — на его кровати сидѣлъ «Дроздъ».

«Ты не плачь... не надо плакать», утѣшалъ Сашу поручикъ. «Вотъ наступитъ Рождество, ты поѣдешь домой, къ бабушкѣ, въ деревню... Тебѣ будетъ весело».

«А Божа поѣдетъ?», спросилъ Саша, сквозь слезы.

«И Божа поѣдетъ», отвѣтилъ поручикъ, «мнѣ бабушка уже написала»...

«Ахъ, какая у меня бабушка! Чудная! Если бы вы только знали?», восторженно произнесъ Саша и сѣлъ на кровати.

«Нѣтъ, нѣтъ... Ложись и постарайся уснуть», уложилъ Сашу поручикъ, видя, что онъ собирается вступить въ разговоръ.

«Я не могу...».

«Прочти про себя нѣсколько разъ «Отче Нашъ» и заснешь!», убѣдительно произнесъ поручикъ и, погладивъ Сашу по головѣ, всталъ и пошелъ по дортуару, зорко всматриваясь въ спящихъ кадетъ при сумрачномъ освѣщеніи приспущенныхъ лампъ.

Онъ подошелъ къ Божѣ, который, разметавшись, уже крѣпко спалъ.

Поручикъ поправилъ ему подушку и подоткнулъ одѣяло.

Когда поручикъ вышелъ изъ дортуара, Саша быстро соскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ Божѣ.

«Божа! Божа! Знаешь, — мы съ тобой вмѣстѣ къ бабушкѣ на Рождество поѣдемъ, въ деревню»... говорилъ онъ, тормоша своего друга.

Но Божа не проснулся, — онъ только что то въ полуснѣ промычалъ въ отвѣтъ и повернулся на другой бокъ.

«Божа! Божа!».

«Зачѣмъ ты его будишь? Что тебѣ нужно? И мнѣ спать не даешь», недовольно проворчалъ спавшій рядомъ съ Божей рыженькій Даровскій.

«Ахъ, ты ничего не понимаешь», и Саша побѣжалъ къ своей кровати.

Онъ удобно укрылся одѣяломъ, прочелъ два раза «Отче нашъ» и, прошептавъ уже въ полуснѣ «да будетъ воля Твоя», спокойно уснулъ и проснулся только утромъ отъ барабанной дроби утренней зари, которую, высоко подбрасывая палки, билъ съ виртуозностью артиста старый барабанщикъ Павлушка, севастопольскій отставной солдатъ.

VII

«Буря мглою небо кроетъ,
«Вихри снѣжные крутя...

А. Пушкинъ.

«Эй, крупа! Вытряхивайся!», сухо выкрикнулъ кадетъ унтеръ-офицеръ, соскочивъ со ступеньки вагона на станціи «Витебскъ», когда поѣздъ, скрипя тормозами, остановился у перрона.

Его повелительный голосъ рѣзко прозвучалъ въ морозномъ воздухѣ и произвелъ на маленькихъ кадетъ, находившихся въ вагонѣ, дѣйствіе электрическаго тока, — «крупа» стала быстро хватать чемоданы и, согнувшись подъ ихъ тяжестью, «вытряхиваться» по ступенькамъ вагона.

На перронѣ они облѣпили своего унтеръ-офицера, какъ пчелы, и жались къ нему, какъ цыплята къ насѣдкѣ, ожидая, что онъ имъ скажетъ.

Это были полоцкіе кадеты-малыши, ѣхавшіе домой на рождественскіе каникулы на почтовыхъ лошадяхъ, на Оршу.

Желѣзной дороги въ то время на Оршу не было.

Станціонный реомюръ показывалъ десять ниже нуля.

Поднимался вѣтеръ...

Начинало мести...

Въ то время, когда унтеръ-офицеръ закуталъ своихъ малышей въ большіе мѣховые тулупы и съ помощью станціоннаго смотрителя уложилъ ихъ, какъ спеленутыхъ младенцевъ, на дно широкихъ саней, запряженныхъ тройкой поджарыхъ почтовыхъ лошадей, и, когда тройка, звеня надтреснутыми колокольчиками, выѣхала съ почтовой станціи дальше по Оршанскому шоссе, священникъ женскаго монастыря за Днѣпромъ, о. Павелъ Виѳанскій, возвращался домой въ самомъ подавленномъ настроеніи духа.

Въ-первыхъ, — онъ зналъ, что его матушка, которой онъ обѣщалъ вернуться днемъ, встрѣтитъ его теперь въ высшей степени недружелюбно, т. е. не будетъ съ нимъ разговаривать и не предложитъ ему къ ужину его любимой полынной настойки, и потомъ запрется въ спальню и заставитъ его ночевать одного въ гостинной на старомъ, потертомъ, клеенча-

томъ диванѣ, а во-вторыхъ, — онъ, играя въ Оршѣ у акцизнаго надзирателя въ преферансъ, проигрался, несмотря на то, что ему «везло» и онъ «подсидѣлъ» самаго надзирателя на вѣрной игрѣ.

Вѣтеръ, который дулъ съ утра, усилился. Снѣжные вихри носились въ воздухѣ и заметали сугробами широкое шоссе. Сытая монастырская лошаденка, зная дорогу, увѣренно бѣжала рысцой и потому мужикъ сидѣвшій въ розвальнахъ впереди о. Павла, глубоко нахлобучивъ на уши войлочную шапку и запахнувшись въ теплый зипунъ, только для виду держалъ возжи.

На «юру», передъ Днѣпромъ, гдѣ лѣтомъ ходилъ паромъ, снѣжная буря особенно бушевала. О. Павелъ плотнѣе закутался въ свою енотовую шубу и крикнулъ мужику, сидѣвшему передъ нимъ: «Гараська, а, Гараська! Когда будемъ къ Днѣпру съѣзжать, — не промахнись!... По елкамъ держи!»

«Какія тамъ елки!» пробурчалъ Гараська, безнадежно оглянувшись кругомъ.

«Смотри!...»

«Чего смотри? Не въ первый разъ, поди... Потрафимъ!.... Не мырнемъ!...» и дальнѣйшія слова мужика унесъ вѣтеръ.

«Не мырнемъ!» недовольно фыркнулъ о. Павелъ, «дубина!... Вотъ какъ заѣдемъ въ прорубь, тогда и будетъ «не мырнемъ», — «христіанскія кончины живота нашего»... но, вмѣсто того, чтобы продолжать размышленіе о такомъ печальномъ концѣ своей жизни, о. Павелъ сталъ думать о томъ, что въ данный моментъ интересовало его больше всего.

«Да!... Оно конечно!... Мнѣ бы съ туза ходить, а я съ валета выпудрился.... Воистину, если Господь Богъ захочетъ наказать человѣка»... Въ это время розвальни, ударившись крыломъ о глыбу льда, въѣхали на Днѣпръ и внезапно остановились. Отца Павла тряхнуло. Онъ ткнулся грудью въ Гараськину шапку и съ испугомъ освободилъ голову изъ воротника.

Кругомъ былъ безконечный снѣгъ!...

Розвальни стояли въ мягкомъ сугробѣ...

Луна съ трудомъ пробивала снѣжныя тучи, которыя въ дикомъ хороводѣ неслись и гнались одна за другой.

Гараська напряженно всматривался впередъ.

«Никакъ пьяный!» произнесъ онъ, наконецъ, нерѣшительно и сталъ вылѣзать изъ саней.

«Ты чего?» удивился о. Павелъ.

«На пьянаго наѣхали», отвѣтилъ Герасимъ, становясь на ледъ и отряхиваясь отъ снѣга.

«А кобыла животина хитрая, — на человѣка никогда не наступитъ», подумалъ Герасимъ, подходя къ какому то темному свертку, лежащему передъ лошадью.

Мужикъ удивленно потрогалъ свертокъ ногой, потомъ, нагнувшись

надъ нимъ, осторожно перевернулъ, потомъ. рѣшительно взявъ его на руки, принесъ и бросилъ въ развальни.

«Пріѣхали?... Уже?... Ухъ, какъ надоѣло сидѣть въ этой вонючей шубѣ!...» неожиданно раздался голосъ изъ глубины принесеннаго свертка.

Герасимъ опѣшилъ.

«Съ нами крестная сила!»

О. Павелъ ничего не понималъ...

VIII.

Матушка Піама была не въ духѣ!...

И въ самомъ дѣлѣ, — о. Павелъ обѣщалъ ей вернуться изъ Орши до темноты съ покупками къ Рождеству и привезти ситцу для дочки (матушка сегодня же хотѣла шить ей праздничный сарафанчикъ), а вотъ часы съ кукушкой въ гостиной звонко пробили девять, а его все нѣтъ...

И не случилось ли чего-нибудь съ нимъ, избави Богъ!

Она заперлась въ спальной и уложили дѣвочку спать.

Накинувъ на полныя плечи душегрѣйку, матушка присѣла къ зеркалу. Двѣ стеариновыя свѣчи стояли рядомъ, и при ихъ мерцающемъ свѣтѣ зеркало отразило правильный овалъ ея румянаго лица съ большими сѣрыми глазами и слегка вздернутымъ носомъ, придававшимъ ея лицу какое то капризно-задорное и въ то же время добродушное выраженіе.

Лѣнивымъ движеніемъ рукъ она освободила отъ заколокъ свои тяжелыя темныя косы и стала ихъ переплетать на ночь, прислушиваясь, — не прошуршатъ ли у крыльца монастырскія сани съ о. Павломъ или не заскрипятъ ли ступени подъ его тяжелыми шагами, но, кромѣ завыванія вѣтра въ трубѣ и назойливаго сверчка гдѣ то въ углу, за образами, ничего не было слышно.

Во снѣ зашевилилась Машенька.

Матушка Піама поспѣшно подошла къ дѣтской кроваткѣ, стоявшей у супружеской постели. Проснувшаяся дѣвочка пріоткрыла свои сѣрые глазки, попросила «молочка испить», хотѣла еще что то сказать, но, зѣвнувъ, заморгала своими длинными темными рѣсницами и, склонивъ свою бѣлокурую головку на подушку, сразу заснула.

До слуха матушки неожиданно донесся шумъ голосовъ изъ прихожей...

Гостинная, или какъ ее еще называли «крестильная» (потому что въ этой комнатѣ о. Павелъ зимой крестилъ дѣтей), какъ бы сразу наполнилась людьми... Сочно выдѣлялся басъ о. Павла... Что то такое несли, клали, развертывали... О чемъ то говорили, спорили...

Матушка прислушалась...

«Божа»...

«Что это за Божа?... Какой то дѣтскій голосъ... Откуда?» — удивилась матушка.

Но она твердо рѣшила не открывать дверей и выдерживать свою роль обиженной до конца... Она боролась сама съ собой... Но перешедшее границы любопытство взяло верхъ и ключъ въ замкѣ какъ то самъ собой повернулся, — такъ хотѣлось взглянуть на то, что дѣлается тамъ въ гостинной!

И матушка взглянула...

Посреди комнаты стоялъ маленькій кадетъ и большими черными глазами озирался по сторонамъ. Его недоумѣвающій взглядъ одинаково скользилъ по стѣнамъ, по мебели, по людямъ... Казалось, что онъ весь насторожился, какъ пойманный орленокъ!

Увидя матушку, онъ исподлобья блеснулъ на нее глазами и, встрѣтившись съ ея удивленно-ласковой улыбкой, неожиданно довѣрчиво и добродушно, улыбнулся ей. Это какъ бы опредѣлило ихъ отношенія!

Матушка подбѣжала къ кадету и стала цѣловать его порывисто, просто и небольно, какъ только женщины цѣлуютъ дѣтей.

Эта неожиданная ласка отозвалась въ Божиномъ сердцѣ такими ощущеніями свѣта и тепла, что онъ забылъ все, — и то, что онъ ѣхалъ на почтовыхъ въ княжеское имѣніе «Глубокое» и, сонный вывалился изъ саней, и то, что его, къ счастью, нашли, потому что иначе онъ могъ бы замерзнуть или его могли разорвать волки, и то, что онъ, наконецъ, оказался безъ Саши въ монастырскомъ домѣ незнакомаго священника.

Матушка распрашивала о немъ о. Павла, который подробно ей разсказалъ все, какъ было, умолчавъ, однако, о преферансѣ у надзирателя, и сообщилъ, что уже послалъ на почтовую станцію Гараську (станція была въ полуверстѣ), чтобы онъ привезъ оттуда Сашу, котораго, какъ то было извѣстно о. Павлу, уже нѣсколько дней ожидалъ княжескій возокъ изъ имѣнія.

«А проѣхать нонче въ «Глубокое» и думать нечего! Всѣ проселки замело, въ лѣсу ни зги не видно, метель гудетъ... Да и волки уже пошаливаютъ»... дополнилъ о. Павелъ свой разсказъ, виновато посмотрѣвъ на жену.

Матушка расхлопоталась...

Грѣлся ужинъ... Ставился самоваръ...

Эту ночь не о. Павелъ, а оба мальчика спали въ гостинной на старомъ, клеенчатомъ диванѣ.

Матушка любовно имъ постелила постель и, перекрестивъ ихъ «ко сну грядущему отходящихъ въ мирѣ», уютно укрыла ихъ своимъ теплымъ лисьимъ салопомъ и не ушла отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они съ усталыми глазами, полными влагой сна, спокойно не уснули.

IX.

Въ «Глубокомъ» все ново и необычайно для Божи. И большой барскій домъ съ огромнымъ дворомъ, флигелями и службами, и деревня за зеркальнымъ прудомъ, занесенная снѣгомъ, и бѣлая равнина за ней до темно-зеленаго лѣса, изъ за котораго ярко блестятъ на солнцѣ, сіяя золотомъ, монастырскіе купола. И всѣ люди, такіе неуклюжіе въ армякахъ, тулупахъ и въ валенкахъ! Бороды и усы у нихъ совсѣмъ бѣлые отъ инея и всѣ кажутся сѣдыми, старыми, а глаза молодые, смѣются!... Женщины румяныя, а дѣти такія смѣшныя въ отцовскихъ тулупахъ...

Въ деревнѣ всѣ избы тонутъ въ снѣгу...

Только виднѣются верхніе вѣнцы срубовъ и трубы, изъ которыхъ прямо вверхъ поднимается дымъ и нехотя расходится высоко въ воздухѣ...

Надъ снѣжной равниной холодная тишина!

Дышится свободно и легко! Чистъ и прозраченъ морозный воздухъ!

Саша и Божа часто катаются съ горъ съ деревенскими мальчиками.

Горы начинаются тутъ же за усадьбой. Санки несутся съ нихъ, какъ вихрь, и летятъ дальше съ крутого берега Днѣпра на его голубую поверхность. Морозъ щиплетъ лицо. Замерзшая слеза дрожитъ на рѣсницѣ. Такъ весело, когда кто нибудь, несясь съ горы на кругляшкѣ изъ льда, не разсчитавъ у поворота, летитъ головой въ пушистый снѣгъ...

Сколько веселаго задорнаго смѣха!..

Саша съ Божей пробуютъ запрягать въ санки собакъ, чтобы ѣздить на нихъ «по-сибирски», но изъ этого ничего не выходитъ. Видно, собаки не тѣ, что въ Сибири, — ороченскія...

Но самое большое удовольствіе для нихъ, — это ѣздить съ крестьянами въ лѣсъ.

Крестьяне свозятъ изъ казеннаго бора къ Днѣпру гигантскія бревна для сплава ихъ весной плотами на югъ, и Саша съ Божей имъ помогаютъ.

Они возятъ бревна къ берегу и возвращаются обратно на порожнихъ салазкахъ «съ важнымъ сознаніемъ хорошо исполненнаго долга».

Старый бабушкинъ камердинеръ Никифоръ часто ждетъ ихъ на дорогѣ и съ мольбой въ голосѣ упрашиваетъ ихъ идти домой «хоть чаю откушать»!

«Вотъ-съ, пріѣхали къ намъ погостить, а вмѣсто этого цѣлые дни съ мужиками бревна возите! И бабушка безъ васъ, соскучившись, совсѣмъ огорчаются. Да, развѣ, подумайте, это барское дѣло, — бревна возить!», заключаетъ онъ свои слова, укоризненно качая сѣдой головой.

На Новый Годъ бабушка ѣздила съ внуками въ монастырь къ обѣднѣ.

Приложившись съ ними къ кресту, она, по обыкновенію, зашла къ матушкѣ Ивѳанской полюбоваться на свою крестницу Машу и выпить чашку чаю съ неосвященными просфорами, по-московски.

Матушка встрѣтила ее съ поклонами у подъѣзда, но, увидя Божу, за-

разилась такой неподдѣльной радостью, что забыла и про бабушку, и про этикетъ.

Напрасно о. Павелъ кряхтѣлъ и выказывалъ свое неудовольствіе, — матушка Піама усадила Божу за столомъ рядомъ съ собой и удѣляла ему исключительное вниманіе.

«Какъ его не жалѣть, да не любить, если у него нѣтъ ни отца, ни матери?», оправдывалась она передъ бабушкой, нѣжно цѣлуя Божу со слезами на глазахъ. Бабушка ее понимала...

Она сидѣла въ подушкахъ стариннаго кресла, благодушествовала въ уютѣ «поповскаго» дома, не спускала съ Саши любовнаго взора и, подаривъ о. Павлу двухъ давно ему приглянувшихся іоркширскихъ поросятъ, пробыла у Ваѳанскихъ на этотъ разъ до самаго вечера.

Ея возокъ былъ поданъ уже въ темнотѣ...

X

«Всезнайка» Стась Даровскій, какъ бомба влетѣлъ въ классъ. Видъ у него былъ возбужденный, глаза вытаращены, рыжіе волосы торчали во всѣ стороны.

«Господа!», выкрикнулъ онъ своимъ пискливымъ голосомъ, стараясь перекричать шумъ перемѣны, «ей Богу, очень важная новость! Самая свѣжая!»...

Онъ повторилъ это еще разъ, убѣдительно ударяя себя въ грудь кулакомъ, но никто не обратилъ на него никакого вниманія. Его «новости» въ классѣ котировались низко. Ему мало кто вѣрилъ...

Стась побѣдоносно осмотрѣлся.

«Вы всѣ ахнете, когда я скажу!», выкрикнулъ онъ съ такимъ угрожающимъ отчаяніемъ, что на этотъ разъ многіе кадеты насторожились. «Ей Богу, ахнете!»...

Видимо, случилось что-то необычайное!

Стась влѣзъ на учительскую кафедру и, обведя классъ «уничтожающимъ» взоромъ раздѣльно произнесъ: «нашъ поручикъ женится!».

Эффектъ его словъ превзошелъ всѣ его ожиданія!

«Не можетъ этого быть! Стась вретъ! Стась выдумываетъ!», раздалось нѣсколько неувѣренныхъ отдѣльныхъ голосовъ.

«На комъ?», догадался крикнуть Божа, оторвавшись отъ учебника.

«На комъ? — Не скажу!», отвѣтилъ весело Стась, рѣшивъ интригой наказать своихъ одноклассниковъ за оказанное ему невниманіе.

«Салазки ему загнуть! Салазки!..», раздались возмущенные возгласы, и нѣсколько кадетъ подбѣжало къ кафедрѣ.

«Стойте, братцы! Подождите! Дайте съ духомъ собраться! Успѣете!», продолжалъ упорствовать Стась даже въ минуту опасности.

Къ нему потянулось нѣсколько рукъ...

«Стойте, братцы!.. Дайте сказать!.. Никогда сами не догадаетесь!»...

«На комъ-же!».

«На Катѣ Виноградовой!».

«Неправда!».

«Іезусъ Марія, правда, — самъ слышалъ», упавшимъ голосомъ подтвердилъ Стась и безпомощно разведя руками, разсказалъ, какъ было дѣло. «Я въ это время былъ въ учительской», — началъ онъ, — «пробрался, чтобы подсмотрѣть, какія классныя задачи намъ будутъ заданы на завтра, и слышу, рядомъ, въ дежурной, тихій разговоръ... Говорятъ воспитатели. О чемъ? — думаю... Я въ это время уже залѣзъ въ журналъ... Вотъ одинъ голосъ и спрашиваетъ: «а правда-ли, что Дроздовскій женится?». А другой ему отвѣчаетъ: «конечно, правда!». «А когда?». «Говорятъ, черезъ мѣсяцъ»...

Я такъ и сѣлъ, — вотъ такъ разъ!.. А въ это время второй голосъ говоритъ: «что-жъ, Катя съ нимъ будетъ счастлива!..» Катя! Какъ только я это услышалъ, — бросилъ я, братцы мои, и журналъ, и задачи, и пулей сюда!.. Вотъ вамъ и все!..».

Классъ загудѣлъ негодованіемъ...

«Это несправедливо!.. Она одна, а насъ много!».

«Это, наконецъ, безобразіе, свинство, подлость!..».

«Это чортъ знаетъ что такое!».

«C'est un brigandage!», кричалъ громче всѣхъ худенькій и блѣдный мальчикъ Коля Перковскій, всегда при волненіи переходившій на французскій языкъ. «Un extortion! Она насъ грабитъ!»

Его никто не слушалъ.

XI

Катя Виноградова была дочерью начальника Полоцкой почтовой конторы.

Это была 17-ти лѣтняя дѣвушка, только что окончившая Витебскую гимназію, веселая, жизнерадостная, того здороваго уклада понятій, какими отличались дѣти крѣпкихъ русскихъ патріархальныхъ семей.

Поручикъ Дроздовскій зналъ ее съ дѣтства, — ей было 10 лѣтъ, когда онъ окончилъ Полоцкій корпусъ.

Потомъ онъ встрѣтился съ ней въ Витебскѣ, куда онъ, послѣ училища, былъ назначенъ офицеромъ въ артиллерію. Она уже была подросткомъ.

Ко времени окончанія ею гимназіи и пріѣзда къ родителямъ въ Полоцкъ, онъ, чтобы не разставаться съ ней, рѣшилъ перевестись воспитателемъ въ корпусъ, къ чему, несомнѣнно самъ чувствовалъ и любовь, и призваніе. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ воспитателей, какихъ вообще въ корпусахъ было немного. Дѣти боготворили его.

Онъ умѣлъ быть съ ними и ласковымъ, и строгимъ, и былъ ихъ воспитателемъ, не только по буквѣ закона, а въ самомъ хорошемъ значеніи этого слова.

Расшалившихся кадетъ онъ, обыкновенно, ставилъ, «для успокоенія нервовъ подъ лампу», наказывая ихъ также, какъ во многихъ семьяхъ наказывали дѣтей, ставя ихъ въ уголъ или заставляя смирно сидѣть на какомъ-нибудь дѣдовскомъ креслѣ, на которомъ обычно дремалъ старый котъ.

«Подъ лампой» шалуны стояли часто цѣлой шеренгой. Они хорошо

изучили наружный видъ этой ненавистной, керосиновой, пузатой посудины, ея блестящій резервуаръ, большое стекло съ раструбомъ и зеленый абажуръ, но такія тихони, какъ Коля Перковскій, ея совсѣмъ не знали и поручикъ часто говорилъ имъ: «ну, какіе-же вы кадеты? Вы даже «подъ лампой» никогда не стоите! Право, институтки какіе-то!..», и заставлялъ ихъ принимать участіе во всѣхъ кадетскихъ играхъ...

Они, также, какъ и другіе, играли «въ казаковъ и разбойниковъ» или какъ научилъ Божа, «въ шумадійцевъ и турокъ», при чемъ шумадійцы должны были ходить на «юришъ», на ледяную гору, бросая снѣжки, что часто заставляло поручика, послѣ такого «юриша» мирить враговъ и охлаждать разбушевавшіяся страсти «подъ лампой», до новаго боевого столкновенія.

Въ первое воскресеніе послѣ того, какъ Стась принесъ въ классъ свою новость, всѣ первоклассники высыпали на плацъ.

Они «караулили» Катю.

Увидя ее на боковой аллеѣ, они бросились къ ней, окружили ее плотнымъ кольцомъ и, по кадетской терминологіи, «взяли ее въ оборотъ».

Чего, чего только тутъ не наслушалась Катя про своего жениха!..

И что онъ просто уродъ съ длиннымъ носомъ и для такой красавицы, какъ она, совсѣмъ не пара, и то, что онъ только дѣлаетъ видъ, что любитъ ее, а на самомъ дѣлѣ «только очки втираетъ», и то, что онъ, все равно, никогда своихъ кадетъ не оставитъ, и еще многое другое, что Катю одновременно и смѣшило, и радовало, и дѣлало счастливой, отъ сознанія того, что дѣти цѣнятъ ея милаго поручика и любятъ его.

Когда весь запасъ дѣтскаго краснорѣчія изсякъ и нечего было говорить, только одинъ Стась продолжалъ борьбу.

Онъ посовѣтовалъ Катѣ выйти замужъ за какого нибудь другого воспитателя и напомнилъ ей, что поручикъ «до ужасти» строгій, всегда всѣхъ ставитъ «подъ лампу — такъ, просто, ни за что!..».

«Но я разсчитываю, что онъ меня не будетъ ставить подъ лампу!», сказала ему Катя съ улыбкой.

«Кто знаетъ?», загадочно слукавилъ Стась, «лучше не рисковать! Богъ съ нимъ!..».

Катя откровенно расхохоталась.

Неизвѣстно, какъ бы отбилась она отъ дальнѣйшихъ «дипломатическихъ» атакъ, если бы не корпусной горнистъ, проигравшій у памятника «сборъ».

Кадетамъ надо было уходить... Плацъ опустѣлъ...

Черезъ годъ Дроздовскіе уѣхали въ Москву. Отдѣленіе поручика перешло къ другому воспитателю, находившему, что мальчиковъ надо пріучать къ суровой воинской «субординаціи» и закалять ихъ характеръ, по-спартански, съ дѣтства. Тяжело тогда малышамъ-кадетамъ пришлось!...

Они своего новаго воспитателя называли «солдатъ».

Димитрій Сверчковъ.

Принимается подписка на «Вѣстникъ»
Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза :
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7).

Le gérant : M. Boivent.

IMP. «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

№ 10

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. *Кн. Касаткинъ-Ростовскій.* Въ изгнаніи. — 2. *П. Соколовъ.* Государь Императоръ Николай II во Франціи. — 3. *В. З.* Кавалерійское дѣло. — 4. *Евгеній Вадимовъ.* Село «Недоля». — 5. *В. Голенищевъ-Кутузовъ.* Отрывокъ изъ воспоминаній «Двѣнадцать лѣтъ дипломатической службы на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ». — 6. *Надежда Ватель.* «На сѣверъ, на сѣверъ». — 7. *Димитрій Сверчковъ.* Божидаръ Зоричъ, романъ (продолженіе).

„Въ изгнаньи“

Святая Родина! Мечта моей души!
Ты слышишь ли призывъ сыновъ твоихъ изъ дали,
Ты чувствуешь ли стонъ мучительной печали
О шири нивъ твоихъ и о лѣсной глуши?
О куполахъ церквей, сверкающихъ крестами,
О избахъ деревень у дремлющей рѣки,
О томъ, какъ вѣтерокъ качаетъ рожь волнами
И заплетаетъ съ нею васильки!..
Тоску о той, безбрежной, русской силѣ,
Которая была защитою добра,
О всемъ — съ чѣмъ насъ страданья разлучили! —
— Изгнанникъ, не тоскуй!.. — Не минула пора...
Тяжелыхъ думъ, тревогъ и испытанiй,
Еще не минулъ срокъ, назначенный судьбой,
Но ты въ скитанiяхъ, вдали страны родной,
Будь слитымъ сердцемъ съ ней среди скитанiй...
Не забывай ее!.. Зови ее въ мечтахъ!
Любовь къ ней передай и дѣтямъ всѣмъ и внукамъ,
Имъ говори о томъ, что мы въ *чужой* странѣ,
Но *Русскими* ко дню конца тяжелымъ мукамъ
Должны вернуться мы къ родимой сторонѣ,
Судьбой научены, веригами скитанья,
Должны стремиться къ ней, какъ въ домъ родной съ пути,
И опытъ нашъ, и силы всѣ и знанья
Мы ей обязаны съ любовью принести!

Кн. Федоръ Касаткинъ-Ростовскiй.

Государь Императоръ Николай II во Франціи

Солнце горитъ на зеленыхъ волнахъ Сены. По набережнымъ безконечной линіей тянутся лари. Книги французскія, нѣмецкія, англійскія, гравюры, картины, ноты... снова книги... нѣтъ только русскихъ книгъ.

Далеко въ концѣ связка переплетовъ брошена на пыльномъ парапетѣ. Замѣчаетъ взоръ знакомый гербъ. Да, это онъ, — «двуязычный и двуглавый нашъ всероссійскій орелъ».

«Le Tzar et la Tzarine en France. Hommage au Tzar», изданіе, посвященное пребыванію во Франціи въ 1896 году Государя Николая II. Превосходная французская книга, изданная въ Парижѣ, съ фотографіями и гравюрами.

Съ интересомъ проходятъ страницы, посвященныя описаніямъ торжествъ въ честь Русскаго Императора. Тѣни прошлаго живутъ, воскрешая въ памяти величавые образы Россійскаго Государства, его международной роли, его политическаго значенія, возстановляя оцѣнку франко-русскаго союза, какъ когда-то его оцѣнивало французское правительство и народъ того самаго Парижа, гдѣ текутъ нынѣ наши эмигрантскіе дни.

Поэтическое предисловіе написано Франсуа Коппэ. Вся радость Франціи, заключившей союзъ съ мощной сѣверной Имперіей, бьется и трепещетъ въ каждой фразѣ.

«Что взялъ, старый Бисмаркъ? Теперь все по другому! Возьмемъ мы васъ въ тиски съ двухъ сторонъ!..

«О чемъ думаетъ молодой Императоръ?.. Мечтаетъ ли Онъ о вѣчномъ идеалѣ Славянства? Хочетъ ли Онъ отбросить турокъ за Босфоръ и водрузить крестъ на Святой Софіи? И, если по Его слову проскачутъ казачьи кони по улицамъ Стамбула, то не возьмутъ ли «на караулъ» въ тотъ же день, французскіе батальоны въ Страсбургѣ передъ памятникомъ Клеберу»?

«Вотъ тѣ мысли», пишетъ маститый академикъ, — «которые волновали четыре милліона французовъ, съѣхавшихъ при проѣздѣ русскаго Царя! Вотъ тѣ настроенія, которыя придавали пребыванію Его въ Парижѣ столь торжественный характеръ»...

... Знакомое лицо, молодое еще тогда, но уже грустное, смотритъ со страницъ... Герой этихъ торжествъ, повелитель величайшей въ свѣтѣ Имперіи, разстрѣлянъ со всей Семьей въ глухомъ уѣздномъ городѣ... Не проскакали казаки по улицамъ Стамбула, но союзъ съ Россіей осуществилъ завѣтныя французскія мечты... Отдали честь французскіе батальоны Клеберу въ Страсбургѣ и стали тамъ крѣпко!.

А кто отдастъ честь тѣмъ русскимъ могиламъ, которыя разсыпаны на прусскихъ поляхъ, кто сочтетъ удалыя головы, которыя, по слову Вѣрнаго Союзника Франціи, полегли, какъ колосья подъ грозой, отводя отъ Парижа ударъ германскихъ армій?..

---

5 октября 1896 года. Съ ранняго утра въ порту суета. Оффиціальная и неоффиціальная Франція ждетъ прибытія Русскаго Государя. Ненастная погода не мѣшаетъ общему оживленію.

Въ 9 часовъ два крейсера уходятъ въ открытое море, наблюдать за подходомъ русскихъ яхтъ. Черезъ часъ сигналъ: «видимъ «Полярную Звѣзду» и «Штандартъ».

Эскадра расцвѣтилась флагами и русскіе флаги были подняты на главной мачтѣ каждаго корабля.

Яхты приближались быстро, несмотря на волну. За ними, двумя колоннами, шла, провожая ихъ, англійская эскадра. Загремѣли салюты съ французскихъ кораблей и съ фортовъ Шербурга, звуки Марсельезы и «Боже Царя Храни» смѣшались въ воздухѣ, перекатывалось съ корабля на корабль немолчное «ура».

Едва «Полярная Звѣзда», на которой находился Государь Императоръ, вошла въ портъ, какъ, по волшебству, засіяло солнце, небо очистилось отъ тучъ...

Въ особомъ, выстроенномъ на пристани, павильонѣ ждалъ Государя Президентъ Республики Форъ съ многочисленной свитой. Блѣдный отъ волненія, онъ пошелъ на встрѣчу къ Государю и Государынѣ, которые спускались съ трапа яхты. Государь былъ въ русской морской формѣ, Государыня въ дорожномъ платьѣ. Низко склонившись, привѣтствовалъ Президентъ Высокихъ Гостей и среди шпалеръ офицеровъ, салютовавшихъ саблями, провелъ ихъ въ обширный залъ. гдѣ состоялись первыя оффиціальныя представленія. Красота Императрицы, ласковая улыбка Государя покорили всѣхъ.

Затѣмъ Государь, съ борта французскаго авизо «Еланъ», произвелъ смотръ стоявшей на рейдѣ эскадрѣ.

Послѣ смотра Государь возвратился на «Полярную Звѣзду», гдѣ съ наступленіемъ сумерекъ, состоялась въ Его присутствіи заря. Церемонія, простая и строгая, произвела большое впечатлѣніе на весь составъ французской эскадры, съ вниманіемъ наблюдавшей съ своихъ кораблей за русскимъ обрядомъ.

Тѣмъ-же вечеромъ, Императорскій поѣздъ отошелъ въ Парижъ, подъ новые салюты эскадры и фортовъ. Прожекторы съ фортовъ освѣщали путь.

На слѣдующій день, въ 10 час. утра, съ Эспланады Инвалидовъ, пушки возвѣстили Парижу прибытіе Русскаго Царя. Императорскій поѣздъ остановился у ст. окружной дороги «Ранелагъ» (нынѣ «Мюетъ»). Сіяло солнце... Павильонъ, выстроенный для встрѣчи, былъ увитъ хризантемами, лиліями и орхидеями. На коврахъ были разсыпаны розы. Государь, въ Преображенской формѣ, вышелъ первый. За нимъ въ бѣломъ Государыня, съ Президентомъ подъ руку. Форъ былъ во фракѣ, съ лентой Андрея Первозваннаго черезъ плечо.

Высокимъ Гостямъ были представлены высшіе чины гражданскіе и военные, архіепископъ Парижскій, предсѣдатели Палаты Депутатовъ и Сената.

Пропустивъ почетный караулъ, Государь съ Государыней и Президентомъ сѣли въ открытую коляску «домонъ». Кортежъ тронулся черезъ Булонскій лѣсъ къ Портъ Дофинъ. Радостныя толпы народа тѣснились кругомъ. «Да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ Франція», несся единодушный крикъ. Впереди шли эскадроны республиканской гвардіи, алжирская кавалерія въ голубыхъ доломанахъ и спаги въ бѣлыхъ бурнусахъ. Рядомъ съ Императорской коляской, на кровныхъ коняхъ, блистая оружіемъ и уборомъ, скакали арабскіе шейхи. По обѣимъ сторонамъ пути отдавали честь шпалеры войскъ.

У Портъ Дофинъ были сооружены огромные пилоны, и ихъ соединяла грандіозная Императорская корона, сдѣланная изъ розъ. Вся широкая авеню Буа де Булонь, окна, крыши, даже деревья, все было залито народомъ. Воздухъ сотрясался отъ привѣтственныхъ кликовъ. Проѣзжая мимо Тріумфальной Арки, на площади Этуаль, Государь склонился передъ монументомъ французской славы, отдавая честь. Привѣтственные клики загремѣли, по словамъ очевидца, какъ буря! Подъ неумолкавшіе клики ликующей толпы. Государь проѣхалъ въ русское посольство на ул. Гренелль.

Первымъ выѣздомъ Царской Семьи было посѣщеніе въ тотъ же день русской церкви на ул. Дарю, гдѣ былъ отслуженъ торжественный молебенъ. По всему пути опять стояли безчисленныя толпы парижанъ, опять неслись привѣтствія: «Vive le Tzar! Vive la Russie!»

Возвратившись, Государыня приняла въ Русскомъ Посольствѣ вдову убитаго анархистами президента Карно. Встрѣча была настолько сердечной, что вдова Карно не могла удержаться отъ слезъ. При прощаніи Государыня показала г-жѣ Карно свою дочь, Великую Княжну Ольгу. Г-жа Карно взяла очаровательнаго Ребенка на руки и долго цѣловала...

Въ тотъ же день состоялся торжественный пріемъ Государя въ Елисейскомъ Дворцѣ. Государю были представлены обѣ законодательныя палаты.

Въ залѣ Форъ обратился къ Государю съ рѣчью, гдѣ объяснилъ, какъ онъ счастливъ представить Государю французскій Парламентъ. Государь отвѣтилъ, что онъ испытываетъ глубокое удовлетвореніе, находясь среди избранниковъ французскаго народа.

Онъ долго бесѣдовалъ съ отдѣльными парламентаріями.

Потомъ Государю былъ представленъ Архіепископъ Парижскій съ высшими духовными лицами, генералитетъ и т. д.

За параднымъ обѣдомъ, который былъ данъ Государю въ томъ же Елисейскомъ Дворцѣ, Главами обоихъ государствъ были произнесены торжественныя заявленія о единеніи Русской Имперіи и Французской Республики. «Союзъ этотъ», сказалъ Форъ, «будетъ имѣть вліяніе на миръ всего міра».

Слова эти были разнесены по всей Франціи и повсюду нашли самый горячій откликъ.

На слѣдующій день въ честь Гостей было дано торжественное представленіе въ Оперѣ. Убранство лѣстницы и зрительнаго зала представляло феерическое зрѣлище. Кругомъ Оперы образовалось импровизированное народное гулянье, какъ въ большой національный праздникъ. Передъ поднятіемъ занавѣса вся труппа Оперы на авансценѣ исполнила «Боже Царя Храни». Во время антракта, Государь въ красномъ лейбъ-гусарскомъ ментикѣ вышелъ на балконъ. Прямо передъ нимъ площадь была залита народомъ. Его встрѣтила буря привѣтственныхъ кликовъ. Государь кланялся народу, отвѣчавшему оваціями.

Радостно было сердце Парижа и вмѣстѣ съ нимъ Франціи!..

На слѣдующій день Царская Чета съ колокольнымъ звономъ была встрѣчена съ королевской пышностью стараго времени въ Нотръ-Дамъ де Пари, послѣ чего состоялся визитъ въ Палэ де Жюстисъ.

Сквозь ликующія толпы царскій кортежъ приближался ко Дворцу Правосудія. Въ огромной Salle des Pas Perdus ждала вся парижская магистратура въ своихъ красочныхъ одѣяніяхъ. Кассаціонный Судъ, Палата, Совѣтъ сословія адвокатовъ, члены Судовъ Гражданскаго и Коммерческаго, персоналъ Министерства Юстиціи, Прокуратура, всѣ были здѣсь.

Послѣ представленія, Государь бесѣдовалъ съ членами Суда и Палаты, каждому найдя сказать нѣсколько любезныхъ словъ.

Затѣмъ состоялся осмотръ знаменитой «Chapelle». Здѣсь Государю показываютъ старинный пергаментъ, подписанный Анной Ярославной, дочерью Ярослава Мудраго, женой короля Генриха I-го; показываютъ «evangeliaire», написанный «en vieux slavon», передъ которымъ, по преданію, приносили присягу французскіе короли.

Далѣе слѣдуетъ посѣщеніе Пантеона. Студенческій бульваръ С. Мишель запруженъ многотысячной толпой. Экспансивная молодежь бурно выражаетъ свои восторги. Съ трудомъ пробирается коляска Государя сквозь толпу. Никакой охраны нѣтъ и въ поминѣ. Оваціи слѣдуютъ за оваціями.

Долго останавливается Государь передъ надгробіемъ Карно... Слезы на глазахъ у Государя, когда Онъ возлагаетъ къ надгробію вѣнокъ: «Карно — Николай II».

Снова залитыя народомъ улицы. Государь отправляется въ Hôtel des Invalides. Онъ остается одинъ передъ гробницей Наполеона. Его окружаютъ «свидѣтели падшей славы», русскія знамена. Императоръ Французовъ,

извѣдавшій ничтожество и величіе, міровую славу и стремительное паденіе, въ безмолвіи вѣчномъ покоится передъ Царемъ Московскимъ, въ чьихъ снѣгахъ померкла его слава. Одноглавый орелъ сторожитъ тѣнь того, кто предлагалъ другому русскому Монарху раздѣлить пополамъ весь міръ. Задумчиво выходитъ Государь. Чувствовалъ ли онъ тогда вѣяніе темнаго крыла судьбы?..

Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась закладка моста Александра III, гдѣ Его Сынъ долженъ былъ положить первый камень.

Грандіозныя трибуны были построены по обѣимъ сторонамъ рѣки. Оба берега были соединены тонкими метталическими нитями; украшенныя флагами, эти нити указывали контуры будущаго моста. Флотилія судовъ покрывала Сену. Императорская трибуна возвышалась со стороны Grand Palais. Обѣ трибуны были переполнены. Все, что было во Франціи высокопоставленнаго, виднаго, знаменитаго, все было здѣсь! Народъ переполнялъ прилегающія улицы и путь слѣдованія Государя.

Наконецъ, вдали послышались перекаты привѣтственныхъ кликовъ. Пріѣхалъ Государь съ Государыней Александрой Феодоровной и Президентомъ. Чудесная погода подчеркивала красоту картины. Артистъ Французской Комедіи Монэ декламировалъ оду, гдѣ Франція и Парижъ устами поэта прославляли русскую царскую чету.

Послѣ привѣтственныхъ рѣчей, Государь кладетъ первый камень. Государыня и Президентъ слѣдуютъ Его примѣру.

Съ противоположнаго берега отдѣляется бѣлая барка. На ней дѣвушки, всѣ въ бѣломъ, дочери представителей торговли и промышленности, подымаются къ трибунѣ и подносятъ Государынѣ цвѣты и вазу.

Въ дальнѣйшихъ поѣздкахъ Государя примѣчательно посѣщеніе Монетнаго Двора. Тамъ выбита была при немъ первая французская стофранковая монета. На томъ же станкѣ, на которомъ когда-то сдѣлана была медаль въ честь Петра І-го, старшій рабочій выбиваетъ и передаетъ Государю золотую медаль въ честь Императора Николая II.

Воспоминанія о Великомъ Преобразователѣ встрѣчаютъ его потомка и въ Академіи Наукъ, во время торжественнаго засѣданія, состоявшагося въ его честь. Послѣ привѣтственныхъ рѣчей собравшіеся переходятъ къ обычнымъ занятіямъ. Идетъ работа по составленію словаря. При Государѣ обсуждается и вносится въ словарь слово «animer».

Городъ Парижъ устроилъ Государю торжественный пріемъ въ Hôtel de Ville. Улицы, по которымъ ѣхалъ Государь, были великолѣпно иллюминованы. Что дѣлалось на площади передъ зданіемъ не поддавалось описанію. Пріемъ отличался особымъ блескомъ.

Съ исключительнымъ успѣхомъ прошло данное въ честь Государя парадное представленіе во Французской Комедіи. Мунэ-Сюлли поставилъ привѣтственную піесу «Compliment». Затѣмъ была дана комедія Альфреда де Мюссэ, отрывокъ изъ Корнелевскаго Сида и «Ученыя Женщины» Мольера. Во время антракта, Мунэ Сюлли представлялся Государю и привѣт-

ствовалъ Его, какъ Монарха единственной страны, гдѣ имѣется французскій казенный театръ.

Во время представленія публика бурно реагировала на фразу изъ «Compliment»:

«C'est du Nord maintenant, que nous vient l'ésperance».

Принимали царскую чету и въ Луврѣ. Государю понравилась больше всего Венера Милосская и Самофракійская Побѣда. Онъ дважды возвращался, чтобы полюбоваться той и другой статуей. Узнавъ, что здѣсь, среди художниковъ присутствуетъ восьмидесятилѣтняя художница Роза Бонэръ, Государь пожелалъ познакомиться съ ней и долго съ ней разговаривалъ.

Съ особеннымъ блескомъ и величіемъ встрѣчала Франція русскихъ гостей въ Версали. Версаль какъ бы преобразился. Цѣлая армія плотниковъ, садовниковъ, мебельщиковъ, художниковъ, декораторовъ работала во дворцѣ. Старые покои дышали оживленіемъ. Можно было думать, что вернулось время Короля-Солнца. Версальскія улицы были разукрашены. Толпы народа по дорогѣ и въ Версали ожидали царскаго пріѣзда.

Экипажъ съ царственными гостями показался на версальскихъ улицахъ къ закату солнца. Войска отдавали честь, гремѣли орудійные салюты. Черезъ главный дворъ кортежъ прослѣдовалъ къ подножію знаменитой терассы, къ фонтану Нептуна. Оттуда шествіе поднялось ко дворцу. По мѣрѣ того, какъ подходилъ Государь, начинали бить фонтаны.

Дворецъ, какъ въ королевскія времена, былъ полонъ приглашенными. Государю и Государынѣ были отведены для отдыха спеціально приготовленные покои.

Вечеромъ состоялся банкетъ въ Gallerie des Batailles, гдѣ Государь сидѣлъ противъ картины, изображающей битву при Фонтенуа. Затѣмъ былъ данъ спектакль съ участіемъ Сары Бернаръ.

Лишь въ двѣнадцатомъ часу ночи выѣхала царская чета въ Парижъ. Дорога была ярко освѣщена факелами и также по всей дорогѣ развертывалось зрѣлище народнаго праздника.

Закончились торжества грандіознымъ смотромъ въ Шалонѣ, гдѣ царственному союзнику была представлена французская армія. Съѣздъ публики былъ безпримѣрный. Были офицеры всѣхъ европейскихъ армій. Были и нѣмцы, и хроникеры того времени отмѣчаютъ, что они держались въ сторонѣ.

Государь объѣзжалъ армію на бѣломъ конѣ, съ конвоемъ арабскихъ шейховъ. Когда, послѣ объѣзда онъ поднялся на трибуну, его встрѣтило громовое «ура».

Смотръ закончился общей кавалерійской атакой.

Все время пребыванія Царской четы въ Парижѣ представлялось для парижанъ сплошнымъ праздникомъ. Городъ былъ богато украшенъ. Частные

дома соревновались въ украшеніяхъ и декораціяхъ. Появились безчисленные предметы, посвященные пребыванію Сѣверныхъ Гостей. Пять дней, проведенные въ Парижѣ Государемъ, привязали къ нему не только Францію оффиціальную, но и народъ. Личная привлекательность Государя, застѣнчивая красота Царицы, заворожили Парижъ!..

Не такіе уже долгіе годы прошли со времени описанныхъ событій! Многіе изъ участниковъ Парижскихъ торжествъ благополучно здравствуютъ и по сей день... Но какая перемѣна!..

Неожиданно вспыхнула Великая война... Трепетавшее радостью при видѣ Русскаго Царя сердце Франціи сжимается болью, — врагъ у воротъ! Но Русскій Императоръ вѣренъ союзу. Неготовыя его войска идутъ беззавѣтно впередъ, грудью принимая занесенный надъ Парижемъ ударъ тевтонскаго меча. Обильно льется русская кровь... Выученъ Парижъ... Тянется длительная война...

Круто мѣняется судьба! Низвергнутый, въ рукахъ злодѣевъ, томится вѣрный Союзникъ Франціи, предпочитающій смерть одобренію безчестнаго Брестскаго мира. Но безжалостна исторія! Равнодушно сердце Франціи къ несчастью ея безкорыстнаго Друга! Онъ гибнетъ трагически, оставленный всѣми...

Нѣтъ и Россійскаго Государства... Есть Тріесерія. Захватчики власти продали союзъ, измѣнили Франціи!.. И что-же? — Измѣнники и предатели приняты въ томъ же самомъ Парижѣ, который видѣлъ когда-то весну и величіе франкорусскаго союза и принималъ Русскаго Императора!

И только мы, русскіе эмигранты и, въ частности, участники войны, напоминаемъ Парижу далекіе образы Великаго Государства!..

П. Соколовъ.

Кавалерійское дѣло

Въ послѣднихъ числахъ августа 1915 года германцамъ удалось прорвать нашъ фронтъ на стыкѣ V и X армій и пропустить черезъ Свѣнцяны свою кавалерію, зашедшую въ нашъ тылъ.

Послѣ цѣлаго ряда длинныхъ, утомительныхъ переходовъ и столкновеній съ противникомъ, 1-ая Гвард. Кав. дивизія, находившаяся на лѣвомъ флангѣ V-й арміи, подошла къ 30 августа въ раіонъ озера Лодзее. Для выясненія мѣстонахожденія непріятельской конницы отъ дивизіи была выслана сѣть разъѣздовъ и развѣдывательныхъ эскадроновъ.

Эскадронъ Ея Величества Кавалергардскаго полка, подъ командой ротм. Коссиковскаго, получилъ задачу развѣдать раіонъ озера Ашванты, деревни Ракяны, Яканы и, далѣе, на выселки Абкарты, въ глубь Яканскаго лѣса.

Раннимъ утромъ, 31 августа, эскадронъ выступилъ съ ночлега изъ деревни Солаки. За часъ до выхода эскадрона, былъ высланъ первый взводъ, подъ командой кор. св. князя Ливена, которому было приказано дойти до озера Ашванты и, подойдя съ юга къ деревнѣ Яканы, ожидать подхода эскадрона. Выславъ дозорныхъ, взводъ вскорѣ подошелъ къ деревнѣ Ракяны. Въ деревнѣ стояла застава нашего сторожевого охраненія и только что подошедшій ночной унтеръ-офицерскій разъѣздъ отъ Л. Гв. Коннаго полка. Заняты ли Яканы и какими силами, въ точности не было извѣстно. Ночью, на постахъ, въ сторонѣ деревни былъ слышенъ шумъ и выстрѣлы, но остался ли въ ней противникъ или ушелъ, на заставѣ ничего не знали.

Пройдя сторожевое охраненіе, князь Ливенъ взялъ направленіе на озеро Ашванты. Солнце уже встало, день обѣщалъ быть яснымъ, теплымъ. Безконечный рядъ холмовъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, тянулся до самаго озера. Подойдя къ озеру, Ливенъ повернулъ на Яканы. Высокіе холмы хорошо скрывали движеніе взвода и ему удалось незамѣтно подойти, почти вплотную къ деревнѣ.

Спѣшивъ въ ложбинѣ взводъ, Ливенъ залегъ съ двумя кавалергардами на гребнѣ холма. Впереди, шагахъ въ двухстахъ, вытянувшись по обѣимъ сторонамъ узкой улицы, виднѣлась деревня. Отъ бугра, съ котораго наблюдалъ кн. Ливенъ, ее окаймлялъ широкій лугъ. На ея восточной окраинѣ находилось кладбище, обнесенное каменной стѣной. Сразу за избами начинался густой, высокій лѣсъ.

Въ деревнѣ все было тихо. Никого на улицахъ не было видно и ничто не выдавало присутствія нѣмцевъ.

— Ваша свѣтлость! Германцы! — взволновано прошепталъ украшенный двумя Георгіями, взводный Нѣмченко. — Вотъ глядите, у кладбища стоитъ ихъ часовой.

Дѣйствительно, за оградой виднѣлась голова нѣмецкаго солдата, а за деревней другой копалъ въ огородѣ картофель.

Кн. Ливенъ вызвалъ въ цѣпь свой взводъ. Ползкомъ, таща съ собой два ружья-пулемета Мадсена, люди тихо подошли къ гребню и залегли. Командиру эскадрона было послано донесеніе.

Вѣроятно, движеніе взвода было все же замѣчено непріятелемъ. Черезъ улицу, вдоль строеній, стали перебѣгать нѣмецкіе солдаты.

«Прицѣлъ постоянный... Стрѣлять по свистку». Рѣзкій свистокъ, и сразу же трескотня двухъ ружей-пулеметовъ и бѣглый винтовочный огонь гулко отозвались въ лѣсу.

Часовой на кладбищѣ упалъ. Въ деревнѣ слышались крики, команды. Германцы бросились къ сараямъ выводить лошадей, садились и въ безпорядкѣ сбились на улицѣ.

Ожидать подхода эскадрона было уже невозможно. Нельзя было терять ни секунды.

— Взводъ, по конямъ! Садись! — громко скомандовалъ Ливенъ.

Быстро, на ходу закидывая винтовки, бросились кавалергарды къ коноводамъ.

— Шашки къ бою! Въ лаву. За мной, галопомъ!

Широкой лавой вынесся взводъ на бугоръ. Изъ деревни въ безпорядкѣ, обгоняя другъ друга, уходилъ непріятельскій полуэскадронъ. Мгновеніе, и съ громкимъ ура настигли кавалергарды противника. По узкой лѣсной дорогѣ врубились они въ его ряды.

Чешуйчатые эполеты уланъ и каски драгунъ хорошо ихъ защищали. Шашки со звономъ отскакивали отъ металла. Нѣмцы уходили, отстрѣливаясь съ коней. На плечахъ бѣгущаго врага ворвался взводъ въ выселки Абкарты, гдѣ находилась главная застава противника.

На деревенской улицѣ стояла походная кухня. Кашеваръ раздавалъ ѣду столпившимся кругомъ него солдатамъ. Вдоль сараевъ стояли посѣдланные кони.

Появленіе кавалергардовъ было для нѣмцевъ полной неожиданностью. Никто не сталъ защищаться. Всѣ бросились къ лошадямъ, ища спасенія въ бѣгствѣ.

Изъ глубины отдѣльнаго сарая германскій офицеръ отстрѣливался изъ револьвера отъ окружившихъ его кавалергардовъ. Разстрѣлявъ всѣ патроны, онъ выскочилъ изъ сарая и поскакалъ въ сторону лѣса. Но плетень, окружавшій дворъ, былъ слишкомъ высокъ. Его вороной конь, прыгая черезъ него, зацѣпился и тяжело рухнулъ на землю вмѣстѣ съ всадникомъ. Подскакавшій кавалергардъ Осокинъ прикололъ его пикой. Деревня опустѣла. Кн. Ливенъ сталъ собирать своихъ людей. Два кавалергарда, въ томъ числѣ и взводный Нѣмченко, ранены; двое, увлекшись преслѣдованіемъ, не вернулись, и, какъ узнали впослѣдствіи, попались въ плѣнъ.

Изъ лѣса начали стрѣлять и на опушкѣ показались нѣмецкіе всадники. Оправившись отъ неожиданности, германцы перешли въ наступленіе, широко охватывая деревню съ трехъ сторонъ. Забравъ плѣнныхъ, кн. Ливенъ съ оставшимися у него 15-ю кавалергардами отошелъ на деревню Яканы. У деревни онъ встрѣтилъ подошедшій свой эскадронъ, который при подходѣ къ Яканамъ, былъ обстрѣлянъ изъ лѣса и потерялъ одного кавалергарда убитымъ.

Командиръ эскадрона ротм. Коссиковскій развернулъ эскадронъ лавой и пошелъ вторично на Абкарты. Непріятель, забравъ часть своихъ раненыхъ, отступилъ.

Пройдя въ глубь Яканскаго лѣса, верстъ 10 и нигдѣ не встрѣтивъ противника, эскадронъ вернулся въ Абкарты.

На улицѣ лежали убитые германцы. Они принадлежали къ 10-му Ольденбургскому драгунскому и къ 13-му Кенигенъ Уланскому полкамъ.

13 убитыхъ, въ томъ числѣ 2 офицера, 7 раненыхъ и 7 плѣнныхъ, походная кухня, вьюкъ съ картами и эскадронной канцеляріей, не считая лошадей и другого имущества, были трофеями дня.

Забравъ трофеи, эскадронъ пошелъ въ Дукшты, на присоединеніе къ полку. Возбужденіе, охватившее людей удачной атакой, долго не прекращалось. На перебой, другъ передъ другомъ, они дѣлились своими впечатлѣніями...

Солдаты, воспитанные въ старо-кавалерійскомъ духѣ боя холоднымъ оружіемъ, съ восторгомъ восклицали:

— Наконецъ-то дождались!

В. З.

Парижъ.
1931 г.

Село „Недоля"

...За соснякомъ, среди пустого поля,
Гдѣ всѣ пути песками замело,
Изъ вѣка въ вѣкъ стоитъ моя «Недоля»,
Землей забытое россійское село...
Въ немъ — двадцать хатъ, всегда стоящихъ криво —
Печальный рядъ, склонившійся отъ бѣдъ...
Дырявый мостъ... За нимъ сухая ива,
Грозой разбитая, во тьмѣ минувшихъ лѣтъ...
И что ни ночь, отъ суковатой ивы
Несется въ даль несносный, вражій крикъ, —
Кричитъ упырь зловѣщій и паршивый,
Таращa взоръ на желтый лунный ликъ...
И что ни ночь, — несутся небомъ тучи
Какихъ-то лицъ безстрастный, сѣрый рядъ —
И на ногахъ претонкихъ и паучьихъ
Крадутся сны въ заулки вдовьихъ хатъ...
И тамъ — встаютъ изъ мрака и печали
Невозвратимые... вотъ мужъ, что былъ убитъ
Въ глуши Карпатскихъ горъ... Вотъ сынъ, кого забрали
И «вывели въ расходъ», безъ словъ и панихидъ...

. . . .

И такъ — всю ночь тревожатъ душу вдовью
Стекляноглазые, живые давнихъ лѣтъ,
А ножки пауковъ — шуршатъ по изголовью
И до утра кричитъ упырь на лунный свѣтъ...
А утромъ — вновь печаль и непогода
И черствый хлѣбъ, и чей то злостный гнетъ,
И чей-то стукъ назойливый у входа,
И тотъ-же страхъ — изъ года въ новый годъ...

. . . .

За соснякомъ, среди пустого поля,
Гдѣ всѣ пути песками замело,
Изъ вѣка въ вѣкъ стоитъ моя «Недоля»,
Землей забытое россійское село...

Евгеній Вадимовъ.

Buttes Chaumont.
Paris,
1931.

Отрывокъ изъ воспоминаній „Двѣнадцать лѣтъ дипломатической службы на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ“

Въ ноябрѣ 1910 года состоялась моя командировка въ Македонію, въ городъ Битоль или Монастырь, въ помощь мѣстному Консулу. Здѣсь я познакомился съ такъ называемымъ македонскимъ вопросомъ. Тогдашнюю Македонію составляли три вилайета (генералъ-губернаторства Оттоманской Имперіи), — Салоникскій, Коссовскій (съ главнымъ городомъ Ускюбомъ) и Битольскій. Населеніе этихъ трехъ вилайетовъ было смѣшанное: болгары, греки, сербы и, наконецъ, албанцы. Хотя всѣ эти національности были воодушевлены ненавистью къ своимъ исконнымъ поработителямъ — туркамъ, но національныя страсти кипѣли здѣсь, какъ въ котлѣ. Происходило вѣчное соревнованіе между сербами, болгарами и греками. Каждая изъ этихъ національностей претендовала на Македонію и естественно, что стремленія каждой изъ вышеуказанныхъ національностей, поддерживались своимъ правительствомъ. Турки являлись какъ бы арбитрами.

Маленькій провинціальный турецкій городокъ Битоль, расположенный у величественнаго Перистреля, являлся сосредоточіемъ многочисленнаго консульскаго корпуса. Здѣсь были консульства — Германское, Англійское, Австро-Венгерское, Итальянское, Сербское, Болгарское, Греческое и Румынское. Каждое изъ этихъ консульствъ, не имѣя, въ большинствѣ въ Македоніи своихъ подданныхъ, занималось исключительно политической дѣятельностью. У всѣхъ были свои заботы...

Консульства Балканскихъ государствъ страстнѣе другихъ защищали свои интересы.

Австро-Венгерцы, послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины, притязали на такъ называемую Старую Сербію (Ускюбъ) и Санджакъ и поддерживали претензіи грековъ и болгаръ противъ сербовъ, считая послѣднихъ своими исконными врагами и соперниками на Балканахъ.

Политика германскаго правительства, дружественная Турціи, поддерживала въ то же время и политику своего союзника Австро-Венгріи.

Итальянцевъ интересовалъ Албанскій вопросъ. Наше консульство, пережившее незадолго передъ тѣмъ трагическіе дни, — убійство консула Ростковскаго, занимало нейтральную позицію, и его цѣлью было примиреніе стремленій всѣхъ трехъ балканскихъ народностей, — грековъ, сербовъ и болгаръ, интересы коихъ были Великой Россіи одинаково дороги.

Неожиданное убійство нашего консула Ростковскаго турецкимъ солда-

томъ, хотя и безъ политическихъ мотивовъ, но явившееся вторымъ за сравнительно, короткій промежутокъ времени, — въ Митровицѣ передъ этимъ былъ убитъ другой нашъ консулъ — Щербина, — нарушило существовавшія дружественныя отношенія между Россіей и Турціей.

Россія послала Оттоманскому Правительству рѣзкій ультиматумъ, а до выполненія его вся наша Черноморская эскадра появилась у Босфора. Турки немедленно выполнили всѣ пункты ультиматума, — они смѣстили своего губернатора, строго наказали начальство того полка, къ которому принадлежалъ убійца-солдатъ и т. д. ГенералъГубернаторъ, извѣстный Хильми-Паша, лично пріѣзжалъ выразить свое соболѣзнованіе вдовѣ убитаго, которая, принявъ его, вернула ему орденъ Шефаката, который имѣла, объяснивъ при этомъ, что не желаетъ имѣть этотъ турецкій орденъ, послѣ всего того, что случилось...

Надо, все-же, признать, что положеніе турецкой администраціи въ Македоніи было въ то время тяжелымъ. Партизанская война не прекращалась ни на часъ, террористическія убійства изъ-за угла турецкихъ должностныхъ лицъ совершались почти каждый день. На желѣзныхъ дорогахъ туркамъ приходилось держать цѣлую армію изъ за постоянныхъ нападеній на поѣзда, взрывовъ мостовъ и туннелей. Окрестныя лѣса и горы кишѣли бандами повстанцевъ, такъ наз. «коммитаджей». Мнѣ приходилось встрѣчаться съ мѣстнымъ Генералъ-Губернаторомъ — Вали, каковымъ въ то время былъ очень извѣстный турецкій администраторъ Джавидъ-Паша и онъ мнѣ неоднократно признавался, что болѣе труднаго вилайета, чѣмъ Битольскій, ему за всю его долголѣтнюю службу встрѣчать не случалось. Впослѣдствіи, черезъ четыре года, мнѣ пришлось снова съ нимъ встрѣтиться въ Багдадѣ, гдѣ онъ занималъ постъ Иракскаго Генералъ-Губернатора, и онъ мнѣ говорилъ, что въ Багдадѣ онъ отдыхаетъ послѣ «проклятой» Македоніи.

Нашимъ консуломъ въ Битоли въ это тяжелое время былъ большой знатокъ балканскихъ дѣлъ А. М. Петряевъ. Мое прибытіе въ Битоль явилось въ нѣкоторомъ отношеніи сенсаціей въ мѣстномъ консульскомъ корпусѣ. Австрійцы и германцы рѣшили, что я тайный военный агентъ, и въ этомъ смыслѣ сообщили своимъ Посламъ, а мои частыя верховыя прогулки по окрестностямъ еще болѣе убѣдили ихъ въ этомъ. Какъ то, еще не зная хорошо мѣстности, я неосторожно удалился отъ города и, заблудившись, рѣшилъ ѣхать наугадъ, до перваго жилья, чтобы спросить дорогу. Темнѣло. Меня окружали горы, покрытыя лѣсомъ. Неожиданно, въ чащѣ, я замѣтилъ огонекъ и немедленно направилъ туда моего коня. Вскорѣ я очутился передъ группой вооруженныхъ людей, приблизившихся ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ. Оказалось, что я попалъ къ «коммитаджамъ». На ломаномъ болгарскомъ языкѣ я назвалъ себя и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, обращеніе сразу измѣнилось, — меня пригласили къ костру раздѣлить съ ними трапезу, начальникъ банды угостилъ меня крѣпкой мѣстной водкой «ракки» и предложилъ мнѣ переночевать въ его палаткѣ. На утро меня провели до мѣста, откуда я уже нашелъ дорогу домой, въ то время, когда консулъ,

обезпокоенный моимъ долгимъ отсутствіемъ, уже собирался поднять тревогу и сообщить турецкимъ властямъ о моемъ отсутствіи.

Въ Битоли я встрѣтился съ моимъ старымъ знакомымъ по Константинополю румынскимъ консуломъ Тріандафилеску. Съ нимъ я побывалъ на Охридскомъ озерѣ, подымался на Перистрель, изъѣздилъ всю Македонію, изучалъ нравы, присматривался къ мѣстной жизни. Моя командировка кончалась... Распростившись съ гостепріимнымъ А. М. Петряевымъ, я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Салоники.

Въ дорогѣ со мной произошелъ случай, ярко характеризующій порядки на турецкихъ желѣзныхъ дорогахъ и отношеніе администраіци къ путешественникамъ-иностранцамъ, вообще, и къ русскимъ, въ частности. Когда на большой станціи «Водена», я сѣлъ обѣдать въ станціонномъ ресторанѣ, я не разслышалъ третьяго звонка и, увидя, что поѣздъ двигается, бросился къ моему вагону. Вдругъ, оберъ-кондукторъ, узнавъ, что я не кончилъ обѣдать, остановилъ поѣздъ, разсыпался въ извиненіяхъ, что далъ сигналъ къ отходу, и набросился на ресторатора, почему тотъ не предупредилъ его о томъ, что консулъ еще обѣдаетъ.

Къ вечеру поѣздъ прибылъ въ Салоники. На другой день, сдѣлавъ визитъ нашему генеральному консулу А. К. Бѣляеву, я остающееся до отхода поѣзда время посвятилъ осмотру города. Посѣтилъ старинные монастыри, былъ на базарѣ и обозрѣвалъ знаменитую Бѣлую башню.

Подъѣхавъ къ находящейся за городомъ знаменитой виллѣ Аллатини, гдѣ былъ заключенъ бывшій Султанъ Абдулъ-Гамидъ, я пожелалъ ее сфотографировать. Не успѣлъ я щелкнуть кодакомъ, какъ ко мнѣ подошелъ полицейскій, забралъ мой кодакъ и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ въ Комиссаріатъ. Тамъ недоразумѣніе быстро выяснилось. Комиссаръ полиціи меня немедленно отпустилъ, любезно объяснивъ мнѣ, что въ городѣ военное положеніе и строжайше воспрещается снимать все, что относится къ оборонѣ города.

Повидимому, и вилла Аллатини являлась однимъ изъ городскихъ укрѣпленій!

Вечеромъ я выѣхалъ въ Константинополь, куда и прибылъ на другой день.

В. Голенищевъ-Кутузовъ.

На сѣверъ, на сѣверъ!

«На сѣверъ, на сѣверъ! кричали намъ птицы,
Летя надъ просторами знойныхъ полей...
Мы, молча, смотрѣли на ихъ вереницы,
Грустя по отчизнѣ далекой своей.
— Вы, вольныя птицы, стремитесь къ отчизнѣ,
Сознаньемъ простора и воли полны,
А мы — здѣсь въ изгнаньи, и нѣтъ намъ здѣсь жизни,
И радости нѣтъ намъ средь чуждой страны.
Терзаетъ насъ горькое чувство обиды,
Томиться ужъ скоро не станетъ намъ силъ.
Безстрастно, сурово молчатъ пирамиды,
Священными водами искрится Нилъ...
Все чуждо... Но въ сердцѣ живутъ упованья:
«Воскреснетъ, воскреснетъ родная страна!»
Омытая чистою кровью страданья
Возстанетъ отъ тяжкаго, жуткаго сна.
Вы, вольныя птицы, несите привѣты,
Летите въ Россію, скорѣе, скорѣй!
И пусть Ваши пѣсни, надеждой согрѣты,
Звучатъ надъ просторомъ родимыхъ полей!...

Надежда Ватель.

Alexandrie 1931.

Божидаръ Зоричъ

Романъ (продолженіе).

Прошло семь учебныхъ лѣтъ, — семь классовъ корпуса...

Какъ сонъ!..

Бывшія дѣти стали юношами.

Торжественно прошелъ послѣдній выпускной экзаменъ Закона Божьяго въ Николаевскомъ залѣ.

Изъ Витебска пріѣзжалъ архіерей.

Онъ самъ задавалъ кадетамъ вопросы и, если они чего нибудь не знали и путали, за нихъ отвѣчали законоучители, — священникъ и діаконъ.

Экзаменъ прошелъ гладко. «Отмѣнно! Очень хорошо!», съ владимірскимъ удареніемъ на «о» говорилъ преосвященный и щедро ставилъ кадетамъ отмѣтки.

Послѣ экзамена всѣ кадеты, по традиціи, ходили въ Евфросиньевскій монастырь...

Былъ нѣжный бѣлорусскій май...

Весенняя листва еще не утеряла своей свѣжести и не успѣла буйно разростись, какъ лѣтомъ. Весело зеленѣли на солнцѣ заливные луга.

Саша съ Божей шли, тихо разговаривая, по берегу Полоты.

Изъ всего выпуска они были между собой ближе всѣхъ. Своимъ отношеніемъ одинъ къ другому они какъ бы старались заполнить печальный пробѣлъ ихъ параллельной жизни, — отсутствіе родителей (Сашинъ отецъ умеръ, когда Сашѣ было 14 лѣтъ) и были между собой ближе, чѣмъ часто бываютъ братья. Ихъ связывала также и общая любовь къ Сашиной бабушкѣ, къ которой они, вступивъ въ сознательный возрастъ, стали относиться съ нѣжнымъ вниманіемъ и благодарностью.

Божа собирался ѣхать въ Бѣлградъ и, счастливый тѣмъ, что онъ скоро увидитъ родныя мѣста, съ юношескимъ нетерпѣніемъ ожидалъ времени отъѣзда.

Незамѣтно они подошли къ Двинѣ.

Съ мыса, мягко спускавшагося къ рѣкѣ, на фонѣ голубого неба, на горѣ, четко рисовался своими византійскими контурами Софійскій соборъ, по берегу виднѣлись бѣлые корпусные дома и выше ихъ массивный корпусный фасадъ. Вдали большой чугунный орелъ памятника Отечественной войны парилъ надъ каштановой рощей.

Дальше не хотѣлось идти...

Кадеты сбросили на траву шинели и прилегли.

Тысячи насѣкомыхъ наполняли воздухъ непрерывными звуками, безчисленное количество серебряныхъ колокольчиковъ звенѣло въ ушахъ.

Лежа на травѣ, Божа разсѣянно слушалъ Сашинъ разсказъ о томъ, какъ его «просвѣтила» въ Петербургѣ знакомая дама.

Самъ онъ еще былъ дѣвственъ и поэтому этотъ разсказъ былъ ему мало понятенъ.

Онъ закинулъ за голову руки, зажмурилъ глаза и сдѣлалъ видъ, что дремлетъ.

Сашинъ голосъ становился все тише и тише и, превратясь въ какую-то несвязную мелодію, оборвался... Послышался откуда то издали и снова оборвался... Ажурная стрекоза, шевеля изумрудными крылышками, опустилась на высокій стебель аира... Вѣтеръ качнулъ этотъ стебель и овѣялъ Божу душистой прохладой... Божа незамѣтно уснулъ. Неожиданно, онъ увидѣлъ, что стрекоза, граціозно качавшаяся на аирѣ, быстро метнулась въ сторону и, какъ бы повиснувъ въ воздухѣ, пронзительно затрещала: «спасите! спасите!»...

Божа удивился.

«Отъ чего ее спасать?», подумалъ онъ.

«Спасите! Спасите!», затрещала она еще громче.

Божа проснулся.

Онъ открылъ глаза, осмотрѣлся и не сразу понялъ, гдѣ онъ. Саши не было...

«Какіе глупые сны бываютъ!», подумалъ онъ, потягиваясь.

«Спасите!», донесся до его слуха отчаянный крикъ, полный смертельнаго ужаса. Божа вскочилъ.

По Полотѣ плыла опрокинутая лодка, за которую цѣплялись какіе-то люди... Быстрымъ теченіемъ ее выносило въ Двину, на песчаную отмель.

Саша плылъ къ противоположному берегу. При сильныхъ взмахахъ его рукъ въ брызгахъ воды, была видна его бѣлокурая голова и красные погоны на кадетской рубашкѣ.

Ближе къ Божѣ, недалеко отъ берега, билась на водѣ какая-то женщина. Она, то погружалась въ воду, то снова появлялась на ея поверхности.

«Спасите!», уже слабѣющимъ голосомъ, безнадежно, вскрикнула женщина и скрылась подъ водой, оставивъ на поверхности большой расходящійся кругъ. Божа, какъ былъ, одѣтый, бросился къ ней.

Онъ успѣлъ схватить ее за руку, когда она на мгновеніе показалась изъ воды.

Съ нею онъ поплылъ къ берегу.

Усталъ, — попробовалъ достать дно...

Дна не было...

Изъ послѣднихъ силъ онъ поплылъ дальше и сталъ на ноги въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега.

Онъ вынесъ женщину на песокъ. Она была безъ сознанія.

Въ ней онъ узналъ Розу, молодую жену полоцкаго фабриканта Эпштейна. Съ жаднымъ любопытствомъ молодости онъ смотрѣлъ на полунагую женщину, раскинувшуюся передъ нимъ.

Ея сильное молодое тѣло сквозило сквозь прозрачный порванный батистъ и намокшее платье не скрывало ея соблазнительныхъ формъ.

Она съ легкимъ стономъ вздохнула и медленно осмотрѣлась...

Ея прекрасные черные глаза съ удивленіемъ и страхомъ устремились на Божу.

Облокотившись на одну руку, она другой рукой прикрыла обнаженную грудь и тихо сказала: «накройте меня!»...

Божа отбѣжалъ къ травѣ, взялъ свою шинель и осторожно набросилъ ее на Розу.

Къ нимъ съ того берега спѣшили рыбачьи челноки и лодки.

XIII.

Когда Саша замѣтилъ, что Божа уснулъ, онъ не сталъ его будить.

«Пусть спитъ своимъ невиннымъ сномъ!», подумалъ онъ, недовольный на Божу за то, что онъ такъ невнимательно отнесся къ его разсказу о петербургской дамѣ.

Онъ всталъ и направился къ берегу.

Жаръ спадалъ...

Тѣни прибрежныхъ ивъ косо ложились на потемнѣвшую воду. Гонтъ на крышахъ городскихъ купаленъ отчетливѣе выдѣлился своими правильными ромбами. Рыбаки снимали съ приколышей просохшія сѣти.

«Здравствуйте, князь! Наше вамъ, съ полупочтеніемъ!», услышалъ онъ насмѣшливый голосъ съ лодки, плывшей по серединѣ рѣки.

Въ лодкѣ сидѣли какіе-то незнакомые молодые евреи и съ ними «красавица Роза», при видѣ которой большинство кадетъ испытывали юношескій трепетъ и какое-то непонятное замираніе сердца.

Роза сидѣла царицей на рулѣ.

«Скотина!», подумалъ Саша и ничего не отвѣтилъ.

«Я васъ хорошо знаю, какъ хулигана!», продолжалъ, между тѣмъ, съ лодки тотъ-же насмѣшливый голосъ.

«Это еще что?».

«Я — Дудельманъ! Помните, какъ вы меня въ Вильнѣ купали въ снѣгу?».

Сашу взорвало...

«Ты, видно, хочешь, чтобы я тебя теперь искупалъ въ водѣ?», перебилъ его Саша со злобной угрозой.

«Что, — теперь? Руки коротки, — теперь! Сажень сорокъ»...

«Нахалъ!».

«Самъ нахалъ!».

Это уже было слишкомъ...

Молодые люди въ лодкѣ громко засмѣялись. Сашѣ показалось, что по лицу Розы скользнула тѣнь усмѣшки. Кровь бросилась ему въ голову. Онъ быстро сбросилъ кадетскіе полусапоги и съ разбѣга вбѣжалъ въ воду.

Въ лодкѣ опѣшили...

Саша быстро по теченію подплылъ къ ней и повисъ на ея борту.

Крикъ ужаса пронесся по рѣкѣ!

Плоскодонка черпнула воду съ одного борта, потомъ съ другого, и... опрокинулась.

Евреи, взывая о помощи, уцѣпились за нее и поплыли вмѣстѣ съ ней по теченію.

Тонущей Розы Саша не видѣлъ.

Стараясь сохранить свои силы, онъ, не спѣша, поплылъ черезъ рѣку къ городскому берегу.

Тамъ онъ вышелъ на Нижнюю улицу, нанялъ извозчика и поѣхалъ въ корпусъ.

Полоцкіе евреи подали на Сашу жалобу на имя Государя. Черезъ недѣлю пріѣхалъ изъ Петербурга важный генералъ. Онъ долго всѣхъ опрашивалъ и записывалъ и, уѣзжая, сказалъ Сашѣ: «благодарите Бога, что еще никто не утонулъ!»... И, строго посмотрѣвъ на Сашу, сощурилъ близорукіе глаза и многозначительно покачалъ головой.

По всему было видно, что Сашѣ будетъ плохо!..

И, дѣйствительно, — черезъ мѣсяцъ пришло въ корпусъ распоряженіе, зачислить Сашу, вмѣсто училища, рядовымъ въ пѣхотный полкъ, «незамедлительно и впредь до исправленія».

Божа былъ уже въ Бѣлградѣ, когда на его имя изъ Петербурга пришелъ казенный пакетъ. Въ немъ оказалась медаль «за спасеніе погибавшихъ». Вспоминая тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ ее получилъ, онъ не былъ ей радъ.

XIV.

Божа ѣхалъ въ Сербію черезъ Вѣну и Будапештъ. При выѣздѣ изъ Землина (Земуна) Бѣлградъ развернулся передъ Божинымъ взоромъ, какъ декорація, живописнымъ амфитеатромъ.

На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе восточнаго города, который въ лѣнивой нѣгѣ раскинулся на берегахъ спокойныхъ водъ.

Старая крѣпость, возвышавшаяся при впаденіи Савы въ Дунай, говорила о томъ, что этотъ городъ былъ когда-то военнымъ пунктомъ и, судя по силѣ его сооруженій, грознымъ на пути къ Востоку, въ Константинополь.

Турки называли Бѣлградъ «Dar el Djihad» — «Ворота священной войны».

Отсюда они ринулись на Западъ...

Въ 1440 году Мурадъ II, при неудачномъ штурмѣ, потерялъ подъ стѣнами Бѣлграда всю свою армію. Въ 1456 году Магометъ II, занявшій Константинополь, также потерпѣлъ пораженіе подъ Бѣлградомъ, и вся его артиллерія осталась въ рукахъ Яна Гуніади и Іоанна Капистрана, поспѣшившихъ со своими крестоносцами на помощь христіанскому городу.

Но въ 1521 году Сулейманъ Великій овладѣлъ Бѣлградомъ и три сто-

лѣтія казалось невозможнымъ вытѣснить оттуда побѣдителей. Кара-Георгій прогналъ ихъ въ 1814 году, но въ слѣдующемъ — они снова вернулись.

Только въ 1867 году, при князѣ Михаилѣ, удалось ихъ постепенно вытѣснить изъ города и изъ крѣпости, но еще долго надъ цитаделью, рядомъ съ сербскимъ флагомъ, развѣвалось турецкое знамя.

Оно исчезло только въ 1876 году, когда Сербія объявила Турціи войну, и сербы, наконецъ, увидѣли себя освобожденными, послѣ побѣдоносной войны, при помощи Россіи.

Съ тѣхъ поръ Бѣлградъ сталъ неузнаваемымъ. И, хотя все еще оставалось много деревянныхъ домовъ, много кривыхъ и плохо освѣщенныхъ улицъ, много немощенныхъ площадей, не исключая базаровъ, и пустырей подъ огородами, но весь колоритъ жизни уже былъ другой.

Вмѣсто минаретовъ, христіанскія церкви возвышались своими колокольнями и ихъ перезвоны заставили умолкнуть пронзительные голоса муэдзиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Бѣлградъ сталъ столицей Сербскихъ Князей.

Божа поселился у одного своего дальняго родственника и большого почитателя его отца, смѣлаго сподвижника самого легендарнаго героя Петра Мрконича*). Этотъ родственникъ, одинокій, старый почтовый чиновникъ, имѣлъ у Свято-Савской церкви небольшой глинобитный флигель, сиротливо стоявшій среди картофельныхъ полей, на опушкѣ небольшой рощицы.

Въ одной комнатѣ онъ жилъ самъ, а другую отдалъ Божѣ, заставляя его днемъ, во время жары, отъ которой онъ спасался, опуская оконныя ставни, разсказывать ему обо всемъ, что онъ видѣлъ въ Россіи.

Въ первый же день пріѣзда, Божа вечеромъ поѣхалъ въ Калемегданъ*), — въ то время скромный бульваръ на холмѣ, при сліяніи Дуная и Савы, гдѣ онъ въ дѣтствѣ, передъ отъѣздомъ въ русскій корпусъ, часто игралъ со своими сверстниками.

Теперь эти сверстники были студенты.

Всю ночь молодежь провела въ горячей бесѣдѣ.

Идея освобожденія южныхъ славянъ изъ подъ австрійскаго ига, какъ нѣкогда изъ подъ турецкаго, искрой тлѣла въ молодыхъ сердцахъ... Молодежь разошлась только на разсвѣтѣ, когда съ венгерскихъ равнинъ уже потянуло утренней свѣжестью и на фонѣ розоваго неба сталъ медленно вырисовываться сказочный силуэтъ Земуна.

По хрустальной глади Дуная забороздили первые австрійскіе пароходы.

---

*) Король Петръ I Великій Освободитель (1903-1921); подъ именемъ Петра Мрконича еще въ 1875 году, въ Боснѣ, поднялъ возстаніе противъ турокъ, вылившееся впослѣдствіи въ Освободительную войну.

*) Въ настоящее время, Бѣлградскій Калемегданъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ садовъ въ Европѣ, какъ по своему мѣсторасположенію, при впаденіи Савы въ Дунай, такъ и по своему благоустройству.

XV.

«Намъ ученье не мученье»...
Изъ солдатской пѣсни.

172 пѣхотный Лидскій полкъ на осеннихъ маневрахъ шелъ форсированнымъ маршемъ изъ Вильны въ Ораны, чтобы выйти во флангъ Гродненскому отряду, занимавшему тамъ укрѣпленную позицію у деревни Солтанишки.

Августовскій день былъ совершенно ясный, тихій, прохладный...

Въ сосновомъ лѣсу, въ которомъ и лѣтомъ не просыхала свѣжесть, было еще прохладнѣе.

Дорога шла по глубокимъ пескамъ.

Надъ двигающимся полкомъ стояла густая пыль, отъ которой все было сѣро. — и офицеры, и солдаты, и лошади, и походныя кухни, изъ подъ крышекъ которыхъ клубился паръ, привлекавшій къ себѣ ротныхъ собакъ, трусившихъ рядомъ, и тоже сѣрыхъ отъ пыли.

На правомъ флангѣ 5 роты шелъ стройный молодой солдатъ.

Густой загаръ его лица не скрывалъ нѣжнаго румянца его юношескихъ лѣтъ. На верхней губѣ еле замѣтно намѣчалась темная полоска усовъ. Усталые глаза смотрѣли бодро, но было видно, что солдатское снаряженіе ему тяжело, — онъ все время на ходу поправлялъ вещевой мѣшокъ, поддерживая его рукой, чтобы онъ не давилъ на поясницу. Винтовку онъ несъ на правомъ плечѣ. Сбитая на затылокъ армейская фуражка, изъ подъ которой выбивались непокорные бѣлокурые волосы, придавала ему задорный и беззаботный видъ.

Этотъ солдатъ былъ Саша.

«Скорѣй бы привалъ», сказалъ онъ дѣланно-безразличнымъ топомъ идущему рядомъ съ нимъ рябому солдату, вытирая обшлагомъ походной рубахи потъ съ загорѣлаго лица.

«Што, — чижало? — Вы бы мнѣ, баринъ, свою винтовочку дали на время, — размялись бы маненько», предложилъ ему участливо рябой солдатъ.

«Мнѣ совсѣмъ не тяжело!», поторопился отвѣтить Саша, бодрясь и стараясь показать видъ, что онъ не усталъ, и что у него не ноетъ поясница, не болятъ ноги и не ломитъ все тѣло.

Въ это время голова полка остановилась. Солдаты стали сходить съ дороги и садиться на край канавы или на срубленные пни. Нѣкоторые снимали сапоги и, развернувъ подвертки, какъ бы съ удивленіемъ разсматривали образовавшіеся на ногахъ кровоподтеки.

Саша снялъ съ себя скатанную шинель и прилегъ на поблекшую осеннюю траву. Рябой солдатъ побѣжалъ съ Сашиной флягой, наполнить ее свѣжей водой изъ ручья.

Послѣ короткаго привала, полкъ, длинной сѣрой лентой, извиваясь гигантской змѣей, вытянулся изъ лѣса.

Саша уже безъ силъ дошелъ до мѣста ночлега, но не отсталъ и не сѣлъ по уговору солдатъ въ лазаретный фургонъ.

Онъ легъ у края походной палатки прямо на землю и тутъ-же заснулъ тяжелымъ сномъ, безъ сновидѣній, подъ звуки гармоники. Еще долго на бивакѣ раздавались неожиданные взрывы оглушительнаго солдатскаго смѣха...

Въ то время, когда Саша былъ со своимъ полкомъ на маневрахъ, — его одноклассники, выпускные кадеты, ѣхали изъ Полоцка въ Петербургъ и въ Москву въ военныя училища, навстрѣчу туманному будущему, счастливые и полные надеждъ.

Такъ, птенцы, расправивъ крылья, вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ въ неизвѣстную даль.

XVI.

Роза (Рахиль) Ратнеръ была дочерью мелкаго виленскаго ремесленника, который, убѣдившись, что въ чертѣ еврейской осѣдлости счастья найти нельзя, уѣхалъ его искать за океанъ, въ Америку.

Сначала отъ него приходили письма, потомъ — все рѣже и рѣже и, наконецъ, прекратились совсѣмъ. И даже не было извѣстно, — живъ ли онъ или нѣтъ?

Роза не знала отца. Она жила съ матерью въ Вильнѣ, за Желѣзной брамой, гдѣ преимущественно ютилась еврейская бѣднота, на тѣ крохи, которыя удавалось ея матери заработать шитьемъ.

Когда Розѣ исполнилось три года, ея мать умерла. Еврейская община не знала, что дѣлать съ хорошенькой бойкой одинокой дѣвочкой, — никто ее не хотѣлъ брать и никому она не была нужна.

Но неожиданно судьба Розы рѣзко измѣнилась, — изъ Америки пришло извѣстіе, что ея отецъ погибъ при одной желѣзнодорожной катастрофѣ и оставилъ послѣ себя небольшое наслѣдство и страховую премію.

Тогда у Розы нашлись и родственники, и друзья...

Десяти лѣтъ она поступила въ гимназію.

Послѣ окончанія гимназіи, мечты о дальнѣйшемъ образованіи оказались невыполнимыми, — доллары изсякли...

Она расцвѣла въ красивую, не по годамъ сформировавшуюся, дѣвушку и уже много разъ замѣчала на себѣ опредѣленные взгляды мужчинъ, готовыхъ воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ.

Надо было устраиваться...

Въ это время она случайно познакомилась съ однимъ полоцкимъ купцомъ, Эпштейномъ, пріѣхавшимъ въ Вильну по дѣламъ.

Эпштейнъ слылъ богатымъ человѣкомъ.

Въ Полоцкѣ у него было нѣсколько «фабрикъ». Это были легкія деревянныя постройки, у самой Полоты, въ которыхъ стояло нѣсколько несложныхъ машинъ для переработки осиновой древесины въ массу для писчебу-

мажныхъ фабрикъ, изготовлявшихъ дешевые сорта простой оберточной бумаги.

Машины приводились въ движеніе безконечными ремнями отъ вала водяного колеса, а осиновыя бревна сплавлялись къ «фабрикамъ» по рѣкѣ.

Эпштейнъ былъ сорокалѣтній мужчина съ брюшкомъ, на которомъ выдѣлялась золотая цѣпочка отъ часовъ съ брелоками. На рукахъ блестѣли брилліантовые перстни. Видъ у него былъ самонадѣянный и важный, но когда было нужно, онъ умѣлъ быть и другимъ. Только выйдя за него замужъ, Роза поняла ту ошибку, которую она сдѣлала.

Эпштейнъ смотрѣлъ на нее, какъ на любовницу, которая, обращая на себя вниманіе, рекламируетъ того, у кого она находится на содержаніи.

Онъ ее хорошо одѣвалъ, заставлялъ бывать на вечерахъ, балахъ и благотворительныхъ базарахъ и, занимая съ нею въ театрѣ литерную ложу на виду, бывалъ доволенъ, когда восторженные взгляды мужчинъ и завистливые женщинъ обращались на его жену, на жену «самого Григорія Эпштейна, фабриканта изъ Полоцка и будущаго банкира».

Ни въ какія свои дѣла Эпштейнъ свою жену не посвящалъ, но Роза догадывалась, что онъ, бывая часто въ Эйдкуненѣ и Вержболовѣ, занимался дѣлами по контрабандѣ и давалъ денежныя ссуды, не гнушаясь ростовщичествомъ. Его мечтой было переѣхать въ Вильну и открыть тамъ банкирскую контору.

Какъ разъ по этому дѣлу пріѣзжали къ нему въ Полоцкъ тѣ комиссіонеры-евреи, которые весело катались съ Розой на лодкѣ по Полотѣ, въ тотъ роковой день, когда Саша ихъ всѣхъ опрокинулъ въ воду.

XVII.

Въ то время, когда большинство полоцкихъ кадетъ поступило въ Павловское училище, Божа Зоричъ поступилъ въ Инженерное.

Оно помѣщалось въ центрѣ Петербурга, въ огромномъ мрачномъ гранитномъ массивѣ — Инженерномъ Замкѣ.

Это былъ бывшій дворецъ Императора Павла I.

Многое еще въ немъ сохранилось съ того далекаго времени!

Роскошныя лѣпныя фрески, плафоны извѣстныхъ мастеровъ, золото, мраморъ...

И, какъ наслѣдіе темной страницы русской исторіи, въ притворѣ училищной церкви, когда-то кабинетѣ Императора Павла I, въ глубокой нишѣ, помѣщался образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, со словами Св. Евангелія: «Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ», съ неугасимой лампадой.

Петербургъ, какъ городъ, поразилъ Божу больше, чѣмъ онъ предполагалъ.

Это былъ городъ сказочной фантазіи и не столько своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ, сколько своей ширью и просторомъ!

Все въ немъ было грандіозно и величественно! И широкія улицы и проспекты, и огромныя десятинныя площади... и нигдѣ въ мірѣ не было такой царственной рѣки, какъ Нева, въ гранитныхъ берегахъ, съ перекинутыми черезъ нее громадными мостами...

Знакомыхъ у Божи въ Петербургѣ не было, а заводить ихъ онъ не хотѣлъ. Сашино отсутствіе онъ переживалъ тяжело и жилъ своей жизнью, ни съ кѣмъ изъ своихъ юнкеровъ не сходясь, отъ воскресенья до воскресенья, когда онъ ходилъ на Петербургскую сторону въ Павловское училище, гдѣ въ юнкерской чайной, за особымъ большимъ столомъ, собирались юнкера-полочане со всѣхъ училищъ. Тамъ они дѣлились впечатлѣніями о новой жизни и вспоминали минувшіе кадетскіе дни...

XVIII.

«Мы знаемъ, — каждый вѣкъ по новому богатъ,
«И каждый мигъ по новому чудесенъ.»

Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ одно изъ октябрьскихъ воскресеній Божа шелъ на Петербургскую Сторону.

Былъ небольшой морозъ. Хлопьями падалъ снѣгъ, обѣщая санный путь, который никакъ не могъ установиться.

Черезъ Лѣтній садъ Божа прошелъ на Неву. Густая снѣжная пелена совершенно скрывала обычное на ней оживленіе, — не было видно ни быстрыхъ, вертлявыхъ финляндскихъ пароходовъ, ни двухъярусныхъ шлиссельбургскихъ и ладожскихъ громадъ, ни погруженныхъ барокъ, ни крошечныхъ яликовъ, обычно пересѣкающихъ Неву по всѣмъ направленіямъ. Гранитные бастіоны Петропавловской крѣпости обрисовались только тогда, когда Божа прошелъ Троицкій мостъ.

Онъ повернулъ на Каменноостровскій и черезъ полчаса входилъ въ вестибюль Павловскаго училища.

Когда онъ вошелъ въ «чайную», онъ остолбенѣлъ отъ неожиданности, — на краю стола, окруженный плотнымъ кольцомъ «своихъ», сидѣлъ Саша оживленный, счастливый, радостный...

Саша бросился къ нему...

Въ это воскресенье полочане сидѣли въ чайной дольше обыкновеннаго, — Саша разсказывалъ свои приключенія...

Послѣ маневровъ, полкъ, въ которомъ онъ служилъ, вернулся въ Вильну на зимнія квартиры.

Въ ротахъ занятія еще не начинались, — «запасные» были уволены и разъѣхались по домамъ, а новобранцы еще не прибывали.

Саша часто бывалъ у бабушки, въ домѣ надъ Виліей, въ которомъ, казалось, ничего не измѣнилось съ дней Сашинаго дѣтства и даже по прежне-

му пахло сухой зубровкой, пряный запахъ которой такъ любятъ въ Бѣлоруссіи и на Литвѣ. Также была разставлена старая мебель, также въ своихъ комнатахъ жила постарѣвшая бабушка, также суетился уже не измѣнявшійся, какъ консервъ, старикъ Никифоръ и только Саша изъ бабушкиныхъ «аппартаментовъ» перебрался въ бывшій отцовскій кабинетъ.

И видъ съ веранды былъ все тотъ-же... По прежнему пароходы, пыхтя и отдуваясь, поднимались въ Верки и саперы переправлялись черезъ рѣку. По прежнему, съ другого берега слышались командныя слова, но уже не драгунъ, а артиллеристовъ... По прежнему мальчишки на дворѣ запускали въ небо «египетскихъ турмановъ»... И только въ сосѣднемъ саду, гдѣ когда-то подъ трели чарующаго соловья цѣловалась влюбленная парочка, теперь молодая дама гуляла съ маленькимъ мальчикомъ и держала другого, грудного, на рукахъ...

Къ Сашиному крушенію бабушка отнеслась эгоистически, — она была счастлива тѣмъ, что онъ оказался при ней, и очень гордилась, когда его сдѣлали ефрейторомъ.

Въ сентябрѣ Сашу по службѣ командировали въ Двинскъ.

Возвращаясь обратно, онъ стоялъ на двинской платформѣ въ ожиданіи своего поѣзда, когда изъ Петербурга къ станціи подлетѣлъ нордъ-экспрессъ.

Изъ него вышли двѣ барышни.

«Какъ хороши эти яблоки», сказала одна барышня другой по французски, проходя мимо яблочной торговки, стоявшей за рѣшеткой, на улицѣ.

«Vous les aurez, mesdemoiselles!», и, прежде, чѣмъ барышни, успѣли опомниться, Саша перепрыгнулъ черезъ рѣшетку.

Поѣздъ далъ свистокъ...

Барышни изъ своего вагона испуганно замахали платками.

Саша съ яблоками вскочилъ въ послѣдній вагонъ. Онъ прошелъ по поѣзду и нашелъ ихъ сидящими въ купэ. Онѣ засмѣялись, затараторили, взяли яблоки...

Вмѣстѣ съ ними въ купэ ѣхалъ какой-то генералъ съ Царскими вензелями на погонахъ офицерской тужурки.

«Должно быть, изъ Государственнаго Совѣта», подумалъ Саша и вытянулся передъ нимъ.

Генералъ посмотрѣлъ на него и ласково кивнулъ головой.

Саша предложилъ ему яблоко.

Генералъ улыбнулся, взялъ яблоко и положилъ его къ себѣ на столикъ.

Сашинъ разсказъ о томъ, какъ онъ на Полотѣ «бралъ на абордажъ еврейскую лодку», привелъ барышень въ неподдѣльный восторгъ.

«Какой вы смѣлый!.. Какой герой!», воскликнула одна изъ нихъ, съ восхищеніемъ смотря на Сашу.

«Но за что васъ такъ наказали? Вы же не хотѣли, чтобы они утонули... совсѣмъ, а только такъ, немного... Это несправедливо!», горячо говорила другая.

Генералъ, во время разсказа, смотрѣлъ въ окно и только изрѣдка поглядывалъ на Сашу.

«Какъ твоя фамилія?», спросилъ онъ его въ концѣ разсказа.

«Князь Минскій».

«Князь Минскій?». Генералъ задумался. «Не твой ли отецъ былъ приволжскимъ губернаторомъ?», спросилъ онъ Сашу.

«Такъ точно».

Генералъ покачалъ головой.

«Мнѣ очень жаль, что у такого достойнаго отца сынъ такой разбойникъ», сказалъ онъ добродушно.

Саша принялъ обиженный видъ.

«Въ русской арміи ефрейторъ не можетъ быть разбойникомъ!».

Генералъ засмѣялся.

«Да, конечно! А какого ты полка?».

«172 пѣхотнаго Лидскаго полка», отвѣтилъ Саша.

Поѣздъ въ это время подходилъ къ виленскому дебаркадеру.

На платформѣ стояло много генераловъ и штатскихъ въ орденахъ и лентахъ, встрѣчавшихъ поѣздъ.

Генералъ, съ которымъ Саша ѣхалъ въ вагонѣ нордъ-экспресса, былъ генералъ-адъютантъ Императора Александра III и военный министръ — Ванновскій.

Черезъ недѣлю, въ Лидскій полкъ, изъ Главнаго Штаба пришла лаконическая телеграмма: «отправить ефрейтора князя Минскаго въ Павловское военное училище, для прохожденія курса».

XIX.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій ѣхалъ въ Крымъ, въ Ливадію, къ Императору Александру III, дни Котораго злымъ Рокомъ, нависшимъ надъ Россіей, были сочтены.

Государь былъ боленъ нефритомъ въ тяжелой формѣ.

Онъ умеръ 20 октября 1894 года и Его смерть сама собою подтвердила, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прочнаго, не исключая славы и могущества, «ибо всякая плоть, какъ трава, и всякая слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава и цвѣтъ ея опалъ» (Посл. Св. Ап. Петра I, 24).

Въ тотъ же день былъ объявленъ манифестъ Императора Николая II о Своемъ восшествіи на престолъ, послѣ смерти Отца. Россія вступила въ новую эру своей политической жизни...

Прошла траурная зима...

Музыка нигдѣ не играла, барабаны не били.

Хотя Божа уже привыкъ къ тому, что сѣверъ рѣзко отдѣляетъ всѣ че-

тыре времени года одинъ отъ другого, но въ Петербургѣ онъ весны не замѣтилъ, — она проявилась въ столицѣ не въ счастьи и радости оживавшей природы, а въ томъ, что морозы незамѣтно смѣнились тепломъ, вмѣсто снѣжныхъ метелей пошли дожди, сани замѣнились дрожками и въ воздухѣ запахло густыми испареніями торцовыхъ мостовыхъ.

Въ началѣ мая Инженерное училище погрузилось у Лѣтняго сада на шлиссельбургскій пароходъ, чтобы ѣхать въ свой лагерь на торфяныя болота Усть-Ижоры.

Проѣзжая Смольный институтъ, юнкерскій оркестръ, по традиціи, сыгралъ «саперную встрѣчу» и юнкера, напрягая всю остроту своего зрѣнія, старались различить на фонѣ зеленѣющаго сада своихъ сестеръ, кузинъ или, просто предметы своей нѣжной страсти, результатъ институтскихъ баловъ.

Прошло лѣто и наступила осень.

Подъ Ямбургомъ были назначены большіе маневры.

Петербургскіе саперы спѣшно строили мосты черезъ Лугу, для армейскихъ корпусовъ, наступавшихъ на гвардію, защищавшую Нарву.

На маневры пріѣхалъ Государь, — Императорскій поѣздъ стоялъ на ямбургскихъ запасныхъ путяхъ.

Божа ночью дежурилъ на мосту и, смѣнившись утромъ, задумчиво шелъ на юнкерскій бивакъ, расположенный тутъ-же, недалеко отъ рѣки, въ березовомъ перелѣскѣ.

Выйдя на небольшую лѣсную поляну Божа прямо передъ собой увидѣлъ Государя. Отъ неожиданности онъ опѣшилъ и не сразу повѣрилъ своимъ глазамъ.

Но нѣтъ, — это былъ Онъ!

Государь стоялъ въ нерѣшительности у развѣтвленія лѣсныхъ тропинокъ и разговаривалъ съ какимъ-то морякомъ.

Въ этомъ морякѣ Божа узналъ Королевича Георгія Греческаго.

«А вотъ мы сейчасъ спросимъ», сказалъ Королевичу Государь, замѣтивъ Божу и, знакомъ руки, подозвалъ его къ Себѣ. Божа въ волненіи подбѣжалъ и замеръ.

Государь взглянулъ на Божу своими прекрасными лучистыми глазами, какъ бы освѣтивъ его душу, и поздоровался съ нимъ.

«Здравія желаю, Ваше Императорское Величество!», звонко отвѣтилъ Божа по уставу.

«Гдѣ тутъ у рѣки стоитъ большой бѣлый крестъ?», мягко спросилъ его Государь. «Онъ на небольшомъ холмѣ»... дополнилъ Онъ, задумчиво.

Божа съ рѣки, среди зелени кустовъ, видѣлъ этотъ бѣлый крестъ и указалъ Государю тропу къ нему.

«Вотъ видишь», обернулся Государь къ Королевичу, «я былъ правъ!.. Но тутъ было поле, а теперь роща. Я командовалъ тогда гусарскимъ эскадрономъ и тогда тоже были маневры... Мы переправлялись вплавь черезъ Лугу и одинъ Мой гусаръ утонулъ, — его въ водѣ ударила лошадь... Мнѣ его было такъ жаль!», и въ голосѣ Государя послышалась нѣжная сердечная

нота. «Это былъ такой славный солдатъ... Кіевскій крестьянинъ. Его тутъ-же на горкѣ и похоронили!»...

Что дальше говорилъ Государь, Божа не слышалъ, — лѣсная чаща скрыла Государя отъ его восторженныхъ взоровъ и онъ еще долго стоялъ на полянѣ, какъ зачарованный, и смотрѣлъ по направленію скрывшагося видѣнія...

XX.

Послѣ маневровъ юнкеровъ отпустили домой на двѣ недѣли.

Божа собирался ѣхать въ Сербію, но короткій отпускъ ему этого сдѣлать не позволилъ, и онъ, вмѣстѣ съ Сашей, поѣхалъ въ «Глубокое», гдѣ ихъ ожидали бабушка съ Никифоромъ, матушка Піама съ ея изумительными грибными пирогами и охота на тетеревовъ по кустарникамъ и срубленному лѣсу.

Божа вышелъ изъ усадьбы, когда только занималась заря.

Легко ступая въ лаптяхъ по дорогѣ, онъ миновалъ деревню и прошелъ знакомыми узкими межами въ лѣсъ...

Чувствовалось, что солнце уже взошло...

Туманъ медленно расходился, закрывая вершины сосенъ, и лѣсъ казался какимъ-то особенно высокимъ, гигантскимъ.

Роса увлажала траву.

Собака покорно бѣжала рядомъ, все время умильно поглядывая на Божу, ожидая, когда онъ, наконецъ, спуститъ ее съ цѣпочки на свободу. Пахло лѣсной сыростью и отцвѣтающимъ папоротникомъ.

Начинался день!..

Божа прошелъ краемъ лѣса на тѣ дальнія «дѣлянки», съ которыхъ онъ съ Сашей, когда-то, возилъ съ крестьянами бревна на берегъ Днѣпра. Онѣ теперь поросли мелкимъ березнякомъ, осиной и вязомъ, а также нѣжными липовыми побѣгами, которые крестьяне браконьерски обдирали себѣ на лыки, для лаптей.

По опушкѣ этихъ дѣлянокъ, въ густыхъ кустахъ ежевики и въ высокомъ камышѣ съ сѣрыми метелками, подъ которымъ розовѣла еще несозрѣвшая брусника, держались тетеревиные выводки.

Выйдя на опушку, Божа спустилъ собаку.

Она весело затрещала по сухой травѣ и скрылась въ зарosляхъ, откуда сейчасъ-же съ шумомъ поднялся тяжелый осенній тетеревъ.

Божа торопливо навелъ ружье и выстрѣлилъ, но промахнулся.

Онъ далъ дублетъ.

Тетеревъ тяжело запрокинулся и, теряя перья, какъ камень, упалъ въ траву. Собака его нашла и, повизгивая отъ удовольствія, принесла, и снова убѣжала въ кустарникъ.

Божа вышелъ на просѣку.

Онъ сѣлъ за можжевеловый кустъ, у котораго нѣсколько дней тому на-

задъ «взялъ» старуху-тетерку, и сталъ «вабить» молодыхъ, т. е. посвистывать въ деревянную дудочку, искусно подражая тетеревиному посвистыванію, на которое, сначала нерѣшительно, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй, стали отвѣчать, а потомъ прилетать молодые тетерева.

Божа изъ этого выводка убилъ двухъ и, какъ дальше ни вабилъ, остальные, какъ будто понимая обманъ, не прилетали.

Его настойчивость не привела ни къ чему и онъ съ досадой выбрался изъ за своего можжевеловаго куста, осмотрѣлся и, размявъ ноги, затекшія отъ долгаго и неудобнаго положенія, рѣшилъ выйти на большую дорогу и боромъ вернуться домой.

Солнце уже поднялось высоко и косыми лучами освѣщало красные стволы прямыхъ, какъ стрѣла, мачтовыхъ сосенъ, когда Божа вошелъ въ боръ.

Собака отбѣжала отъ него, увязавшись за зайцемъ, недовольная тѣмъ, что приходится идти чистымъ боромъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ сосновыхъ шишекъ, мха и грибовъ и даже не пахнетъ дичью, и ея отрывистый лай слышался гдѣ-то далеко у днѣпровскаго берега, то замирая, то снова возобновляясь, когда она видѣла зайца и шла «по зрячему слѣду».

Божа вышелъ къ ручью, служившему границей княжескаго и крестьянскаго лѣса.

На лужайкѣ, по долинѣ, стоялъ цыганскій таборъ. Стояло нѣсколько крытыхъ высокихъ повозокъ, оглоблями вверхъ, тутъ-же паслись стреноженныя лошади, горѣли костры, распространявшіе вокругъ себя, вмѣстѣ съ дымомъ, острый запахъ смолы, копошились полуголыя дѣти и всюду шныряли собаки.

Прямо передъ собой Божа увидѣлъ старуху-цыганку съ вязанкой валежника за спиной. Черезъ ея плечо былъ повязанъ пестрый платокъ, — цыганская «персидская шаль», и ея морщинистую шею и грудь прикрывали ряды разноцвѣтныхъ и яркихъ бусъ. Ея поблекшее темное лицо было озабочено. Она искала по берегу ручья удобнаго перехода и не находила его, — съ дровами перейти было трудно.

«Что? Не можешь перебраться?», спросилъ ее Божа, подходя къ ручью.

«Не могу, милый баринъ... Никакъ не могу... Сюда перешла, а назадъ не могу. Вишь, какъ кипитъ! И глубоко, — воды много! И съ дровами боязно»... быстро затараторила цыганка.

Божа легко перепрыгивая съ камня на камень, перенесъ ей дрова на другой берегъ. Цыганка перешла за нимъ, разсыпаясь въ пожеланіяхъ.

Прибѣжала, тяжело дыша, Божина собака и бросилась лакать холодную воду.

«Ау!.. Ау!..», услышалъ Божа невдалекѣ веселое ауканье и затѣмъ заразительный смѣхъ.

«Машенька!», догадался Божа, ощутивъ въ душѣ радостное волненіе. «Но гдѣ?». Онъ осмотрѣлся кругомъ, но ея нигдѣ не было видно.

«Что за чудо!».

«Ау!.. Божа!», донесся до него новый взрывъ ея звонкаго смѣха.

Собака ничего не понимала, — она кидалась по сторонамъ, безпокойно нюхала воздухъ, и была въ недоумѣніи, пока не остановилась подъ дикой яблоней.

Поднявъ кверху морду, она залилась неистовымъ лаемъ, — тамъ, на деревѣ, она увидѣла Машеньку.

Машенька была въ томъ переходномъ возрастѣ, когда въ дѣвочкѣ просыпается женщина, и въ этой женщинѣ осталось много дѣтства. Она одновременно могла играть въ куклы и увлекаться и плакать надъ романами Тургенева и Толстого.

«Какъ ты сюда попала?», засмѣялся Божа, подходя къ ней.

«Куда? На яблоню?», весело спросила Машенька.

«Нѣтъ, — въ лѣсъ».

«Я съ мамой грибы собирала».

«И осталась въ лѣсу?».

«Да... А теперь берегись!», и Машенька съ хохотомъ засыпала Божу градомъ яблочныхъ дичковъ. Божа съ трудомъ успѣвалъ увертываться отъ нихъ.

Машенька, ловко перебираясь съ вѣтки на вѣтку, соскочила на землю.

«А я, Божа, видѣла, какъ ты старой цыганкѣ помогъ дрова перенести», неожиданно призналась она. «Ты такой чудный, такой хорошій, — тебя всѣ любятъ!»...

«А ты? Любишь?», полушутя, полусерьезно спросилъ ее Божа.

Машенька зардѣлась... Сердце ея учащенно забилось... Она взглянула на Божу своими большими сѣрыми глазами...

Божа съ волненіемъ наклонился къ ней.

«Скажи, — а ты?», повторилъ онъ рѣшительно.

«И я!»... прошептала Машенька.

Подъ дикой яблоней прозвучалъ поцѣлуй, первый поцѣлуй любви, — стыдливый, нѣжный, неизвѣданный...

XXI.

Саша «караулилъ» медвѣдя...

Онъ еще съ вечера облюбовалъ себѣ удобное мѣсто на краю сжатаго овсяного поля, у самой просѣки, на старой корявой ивѣ, съ которой было хорошо видно и поле, и часть прилегающаго лѣса, откуда лѣтомъ приходили медвѣди, чтобы сосать молодые овсяные колосья.

Старый лѣсникъ, съ темнотой, проводилъ Сашу черезъ буреломъ на его мѣсто и, сказавъ, что пойдетъ на другой край поля, пошелъ спать домой, въ сторожку.

Ночь была темная, прохладная...

Мѣсяцъ былъ на исходѣ и его изогнутый рогъ покрывали черныя облака. Только изъ за лѣса, рѣзко отдѣляясь отъ тучъ, свѣтилось звѣздное, глубокое небо.

Впередъ Сашѣ было хорошо видно, — жнивье уходило далеко въ даль и только у лѣса сливалось въ непроницаемый мракъ.

Съ боковъ его окружали стѣны боярышника и кустовъ.

Ничто не нарушало тишины ночи... Только рѣдко, рѣдко зашуршитъ какъ-будто безъ причины, кустарникъ, зашумитъ вершинами лѣсъ, ночница пролетитъ съ пронзительнымъ крикомъ или гдѣ-то заплачетъ сова...

При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ у Саши сильнѣе напрягался слухъ, обострялось зрѣніе и руки невольно сильнѣе сжимали винчестерскій карабинъ.

Прошла полночь...

Небо очистилось отъ тучъ и открылись звѣзды. Золотистый мѣсяцъ мягко освѣтилъ все овсяное поле и рельефнѣе отдѣлилъ отъ него темную полосу лѣса. Саша усталъ отъ напряженнаго ожиданія. Онъ все чаще и чаще высовывался изъ старой ивы и съ напряженіемъ всматривался въ сѣрую пелену.

Стало прохватывать сыростью.

Саша плотнѣе закутался въ зипунъ.

Клонило ко сну...

На горизонтѣ, розовой полоской обозначался разсвѣтъ...

«Вотъ, только даромъ прождалъ медвѣдя всю ночь!», досадовалъ на себя Саша, неторопливо слѣзая съ дерева, «спалъ-бы дома, а потомъ пошелъ бы съ Божей на тетеревей»...

Онъ поежился въ зипунѣ, прилегъ подъ деревомъ и съ наслажденіемъ вытянулся на увядшемъ папоротникѣ, стараясь не думать о неудачѣ. Въ зипунѣ было уютно и тепло. Надъ парной землей поднимался серебристый туманъ. Въ сторожкѣ лѣсника закричалъ пѣтухъ и ему дружно отозвались другіе изъ деревни...

Стало свѣтло...

Неожиданно, Саша почувствовалъ у себя на щекѣ какую-то странную теплоту, какъ отъ дыханья...

Онъ нехотя пріоткрылъ одинъ глазъ...

Сонъ сразу соскочилъ съ него... Что-то оборвалось у него въ сердцѣ, — большая, косматая, бурая морда, тяжело отдуваясь, тыкалась внутрь зипуна.

Первою мыслью Саши было — бѣжать, но онъ сразу овладѣлъ собой: бѣжать было безуміемъ и онъ рѣшилъ не подавать никакихъ признаковъ жизни...

Медвѣдь, между тѣмъ, забавляясь, перекатилъ его по землѣ, обнюхалъ лежавшій рядомъ карабинъ, еще разъ ткнулъ Сашу мордой въ голову и, безцеремонно наступивъ на него лапой, отъ чего у Саши потомъ два дня болѣла спина, ушелъ въ лѣсъ.

Только слышался трескъ ломаемыхъ сучьевъ.

Саша вскочилъ и со злобой сжалъ кулаки...

«Проморгалъ! Проворонилъ! Проспалъ!», твердилъ онъ съ отчаяніемъ въ то время, когда медвѣдь уходилъ все дальше и дальше въ непроходимыя дебри приднѣпровскихъ лѣсовъ. О томъ, что медвѣдь могъ его разорвать, онъ уже не думалъ...

Д. Сверчковъ.

Нашъ долгъ — донести славное историческое прошлое нашихъ частей до священныхъ россійскихъ предѣловъ...

Военно-историческій Архивъ Гвардіи, Арміи и Флота

Нашъ полкъ, — завѣтное, чарующее слово...
К. Р.

Уже скоро будетъ 15 лѣтъ, какъ наша старая **Императорская** Армія, съ отреченіемъ **Государя Императора Николая II-го** отъ Престола, перестала существовать, какъ вооруженная сила.

Много героическихъ подвиговъ было совершено ею на многочисленныхъ поляхъ минувшихъ сраженій, на своихъ фронтахъ и заграницей, но далеко не всѣ эти подвиги получили историческую извѣстность въ назиданіе потомству.

Изданныя заграницей историческія изслѣдованія, ввиду грандіозности борьбы, касаются ихъ лишь въ стратегическомъ отношеніи, въ которомъ тонутъ многочисленныя дѣйствія отдѣльныхъ частей, покрывшихъ славой свои знамена!...

«Военно Историческій Архивъ» восполнить этотъ пробѣлъ и сохранитъ тактическій матеріалъ нашихъ частей, сохранитъ и бытовой матеріалъ ихъ походной жизни, сохранитъ эпизоды и выдающіеся подвиги отдѣльныхъ лицъ и т. д., и т. д., т. е. все то, что имѣетъ высокую историческую цѣнность, и донесетъ все это какъ драгоцѣнную сокровищницу, до священныхъ россійскихъ предѣловъ!...

«Военно - Историческія Архивъ» будетъ издаваться какъ вполнѣ самостоятельный органъ, при газетѣ «Русскій Инвалидъ», **подъ общей редакціей Проф. Ген.-Лейт. Н. Н. Головина** и при непосредственномъ сотрудничествѣ ген. шт. **Ген.-Лейт. Н. Н. Алексѣева** и **Полк. Д. И. Сверчкова** и будетъ выходить по мѣрѣ поступленія матеріала отъ воинскихъ организацій и отдѣльныхъ лицъ.

Стоимость предоставляемаго для напечатанія матеріала опредѣляется типографской **стоимостью одной большой печатной страницы** (около 2.500 печат. знаковъ) **въ 30 фр.;** фотографіи и схемы оплачиваются по дѣйствительной стоимости клише.

На расходы по экспедиціи, почтовые и канцелярскіе, въ дополненіе къ стоимости печатанія матеріала, устанавливается взносъ въ размѣрѣ 5 фр. на каждый присланный матеріалъ.

При этомъ владѣльцы рукописей получатъ для себя количество экземпляровъ «Архива» соотвѣтственно внесенной постраничной суммѣ, раздѣленной на три (напр. внесенные за 5 страницъ 150 фр. даютъ право на полученіе 50 экземпляровъ), т. е. одинъ экземпляръ въ 32 страницы съ обложкой будетъ стоитъ 3 франка.

Рукописи будутъ возвращены.

Кромѣ того, всѣ номера «Архива» будутъ передаваться въ военный отдѣлъ Французской Національной Библіотеки **на вѣчное храненіе** и въ Русскій Заграничный Историческій Архивъ въ Прагѣ.

Адресъ Редакціи: Svertchkoff. 13, Rue Pascal. Paris 5.

Принимается подписка на « ВѢСТНИКЪ »
Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза :
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7e).

Le gérant : M. Boivent.

IMP. «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

№ 11

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Изъ жизни Союза. 2. **Проф. Н. В. Краинскій.** Психика и техника. 3. **В. Голенищевъ-Кутузовъ.** Послѣдняя Свѣтлая заутреня въ Зимнемъ Дворцѣ въ присутствіи Государя Императора Николая II. 4. **В. Пентушевскій.** «Подайте имъ!». 5. **А. Акаро.** Вмѣсто Альберта — Альбрехтъ. 6. **Димитрій Сверчковъ.** Божидаръ Зоричъ, романъ (продолженіе).

Изъ жизни Союза

Канцелярія Союза: Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sèvres Paris, (станція метро: Севръ Бабилонъ или Севръ) открыта: по воскресеньямъ отъ 2-хъ до 4-хъ час.; вторникамъ и пятницамъ отъ 4-хъ до 6-ти час. и средамъ отъ 6-ти до 8-ми час. При всѣхъ письменныхъ обращеніяхъ въ канцелярію слѣдуетъ указывать свой чинъ, фамилію, номеръ членской карточки, годъ ея выдачи и адресъ. Предсѣдатель Союза проситъ всю корреспонденцію адресовать на Канц. Союза; при желаніи сохранить конфиденціальность писать «въ собственныя руки Предсѣдателя Союза».

ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКИХЪ КАРТОЧЕКЪ НА 1932 Г.

Производится въ пріемные дни и часы въ канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія, 15 франковъ. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинамъ не могущіе перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу: Union des Officiers Russes, 35, rue de Sèvres, Paris (VI) со вложеніемъ членскаго взноса и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. Въ простыхъ письмахъ ни денегъ, ни старыхъ карточекъ просятъ не посылать.

Члены Союза, просрочившіе свои членскіе взносы за прошлые годы, должны при перемѣнѣ членской карточки уплатить за старые годы. Въ случаѣ желанія разсрочить эти платежи, надлежитъ обратиться съ ходатайствомъ къ Предсѣдателю Союза.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЧЛЕНАМЪ СОЮЗА

Оказывается юрисконсультомъ Союза присяжнымъ повѣреннымъ *Павломъ Алексѣевичемъ Соколовымъ*. Пріемъ отъ 3 до 6 час., кромѣ субботъ и праздниковъ или sur rendez-vous, 10, rue Frochot, Paris (IX).

ЗАПИСЬ ВЪ СОЮЗЪ

Г. г. офицеры, желающіе записаться въ Союзъ, должны представить въ канцелярію свои офицерскіе документы, послѣ чего, заполнивъ опросный листъ, вернуть его въ канцелярію съ рекомендательными подписями

2-хъ членовъ Союза, состоящихъ въ немъ не менѣе 1 года, съ указаніемъ номеровъ ихъ членскихъ карточекъ и года выдачи, 15 фр. годового членскаго взноса, 2-хъ фотографій, а иногородніе, кромѣ того, и конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. По разсмотрѣніи опроснаго листа Пріемной Комиссіей и зачисленіи въ Союзъ выдается или высылается членская карточка, на которую наклеивается фотографическая карточка, проштемпелеванная печатью Союза.

Кромѣ указаннаго членскаго взноса, согласно постановленія Общихъ Собраній членамъ Союза предлагается вносить: 1) на койку для туберкулезныхъ членовъ Союза Имени Государя Императора Николая II-го и 2) на домъ отдыха для престарѣлыхъ членовъ Союза, по 5 фр. въ годъ

КОЙКА СОЮЗА ИМЕНИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ЕГО АВГУСТѢЙШЕЙ СЕМЬИ, ДЛЯ ТУБЕРКУЛЕЗНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

Нуждающіеся члены Союза для зачисленія въ списокъ кандидатовъ на койку должны подать объ этомъ рапортъ Предсѣдателю Союза съ сообщеніемъ о состояніи болѣзни и ея началѣ, такъ какъ больные въ застарѣлой формѣ на койку не принимаются.

КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ СОЮЗА

Дѣйствуетъ по уставу, схожему съ положеніемъ объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ. Для полученія права на ссуду требуется состояніе въ Кассѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ. При записи членомъ Кассы уплачивается единовременный вступительный взносъ 2 фр. Половина вступительнаго и всѣ ежемѣсячные взносы составляютъ собственность участника Кассы, заносятся на его личный счетъ и при выбытіи подлежатъ возврату.

ДОМЪ ОТДЫХА РОССІЙСКАГО КРАСНАГО КРЕСТА ВЪ НИЦЦѢ

Члены Союза, желающіе быть устроенными въ Домѣ Отдыха въ Ниццѣ, должны заблаговременно обратиться въ Союзъ съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ и указаніемъ точнаго срока предполагаемаго пребыванія. Правленіемъ Союза будетъ возбуждено ходатайство передъ администраціей Дома и желѣзной дороги для проѣзда по половинному тарифу туда и обратно. Плата за полное содержаніе въ Домѣ 125 фр. въ недѣлю.

ГОДОВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ СОЮЗА

Состоится въ воскресенье 29-го мая 1932 г. въ 14 ч. 30 м. дня въ помѣщеніи Союза.

Психика и техника

1.

Одна изъ современныхъ темъ военной науки есть соотношеніе психическихъ и техническихъ силъ въ военномъ дѣлѣ, при чемъ преобладаютъ два крайнихъ мнѣнія. Одни, опираясь на авторитетъ Суворова и Наполеона, придаютъ главное значеніе духу арміи, т. е. психическому фактору, — другіе, отмѣчая колоссальное развитіе техники, думаютъ, что въ будущей войнѣ она будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Два другихъ, необходимыхъ для войны фактора, суть матерьяльная возможность вести войну, т. е. деньги и количественный составъ дѣйствующей арміи.

Психика людей и войска стара, какъ міръ. Въ ней не констатируется новыхъ формъ и эволюціи, въ смыслѣ усложненія. Техника, наоборотъ, бѣшено прогрессируетъ и непрерывно принимаетъ новыя формы. Что бы ни изобрѣлъ человѣческій геній, все находитъ прежде всего примѣненіе въ военномъ дѣлѣ съ цѣлью уничтоженія врага и самозащиты государства. Съ усовершенствованіемъ аэронавтики и примѣненіемъ газовъ открываются новыя перспективы военныхъ операцій и необузданная фантазія обывателя, подогрѣваемая заявленіями спеціалистовъ, сулитъ въ будущей войнѣ ужасы всеуничтоженія мирнаго населенія и гибель богатствъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія будущая ближайшая война рисуется въ страшныхъ краскахъ.

Война на уничтоженіе не только непріятельской арміи, но и мирнаго населенія, не представляетъ собою ничего новаго: это форма войны древности, когда мирное населеніе вырѣзывалось и угонялось въ рабство. Эта форма войны можетъ возобновиться въ согласіи съ псевдо-демократической идеологіей, которой совершенно чужда военная мораль, честь и доблесть. Но осуществленіе такого всеуничтоженія, даже при наличіи доведенной до полной высоты техники, не такъ легко.

Физическая сила арміи зависитъ отъ количества бойцовъ и техники, а техника зависитъ отъ денегъ. Физическая сила суммируется простымъ сложеніемъ и подчинена тройному правилу; вдвое болѣе многочисленное войско *можетъ быть* физически вдвое сильнѣе. Высота техники уже не поддается учету тройнымъ правиломъ: сила технически снабженной части можетъ расти въ геометрической прогрессіи, по отношенію къ количеству бойцовъ. Главную роль здѣсь играетъ качество технической машины.

Теоретически возможно изобрѣсти машину для уничтоженія человѣчества и укрѣпленныхъ сооруженій въ любомъ масштабѣ дѣйствія. Артиллерійская стрѣльба по площадямъ уже забрасывала огромныя пространства, теоретически уничтожая на нихъ все живое. Но по переходѣ въ наступленіе атакующій встрѣчалъ вылѣзшихъ изъ своихъ норъ защитниковъ и бывалъ отбитъ. Газы и лучи въ теоріи могутъ охватить громадные участки земной поверхности. Но, практически, всему этому всеуничтожающему дѣйствію имѣется предѣлъ, основа которому лежитъ въ трехъ главныхъ факторахъ. На первомъ планѣ стоитъ дороговизна всякой машины и технической операціи, т. е. факторъ матеріальный и экономическій. Машинное уничтоженіе людей, какъ показалъ опытъ послѣднихъ войнъ, стоитъ дорого и не окупаетъ затратъ.

Второй факторъ — техническая организація. Чѣмъ дѣйствительнѣе машина, тѣмъ она сложнѣе, тѣмъ больше вспомогательныхъ средствъ и матерьяловъ она требуетъ. Ни одна машина не работаетъ самостоятельно. Нужны запасныя части, смазочные и другіе питательные матеріалы и потому она всецѣло зависитъ отъ организаціи сообщенія и снабженія, т. е. отъ функціи весьма сложныхъ и дорогихъ аппаратовъ тыла, которые должны работать безъ перебоевъ.

Милитаризація тыла, которая явится необходимою въ будущей войнѣ, помимо своей сложности, можетъ дать результаты только при полномъ политическомъ и соціальномъ равновѣсіи и порядкѣ въ странѣ. Революціонные перебои ее подрываютъ и обезсиливаютъ.

Третій и самый важный факторъ психическій — индивидуальный и коллективный. Машиною управляетъ психика человѣка, а эта психика въ бою совершенно иная чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Но и психика всего организованнаго коллектива арміи и тыла имѣетъ рѣшающее вліяніе на функцію техническаго аппарата на фронтѣ. Малѣйшая дезорганизація, безпорядокъ и психическая смута въ тылу выводятъ машину изъ строя непоправимо.

Эти главные и множество второстепенныхъ факторовъ опредѣляютъ *коеффиціентъ полезнаго дѣйствія технической машины на полѣ боя.* Его изслѣдованіе и измѣреніе и составляютъ одну изъ главныхъ задачъ военной психологіи.

Машиной управляетъ психика бойца. Всякая техника подчинена психикѣ и отъ нея зависитъ. Въ зависимости отъ переживаній бойца коеффиціентъ полезнаго дѣйствія не только сложныхъ боевыхъ машинъ, но и самаго простого оружія низводится до минимума и можетъ быть анулированъ полностью. Психика индивидуальнаго бойца всегда связана съ психикой организованнаго коллектива боевой части и всей арміи, а слѣдовательно боевая машина можетъ функціонировать съ максимальнымъ коеффиціентомъ полезнаго дѣйствія лишь въ идеальныхъ условіяхъ порядка, организаціи и здороваго духа арміи, которые на практикѣ никогда полностью не осуществляются.

Какъ бы ни была совершенна боевая машина, коеффиціентъ ея полезнаго дѣйствія на полѣ сраженія ничтоженъ, а психическія вліянія могутъ полностью опрокинуть всѣ теоретическіе расчеты.

Эволюція боевой техники идетъ не только параллельно съ ея дороговизною, но послѣдняя растетъ въ геометрической прогрессіи по отношенію къ технической сложности машины. Ни одно государство не обладаетъ полностью всѣмъ матеріаломъ и частями боевыхъ машинъ. Часто приходится пользоваться приборами изготовленными врагомъ, противъ котораго сражаются.

При прочихъ равныхъ условіяхъ техническій перевѣсъ, конечно, является рѣшающимъ факторомъ, игнорировать который въ пользу психики совершенно невозможно. Но этотъ перевѣсъ можетъ быть анулированъ воздѣйствіемъ психическихъ факторовъ въ формѣ деморализаціи и разложенія врага, къ чему и прибѣгали обѣ стороны во время послѣднихъ войнъ.

Въ военномъ дѣлѣ мы будемъ встрѣчать взаимодѣйствіе четырехъ главныхъ факторовъ: численнаго состава войскъ, ихъ психическаго состоянія, высоты техники и экономической мощи. Военно-начальникъ долженъ владѣть управленіемъ не только организованными войсками, но и бездушными машинами черезъ посредство психики бойцовъ.

2.

Основною проблемою военной психологіи является *изученіе духа арміи,* изслѣдованіе его созданія, способовъ поддержанія и механизма его разложенія. Эти задачи еще далеки отъ своего разрѣшенія.

Психическая сила арміи, ея боевой духъ складываются по совершенно инымъ законамъ, чѣмъ сила физическая. Психика не подчинена тройному правилу. Душевныя способности, какъ умъ, талантъ, военный геній, храбрость, доблесть, честь и честолюбіе не суммируются арифметически, даже не усиливаютъ другъ друга.

Дѣйствующая армія есть организованный коллективъ, всецѣло подчиненный личности командующихъ въ іерархическомъ порядкѣ. Онъ подчиненъ законамъ коллективной психологіи, но онъ одухотворяется личною психикою командира. По скольку дѣло касается строя, маневра и боевыхъ операцій, психика индивидуальнаго бойца ограничена въ своихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ дисциплиною до крайности и всецѣло подчинена начальнику. Но поскольку рѣчь идетъ о «духѣ» боевой части, или «духѣ арміи», а особенно современной народной или милиціонной арміи, мы сталкиваемся со многими факторами и вліяніями *стоящими внѣ арміи* и простирающими на нее свои воздѣйствія изъ психики народа составляющаго воюющее государство. Въ арміи отражаются всѣ вѣянія общественнаго мнѣнія, вѣрованій и чаяній народныхъ массъ и особенно культурныхъ слоевъ общества.

Опытъ военной исторіи показываетъ, что при достаточномъ числѣ бойцовъ и при высокомъ техническомъ снабженіи воинская часть можетъ полностью потерять свою боеспособность только подъ вліяніемъ утраты своего боевого духа. Военноначальники изъ опыта знаютъ, что иногда легко его возстановить, выведя, напр., переутомленную часть изъ сферы огня и давъ ей отдыхъ.

Факторы и психическіе элементы составляющіе духъ арміи весьма многочисленны, сложны и неполно изучены. Опытный военноначальникъ практически и безсознательно лучше взвѣшиваетъ духъ своей части, чѣмъ это можетъ сдѣлать объективно научно образованный военный психологъ.

Суть воинской дисциплины въ строю сводится къ полному торможенію личныхъ волевыхъ дѣйствій, къ выполненію однообразныхъ приказываемыхъ поступковъ, которые точно зарегистрированы воинскимъ уставомъ. Въ бою требуется полное подавленіе личныхъ защитительныхъ реакцій, типа отрицательнаго такта, т. е. влеченія назадъ изъ сферы опасности, всегда свойственнаго психикѣ. По командѣ боецъ долженъ выйти изъ прикрытія и идти въ атаку несмотря на угрозу вѣрной смерти. Инстинктъ самосохраненія можетъ быть преоборенъ только абсолютною необходимостью, а не добровольнымъ подчиненіемъ. Поэтому военные законы всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ противоставляютъ возможности смерти спереди, вѣрную смерть сзади опредѣляемую смертной казнью.

Вопросъ о сознательности и интеллигентности бойца усиленно дебатировался въ русскомъ обществѣ во время японской войны. Утверждали, что боевой успѣхъ зависитъ отъ этихъ качествъ бойца. Опытъ военной исторіи, однако, показываетъ, что индивидуальная культурность для рядового бойца не имѣетъ цѣнности и что дикіе народы даютъ превосходныхъ бойцовъ. Интеллигентность бойца получаетъ значеніе съ введеніемъ техники, но здѣсь «сознательность» часто связывается съ крайней склонностью къ критицизму и политической неустойчивости, почему техническія войска легко поддаются разложенію и труднѣе подчиняются дисциплинѣ.

Государство и власть должны быть достаточно сильны для осуществленія принужденія. Отъ бойца не требуется добровольнаго согласія на выполненіе долга.

Если бы бойцамъ было предоставлено путемъ голосованія рѣшать вопросъ о необходимости сражаться за поставленную цѣль, война стала бы невозможною, что и показалъ опытъ арміи временъ Керенскаго.

Основной законъ войны не требуетъ отъ бойца согласія на участіе въ войнѣ и ея одобренія: онъ *долженъ* идти въ бой и умирать по требованію государства. Фактически никто изъ бойцовъ не знаетъ мотивовъ войны, они бываютъ очень сложны, и спорны. Въ древніе и средніе вѣка объ этомъ не разсуждали. Но въ послѣднихъ войнахъ обоснованіе войны выдвигается не только въ общественномъ мнѣніи, но и прививается и самимъ бойцамъ. Оно формулируется въ короткихъ формулахъ и лозунгахъ и опре-

дѣляетъ «популярность или непопулярность» войны. Даже организованнымъ массамъ недоступны разсужденія, а потому имъ даются лишь короткіе лозунги, которые воспринимаются не мышленіемъ, а вѣрованіемъ и прививаются путемъ внушенія. Такіе лозунги имѣетъ каждая армія и каждая война. Они должны быть кратки и конкретны, выразительны и не касаться подробно мотивовъ войны, ясно формулируя идеологію: «за Вѣру, Царя и Отечество», «за свободу», «смерть буржуямъ», «грабь награбленное». Обсужденіе въ рядахъ арміи обоснованности войны ведетъ къ разложенію ея духа. На поляхъ дѣйствій армія объ этомъ разсуждать не можетъ и не должна, ибо все слабое духомъ, трусливое отзывается на критику, порицаніе и пацифизмъ.

Военная психологія показываетъ, что трусость легко воспринимаетъ либеральное, оппозиціонное и пацифическое резонерство, заражающее массы и ослабляющее ихъ боеспособность. Армія должна принять войну, какъ фактъ. Она должна удовлетворяться своими лозунгами и слѣпо подчиняться дисциплинѣ.

Въ формированіи духа современныхъ мобилизованныхъ армій идеологія данной войны и общественное мнѣніе страны, обычно искусственно создаваемое, играетъ большую роль. Этимъ путемъ создается тотъ подъемъ и экстазъ, который нормально сопровождаетъ объявленіе войны и выносится приговоръ о ея популярности. Это общее мнѣніе прививается путемъ внушенія и психической заразы, а не свободнаго обсужденія и суммированія индивидуальныхъ умозаключеній. На него вліяютъ политическія теченія и борьба партій. Приговоръ можетъ быть справедливъ и ошибоченъ. Всякое правительство въ моментъ объявленія войны старается оправдать и обосновать ея неизбѣжность, но не можетъ поднести народу точную ея мотивировку.

Каждый солдатъ приноситъ съ собою свою идеологію обоснованія войны. Огромное большинство идетъ на войну принудительно, и инстинктивно и безсознательно противится войнѣ. Объективно это выражается въ колоссальныхъ размѣрахъ уклоненія и дезертирства въ современныхъ арміяхъ.

Идеологія данной войны имѣетъ свои корни внѣ арміи, въ общественномъ мнѣніи страны. Она разжигается политическими партіями и прессою. Одобреніе или неодобреніе внѣшнимъ образомъ выражается въ патріотическихъ манифестаціяхъ, призывѣ добровольцевъ, пожертвованіяхъ, попеченіи о раненыхъ.

Общее настроеніе, особенно экстазъ подъема первыхъ дней войны, торжественные проводы создаютъ настроеніе дѣйствующей арміи, которая вдохновляется общественнымъ мнѣніемъ страны и лозунгами войны.

Духъ арміи такимъ образомъ тѣсно связанъ и опредѣляется идеологіей и настроеніемъ общества. Онъ остается неразрывно связанъ съ настроеніями на родинѣ, ибо современная армія не изолирована отъ общества и связана съ нимъ прессой, корреспонденціей и непрерывнымъ об-

мѣномъ эвакуированныхъ и вновь возвращающихся въ армію раненыхъ и отпускныхъ.

Военноначальникъ долженъ хорошо знать, какъ формируется и распространяется общее мнѣніе въ арміи, чтобы во время бороться съ пропагандой и деморализаціей. Помимо цензуры прессы практикуется цензура писемъ, вообще мало достигающая цѣли. Существуетъ психическій телеграфъ, съ удивительною быстротою распространяющій слухи, легенды, сплетни, критику и клевету. Особенно чувствительны къ этому интеллигентные слои арміи. Въ бесѣдахъ на бивакахъ, и чѣмъ дальше въ тылъ тѣмъ больше, идетъ растлѣвающая воинскій духъ критика, порицаніе и ругань начальниковъ, внушая недовольство.

Какъ правило, чѣмъ трусливѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ критикуетъ, тѣмъ либеральнѣе его рѣчи. Онъ становится антимилитаристомъ, пафицистомъ, и когда наступитъ деморализація общества и арміи, пораженцемъ. Искусственно подрывается духъ арміи пропагандой.

Въ созданіи духа арміи играютъ громадную роль традиціи офицерства, ихъ воинское воспитаніе, военная исторія, культъ военной доблести, славы подвига и военнаго долга. Онъ поддерживается декоративностью, физіогномикой и символикой арміи, дисциплиной и строемъ.

Политика для арміи — ядъ, быстро убивающій ея духъ и уничтожающій ея боеспособность. Но аполитичность арміи касается здороваго государства живущаго нормальною жизнью и не касается главной идеологіи арміи — защиты государства отъ внѣшняго врага и защита существующаго строя. Если это называть политикой, то, конечно, никакая армія не можетъ быть аполитичной. Только наемные ландскнехты служатъ тому, кто платитъ независимо ни отъ какихъ идеологій.

Политикой я называю вмѣшательство обывателя въ вопросы государственнаго управленія и борьбу за форму государственнаго строя и управленія. Съ перемѣною государственнаго строя распускается старая армія и формируется новая съ иной идеологіей.

Такимъ образомъ психика арміи, ея боевой духъ, мысли, настроенія и воля къ побѣдѣ зависятъ отъ господствующихъ теченій мыслей и настроеній въ отечествѣ. Поэтому, изучая духъ арміи, психологъ долженъ исходить изъ духа самой страны выдѣляющей изъ себя армію.

Патріотизмъ, любовь къ отечеству, народная гордость являются основнымъ свойствомъ здороваго государства. Псевдодемократическія, интернаціональныя теченія выдвигаютъ обратные лозунги — «ubi bene ibi patria», и въ корнѣ подрываютъ патріотизмъ. Петріотическое воспитаніе для военнаго обязательно и всякое войско имѣетъ отечество своимъ лозунгомъ.

Духъ арміи есть свойство коллектива, обезпечивающее его боеспособность. Потерявшая свой духъ армія утрачиваетъ свою боеспособность, организацію и становится толпою солдатъ легко превращающихся въ бандитовъ.

Вотъ почему въ настоящее время, когда сознано значеніе психики арміи, съ нею борятся не только оружіемъ и техникой, но и психическими методами, стараясь разложить противника и не только его армію и тылъ, но и самое общество. Въ послѣднее время выдвигается *пораженчество* — этотъ страшный ядъ, разъѣдающій государства и повсюду наблюдавшійся въ великую войну.

3.

Методика разложенія противника сводится къ двумъ главнымъ пріемамъ; во-первыхъ, къ нанесенію паники въ ближайшемъ тылу или на фронтѣ и во-вторыхъ, къ растлѣнію психики непріятельской арміи и общества революціонною или бунтарскою пропагандой.

Первый пріемъ знакомъ военноначальникамъ. Они имъ часто пользуются. Второй методъ примѣняется военно-политическими организаціями, контръ-развѣдкою и отчасти дипломатіей. Но одновременно дѣйствуютъ на общество и армію и свои революціонные элементы, техника которыхъ хорошо извѣстна политической полиціи и почти полностью ускользаетъ отъ военно-начальниковъ. Лейтъ мотивы этой пропаганды — *пацифизмъ и пораженчество.*

Пацифизмъ въ основѣ своей ложенъ, ибо, когда на смѣну настоящей войны выступитъ гражданская, иниціаторы ея становятся ярыми милитаристами.

Пораженчество, сравнительно новое ученіе. Оно сформировалось въ подпольи русской революціи и цинично было провозглашено въ началѣ русско-японской войны въ зарубежномъ органѣ русской революціонной интеллигенціи «Освобожденіи», гдѣ впервые открыто было заявлено пожеланіе провала войны, чтобы цѣною его купить конституцію. Пораженчество встрѣтило отзвукъ у русской либеральной интеллигенціи и было формулировано въ лозунгѣ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Какъ къ пацифической, такъ и къ пораженческой пропагандѣ очень чувствительна интеллигенція страны, но лучше всего ее воспринимаетъ полуинтеллигенція.

Это важно для военной психологіи потому, что техническія войска, въ роли исполнителей управляющихъ боевыми машинами имѣютъ полуинтеллигентовъ - механиковъ, радіотехниковъ, матросовъ подводныхъ лодокъ и проч.

Настоящіе интеллигенты — инженеры, — являются только руководителями. Въ политическомъ отношеніи полуинтеллигенція крайне неустойчива, а фактически техническій аппаратъ въ исполнительной части находится въ ея рукахъ.

На этомъ основаны надежды коммунистовъ, что въ будущей войнѣ они будутъ имѣть союзниковъ въ непріятельскихъ арміяхъ и что даже война не можетъ состояться, ибо распропагандированные рабочіе не пожелаютъ сражаться.

Чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ интеллигентнѣе долженъ быть человѣкъ сю управляющій. Но полуинтеллигентъ не можетъ переварить міровыхъ вопросовъ, а потому въ душѣ всегда недоволенъ, ибо потребности и запросы его растутъ, а удовлетвореніе ихъ ограничено. Въ теченіе тысячелѣтій война выработала свою мораль, военную доблесть, честь и славу. Рядомъ съ убійствомъ и пораженіемъ непріятеля, примѣняется великодушіе къ побѣжденному и рыцарскіе пріемы боя. Все это отрицается современною демократіей: всякія дѣйствія наносящія вредъ непріятелю считаются дозволенными. На полѣ сраженія все еще царитъ доблесть и не считается согласнымъ съ воинскою честью пользованіе подлыми пріемами. Есть однако одна область военнаго дѣла, гдѣ героизмъ сплетается съ величайшею подлостью, подкупами, измѣною и прочими пороками, — это военный шпіонажъ.

Современныя контръ-развѣдки не могутъ руководствоваться военною моралью и поддерживать любыя дѣйствія, приносящія вредъ врагу, не считаясь съ ихъ чистоплотностью. Сплошь аморальна борьба на разложеніе противника. Здѣсь все подло, продажно, безстыдно и грязно. Нѣтъ ни тѣни героизма. А потому руководство разложеніемъ противника по существу нечестно, а методы преступны. Тѣмъ не менѣе военная психологія должна ихъ изучать, а военно-начальники вынуждены ихъ примѣнять въ полной мѣрѣ.

Проф. **Н. В. Краинскій.**

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).

ПОСЛѢДНЯЯ СВѢТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Les déstructions d'églises en Russie Soviétique, les persécutions contre lesquelles a protesté le monde entier font apparaître dans un saisissant contraste le faste des fêtes religieuses de la Russie autocratique. Un jouranliste renommé M. Gaston Ch. Richard, qui a assisté aux dernières Paques Impériales célébrés au Palais d'Hiver, nous en donne ici la vision. Chapitre inédit d'un volume : Souvenirs d'un reporteur qu'il publiera prochainement. — (LECTURES POUR TOUS, Juin 1930.).

Сегодня ночью загудятъ колокола по всей Сѣверной Пальмирѣ и салютомъ встрѣтитъ Петропавловская крѣпость воскресшаго Спасителя Міра. И въ эту ночь Его Величество Государь Императоръ Николай II, Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Вел. Кн. Финляндскій властитель половины Европы и Азіи, будетъ молить Всевышняго о дарованіи побѣды его солдатамъ, защищающимъ у далекихъ береговъ Тихаго океана престижъ и достоинство Великой Имперіи.

Мнѣ обязательно хотѣлось присутствовать на этой церемоніи, я упросилъ С. Татищева, оффиціальнаго ментора всѣхъ иностранныхъ журналистовъ въ С. Петербургѣ, дать мнѣ возможность это увидѣть и онъ любезно согласился. Оставалось ждать условленнаго часа, когда онъ за мной заѣдетъ.

Погода не милостива для православныхъ въ день ихъ Великаго Праздника. Свинцовое небо, мелкій дождь и пронизывающій холодный вѣтеръ!

Не знаю почему, но въ этотъ вечеръ сердце у меня, какъ въ тискахъ. Это не робость, не боязнь передъ величіемъ предстоящаго мнѣ зрѣлища. Мое ремесло журналиста позволяло мнѣ уже часто приближаться къ великимъ міра сего. Но то, что я увижу, о чемъ мнѣ такъ много разсказывали, отъ всего этого вѣетъ должно быть анахронизмомъ, вѣдь это должно быть картины королевскихъ пріемовъ и церемоній во Франціи 18 столѣтія.

Но вотъ мы усаживаемся въ извощичьи дрожки и останавливаемся у небольшого подъѣзда на набережной Зимней канавки, около мостика, который соединяетъ Эрмитажъ съ Зимнимъ Дворцомъ. Мы входимъ въ подъѣздъ. Проходимъ одинъ корридоръ, другой, поднимаемся по мраморной лѣстницѣ и вотъ нашему восхищенному взору представляется громадный залъ, у входа въ который, по сторонамъ дверей, какъ изваянія, какъ видѣнія давно забытыхъ рыцарскихъ временъ, часовые Кавалергардскаго полка, въ ихъ блестящихъ кирасахъ и каскахъ съ серебряными орлами.

Эта ярко освѣщенная электричествомъ зала, эти стѣны, покрытыя рѣдчайшими гобеленами и, особенно, эти живыя статуи, являютъ столь величественное зрѣлище, что я до сихъ поръ, несмотря на то, что прошло уже почти 30 лѣтъ, не могу его забыть! Это что то неописуемое, это не Европа, но и не Азія, съ ея пестрой сказочной роскошью, это что то специфически русское, его гораздо болѣе чувствуешь, чѣмъ видишь...

Что же это такое?

Я напрасно ищу его, это неизвѣстное...

Оно не въ этихъ блестящихъ формахъ, не въ этихъ роскошныхъ дамскихъ платьяхъ, не въ этихъ мужественныхъ лицахъ, большею частью, обрамленныхъ бородою, не въ этой удивительной обстановкѣ, наконецъ, не въ мебели стиля Людовика XV, украшенной италіанскими фіоритурами.

Оно, это неизвѣстное, въ глазахъ этой толпы, въ улыбкахъ этихъ красавицъ, въ бѣлыхъ платьяхъ съ кокошниками на головкахъ, этими чисто-русскими прелестными діадэмами...

Оно, это неизвѣстное, въ сверканіи этихъ безчисленныхъ драгоцѣнныхъ камней, оно въ этомъ золотѣ и серебрѣ, въ которомъ Вы какъ бы утопаете.

Эти глаза, эти русскіе глаза, то нѣжные и томные, то жестокіе, эти глаза, въ которыхъ вы видите всю глубину славянской души, эту смѣсь татарской, славянской и западной крови...

Но поддаваться очарованію и философствовать не приходится, я вѣдь

только газетный репортеръ. мое дѣло только записывать, что видятъ мои глаза.

Мы быстро проходимъ одну залу за другой, — я едва успѣваю запомнить, то, что мнѣ говоритъ мой проводникъ.

«Фельдмаршальскій залъ», говоритъ мнѣ въ полъ голоса С. Татищевъ. Стѣны бѣлаго мрамора, и колонны розоватаго. И вдругъ, о удивленіе, на стѣнѣ громадное полотно Горація Верне, изображающее битву казаковъ съ польскими конфедератами-повстанцами. За этимъ заломъ новые, — Георгіевскій, Николаевскій, Гербовой.

Вотъ сейчасъ мы прошли залъ, стѣны коего сплошь увѣшаны тарелками и блюдами — дары Царямъ отъ ихъ подданныхъ.

Публика все прибываетъ. Мой спутникъ указываетъ мнѣ наиболѣе главныхъ представителей родовитой и служилой аристократіи, и я едва успѣваю записать эти громкія имена. Вотъ князь Юсуновъ, командиръ Кавалергардскаго полка, самый богатый человѣкъ въ Россіи, какъ мнѣ передавали, вотъ князь Багратіонъ-Мухранскій, командиръ Конной Гвардіи, славный потомокъ владѣтельныхъ царей Грузіи. Вотъ командиръ только что отличившагося въ Манчжуріи Дагестанскаго коннаго полка ханъ Гусейнъ Нахичеванскій. Представители самыхъ знатныхъ и блестящихъ фамилій подвластныхъ Русскому Императору странъ: Польши, Прибалтики и Кавказа, считали для себя за великую честь служить въ гвардіи Его Величества. Вотъ Гофмейстеръ Двора графъ Веленольскій Маркизъ на Мировѣ-Гонзаго-Мышковскій, представитель одной изъ древнѣйшихъ польскихъ фамилій. Какая смѣсь одеждъ и формъ!

Вотъ группа высшихъ чиновъ правительства. Узнаю худую старческую фигуру Побѣдоносцева, Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, — говорятъ это главный совѣтникъ Императора, лицо пользующееся его полнымъ довѣріемъ... Вотъ новый Военный Министръ Генералъ Сахаровъ, бесѣдуетъ о чемъ то съ Безобразовымъ, типъ аристократа-дѣльца, главный концессіонеръ лѣсныхъ богатствъ на Ялу, «одинъ изъ главныхъ вдохновителей войны», шопотомъ говоритъ мнѣ мой спутникъ. С. Ю. Витте, предсѣдатель Комитета Министровъ, стоитъ въ сторонѣ, какъ бы въ одиночествѣ. Веселый князь Хилковъ, Министръ Путей Сообщеній. А вотъ и гроза либераловъ въ Россіи, какъ я уже успѣлъ услышать, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. фонъ-Плеве. Невдалекѣ отъ нихъ, рядомъ съ Дипломатическимъ Корпусомъ, великолѣпный графъ Ламсдорфъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, старикъ графъ Фредериксъ, Министръ Императорскаго Двора, князь Оболенскій, Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, А. А. Савинскій, Директоръ Канцеляріи Министра.

Вотъ группа дипломатовъ. Узнаю нашего Посла г-на Бомпара, бесѣдующаго съ Великобританскимъ Посломъ Сэромъ Чарльзомъ Гардингъ и Германскимъ Посломъ графомъ Пурталесъ, далѣе послы Турецкій, Китайскій, Италіанскій и другіе, Посланники Сербскій, Румынскій, Греческій,

которые также сегодня празднуютъ Воскресеніе Христово. Всѣ они живо обсуждаютъ текущія событія, время вѣдь грозное! На берегахъ Тихаго Океана льется кровь, кто же побѣдитъ въ этой схваткѣ, маленькіе ли ниппонскіе солдаты или бѣлокурые гиганты Русскаго Царя?

Мы входимъ въ церковь, всѣ свѣчи и люстры зажжены, духовенство ожидаетъ Его Величество, чтобы начать богослуженіе. Раздаются дивные голоса невидимаго хора, поющаго во славу Воскреснаго Христа.

Половина двѣнадцатаго, — публика въ нервномъ ожиданіи. Раздается звукъ колокола! Вотъ и Императорскій кортежъ!

Открываютъ шествіе 12 придворныхъ лакеевъ въ костюмахъ 18 вѣка, затѣмъ столько же скороходовъ, послѣ придворные чины: Гофмаршалы, Камергеры и Камеръюнкеры.

Вотъ и Государь Императоръ! Онъ въ формѣ Собственнаго Его Величества Конвоя, въ красной черкескѣ, съ голубой лентой Св. Андрея Первозваннаго черезъ плечо. Императоръ идетъ со своей матерью, Вдовствующей Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Меня поразила моложавость этой, какъ говорятъ «старой» Императрицы. За Императоромъ идетъ молодая Императрица, подъ руку съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, братомъ Государя, и временнымъ, до рожденія сына у Императорской четы, Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола. Императрица Александра Ѳеодоровна удивительно красива, но красива, я бы сказалъ, какой то холодной, печальной красотой, это лицо женщины глубоко несчастной. Мнѣ говорили, что воспитанная въ строгомъ и скромномъ Гессенскомъ Дворѣ, она до сихъ поръ не можетъ освоиться съ выпавшей на ея долю судьбою быть Императрицей Великой Россійской Имперіи...

Вотъ величественный Великій Князь Владиміръ Александровичъ, такъ живо напоминающій своими благородными чертами своего отца Императора Александра II, Командиръ Императорской Гвардіи. За нимъ, подъ руку съ Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, такъ хорошо знакомый намъ по Парижу, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, бѣлокурый гигантъ съ русой окладистой бородой — копія своего брата покойнаго Императора Александра III. Великій Князь носитъ званіе Генералъ-Адмирала Россійскаго Флота и сейчасъ, когда Тихоокеанскому русскому флоту приходится играть такую значительную роль, видно, какъ озабочено его красивое лицо. Вотъ высокій худой Великій Князь Сергій Александровичъ — намѣстникъ Императора въ древней столицѣ — Москвѣ, онъ ведетъ подъ руку Великую Княгиню Елизавету Маврикіевну, за ними Великій Князь Константинъ Константиновичъ, главный начальникъ военныхъ учебныхъ заведеній, онъ очень талантливый поэтъ и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи. Подъ руку съ нимъ Старшая Сестра Государя Великая Княгиня Ксенія Александровна. Вотъ Великій Князь Николай Николаевичъ — Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи, человѣкъ, которому, по общему мнѣнію придется играть выдающуюся роль въ настоящихъ событіяхъ.

Вотъ идетъ, опираясь на палку старецъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, старшій членъ Дома Романовыхъ, затѣмъ слѣдуютъ молодые Великіе Князья или, какъ ихъ называютъ при Дворѣ по имени отца, Владиміровичи, Михайловичи и Константиновичи, Принцъ Ольденбургскій, Герцогъ Лейхтенбергскій и другіе.

Служба началась, мнѣ передаютъ зажженную свѣчу. Служитъ старый Протопресвитеръ Зимняго Дворца съ сонмомъ духовенства.

Служба длинная и утомительная, но вотъ ровно въ 12 часовъ ночи, раздается салютъ съ верковъ Петропавловской крѣпости, зазвонили колокола всѣхъ церквей С. Петербурга. Протопресвитеръ выходитъ изъ алтаря и, обращаясь къ Императору и присутствующимъ провозглашаетъ троекратно «Христосъ Воскресе». «Воистину Воскресе» отвѣчаетъ первымъ Императоръ, а за нимъ всѣ присутствующія. Затѣмъ начинаютъ христосоваться. Первымъ троекратно цѣлуется съ своей матерью Императоръ.

Служба кончается. Императорскій кортежъ, въ томъ же порядкѣ, подъ величественные звуки «Боже Царя Храни», исполняемаго хоромъ, выходитъ изъ церкви во внутренніе покои.

Публика, кромѣ приглашенныхъ къ царскому столу, начинаетъ разъѣзжаться. Пора и мнѣ уходить. Я вышелъ изъ дворца и очутился на улицѣ. Сейчасъ около часу ночи, но въ эту ночь никто не спитъ въ Россіи, всѣ на улицѣ, у церквей. Величественно иллюминованы всѣ церкви, особенно Соборы Исаакіевскій и Казанскій. Въ эту ночь во всей необъятной Россіи, нѣтъ дома, хотя бы и самаго бѣднаго, гдѣ не было бы на столѣ традиціонныхъ кулича, пасхи и крашенныхъ яицъ.

Сейчасъ я нашелъ въ своемъ архивѣ эти наброски, сдѣланные мною болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ. Это была послѣдняя торжественная Пасхальная заутреня въ Зимнемъ Дворцѣ, въ присутствіи Императора. Послѣдующіе годы, Дворъ, какъ извѣстно, проводилъ въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ. Затѣмъ, Великая война, революція и конецъ Императорской Россіи.

Пасхальная служба оставила во мнѣ такое неизгладимое впечатлѣніе, что мнѣ думается, что эти воспоминанія могутъ представлять историческій интересъ и сейчасъ...

Гастонъ Шарль Ришаръ.

Перевелъ *В. Голенищевъ-Кутузовъ.*

Подайте имъ!

Вдали отъ роднмаго края,
Отъ родины милой вдали,
Разбросана храбрая стая
Защитниковъ русской земли.
Они за нее, какъ умѣли,
Съ врагами сражались не разъ
И пѣсни орлиныя пѣли
Въ побѣды торжественный часъ.
Порою друзей хоронили,
Подъ шелестъ старинныхъ знаменъ,
И вѣрны, какъ витязи были
Традиціямъ лучшихъ временъ.
Въ печальныя-жъ эти годины
Они, проливавшіе кровь,
Хранятъ на задворкахъ чужбины,
Святую къ отчизнѣ любовь.
Она въ нихъ заложена Богомъ
И выросла въ нѣдрахъ души,
Ставъ вѣрнымъ оплотомъ во многомъ
Живущимъ въ безвѣстной глуши.
Тамъ просятъ страдальцы у Неба
Моляся разбитой рукой,
Краюшку насущнаго хлѣба,
Да тѣлу больному покой...
А вы? Кто не сгубленъ врагами,
Уже-ль не хотите подать,
Тому, кто, какъ нищій предъ вами,
Но съ гордостью можетъ стоять?

1932. *В. Петрушевскій.*

Вмѣсто Альберта - Альбрехтъ

(Изъ полковой исторіи Митавскаго Гусарскаго полка).

Въ 1865 году, послѣ смерти короля Виртембергскаго, Шефа Митавскаго Гусарскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, было пожаловано новое Шефство и полкъ былъ названъ: Митавскимъ Гусарскимъ Его Королевскаго Высочества Принца Альберта Прусскаго полкомъ.

Въ 1904 г. полковникъ Владиміръ Александровичъ Мошнинъ, командиръ 42-го Драгунскаго Митавскаго Его Королевскаго Высочества Принца Альберта Прусскаго полка, былъ въ Германіи и представлялся Шефу. Принцъ, въ то время Регентъ герцогства Брауншвейгскаго, принялъ командира Своего полка чрезвычайно любезно, выразилъ удовольствіе видѣть его у себя и наградилъ полковника Мошнина Командорскимъ крестомъ II класса Брауншвейгскаго Ордена Генриха-Льва. Однако, въ разговорѣ, Принцъ выразилъ свое удивленіе, почему по-русски Его называютъ Альбертомъ, тогда какъ Онъ, не Альбертъ, а *Альбрехтъ*.

Вернувшись изъ Германіи, полковникъ Мошнинъ отправился въ Петербургъ, явился Начальнику Главнаго Штаба и просилъ выяснить, какъ же такъ: Шефъ полка — Принцъ Альбрехтъ, а полкъ называется Принца Альберта полкомъ...

Послѣ наведенія справокъ, оказалось, что еще въ 1865 году какой то писарь Главнаго Штаба допустилъ эту ошибку.

На вопросъ полковника Мошнина, какъ же быть, Начальникъ Главнаго Штаба отвѣтилъ: «Знаете что, пишите Его Высочеству Альбрехтъ, а намъ — Альбертъ!... Не могу же я объ этомъ докладывать Государю Императору»...

Изъ воспоминаній покойнаго Генералъ-Лейтенанта Мошнина.

Сообщилъ *А. Акаро.*

Божидаръ Зоричъ

(Романъ. продолженіе).

XXII.

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣвшіе по вѣтру летятъ,
Лишь вдали красуются, тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.

Гр. Алексѣй Толстой.

Конецъ августа...

Ярче и зеленѣе выдѣлилась на фонѣ потемнѣвшихъ лѣсовъ сочная осенняя хвоя, пожелтѣла осина; береза, трепеща, обнажалась, теряя листву. Покраснѣли рябины, привлекая къ себѣ стаи трескучихъ дроздовъ.

По ночамъ бывали заморозки, а днемъ, даже на солнцѣ, термометръ показывалъ мало выше нуля.

Это не помѣшало въ одно изъ воскресеній, послѣ церковной службы, собраться молодежи на крокетной площадкѣ передъ домомъ Виѳанскихъ.

Кромѣ Машеньки, какъ хозяйки, тутъ были двѣ пріѣзжія барышни изъ Орши и одинъ бывшій студентъ Макарій Турганскій, исключенный изъ университета за участіе въ нелегальномъ кружкѣ, получавшемъ субсидіи изъ заграницы на политическую пропаганду.

Но Турганскій все это энергично отрицалъ, утверждая, что онъ пострадалъ невинно.

Онъ былъ конторщикомъ въ одной изъ помѣщичьихъ «экономій» по сплаву лѣса.

Виѳанскіе его не долюбливали, не смотря на то, что его покойный отецъ былъ когда то съ о. Павломъ вмѣстѣ въ семинаріи, а Машенька — откровенно ненавидѣла, особенно, когда стали говорить, что онъ ждетъ ея шестнадцати лѣтъ, чтобы жениться на ней.

Саша съ Божей, послѣ молебна, который бабушка всегда заказывала отдѣльно передъ иконой Св. Параскевы Пятницы, были также здѣсь.

Саша смѣшилъ оршанскихъ барышень, незамѣтно подталкивая ихъ шары поудобнѣе къ тѣмъ воротамъ, которыя онѣ должны были проходить, а Божа старательно преслѣдовалъ шаръ Турганскаго и угонялъ этотъ шаръ съ площадки въ поблекшій репейникъ, къ большому удовольствію Машень-

ки. Когда-же-же Турганскій дѣлалъ то же самое съ Божинымъ шаромъ, Машенька выходила изъ себя.

Она даже сердилась на Божу за то, что онъ игралъ безъ разсчета, и, какъ ей казалось, слишкомъ неосторожно.

«Браво, браво!.. Наконецъ, — понесся туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ!», воскликнула она съ восторгомъ, когда шаръ Турганскаго, описавъ пологую траэкторію, полетѣлъ изъ подъ Божиной ноги далеко за предѣлы крокета.

Оршанскія барышни засмѣялись.

«Машенька, поди-ка сюда!», послышался вслѣдъ за этимъ строгій голосъ матушки Піамы съ веранды.

Машенька вспыхнула...

Она сердито, исподлобья взглянула на Турганскаго, какъ будто онъ былъ виноватъ въ непріятности предстоящей нотаціи, потомъ прислонила молотокъ къ скамьѣ и, обдергивая на себѣ душегрѣйку, побѣжала въ домъ.

Тонкія злыя губы Турганскаго сложились въ непріятную гримасу. Глаза его забѣгали. Онъ, повидимому, хотѣлъ что то сказать, но промолчалъ.

Въ церковной калиткѣ появился о. Павелъ.

«А, юнаки! Лѣты и разумомъ и добродѣтельми, аки лѣствицей отъ силы въ силу грядущи! — уже шарики гоняете! Такъ, такъ!», весело загудѣлъ его іерихонскій басъ.

«Въ крапиву гоняемъ», засмѣялся Саша, наблюдая за Турганскимъ, который, боясь обжечься, осторожно, молоткомъ, раздвигалъ у забора крапивные кусты, ища свой шаръ.

Машенька на крокетъ вернулась пунцовая...

Турганскій чувствовалъ себя смущеннымъ и всѣмъ было неловко, и, хотя игра возобновилась, но уже безъ прежняго оживленія и интереса.

XXIII

Старый княжескій дормезъ мягко катился по витебскому шоссе.

Четверка сытыхъ деревенскихъ лошадей, пара въ дышлѣ и пара уносныхъ съ форейторомъ, нелегко везли этотъ удивительный размѣрами и вмѣстимостью экипажъ, въ нѣдрахъ котораго путешествовали Сашины дѣды, въ то время, когда еще нигдѣ, ни въ Россіи, ни за границей не существовало желѣзныхъ дорогъ.

Внутри дормеза ѣхала бабушка съ Машенькой и двѣ старыхъ горничныхъ.

Никифоръ съ вещами еще наканунѣ уѣхалъ съ подводами

Саша съ Божей устроились на крытомъ сидѣніи, за кучеромъ и, считая версты, съ нетерпѣніемъ ожидали станціи съ перемѣной лошадей, на которой можно будетъ слѣзть со своей высоты и посмѣяться съ Машенькой, которой тоже до тошноты надоѣло покачиваться въ дормезномъ кузовѣ, какъ въ душной каютѣ корабля на морской волнѣ.

Бабушка всю дорогу мирно спала.

Дормезъ подъѣхалъ къ станціи.

Это было небольшое кирпичное зданіе, на фронтонѣ котораго, надъ вывѣской: «Ольшаны» красочно выдѣлялся большой государственный гербъ.

Дормезъ съѣхалъ съ широкого шоссе, гулко прогромыхалъ по настилу моста придорожной канавы и подкатилъ къ крыльцу. Старичокъ-смотритель сбѣжалъ съ лѣстницы и, низко кланяясь, помогъ бабушкѣ выйти изъ экипажа.

Въ «пассажирской» на большомъ сосновомъ столѣ съ самотканной бѣлой скатертью уже кипѣлъ самоваръ.

Горничныя засуетились съ провизіей.

Пока готовился чай, Божа съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ на шоссе «подковывали»*) гусей, массой двигавшихся изъ бѣлорусскихъ глубинъ къ желѣзной дорогѣ и дальше въ Германію для нѣмецкихъ рождественскихъ «heiligeabendmahl». Послѣ чая дормезъ двинулся дальше.

Уже стемнѣло, когда онъ переѣхалъ въ Витебскѣ мостъ черезъ Двину и задребезжалъ по отвратительной мостовой, направляясь къ женской гимназіи.

Тамъ бабушка передала Машеньку въ пансіонъ, а сама поѣхала отдыхать послѣ дороги въ «Грандъ Отель». Саша съ Божей поѣхали на вокзалъ.

Петербургскій поѣздъ отходилъ ночью.

Въ полуосвѣщенномъ буфетѣ еще никого не было. Лакеи-татары ставили приборы къ приходу вечернихъ поѣздовъ.

Божа, отъ нечего дѣлать, вышелъ на перронъ, а Саша, накупивъ ворохъ журналовъ и помѣстившись въ буфетѣ за столомъ, погрузился въ чтеніе.

Залъ сталъ постепенно наполняться публикой.

Засуетились лакеи, забѣгали носильщики, выстроились у входныхъ дверей комиссіонеры гостинницъ и отелей, въ буфетѣ зазвенѣла посуда...

«Это мѣсто свободно?», неожиданно услышалъ Саша около себя чей-то вкрадчивый голосъ.

Саша поднялъ голову, — рядомъ съ нимъ, у свободнаго стула, стоялъ какой-то господинъ.

«Я никого не жду!» отвѣтилъ коротко Саша.

Господинъ усѣлся.

---

*) «Подковываніе» гусей заключалось въ томъ, что поперекъ шоссе лили теплую смолу и рядомъ съ ней сыпали песокъ. Проходя смолу, а потомъ песокъ, у гусей на лапкахъ образовывались песочныя подошвы. Безъ этого гуси стирали себѣ лапки до крови и не могли долго идти.

Отложивъ въ сторону журналы, Саша взглянулъ на усѣвшагося рядомъ съ нимъ пассажира. Приплюснутый носъ, ротъ до ушей, рядъ гнилыхъ зубовъ и какіе-то безцвѣтные проворно-хитрые глаза при маленькой сгорбленной фигурѣ, дѣлали его наружность отталкивающей. Даже трудно было опредѣлить его возрастъ.

«Жаба какая-то!», подумалъ про него Саша.

«Я вижу передъ собой князя Минскаго?», приподнялся «жаба», замѣтивъ на себѣ пристальный Сашинъ взглядъ.

«Да, — вы не ошиблись»...

«Въ такомъ случаѣ, позвольте отрекомендоваться, — Ноздринскій, изъ Вильны!.. Васъ, я вижу, удивляетъ, что я васъ знаю», продолжалъ безъ остановки, склонивъ голову на бокъ, новый знакомый, «напрасно!.. Коммерсанты должны все видѣть, все знать... Я, напримѣръ, знаю, что у васъ имѣется недвижимая собственность, иначе говоря, — домъ на Антоколѣ и имѣнье подъ Оршей... О, это имѣнье, — это золотое дно, — его только, конечно, нужно съумѣть достать это дно!.. Я всегда къ вашимъ услугамъ, князь!», и Ноздринскій передалъ Сашѣ свою визитную карточку.

Саша при этомъ замѣтилъ на указательномъ пальцѣ Ноздринскаго большой фальшивый бриллiантъ.

На платформѣ послышались звонки, забѣгали люди и, покрывая своимъ громыханьемъ всѣ шумы, къ станціи грузно подошелъ поѣздъ.

Ноздринскій сорвался съ мѣста.

Саша остался наблюдать.

Въ залъ входили пріѣхавшіе пассажиры. Противъ ихъ теченія озабоченно пробирался жандармъ и его бѣлый торчащій султанъ колебался то тутъ, то тамъ надъ толпой. Изъ буфета, лавируя, торопились къ поѣзду лакеи, жонглируя надъ головой подносами съ кофе и чаемъ.

Нѣсколько евреевъ галдѣло у входа. Ихъ казалось больше, чѣмъ было въ дѣйствительности, потому что они одновременно мелькали въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу.

«Знаешь, — кто пріѣхалъ съ этимъ поѣздомъ?», неожиданно выросла передъ Сашей Божина фигура.

Саша обернулся. «Кто?».

«Одна изъ твоихъ хорошихъ знакомыхъ», загадочно улыбнулся Божа.

«У меня много хорошихъ знакомыхъ», засмѣялся Саша.

«Но эта — единственная въ своемъ родѣ!».

«Не могу догадаться!», сказалъ Саша, подумавъ.

«Роза Эпштейнъ!», раздѣльно, по слогамъ, произнесъ Божа.

«Не можетъ быть!»...

«Увѣряю тебя! Я ее только что видѣлъ, — ее встрѣтилъ на платформѣ какой-то богопротивный типъ... А, вотъ, — и она сама, — видишь?», указалъ Божа глазами на высокую элегантную даму, нерѣшительно остановившуюся у дверей, около которой подобострастно суетился Ноздринскій.

Занявъ отдѣльный столикъ у окна, Роза передала Ноздринскому какія-то бумаги и онъ долго и настойчиво ее о чемъ то разспрашивалъ...

Швейцаръ въ ливреѣ позвонилъ въ ручной колоколъ и какимъ-то глухимъ, замогильнымъ голосомъ прогудѣлъ: «Смоленскъ, Москва, Орелъ»...

Роза съ Ноздринскимъ вышли на платформу. Саша, не теряя ихъ изъ вида, поспѣшно направился за ними.

Онъ прислонился къ колоннѣ и сталъ наблюдать... Онъ видѣлъ, какъ Роза поднялась по ступенькамъ въ вагонъ и потомъ изъ открытаго окна разговаривала съ Ноздринскимъ.

Какъ онъ сейчасъ ненавидѣлъ Ноздринскаго!

Такъ хотѣлось поговорить съ Розой, а Ноздринскій, какъ на зло, прыгалъ около вагона, хихикалъ, потирая руки, и не уходилъ!.. И теперь, смотря на Розу, Сашѣ вспомнилось, какъ онъ, уѣзжая изъ Полоцка въ полкъ, заставилъ себя силой воли пойти и просить у нее прощенія, и какъ при этомъ Роза была смущена и не знала, что говорить... И онъ цѣловалъ ея руки...

И часто потомъ, Сашѣ представлялась Роза именно такой, какой она была тогда, — прекрасной въ своемъ смущеніи...

Паровозъ далъ протяжный, точно простуженный, свистокъ. Его огромныя колеса забуксовали на мѣстѣ, онъ выбросилъ въ осеннюю мглу клубъ густого чернаго дыма и, глубоко вздохнувъ, тронулся съ мѣста... Мимо Саши замелькали освѣщенныя окна вагоновъ... Роза!..

Саша на ходу вскочилъ въ поѣздъ...

XXIV

Гиршъ Эпштейнъ по прежнему смотрѣлъ на свою жену, какъ на парадную вывѣску своей фирмы и не интересовался ея личной жизнью.

Время отъ времени онъ ей давалъ порученія, скрѣпляя ихъ всякій разъ коммерческими условіями, которыя, однако, не всегда точно выполнялъ. На этотъ разъ Роза должна была ѣхать въ Москву, чтобы узнать въ биржевыхъ кругахъ ближайшій курсъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ бумагъ, что обычно держалось въ секретѣ.

Какіе способы Роза могла примѣнять для достиженія успѣха, — Эпштейну было безразлично.

Банкирскій домъ «Эпштейнъ и Ко», не получивъ на этотъ разъ никакихъ агентурныхъ свѣдѣній о курсѣ московскихъ акцій и бумагъ, понесъ значительные убытки въ спекуляціи биржевой игры.

Въ Витебскѣ Роза передала Ноздринскому, агенту банкирскаго дома «Эпштейнъ и Ко», объемистый конвертъ изъ рукъ въ руки.

Это были векселя тѣхъ витебскихъ помѣщиковъ, къ которымъ Ноздринскій въ свое время пришелъ на помощь для отысканія ими въ своихъ имѣніяхъ «золотого дна».

XXV

Spiritus promptus est, caro infirma.

Поѣздъ глухо и мѣрно стучалъ по рельсамъ. Платформа осталась позади...

Роза нервно задернула оконную занавѣску, какъ бы изолируя себя отъ внѣшняго міра, отъ дѣйствительности.

Въ купэ никого не было. Роза присѣла къ окну. Въ дверь осторожно постучали...

Роза повернула дверную ручку.

Передъ ней былъ Саша!

«Вы?», произнесла она въ изумленіи, отступая передъ нимъ.

«Я такъ хотѣлъ васъ видѣть»... началъ Саша, «я все время думаю о васъ!»...

Сладкое волненіе охватило Розу. Ея сердце учащенно забилось. Она съ большимъ усиліемъ воли взяла себя въ руки.

«Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! Уйдите, ради Бога!», повторяла она и, боясь самой себя, открыла дверь купэ и вышла въ корридоръ. Поѣздъ замедлялъ ходъ. «Уйдите, — прошу васъ!..». Въ окнахъ замелькали огни.

«Станція «Крынки»!», раздался на платформѣ громкій голосъ оберъ-кондуктора.

«Я никуда не уйду!», сказалъ рѣшительно Саша, нагибаясь къ Розѣ.

«Оставьте... не надо...».

Саша взялъ ее на руки и, трепещущую, внесъ въ купэ.

. . . .

XXVI

Дни шли за днями цѣпью времени...

Ничтожная песчинка мірозданія, оброненная Творцомъ въ безконечности Вселенной, Земля, совершая свой астрономическій путь вокругъ Солнца, находилась въ томъ разстояніи отъ него и въ томъ полуопрокинутомъ положеніи, когда на ней была весна и живительные солнечные лучи ласкали городъ Вильну и все живущее въ немъ.

Солнце освѣщало большую каѳедральную площадь Св. Казиміра, на которой еще скрывался подъ сѣрыми сукнами отъ преждевременныхъ взоровъ, художественный памятникъ Императрицы Екатерины Великой, ожидавшій своего торжественнаго открытія.

Въ парадномъ богослуженіи долженъ былъ принять участіе, въ числѣ

многочисленнаго духовенства, и о. Павелъ Виѳанскій отъ могилевской епархіи, и матушка Піама рѣшила воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы побывать въ Вильнѣ вмѣстѣ съ Машенькой, подъ предлогомъ «посмотрѣть торжества».

Но не торжества побуждали матушку оставить свой монастырскій домъ и ѣхать съ дочерью въ Вильну, — для этого у нея были свои особыя соображенія... Машенька осенью окончила гимназію. Ея романъ съ Божей она замѣтила уже давно, въ деревнѣ, еще тогда, когда ни Божа, ни Машенька не отдавали себѣ въ немъ яснаго отчета. Теперь Божа, послѣ производства служилъ въ Вильнѣ, въ саперахъ, и жилъ вмѣстѣ съ бабушкой въ антокольскомъ домѣ.

Бабушка уже давно приглашала матушку Піаму со своей крестницей къ себѣ погостить. Теперь, какъ разъ, для этого представился удобный случай.

Изъ Петербурга въ Вильну долженъ былъ пріѣхать Саша съ полковой делегаціей того гвардейскаго полка, въ которомъ онъ служилъ.

Княжескій домъ на Антоколѣ, всегда такой тихій, мирный, наполнился шумомъ молодыхъ голосовъ и оживился.

XXVII

По пріѣздѣ въ саперный баталіонъ, Божа былъ назначенъ въ роту молодого штабсъ-капитана Мельникова. Это былъ тотъ самый кадетскій унтеръ-офицеръ, который когда-то везъ своихъ маленькихъ полоцкихъ кадетъ на Рождество въ почтовой тройкѣ и потерялъ Божу на льду замерзшаго Днѣпра.

Божа его сразу узналъ, — высокій, надменный, неестественный, и вспомнилъ, что въ корпусѣ маленькіе кадеты его не любили за то, что онъ съ ними всегда «держалъ фасонъ», т. е. смотрѣлъ на нихъ свысока, какъ на ничтожества, не стоящія вниманія.

Сверстники считали его скрытнымъ и находили, что у него «гордый умъ». Въ жизни онъ «игралъ Печорина».

И, хотя Божа, по полоцкой традиціи, былъ съ нимъ на «ты», — но держался отъ него въ отдаленіи.

За то въ одномъ изъ виленскихъ полковъ служилъ Стась Даровскій, съ которымъ Божа сохранилъ прежнюю тѣсную дружбу.

Трудно было узнать въ вихрастомъ кадетѣ мужественнаго офицера, съ большими пушистыми усами, придававшими его лицу какое то особенное ласковое выраженіе.

Саша пріѣзжалъ изъ Петербурга часто, но не всегда останавливался дома, несмотря на то, что ему каждый вечеръ въ его кабинетѣ, на случай пріѣзда, стлалась на ночь постель.

Онъ нанялъ въ Закретѣ, на берегу Виліи, небольшую загородную виллу. гдѣ встрѣчался съ Розой.

Въ прочность Сашинаго чувства Божа не вѣрилъ.

Общество шумно перешло послѣ обѣда въ гостиную. Мущины закурили.

Никифоръ разнесъ кофе и ликеры и поставилъ передъ Мельниковымъ коробку Упмановскихъ сигаръ. Онъ за нимъ предупредительно ухаживалъ.

Бабушка помѣстилась въ своемъ креслѣ у камина и, усадивъ рядомъ съ собой на низкомъ пуфѣ Машеньку. любовалась ея отраженіемъ въ большомъ стѣнномъ зеркалѣ. напротивъ.

Стась помѣстился въ сторонѣ, у окна, и. прищуривъ одинъ глазъ и шевеля усами. все время поглядывалъ на Машеньку. откровенно любуясь «хорошенькой поповной».

Матушка Піама плотно усѣлась на диванъ и со вкусомъ разсказывала какимъ то чопорнымъ старушкамъ о томъ, какъ надо солить огурцы.

Все это происходило въ то время, когда Божа, подсѣвъ къ пюпитру, настраивалъ віолончель. а Саша. сидя у рояля. полуобернувшись. разговаривалъ съ Мельниковымъ и ударялъ по одной и той-же клавишѣ, давая Божѣ нужную ноту.

«Что-же мы будемъ играть?». спросилъ Божа. взявъ гамму двойныхъ нотъ.

«Для начала. Шопеновскій ноктюрнъ. для бабушки». вполголоса отвѣтилъ Саша.

Божа. перелиставъ ноты, нашелъ ноктюрнъ.

«Начнемъ». сказалъ онъ, удобно усаживаясь и наклоняясь надъ инструментомъ.

Голоса смолкли.

Божа повелъ смычкомъ и сочно началъ мелодію... И легкіе, чарующіе звуки мягко полились по гостиной. то разсыпаясь. то снова собираясь... Они. то тихо плыли. то метались... И плакали. и звали... То играли нѣжной дрожью, то переливались въ тихомъ журчаніи и. закружившись. замирали...

Послѣ ноктюрна, Божа съигралъ еще нѣсколько пьесъ и «Chanson triste» Чайковскаго, для Машеньки. и рѣшительно всталъ.

Машенька ему благодарно улыбнулась глазами. Божа прислонилъ віолончель къ роялю и. стряхнувъ съ себя канифольную пыль. подошелъ къ ней. Мельниковъ, усмѣхаясь углами тонкихъ губъ, разсказывалъ о томъ, какъ онъ потерялъ когда то Божу въ дорогѣ...

«Ахъ. какъ это было странно!», вспомнила бабушка давно минувшее Рождество.

«Вѣдь это наше первое знакомство», наклонился къ Машенькѣ Божа.

«Что такое?», спросила бабушка.

«Нѣтъ... Это я спрашиваю, какъ я игралъ сегодня?».

«О, какъ всегда, — чудесно... съ такой душой!», похвалила бабушка Божу и любовно погладила его по рукѣ.

Матушка Піама на диванѣ продолжала объяснять старушкамъ, какъ надо на зиму сохранять огурцы.

Гости разошлись поздно...

XXVIII

Екатерининскій памятникъ въ Вильнѣ былъ открытъ парадно, торжественно...

Въ сообрной церкви была архіерейская служба и у памятника служили продолжительный молебенъ съ водосвятіемъ, съ берега Виліи былъ произведенъ пушечный салютъ, звонили церковные колокола, днемъ въ городѣ играла музыка, а вечеромъ на Замковой горѣ былъ сожженъ красивый фейерверкъ.

Божа участвовалъ въ парадѣ, а Саша въ составѣ полковой депутаціи возлагалъ вѣнокъ къ подножію памятника.

Новый памятникъ изображалъ Великую Императрицу возсѣдающей на Тронѣ и держащей въ одной рукѣ Скипетръ, а въ другой — Державу.

На другой день Виѳанскіе уѣхали къ себѣ, въ Оршу.

Божа провожалъ ихъ до Минска.

XXIX

«Мнѣ больше нѣкого любить,
«Мнѣ больше нѣкому молиться.

Надсонъ.

«Такъ, храмъ оставленный — все храмъ,
«Кумиръ поверженный — все Богъ!

Лермонтовъ.

Роза нерѣшительно вышла изъ дома и, пройдясь нѣсколько разъ по улицѣ, видимо волнуясь, повернула за уголъ и, наконецъ, рѣшившись, быстро направилась къ пароходной пристани, гдѣ взяла билетъ въ «Верки».

Пароходъ медленно поднимался вверхъ по теченію.

За поворотомъ рѣки, въ нѣжной зелени садовыхъ кустовъ, на крутомъ

берегу, обрисовался домъ Минскихъ и цѣлыя рядъ воспоминаній, связанныхъ съ Сашей, живо воскресъ въ ея памяти, блеснулъ далекой зарницей и тяжело легъ на душу...

И поѣздки къ нему въ Петербургъ, и встрѣчи съ нимъ въ Вильнѣ, въ Закретѣ, — какое это было мучительное блаженство и какой сладкій, дурманящій ядъ!..

Розѣ тогда казалось, что не могло быть и не было на свѣтѣ ни одной женщины, счастливѣе ея... Онъ сталъ ея кумиромъ!..

И тѣмъ тяжелѣе было ея разочарованіе, когда Роза узнала, что она у Саши не одна! Въ Вильнѣ говорили о его интимномъ романѣ съ одной польской графиней, а изъ Петербурга стали доходить слухи о какой то модной танцовщицѣ, на которую Саша тратилъ бѣшенныя деньги и дѣлалъ долги. И не ревность, а какое то чувство полнаго одиночества охватило Розу въ этотъ періодъ ея жизни.

Ея чувство къ Сашѣ притупилось и ея прежнія отношенія къ нему оборвались. Вѣра въ него была нарушена и казалось, что уже ничто не можетъ вернуть ее.

Ей мучительно было жаль этой утерянной вѣры, даже больше мятежнаго счастья, и въ ея душѣ образовалась пустота.

Заполнить ее было нечѣмъ!..

Роза рѣшительно порвала съ Сашей всѣ отношенія...

Саша пытался ихъ возобновить, но, встрѣтивъ рѣзкій отпоръ, убѣжденный въ томъ, что Роза просто ревнуетъ его, положился на время, полагая, по опыту, что время для ревности лучшій докторъ.

Роза жила въ домѣ мужа, отдѣльно, въ мезонинѣ, мечтая о томъ, какъ бы ей уйти отъ него, но мужъ, упорно не давалъ развода, даже не объясняя причинъ.

Какъ то ночью Розѣ не спалось. Она отдернула оконную портьеру и стала жадно пить прохладный воздухъ. Мысли бѣжали... Неожиданно она услышала съ балкона голоса.

Говорилъ Ноздринскій.

«Теперь князь Минскій у меня совсѣмъ въ рукахъ! Я его не выпущу!».

«И вы увѣрены?», подразнилъ его Эпштейнъ.

«Проценты на проценты и его имѣніе, а можетъ быть, и домъ, у насъ въ активѣ! Вы понимаете это? Что? Ловко я провелъ это дѣло?».

«Да. Работа чистая!» одобрилъ Эпштейнъ.

«Правда?».

«А вы бы все таки ему еще предложили денегъ въ долгъ, на всякій случай, чтобы не ускользнулъ», дѣловито посовѣтовалъ Эпштейнъ.

«Не ускользнетъ?».

«Кто знаетъ?».

«Я знаю!», съ злорадствомъ захихикалъ Ноздринскій.

Наступило короткое молчаніе. Тишину ночи нарушилъ промчавшійся мимо дома автомобиль.

А какъ идетъ его романъ съ Розой?», послышался голосъ Эпштейна, послѣ того, какъ шумъ автомобиля затихъ.

«Уснула страсть, прошла любовь...», фальшиво напѣлъ Ноздринскій.

«Что такъ?».

«Не знаю, — но больше въ Закретѣ не встрѣчаются...».

«А вы слѣдите?».

«Для дѣла...».

«Хорошее дѣло!».

«Работа всегда работа!», засмѣялся Ноздринскій.

«А вѣдь надо правду сказать, Роза глупа, — она сама могла бы на немъ деньги сдѣлать!».

Роза стояла у окна блѣдная, растерянная...

«И это, — люди!»... и, охвативъ голову руками, она упала на постель.

Роза колебалась, — написать ли Сашѣ письмо или лично видѣть его, чтобы предупредить о грозившей ему опасности?

Горечь прежняго, какъ бы исчезла. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ размышленій, она рѣшилась назначить ему встрѣчу въ Веркахъ, въ одной изъ аллей, когда то роскошнаго, а теперь заброшенаго парка князей Гогенлоэ.

Въ то время, когда Роза ѣхала въ Верки, Саша тамъ ее ждалъ.

Черезъ вершины столѣтнихъ дубовъ онъ напряженно смотрѣлъ на пароходъ, стараясь между немногочисленными пассажирами найти Розу.

Лѣниво пронесся по рѣкѣ пароходный гудокъ и утонулъ въ густой листвѣ дубовой рощи. Пароходъ присталъ къ берегу...

Вотъ и Роза! Она вышла по сходнямъ на берегъ, оглянулась, посмотрѣла вдаль и стала медленно подниматься по шоссе.

Саша по тропинкѣ бросился ей на встрѣчу.

Когда онъ выбѣжалъ на шоссе и сталъ цѣловать Розѣ руки, — она замерла...

Она только чувствовала, какъ ея раскрывшееся сердце быстро наполнялось знакомыми ощущеніями свѣта и тепла и какъ счастье и радость озарили душу.

«Наконецъ-то! Смѣнила гнѣвъ на милость!.. Милая...», говорилъ Саша, любовно глядя на нее, и Розѣ стоило большихъ усилій воли, чтобы тутъ-же не броситься ему на грудь и не умолять его любить, — любить только ее одну!

И какъ бы читая ея мысли, Саша сталъ увѣрять ее, что онъ никогда не любилъ ни одной женщины, кромѣ нея, и клялся ей въ этомъ, и въ эту минуту самъ этому вѣрилъ.

Роза не понимала, что съ нею...

Она сама не знала, — вѣрить ему или нѣтъ?..

И повѣривъ, — у нея исчезли всѣ прежнія сомнѣнія и острая боль обиды отъ его измѣнъ.

Она только чувствовала на себѣ Сашинъ взглядъ, полный нѣжной преданности, и минувшее счастье, казалось, никогда не покидало ее...

Въ этотъ вечеръ они вмѣстѣ, счастливые, какъ никогда, уѣхали въ Петербургъ.

XXX

«Пороховые заряды для уничтоженія ледяныхъ заторовъ вычисляются по формулѣ Лебрена».

Изъ стараго сапернаго наставленія.

Зима въ 1902-1903 году въ Бѣлоруссіи была особенно многоснѣжная.

Старики съ давнихъ поръ не помнили такихъ большихъ снѣговъ.

Все тонуло въ бѣлоснѣжной рыхлой пеленѣ. Сообщаться можно было только на лыжахъ или по накатаннымъ розвальнями дорогамъ, на которыхъ разъѣхаться часто было невозможно, — лошади съ санями проваливались у обочины въ глубокій снѣгъ, и ихъ потомъ съ трудомъ вытаскивали возжами.

Снѣгъ ломалъ крыши и старыя сосны и ели, видѣвшія всякія зимы, гнулись подъ его тяжестью...

Поѣзда занесенные снѣгомъ, стояли въ пути цѣлыми сутками.

Спокойно подъ такими снѣгами, безъ страха заверзнуть, грѣлось на озимыхъ поляхъ осеннее зерно...

При дружной веснѣ такіе снѣга грозили бѣдствіемъ...

Рѣки, къ тому же, стали рано.

Крѣпость Двинскъ на Западной Двинѣ, представлявшая когда - то первоклассную крѣпость, уже давно потеряла всякое боевое значеніе, и ея, когда то грозные бастіоны и предмостный теть-де-понъ, были превращены въ обширные склады, въ которыхъ хранилось огромное военное имущество на случай войны.

Крѣпость отдѣлялась отъ рѣки высокой дамбой отъ наводненій, и каждую весну крѣпость переживала тревожные дни, въ зависимости отъ того, какъ высоко поднималась по дамбѣ двинская вода. Въ этомъ году и крѣпость, и городъ испытывали большое безпокойство, когда все кругомъ бы-

ло завалено снѣгомъ и метеорологическія станціи предсказывали раннюю весну съ внезапнымъ тепломъ.

Въ началѣ марта пріѣхали изъ Вильны саперныя команды съ офицерами.

Съ одной изъ нихъ пріѣхалъ Божа.

Саперы конопатили и смолили бочки въ отдѣльномъ равелинѣ за глассисомъ, наполняли ихъ порохомъ и отвозили за версту внизъ по теченію, на берегъ рѣки, гдѣ она дѣлала крупную излучину въ высокихъ берегахъ и гдѣ почти ежегодно образовывались ледяные заторы.

Съ верховьевъ Двины уже были получены телеграммы о томъ, что тамъ ледъ двинулся, а въ Двинскѣ онъ все еще стоялъ. Это не предвѣщало ничего хорошаго!

Божа съ частью своихъ саперъ помѣстился въ небольшой дачѣ съ заколоченными на зиму окнами, у рѣки, и, волнуясь, ожидалъ начала ледохода. Онъ надѣялся, что при большой водѣ ледъ можетъ протолнуться стремительнымъ теченіемъ, не задержавшись въ узкомъ мѣстѣ, — такіе года бывали!..

Но въ этомъ году этого не случилось...

Ночью съ рѣки стали раздаватьсяоглушительные выстрѣлы, какъ изъ тяжелыхъ орудій, — это лопался ледъ! Рѣчное корыто стало быстро переполняться водой и къ утру ледъ медленно двинулся съ шумомъ, подобнымъ подземному гулу.

Плыли по теченію усаженныя елками рѣчныя дороги, извиваясь поперечными полосами, плыли досчатые рыбачьи шалаши, остовы лодокъ и снасти и на небольшой льдинѣ, жалобно выла небольшая рыжая собаченка. какимъ-то образомъ захваченная на рѣкѣ ледоходомъ.

Къ полудню ледъ пошелъ густо, стѣной...

Громадныя льдины, какъ бы стараясь обогнать одна другую въ своемъ движеніи, неуклюже громоздились, ломались, тонули и снова всплывали, сбиваясь на излучинѣ въ мощную преграду, у которой какъ передъ громадной плотиной, началъ подниматься весь колоссальный рѣчной напоръ вешней воды.

Вода кипѣла и клокотала у затора, но, въ безсиліи. поднималась все выше и выше, разливаясь по лугамъ и угрожая наводненіемъ прибрежнымъ селамъ и деревнямъ.

Крѣпостная дамба была уже залита на половину.

Къ вечеру, на косѣ, саперы разбили пироксилиновыми шашками скопившійся ледъ. Въ образовавшійся протокъ хлынула вода, увлекая съ собой часть затора. Но ночью ледъ снова со скрежетомъ сталъ.

Ночь была парная, теплая... Еле свѣтила луна, неясно обрисовывая контуры береговъ и колеблющееся ледяное поле съ опаловыми тѣнями. Ледъ громоздился все выше и выше. Къ утру уже были цѣлыя горы.

Саперы накидали по затору доски и заложили въ «окна», т. е. въ глу-

бокія щели между льдинами, иногда до самаго дна, пороховыя бочки съ проводами...

Божа рѣзко повернулъ ручку индуктора... Охнулъ воздухъ, — и оглушительный гулъ пронесся по рѣкѣ...

Глыбы льда и мелкіе ледяные осколки въ брызгахъ воды высоко поднялись надъ рѣкой, играя на солнцѣ радугой и алмазами.

Заторъ заколебался и какъ бы задумался, — идти ему или нѣтъ?

Онъ медленно тронулся, пріостановился, заколебался, снова тронулся и сталъ...

Божа съ сердцемъ выбранился.

«Что прикажете?», не разслышалъ его унтеръ-офицеръ.

«Что? Еще разъ!», и Божа побѣжалъ по доскамъ на заторъ, выбирать новыя «окна».

Послѣ второго взрыва заторъ пошелъ... Только часть его, у берега, еще продолжала сопротивляться быстрому теченію воды... Божа взбѣжалъ на ледъ...

Неожиданно, ледяной массивъ заколебался... Божа бросился назадъ, но уже было поздно, — льдину, на которой, кромѣ Божи, оказалось еще два сапера, оторвало отъ берега и, закруживъ ее, понесло на фарватеръ. Перебираясь съ льдины на льдину, только у Ликсны, въ двадцати верстахъ отъ Двинска, имъ, уже совершенно обезсиленнымъ, удалось выбраться на берегъ.

Двинскій репортеръ не пожалѣлъ красокъ, чтобы описать, какъ «поручикъ Зоричъ, спасая Двинскую крѣпость отъ наводненія, едва не погибъ, унесенный на льдинѣ теченіемъ, со своими саперами».

Описаніе этого случая было помѣщено въ хроникѣ столичныхъ газетъ.

Читая вслухъ вечеромъ газету отцу, Машенька прочла это описаніе и не сразу поняла его содержаніе.

Когда же она поняла, что этотъ поручикъ Зоричъ — это Божа и что онъ могъ погибнуть, на нее нахлынуло такое большое и сложное чувство и душу охватило такое волненіе, что у нея уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что она любитъ Божу...

Она написала ему горячее письмо...

Божа пріѣхалъ въ Оршу на Пасху.

Машенькино письмо опредѣлило ихъ отношенія, — она стала Божиной невѣстой.

XXXI

Орша долгое время помнила ту свадьбу, которая являлась для нея не только темой для воспоминаній, но какъ-бы эрой лѣтосчисленія.

Всѣ событія этого уѣзднаго города группировались «до» и «послѣ», — такъ велико было оставленное ею впечатлѣніе!

Свадьба происходила въ городскомъ соборѣ... У собора стояли самые разнообразные экипажи, начиная отъ обыкновенныхъ помѣщичьихъ «найтычанокъ» до парадныхъ каретъ.

Бабушка пріѣхала въ своемъ дормезѣ и вмѣстѣ съ ней пріѣхалъ Саша, чтобы не запылился его гвардейскій мундиръ. Божа съ Даровскимъ уже были въ церкви. Дормезъ поѣхалъ за невѣстой.

На свадьбѣ была вся Орша...

Любопытные наводнили церковный дворъ и три городовыхъ съ квартальнымъ, составлявшіе весь штатъ оршанской полиціи, усердно наводили порядокъ.

Машеньку ввелъ въ церковь старикъ-помѣщикъ въ полинялой, какъ онъ самъ, егерской формѣ, и мальчикъ съ образомъ, какой-то маленькій реалистъ, который долженъ былъ идти впереди, все время конфузливо жался къ нему.

О. Павелъ и матушка остались дома по тому старинному обычаю, вылившемуся изъ повелѣнія Петра Великаго, по которому родителямъ вѣнчавшихся дочерей запрещалось быть въ церкви, чтобы не было «на кротости дщерей родительскаго настоянія при бракѣ».

Обрядъ совершался торжественно, парадно, чинно...

Въ открытыя окна вливался прянный запахъ цвѣтущей медуницы приднѣпровскихъ луговъ и легкій вѣтеръ колебалъ лампадные огни у темныхъ старинныхъ иконъ. Солнце ласково бросало свои лучи на молодыхъ, стоявшихъ передъ алтаремъ съ полнымъ сознаніемъ большой взаимной любви, способной на подвигъ...

Вечеромъ Божа съ Машенькой уѣхали на пароходѣ въ Кіевъ, чтобы дальше ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Сербію. Машенька хотѣла видѣть тѣ мѣста, гдѣ Божа провелъ свое дѣтство, и помолиться на могилѣ его матери.

На третьи сутки австрійскій поѣздъ подвозилъ ихъ къ Бѣлграду.

XXXII

«Изъ подъ таинственной, холодной полумаски
«Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
«Свѣтились мнѣ твои плѣнительные глазки
«И улыбалися лукавыя уста.

М. Лермонтовъ.

Въ Маріинскомъ театрѣ только что закончился «Евгеній Онѣгинъ». Медленно опускался тяжелый занавѣсъ. Нѣжные и чарующіе звуки оперы еще дрожали подъ куполомъ огромнаго зрительнаго зала.

Публика, бѣснуясь, вызывала Собинова.

Саша, подождавъ у бокового входа, пока не отхлынула изъ партера первая волна, прошелъ черезъ фойе, мимо парныхъ часовыхъ у Императорской ложи, когда капельдинеры въ золоченыхъ кафтанахъ тушили люстры боковыхъ ложъ.

Онъ вышелъ на подъѣздъ и, пройдя площадь, между рядами стоявшихъ экипажей, направился въ сторону Мойки.

Пройдя мостъ, онъ повернулъ направо, и, миновавъ Флотскій экипажъ и Конную гвардію, вспомнилъ, что онъ собирался сегодня на большой благотворительный балъ-маскарадъ, дававшійся ежегодно въ началѣ сезона въ залахъ Благороднаго собранія.

Наканунѣ, онъ получилъ короткую записку, въ которой ему на этомъ маскарадѣ назначалось свиданье и, увѣренный въ томъ, что это его интригуетъ одна дама, державшаяся съ нимъ въ обществѣ чопорно и строго, но при случаѣ дарившая его многообѣщающими улыбками, рѣшилъ открыть ея инкогнито.

Саша свернулъ на Морскую.

Былъ небольшой морозъ... Слегка порошило... Сквозь падающія снѣжинки, казавшіяся серебряной пылью, подъ ослѣпительными потоками электрическаго свѣта, неясно обрисовалась среди площади на высокомъ пьедесталѣ, воздушная конная фигура Императора Николая I.

Проходя мимо Донона, Сашѣ вспомнилась Роза, съ которой онъ такъ часто посѣщалъ этотъ ресторанъ.

Она уже мѣсяцъ, какъ порвала съ нимъ всѣ отношенія (по прежнимъ основаніямъ!) и теперь служила корреспонденткой въ какой то иностранной торговой фирмѣ.

Мысли о Розѣ въ послѣднее время все чаще приходили ему на умъ. Онѣ мучили его. Онъ старался не думать о ней, но кончалъ тѣмъ, что, какъ кокаинистъ, самъ себѣ уступалъ.

Такъ было и на этотъ разъ...

Лихорадочное волненіе охватило его...

«Ужъ не Роза ли написала мнѣ эту записку?», подумалъ онъ, вызывая въ себѣ острое желаніе видѣть ее.

«Нѣтъ, — не пришло еще время!», рѣшилъ онъ печально.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Димитрій Сверчковъ.

Принимается подписка на «Вѣстникъ»
Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза:
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7e).

Le gérant : M. Boivent.

IMP. «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

№ 12

ВѢСТНИКЪ СОЮЗА ОФИЦЕРОВЪ УЧАСТНИКОВЪ ВОЙНЫ

- 1932 -

Парижъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Изъ жизни Союза. 2. **Волконбрунъ:** Къ исторіи Гвардіи. 3. **Проф. Н. В. Краинскій:** Психика и техника. 4. **Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій:** Стихотвореніе. 5. **Димитрій Сверчковъ:** Божидаръ Зоричъ,, романъ (продолженіе). 6. **Наталія Русская:** Стихотвореніе.

ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКИХЪ КАРТОЧЕКЪ.

Производится въ пріемные дни и часы въ канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія, 15 франковъ. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинаемъ не могущіе перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу: Union des Officiers Russes, 35, rue de Sevrès, Paris (VI) со вложеніемъ членскаго взноса и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. Въ простыхъ письмахъ ни денегъ, ни старыхъ карточекъ просятъ не посылать.

Члены Союза, просрочившіе свои членскіе взносы за прошлые годы, должны при перемѣнѣ членской карточки уплатить за старые годы. Въ случаѣ желанія разсрочить эти платежи, надлежитъ обратиться съ ходатайствомъ къ Предсѣдателю Союза.

Канцелярія Союза: Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sevrès, Paris, (станція метро: Севръ Бабилонъ или Севръ) открыта: по воскресеньямъ отъ 2-хъ до 4-хъ час.; вторникамъ и пятницамъ отъ 4-хъ до 6-ти час. и средамъ отъ 6-ти до 8-ми час. При всѣхъ письменныхъ обращеніяхъ въ канцелярію слѣдуетъ указывать свой чинъ, фамилію, номеръ членской карточки, годъ ея выдачи и адресъ. Предсѣдатель Союза проситъ всю корреспонденцію адресовать на Канц. Союза; при желаніи сохранить конфиденціальность писать «въ собственныя руки Предсѣдателя Союза».

Изъ жизни союза

29 мая состоялось годовое общее собраніе членовъ Союза Офицеровъ Участниковъ Великой войны, на которомъ Предсѣдателемъ Союза Генераломъ отъ Кавалеріи Эрдели былъ прочитанъ слѣдующій докладъ.

Минувшій 1931 годъ, — одиннадцатый годъ существованія Союза, прошелъ сравнительно благополучно, хотя со второй половины года стали намѣчаться: увеличеніе кризиса и безработицы. Къ концу года эти явленія приняли болѣе значительныя, а временами и угрожающіе размѣры. Правленіе Союза, какъ могло, приходило на помощь нуждающимся и безработнымъ. Выдача ссудъ изъ кассы взаимопомощи, безплатные обѣды, ходатайства въ Министерствѣ Труда и во Французскомъ Союзѣ А. П. С. С., облегчали хотя бы нѣсколько затруднительное положеніе обращавшихся въ Правленіе Союза его Членовъ.

Получивъ свѣдѣнія, что нѣкоторые офицеры находящіеся въ нуждѣ стѣсняются обращаться въ Союзъ за помощью, Правленіе Союза организовало сборъ свѣдѣній о такихъ нуждающихся и посѣщеніе ихъ на дому, сестрой милосердія Союза и женой одного изъ Членовъ Союза. По обнаруженіи бѣдственнаго положенія, семьи такихъ офицеровъ снабжаются продовольственными пакетами отъ Союза (1 кило сах. 1 пак. чая, 2 пак. макаронъ, 2 пак. рису, 1 пак. масла или банку молока) и небольшой суммой денегъ, на папиросы или лекарство.

Также, и въ канцеляріи Союза, кромѣ обѣдовъ, нуждающимся и безработнымъ Чл. Союза, выдаются безплатно чай, сахаръ и кое какіе продукты. Изданныя Французскимъ Правительствомъ Правила о трудѣ иностранцевъ, поставили комбатантовъ участниковъ Великой Войны въ положеніе болѣе благопріятное, въ смыслѣ права работы и это имѣло послѣдствіемъ то, что многіе работодатели, какъ сообщили сами члены Союза, условіемъ оставленія на работѣ поставили наличность комбатантской карточки.

Въ отвѣтъ на многочисленные запросы, для свѣдѣнія Членовъ Союза и для избѣжанія недоразумѣній, Правленіе Союза сообщаетъ своимъ Членамъ, что во Франціи имѣется нѣсколько союзовъ комбатантовъ, изъ коихъ наиболѣе значительныхъ два: Association Nationale des Camarades de Combat (A. N. C. Ç.) и Union Nationale des Combattants (U. N. C.).

Какъ тотъ, такъ и другой Союзы предоставляютъ своимъ членамъ и входящимъ въ него секціямъ иностранцевъ одинаковыя льготы; но ни тотъ ни другой, не можетъ предоставить иностранцамъ правъ, принадлежащихъ французамъ.

Иностранцы не имѣютъ права на установленные для французовъ,

Croix de Guerre, французскаго знака комбатантовъ и французской медали за войну.

Оба союза даютъ членамъ иностранныхъ секцій право носить установленные въ каждомъ, особые значки комбатантовъ и выдаютъ членскія карточки: нашъ Союзъ А. N. С. С. дѣйствительныхъ членовъ (membre actif); также, какъ и французамъ, съ надписью «s'est battu pour la France», а U. N. C. — членовъ соревнователей (membre adhèrent) и безъ такой надписи.

Перемѣна каждый годъ членскаго билета является обязательной о чемъ имѣется напоминаніе французскаго Союза на самой карточкѣ.

Матеріальное положеніе Союза за 1931 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общая сумма прихода за 1931 г. достигла	36.713,33
Что за вычетомъ остатка отъ 1930 г.	10.797,87
Составитъ сумму поступленій отчетнаго года	25.915,46
Главныя статьи прихода въ 1931 г. составляютъ:	
1. Членскіе взносы	14.266,—
2. Сборы на койку для туб. чл. союза имени Государя Императора Николая II-го и Его Августѣйшей Семьи	5.892,—
3. Сборъ на устройство убѣжища для престарѣлыхъ Членовъ Союза	2.607,—
4. Отъ продажи въ 1931 г. Вѣстника Союза	1.402,95
5. Возвращено выданныхъ Правленіемъ ссудъ ..	395,—
6. % по т. сч. и купонамъ	279,01
7. Пожертвовано Союзу Французскими Банками (Banque des Pays Bas, Credit Lyonnais и Société Générale).	500,—
8. Пожертвовано Членами Союза	150,—
9. Собрано «на покрытіе расходовъ» на празднованіе 10-лѣтія Союза	117,—
10. Получено отъ продажи Устава Союза въ 1931 г.	293,—
11. Разныя поступленія	13,50
Общая сумма расходовъ въ 1931 г. достигла	23.628,55
Суммы эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:	
1. Уплочено за акціи на квартиру Союза въ Акціонерномъ Обществѣ «Русскій Домъ»	5.000,—
2. Выдано заимообразно ссудъ изъ Правл. Союза	647,—
3. Уплочено за лѣченіе больн. и туб. Чл. Союза	2.050,—
4. Уплочено А. N. С. С. за членскія карточки	2.750,—
5. На библіотеку Союза	731,65
6. Израсходовано на консьержа и уборку канцеляріи	495,—
7. На безплатные обѣды	96,—
8. На канцелярскіе расходы	304,65

9. На секретаріатъ .... 975,—
10. На почтовые расходы 707,45
11. На вознагражденіе Казначея (онъ же Секретарь) .... 6.875,—
12. На печатаніе Вѣстника Союза .... 1.747,—
13. На освѣщеніе канцеляріи 88,75
14. Пожертвовано на инвалидовъ .... 300,—
15. За печатаніе бланковъ и Устава Союза .... 325,—
16. За почтовый ящикъ Союза въ почт. отд. № 7 72,25
17. Чл. взн. въ комит. по образованію юношества 100,—
18. Расходъ по устройству 10-лѣтняго юбил. союза .... 150,—
19. Разные расходы 213,80

Въ остаткѣ на 1 января 1932 г. состояло:
по приходо-расходной книгѣ казначея 13.084,78
наличность кассы взаимопомощи *1.116,42*
наличность суммъ библіотеки 134,40

Итого *14.335,60*

а также пай Союза на квартиру въ акціяхъ Общества «Русскій Домъ» .... *5.000,—*

Всего суммъ Союза 19.335,60

Какъ видно изъ доложенныхъ данныхъ о матерьяльномъ положеніи, таковыя продолжаютъ быть не только благопріятными, но значительно выше по сравненію съ прошлымъ годомъ и цѣлымъ рядомъ предыдущихъ лѣтъ.

Средства койки для туберкулезныхъ Чл. Союза продолжаютъ собираться и не иссякаютъ.

Къ 1 янв. 1931 г. сумма койки составляла .... 2.081,—,
а на 1 янв. 1932 г. она равняется 5.923,10

Въ теченіе отчетнаго года Правленіе Союза, кромѣ сбора на койку для туберкулезныхъ, продолжало сборъ средствъ на организацію Убѣжища для престарѣлыхъ и потерявшихъ возможность работать Членовъ Союза..

Поступленіе на эту цѣль, за 1931 г. выразилось въ суммѣ *2.607,—,*
что съ собранными въ 1930 г. 994,35 составитъ къ 1 янв. 1932 г. *3.601,35.*

Первые четыре мѣсяца 1932 г. дали сборовъ на эту цѣль *1.612,50.*

Итого, къ 1 мая 1932 г. сборы на организацію Убѣжища достигли суммы .... *5.213,85.*

Воспользовавшись постройкой «Русскаго Дома» въ Иси ле Мулино, Правленіе пріобрѣло тамъ акціи на право полученія квартиры въ 3 комнаты, внеся за нихъ, изъ собранныхъ суммъ 5.000 фр. и продолжая сборы, намѣчаетъ устроить въ этомъ домѣ, окончаніе котораго предполагается осенью текущаго 1932 г., Убѣжище для престарѣлыхъ Чл. Союза.

Взволновавшее всѣхъ Русскихъ, отвратительное убійство Президента

Французской Республики. встрѣчено съ возмущеніемъ Членами Союза Офицеровъ Уч. Вел. В. Въ экстренномъ засѣданіи Правленія было постановлено просить Предсѣдателя и Секретаря Союза, вручить Предсѣдателю A. N. C. C. письменное выраженіе возмущенія Правленія Союза и соболѣзнованіе въ горѣ, постигшемъ Фрацію и нашихъ сочленовъ Французскихъ Комбатантовъ. 12 мая это было исполнено и Предсѣдатель Французскаго Союза обѣщалъ копію письма Союза Русскихъ Офицеровъ Уч. В. В., при сопроводительномъ письмѣ, отправить новому Президенту Республики.

Я обращаюсь ко всѣмъ членамъ Союза съ напоминаніемъ о необходимости самаго серьезнаго вниманія къ образу жизни и поведенію нашихъ Членовъ Союза и о всѣхъ случаяхъ марающихъ званіе офицера и Русское имя, прошу сообщать мнѣ немедленно. Напоминаю, что Рекомендательныя подписи па опросныхъ листахъ, вновь поступающихъ въ Союзъ членовъ, должны даваться съ полной осмотрительностью и сознаніемъ принимаемой на себя отвѣтственности. Только непрерывный и серьезный контроль самихъ членовъ Союза, надъ состоящими въ немъ и вступающими, г. г. офицерами, дастъ гарантію въ томъ. что нежелательные элементы будутъ изъ Союза своевременно удалены или не допущены.

Предсѣдатель Союза

Генералъ отъ Кавалеріи *Эрдели.*

Послѣ доклада Предсѣдателя, И. д. Предсѣдателя Ревизіонной Комиссіи Генералъ-Маіоръ Суворовъ огласилъ докладъ Ревизіонной Комиссіи о повѣркѣ суммъ денежной отчетности и дѣятельности Правленія за 1931 г. Докладъ принятъ и Правленію Союза Общее Собраніе принесло благодарность за его дѣятельность въ отчетномъ году.

Докладъ.

Комиссія въ составѣ Генералъ-Маіора Суворова, Полковника гр. Воронцова-Дашкова и Полковника Каханова, 25-го сего мая, провѣрила денежныя суммы, книги и оправдательные документы казначея, кассы взаимопомощи и библіотеки Союза Офицеровъ Участниковъ Войны, причемъ оказалось, что суммы показаны вѣрно, отчетность ведется чрезвычайно аккуратно, а документы находятся всѣ на лицо.

Сумма прихода за 1931 г. по книгамъ казначея составила	36.713,33
Сумма расхода по тѣмъ же книгамъ выразилась	23.628,55
Остатокъ къ 1-му января 1932 года составилъ	13.084,78
Кромѣ того на 1-ое января 1932 г. состоитъ суммъ Кассы	
Взаимопомощи	1.116,42
и Библіотеки	134,40
Итого	14.335,60
А также пай Союза въ «Русскомъ Домѣ»	5.000
Всего на 1 янв. 1932 г. суммъ Союза	19.335,60

Ревизіонная комиссія съ большимъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ, что Союзъ Офицеровъ Участниковъ Войны, продолжая идти по правильному пу-

ти, благоразумно сокращая свои расходы и увеличивая приходъ, довелъ свой остатокъ на 1 января 1932 г. до суммы 19.335 фр. 60 с. Комиссія считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить, что Правленіе въ борьбѣ съ тяжелымъ положеніемъ многихъ членовъ Союза въ связи съ безработицей и общимъ кризисомъ достигло большихъ успѣховъ. Особенно заслуживаетъ вниманія и благодарности, что Правленіе приходитъ на помощь, не ожидая личныхъ обращеній членовъ Союза, а по возможности слѣдитъ за жизнью офицеровъ и само идетъ навстрѣчу ихъ нуждѣ.

За Предсѣдателя Ревизіонной Комиссіи:

Генералъ-Маіоръ *Суворовъ*.

Члены: Полковникъ *Гр. Воронцовъ-Дашковъ*.

Полковникъ *Кахановъ*.

Вслѣдъ за этимъ Предсѣдатель Союза доложилъ на утвержденіе Общаго Собранія проектъ измѣненія § 1 Наказа къ Уставу Союза, принятый въ нижеслѣдующей редакціи:

Союзъ Русскихъ Офицеровъ Участниковъ Великой Войны, — организація, объединяющая Офицеровъ Россійской Арміи и Флота, военныхъ врачей и военное духовенство, принимавшихъ участіе въ Великой Войнѣ 1914-1917 г. г. и въ Гражданской Войнѣ, какъ продолженіе Великой, до 11 ноября 1918 года (дата заключенія союзниками перемирія).

Послѣднимъ вопросомъ, поставленнымъ на обсужденіе Годового Общаго Собранія былъ вопросъ о членахъ Союза, не возобновившихъ своихъ членскихъ карточекъ за предыдущіе годы и Общее Собраніе приняло нижеслѣдующее постановленіе, о чемъ рѣшено помѣстить объявленіе въ газетахъ.

Постановленіе.

Годовое Общее Собраніе, 29 мая с. г., постановило въ цѣляхъ провѣрки своихъ членовъ, предложить всѣмъ членамъ Союза не возобновившимъ своихъ членскихъ карточекъ въ теченіе 1931 и 1932 годовъ, сдѣлать это въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ. eН имѣющіе, по затруднительному матеріальному положенію, возможности выполнить вышеуказанное, приглашаются обратиться въ Правленіе Союза съ заявленіемъ о семъ. Не сдѣлавшіе ни того, ни другого, послѣ 1-го августа, будутъ считаться изъ Союза выбывшими и приглашаются, какъ не состоящіе въ немъ, вернуть свои просроченныя членскія карточки.

По окончаніи обсужденія вышеупомянутыхъ вопросовъ, были произведены выборы.

Выбранными оказались: *Въ члены Правленія:* Генералъ-Лейтенанты: *Черячукинъ* и *Ставицкій*. Генералъ-Маіоры: *Бемъ и Чекатовскій*. Полковники: *Бако, Сверчковъ, Колѣевъ, Кононовъ* и *баронъ Розенъ*, Подполковникъ *Дараганъ* и Ротмистръ *Вуичъ*.

Въ Ревизіонную Комиссію: Генералъ отъ Кавалеріи *Кауфманъ-Туркестанскій*, Генералъ-Маіоръ *Суворовъ* и Полковникъ *Графъ Воронцовъ-Дашковъ*.

Къ исторіи Гвардіи

Борису Владиміровиду Геруа.

Въ № 9 «Русскаго Инвалида», въ статьѣ «Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ», проф. ген. Б. В. Геруа высказалъ предположеніе, что этотъ полкъ очень рано сталъ комплектоваться на общегвардейскихъ Петровскихъ началахъ.

Основательность такого предположенія можетъ быть подкрѣплена только архивными изысканіями.

Недоступный въ наше время архивный матеріалъ не позволяетъ разработать съ исчерпывающей полнотой вопросъ о комплектованіи Л. Гв. Измайловскаго полка въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Однако, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи нѣкоторыя архивныя данныя проливаютъ свѣтъ на этотъ вопросъ и устанавливаютъ, что догадка Б. В. Геруа *вполнѣ правильна.*

Для настоящаго очерка мы пользуемся, преимущественно, выписками изъ Сенатскихъ архивовъ (Сен. Арх.) и Бумагами Кабинета Императрицы Анны (Б. К.).

22 сентября 1730 г. Высочайшей резолюціей былъ утвержденъ докладъ фельдмаршала кн. М. М. Голицына о сформированіи Измайловскаго полка (П. С. З. № 5623). Солдаты набирались для его рядовъ изъ ландмилиціи, офицеры — иностранцы и только тѣ изъ русскихъ, «которые на опредѣленномъ противъ Гвардіи рангами и жалованьемъ себя содержать къ чистотѣ полка могутъ безъ нужды».

Однако, намѣренія Высочайшаго распоряженія не были проведены въ жизнь. Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ, очень скоро по своемъ основаніи, сталъ пополняться на общихъ для всей гвардіи правилахъ.

Уже въ 1731 г. онъ занимаетъ совершенно равное положеніе съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ.

9-го декабря 1731 г. были утверждены новые штаты всѣхъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ (Б. К. I. 69) и въ теченіи трехъ дней (10-12 декабря) Государыня, работая въ Кабинетѣ, лично «разобрала» гвардіи офицеровъ, приказала составить новые списки по полкамъ и подписала каждый изъ нихъ (Б. К. I. 78-80). Уже этотъ разборъ показываетъ, что Измайловскій полкъ не намѣревались пополнять особеннымъ образомъ, какъ то проектировалъ актъ 22 сентября.

Въ концѣ 1732 года было высочайше повелѣно Военной Коллегіи сноситься съ полками Лейбъ-Гвардіи Преображенскимъ, Семеновскимъ, Измайловскимъ и Коннымъ — промеморіями, т. е. такъ, какъ эта коллегія сносилась съ равными себя учрежденіями, а не указами, какъ было принято по отношенію къ органамъ подчиненнымъ (Б. К. I. 539).

Измайловцы несли службу наравнѣ съ Преображенцами и Семеновцами, и личный составъ нижнихъ чиновъ полка, поскольку это удается выяснить на изученіи указанныхъ матеріаловъ, былъ совершенно такой-же смѣ-

шанный, какъ и въ двухъ первыхъ гвардейскихъ полкахъ: дворяне, иностранцы, солдаты ландмилиціи.

Можно безъ большой погрѣшности утверждать, что, уже начиная съ 1732 года, въ Измайловскій полкъ, какъ и въ ряды его старшихъ братьевъ, стали зачисляться недоросли изъ дворянъ.

Просмотръ Бумагъ Кабинета за первое время его существованія позволяетъ установить, что кабинетъ-министры при каждомъ пріемѣ шляхетскихъ недорослей на службу, смотрѣли ихъ въ Кабинетѣ и часть ихъ назначали въ Гвардію въ солдаты, не дѣлая никакихъ особыхъ изъятій для пополненія Измайловскаго полка. Такъ, послѣ смотровъ, было назначено «въ Гвардію» въ 1732 г. 45 человѣкъ молодыхъ дворянъ; въ 1733 г. — 35 человѣкъ. Изъ нихъ какая то часть была принята на службу Лейбъ-Гвардіи въ Измайловскій полкъ.

Въ августѣ 1732 г. отправленъ въ Тверь изъ Кабинета съ порученіемъ, Л. Гв. Измайловскаго полка сержантъ Извѣковъ, а зимой того же года Сенатъ представилъ Кабинету списокъ шляхетскихъ недорослей, предназначенныхъ для службы въ гвардіи и между ними былъ Владиміръ Федоровъ сынъ Извѣковъ (Б. К. I. 363 и 402). Нѣтъ сомнѣнія, что и служившій уже въ полку сержантъ Извѣковъ былъ дворяниномъ. Въ 1733 г. кабинетъ-министры назначили группу молодыхъ дворянъ въ гвардію, въ солдаты. Между ними значится — Ефимъ Андреевъ сынъ Ласунскій (Б. К. II. 33). Сынъ его — капитанъ Л. Гв. Измайловскаго полка Михаилъ Ефимовичъ Ласунскій былъ дѣятельнымъ участникомъ іюньскихъ событій 1762 г. (Бильбасовъ, В. А. Исторія Екатерины II-й. II. Берлинъ, 1900, стр. 7, прим. I). Очень возможно, что и отецъ его былъ измайловцемъ, начавъ службу въ полку солдатомъ. Эта родовая служебная традиція, вообще наблюдается въ Гвардіи, и Измайловскій полкъ не составляетъ исключенія.

Въ 1733 году сержантъ полка Бунинъ (старая дворянская фамилія) везетъ срочное письмо министровъ князю А. И. Шаховскому (Б. К. II. 176). Отвѣтственное порученіе исполняетъ лѣтомъ 1733 г. солдатъ Л. Гв. Измайловскаго полка кн. Александръ Барятинскій, отправленный въ низовой корпусъ къ ген. кн. Гессенъ-Гомбургскому (Арх. Сен. кн. 62, л. 54). Въ 1735 году утверждены въ должности Кабинетъ-курьеровъ 10 солдатъ отъ полковъ Лейбъ-Гвардіи, и отъ Измайловскаго полка: князь Степанъ Енгалычевъ, Иванъ Мозалевскій и Александръ Сухочевъ (Б. К. II. 499 и IV. 324). Курьерами выбирались люди образованные. Позднѣйшая запись (1737) журнала Кабинета гласитъ: «Господа кабинетъ-министры приказали: Лейбъ-Гвардіи изъ полковъ представить въ Кабинетъ въ курьеры съ каждаго батальона по два человѣка, чтобъ знали по-нѣмецки, или по-французски, ежели добрые и къ тому достойные сыскаться могутъ» (Б. К. VI. 14).

Рядомъ съ этимъ находимъ указанія, что солдатами полка были и иноземцы. Такъ сержантъ Измайловскаго полка Густавъ-Морицъ Пальменбахъ билъ челомъ государынѣ о пожалованіи ему мызы Игастъ въ Курляндіи (Журн. 1735. Б. К. IV 365).

Этотъ краткій подборъ свѣдѣній только за первыя пять лѣтъ суще-

ствованія полка позволяетъ установить, что солдатскій составъ полка складывался: изъ россійскихъ дворянъ, иноземцевъ и ландмилицкихъ солдатъ. Что таковые, дѣйствительно, составили первые ряды полка видно изъ высочайше утвержденнаго доклада командующаго полкомъ въ 1731 г. «о выключеніи изъ подушнаго оклада взятыхъ ландмилицкихъ солдатъ» (журналъ 7 дек. 1731. Б. К. 1. 63). Здѣсь же приведены чрезвычайно важныя для историка полка свѣдѣнія.

«Въ прошломъ 1730 году — говорится въ докладѣ (Б. К. 1. 67), — учрежденъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ по набору изъ ландмилицкихъ, въ которомъ обрѣтающіеся нынѣ солдаты въ бытность ихъ, до взятія на службу, однодворцами положены по губерніямъ Кіевской, Воронежской и Бѣлогородской въ подушный окладъ, а колико оныхъ ландмилицовъ въ помянутый полкъ опредѣлено, о томъ значится ниже сего...» Изъ этого документа мы узнаемъ, что «съ начала учрежденія полка изъ ландмилицовъ» было опредѣлено 1903 человѣка; за годъ убыло 74 чел.; къ 1 декабря 1731 года числилось на лицо 1829 человѣкъ. Памятуя, что численный составъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ при Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1731 г. былъ установленъ (изъ расчета трехъ четырехъ - ротныхъ батальоновъ и одной гренадерской роты) въ 1898 чел., видимъ, что въ Измайловскомъ полку «ландмилицы» составляли подавляющее большинство.

Но и въ другихъ гвардейскихъ полкахъ служили солдатами не только дворяне.

Одинъ интересный документъ устанавливаетъ, что Л.-Гв. въ Преображенскомъ полку служили и дворовые люди. Такъ, въ 1735 г. Сенатъ велѣлъ «написанныхъ въ пожалованномъ камеръ-юнкеру Татищеву селѣ Тейковѣ въ подушномъ окладѣ дворовыхъ людей Василья да Степана Крячиныхъ, которые по силѣ именного указа опредѣлены въ солдаты, Л.-Гв. въ Преображенскій полкъ, зачесть ему, Татищеву, впредь, въ рекрутскіе наборы». (Арх. М. Ю. кн. 62-1139). Рядомъ съ этимъ документомъ слѣдуетъ отмѣтить прошедшій черезъ Кабинетъ докладъ Сената «о выключкѣ изъ подушнаго оклада взятыхъ лейбъ-гвардіи въ полки изъ ландмилиціи». (Журн. 16 окт. 1735 г. Б. К. IV. 410).

Иностранцы служили солдатами во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ. Такъ, напримѣръ, Преображенецъ солдатъ Іоганнъ Линдеманъ хлопоталъ въ Кабинетѣ о перемѣнѣ рангомъ, капралъ Л.-Гв. Коннаго полка Отто Іоаннъ фонъ-Ренне — объ увольненіи отъ службы; того же полка рейтаръ Корсъ ходатайствовалъ о годовомъ отпускѣ въ Стокгольмъ. (Б. К. І. 498).

Вышеизложенное, думается, даетъ достаточныя основанія для того, чтобы утверждать, что пополненіе Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, съ самыхъ первыхъ лѣтъ его существованія, производилось на общихъ для всей Гвардіи началахъ.

Попытаемся теперь опредѣлить характеръ офицерскаго состава полка за этотъ же періодъ перваго пятилѣтія его существованія. Бумаги Ка-

бинета и здѣсь представляютъ собой чрезвычайно важное пособіе. На основаніи ихъ возможно установить, конечно, не весь списокъ офицеровъ полка, но только нѣкоторыя имена.

Въ полку были: полковникъ графъ Карлъ-Рейнгольдъ Левенвольде (П. С. З. № 5623), подполковникъ Джемсъ Кейтъ (Арх. Сен. кн. 34, л. 311 и Б. К. I. 67), маіоръ баронъ Густавъ ф.-Биронъ (произведенъ въ подполковники 30 янв. 1734 г. Арх. С. кн. 41, л. 24), маіоръ Иванъ Шиповъ (Б. К. I. 166; часто), маіоръ Гамфъ (Б. К. IV. 161 и 274), капитанъ фонъ-Теттау (Б. К. I. 181; часто), капитанъ Дмитрій Черновъ (Б. к. I. 530); капитаны - поручики: Дурново Иванъ (Б. К. III. 66), Дмитріевъ Родіонъ (Б. К. II. 45), Пашковъ Дмитрій (Б. К. II. 102); поручики: Рахмановъ Гаврила (Б. К. II. 74), Рахмановъ II-й (имя неизвѣстно. Б. К. II. 75), кн. Долгорукій Лука (Б. К. I. 194); подпоручики: Ковалевъ Петръ (Б. К. II. 45), Аргамаковъ (имя неизвѣстно. Б. К. II. 93), Вейсъ Андрей (Б. К. I. 498), Кнутовъ Ѳедоръ (Б. К. II. 412).

Какъ видимъ, изъ числа упомянутыхъ въ документахъ (только до 1735 г.) 17 офицеровъ полка, только 6 офицеровъ (Левенвольде, Кейтъ, Биронъ, Гамфъ, Теттау и Вейсъ) были иностранцы. 11 офицеровъ были, по происхожденію, изъ старыхъ русскихъ фамилій. Это русское начало полка усиливалось съ каждымъ годомъ.

Дѣйствительно-ли въ полку служили изъ русскихъ только обезпеченные офицеры, какъ то проектировалъ актъ 22 сентября 1730 г.? И на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ проливаютъ документы того времени. Ограничимся двумя примѣрами.

Такъ, когда Государыня повелѣла «обрѣтающимся въ С.-Петербургѣ офицерамъ постой имѣть на своихъ дворахъ, а у кого своихъ нѣтъ — нанимать», то маіоръ Шиповъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о пожалованіи ему двора въ Петербургѣ (Арх. Сен. Кн. 36, Л. 158). Капитанъ Черновъ просилъ Государыню о пожалованіи его деревнями, вслѣдствіе того, что «претерпѣваетъ немалую нужду» (Арх. М. Ю. к. 7 — 1084, л. 293).

Черезъ 30 лѣтъ послѣ основанія, полкъ имѣлъ чисто русскій офицерскій составъ. Послѣ восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, высочайшимъ указомъ 2 августа 1762 г. состоялось производство офицеровъ Лейбъ-Гвардіи по Измайловскому полку. Длинный списокъ пестритъ, преимущественно, русскими фамиліями. Всего 64 офицера. Иностранцы (возможно, что уже обрусѣвшіе) капитаны-поручики — Клаверъ, Ф. Энденъ, Биль; поручикъ Фокъ; прапорщикъ ф.-Розенъ. Остальныя 59 именъ — русскія (Бильбасовъ — II 2. Стр. 512).

Такъ, иностранное вліяніе было побѣждено русской традиціей. Намѣреніе доклада 22 сентября 1730 г., ввести въ русскую Гвардію новыя, чуждыя ей, начала не были осуществлены. Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ, сразу же по своемъ сформированіи, сталъ по своему составу и по духу, дѣйствительно, роднымъ братомъ старшихъ гвардейскихъ Петровскихъ полковъ.

Прага Чешская. *С. Волкобрунъ.*

Психика и техника

Разложеніе бываетъ разное. Во-первыхъ классовое. Оно вызывается классовою борьбою и проявляется въ саботажѣ, вредительствѣ и въ игрѣ на пораженіе со стороны рабочаго коммунистическаго элемента. Въ нормальномъ строѣ каждый классъ долженъ подчиниться государству и его можно заставить это сдѣлать. Другой видъ разложенія стихійный, неорганизованный, вызывается заболѣваніемъ общественнаго мнѣнія. Такое заболѣваніе является слѣдствіемъ пропаганды. Бредовыя идеи, формулированныя въ краткихъ лозунгахъ, охватываютъ массы и распространяются путемъ психической заразы. Пускаются въ ходъ легенды, слухи, клеветы, подготовляется выходъ изъ повиновенія. какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ организацій. На деморализацію противника тратятся огромныя деньги. какъ это дѣлалъ во время японской войны банкиръ Шиффъ, и посылаются агитаторы-растлители въ запломбированныхъ вагонахъ. Во время Великой войны всѣ державы работали въ этомъ направленіи. Широко культивировалась измѣна. Распропагандировались плѣнные...

Большевики первые учли психическіе факторы разложенія непріятеля и организовали спеціальные агитаторскіе курсы. Военная психологія и психо-патологія должна изучить указанные ими пути.

Къ сожалѣнію, военная психо-техника пошла по совершенно ложному пути въ колоссальныхъ манипуляціяхъ, предпринятыхъ въ Америкѣ. Вмѣсто иллюзіи подбора подходящей для даннаго индивида работы, военная психологія должна обратить вниманіе на законы коллективной психологіи и особенно на законы разложенія арміи, въ которой особенно легко поддается тылъ. Когда уже разложилась воинская часть или тылъ, поправить дѣло и нѣкогда, и нельзя, но предупредить его почти всегда возможно. Оно не наступаетъ сразу и длительно подготовляется. Источникъ его — агитація и пропаганда. которыя необходимо пресѣкать въ началѣ. Русскій опытъ показалъ, что никакія уговариванія, разъясненія, призывы и убѣжденія ни къ чему не ведутъ. Мѣры противъ разложенія арміи должны быть рѣшительны. суровы и быстро осуществляться. Всякія уступки, даже самыя справедливыя, не могутъ быть даны сейчасъ: ихъ только можно осуществить потомъ.

Главный факторъ въ разложеніи есть психологія толпы. Если хотятъ разложить непріятеля, надо стараться превратить его армію въ толпу. На полѣ боя это достигается пораженіемъ. Какъ бы ни была хороша армія, въ ней возможны смятенія, За пораженіемъ часто слѣдуетъ разложеніе и, какъ его слѣдствіе, паника.

Каждый офицеръ долженъ знать законы паники, методы ея вызыванія и мѣры борьбы съ нею, хотя сама психологія ее плохо знаетъ. Многіе военно-начальники лучше знаютъ панику практически, хотя никогда не обучались ея теоріи.

Обезпечить свою часть отъ паники не можетъ и лучшій командиръ

части, но справиться съ нею всегда возможно рѣшительными мѣрами. Она вызываетъ острое состоянiе дезорганизацiи и временную потерю боеспособности. Разложенiе и паника превращаютъ организованныя части въ толпу. Толпа безумна, слѣпа, подла, въ ней нѣтъ разума. Въ ней царятъ звѣрскiе инстинкты разрушенiя и убiйства. Ее надо во время разсѣять, противопоставивъ ей организованную, дисциплинированную военную часть и физическую силу. Это легко удается, потому что толпа безпорядочна и, несмотря на численность, слаба. Физическая сила массъ суммируется арифметически только при наличности порядка и организацiи.

Одно изъ величайшихъ заблужденiй есть дѣйствiе на разложившееся общество и массы противоагитацiей и противопропагандой. Разложенныя массы и толпы резонируютъ лишь на разрушительные призывы, разнуздывающiе низкiе инстинкты. Культура и мораль прививаются воспитанiемъ, а не пропагандой. Упустивъ моментъ, власть уже не можетъ овладѣть массами и получается анархiя. Не нужно даже, чтобы власть была умна, — надо. чтобы она дѣйствовала сурово, но законно и справедливо. Это и есть ея различiе отъ террора и насилiя. Терроръ можетъ быть дѣйствителенъ временно, для обузданiя не массъ, а чиновниковъ и служащихъ. Никогда терроръ не ликвидировалъ ни революцiи, ни бунта. Ихъ ликвидировало войско и закономъ установленная власть.

Психика обывателя должна быть обуздана. Авторитетъ власти долженъ стоять высоко... Политическая идеологiя всѣхъ государствъ въ настоящее время крайне неустойчива. Прiемы политической борьбы въ огромномъ большинствѣ аморальны и, чѣмъ напряженнѣе въ странѣ политическая борьба, тѣмъ легче она поддается разложенiю.Внесенiе этой борьбы въ армiю есть вѣрный путь ея разложенiя и, если желаютъ деморализовать армiю, въ нее вносятъ политическую борьбу.

То, что поощряется для врага, должно сурово караться у себя. Однимъ изъ прiемовъ деморализацiи непрiятельской армiи во время послѣдней войны было воздѣйствiе на плѣнныхъ и черезъ нихъ. Какъ скоро распространяется слухъ о мягкомъ обращенiи съ плѣнными, цѣлыя толпы охотно сдаются въ плѣнъ. Миллiоны плѣнныхъ — тому доказательство. Привлеченiе сродныхъ нацiональностей, обѣщанiе удобнаго плѣна, облегчаетъ сдачу противника въ плѣнъ. Все шкурное, трусливое, охотно сдается при этихъ условiяхъ и командующему остается лишь поощрять такую сдачу непрiятелю. Надо, однако, имѣть въ виду, что этой заразы не чужда и своя армiя, почему въ современныхъ боевыхъ частяхъ въ этомъ отношенiи надзоръ возлагается на полевую полицiю. Широко практикуется распропагандированiе плѣнныхъ въ лагеряхъ, инсценируются побѣги уже развращенныхъ плѣнныхъ, направляемыхъ въ свою армiю для разложенiя.

Разложенiе тыла и общества непрiятельской державы ведется путемъ нацiональной, политической и революцiонной пропаганды. Здѣсь требуются: 1) идейные, хотя и криминальные фантастики-революцiонеры, международные и свои мошенники-аватюристы и партiйные дѣятели, и 2) большiя средства на подкупъ прессы, политическихъ дѣятелей и партiй. Они

знаютъ, какъ разлагать общество. Пріемы для этого выработаны. Пропаганда ведется не прямая и въ первую очередь воздѣйствуетъ на либеральные элементы, которые къ ней наиболѣе чутки.

Возбуждаютъ недовольство, хвалятъ и переоцѣниваютъ непріятеля и порицаютъ своихъ. Муссируютъ мнѣнія о ненужности и непопулярности войны, и — главное — дискредитируютъ власть. Для этого создаются и распространяются слухи, легенды и клеветы, особенно на династію, т. е. дѣлается все то, что широко практиковалось въ Россіи во время Японской и въ концѣ Великой войны, вплоть до открытой клеветы съ трибуны парламента. Возбужденіе національной розни, пропаганда національнаго самоопредѣленія, разжиганія классовой ненависти — излюбленные методы разложенія. Непріятель входитъ въ общеніе съ оппозиціонными парламентскими дѣятелями и съ помощью подкупа поддерживаетъ пораженчество. Оппозиціонеры возводятся на пьедесталы, газеты подкупаются.

Очень своеобразенъ методъ вредительства. Оно покупается черезъ революціонеровъ. Ими взрываются непріятельскіе склады, ж. д. сооруженія, броненосцы («Императрица Марія») и т. д.

Индивидуальный терроръ, т. е. убійство черезъ фанатиковъ и подкупленныхъ лицъ командующихъ непріятельскими арміями почти неизвѣстенъ въ военной исторіи. Но большевики и тутъ проложили новый путь (убійство маршала Эйхгорна въ Кіевѣ и похищеніе ген. Кутепова въ Парижѣ). Это печальный методъ, обезславливающій военный подвигъ. Надо думать, что ни одна культурная держава все же не рискнетъ рекомендовать подобныя дѣйствія.

Политическія партіи практикуютъ и такой пріемъ вредительства. Они посылаютъ своихъ членовъ въ ставки командующихъ своихъ армій... Такъ, напр., въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміи находились офицеры генеральнаго штаба, члены революціонныхъ партій и заговорщики противъ Императора, которые вели свою работу на разложеніе. Такіе элементы должны быть своевременно ликвидированы контрразвѣдкой.

Охрана командного состава должна быть направлена не только на защиту его отъ покушеній, но и на подборъ надежныхъ, а не подкапывающихся сотрудниковъ изъ числа оппозиціонныхъ партій.

Политическая и революціонная пропаганда въ арміи производится своими силами и лишь косвенно поддерживается непріятелемъ.

Внѣдреніе въ армію штатскаго, невоеннаго элемента является дѣйствительнымъ пріемомъ разложенія арміи. Тутъ сталкиваются два міровоззрѣнія, во многомъ діаметрально противоположныя. Военное міровоззрѣніе вырабатывается исторіей, имѣетъ свои традиціи, передается нерѣдко по кастамъ и наслѣдственно. Оно, по существу своему консервативно, ибо оно охраняетъ историческія формы жизни страны.

Штатскій элементъ, остающійся внѣ арміи, не понимаетъ ни духа арміи, ни смысла военной физіогномики и символики и относится ко всему военному иронически и съ критикой. Насмѣшливое названіе «земгусаровъ» мѣтко показываетъ, что и штатскій элементъ заражается военной символи-

кой, несмотря на то, что понятія воинскаго долга и чести ему чужды. Съ этимъ элементомъ (напр., съ «земгусарами») въ ряды арміи проникаютъ революціонеры и агитаторы.

Борьба съ агитаторами и пропагандой должна быть безпощадной, но законной и справедливой и ни въ какомъ случаѣ не должна вестись въ формѣ контръ-пропаганды, ибо она никакихъ результатовъ не даетъ. Всякія политическія свободы во время войны должны быть уничтожены.

Хорошею почвою для разложенія арміи является т. наз. шкурничество. На этотъ элементъ обратило вниманіе общественное мнѣніе, но онъ совершенно не изученъ военной психологіей. Шкурникомъ въ извѣстной мѣрѣ является каждый, ибо никто не желаетъ умирать во имя другихъ, но называется имъ тотъ, кто чуждъ сознанія воинскаго долга и спасается отъ боя, не разбирая средствъ. Шкурники составляютъ полностью массы дезертировъ и уклоняющихся отъ боя, но они и растлѣваютъ армію своею критикою. Какъ бы ни было почетно учрежденіе Краснаго Креста, но тамъ не должно быть мѣста боеспособнымъ офицерамъ различныхъ чиновъ, которыми онъ кишитъ въ военное время. Шкурничество это та пружина, надавивъ на которую, можно взорвать боеспособную армію.

4.

Психопатологія тыла арміи и борьба съ его разложеніемъ. Уже много разъ было обращено вниманіе военныхъ ученыхъ на тылъ и его разлагающее вліяніе на дѣйствующую армію. Въ тылу царитъ спекуляція, хищничество, алкоголь и проституція. Дезертиры всѣхъ сортовъ свиваютъ тамъ свои гнѣзда.

Управленіе тыломъ трудно и дезорганизація его осуществляется легко. Сюда стекается все трусливое и сюда же тянутся агитаторы, революціонеры и пораженцы. Здѣсь создаются сплетни, слухи и легенды отравляющія армію. Деморализація арміи рождается именно въ тылу. Здѣсь сѣется паника, подрывается авторитетъ военноначальниковъ, выкристализовывается общественное мнѣніе и оцѣнка войны.

Психически неорганизованный тылъ неустойчивъ, труслнвъ и продаженъ, вслѣдствіе большого наплыва авантюристовъ, мошенниковъ и хищниковъ.

Въ технической войнѣ онъ есть база и ключъ техники. Здѣсь же находится все руководство технической частью.

Съ военной точки зрѣнія тылъ есть весьма важное мѣсто и, конечно, онъ не заслуживаетъ того презрѣнія, съ которымъ къ нему часто относится фронтъ. Еще недавно это имѣло свое основаніе въ боевой безопасности тыла, но теперь, когда главной цѣлью непріятельскихъ налетовъ является тылъ, мѣсто скопленія матеріальныхъ скадовъ и узлы сообщеній, опасность въ тылу становится большею, а, вслѣдствіе боевой пассивности, испытаніе личнаго мужества не меньшимъ, чѣмъ на фронтѣ.

Военное искусство должно преобразовать тылъ. Подобно тому, какъ со-

временному массовому огню противопоставляется разсыпной строй, придется децентрализовать пространственно тыл, разсѣять скопленіе учрежденій тыла и отступить отъ чрезмѣрной концентраціи тыловыхъ узловъ. На очередь встаетъ вопросъ о милитаризаціи всего тыла и о большей или меньшей социализаціи всего государства, что и выполняется отчасти въ формѣ реквизицій и принудительнаго труда. Тылъ обезвреживается путемъ цензуры, борьбы съ революціонной и пораженческой агитаціей и очищеніемъ тыла отъ дезертировъ.

Въ будущей войнѣ ожидается, что всѣ старанія непріятеля будутъ направлены на тылъ и на мирное населеніе. Однако, уничтоженіе мирнаго населенія не дастъ побѣды. Противъ всеуничтоженія жителей имѣются мѣры, выработанныя военною наукою. Рѣшающимъ факторомъ въ будущей войнѣ будетъ не удушеніе мирнаго населенія, а нарушеніе транспорта, уничтоженіе матеріальныхъ складовъ и моральное разложеніе тыла.

Трудность будущей технической войны сводится къ управленію арміей, ея тыломъ и мирнымъ населеніемъ. Большевики первые подняли вопросъ о милитаризаціи тыла. Насколько это удастся, сказать трудно. Тыловая машина должна работать безъ перебоевъ, ибо залечить перебой иногда бываетъ поздно. Жадный и развращенный, революціонно организованный рабочій классъ, на которомъ будетъ держаться вся техническая часть, не легко дисциплинировать. Съ этимъ, конечно, можно справиться: нужна твердая власть, хорошая политическая полиція, законность дѣйствій и наказанія. Удушить всѣ низкіе инстинкты не возможно, но съ ними надо бороться.

Нежеланіе отдѣльныхъ лицъ и группъ сражаться не страшно, пока существуетъ законъ и власть. Но если же цѣлые народы не пожелаютъ сражаться и оставятъ фронтъ, этимъ война не кончится, ибо она перейдетъ въ нашествіе непріятеля или гражданскую войну. Надо сказать, что милитаризація тыла требуетъ твердой власти, но эта власть не можетъ базироваться на простомъ насиліи. Она должна имѣть болѣе прочныя психологическія основы.

Очень будетъ трудна борьба съ паникой несражающагося, мирнаго населенія. Методы ея: порядокъ, организація и дисциплина, обезпеченная смертною казнью. Военноначальникъ долженъ хорошо знать законы психики массъ и борьбы съ толпою. Онъ долженъ имѣть въ своихъ рукахъ хорошо подготовленный аппаратъ исполнительной и политической полиціи.

5.

Вліяніе психики бойца на дѣйствіе боевой машины. Управленіе всякою технической боевою машиною, начиная отъ простой винтовки до сложнѣйшихъ орудій, броненосцевъ, аэроплановъ, газовыхъ аппаратовъ ввѣряется психикѣ индивидуальнаго бойца. Эта психика и есть первый факторъ коеффиціента полезнаго дѣйствія машины. Во время боя психика человѣка мѣняется. Подъ вліяніемъ возбужденія, волненія и страха бойца точность дѣйствія машины нарушается и коеффиціентъ полезнаго дѣйствія падаетъ до минимума. Хорошо извѣстно, что ружейная стрѣльба въ бою даетъ ничтожные, въ смыслѣ пораженія, результаты. Разность числа попаданій на

стрѣльбищахъ и въ бою отредѣляетъ коеффиціентъ паденія психики, подъ вліяніемъ боевыхъ переживаній. Во время смятенія и паники коеффиціентъ попаданія падаетъ до нуля. Даже въ рукопашной схваткѣ оружіе дѣйствуетъ невѣрно.

Чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ невѣрнѣе ея боевое дѣйствіе. Вотъ почему современный бой рѣшается штыковою атакою, тогда какъ технически можно было бы ожидать полнаго уничтоженія противниковъ до ихъ сближенія. Дѣйствительною остается стрѣльба по площадямъ и укрѣпленіямъ съ далекихъ дистанцій, но и здѣсь опытъ показываетъ, что уничтожить все живое, даже въ грудахъ развалинъ, невозможно.

Обученіе арміи даетъ соотвѣтственные пріемы защиты. Техника зарыванія въ землю стремится противостоять массовому огню. Всякій боевой пріемъ имѣетъ свой контръ-пріемъ, всякая техника свою противотехнику.

Теоретическій расчетъ уничтоженія можетъ быть сдѣланъ только противъ обезоруженнаго и беззащитнаго врага. Онъ можетъ быть нарушенъ новымъ изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ у непріятеля.

Надо думать, что техническая война будетъ имѣть ужасающее начало и можетъ нанести страшное пораженіе неподготовленному противнику. Но для физическаго уничтоженія мирнаго населенія не хватитъ никакихъ техническихъ средствъ и денегъ. Война будетъ вестись не противъ беззащитнаго. Непріятель будетъ продѣлывать то же, что и нападающій. На полѣ сраженія будетъ царить смущенная психика, въ тылахъ будетъ возникать паника и деморализація, въ государствѣ будетъ страдать сообщеніе и снабженіе, возникать смута и политическая борьба. Все это можетъ совершенно обезвредить техническія машины.

Пространственно, техническая война возможна лишь по линіямъ сообщеній и подвоза матерьяла. По времени она должна выдыхаться по мѣрѣ порчи машины, расходованія матеріала и выбытія изъ строя обученныхъ кадровыхъ бойцовъ, особенно, если постоянный фронтъ смѣнится подвижною маневренною войною. Только авіація не знаетъ дорогъ и разстояній, но и она имѣетъ свои базы и матки, она знаетъ бензины и смазочныя масла.

Поэтому слѣдуетъ ожидать два максимума въ кривой технической войны: одинъ вначалѣ, а другой черезъ полгода-годъ, когда воюющія державы, устроивъ безнадежные и непосильные займы, выбросятъ на поля сраженій весь мобилизованный матеріалъ, вновь построенныя боевыя машины и новый контингентъ обученныхъ наспѣхъ бойцовъ. Но затѣмъ начнется предѣлъ возвышенія техники и, если война будетъ продолжаться, она вернется къ прежнимъ упрощеннымъ формамъ. Политическія смуты и соціальныя движенія ускорятъ паденіе техническаго періода войны. Вспомнимъ разлагающійся русскій, а затѣмъ германскій и болгарскій фронты, уничтоженные не воинской побѣдой, а духовной деморализаціей. Если воюющія государства будутъ продолжать бѣшенно бросать на поле боя всѣ свои сбереженія, они разорятъ весь міръ.

Психика человѣка обладаетъ исключительною выносливостью. На протяженіи всей своей исторіи она выноситъ войну и революцію. Она удиви-

тельно приспособляется къ условіямъ и формамъ боя. Любая техника рождаетъ методы защиты и ея обезвреженія.

Закидать страну снарядами съ любыми газами не удастся даже богатѣйшей державѣ и ни въ какомъ случаѣ не удастся уничтожить даже десятую часть населенія. Гораздо гибельнѣе будетъ послѣдующая анархія съ голодомъ и людоѣдствомъ, которая должна будетъ неизбѣжно наступить послѣ технической и денежной войны.

Техническая война требуетъ неисчерпаемаго количества денегъ. Она должна имѣть безупречно организованный и дѣйствующій безъ перебоевъ тылъ. Государство должно быть застрахованно отъ политическихъ, соціальныхъ смутъ и революцій, что при современныхъ условіяхъ едва ли выполнимо.

Въ конечномъ результатѣ все же побѣдитъ психика, или, говоря словами Китчнера, тотъ, у кого «нервы окажутся крѣпче».

Что же касается всѣхъ видовъ пацифизма, всевозможныхъ мирныхъ конференцій и договоровъ, то они не будутъ имѣть никакого значенія для предотвращенія войнъ, ибо война лежитъ въ природѣ человѣчества и искоренить ее не въ силахъ даже человѣческій геній.

Проф. *Н. В. Краинскій.*

---

* * *

Пусть печальные
Намъ пути въ дали грозятъ, —
Въ небѣ высь, гдѣ звѣзды дальнія
Мы бросаемъ гордый взглядъ!..
Пусть мы наги, блѣдны, голодны,
Страха нѣтъ у насъ въ груди,
Мы въ бою спокойно-холодны, —
Край родимый впереди!..
За него съ надеждой ясною
Жизнь не жаль свою отдать:
Жертва будетъ не напрасною
Встанетъ край родной опять.
И въ скитаніяхъ гонимыми,
Не боясь въ нихъ ничего,
Подойдемъ мы пилигриммами
Къ гробу Бога Своего, —
И измученные, блѣдные
У подножія Креста
Сложимъ мы мечи побѣдные,
Славя Господа Христа!..

Кн. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

Божидаръ Зоричъ

(Продолженіе)

Задумавшись, онъ подошелъ къ ярко-освѣщенному массивному фасаду и вошелъ въ подъѣздъ. Поднявшись по широкой лѣстницѣ въ бель-этажъ и миновавъ рядъ гостинныхъ, наполненныхъ обычной маскарадной публикой, онъ прошелъ въ танцовальный залъ. Кругомъ сновали костюмированныя маски. Въ непрерывномъ гулѣ голосовъ, какъ морской прибой, раздавались заразительные взрывы женскаго смѣха и повелительные французскіе выкрики дирижеровъ, носившихся, какъ вѣтеръ, по зеркалу паркета съ одного края зала на другой.

Начинался котильонъ...

Съ высокой эстрады полились бравурные звуки польской мазурки...

Саша отошелъ за колонну.

«Здравствуй, князь!» услышалъ онъ за собой веселый и непринужденный женскій голосъ съ обращеніемъ на «ты», по маскарадному обычаю.

Онъ обернулся.

Около него стояла какая-то маска въ рискованномъ костюмѣ наяды. Ея стройную фигуру прикрывалъ блѣдно-голубой газъ. Длинныя зеленыя ленты въ видѣ рѣчной травы спускались внизъ по корсажу, а высокую прическу ея бѣлокурыхъ волосъ украшалъ вѣнокъ водяныхъ лилій.

Другая маска въ черномъ домино съ камеліей въ зубахъ, покачиваясь въ тактъ мазурки, остановилась рядомъ и, казалось, наблюдала за нимъ.

«Я тебя хорошо знаю!» продолжала наяда тономъ маскарадной интриги.

«Не ты одна, — его многія хорошо знаютъ», иронически замѣтила маска въ домино, съ камеліей въ зубахъ.

«Банальное начало!» улыбнулся ей Саша.

«Банальный эпилогъ!» отпарировала маска.

Саша внимательно посмотрѣлъ на нее.

Изъ подъ кружевной атласной полумаски свѣтились черные глаза и что-то знакомое въ ихъ блескѣ показалось Сашѣ.

Смутная тѣнь подозрѣнія шевельнулась у него въ душѣ, но онъ тутъже отогналъ ее.

«Мнѣ всюду мерещится Роза! Галлюцинація какая-то!» и онъ перевелъ свой взоръ въ залъ.

Тамъ шла какая-то сложная и запутанная фигура котильона.

«Я знаю, что ты теперь свободенъ», продолжала наяда.

«Въ какомъ отношеніи?»

«Въ любви, конечно».

«Не понимаю», пожалъ плечами Саша.

«Не хочешь понимать... Право, можно подумать, что въ Петербургѣ красивыхъ женщинъ нѣтъ, — даже обидно...»

«А ты не обижайся!» засмѣялся Саша.

Наяда непринужденно заглянула Сашѣ въ глаза. «Хочешь, — я тебѣ ее замѣню! Я не такъ ревнива, какъ другія...»

«Другихъ мнѣ не надо!» остановилъ ее Саша и рѣшительно отошелъ отъ нея.

Роза задохнулась... Камелія съ перекушеннымъ стеблемъ упала къ ея ногамъ.

Это она написала Сашѣ записку, чтобы онъ пришелъ въ маскарадъ, въ надеждѣ, что она хоть издали увидитъ его.

«Другихъ мнѣ не надо!» какъ эхо прозвучали для нея Сашины слова и ея тоскующій взоръ ярко загорѣлся радостью жизни и новыми надеждами... Сашины слова возвращали ей счастье!

Саша прошелся по заламъ.

Съ равнодушнымъ эгоизмомъ онъ осмотрѣлъ пеструю публику, съ неудовольствіемъ выпилъ бокалъ вина за столомъ знакомой дамы патронессы и, сказавъ ей нѣсколько банальныхъ любезностей, направился къ выходу.

На площадкѣ онъ встрѣтилъ Эпштейна. Рядомъ съ нимъ стоялъ Ноздринскій и указывалъ ему рукой на какого-то молодого человѣка изъ числа кутящей золотой молодежи.

«Новая жертва», печально рѣшилъ Саша.

«Паукъ!» подумалъ онъ про Эпштейна, «душившаго» его процентами по векселямъ и теперь грозившаго ихъ подать ко взысканію.

Приходилось продавать «Глубокое» и уходить изъ того гвардейскаго полка, въ которомъ онъ служилъ.

Но не это смущало его!..

Бабушка, уже замѣтно терявшая силы, жила въ «Глубокомъ». Что тогда будетъ съ нею? Какъ выйти изъ создавшагося положенія?» задавалъ себѣ Саша рядъ вопросовъ, наивно удивляясь, какъ незамѣтно и просто Эпштейнъ и Ноздринскій запутали его.

Что оставалось теперь дѣлать?

Въ настоящій моментъ онъ ничего не могъ придумать и только обрывки неясныхъ мыслей тѣснились въ его сознаніи...

Саша спустился въ вестибюль.

Услужливый швейцаръ подалъ ему пальто и Саша вышелъ на Невскій.

По прежнему порошило... Поднимался вѣтеръ. За снѣжной занавѣсью неясно рисовались мраморныя колонны Казанскаго собора.

На другой день послѣ бывшаго маскараднаго бала въ Благородномъ собраніи, Петербургъ былъ взволнованъ загадочнымъ убійствомъ на **Гагаринской** улицѣ.

На своей квартирѣ, которую нанималъ для себя, какъ «pied à terre» банкиръ Эпштейнъ, онъ былъ найденъ убитымъ.

Слѣдствіе выяснило, что онъ вернулся домой поздно ночью изъ какого то маскарада, но не одинъ, а съ замаскированной дамой.

Что между ними происходило, — неизвѣстно, такъ какъ у банкира

отъ квартиры былъ свой ключъ и постоянной прислуги онъ не держалъ.

Изъ сосѣднихъ квартиръ никто ничего не слыхалъ. А утромъ выходныя двери оказались не запертыми, а Эпштейнъ — мертвымъ, лежащимъ у себя на коврѣ, въ кабинетѣ.

Тутъ-же валялся небольшой пятизарядный «бульдогъ».

Выстрѣлъ былъ произведенъ чрезвычайно мѣтко, въ самое сердце.

Происшествіе минувшей ночи еще не попало въ печать, а страшная вѣсть уже распространилась по сосѣднимъ улицамъ. По дворницкимъ, по булочнымъ, по мелочнымъ лавкамъ уже объ этомъ дѣлѣ говорили съ разсвѣта. Кухарки, горничныя, какія-то ветхія богомолки, спѣшившія къ ранней обѣднѣ къ Св. Пантелеймону, обступили подъѣздъ и толпились на узкомъ тротуарѣ.

Полиція ихъ отгоняла.

XXXIII

Скорый поѣздъ въ Вильну отходилъ изъ Петербурга утромъ.

Роза подъ темной вуалью пріѣхала на вокзалъ за нѣсколько минутъ до третьяго звонка.

Она была такъ возбуждена, что не чувствовала усталости. Пугливо оглянулась во всѣ стороны. На платформѣ было много народа. У вагоновъ стояли группы провожавшихъ, — смѣявшихся, или плакавшихъ, или, просто равнодушныхъ людей. Нѣкоторые на нее оглядывались.

Услужливый носильщикъ подбѣжалъ къ ней.

«Въ какой вагонъ?» спросилъ онъ, беря у нея изъ рукъ саквояжъ.

«Спальный».

«Номерокъ пожалуйте!»

Она отдала ему билетъ съ номеромъ и онъ быстро побѣжалъ къ серединѣ поѣзда.

Роза вошла въ купэ. У окна сидѣла какая-то полная женщина, по виду купчиха. Роза расплатилась съ носильщикомъ и сѣла противъ нея.

«Я только до Гатчины», нараспѣвъ сказала купчиха, повидимому, только для того, чтобы начать разговоръ.

«До Гатчины...» машинально повторила Роза и отбросила вуаль.

Ея лицо было блѣдно. Большіе темные круги подъ глазами придавали ей болѣзненный видъ. У губъ появились страдальческія складки и вся она осунулась и похудѣла.

По вагону прошелъ кондукторъ и провѣрилъ билеты. На платформѣ три раза ударилъ звонокъ и мимо оконъ вагона медленно двинулись лица провожавшихъ, стѣны вокзала съ рекламными плакатами и росписаньями поѣздовъ, постройки....

Роза закрыла глаза и событія минувшей ночи представились ей съ полной отчетливостью...

«Балъ-маскарадъ... Саша и его чарующій голосъ: «другой мнѣ не надо!».... Какимъ счастьемъ забилось ея сердце!.. И она, полная нѣжной пре-

данности, неузнанная, не отрываясь, ласкала его любящимъ взглядомъ... Потомъ она потеряла его изъ вида въ этомъ пестромъ людскомъ бассейнѣ... Искала, но не нашла... Собиралась ѣхать домой... Неожиданно въ одной изъ гостиныхъ она увидѣла Эпштейна... Это былъ тотъ обломокъ прошлаго, который она не могла устранить изъ своей жизни... Эпштейнъ упорно не давалъ ей развода... Говорили, что онъ, разведясь, хочетъ получить за нее деньги, — продать жену...

Сидя на диванѣ, и заложивъ ногу на ногу, онъ курилъ и разговаривалъ съ Ноздринскимъ...

Первое ея движеніе было — бѣжать, но какое-то непреодолимое желаніе узнать то, о чемъ они говорили взяло верхъ, и она, непринужденно обмахиваясь вѣеромъ, помѣстилась рядомъ съ ними въ кресло.

Они, не стѣсняясь, говорили обо всемъ, — и также спорили о дѣлахъ, какъ о постороннемъ... Но вотъ они упомянули фамилію князя Минскаго... Оцѣнили его домъ на Антоколѣ и имѣнье подъ Оршей... Потомъ въ шутливомъ тонѣ говорили о его векселяхъ и наросшихъ процентахъ и о томъ, что «это дѣло пора ликвидировать...»

Роза знала, что значило на языкѣ Эпштейна — «ликвидировать», и со смѣшаннымъ чувствомъ презрѣнія и злобы смотрѣла на ростовщиковъ...

Ноздринскій, между тѣмъ, поднялся съ дивана. Подобострастно повертѣвшись, онъ вскорѣ ушелъ.

Эпштейнъ оглядѣлъ гостиную... Всюду кругомъ сидѣли и разговаривали маскарадныя пары. Одна Роза сидѣла задумчиво въ сторонѣ отъ всѣхъ.

Эпштейнъ подошелъ къ ней.

Она обратила вниманіе, что онъ еще больше растолстѣлъ. На кругломъ животѣ, затянутомъ въ пестрый жилетъ, блестѣла, колыхаясь, массивная золотая цѣпочка.

Онъ заговорилъ съ ней.

Она не сразу поняла смыслъ его словъ.

Эпштейнъ приглашалъ ее ужинать.

«Не могу», коротко отвѣтила Роза.

«Почему? Не хочешь открыть свое инкогнито?»

«Да».

«Тогда поѣдемъ ко мнѣ», безцеремонно предложилъ Эпштейнъ.

Роза молчала.

«Я обѣщаю тебѣ, прелестная маска, что тебя никто не увидитъ, — у меня отдѣльная квартира и даже нѣтъ прислуги...»

Роза утвердительно кивнула головой... Фантастическая мысль неожиданно пришла ей на умъ, — уговорить Эпштейна дать князю возможность выйти изъ его затрудненій.

«Я буду просить, умолять... я, наконецъ, буду убѣждать Эпштейна, что это ему самому выгодно!» быстро зрѣли у Розы новыя мысли и онѣ показались ей уже не такими несбыточными...

. . . .

«Вотъ мы и въ Гатчинѣ!» неожиданно услышала она голосъ той купчихи, которая ѣхала съ ней въ купэ.

Роза открыла глаза.

«Доѣхали, стало быть, безъ крушеніевъ!» продолжала купчиха, широко улыбаясь, протискиваясь въ дверь со свертками петербургскихъ покупокъ.

«Спаси васъ Богъ!» докончила она уже изъ корридора, привѣтливо кивая Розѣ.

«Безъ крушеніевъ...» повторила Роза, «какъ это смѣшно...»

И Розѣ въ самомъ дѣлѣ эти слова купчихи показались смѣшными и она чуть не разсмѣялась.

Но ей тотчасъ-же пришло въ голову, — ужъ не начинается-ли истерика?

Она почувствовала, какъ какой то клубокъ подкатился къ горлу.

Она сдѣлала надъ собой нервное усиліе и съ помощью его вернула свое самообладаніе.

Поѣздъ двинулся дальше...

Въ окнахъ вагона замелькали кочковатыя поля и чахлые перелѣски.

«Что теперь дѣлается тамъ, на Гагаринской?» прорѣзали ея мозгъ новые обрывки кошмарныхъ воспоминаній...

XXXIV

Подробный допросъ квартирныхъ сосѣдей Эпштейна не далъ судебному слѣдователю руководящей нити. Приходящая прислуга бывала у него только по утрамъ и о его образѣ жизни сообщила немного. Никакого хозяйства дома у него не велось. Эпштейнъ, занятый дѣлами, рѣдко бывалъ дома, пріѣзжая въ Петербургъ, обыкновенно, дня на два, на три.

Вчерашней ночной посѣтительницы никто не видѣлъ, кромѣ дворника сосѣдняго дома, но и онъ не «примѣтилъ» ея лица, по тому, что она были «закрывшись». Онъ все же объяснилъ, что она была въ черной ротондѣ, сѣрыхъ полусапожкахъ и въ розовомъ капорѣ.

Роста, какъ ему показалось, она была «обнакновеннаго».

На вопросъ слѣдователя, — не замѣтилъ ли онъ, когда эта маска вышла изъ квартиры убитаго? дворникъ отвѣтилъ отрицательно.

Всѣ эти показанія не могли навести слѣдователя ни на какое опредѣленное предположеніе. Преступленіе казалось загадочнымъ, но было очевидно, что оно не могло быть дѣломъ случайной посѣтительницы изъ разряда маскарадныхъ искательницъ приключеній.

Корыстный мотивъ отсутствовалъ совершенно. Убійство представлялось или дѣломъ мести, или ревности.

Могло быть также, что преступница убила Эпштейна, защищаясь отъ насилія. Но это предположеніе представлялось слѣдователю мало вѣроятнымъ, потому что женщина, пріѣхавшая изъ маскарада, среди ночи, въ холостую квартиру мущины, едва ли стала бы защищать свою честь съ револьверомъ въ рукѣ.

Но, если бы даже это было такъ, то прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ убійству, она могла бы вырываться, кричать, разбить оконное стекло, чтобы ее было слышно на улицѣ...

Но ничего этого не было! Никто ничего не слышалъ! И въ кабинетѣ не было никакихъ признаковъ борьбы...

Просмотрѣнная переписка Эпштейна не имѣла никакого отношенія къ катастрофѣ. Все носило строго дѣловой характеръ и касалось расчетовъ по биржевымъ операціямъ, дѣлежа куртажей, вычисленія процентовъ и сношеній съ разнаго рода банками и конторами.

Массивный несгораемый шкафъ былъ запертъ и ключъ отъ него былъ найденъ у Эпштейна въ жилетномъ карманѣ. На полкахъ шкафа были аккуратно сложены деньги въ бандероляхъ, нѣсколько книгъ «дебетъ-кредитъ» и рядъ квитанцій съ векселями и обязательствами тѣхъ лицъ, которыхъ Эпштейнъ ссужалъ деньгами.

Но на письменномъ столѣ, подъ прессомъ, слѣдователь нашелъ небольшой конвертъ, который привлекъ его вниманіе.

Это было письмо изъ Вильны. Въ немъ оказался голубой листокъ съ запахомъ какихъ-то острыхъ духовъ, на которомъ мелкимъ женскимъ почеркомъ было написано: на дняхъ пріѣду, приготовьте нoмеръ, мужу ничего не говорите. Ваша....» и вмѣсто подписи стоялъ размашистый росчеркъ.

Слѣдователь вложилъ это письмо въ свой бумажникъ.

Однимъ изъ первыхъ онъ вызвалъ въ свою камеру Ноздринскаго, какъ ближайшаго сотрудника Эпштейна. Поставивъ ему рядъ вопросовъ по дѣлу, онъ спросилъ его: не знаетъ-ли онъ женщины, которая, вслѣдствіе романическихъ отношеній къ Эпштейну могла бы покуситься на убійство?

«Романическихъ отношеній?» хихикнулъ Ноздринскій, «вы, значитъ, совсѣмъ не знали господина Эпштейна...»

Слѣдователь досталъ изъ бумажника письмо.

«Въ такомъ случаѣ, не можете-ли вы назвать одну изъ виленскихъ дамъ, ближе другихъ знакомую съ вашимъ патрономъ?»

Ноздринскій пожалъ плечами.

«Нѣтъ, не могу, — онѣ всѣ одинаково вели съ нимъ только коммерческія дѣла»...

«И больше никакихъ?»

«Никакихъ».

Слѣдователь задумался.

«Но тогда онѣ должны были вести съ нимъ переписку, хотя бы дѣловую? Не такъ ли?» осторожно затронулъ онъ тотъ вопросъ, который въ данное время интересовалъ его больше другихъ.

«Да, конечно!» согласился Ноздринскій, «и я часто ее просматривалъ»....

«Значитъ, вамъ должны быть знакомы ихъ почерки?»

«Да. Многіе...

«А этотъ?» и слѣдователь показалъ Ноздринскому голубой листокъ.

Ноздринскій опѣшилъ. Недоумѣніе выразилось на его лицѣ и глаза забѣгали съ безпокойствомъ по сторонамъ.

«Можете ли вы назвать фамилію этой дамы, написавшей эти строки?» раздѣльно спросилъ его слѣдователь.

«Я... не знаю», волнуясь отвѣтилъ Ноздринскій. Слѣдователь приблизился къ нему вплотную.

«Теперь я требую, чтобы вы назвали ту женщину, о которой идетъ рѣчь, — иначе вы окажетесь укрывателемъ преступленія!»

Ноздринскій поблѣднѣлъ.

«Вы... ее подозрѣваете?.. Нѣтъ, — этого не можетъ быть!» проговорилъ онъ вздрагивающимъ голосомъ.

«Кто она?»

Ноздринскій окончательно растерялся.

«Это моя жена»... произнесъ онъ еле слышно.

Въ тотъ же день слѣдователь послалъ въ виленскую сыскную полицію срочную телеграмму съ запросомъ о женѣ Ноздринскаго и на другой день получилъ шифрованный отвѣтъ: «интересующая васъ особа за послѣднее время никуда изъ Вильны не выѣзжала, за отсутствіемъ мужа, секретно ночуетъ у офицера Даровскаго, подробности выясняются».

«Губернская Мессалина! И къ чему мнѣ эти подробности?..» разсердился судебный слѣдователь.

Дознаніе не давало никакихъ положительныхъ результатовъ...

XXXV

Поѣздъ приближался къ Пскову.

Самообладаніе не покидало Розу. Она въ Лугѣ выходила изъ вагона и, зайдя въ буфетъ, почувствовала такой острый приступъ голода, что сказала лакею-татарину завернуть ей въ бумагу жареннаго цыпленка и сладкихъ пирожковъ.

Вернувшись въ купэ и утоливъ голодъ, она задремала.

Голова тяжело упала на бархатную подушку, всѣ мысли разбѣжались, оставивъ въ душѣ только образы и ощущенія.

Все случившееся ясно стало передъ ея закрытыми глазами, но какъ-то все разомъ, въ одномъ мѣстѣ, въ одно и то же время....

Кабинетъ Эпштейна какъ бы находился въ маскарадномъ залѣ... Тепло топится каминъ... Она умоляетъ Эпштейна не предъявлять въ судъ княжескихъ векселей...

«Ужъ не самъ-ли князь подослалъ васъ ко мнѣ», говоритъ ей Эпштейнъ сладкимъ голосомъ и къ этому добавляетъ что-то неимовѣрно подлое...

Волна негодованія охватываетъ Розу, но она сдерживаетъ себя...

Потомъ, какъ бы самъ собой, открывается несгораемый шкафъ и Эпштейнъ беретъ съ полки одинъ изъ многочисленныхъ конвертовъ. Онъ захлопываетъ тяжелую дверцу и, нагло улыбаясь, кладетъ ключъ отъ шкафа въ свой жилетный карманъ.

«Вотъ это то, что васъ такъ интересуетъ», говоритъ онъ, бросая не-

брежно на письменный столъ конвертъ съ надписью: «князь Минскій», а теперь... вѣдь вы моя жена!»...

«Я не считаю себя вашей женой, — вы это знаете!» испуганно говоритъ Роза.

«Ахъ, не считаете?» съ угрожающимъ видомъ приближается къ ней Эпштейнъ.

«Нѣтъ»...

«Отсрочка платежей цѣной этой ночи!» говоритъ онъ ей задыхаясь, «согласны?»

«Подлецъ!..» бросаетъ ему Роза въ лицо.

«Это мое право!» съ злорадствомъ говоритъ Эпштейнъ, и стремится опрокинуть ее на диванъ.

Роза борется... Она теряетъ силы...

Неожиданно блестящій предметъ на столѣ останавливаетъ на себѣ ея вниманіе. Револьверъ!..

Она съ трудомъ освобождаетъ руку...

Выстрѣлъ!..

Эпштейнъ грузно падаетъ на коверъ... Изумленный взглядъ его мертвыхъ глазъ съ укоромъ смотритъ на нее...

Роза инстинктивно беретъ со стола конвертъ съ Сашиными векселями и быстро бросаетъ ихъ въ пылающій каминъ. Огонь съ жадностью пожираетъ ихъ...

Роза въ прихожей поспѣшно одѣвается и выбѣгаетъ на улицу.

Дальнѣйшія воспоминанія медленно покидаютъ Розу, какъ черныя тучи небесный сводъ послѣ грозы, и только, какъ легкое облако, въ эфирѣ ея мысли появляется образъ Саши...

Потомъ все разомъ исчезаетъ и тяжелый мертвый сонъ, безъ сновидѣній овладѣваетъ ею...

Наступилъ вечеръ... Поѣздъ ритмично стучалъ по рельсамъ. Въ купэ было почти темно. Роза обвела его глазами, удивляясь, что она могла такъ долго забыться сномъ... Но этотъ сонъ, она поняла, не отдѣлилъ ее отъ событій минувшей ночи! Напротивъ, — она чувствовала себя теперь еще болѣе разбитой ужасомъ сознанія. Она какъ будто только что выбѣжала изъ кабинета Эпштейна и еще ощущала въ рукѣ холодную сталь револьвера.

Она словно приглядывалась къ той страшной дѣйствительности, которую она еще не ощущала утромъ, до этого сна...

И она поняла, что только съ этой минуты пробужденія, начинается ея настоящая душевная мука...

Старый сторожъ-литовецъ, обходя утромъ паркъ въ еВркахъ, нашелъ на одной изъ дальнихъ аллей, надъ Виліей, полузамерзшую женщину.
щину.

Розѣ больше нѣкуда было идти!..

Тутъ она встрѣчалась съ Сашей, и любила, и ревновала его... Тутъ

она пила полной чашей и радости жизни, и горечь разочарованій...

Отсюда она уѣхала съ нимъ въ Петербургъ...

Цѣлый день провела Роза въ сторожкѣ у сторожа. На другое утро она пришла въ мѣстный полицейскій участокъ.

«Я убила въ Петербургѣ банкира Эпштейна, — арестуйте меня!» рѣшительно заявила она изумленному приставу.

XXXVI

Божа вернулся домой вскорѣ, послѣ полудня, когда уже гарнизонные караулы прошли съ музыкой внизъ по Антоколю и только отдѣльныя ноты пѣхотнаго марша уносились въ порывахъ вѣтра, какъ эхо, далеко внизъ по замерзшей Виліѣ.

Въ антокольскомъ домѣ онъ былъ одинъ. Бабушка уже не выѣзжала изъ «Глубокаго» и Машенька поѣхала къ ней на Пасху.

Его задерживала служба.

Божа поднялся къ себѣ. На его письменномъ столѣ лежало письмо. Оно было отъ Саши.

Въ немъ Саша писалъ, что извѣстный столичный адвокатъ взялся вести дѣло Розы за большое вознагражденіе, но заранѣе предупредилъ, что «выиграть дѣло» надежды мало.

«Этотъ адвокатъ», писалъ дальше Саша, «произвелъ на меня впечатлѣніе какого то престидижитатора, жонглирующаго словами, какъ шарикомъ въ бильбокэ, и превращающаго за деньги черное въ бѣлое и наоборотъ»...

«Роза на допросахъ», продолжалъ Божа читать, «ведетъ себя странно и на всѣ вопросы отвѣчаетъ, что ничего не помнитъ... Розу хотятъ обвинить въ предумышленномъ убійствѣ и, если это будетъ такъ, то произойдетъ большая судебная ошибка»...

Его радовало то, что большинство свидѣтелей показывали противъ Эпштейна и въ этомъ отношеніи были особенно цѣнны показанія Эпштейновскаго клеврета Ноздринскаго, который на одномъ изъ допросовъ дошелъ до того, что назвалъ своего благодѣтеля грабителемъ и воромъ.

Въ постскриптумѣ Сашинаго письма была приписка, чтобы Божа поторопилъ дворянскій банкъ перевести задатки за проданный лѣсъ, чтобы уплатить гонораръ адвокату.

XXXVII

«Минула страсть, и пылъ ея тревожный
«Уже не мучитъ сердца моего,
«Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!

Гр. А. Толстой.

Послѣ ряда весеннихъ солнечныхъ дней, надъ Петербургомъ нависло сѣрое хмурое небо. Для Розы этотъ день не предвѣщалъ ничего хорошаго, — это былъ день, въ который ей предстояло предстать передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ убійствѣ мужа.

Ровно къ десяти часамъ утра арестантская карета подвезла ее и еще двухъ какихъ-то фальшивомонетчиковъ въ арестантскихъ халатахъ къ боковому подъѣзду огромнаго зданія окружного суда, выходившаго своимъ казеннымъ фасадомъ на Литейный проспектъ.

«Сколько разъ я тутъ беззаботно проѣзжала мимо съ Сашей!» подумал Роза, взглянувъ въ окно, медленно поднимаясь подъ конвоемъ по узкой каменной лѣстницѣ въ арестантскую комнату.

Она сѣла на деревянную скамью у окна съ желѣзной рѣшеткой и, забывшись, стала смотрѣть, какъ на противоположной сторонѣ улицы дѣти кормили изъ рукъ голубей.

«Рахиль Эпштейнъ!» неожиданно послышался громкій голосъ въ коррідорѣ и Роза поняла, что ее требуютъ въ засѣданіе суда.

Она рѣшительно встала, оправила на себѣ платье (ей было разрѣшено носить свое, домашнее), провела рукой по гладко причесаннымъ волосамъ, какъ бы успокаивая себя, и вышла изъ арестантской въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ съ шашками на-голо.

Войдя въ залъ суда, она, потупившись и даже не взглянувъ на судей и на праздныхъ зрителей, собравшихся сюда, какъ на представленіе, покорно опустилась на скамью подсудимыхъ.

За длиннымъ большимъ столомъ, покрытымъ зеленой скатертью, подъ Императорскимъ портретомъ въ масивной золоченной рамѣ, въ глубокихъ креслахъ сидѣли судьи. Передъ барьеромъ, за которымъ сидѣла Роза, помѣщался ея защитникъ, и противъ нея, на возвышеніи, прокуроръ.

Защитникъ съ довольнымъ видомъ посматривалъ по сторонамъ, въ то время, когда прокуроръ съ желчнымъ лицомъ на конторкѣ перелистывалъ «дѣло».

Всѣ, какъ будто, ожидали ея появленія.

Въ залѣ послышался сдержанный шопотъ.

Судьи плотнѣе усѣлись въ кресла. Присяжные засѣдатели съ любопытствомъ смотрѣли на нее.

Начались судебныя формальности...

Все было торжественно и послѣдовательно, по строго-установленному, законному порядку.

Въ началѣ Роза внимательно наблюдала за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ судѣ, но постепенно впечатлѣнія притуплялись, она устала сосредотачиваться и робкимъ взглядомъ посмотрѣла въ залъ.

Ея большіе черные глаза, казавшіеся неестественно большими на похудѣвшемъ и блѣдномъ лицѣ, казалось, искали кого-то въ немъ...

Неожиданно, они блеснули радостью, — у правой колонны, облокотившись на нее, сидѣлъ Саша и въ его страдающемъ взорѣ Роза прочла утѣшеніе...

Онъ не подозрѣвалъ, что его спокойствіе, честь и достоинство она купила такой дорогой цѣной и не долженъ этого знать!.. И никто этого не долженъ знать и никто никогда не узнаетъ!..

Рѣчи прокурора и защитника, не понимавшихъ истиннаго мотива со-

вершеннаго преступленія, и поэтому построенныя на ошибочныхъ началахъ, обѣ были не убѣдительны и безцвѣтны.

Роза спокойно выслушала тяжелый приговоръ, — восемь лѣтъ каторжныхъ работъ.

Въ залѣ, у правой колонны, ей почудился мучительный стонъ, похожій на рыданье, и, уже не думая о себѣ, она готова была броситься туда со словами ласки и утѣшенія...

XXXVIII

Положеніе князя Минскаго въ полку, въ которомъ онъ служилъ, и въ обществѣ стало ненормальнымъ.

Въ свѣтѣ сначала шопотомъ, «en confidence», а потомъ открыто стали говорить о томъ, что онъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ домъ предварительнаго заключенія, чтобы видѣть тамъ свою «belle juive» и даже былъ послѣ суда у нея въ тюрьмѣ.

По этому поводу въ городѣ ползли самые нелѣпые слухи, прекратить которые Саша рѣшилъ своимъ переводомъ въ Сибирь.

Его отъ этого только удерживала бабушка. Но бабушка въ «Глубокомъ» тихо угасала, какъ свѣтильникъ, въ которомъ изсякло масло.

Божа писалъ, что послѣдній консиліумъ врачей пришелъ къ опредѣленному и печальному выводу, что бабушкины дни сочтены, потому что она больна той неизлѣчимой болѣзнью, — глубокой старостью, для излѣченія которой наука еще не нашла достаточныхъ средствъ.

«Бабушка ясно сознаетъ свое положеніе», писалъ Божа, «и не тревога, а тихая радость свѣтилась въ ея усталыхъ глазахъ. Она каждый день причащается на тотъ случай, если «одръ ея станетъ гробомъ». Это можетъ случиться каждый день...»

И это случилось въ одинъ изъ дней Святой Недѣли, — бабушка утромъ не проснулась...

Лѣто Саша провелъ въ «Глубокомъ» и, передавъ всѣ свои дѣла Божѣ, осенью уѣхалъ въ Иркутскъ на службу въ * сибирскій стрѣлковый полкъ.

XXXIX

> «Байкальсксе озеро (Далай Норъ) самое обширное озеро изъ прѣсноводныхъ Стараго Свѣта, дл. 630 вер. и шир. 90 вер., отличается большой глубиной и особой прозрачностью воды.
>
> **Изъ учебника географіи.**

Этотъ полкъ не весь квартировалъ въ городѣ. Одинъ его баталіонъ былъ расположенъ по южному берегу Байкальскаго озера, — двѣ роты стояли въ Мысовой, одна въ Танхоѣ и одна, та, которую принялъ въ командованіе Саша, въ Слюдянкѣ.

Это былъ небольшой рыбачій поселокъ въ ста верстахъ отъ Иркутска, что по сибирскому масштабу считается близко.

Онъ состоялъ изъ десятка деревянныхъ избъ, крытыхъ тесомъ, и цѣлымъ рядомъ разныхъ пристроекъ и клѣтей, сгрудившихся у нихъ на задахъ.

По всему было видно, что люди тутъ живутъ хозяйственно и богато.

У воды на кольяхъ сушились мережи и сѣти и цѣлый рядъ вытащенныхъ на берегъ лодокъ блестѣли смолой своихъ конопаченныхъ и просмоленныхъ днищъ.

Четыре, по-сибирски, въ лапу сложенныхъ пихтовыхъ сруба, на пригоркѣ, составляли казармы стрѣлковъ и небольшой домъ въ сторонѣ занимали офицеры.

Выше казармъ проходило шоссе, соединявшее Слюдянку съ внѣшнимъ міромъ, т. е. съ западной и восточной Сибирью и непосредственно съ Иркутскомъ и Читой.

Надъ шоссе висѣли обвѣтренные и голые утесы того горнаго массива, который, служа естественной границей, отдѣлялъ Россійскую Сибирь отъ Китайской имперіи. Онъ былъ покрытъ вѣковымъ кедровникомъ, пихтой и елью и сѣдыми мхами отъ постоянныхъ тумановъ и кочующихъ облаковъ у его вершинъ и представлялъ изъ себя вулканическій хаосъ съ огромной, бездонной щелью въ земной корѣ — Байкальскимъ озеромъ.

Онъ былъ непроходимъ, и только звѣриныя тропы вились кое-гдѣ по бурелому и надъ ними, притаившись у скалъ, зорко выслѣживала свою добычу кровожадная рысь.

Байкальское озеро со Слюдянкой — это было какъ разъ то, чего хотѣлъ Саша. Тутъ легче было сосредоточиться и придти въ себя, послѣ всего того, что было такъ недавно пережито!..

Онъ смутно ощущалъ, что съигралъ какую то роль въ Розиномъ преступленіи и не могъ понять какую именно.

Роза молчала...

Даже въ тотъ день, когда въ Петербургѣ арестантовъ партіями выводили изъ тюрьмы на пыльный и широкій дворъ, гдѣ ихъ соединяли наручниками и одѣвали кандалы, чтобы вести на желѣзную дорогу, Роза, уже въ арестантскомъ халатѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, ничего не сказала!

Такъ, неразгаданная, и ушла на каторгу!

XL

«Славное море, —
«Священный Байкалъ!
«Славный корабль, —
«Омулевая бочка!..
Пѣсня сибирскихъ каторжанъ.

Прошелъ дождь...

Тучи вылились, и на влажную землю падали ихъ послѣднія и рѣдкія капли.

Выглянувшее солнце заблестѣло на пѣнистыхъ гребняхъ волнъ и ко-

сыми лучами освѣтило горы, скалы, пропасти и высоко, высоко въ небѣ золотистую бахрому снѣговъ.

Младшіе офицеры уѣхали въ Иркутскъ и дома Саша остался одинъ.

Онъ вышелъ на крыльцо и, вдыхая полной грудью осеннюю свѣжесть, смотрѣлъ на волнующійся Байкалъ.

Вѣтеръ стихалъ...

Любуясь причудливыми переливами воды, отъ самыхъ темныхъ до изумрудно-зеленыхъ тоновъ, его взоръ остановился на какой то странной точкѣ, плававшей въ отдаленіи отъ берега. Она, то исчезала въ волнахъ, то снова появлялась.

«Странно, — что бы это могло быть?» подумалъ Саша, «рыбаки въ такую погоду не выѣзжаютъ»... и, заинтересовавшись, взялъ бинокль.

Точка оказалась человѣкомъ, плавающимъ на какомъ то обрубкѣ дерева и судорожно цѣплявшимся за него.

Саша приказалъ спустить на воду шестивесельный баркасъ. Для стрѣлковъ это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Саша сѣлъ за руль.

Дружными взмахами веселъ баркасъ оторвался отъ берега. Онъ не сразу нашелъ погибавшаго среди сѣдыхъ высокихъ волнъ.

Это былъ выбившійся изъ силъ человѣкъ, посинѣвшій отъ холода, впавшій въ какое-то тупое и безразличное состояніе, когда его извлекли изъ воды. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ говорить.

Баркасъ повернулъ къ берегу.

Спасеннаго человѣка внесли на запасную половину офицерскаго флигеля, гдѣ ротный фельдшеръ, уже давно не имѣвшій практики, далъ ему какихъ-то порошковъ, долго, старательно растиралъ его и, напоивъ его коньякомъ и малиной, уложилъ въ постель.

На другой день, утромъ, онъ засталъ его уже одѣтымъ, за чаемъ съ имбирными коржиками, которые ему прислалъ ротный командиръ.

«Что ощущаетъ сегодня вашъ утопавшій организамъ?» спросилъ онъ его ,потирая руки, какъ это дѣлалъ полковой врачъ.

«Я совершенно здоровъ», просто отвѣтилъ ему вчерашній паціентъ.

Несмотря на это, фельдшеръ измѣрилъ «больному» температуру, поговорилъ съ нимъ о пользѣ потогонныхъ средствъ и, сказавъ, что еще зайдетъ къ нему «на визитацію», вышелъ.

Этого, какъ будто, только и ждалъ «больной». Онъ подозрительно осмотрѣлся кругомъ и, плотно прикрывъ дверь, сбросилъ съ себя просохшій за ночь пиджакъ. Потомъ онъ быстро распоролъ подкладку и досталъ оттуда какія то бумаги, оказавшіяся еще настолько влажными, что ему пришлось ихъ разложить на поверхности горячей «голландки».

Написанное на нихъ не расплылось.

Ихъ владѣлецъ неопредѣленно улыбнулся, бережно ихъ подобралъ и, уложивъ обратно въ подкладку пиджака, принялся у окна зашивать.

Онъ все время поднималъ голову и оглядывался, какъ бы убѣждаясь въ томъ, что его никто не видитъ.

Въ дверь постучали...

Онъ быстро перекусилъ нитку, набросилъ на себя пиджакъ и открылъ дверь.

На порогѣ стоялъ Саша.

Теперь, при видѣ незнакомца, какое то смутное воспоминаніе мелькнуло у него въ умѣ.

И незнакомецъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

«Гдѣ я видѣлъ его?» съ усиліемъ напрягъ Саша свою память. «Та же длинновязая фигура, та-же землистая блѣдность лица, то же подергиваніе тонкихъ губъ и бѣгающіе глаза»...

«Да это же — Макарка, оршанскій гражданинъ!» неожиданно вспомнилось Сашѣ и картина далекаго прошлаго ясно стала передъ его глазами.

Крокетъ у Виѳанскихъ, Божа, Машенька и даже оршанскія барышни припомнились ему съ необыкновенной ясностью.

«А мы съ вами встрѣчались!» съ открытой душой обратился Саша къ незнакомцу, пожимая ему руку, «вѣдь вы — Турганскій? Не правда-ли?»

Тѣнь безпокойства и растерянности скользнула по лицу Турганскаго. Но онъ быстро овладѣлъ собой и съ улыбкой, похожей на гримасу, сказалъ, что также узнаетъ князя Минскаго, чего не могъ сдѣлать вчера, находясь въ полуобморочномъ состояніи.

«Я вамъ весьма благодаренъ за мое спасеніе! Конечно... если бы не вы...» и Турганскій сложилъ нѣсколько неуклюжихъ фразъ. Вслѣдъ за этимъ, не ожидая вопросовъ, онъ торопливо разсказалъ о томъ, что служитъ на постройкѣ желѣзной дороги у Хингана и что, получивъ отпускъ, ѣдетъ въ Россію.

«На «Мысовой» у меня оказался бывшій сослуживецъ, давшій мнѣ лодку для рыбной ловли», продолжалъ, не глядя на князя, Турганскій.

«Въ такую непогоду?» удивился Саша.

«Самые храбрые люди это тѣ, которые не сознаютъ опасности, — я выѣхалъ въ озеро, не сознавая ея, мою лодку опрокинуло волной и вотъ... вы...»

Саша взялъ Турганскаго подъ руку и увелъ къ себѣ...

Турганскій торопился продолжать свой путь. Въ тотъ-же день онъ выѣхалъ изъ Слюдянки въ Иркутскъ на двуколкѣ съ артельщикомъ, ѣхавшимъ по дѣламъ роты въ штабъ полка.

Черезъ недѣлю мимо Слюдянки проѣзжалъ жандармскій ротмистръ.

Онъ разсказалъ Сашѣ о томъ, что недавно изъ далекой ссылки бѣжалъ опасный человѣкъ, принадлежащій къ той группѣ государственныхъ преступниковъ, которая, сѣя зло и ничего не создавая, все стремится разрушить для собственнаго благополучія, — къ группѣ коммунистовъ.

«По всѣмъ даннымъ», продолжалъ ротмистръ, «онъ утонулъ въ Байкалѣ, потому что все это время, на озерѣ были сильныя бури... Туда ему и дорога!.. Къ тому же, въ «Мысовой» оказалась украденной лодка, обломки ко-

торой потомъ нашли на берегу»... весело заключилъ свои слова жандармскій ротмистръ и махнулъ рукой.

Саша задумался.

«Посмотрите, что творится тамъ!»... показалъ ротмистръ въ окно.

Байкалъ съ бѣшенымъ ревомъ катилъ свои сѣдыя волны. Черныя тучи низко неслись надъ ними и разбивались о прибрежныя скалы.

Вѣтеръ стоналъ и бросалъ, какъ клочья пѣны, бѣлыхъ чаекъ далеко на берегъ.

«А какъ звали этого революціонера?» спросилъ ротмистра Саша.

«О, у этихъ негодяевъ всегда много всякихъ кличекъ и псевдонимовъ, а этотъ... по своему настоящему паспорту...» ротмистръ посмотрѣлъ въ свой блокнотъ, «оршанскій мѣщанинъ Макарій Турганскій».

XLI

Байкалъ въ 1903 году замерзъ рано и замерзъ, какъ говорятъ въ Сибири, «на-голо», т. е. морозы сковали его поверхность безъ вѣтровъ и снѣжныхъ мятелей. Получилась огромная ровная поверхность зеркальнаго льда, сквозь который, несмотря на его большую толщину (больше сажени), была видна вода. Сообщеніе по Байкалу поддерживали мощные ледоколы, принимавшіе на свои стальныя палубы желѣзнодорожные составы, — паровозы и вагоны, и перевозившіе ихъ съ одного берега на другой*).

По льду шли люди, двигались грузы, быстро неслись по всѣмъ направленіямъ сибирскія пошевни, запряженныя то парой, то тройкой дымившихся отъ мороза лошадей, и то тутъ, то тамъ мелькали бѣлые, какъ крылья, паруса скользящихъ буеровъ**).

Морозы къ Рождеству отпустили. Пошелъ снѣгъ...

Саша ждалъ гостей, — къ нему изъ Вильны должны были пріѣхать Зоричи и ему казалось, что только теперь онъ ясно понялъ, насколько они ему близки и дороги. Онъ ждалъ ихъ пріѣзда съ наростающимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, была получена телеграмма о ихъ выѣздѣ изъ Орши.

Саша по путеводителю точно высчиталъ день ихъ пріѣзда и на небольшомъ буерѣ, съ однимъ стрѣлкомъ, лавируя парусомъ на дувшій нордвестъ, понесся въ Танхой.

Поѣздъ изъ Иркутска запоздалъ.

Приходилось ждать.

Саша, волнуясь, смотрѣлъ на часы.

Наконецъ поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи.

Саша напряженно всматривался въ прямую линію рельсъ, убѣгавшихъ вдаль и сливавшихся далеко въ морозной мглѣ...

Казалось бы, что уже время!..

Но нѣтъ, — ничего не видно на пути!..

---

*) Въ 1904 году, въ виду большихъ военныхъ перевозокъ, зимой желѣзная дорога была проложена прямо по льду Байкальскаго озера.

**) Буеръ — небольшая деревянная платформа, положенная на стальные полозья, съ парусами, какъ на лодкѣ.

Неожиданно онъ замѣтилъ вдали бѣлое пятно, дымъ и затѣмъ быстро выроставшую темную точку, и огромный паровозъ, замедляя ходъ, пыхтя и отдуваясь, прошелъ мимо него.

На вагонной площадкѣ Саша увидѣлъ сіяющіе глаза Машеньки, еще раньше замѣтившей его въ ожидавшей толпѣ пассажировъ.

За нею стоялъ Божа.

Саша радостно бросился къ нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Димитрій Сверчковъ.

**
*

Охъ ты, гой-еси, земля родимая,
Поросла ты, земля, сорной травушкой...
А была ты, Русь, — непобѣдимая,
Затмевала весь міръ своей славушкой.
Но смели твою честь на всѣ стороны,
Подъ ярмомъ ты склонила головушку...
Злые вороги — черные вороны —
Пьютъ — понынѣ — сосутъ твою кровушку.
Супостаты, — безъ роду — безъ племени, —
Святотатство творятъ небывалое,
И подъ тяжестью крестнаго бремени
Твое тѣло бичуютъ усталое.
Лютымъ казнямъ сыны твои преданы...
Издѣваясь, злодѣи бахвалятся...
Пьешь ты чашу скорбей неизвѣданныхъ,
Опьяненная мукой Страдалица.
Эй, проспитесь отъ сна непробуднаго
Старорусскіе витязи сильные!
Для великаго подвига, труднаго
Выходите съ крестомъ, православные!

Римъ.

Наталія Русская.

Принимается подписка на «Вѣстникъ»
Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза:
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (7e).

Le gérant : M. Boivent.

IMP. «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

№№ 13-14

Вѣстникъ Союза Офицеровъ Участниковъ Войны

- 1933 -

Парижъ

ОГЛАВЛЕНІЕ :

1. Изъ жзини Военныхъ Союзовъ. 2. Забытый юбилей. 3. **Н. А. Завалишинъ:** Краткія воспоминанія о Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ. 4. **П. Ставицкій:** Главное рѣшеніе. 5. Полковникъ **Ю. Сербинъ:** О конной артиллеріи. 6. **А. Черячукинъ:** Тѣни прошлаго. 7. **Д. Сверчковъ:** Божидаръ Зоричъ, романъ (продолженіе).

Союзъ Офицеровъ, Участниковъ Великой Войны получилъ отъ Святѣйшаго Патріарха Сербскаго Варнавы, милостивый привѣтъ, поздравленія къ Празднику Рождества Христова и благословеніе полезной дѣятельности Союза, а также пожеланіе успѣха Вѣстнику Союза, каковое изданіе заинтересовало Святѣйшаго Патріарха.

Изъ жизни военныхъ союзовъ

7-го сего декабря въ день 113-ой годовщины основанія Николаевской Инженерной Академіи и Училища въ православномъ храмѣ города Каннъ былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ панихида у гробницы почившаго Великаго Князя Петра Николаевича, Августѣйшаго Генералъ-Инспектора по Инженерной Части.

На богослуженіи изволила присутствовать Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Милица Николаевна, Его Высочество князь Романъ Петровичъ съ семьей, генералъ баронъ А. И. Стааль и представители Объединенія бывшихъ воспитанниковъ Николаевской Инженерной Академіи и Училища генералы Бемъ и Субботинъ и полковникъ Сверчковъ.

Передъ началомъ богослуженія Предсѣдателемъ Объединенія генераломъ Бемъ, на гробницу Великаго Князя была водружена лампада, сооруженная усердіемъ членовъ Объединенія бывш. воспитанниковъ Ник. Инж. Академіи и Училища во Франціи, Обществомъ бывш. воспитанниковъ Ник. Инж. Ак. и Училища въ Югославіи и слушателями Военно-Инженерныхъ Курсовъ въ Парижѣ.

Лампада эта сооружена по эскизу, сдѣланному покойнымъ Великимъ Княземъ; ювелирныя работы исполнены г. Никулинымъ. Лампада имѣетъ видъ храма съ золотымъ крестомъ на куполѣ, украшена вензелями покойнаго Великаго Князя и золотыми коронами. Поставлена она на основаніи изъ чернаго и краснаго мрамора, изображающаго сочетаніе бастіонныхъ фронтовъ, какъ это воспроизведено на нагрудномъ значкѣ Николаевскаго Инженернаго Училища.

Забытый Юбилей

Полъ вѣка назадъ, 22 іюля 1882 года, въ день Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, былъ изданъ Высочайшій приказъ о преобразованіи Военныхъ Гимназій въ Кадетскіе Корпуса.

Эта мѣра Императора Александра III имѣла цѣлью усилить военный духъ учебныхъ заведеній, главная задача которыхъ состояла въ подготовкѣ будущихъ офицеровъ Россійской Арміи.

Достоинства военныхъ гимназій временъ Военнаго Министра гр. Милютина заключались въ очень хорошей постановкѣ учебной части. Но эта сторона нисколько не пострадала послѣ переименованія гимназій въ Корпуса. Было только обращено большее вниманіе на строевую выучку кадетъ, гимнастику, на соблюденіе воинской дисциплины. Все это значительно облегчало переходъ выпускныхъ кадетъ на положеніе юнкеровъ Военныхъ Училищъ — первые шаги ихъ военной службы.

Возстановлены были вскорѣ и кадетскіе лагерные сборы для двухъ старшихъ классовъ, 1-ой строевой роты. Для Петербургскихъ корпусовъ лагерь былъ въ Царской лѣтней резиденціи, Нов. Петергофѣ; тамъ собирался сводный батальонъ изъ корпусовъ Пажескаго Его Величества, 1-го, 2-го, Александровскаго и Николаевскаго.

Старые кадеты никогда не забудутъ дней, проведенныхъ въ своемъ лагерѣ: переѣздъ на Невскихъ пароходахъ къ Петергофской Царской пристани; прохожденіе мимо дворца передъ Государемъ Императоромъ, Его привѣтствіе; лагерную жизнь, ученье на плацу; вызовъ «всѣхъ на линію» при частыхъ проѣздахъ мимо кадетскаго лагеря Царской Семьи; послѣдній Высочайшій смотръ передъ окончаніемъ лагернаго сбора... Какое свѣтлое и счастливое было это время, какую гордость испытывали кадеты, сознавая себя частью доблестной Русской Арміи!

Въ связи съ этимъ почти забытымъ юбилеемъ, старшіе представители Объединенія кадетъ-Александровцевъ, генер. И. И. Вѣтвѣницкій, П. Н. Красновъ и П. П. Ставицкій, представлялись Е. И. В. Вел. Кн. Ксеніи Александровнѣ, Августѣйшей Внучкѣ Основателя 3 С. Петербургской Военной Гимназіи, Государя Императора Александра II.

Великая Княгиня изъявила во время этого пріема милостивое согласіе принять на Себя званіе Августѣйшей Попечительницы Объединенія кадетъ-Александровцевъ. Эта высокая честь одинаково дорога для всѣхъ кадетъ.

Краткія воспоминанія о Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ

Не мнѣ писать біографію Вел. Кн. Владиміра Александровича; она давно уже написана и навѣрное будетъ еще въ дальнѣйшемъ, въ историческіе дни его памяти, восполнена, а я хочу только подѣлиться тѣми малыми воспоминаніями, кои сохранились у меня въ памяти отъ служебныхъ и частныхъ общеній съ Нимъ.

Великаго князя впервые я увидѣлъ въ день нашего баталіоннаго праздника въ 1907 году. Въ это время я былъ молодымъ, по первому году, офицеромъ, и состоялъ въ 3-й ротѣ. Не стану описывать своего вол-

пенія, которое овладѣло мною отъ сознанія, что сегодня я увижу своего Императора, буду впервые маршировать передъ Нимъ въ рядахъ Его баталіона, а по окончаніи парада, удостоенъ приглашенія во дворецъ, къ Высочайшему завтраку.

Стоя въ строю роты, на правомъ флангѣ, я съ любопытствомъ разглядывалъ собиравшихся лицъ Государевой Свиты. Минутъ за 20 до начала парада, прибылъ нашъ старѣйшій командиръ, генералъ-отъ-инфант. Глазовъ, а вскорѣ за нимъ помощникъ Главнокомандующаго Петербургскимъ округомъ Генералъ-отъ-кав. Газенкампфъ.

Но вотъ прошло еще томительныхъ минутъ пять, снова раздалась команда «смирно» и на правомъ флангѣ показалась высокая, внушительная фигура Вел. Князя Владиміра Александровича. Онъ былъ въ мундирѣ нашего баталіона съ Андреевской лентой.

Его красивое лицо поразило меня. Онъ имѣлъ проницательные глаза и посѣдѣвшія, небольшія баки, какія носилъ Императоръ Александръ II-ой. Его голосъ былъ очень характерный — густой басъ. «Здорово Государевы стрѣлки», привѣтствовалъ онъ громко баталіонъ и поздравилъ насъ съ праздникомъ. Обойдя фронтъ, Вел. Князь подошелъ къ аналою, гдѣ стояло собравшееся духовенство въ красивыхъ золотыхъ ризахъ, расшитыхъ шитьемъ части и сдѣланныхъ, съ соизволенія Державнаго Основателя, командиромъ баталіона флиг. адъютантомъ полковн. графомъ Строгановымъ. На аналоѣ лежалъ богатый складень Св. Угодника Зосимы. Велик. Кн. поздоровался со священнослужителями, подошелъ къ аналою, перекрестился, посмотрѣлъ на икону, и я услыхалъ его громкій голосъ, обращенный къ нашему баталіонному священнику: «батюшка, а что же Савватій на праздникъ не попалъ?» Въ отвѣтъ на это отецъ Александръ Веселовскій кратко изложилъ Его Высочеству значеніе иконы.

Въ это время раздалась снова команда: «смирно, слушай на караулъ»! Медленно, красиво склонилось наше боевое, георгіевское знамя, оркестръ и фанфары заиграли «встрѣчу» и въ воротахъ площади большого Екатерининскаго дворца показался Государь Императоръ...

Въ томъ же году, въ концѣ апрѣля, я принялъ охотничью команду баталіона.

Новая должность была для меня очень интересною, но совершенно мало знакомой.

По заведенному обычаю, въ маѣ мѣсяцѣ, наступалъ сезонъ собиранія грачиныхъ яицъ для стола Великаго князя. Стрѣлки дѣло это очень любили. Они лихо лазали, на телеграфныхъ крючьяхъ, по громаднымъ деревьямъ — такъ называемаго — Промежуточнаго дворцоваго парка, гдѣ особенно много было грачиныхъ гнѣздъ.

Занятіе это стрѣлкамъ было любо еще и потому, что они получали отъ Великокняжескаго двора очень щедрое вознагражденіе.

Въ началѣ дѣло шло у меня все благополучно, но въ концѣ мая, неожиданно, вызвалъ меня къ телефону личный камердинеръ Его Высочества (нашъ бывшій стрѣлокъ, фамилію котораго не могу вспомнить) и говоритъ:

«Его Императорское Высочество очень Васъ благодаритъ за присылаемыя яйца, но просили Вамъ передать, что они птенчиковъ не ѣдятъ». Я былъ страшно смущенъ этимъ сообщеніемъ, и только тогда понялъ свою ошибку, что нужно было уже начатыя насиживаніемъ яйца, передъ отправленіемъ во дворецъ, провѣрять въ ведрѣ съ водой.

Настало лѣто, а съ нимъ и разныя практическія ученія и отрядные маневры въ Красномъ Селѣ. Затѣмъ предстоялъ Высочайшій смотръ всѣмъ войскамъ лагернаго сбора, послѣ котораго всегда слѣдовалъ общій подвижной сборъ. Былъ конецъ іюля. Нашъ баталіонъ возвращался съ ночного маневра — около 6 часовъ утра — по Царскосельскому шоссе, отъ Образцовой усадьбы. Вдругъ къ намъ прискакалъ, на взмыленной лошади, ординарецъ, крича «тревога». Баталіонъ быстрымъ шагомъ, переходя иногда въ бѣгъ, направился на Военное поле, къ мѣсту Общаго сбора всѣхъ частей и прибылъ туда, изъ пѣхоты, первымъ.

Вскорѣ началось выстраиваніе къ прохожденію церемоніальнымъ маршемъ. Высочайшаго объѣзда въ этомъ году не было. Къ мѣсту линіи, отъ которой мы должны были начать настоящее движеніе, продвигались очень медленно, съ большими остановками. Но вотъ подошли къ желонерному офицеру и отсюда начался нашъ парадный маршъ слѣдованія. Въ это время я былъ въ ротѣ Его Вел. и шелъ на правомъ флангѣ. Мнѣ уже ясно стало видно — Царскій валикъ, Императора верхомъ и огромную, вокругъ Него, свиту.

Вдругъ, совершенно неожиданно, слышу знакомый густой басъ Великаго Князя Владиміра Александровича: «сатана, снимай!» и къ удивленію моему, откуда ни возьмись, выскочилъ, лучше сказать, выкатился, подгибая ноги, господинъ въ штатскомъ съ огромнымъ фотографическимъ аппаратомъ, висѣвшимъ у него на животѣ. Онъ быстро, на бѣгу, снялъ фуражку, показавъ всѣмъ ярко-огненные рыжіе, слегка завивающіеся волосы, и сталъ быстро щелкать аппаратомъ, почтительно, послѣ каждаго снимка, кланяясь въ сторону Государя. То былъ извѣстный фотографъ Оцупъ. Правъ былъ Вел. Князь, давъ ему такой эпитетъ. Теперь этотъ человѣкъ занимаетъ у большевиковъ большое мѣсто и живетъ въ Кремлѣ.

Совершенно незамѣтно наступила осень, а съ нею и охотничья пора.

По установившемуся правилу, наша охотничья команда принимала участіе на всѣхъ Великокняжескихъ облавахъ. Наканунѣ изъ конторы Двора сообщалось избранное мѣсто охоты, куда мнѣ надлежало прибыть къ указанному часу со своими людьми.

Для меня это было очень интересное время. Часто приходилось, изъ за дальности участка охоты, выступать совершенно въ потьмахъ, въ 3-4 часа утра, но я не чувствовалъ въ этомъ никакой тяготы. Отъ одной только мысли, что я буду сегодня имѣть честь провести день въ присутствіи Вел. Князя и его семьи меня несказанно бодрило и радовало.

Обыкновенно, къ назначенному мѣсту сбора прибывали и Егеря Императорской охоты въ своихъ, красивыхъ, разнообразныхъ, смотря по спеціальностямъ, формамъ, во главѣ съ ловчимъ Анкинымъ, человѣкомъ пре-

красно знавшимъ свое дѣло, но большимъ пьяницей. Я, какъ сейчасъ, слышу голосъ Вел. Князя: «Аникинъ, ты опять пьянъ»? «Такъ точно, Ваше Императорское Высочество», былъ одинъ изъ его обычныхъ отвѣтовъ, «я сегодня немного согрѣвался по утру». До пріѣзда я выстраивалъ своихъ стрѣлковъ по дорогѣ, и послѣ встрѣчи Его Высочества, они поступали въ полное распоряженіе ловчаго; я же лично оставался свободенъ. Не будучи настоящимъ охотникомъ, я поблагодарилъ Его Высочество за сдѣланную мнѣ честь принимать участіе въ ней и проводилъ это время въ прогулкахъ по лѣсу, въ собираніи грибовъ, бывалъ иногда на номерахъ, созерцая всю картину охоты, помогалъ устраивать выставку трофеевъ убитой птицы и звѣря; бесѣдовалъ съ нѣкоторыми приглашенными лицами, не принимавшими все время участія во всѣхъ загонахъ. Вел. Князь пріѣзжалъ всегда на автомобилѣ со своей Августѣйшей Супругой, которая сильно увлекалась охотой и была прекраснымъ стрѣлкомъ. Въ другомъ автомобилѣ былъ кто либо изъ его сыновей и адъютантовъ, а въ третьемъ — приглашенные гости; въ большинствѣ случаевъ — иностранные принцы, послы, посланники, или разные сановные люди нашей аристократіи.

Равняясь на моихъ стрѣлковъ, которые были безъ шинелей, въ виду того, что движеніе по лѣсу безъ нихъ было много свободнѣе и легче, я тоже былъ при встрѣчѣ Ихъ Высочествъ въ одномъ мундирѣ. Вел. Князь здороваясь со мною, часто удивлялся отчего я, въ холодные октябрьскіе дни, не въ пальто, приказывалъ мнѣ его сейчасъ же надѣть и обращался ко всѣмъ присутствующимъ съ улыбкой, указывая на меня, говорилъ: «о, молодость»!

Нормально, до 12 часовъ дня, было 6-7 загоновъ, потомъ завтракъ гдѣ нибудь въ ближайшей деревнѣ, въ крестьянской избѣ, а послѣ завтрака еще загоновъ пять. Иногда пріѣзжала со своими родителями и Вел. Княжна Елена Владиміровна. Лично она не охотилась, занималась времяпрепровожденіемъ, вродѣ моего, а послѣ завтрака обычно уѣзжала обратно въ Царское. Какъ Вел. Князь, такъ и всѣ участники охоты были въ штатскомъ.

Я особенно любилъ идеальные на охотѣ завтраки. Гдѣ нибудь, въ заранѣе выбранной просторной избѣ, разставлялся дорожный большой складной столъ, а въ углу другой, поменьше, спеціально для закуски.

Придя въ избу, Вел. Князь снималъ полушубокъ и если было очень натоплено, то оставался въ одномъ жилетѣ, а то надѣвалъ легкую куртку. Всѣ собравшіеся гости сперва приглашались къ закускѣ, которая, какъ и самъ завтракъ, была мастерски приготовлена. Большое количество всевозможныхъ водокъ и настоекъ дополняли столъ. Самъ Вел. Князь любилъ выпить рюмки двѣ старки и закусить чѣмъ нибудь острымъ, а послѣ онъ переходилъ къ большому столу, причемъ окружающихъ просилъ не торопиться, продолжать закусывать и часто самъ указывалъ кому-нибудь, что лучше подойдетъ подъ водку. Меню завтрака всегда очень продуманно составлялось извѣстнымъ поваромъ Зестомъ изъ всевозможныхъ блюдъ, преимущественно пріуроченныхъ къ различнымъ трофеямъ охоты. Здѣсь подавалось и сѣдло дикой козы и жаренныя утки, дупеля, бекасы, всевозможные паште-

ты и шофруа. Вкусные грибные похлебки, соуса и разныя селянки изъ дичи не порождали мечтать о чемъ нибудь другомъ. Сладкое состояло также изъ какихъ нибудь пироговъ или нѣжныхъ, тонкихъ компотовъ и желе, составленныхъ изъ лѣсной земляники, клубники, малины, морошки, клюквы или брусники. Изобиліе различныхъ фруктовыхъ смоквъ, пастилы и мармеладовъ, дополняли дессертъ.

По окончаніи завтрака всѣ выходили смотрѣть, разложенные у избы, трофеи охоты за первую половину дня; обмѣнивались впечатлѣніями, разсматривали и любовались наиболѣе выдающимися экземплярами и снова отправлялись на линію номеровъ. Если не измѣняетъ мнѣ память, то такая посѣдняя охота «по перу» была 24 октября; послѣ предполагалась охота исключительно на звѣря въ Олонецкой губерніи.

На этомъ послѣднемъ завтракѣ Вел. Кн. Елена Владиміровна обратилась за столомъ, къ отцу, сказавъ: «папа, давай мы всѣ распишемся на память на меню Завалишина. Я совершенно объ этомъ и не думалъ, а посему услыхавъ эти слова, отъ неожиданности даже испугался и почувствовалъ, какъ покраснѣлъ отъ волненія. «Хорошо», сказалъ Вел. Кн., «дай мнѣ карандашъ».

Имѣть меню съ собственноручной подписью Вел. Князя, Вел. Кн. Маріи Павловны, ихъ дочери Елены Владиміровны и сына Андрея Владиміровича было для меня несказанною радостью. Я меню это всегда бережно хранилъ у себя въ рамѣ на письменномъ столѣ, вмѣстѣ съ пожалованной мнѣ — впослѣдствіи — фотогр. Вел. Кн. Маріи Павловны, снятой на охотѣ (на номерѣ), тоже съ собственноручной Ея подписью. Думалъ ли я тогда, что эта охота будетъ послѣдняя и, что я больше не увижу Его Высочества.

Черезъ нѣсколько дней, Великій Князь изволилъ переѣхать въ С. Петербургъ къ себѣ во дворецъ и тамъ вскорѣ заболѣлъ инфлуенціей, которая перешла на легкія и 1 декабря Онъ тихо въ Бозѣ почилъ.

Нашъ баталіонъ,, въ полномъ составѣ, былъ на похоронахъ. Мы стояли шпалерами отъ Троицкаго моста, вдоль набережной у Мраморнаго дворца.

Отъ баталіона былъ возложенъ вѣнокъ, серебряный въ видѣ пальмовой вѣтки, который впослѣдствіи хранился у гроба въ новой Усыпальницѣ при Петропавловскомъ соборѣ.

Смерть Вел. Кн. Владиміра Александровича была для баталіона большой утратой.

Лично Вел. Князь очень хорошо относился къ баталіону. Нерѣдко бывалъ въ офицерскомъ собраніи, всегда интересовался жизнью баталіона и во многомъ помогалъ намъ. Каждый годъ онъ жаловалъ прекрасныя золотыя часы и 100 руб. лучшему стрѣлку за стрѣльбу. Содержалъ за свой счетъ одного воспитанника въ школѣ солдатскихъ дѣтей. Оказывалъ помощь въ воспитаніи дѣтей сверхсрочнослужащихъ. Съ большой охотой принималъ къ себѣ на службу стрѣлковъ.

По личному желанію Великаго Князя, младшій изъ Его сыновей — Ан-

дрей, хотя и былъ въ артиллерійскомъ Училищѣ, но изучалъ стрѣлковое дѣло у насъ въ баталіонѣ.

На Рождествѣ, стрѣлки, несшіе у Вел. Кн. караулъ въ Запасномъ дворцѣ, награждались очень щедрыми подарками и имъ устраивалось большое угощеніе, также и въ Свѣтлую Пасхальную Заутреню, караулъ получалъ богатое разговѣніе.

Если, почему либо, въ день баталіоннаго праздника Великій Князь не могъ быть, то всегда присылалъ прочувственную поздравительную телеграмму.

Да будетъ нашему Августѣйшему стрѣлку вѣчная память и въ установленные дни поминовенія объ усопшихъ воинахъ, будемъ и мы всѣ творить свою молитву за упокой Его души.

Н. А. Завалишинъ.

Главное рѣшеніе

Не проходитъ дня, чтобы въ печати не обсуждался вопросъ о сокращеніи военной силы государствъ, о полномъ разоруженіи народовъ, и все это съ цѣлью яко-бы достиженія всеобщаго мира, для избавленія человѣчества отъ ужасовъ войны.

Сколько лицемѣрія и фальши въ такихъ разсужденіяхъ! Ужасы войны извѣстны военнымъ людямъ вѣроятно не менѣе, чѣмъ гражданскимъ пацифистамъ, болѣе освѣдомленнымъ въ тыловой и канцелярской дѣятельности; но на сторонѣ военныхъ въ этомъ случаѣ знаніе *сущности* войны, законовъ веденія ея.

На самомъ дѣлѣ вѣдь совершенно ясно, что если-бы и удалось когдалибо добиться полнѣйшаго, «идеальнаго» разоруженія, то ни въ малѣйшей степени это не могло-бы способствовать установленію мира на землѣ. Это лишь видоизмѣнило бы соотношеніе силъ: многолюдные народы получили бы перевѣсъ надъ малочисленными, грубой *массѣ* было-бы дано преимущество надъ болѣе развитой *духовной* силой народа.

Тогда дѣйствительно «шапками закидаемъ» стало-бы не шуточной угрозой, и надвигающаяся «орда» явилась-бы неодолимой силой.

Частичное разоруженіе, всѣ эти попытки установить какіе-то «допустимые» и «недопустимые» образцы оружія, представляется съ военной точки зрѣнія превеликой нелѣпостью. Даже теоретически нѣтъ возможности разграничить строго и точно оружіе наступательное отъ оборонительнаго, какого-бы сорта оно ни было.

Крупнокалиберная артиллерія, которая попадаетъ подъ запретъ господъ пацифистовъ, вовсе не означаетъ еще непремѣнно наступательнаго характера дѣйствій; до нѣкоторой степени она даже стѣсняетъ быстрыя наступательныя операціи. Можно привести множество другихъ примѣровъ, хотя бы пресловутую германскую «Берту», стрѣлявшую по Парижу. Для

людей мало освѣдомленныхъ она быть можетъ представляется въ видѣ Царь-Пушки, въ которую можетъ въѣхать тарантасъ. Но на самомъ-то дѣлѣ это вѣдь всего 8 дюйм. орудіе; между тѣмъ конструкція этой пушки *средняго калибра* была такова, что «мощность» ея, говоря языкомъ механики, достигала 9 милліоновъ лош. силъ. Такимъ образомъ, калибръ у Берты былъ допустимый, а вотъ эффектъ ея для пацифистовъ оказался непозволительный...

Не имѣетъ рѣшающаго значенія и число пушекъ, о чемъ трактуется часто въ печати, ибо не числомъ орудій, а числомъ выстрѣловъ опредѣляется поражающая способность. Одинъ хорошій 3-хъ дюйм. «гранатометъ» забьетъ цѣлую батарею, если она стрѣляетъ медленно, не имѣетъ достаточнаго числа боевыхъ комплектовъ.

Наконецъ, дѣло вѣдь не только въ орудіяхъ — еще большее значеніе имѣетъ умѣлое пользованіе ими. Плохо обученная, неумѣлая, недостаточно стойкая и спокойная орудійная прислуга будетъ забита хорошей, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ.

Танки тоже ставятъ подъ запретъ. Эта «подвижная фортификація» на первый взглядъ можетъ казаться средствомъ чисто наступательнымъ: но въ современныхъ планахъ оборонительныхъ системъ танки являются однимъ изъ весьма существенныхъ средствъ для парализованія прорыва, т. е. для выполненія задачи оборонительной. А такія задачи пока еще милостиво разрѣшаются и противниками войны.

Численный составъ армій также самъ по себѣ не опредѣляетъ военной мощи государствъ, ихъ наступательной способности. Организація войскъ, подготовка мирнаго времени, методы управленія, а главное, — обработка духа и воспитаніе кадровъ имѣетъ столь существенное значеніе, что *число* въ этомъ случаѣ неизбѣжно уступаетъ *качеству*, и потому малочисленная армія можетъ оказаться побѣдоносной при столкновеніи съ плохо обученными полчищами милиціоннаго характера.

Въ сущности все это азбучныя истины, которыя приходится однако повторять.

Вопросъ о воздушныхъ силахъ и о примѣненіи отравляющихъ газовъ требуетъ особаго разсмотрѣнія, въ связи съ истиннымъ значеніемъ ихъ въ грядущей войнѣ.

***

Ни разоруженіе, ни искусственный запретъ различныхъ видовъ оружія — отъ войны народовъ не избавятъ. Между тѣмъ, война въ современныхъ условіяхъ представляетъ такую угрозу самому существованію государствъ, угрозу всей нашей цивилизаціи, что закрывать на это глаза было-бы положительно преступно.

Но дѣло заключается не въ сокращеніи вооруженій и не въ уменьшеніи мирныхъ кадровъ армій, а въ томъ, что война — неизбѣжно грядущая, какъ-бы около этого вопроса ни хлопотали пацифисты — должна быть введена въ опредѣленное свое русло: война *армій*, а *не народовъ*.

Въ этомъ вся суть, въ этомъ заключается главная, коренная задача современныхъ правителей государствъ, а не въ лицемѣрной лживой проповѣди идей пацифизма, которая только способствуетъ подготовкѣ новыхъ ужасовъ.

На пути къ такому рѣшенію, единственному, которое можетъ спасти нашу цивилизацію отъ гибели, стоитъ — какъ это ни кажется парадоксальнымъ — Лига Націй.

Она вызываетъ къ себѣ глубокую, иногда подсознательную антипатію со стороны всѣхъ тѣхъ, кто не входитъ въ круги лѣвыхъ «передовыхъ представителей», присяжныхъ говоруновъ, присвоившихъ только себѣ право судить и рядить о благѣ человѣчества. Основанія для такой антипатіи вполнѣ естественны, но мало пока обоснованы, недостаточно еще освѣщены: вполнѣ понятно — учрежденіе это еще совсѣмъ молодое.

Если сопоставить всѣ сужденія, которыя высказываются на общихъ собраніяхъ и въ комиссіяхъ этой Лиги, то можно заключить, что главное ея стремленіе заключается въ томъ, чтобы устранить со сцены настоящую реальную военную силу государствъ, единственную силу, которая можетъ установить и поддержать прочный порядокъ на землѣ. Распыленіе этихъ силъ, лишеніе армій оружія, введеніе милиціонной системы, доведеніе государствъ до такого состоянія, когда ни отъ кого нельзя будетъ услышать властнаго рѣшающаго слова, — вотъ, въ сущности, къ чему ведетъ вся «мирная» дѣятельность Лиги Націй. Это несомнѣнная работа на *«разслабленіе»* государственной мощи.

Надо признать, по грубой логикѣ вещей, что, въ сущности свой собственный, близкій интересъ Лиги Націй, помимо указаннаго разслабляющаго вліянія, долженъ заключаться въ поддержаніи постояннаго непрерывнаго недовольства среди отдѣльныхъ націй, нѣкотораго лихорадочнаго состоянія государствъ въ вопросахъ военной силы. Поддерживая такую повышенную международную температуру, не давая затихать международному напряженному состоянію, и отнюдь не доводя его до того предѣла, когда начинаютъ гремѣть пушки — можно присваивать себѣ роль умиротворительницы народовъ, и жить съ большимъ комфортомъ за счетъ такой почтенной дѣятельности.

Вспоминается старый разсказъ о лейбъ-медикѣ при какомъ-то герцогскомъ дворѣ. Этотъ мудрый врачъ всю жизнь лечилъ экзему у владѣтельнаго Князя, — и никогда не давалъ ей окончательно исчезнуть...

Совсѣмъ недавно промелькнуло въ газетахъ (и, конечно, сразу же заглохло) воспоминаніе о послѣднихъ попыткахъ Германіи договориться непосредственно съ Франціей въ вопросахъ государственной безопасности. Что вышло бы изъ такихъ прямыхъ переговоровъ — вопросъ другой, но чрезвычайно интересно, что, по словамъ газетной замѣтки, «у Макдональда глаза вылѣзли на лобъ отъ ужаса, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ помимо Лиги Націй», безъ тѣхъ посредниковъ, которые способны затор-

мозить любое дѣло, оставить нерѣшеннымъ самый ясный вопросъ, когда это имъ выгодно.

***

Рѣшенія *окончательныя, устойчивыя* и *твердыя* могутъ быть достигнуты только непосредственными прямыми договорами сильныхъ державъ. На этомъ держался въ теченіе столѣтій политическій порядокъ во всемъ мірѣ. Но для Лиги Націй такое рѣшеніе было бы тяжкимъ ударомъ: надо держать всѣхъ въ состояніи неудовлетворенности, тревоги, въ невозможности договориться до конца, и въ такой замутненной водѣ играть роль спасительнаго маяка.

Несомнѣнно также, что наиболѣе устойчивыя рѣшенія могутъ быть достигнуты при *несмѣняемомъ* монархическомъ правленіи. Это одна изъ причинъ ненависти къ такому строю, и здѣсь надо искать корни затаенной озлобленности Лиги Націй къ сильной Императорской Японіи, которая желаетъ установить, наконецъ, порядокъ на Дальнемъ Востокѣ.

Міровая печать лѣваго направленія никогда, конечно, не пойдетъ противъ Лиги Націй: она связана съ ней особыми, глубоко уходящими нитями. Поэтому все то, что говорится и пишется теперь относительно подозрительной и опаснѣйшей дѣятельности (или — бездѣятельности...) Лиги Націй, не найдетъ отклика въ этой печати.

Но рано-ли, поздно-ли роль Лиги будетъ расшифрована до конца, и не благодарность за установленіе мира на землѣ, а проклятія ждутъ ее за поддержку всеобщаго недовольства, за работу на распыленіе государственныхъ силъ, за подготовку государственнаго безсилія, при которомъ неизбѣженъ переходъ власти къ подонкамъ и черни, подъ водительствомъ международныхъ преступниковъ и аферистовъ.

Говорить о военной силѣ самой Лиги Націй, для наведенія гдѣ-либо порядка, о предоставленіи въ ея распоряженіе какихъ-то международныхъ отрядовъ или воздушныхъ эскадрилій — можно только въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ. Представить себѣ, что подъ командой французскаго летчика нѣмецкіе аэропланы летятъ усмирять Берлинъ...

Война неизбѣжна, никакія заклинанія убѣжденныхъ и просто ловкихъ пацифистовъ ее не устранятъ. Она можетъ быть поистинѣ ужасна и гибельна, если не прекратится лже-подготовка мира по рецептамъ Лиги Націй. Единственное спасеніе, одинъ выходъ — возвращеніе войны въ ея прежнія старыя границы, войны *армій противъ армій*, и всемѣрнаго огражденія мирнаго населенія отъ ужасовъ войны.

Тогда совсѣмъ иное значеніе получаютъ и боевые аэропланы, удушливые газы, смертоносные лучи: направленные противъ воюющихъ армій, они будутъ ими и отражаться. Потери съ обѣихъ сторонъ могутъ быть очень велики, но чрезвычайно важно, чтобы при этомъ не страдало мирное населеніе.

Во многихъ случаяхъ хирургическое вмѣшательство является наиболѣе вѣрнымъ и спасительнымъ средствомъ. Война въ нѣкоторомъ отношеніи тоже хирургическая операція, — но война армій, а не народовъ. Только такая война допустима.

Совсѣмъ не то готовится теперь подъ лукавый лепетъ женевскихъ лже-миротворцевъ.

П. Ставицкій.

О конной артиллеріи

«Устроенная при войскахъ Вашихъ Конная артиллерія, приведя въ совершенство часть сію, доставитъ войскамъ въ дѣйствіяхъ ихъ полезное облегченіе, придастъ имъ новую силу, вящую быстроту въ стремленіяхъ и проложитъ путь къ новымъ побѣдамъ».

(Изъ представленнаго графомъ Зубовымъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й доклада о созданіи конной артиллеріи).

Хоть много войска у Царя,
Но, все-же, скажемъ мы не зря,
Что лучше конныхъ батарей
Не сыщешь войска у Царей.

Гордимся службою своей,
Утѣху мы находимъ въ ней,
И въ мирѣ, также и въ бою,
Всегда прославимъ часть свою.

Изъ конно-артиллерійскихъ пѣсенъ.

Изъ исторіи конницы мы видимъ, что Конная артиллерія впервые появилась въ войскахъ Шведскаго короля Густава Адольфа. Въ то время она была вооружена кожанными пушками. Въ Россіи основаніе ея положилъ Великій Петръ. Раскаты конныхъ пушекъ уже были слышны при Гуммельгофѣ (1702 г.) и при Лѣсной (1707 г.). Его же повелѣніемъ при каждомъ кавалерійскомъ полку была создана полковая артиллерія изъ двухъ 3-фунтовыхъ пушекъ.

Первымъ блестящимъ конно-артиллерійскимъ дѣломъ былъ подвигъ бомбардира Василія Корчмина во время набѣга Шереметьева у Эрестфере 29/XII. 1701 г. Въ кампанію 1711 года польза, принесенная дѣйствіями конной артиллеріи, отмѣчается многими военноначальниками, такъ например, командиръ Казанскаго драгунскаго полка графъ Моро сообщаетъ, что и при нападеніи многочисленной турецкой конницы на кавалерій-

скій отрядъ Генерала Януса только огню конной артиллеріи конница обязана своимъ спасеніемъ.

Въ 1745 г. мая 20-го повелѣно въ драгунскихъ полкахъ имѣть по 4 пушки, вмѣсто 2-хъ.

Въ дальнѣйшемъ, дѣйствія конной артиллеріи въ Семилѣтней войнѣ противъ конницы Фридриха подали нѣмцамъ мысль завести конную артиллерію и у себя. Въ журналѣ, изданномъ въ 1792 г., въ Ганноверѣ Шарнгорстомъ имѣлись такіе строки: «Въ кампаніяхъ противъ русскихъ съ 1757 по 1759 г. случалось, что прусская конница была внезапно останавливаема дѣйствіемъ артиллеріи, гдѣ не было видно ни одного пѣхотнаго солдата». Два кавалерійскихъ полка особенно щеголяли своей Конной артиллеріей — это были Псковскіе и Нижегородскіе драгуны. Командиръ Нижегородскаго полка Раевскій первый въ Россіи ввелъ желѣзныя оси въ своей полковой артиллеріи и приказалъ на концы осей ввинчивать мѣдные колпачки. Въ январѣ 1794 г. графъ Зубовъ, ставшій незадолго до этого во главѣ артиллеріи, для приданія конницѣ устойчивости и для помощи ей въ конныхъ атакахъ массированіемъ артиллерійскаго огня, задумалъ придать Конной артиллеріи самостоятельную организацію. Онъ говорилъ, «чтобы подать конницѣ, въ обращеніяхъ своихъ быстро и стремительно подвигающейся, такую же помощь, какую обыкновенная артиллерія подаетъ пѣхотѣ, необходимо создать Конную артиллерію».

29-го сентября докладъ графа Зубова о необходимости введенія въ Арміи этого рода оружія Императрицей былъ утвержденъ, причемъ именной указъ объ этомъ начинался такъ: «Графъ Платонъ Александровичъ. Представленіе Ваше объ учрежденіи Конной артиллеріи пріемлемъ Мы за благо, какъ дѣло весьма полезное для службы Нашей и какъ новый доводъ Вашего усердія къ Намъ и неусыпнаго радѣнія о наилучшемъ устройствѣ частей Вамъ ввѣренныхъ. Утвердивъ вслѣдствіе того примѣрный штатъ для одной роты помянутой Конной Артиллеріи, возлагаемъ на попеченіе Ваше составить на первое время пять таковыхъ ротъ при семидесяти орудіяхъ»...

Ротамъ были даны наименованія по порядку №№, масти лошадей полагались въ 1-й — сѣрыя, во 2-й рыжія, въ 3-й гнѣдыя, въ 4-й бурыя, въ 5-й разношерстныя. 1-ю роту получилъ капитанъ Фокъ, 2-ю — Есиповъ, 3-ю — Тучковъ, 4-ю — кн. Яшвиль и 5-ю Бухмейеръ. Общее командованіе было возложено на генерала Мелиссино. Нижніе чины были назначены главнымъ образомъ изъ Бомбардирскаго полка и по 10 человѣкъ изъ Нарвскаго, Каргопольскаго, Ростовскаго, Кинбургскаго и Смоленскаго драгунскихъ полковъ. 17-го апрѣля 1796 г. Ген.Поручикъ Мелиссино отдалъ приказъ «Ротъ конной артиллеріи господамъ капитанамъ и офицерамъ черезъ сіе предписываю позволить съ себя снять портному мастеру Боуру мѣрки для шитья парадныхъ мундировъ по утвержденному Его Свѣтлостью Господиномъ Ген. Фельдцехмейстеромъ и кавалеромъ графомъ Зубовымъ образцу».

Конныя роты были вооружены облегченными 6-фунт. пушками въ 22 пуда, длинной 5 футъ 7 дюймовъ, легче состоявшихъ на вооруженіи полевой артиллеріи на 9 пудовъ.

Форма одежды для офицеровъ заключалась въ шляпѣ съ бѣлымъ плюмажемъ, въ красномъ мундирѣ съ чернымъ бархатнымъ отворотомъ, въ желтыхъ рейтузахъ и въ маленькихъ сапожкахъ со шпорами. Нижніе чины имѣли красные кафтаны, сапоги съ прибивными шпорами, круглую поярковую шляпу 4½ вершка высоты, съ полями въ 1½ вершка, плотно пригнутыми къ тульѣ съ лѣвой стороны, съ бѣлымъ бантомъ, съ черной петлей, мѣдной пуговицей и бѣлымъ плюмажемъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ, перегнутыхъ черезъ тулью на правую сторону. Вооруженіе состояло изъ тесака съ лосиновой выбѣленной портупеей, кавалерійской лядунки, и въ конномъ строю двухъ пистолетовъ. Приборъ кавалерійскій. При парадной формѣ, офицеры имѣли на лѣвомъ плечѣ бархатный погонъ, украшенный золотымъ Императорскимъ вензелемъ, съ аксельбантомъ на правомъ плечѣ, короткіе гусарскіе сапоги съ прибивными шпорами, шарфъ золотой съ чернымъ шелкомъ и лядунка съ перевязью. Конная артиллерія стала моднымъ войскомъ. Петербургскій beau-monde пріѣзжалъ смотрѣть на конно-артиллерійскій строй. «Comment, vous n'avez pas encore vu l'artilerie à cheval?» — былъ возгласъ, часто повторяющійся и во дворцѣ и въ салонахъ. Въ конную артиллерію были назначены офицеры съ отличной аттестаціей и боевымъ опытомъ, преимущественно георгіевскіе кавалеры. (Князь Яшвиль имѣлъ золотой знакъ за взятіе Измаила).

Съ 1796 года существовавшіе 5 ротъ постепенно разворачивались и въ 1803 г. уже увеличились втрое. Наступило время боевого испытанія, созданныхъ графомъ Зубовымъ, конныхъ ротъ. Аустерлицъ и Прейсишъ-Эйлау сразу же показали, что труды по формированію и обученію не пропали даромъ. Имя доблестнаго Алексѣя Петровича Ермолова уже гремѣло по всей Арміи. Конная рота его дѣлала чудеса. Не успѣла еще исчезнуть острота переживаній, связанныхъ съ событіями 1805 и 1807 г. какъ:

«Туча черная собралась
Надъ Россійскою землей,
Рать французовъ подвигалась,
Все сжигая предъ собой»...

(изъ пѣсни капитана Шафонскаго, посвященной памяти Отечественной войны и участія въ ней Конной артиллеріи, составленной въ 1912 г. ко дню празднованія 100-лѣтія).

Конная артиллерія неизмѣнно содѣйствовала конницѣ во всѣхъ ея блестящихъ дѣлахъ. Про конно-артиллерійскихъ того времени командировъ говорили: «какъ орлы они летали во главѣ ихъ конныхъ ротъ». Молодой родъ оружія далъ плеяду блестящихъ командировъ, а впослѣдствіи и отличныхъ старшихъ начальниковъ: Захаржевскій, все тотъ же безсмертный Ермоловъ, Сухозанетъ, Костенецкій (Гвард. Кон. Арт.), и др. Кос

ринъ, Городечно, Бородино, Ляхово, Красное навсегда внесли свои имена въ исторію конной артиллеріи, какъ мѣста, гдѣ конныя роты дрались въ ту войну съ особенной доблестью и успѣхомъ. Счастье измѣнило Наполеону и разстроенная, незадолго до этого грозная армада его стала неудержимо катиться къ границамъ, устилая путь свой гибнувшими людьми и животными.

«Мы карьеромъ подскочили,
«Голова летитъ пусть съ плечъ,
«Пушки по дну прокатили
«И хватили на картечь»...

Такъ запечатлѣваетъ та же пѣсня работы конныхъ ротъ, преслѣдовавшихъ отходившихъ французовъ, натыкавщихся на безконечныя рѣки, дававшія возможность врагу немного оправляться отъ неустанной погони.. Подъ Краснымъ полковникъ Никитинъ, разбивъ огнемъ французскую батарею, захватываетъ ее конной атакой своихъ номеровъ. Блестящее дѣло. Никитинъ получаетъ Св. Георгія 3-й ст., батарея петлицы на офицерскіе мундиры, а впослѣдствіи доблестный полковникъ становится ея Шафомъ. (Проходитъ 100 лѣтъ и батарея 1-го конно-горнаго дивизіона въ Галиціи въ 1915 году во главѣ съ полковникомъ Ширинкинымъ и капитаномъ Насоновымъ продѣлываетъ аналогичное съ австрійской батареей: потомки олицетворяютъ примѣръ достойный подражанія своихъ предковъ).

Изгнавъ Наполеона изъ Россіи, русскія войска не останавливаются, дойдя до границы, а неудержимо вторгаются въ чужіе предѣлы. Наступаетъ торжественный день 4 октября 1813 г. Лейпцигъ. Непріятельская конница появляется вблизи высоты, на которой находились союзные монархи. Стоявшая здѣсь конная рота Полковника Маркова съ Лейбъ-Казаками избавляетъ Монарховъ отъ грозившей имъ опасности. Подвигъ Маркова былъ настолько извѣстенъ всей Союзной арміи, что тогда же появилась гравюра съ надписью: «Въ присутствіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Павловича и Его Величества Короля Прусскаго конной артиллеріи полковникъ Марковъ удерживаетъ центръ въ сраженіи при Лейпцигѣ 1813 г. октября 4-го съ конной ротой № 23 и лейбъ-казаками, составлявшими Императорскій конвой». Когда по окончаніи дѣла, Марковъ навѣстилъ своихъ раненыхъ, то умирающіе спрашивали у него: «Батюшка Александръ Ивановичъ, — порадѣли-ли мы Царю нашему? Угодили-ли тебѣ?» Когда же Марковъ выразилъ имъ свою благодарность, они отвѣчали: «Ну, благослови же насъ отецъ родной въ сыру землю не съ безчестьемъ».

13-го марта 1814 г. подъ Феръ-Шампенуазомъ судьба опять связываетъ роту Маркова съ Высокою Милостью Императора Александра Благословеннаго. Въ бою у этого селенія Государь нашъ и король Прусскій, вслѣдствіи появленія недалеко отъ нихъ непріятельскихъ войскъ, подвер-

гаются еще большей опасности, чѣмъ подъ Лейпцигомъ. Императоръ Александръ I-й посылаетъ свою свиту за войсками. Конная рота Маркова на полномъ ходу лихо проносится мимо Государя и, подоспѣвъ къ нему раньше нашей конницы, встрѣчаетъ противника дружнымъ картечнымъ огнемъ. Какъ послѣ окончанія этого сраженія, такъ и два года спустя на парадѣ уже въ Петербургѣ Императоръ въ самыхъ искренныхъ словахъ благодарилъ Маркова. Особенно ярко эта благодарность была выражена въ нашей столицѣ, когда Государь, вспоминая славное дѣло конной артиллеріи, произнесъ слѣдующія слова: «Съ Тобою, Марковъ, и только съ твоею артиллеріею побѣждали Мы нынѣшній день того врага, на истребленіе коего подоспѣла послѣ кавалерія. Тебя видѣть сегодня Мнѣ особенно пріятно. Поздравь твою роту отъ Моего имени симъ праздникомъ и прочти имъ отданный приказъ по Гвардейской кавалеріи графомъ Милорадовичемъ, какъ до твоихъ артиллеристовъ наиболѣе касающійся».

Въ войну Турецкую 1828-1829 г. и Польскую кампанію конно-артиллерійскія части принимаютъ дѣятельное участіе, что видно изъ приложеннаго къ очерку списка батарей, награжденныхъ отличіями за эти кампаніи Георгіевскими трубами и знаками отличія: 1 и 19 конныя батареи за Турецкую Войну и 2, 4, 6, 12 и 15 за Польскую кампанію.

Въ Венгерскую кампанію русская армія впервые узнала Хрулева, командовавшаго 14-й конной батареей, и творившаго блестящія дѣла, того самого Хрулева, котораго черезъ нѣсколько лѣтъ судьба привела на Севастопольскіе бастіоны уже въ чинѣ генерала, пользовавшагося исключительнымъ довѣріемъ и уваженіемъ со стороны войскъ. Въ числѣ многочисленныхъ памятниковъ, усѣянныхъ на Севастопольскомъ братскомъ кладбищѣ, на Сѣверной сторонѣ, обращаетъ на себя вниманіе прекрасно отдѣланный и величественный монументъ, но безъ всякихъ сантиментальныхъ надписей и описаній титула. На этомъ памятникѣ начертано всего два слова: «Хрулеву — Россія». Это одно даетъ прекрасное поясненіе къ тому, кто такой былъ Хрулевъ.

Въ ту же войну офицеръ 16-й конной батареи лихой и храбрый конно-артиллеристъ Деконскій, подъ Мюльбахеномъ 31-го іюля 1849 г. совершилъ отважный и неустрашимый подвигъ, получивъ орденъ Св. Георгія 4-й степени, пожалованный ему Императоромъ Николаемъ I-мъ, не ожидая Георгіевской Думы.

Въ Крымскую кампанію, сведенную въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ на борьбу за овладѣніе Севастопольской твердыней, конная артиллерія, какъ и конница, не могла проявить особую активность, такъ какъ самый способъ веденія вонйы этому мѣшалъ. Да ея было и мало. Одна изъ конныхъ батарей (II-я) съ успѣхомъ участвовала въ неудачномъ для насъ сраженіи подъ Альмой.

Турецкая кампанія дала опять характерные примѣры отличнаго выполненія задачъ, возложенныхъ на конную артиллерію. Блестящая работа 16-й конной батареи у Джуранли, Ески-Загрой и въ двукратныхъ перехо-

дахъ черезъ Балканы увѣнчала наградами, какъ эту батарею, такъ и командира ея подполковника Ореусъ, впослѣдствіи единственный генералъ, носившій мундиръ конно-артиллерійской части. Исторія отмѣтила также отличную работу 18-й конной батареи. Несомнѣнно, что этимъ не ограничились подвиги конныхъ батарей въ эту войну, но къ сожалѣнію, большихъ данныхъ сейчасъ не имѣется.

Въ концѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ неудачъ англійской конницы въ Англо-Бурской войнѣ и гибели ея конной артиллеріи на р. Тугелѣ, въ военной печати, сначала осторожно, а затѣмъ и болѣе настойчиво стало распространяться мнѣніе, что конница, а съ нею и конная артиллерія, отжила свой вѣкъ и ея славное прошлое не вернется.

Русско-Японская война, какъ будто подтвердила эти мысли, не давъ ни одного красиваго и яркаго кавалерійскаго дѣла, кромѣ набѣга полковника Гилленшмидта (офицеръ Гв. Конной арт.) на Хайченскій мостъ, совершеннаго однако безъ участія конной артиллеріи. 11-я и 20-я конныя батареи, назначенныя на Дальній Востокъ и вошедшія въ составъ коннаго отряда генерала Мищенко, успѣшно выполняли свои задачи. Это же относится и къ 1-му конно-горному дивизіону, отправленному въ Манчжурію еще въ началѣ войны.

Послѣ Русско-Японской войны Августѣйшій Генералъ-Инспекторъ артиллеріи Вел. Князь Сергѣй Михайловичъ искренно и глубоко преданный своему дѣлу подготовки артиллеріи, сталъ объѣзжать части, производя экзаменъ батареямъ. Одной изъ лучшихъ частей, судя по его приказу, Его Высочествомъ былъ признанъ 1-й конно-горный дивизіонъ.

Наступаетъ 1914 годъ. Конная артиллерія, какъ и всегда, неизмѣнная спутница кавалеріи. Всѣ красивыя дѣла и тяжелыя минуты этой послѣдней неразрывно связаны съ работой конныхъ батарей. Сейчасъ еще трудно охватить всю работу, но кое что уже выяснилось. Мы имѣемъ блистательные примѣры помощи не только конницѣ, но и своей пѣхотѣ: 5-я и 6-я конныя батареи (Батурскій и кн. Аваловъ), стойкость, хотя и въ неудачномъ для насъ дѣлѣ 7-й и 8-й конныхъ батарей (Яблоновскій-Снадзскій), лихіе выѣзды 14-й конной батареи, помощь ближнему 17-й конной батареи, красиво описанной Красновымъ, рѣдкій, по трудности создавшейся обстановки, случай отбитія конной атаки венгерскихъ гусаръ на 18-ю и 19-ю конныя батареи (Соколъ-Черниловскій и князь Кантакузенъ), работа 2-го конно-горнаго дивизіона, за которую такъ трогательно благодарилъ Августѣйшій Начальникъ Дикой дивизіи Вел. Князь Михаилъ Александровичъ. Блестящія дѣла I-го конно-горнаго дивизіона, въ которомъ треть офицеровъ имѣла Георгіевскіе кресты, работа Туркестанской конно-горной батареи, подъ командой полк. Богалдина, доблестно погибшаго впослѣдствіи уже во главѣ Стародубскаго драгунскаго полка и, наконецъ, отдѣльныя дѣйствія частей Кавказскаго конно-горнаго дивизіона, какъ на Западномъ фронтѣ, такъ и въ дикой и непривѣтливой Мессопотаміи и масса другихъ дѣлъ. Конная артиллерія иногда выслушивала упреки въ слишкомъ поздней подачи

помощи конницѣ. Въ большинствѣ случаевъ это было изъ-за тяжести матерьяльной части. Въ этомъ конная артиллерія не виновата. Еще въ мирное время многіе командиры доказывали этотъ недостатокъ верхамъ, но безуспѣшно. Былъ даже специальный случай практически удостовѣрить правоту своихъ представленій. Такъ, взводъ 23-й конной батареи, во главѣ съ подполк. Арцышевскимъ, и офицерами капит. Сарандинаки и поруч. Иваненко и Сербинымъ, 24-го ноября 1910 г. выступилъ изъ Варшавы въ пробѣгъ черезъ Надаржинъ, Раву, Петроковъ, Ченстоховъ, Кѣльцы и обратно въ Варшаву, всего 650 верстъ; въ этомъ пробѣгѣ наименьшій переходъ равнялся 20-ти, а наибольшій 103 верстамъ. Въ теченіе всего пробѣга велся спеціальный журналъ, данныя котораго ярко характеризовали недочеты нашей пушки, въ смыслѣ подвижности, способствовавшей быстрому изматыванію конскаго состава, несмотря на то, что лошади получали на кругъ до 14 фунтовъ овса не только во время пробѣга, но и за 2 недѣли до него. Представленный по командѣ докладъ со всѣми данными пробѣга остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Суровый экзаменъ войны доказалъ, насколько были правы люди, близко стоявшіе къ строю. Въ 1916 году конная артиллерія получила, наконецъ, конную пушку съ облегченной матерьяльной частью, но это произошло къ концу войны, въ періодъ стабилизаціи фронта. Результаты ея примѣненія въ боевой работѣ намъ неизвѣстны. Вспыхнувшая революція разрушила старую русскую армію, а съ нею и ея конную артиллерію. Въ гражданскую войну, гдѣ конница часто имѣла рѣшающее значеніе, естественно понадобилась и конная артиллерія. На югѣ Россіи, на бѣломъ фронтѣ, помимо казачьихъ батарей были сформированы и полевыя регулярныя конныя батареи, частью изъ офицеровъ Императорской конной артиллеріи, частью же изъ офицеровъ, ранѣе не служившихъ въ ней. Эти вновь сформированныя батареи дали много красивыхъ дѣлъ, но, какъ за отсутствіемъ мѣста, такъ и за отсутствіемъ исчерпывающихъ данныхъ, описаніе работы ихъ не можетъ быть помѣщено въ настоящемъ очеркѣ. Изъ наиболѣе свѣтлыхъ и яркихъ конно-артиллерійскихъ командировъ гражданская война выдвинула бывшаго командира 6-й конной батареи Георгіевскаго Кавалера князя Авалова. Природный умъ, знаніе дѣла, способность дерзать и кристаллическая честность остановили на немъ вниманіе командованія, которое увидѣло въ князѣ выдающагося начальника и безупречнаго человѣка. Къ сожалѣнію, красная граната лѣтомъ 1920 г., проникнувъ въ хуторъ, гдѣ было засѣданіе старшихъ военныхъ начальниковъ, остановила жизнь этого доблестнаго офицера, знаніе, опытъ и природныя качества котораго были столь необходимы при выполненіи высокихъ задачъ возрожденія Родины. Вскорѣ за нимъ палъ смертію храбрыхъ на Перекопѣ и командиръ Кавказскаго дивизіона, полковникъ Рафтопуло, «баянъ конной артиллеріи», какъ его называли, за массу написанныхъ имъ пѣсенъ и стихотвореній, связанныхъ съ жизнью и исторіей конной артиллеріи.

Вотъ краткій очеркъ боевой работы Конной артиллеріи. Познакомив-

шись съ ея прошлымъ, насъ не можетъ не интересовать ея будущее. Вопросы о примѣненіи конницы въ предстоящихъ столкновеніяхъ, послѣ минувшей Великой войны, въ различныхъ государствахъ получили и различныя направленія. Въ Россіи, при ея необъятныхъ пространствахъ, какъ по фронту, такъ и въ глубину, при вооруженныхъ столкновеніяхъ съ сосѣдями, маневренная война неизбѣжна. При всякомъ маневрѣ работы для конницы всегда достаточно. Какъ говоритъ профессоръ генералъ Головинъ, роль ея въ столкновеніяхъ будетъ сводиться «не къ силѣ шока, а къ широтѣ маневра». При встрѣчѣ нашей конницы съ противникомъ, она всегда будетъ натыкаться на сильное огневое сопротивленіе; для того, чтобы получить свободу дѣйствій необходимо, чтобы и наша конница обладала мощной огневой силой. Отсюда ясно, что роль конной артиллеріи не только не уменьшилась, а даже увеличилась. Помимо легко-конныхъ полевыхъ пушекъ типа полковой артиллеріи, кавалерійскія дивизіи должны будутъ имѣть конно-гаубичныя и дальнобойныя пушки, которыя дадутъ имъ возможность рѣшать самостоятельно задачи и своимъ быстрымъ открытіемъ огня сразу же ставить противника въ зависимость отъ нашихъ дѣйствій. Отсюда вопросъ о легкости матерьяльной части является важнѣйшимъ. Думать о полной машинизаціи гаубицъ и дальнобойныхъ пушекъ, а тѣмъ болѣе конныхъ легкихъ орудій, имѣя въ виду наличіе всего 5-6 шоссейныхъ дорогъ, ведущихъ изъ глубины Россіи къ ея настоящей западной границѣ, болѣе, чѣмъ странно. Авіація, завоевавшая положеніе самостоятельнаго рода оружія, явилась серьезнымъ противникомъ не только пѣхоты, но и конницы, и для послѣдней противникомъ еще болѣе опаснымъ, почему, наличіе при конныхъ частяхъ зенитныхъ пушекъ явилось неизбѣжнымъ. Въ тактикѣ конницы, какъ въ пѣшемъ бою, а тѣмъ болѣе въ конномъ, элементъ скорости является однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ къ достиженію успѣха. Поэтому, будучи неразрывной спутницей и помощницей конницѣ — конная артиллерія должна быстро двигаться, не отставая отъ конныхъ полковъ, умѣло маневрировать и, тратя наименьшее количество времени на открытіе огня, мѣтко стрѣлять. Все это относится не только къ батареямъ и высшимъ соединеніямъ, но и къ мелкимъ — взводамъ и отдѣльнымъ орудіямъ. Высказанныя мысли находятъ сочувствіе помимо русскихъ научныхъ трудовъ и въ военной печати другихъ державъ. Изъ недавно вышедшаго въ свѣтъ труда начальника штаба кавалерійской инспекціи Германской арміи маіора Брандта (тактика конницы въ задачахъ), видимъ, какую должную дань нѣмцы отдаютъ участію артиллеріи въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ конницей; не одна, даже мелкаго масштаба, задача, не рѣшается безъ непосредственнаго содѣйствія конной артиллеріи, включая до работы одиночныхъ пушекъ. Роль конной артиллеріи не утрачена и мы привѣтствуемъ нашъ родной и «вѣчно юный», какъ говорилъ генералъ Пузыревскій, родъ оружія, съ будущимъ, столь же славнымъ, интереснымъ и разнообразнымъ, какъ и его прошлое.

Полковникъ *Ю. Сербинъ.*

Тѣни прошлаго

Хорошъ Донъ при тихой погодѣ, когда мягко и плавно несетъ онъ воды, извиваясь среди Донскихъ степей и луговъ, омывая берега у хуторовъ и станицъ, раскинувшихся, какъ чайки, среди садовъ.

Тихо лижетъ онъ берега и песчаныя отмели, ласкаясь и пѣнясь, и тихими всплесками своими будитъ воспоминанія, какъ бы шепчетъ о прошломъ и настоящемъ.

Плакучія ивы, столь родныя Дону, свѣсивъ свои вѣтви на левадахъ, какъ бы оплакиваютъ кого-то, и своимъ шелестомъ отъ набѣгающаго изрѣдка вѣтерка, въ свою очередь, говорятъ о быломъ, какъ бы тоскуютъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ я любилъ сидѣть на берегу, любуясь Дономъ.

Мнѣ пріятенъ былъ гомонъ и пѣсни въ станицѣ; я любовался и заходящимъ солнцемъ и картинами станичной жизни; мнѣ дорогъ былъ и собачій лай и поскрипываніе возовъ и телѣгъ и вся станичная вечерняя суета.

Я любилъ мечтать подъ этими ивами.

Вспоминаю — вечерѣетъ; по дорогамъ и улицамъ, ведущимъ къ Дону, поднимается густая пыль. Маленькіе казачата ведутъ на водопой лошадей. Жадно прильнувъ къ водѣ, сосутъ лошади влагу; видно, какъ шариками переливается она въ горлѣ.

Вонъ, не насытившись еще, прервавъ пить и какъ бы желая продлить удовольствіе, молодая кобылка подняла голову и вперила свои красивые глаза за Донъ.

Довольство, сытость и желаніе порѣзвиться видны у ней во взорѣ.

Задумавшись, какъ бы сожалѣя, что она не можетъ сейчасъ поиграть на лугу за Дономъ, глубоко вздохнувъ, она вновь погружаетъ свои мягкія губы въ прохладную воду.

Мохнатый песъ, всегда почти Султанъ или Мухтаръ, забравшись по брюхо въ воду и опустивъ въ нее весь облѣпленный репейниками хвостъ, лакаетъ краснымъ длиннымъ языкомъ, посматривая по сторонамъ.

Старый казакъ рыболовъ тихо проплываетъ на своемъ каюкѣ мимо; — онъ сосредоточенно перебираетъ сѣти, готовясь закинуть ихъ на извѣстномъ ему удачливомъ мѣстѣ.

Колокольный звонъ станичной церкви, призывающій къ вечернѣ, несется въ воздухѣ, ползетъ надъ водой и, ширясь, достигаетъ займища.

Сгорбленная старуха, вся въ черномъ, опираясь на большую палку, шамкая беззубымъ ртомъ, направляется въ церковь помолиться о грѣхахъ передъ Всевышнимъ.

Невдалекѣ тихо гогочутъ гуси, какъ бы пересказывая другъ другу впечатлѣнія прошедшаго дня.

Со свистомъ, разсѣкая воздухъ, тянутъ на зорю дикія утки.

У парома куча драгъ, возовъ и повозокъ.

Шумъ, говоръ, перуругиванія передъ погрузкой, недружелюбные взгляды на стремящихся на паромъ первыми.

Но вотъ погрузка кончена: паромъ отчалилъ и миръ возстановленъ.

Мѣрно, ритмически раскачиваясь, тянутъ канатъ нѣсколько казаковъ изъ числа хозяевъ погруженныхъ повозокъ.

Забывъ недавнія недоразумѣнія, только что бывшіе недругами, мирно бесѣдуютъ казаки о злободневныхъ вопросахъ, о дѣлежѣ травы, о станичномъ сходѣ, объ уборкѣ хлѣба.

На кормѣ парома пѣшеходы.

Тутъ и охотники, возвращающіеся съ займища, хвастающіеся отличной стрѣльбой и собакой съ верхнимъ чутьемъ, дѣлающей мертвую часовую стойку; тутъ и сборщицы ягодъ (ежевики), кокетливо погладывающія на молодыхъ казаковъ и тщательно закрывающія кумачевыми пестрыми платками кубышки съ ягодой.

Подъ этими ивами, подъ легкіе всплески родной рѣки, подъ шелестъ листьевъ, зарождались мечты о будущемъ, роились воспоминанія о далекомъ прошломъ, о «Дикомъ Полѣ», въ которомъ Донъ съ Иловлей, Сѣвернымъ Донцомъ, Айдаромъ, катилъ воды свои среди обширныхъ дикихъ степей и луговъ, богатыхъ всякихъ звѣрьемъ и обильныхъ рыбой въ рѣкахъ, ихъ орошающихъ.

Широко раскинулись эти степи съ травой выше роста человѣческаго.

Эти степи (Дикое Поле) тѣ-же американскія преріи съ ароматомъ своихъ травъ и цвѣтовъ.

Рѣдко кто нарушалъ ихъ просторъ и покой. Развѣ скифъ, или позднѣе узкоглазый татаринъ, мелькалъ въ травѣ и исчезалъ, спугнувъ горбоносыхъ сайгаковъ, подошедшихъ къ рѣкѣ утолить свою жажду.

Сюда, въ это «Дикое Поле», въ этотъ просторъ тянули свободолюбивые энергичные люди, не желавшіе подчиниться правителямъ своихъ государствъ, окружавшихъ равнины, не желавшіе промѣнять свою свободу на крѣпостную зависимость, не хотѣвшіе отказаться отъ жизни охотника и замѣнить послѣднюю тяжкимъ трудомъ землепашца.

Жизнь въ постоянной опасности, въ ежеминутной возможности встрѣчи съ врагомъ, куетъ изъ нихъ прекрасныхъ наѣздниковъ и воиновъ.

Вытѣсняя съ боемъ скифовъ, татаръ, нагайцевъ и турокъ, оставаясь вѣрными своей Вѣрѣ Православной и своему отечеству Великой Руси, эти люди дѣлаются хозяевами «Дикаго Поля», считаютъ его своей собственностью. Растутъ городки: Газдорская, Монастырскій Городокъ, Старо-Черкасскъ — убѣжище отъ вараговъ и угроза татарамъ и туркамъ. Шумитъ «Войсковой Кругъ» съ безаппеляціоннымъ рѣшеніемъ вопросовъ жизни казачьей.

Вереницей въ памяти проходятъ: закованный въ броню Ермакъ Тимофеевичъ, бьющій челомъ царю Іоанну Грозному Сибирскимъ Царствомъ; грозныя посланія къ сосѣднимъ государствамъ; дерзкіе набѣги, заставлявшіе трепетать татаръ и турокъ; взятіе Азова и полныя достоинства и созна-

нія силы своего собственнаго бытія, при преданности Россіи и Царямъ Московскимъ, постановленія Войскового Круга: «Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону».

Вспоминалась рѣшающая роль Донскихъ казаковъ въ Смутное время и при выборѣ Царя Михаила Феодоровича, когда «прочтеше атаманское писаніе о природномъ Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ», поданное атаманомъ Межаковымъ князю Пожарскому, — бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ.

Вставалъ Кондратій Булавинъ въ своей борьбѣ за природныя казачьи земли съ грознымъ Петромъ. Во весь гигантскій ростъ поднималась фигура Петра Великаго, жестоко расправившагося съ Дономъ за Булавина, ставшаго поперекъ пути къ расширенію предѣловъ Россійскаго Государства къ югу, къ морю.

Здѣсь, на берегу Дона, подъ ивами какъ бы слышалось «Сарынь на кичку» Степана Разина, не примирившагося съ ограниченіемъ казачьихъ вольностей и не пожелавшаго отказаться отъ добычи зипуновъ, и мечтавшаго объ образованіи Казацкаго Царства.

Проходили въ памяти полки Платова, имѣвшіе въ своемъ составѣ лицъ трехъ поколѣній (дѣда, отца и сына), присланные Дономъ Кутузову на защиту Отечества въ 1812 году и вызвавшіе у стараго Фельдмаршала слезы радости и счастья, — полки, донесшіе славу Россіи и Дона до Елисейскихъ полей Парижа.

Здѣсь, подъ этими ивами, я видѣлъ въ грезахъ казачьи полки, идущіе въ походъ на Индію по пескамъ и горамъ Туркестана, я видѣлъ ихъ и въ далекой Сибири и на Балканскихъ кручахъ, и въ предмѣстьяхъ Царьграда, и во всѣхъ мѣстахъ нашей Великой Родины, и мнились они мнѣ непобѣдимой, великой, несокрушимой силой...

И теперь — въ дни и годы изгнанія — мнѣ дороги всѣ эти картины и воспоминанія.

Теперь, вдали отъ Тихаго любимаго Дона, встаютъ передо мной другія картины, картины Великой войны и подвиговъ казачьихъ, картины революціи и всѣ перепетіи недавняго смутнаго времени.

Подъ заревомъ пожаровъ, охватившихъ всю Россію, тянутъ къ нашей родной рѣкѣ, къ Тихому Дону, бѣженцы со всѣхъ концовъ, побросавшіе все свое дорогое, свои насиженныя мѣста.

Льется кровь казачья въ защиту своего Родного Края.

Чернецовъ съ дѣтьми грудью отстаиваетъ каждую пядь Донской земли.

Братъ всталъ на брата, казакъ на казака.

Я вижу печальную согбенную фигуру Атамана Каледина, скорбно провожающаго на кладбище жертвы междуусобной войны.

Я слышу въ Атаманскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ выборнаго, его выстрѣлъ, съ которымъ онъ отошелъ въ другую жизнь, не переживъ позора, несчастья и слабости Дона.

Въ ушахъ команда Атамана Назарова своимъ убійцамъ и поработителямъ Дона: «Сволочь — пли!»

А затѣмъ... безконечная вереница обозовъ со стариками, женами и дѣтьми, покидающими родную землю, и кровь, кровь, кровь...

Великій исходъ съ Родины...

Теперь на берегу рѣки Сены, въ Парижѣ — въ этомъ современномъ Вавилонѣ, поглотившемъ всѣ наши казачьи интересы, эти картины далекаго и недавняго прошлаго встаютъ особенно ярко и особенно больно отдаются въ душѣ моей.

И шумъ многомилліоннаго города не можетъ заглушить ихъ, и кажется мнѣ, что и здѣсь я слышу шопотъ родной рѣки:

«Неужели вы забыли свой край?»

«Неужели вы уже не хотите слышать вечерняго гомона своихъ станицъ?»

«Неужели вы не вспоминаете тихихъ всплесковъ родного Дона, нашептывающаго вамъ о былой славѣ и величіи Дона?»

«Неужели ароматы родныхъ степей и садовъ у родныхъ куреней хуже цвѣтущихъ садовъ Франціи?»

«Неужели курлыканье въ выси журавлей и лебединый крикъ надъ Донскими полями не лучше шипящаго Т.С.Ф. въ душномъ бистро?»

Горе вамъ, если вы все это забыли.

Вамъ не увидѣть тогда никогда Родной Край и родные хутора и никогда уже не прозвучитъ мощно вашъ голосъ при возстановленіи Россіи...

А. Черячукинъ.

Парижъ.

Божидаръ Зоричъ

(Продолженіе)

XLII

Къ Сочельнику морозы возобновились съ новой силой.

Цельсій показывалъ 40 гр. ниже нуля. Днемъ небо было ясно, какъ голубой кристалъ, а по ночамъ, усыпанное звѣздами, казалось искрившимся въ прозрачномъ воздухѣ и игравшимъ блестками въ глубинѣ потемнѣвшаго льда.

Кругомъ была безконечно-однообразная тишина, — только изрѣдка раздавался трескъ, похожій на выстрѣлъ. Это морозъ рвалъ древесныя волокна кедровъ и пихтъ, и въ ротномъ поселкѣ весело хрустѣла подъ ногами стрѣлковъ снѣжная изморозь и слышался начальствующій баритонъ стараго фельдфебеля.

Машенька проснулась поздно....

Она сладко потянулась и осмотрѣлась.

Божа уже всталъ, — изъ столовой до ея слуха доносился его веселый смѣхъ и оживленный разговоръ съ Сашей.

Яркій солнечный свѣтъ съ трудомъ пробивался сквозь причудливый морозный узоръ небольшихъ оконъ.

Между оконъ помѣщался большой художественный портретъ красивой женщины. Фотографія этой женщины стояла у Саши на письменномъ столѣ.

«Роза!...» и на нее, какъ на воспоминаніе, Машенька обратила свой взоръ.

Она задумалась...

Неожиданно до ея слуха донесся со двора какой-то сердитый голосъ и Машенька, полуодѣтая, съ любопытствомъ заинтересованной женщины, подбѣжала къ окну и прильнула къ его незамерзшему краю. Стрѣлки у цейхгауза разгружали большіе сани. Рядомъ стоялъ подошедшій фельдфебель.

«Носы и щеки отморозили... Чего смотрите?» говорилъ строго фельдфебель.

Дѣйствительно, у нѣкоторыхъ стрѣлковъ носы и щеки казались бѣлыми, какъ мраморъ.

Они со смѣхомъ бросились растирать свои лица снѣгомъ.

«Мы, Иванъ Петровичъ, не примѣтили», сказалъ виновато одинъ молодой ефрейторъ, сбивая мохнатую папаху на затылокъ.

«Не примѣтили. Надо примѣчать!» и, фельдфебель, пригладивъ свою запорошенную инеемъ сѣдѣющую бороду, направился въ стрѣлковую избу.

Изъ открытыхъ дверей клубомъ пара вырвался на морозъ густой воздухъ казармы.

Машенька стала одѣваться.

«Неужели Божа пойдетъ съ Сашей въ роту и не зайдетъ ко мнѣ?» ревниво подумала Машенька въ то время, когда Божа неожиданно поцѣловалъ ее въ нѣжные завитки волосъ, сзади на шеѣ...

Машенька замерла, и цѣлое море поцѣлуевъ затопило ея грудь и открытыя плечи...

. . . .

Вечеромъ, въ просторныхъ пошевняхъ всѣ поѣхали въ Иркутскъ, чтобы на другой день быть у ранней обѣдни въ монастырѣ Св. Иннокентія.

Ѣхали на Танхой и дальше по лѣвому берегу хрустальной Ангары.

Машеньку радовало все, — и чистый ясный воздухъ, и крѣпкій морозъ, и величественная панорама горъ, и быстрый бѣгъ маленькихъ забайкальскихъ лошадей, и блескъ сіяющаго льда...

Она сидѣла въ мягкомъ душистомъ сѣнѣ и, прижавшись къ Божѣ, очарованная, грезила своимъ счастьемъ...

Зоричи уѣхали изъ Слюдянки вскорѣ послѣ Крещенія.

Передъ отъѣздомъ было рѣшено, что на Пасху въ «Глубокое» пріѣдетъ Саша и Машенька уже ясно представляла себѣ картину, какъ всѣ соберутся въ монастырской церкви въ Святую Ночь...

Этотъ весенній праздникъ особенно радостно переживался въ деревнѣ среди оживавшей природы!

«А разговляться будемъ у нашихъ!.. А какіе мама куличи печетъ!» и Машенька восторженно стала высчитывать сколько недѣль осталось до Пасхи.

Божа откровенно любовался ею...

Но всему этому не суждено было исполниться, — дальнѣйшія событія политической жизни Россіи измѣнили все...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

I

> «Война зло, но есть несчастья худшія, — это потеря независимости и національной чести».
>
> **Поль Думеръ.**

Въ основѣ всѣхъ противорѣчій между Америкой, Японіей и Англіей къ концу прошлаго столѣтія на Дальнемъ Востокѣ лежала борьба за господство на Тихомъ океанѣ между этими державами.

Хотя въ узкомъ значеніи слова тихоокеанскими державами можно было считать только Америку и Японію, но Англія также была заинтересована въ рѣшеніи тихоокеанской проблемы не меньше ихъ, въ виду близости своихъ колоній — Австраліи, Ново-Зеландіи и Индіи и опасенія за свое вліяніе въ Китаѣ. Къ началу нынѣшняго вѣка и Россія приблизилась къ Тихому океану желѣзной дорогой, — грандіозный планъ Императора Александра III, преслѣдовавшій чисто экономическія задачи и имѣвшій основную цѣль — прочно связать далекую окраину съ центромъ въ одно неразрывное и прочное цѣлое, былъ законченъ. Тихоокеанскія проблемы, какъ не касавшіяся русскихъ интересовъ, были Ему чужды и Онъ игнорировалъ ихъ.

Послѣ Его смерти Россія повела на Дальнемъ Востокѣ другую политику.

Ея положеніе съ теченіемъ времени начало усложняться...

Нависали грозовыя тучи...

Напрасно маленькая Японія взывала къ русскому великодушію, — это не помогло.

Тогда, съ отчаяніемъ безумія, поддержанная Англіей, Японія начала противъ Россіи войну.

Результаты превзошли всѣ ея ожиданія!

Русская армія оказалась разбитой въ рядѣ сраженій и весь русскій флотъ погибъ въ Цусимскомъ бою.

Когда же, къ осени 1905 года, Россія собрала въ Манчжуріи, на Сыпингайскихъ позиціяхъ, милліонную армію, могущую, безъ маневрированія, — маневрировать русскій генеральный штабъ не умѣлъ, — одной своей массой раздавить противника, — въ Портсмутѣ былъ заключенъ поспѣшный миръ, «безъ побѣдителей и побѣжденныхъ»...

II

Уже второй годъ тянулась война...

Къ этому времени рота князя Минскаго, вышедшая изъ Слюдянки, вся перемѣнилась. Младшіе офицеры были убиты. Старикъ фельдфебель былъ смертельно раненъ осколкомъ шимозы въ животъ еще въ началѣ войны. Кадровые стрѣлки разновременно погибли въ бояхъ.

Саша былъ раненъ подъ Ляояномъ въ руку изъ пулемета, но остался въ строю, находясь подъ тѣмъ гипнозомъ массы, когда только дисциплина удерживаетъ ее отъ стремительнаго движенія впередъ, что, какъ моментъ въ настроеніи войскъ, всегда учитывалось талантливыми полководцами.

Но, вмѣсто наступленія, русская армія отошла отъ Ляояна и окопалась на новыхъ позиціяхъ.

Сибирскіе корпуса были расположены въ горахъ.

Стрѣлковый полкъ, въ которомъ Саша послѣ Ляояна командовалъ баталіономъ, занималъ позицію у деревни Кандалисанъ.

Баталіонъ висѣлъ надъ крутымъ обрывомъ рѣки, за которой виднѣлись проволочныя загражденія непріятеля и его окопы.

III

«Въ сторонѣ далекой отъ родного края
«Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,
«Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилося мнѣ счастье.
«Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.

Ив. Бунинъ.

«Ваше сіятельство!» звонкимъ голосомъ обратился къ Сашѣ молодой телефонистъ, скосивъ на него глаза и держа трубку у уха, въ то время, когда Саша медленно проходилъ по дну глубокаго окопа, «васъ требуютъ къ телефону»...

Саша взялъ трубку.

Какой-то знакомый голосъ спрашивалъ, — это-ли передовая позиція? и просилъ позвать къ телефону баталіоннаго командира.

«Я — баталіонный командиръ», отвѣтилъ Саша.

«Это князь Минскій?» переспросилъ тотъ-же голосъ.

«Да».

«Это ты, Саша?» и на этотъ разъ Саша узналъ радостный голосъ Божи.

Послѣ ряда взаимныхъ торопливыхъ вопросовъ, Божа сказалъ, что онъ командированъ изъ Вильны на войну и что онъ просился на Кандалисанскія позиціи, чтобы быть вмѣстѣ съ нимъ, съ Сашей.

«Машеньку я отвезъ въ Оршу», дополнилъ Божа, «въ «Глубокомъ» все по прежнему»...

«Ты откуда говоришь?» перебилъ его Саша.

«Изъ штаба твоего полка».

«Мнѣ бы такъ хотѣлось тебя видѣть».

«Я къ тебѣ вечеромъ пріѣду»...

«Да, да! Именно вечеромъ, послѣ захода солнца, — днемъ японцы не даютъ сообщаться!.. Ночью — другое дѣло, — къ намъ даже подъѣзжаютъ походныя кухни... Сначала японцы стрѣляли на шумъ, но теперь наши кашевары приспособились, — они обматываютъ колеса соломой и не слышно... Вотъ съ ними и пріѣзжай!»

Эту ночь Божа провелъ у Саши въ блиндажѣ

Саша съ грустью говорилъ о Розѣ.

«Не съумѣлъ сохранить!» откровенно признался онъ Божѣ, «а минувшаго не вернешь, — счастье обмануло меня», и на его глаза набѣжали невольныя слезы.

Въ небольшой желѣзной печкѣ тлѣлъ огонь. Было тепло. На походномъ столѣ кипѣлъ небольшой самоваръ.

Въ углу, на гаоляновыхъ циновкахъ, спали стрѣлки-ординарцы. Одинъ изъ нихъ бредилъ.

«Невѣсту вспоминаетъ!» указалъ на него глазами Саша.

«Откуда ты знаешь?» удивился Божа.

«Онъ мнѣ самъ говорилъ... Онъ изъ Барнаула и тамъ сосваталъ себѣ купеческую дочку... Цѣлый романъ!..» и, любовно набросивъ на ординарца съѣхавшій съ него полушубокъ, онъ пріоткрылъ дверь въ окопъ.

Все было тихо кругомъ...

Только рѣдкіе ружейные выстрѣлы прорѣзали таинственный сумракъ ночи и внизу, подъ обрывомъ сопки, ласково журчала Шахэ.

IV

«Качество арміи зависитъ отъ командная состава больше, чѣмъ отъ свойства ея остальной массы».

Психологія командованія

Эмиль Майеръ.

Въ серединѣ февраля 1905 года, къ западу отъ желѣзной дороги, въ непосредственной близости къ русскимъ позиціямъ у Мукдена, казаки и конные развѣдчики обнаружили двигавшіяся къ сѣверу японскія колонны.

Противникъ совершалъ смѣлый, до дерзости, фланговый маршъ для обхода мукденскихъ позицій.

Вмѣсто энергичнаго и рѣшительнаго удара, русская армія стала постепенно вытягиваться къ сѣверу, загибая флангъ.

Образовалась тонкая нитка, которая, наконецъ, у Императорскихъ могилъ порвалась.

Русская армія оказалась обойденной...

Сибирскіе корпуса на лѣвомъ флангѣ легко отбивались отъ стремительныхъ японскихъ атакъ.

Послѣ катастрофы у Мукдена имъ было приказано отходить на сѣверъ.

Съ горечью обиды оставляли сибирскіе стрѣлки свои позиціи, на которыхъ ими было проявлено столько мужества и упорства.

Пѣхота проходила Хунхэ по льду.

Для артиллеріи и обозовъ имѣлись мосты.

Сашиному баталіону было приказано занять укрѣпленный тетъ-де-понъ у города Фулина и оборонять его, пока не переправится артиллерія.

Съ саперами у Фулина остался Божа.

V

Утромъ 27 февраля у тетъ-де-пона завязался бой.

Японцы сдѣлали попытку взять его съ налета, но это имъ не удалось — они были отбиты съ большими потерями.

Начала стрѣлять артиллерія.

«Все ли у тебя готово?» спросилъ Саша Божу, наблюдая въ бинокль скопленіе непріятельскихъ войскъ въ одной изъ боковыхъ лощинъ.

«Все».

«Тогда взрывай мосты!»

Этотъ короткій разговоръ происходилъ въ люнетѣ предмостной позиціи, въ которомъ Саша устроилъ для себя наблюдательный пунктъ.

Рѣзко прозвучали на рѣкѣ взрывы пироксилиновыхъ шашекъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на это японская артиллерія усилила огонь.

Тяжелый шестидюймовый снарядъ съ грохотомъ упалъ въ люнетъ. Онъ разбилъ телефонный блиндажъ и всѣ, кто въ немъ были, оказались погребенными подъ землей и подъ обломками бревенъ и досокъ. Уцѣлѣвшіе люди съ трудомъ выползали изъ этой неожиданной братской могилы.

Саша былъ задѣтъ осколкомъ...

Лѣвый рукавъ полушубка былъ порванъ и по рукѣ сочилась кровь.

Рядомъ, судорожно охвативъ голову руками, прижавшись къ вывороченной фашинѣ, полулежалъ стрѣлокъ-ординарецъ, счастливый женихъ барнаульской купчихи.

Саша поднялся къ брустверу.

Японцы!

Они уже тутъ, близко...

Уже часть ихъ ворвалась въ люнетъ, а изъ него все еще кто-то стрѣляетъ.

Кругомъ закричали «ура» и «банзай»...

Онъ вынулъ изъ кобуры тяжелый наганъ.

Кто-то пробѣжалъ мимо съ винтовкой наперевѣсъ...

Желтый околышъ... Японскій солдатъ...

Саша выстрѣлилъ... Разъ... Другой...

Слышатся всюду какіе-то гортанные выкрики и странныя командныя слова...

Къ Сашѣ уже бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, окружаютъ его... Но никто не рѣшается броситься первымъ, — въ его угрожающе-поднятой рукѣ еще дымится револьверъ!..

Саша осмотрѣлся кругомъ, и только презрѣніе выразилось въ его прищуренныхъ глазахъ...

Онъ приложилъ дуло револьвера къ виску и выстрѣлилъ...

«Русскій самурай!» сказалъ растерянно молодой японскій пѣхотинецъ.

«Да, самураи живыми никогда не сдаются!» подтвердилъ его мысль гвардейскій унтеръ-офицеръ, поспѣшно приводя въ порядокъ свою порѣдѣвшую полуроту.

Русская армія откатилась далеко на сѣверъ, къ Сыпингаю...

VI

Божа мучительно переживалъ Сашину гибель. Главное, — его томила неизвѣстность... Сколько онъ не узнавалъ про Сашу въ его баталіонѣ, никто ничего опредѣленнаго сказать не могъ, а въ приказѣ по полку было коротко сказано, что «князь Минскій, какъ пропавшій безъ вѣсти въ аріергардномъ бою у Фулина, исключается изъ списковъ полка».

И только!.. Просто!.. До ужаса просто!..

Но не только это заставляло больно сжиматься Божино сердце, — подходилъ срокъ, когда Машенька, въ Оршѣ, должна была стать матерью, и Божа съ волненіемъ ожидалъ этого событія...

То онъ ощущалъ приливъ нѣжной радости къ будущему ребенку и какіе-то особые порывы къ новому счастью, то онъ, боясь за Машеньку, готовъ былъ отказаться отъ этого счастья...

И тогда имъ овладѣвало возмущеніе противъ всѣхъ, какъ ему казалось, несправедливыхъ законовъ природы!

Въ началѣ апрѣля Божа получилъ изъ Орши телеграмму: «поздравляемъ съ дочкой, назвали Натальей. Виѳанскіе».

И съ этого времени къ прежней мысли о Машенькѣ у Божи всегда появлялась другая, новая, — о маленькой дѣвочкѣ, его дочери...

И обѣ эти мысли были нераздѣльны!

VII

Бѣдна и жалка сахалинская природа на сѣверѣ...

Низкорослыя рѣдкія березы, чахлый ивовый кустарникъ, мхи-лишайники и кочковатыя брусничныя болота...

Тундра!..

Но чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ растительность гуще и величественнѣе...

Громадныя сосны, ели, пихты и лиственницы простираютъ далеко въ высь свои вершины, а внизу вѣковой буреломъ, дѣлаетъ непроходимой и дикой необъятную сибирскую тайгу, въ глубинѣ которой еще никогда не ступала нога человѣка и только по краю ея охотники-тунгузы и айны, рискуя жизнью, караулятъ съ примитивнымъ ружьемъ богатую «пушнину», главнымъ образомъ, — соболей.

Сахалинъ, — это мѣсто ссылки тяжкихъ преступниковъ, — порочный, каторжный, проклятый островъ!..

Сахалинъ, — это мѣсто печали, слезъ и безнадежнаго отчаянія!..

Съ началомъ Русско-Японской войны всѣ сахалинскіе каторжные арестанты, способные носить оружіе, были раздѣлены на дружины и было приступлено къ обученію ихъ военному дѣлу.

Только тѣ изъ нихъ, которые окончательно потеряли человѣческій обликъ, — люди-звѣри, остались по прежнему въ глубинѣ своихъ тюремныхъ камеръ, прикованными къ своимъ тачкамъ.

Сахалинъ ожидалъ японцевъ и, дѣйствительно, 24 іюня 1905 года, на разсвѣтѣ, на далекомъ горизонтѣ еще не проснувшагося моря, въ виду поста Корсаковскаго, появилась японская эскадра.

Къ вечеру того же дня она высадила на берегъ дессантъ, — бригаду пѣхоты съ артиллеріей.

Дружины при этомъ оказали дессанту упорное сопротивленіе, но, уступая силѣ, принуждены были отойти вглубь острова.

Началась безпощадная и жестокая партизанская война.

VIII

Засыпаетъ Тунайчинскій редутъ бѣглый огонь японской артиллеріи.

Съ металлическимъ звономъ рвутся безчисленныя шимозы, поднимая черные столбы ѣдкаго дыма, и бѣлыми облачками рвутся въ небѣ шрапнели.

Отъ редута уже ничего не осталось.

Весь онъ заваленъ убитыми и искалѣченными дружинниками.

Немногочисленные защитники, оставшіеся въ живыхъ, жмутся къ брустверу.

Уйти нѣкуда, — всюду царитъ страшная смерть!..

Молодая каторжанка по временамъ поднимаетъ изъ за закрытія свою красивую голову и пристально всматривается вдаль. Ея черные глаза выражаютъ скорѣе любопытство, чѣмъ страхъ, но близкіе разрывы шимозъ заставляютъ ее вздрагивать, и она тогда съ безпокойствомъ смотритъ, какъ ихъ осколки съ отвратительнымъ визгомъ разлетаются во всѣ стороны. Временами ея взоръ принимаетъ какое-то особенное выраженіе радости и мира и видно, что въ эти минуты она мыслями не здѣсь!..

Ея глаза полузакрыты, по лицу скользитъ улыбка и вся она, въ патронташахъ, съ винтовкой въ рукахъ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ кровавой обстановкѣ происходящаго боя.

Роза мало измѣнилась.

Каторга не наложила на нее своей безобразной печати.

Также черные волосы обрамляютъ ея матовое лицо. Также красиво очерчены ея губы. Также замѣчательны ея большіе глубокіе глаза!

Что выражаютъ они теперь? Грезятся-ли ей какія нибудь видѣнія? Что таится въ ея мятежной душѣ, — высокіе ли помыслы о неземномъ или грѣшныя мысли страстной женщины о чувственной любви?

Ея мысли въ прошломъ!..

Онѣ такъ овладѣли ею, что она даже не замѣчаетъ, какъ весь редутъ внезапно ожилъ, послышались командныя слова и тучи пуль полетѣли навстрѣчу японскимъ цѣпямъ.

Цѣпь за цѣпью, какъ волны въ морскомъ прибоѣ, приблизились японцы къ редуту и девятымъ валомъ нахлынули на него.

Роза вбѣжала на брустверъ.

Блѣдная, съ горящими глазами, прекрасная въ своемъ экстазѣ, она бросила въ нихъ ручную гранату.

Уже карабкавшіеся, какъ муравьи, на обрушенный эскарпъ, японскіе пѣхотинцы скатились обратно.

Роза съ отчаянной рѣшимостью выбѣжала впередъ.

Японскій офицеръ, торопливо, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера...

Промахнулся...

Пробѣгавшій мимо солдатъ съ обезумѣвшими, широко открытыми глазами, оглушилъ ее ударомъ приклада и побѣжалъ дальше, крича «банзай!»...

IX

Южный Сахалинъ кипѣлъ...

Всѣ его дружины были въ огнѣ...

Послѣ ряда кровопролитныхъ схватокъ и большихъ потерь, дружина полковника Арцишевскаго, была настигнута японцами въ тайгѣ, въ верховьяхъ рѣки Сысуи, за с. Дальнимъ, и захвачена въ плѣнъ.

Безъ вѣсти пропалъ съ частью своей дружины поручикъ Мордвиновъ, пробиравшійся на сѣверъ тайгой съ отрѣзаннаго японцами Крильонскаго маяка.

Послѣ двухмѣсячнаго скитанія по тайгѣ и упорнаго сопротивленія, была уничтожена вмѣстѣ со своимъ командиромъ вся дружина штабсъ-капитана Даирскаго, первоначально находившаяся въ с. Петропавловскомъ, на р. Лютогѣ. Отойдя отъ с. Найбучи къ верховьямъ рѣки Найбы, капитанъ Быковъ дважды нанесъ пораженіе преслѣдовавшимъ его японцамъ и, наконецъ, проскользнулъ тайгой на восточный берегъ Средняго Сахалина. Сотни верстъ плылъ онъ на лодкахъ съ дружиной вдоль восточнаго берега на сѣверъ, питаясь съ рыбой. Противъ устья Амура онъ вывелъ дружину тайгой на западный берегъ, и подобранный нашими транспортами, только въ концѣ августа прибылъ въ крѣпость Николаевскъ на Амурѣ.

Штабсъ-капитанъ Гродо-Слѣпиковскій со своей дружиной, съ появленіемъ противника, отошелъ изъ с. Чипсань, находившагося на берегу Анива, на сѣверо-востокъ, къ озеру Тунайчи, гдѣ имъ былъ завлаговременно въ глухой тайгѣ построенъ редутъ и устроенъ складъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ.

Полтора мѣсяца онъ отсюда безпокоилъ японцевъ, нападая на ихъ склады, транспорты и мелкіе отряды и патрули. Наконецъ японцы выслѣдили его.

Рота японцевъ съ пулеметами достигла укрѣпленія и атаковала его. Японцы нѣсколько разъ бросались въ штыки, но были отбиты.

Наконецъ, самъ Гродо-Слѣпиковскій въ переломѣ боя перешелъ въ наступленіе и вынудилъ японцевъ отойти.

Задерживаться послѣ этого въ укрѣпленіи было неблагоразумно.

Поэтому Гродо-Слѣпиковскій рѣшилъ отойти на сѣверъ къ с. Найбучи на соединеніе съ первоначально находившейся тамъ дружиной капитана Быкова.

Съ цѣлью войти съ нимъ въ связь, Гротто-Слѣпиковскій выслалъ развѣдку и сталъ готовиться къ походу. Но черезъ 3 дня японцы уже вновь неожиданно появились передъ укрѣпленіемъ. На этотъ разъ ихъ было двѣ роты съ горной артиллеріей. Артиллерія стала осыпать укрѣпленіе шрапнелью и гранатами, и пѣхота повела энергичную атаку съ трехъ сторонъ (съ четвертой было озеро).

Кругомъ глухая, безлюдная, дикая тайга... Патроны на исходѣ... Гарнизонъ —горсть истомленныхъ боями людей... Но личнымъ примѣромъ Гротто-Слѣпиковскій воодушевляетъ своихъ каторжниковъ. Его высокая, худощавая фигура появляется въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Обросшее русой бородой лицо дышетъ отвагой, голосъ звучитъ то словами одобренія, то команды.

Ряды его дружины рѣдѣютъ. Остается не болѣе половины.

Японцы совсѣмъ близко.

Громовое «банзай» и они бросаются въ штыки.

Въ это мгновеніе артиллерійскій снарядъ поражаетъ на смерть Гротто-Слѣпиковскаго и затѣмъ японцы врываются въ редутъ.

Оставшійся въ живыхъ прапорщикъ Горевскій съ остатками дружины захватывается въ плѣнъ.

X

Послѣ ряда скитаній по карантинамъ Хиросимы и разнымъ этапамъ, Роза оказалась въ общежитіи сестеръ милосердія небольшого японскаго городка Ундая, куда японскій транспортъ привезъ въ госпиталя раненыхъ съ Сахалина и гдѣ уже лежали многіе русскіе изъ Портъ-Артура, изъ Мукдена и моряки, послѣ Цусимскаго боя.

Обстановка комнаты, въ которую ее помѣстили была совсѣмъ особенная, — небольшая и низкая, она имѣла стекляныя рѣшетчатыя стѣны съ наклеенной на нихъ бумагой, вмѣсто дверей — драпри съ изображеніемъ какихъ-то странныхъ птицъ и растеній, вмѣсто стульевъ на полу лежали подушки.

Сестры отнеслись къ Розѣ съ нѣжнымъ вниманіемъ...

Она часами сидѣла въ маленькомъ садикѣ подъ пушистыми мимозами и подъ назойливую трескотню цикадъ прислушивалась къ рокоту морского прибоя, стараясь найти отвѣтъ на мучившіе ее вопросы: «гдѣ Саша и что съ нимъ?»

Но тихоокеанскія волны были нѣмы и не давали отвѣта!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Димитрій Сверчковъ.

ОБМѢНЪ ЧЛЕНСКИХЪ КАРТОЧЕКЪ.

Производится въ пріемные дни и часы въ канцеляріи Союза. Годовой членскій взносъ безъ измѣненія, 15 франковъ. Члены Союза, проживающіе внѣ Парижа, или по какимъ-либо причинамъ не могущіе перемѣнить членской карточки, могутъ посылать ихъ для замѣны почтой въ заказномъ письмѣ по адресу: Union des Officiers Russes, 35, rue de Sevrès, Paris (VI) со вложеніемъ членскаго взноса и надписаннаго конверта съ адресомъ и маркой для отвѣта. Въ простыхъ письмахъ ни денегъ, ни старыхъ карточекъ просятъ не посылать.

Члены Союза, просрочившіе свои членскіе взносы за прошлые годы, должны при перемѣнѣ членской карточки уплатить за старые годы. Въ случаѣ желанія разсрочить эти платежи, надлежитъ обратиться съ ходатайствомъ къ Предсѣдателю Союза.

Канцелярія Союза: Union des Officiers Russes A. C. 35, rue de Sevrès, Paris, (станція метро: Севръ Бабилонъ или Севръ) открыта: по воскресеньямъ отъ 2-хъ до 4-хъ час.; вторникамъ и пятницамъ отъ 4-хъ до 6-ти час. и средамъ отъ 6-ти до 8-ми час. При всѣхъ письменныхъ обращеніяхъ въ канцелярію слѣдуетъ указывать свой чинъ, фамилію, номеръ членской карточки, годъ ея выдачи и адресъ. Предсѣдатель Союза проситъ всю корреспонденцію адресовать на Канц. Союза; при желаніи сохранить конфиденціальность писать «въ собственныя руки Предсѣдателя Союза».

Принимается подписка на « Вѣстникъ »
Цѣна номера 2 франка, съ пересылкой 2 фр. 50 с.

Переписку по дѣламъ Редакціи и подписную плату надлежитъ направлять въ Правленіе Союза :
Union des Officiers Russes A. C., 35, rue de Sèvres, Paris (VI).

Le gérant : M. Boivent.

IMP. «PASCAL», 13, RUE PASCAL, PARIS.